Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Пушкарева Ирина Алексеевна

ДИСКУРС ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ» (НОВОКУЗНЕЦК) КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

10.02.01 − Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор Болотнова Нина Сергеевна

Томск − 2016

Оглавление

Введение …… 5

Глава 1. Аксиологическая специфика городской газеты как объект изучения в коммуникативной стилистике текста …….. 29

1.1. Понятия «ценность», «оценка», «ценностная картина мира»….. 29

1.2. Средства массовой информации в лингвоаксиологическом аспекте ...…….. 39

1.3. Городская газета «Кузнецкий рабочий» в региональном коммуникативном пространстве ...…… 51

1.3.1. Городская газета в аспекте типологии средств массовой информации. Из истории городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте истории сибирской периодической печати ...…… 51

1.3.2. Отражение мемориально-краеведческой функции регионального медиадискурса в городской газете ...……... 67

1.4. Ассоциативно-стилистический комплекс как единица анализа аксиологической специфики медиадискурса …… 79

1.4.1. Информационное пространство медиатекста …… 79

1.4.2. Методика выявления ассоциативно-стилистических комплексов ……..... 85

Выводы ……. 106

Глава 2. Ценностные категории *Правда / Истина* в региональном медиадискурсе: семантико-стилистический анализ ---------- 109

2.1. Семантические составляющие ценностных категорий *Правда / Истина* ……..... 110

2.2. Категории *Правда / Истина* в городской газете конца XX в. ….. 116

2.2.1. *Правда / Истина* в газетных материалах 1980-х гг. …… 116

2.2.2. *Правда / Истина* в газетных материалах 1990-х гг. …… 139

2.2.3. Специфика регулятивных средств и структур в газетных материалах конца XX в., отражающих ценностные категории

Правда / Истина ……... 161
2.3. Категории *Правда / Истина* в газетной публицистике XXI в. … 173
2.3.1. *Правда* в материалах городской газеты XXI в. ……... 173
2.3.2. *Истина* в материалах городской газеты XXI в. …….. 196
Выводы ……. 212
Глава 3. Гипертема города в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» …… 218
3.1. Рубрики городской газеты, отражающие специфику регионального медиадискурса ……... 218
3.2. Городской дневник как жанр регионального медиадискурса …. 226
3.3. Дискурсивно-стилистическая репрезентация идеологемы *город-сад* ……..... 248
3.3.1. Общая характеристика идеологемы *город-сад* …… 248
3.3.2. Городская газета об истоках образа города-сада …… 252
3.3.3. Ассоциативно-стилистический комплекс «город-сад» в характеристике современного Новокузнецка (1980-е –2000-е гг.) …….. 259
Выводы ……. 286
Глава 4. Краеведческие доминанты в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» …… 288
4.1. Дискурсивно-стилистическое воплощение темы «Новокузнецк металлургический» …….. 289
4.1.1. Динамика металлургической темы в поздравительных материалах городской газеты …….. 289
4.1.2. Ассоциативно-стилистический комплекс «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» (газета об истории города) …… 296
4.1.3. Ассоциативно-стилистический комплекс «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» (образ современного города) ……... 300

4.2. Дискурсивно-стилистическое воплощение темы «Достоевский в Кузнецке» ……. 321

4.2.1. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в. ……... 321

4.2.2. Семантико-стилистическое воплощение темы «Достоевский в Кузнецке» в материалах городской газеты начала XXI в. ……. 340

4.3. Дискурсивно-стилистическое воплощение темы «Судьба шорского народа» …… 354

4.3.1.Ассоциативно-стилистический комплекс «возрождение шорского народа» ……. 354

4.3.2. Шорская тема в газете XXI в. …… 374

Выводы …….. 382

Заключение …….. 387

Список литературы …… 399

Приложение А Список источников …… 445

Приложение Б Фотографии фрагментов креолизованных текстов ……. 488

Приложение В Материалы эксперимента …….. 492

Приложение Г Данные о частотности слов …… 501

Приложение Д Философские энциклопедические словари о понятии «ценность» ……. 506

Введение

В развитии современного речеведения важна связь категорий *стиля*, *текста* и *дискурса*, которая в функциональной стилистике XXI в. рассматривается как «неразрывная» [Баженова, Котюрова 2016, с. 38]. Использование в стилистических исследованиях дискурс-анализа позволяет усилить внимание к экстралингвистическим факторам общения, которые традиционно (в соответствии с основополагающими концепциями В.В. Виноградова, М.Н. Кожиной, Г.Я. Солганика) рассматриваются в единстве с лингвистическими стилеобразующими факторами. Необходимость изучения различных типов и разновидностей дискурса в рамках стилистики определяется взаимодействием трёх «кругов» её исследования, выделенных В.В. Виноградовым, при этом исследование дискурса соответствует задачам стилистики речи, которая должна быть построена «на основе анализа форм общественной языковой практики» [Виноградов 1981, с. 31].

Диссертационное исследование посвящено медиадискурсу конца XX – начала XXI в. и выполнено в рамках научного направления *коммуникативная стилистика* [Болотнова 1992, 1994, 1997, 1998а, 1998б, 1999, 2001, 2003 (СЭС), 2006, 2008, 2011а, 2011б, 2011в и др.; Пушкарева 1999; Карпенко 2000; Петрова 2000, 2002, 2015; Бабенко 2001; Курьянович 2001, 2013а, 2013б, 2013в; Веселовская 2002 и др.], занимающегося исследованием текстов различной жанрово-стилевой ориентации, включая медиатексты [Богомолова 2009, 2011; Тюкова 2009; Болотнова 2011, 2015; Орлова 2011, 2012; Карпенко 2012; Камнева 2012, 2013, 2014, 2015; Болотнов 2016; Каширин 2016 и др.].

Теоретической базой для изучения медиадискурса в работе являются *стилистические исследования русского языка* (В.В. Виноградова, Л.Р. Дускаевой, Н.И. Клушиной, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой, Г.Я. Солганика, Т.В. Чернышовой и др.),

работы в области дискурс-анализа (Н.Ф. Алефиренко, И.В. Анненковой, С.К. Гураль, Т. ван Дейка, Т.Г. Добросклонской, В.И. Карасика, М.Л. Макарова, Д. Матисона, Е.О. Менджерицкой, О.В. Орловой, П. Серио, М. Фуко и др.) и *медиалингвистики* (В.В. Васильевой, Т.Г. Добросклонской, Л.Р. Дускаевой, М.Ю. Казак, В.И. Конькова, Г.А. Копниной, Н.Н. Кошкаровой, И.П. Лысаковой, О.В. Орловой, А.В. Полонского, Т.В. Чернышовой, В.Е. Чернявской, Э.В. Шестаковой и др.).

Публицистический стиль (Г.Я. Солганик приводит синонимический ряд: «газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный» [СЭС, с. 312]) традиционно входит в сферу изучения функциональной стилистики как «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1981, с. 19] (Л.Г. Барлас, В.Н. Вакуров, А.Н. Васильева, В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь, О.Б. Сиротинина, Г.Я. Солганик, М.Е. Тикоцкий, А.Д. Швейцер и др.). В настоящем исследовании, наряду с традиционными терминами функциональной стилистики, используется термин «медиадискурс», который трактуется как «коммуникативная практика массово-информационного общества», выражающая «одну из важнейших потребностей социума – получение новой информации» [Карасик 2014, с. 218], и вводится в научный обиход современной стилистики в связи с применением дискурс-анализа к функционированию СМИ.

Роль СМИ в современном обществе определила необходимость применения дискурс-анализа, т.е. изучения медиатекста «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами», анализа его «в событийном аспекте: речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как

компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Н.Д. Арутюнова) [ЛЭС, с. 136–137]. Г.Я. Солганик определяет дискурс как «текст, взятый во взаимосвязи с живой жизнью, с социальными и психологическими характеристиками говорящих, с событийным контекстом» [Солганик 2006, с. 181]. Начало разработки дискурс-анализа газетного текста связано с трудами Т.А. ван Дейка (1985, 1988 и др.) [ван Дейк 2015а, 2015б].

Роль СМИ в конце XX – начале XXI в. осмысливается с точки зрения идеального и реального состояния речевой культуры масс-медиа. Исследователи рассматривают журналистику как «эмпирическую философию» [Халина 1999], подчёркивают роль СМИ в «формировании медиакартины мира в сознании массового адресата» [Анненкова 2011, с. 13]: «Современные СМИ не только являются ретрансляторами тех ценностей, которые уже сложились и давно существуют в обществе, но и формируют новую ценностно-оценочную парадигму в сознании массового адресата» [Там же, с. 15]. Подобные суждения встречаются и в других современных исследованиях, например: «СМИ формируют особую медийную аксиосферу – условную сферу массмедийной информации, которая представляет ценностные доминанты общества и осуществляет аксиологическое влияние на реципиентов» [Кузнецова 2012, с.137].

С точки зрения идеального состояния речевой культуры масс-медиа, публицистический стиль «выступает одним из объединителей нации, способствует воспитанию гражданских чувств человека, развитию его кругозора» [Купина 2013, с. 231–232]. Эта роль особенно важна в информационную эпоху, когда именно СМИ «готовы выполнить социальную миссию утверждения ценностных доминант, что может благоприятствовать консолидации общества» [Кузнецова 2012, с. 136]. Согласно утверждению В.И. Карасика, в наше время медиадискурс «в значительной мере превращается в ведущий фактор политической и культурной консолидации общества» [Карасик 2014, с. 218].

С другой стороны, учёными осознаётся проблема власти СМИ над социумом. Так, для Ж. Бодрийяра с масс-медиа непосредственно связана «потеря смысла» в современном мире, поскольку СМИ наполнены ирреферентными по своей природе симулякрами [Бодрийяр 2015]. Д. Матисон формулирует основную идею своей работы как «обеспокоенность властью институтов медиа, которую они обрели посредством способов использования в них языка» [Матисон 2013, с. 14]. Такой подход продолжает традиции исследований Т. ван Дейка, анализирующего особенности медиадискурса в связи с проблемой «дискурс и власть» [ван Дейк 2014, с. 76–77]. Как отмечает В.В. Никитаев, «в наше время настоящее событие, как правило, совершается не там, где нечто реально происходит, но в масс-медиа» [Никитаев 1998, с. 76]. Во многом благодаря СМИ «массовое общество намного легче поддаётся манипуляции, чем традиционное» [Горохова 2009, с. 46] (см. подробнее о манипулировании: [Данилова 2009; Копнина 2012]).

Анализ медиадискурса конца XX – начала XXI века представлен работами, выполненными в рамках стилистики, журналистики, лингводидактики, при этом объектом исследования является текст: употребляются термины «публицистический текст» [Матвеева 1990; Солганик 2005, 2006; Клушина 2008а, 2008б, 2011], «тексты СМИ» [Чернышова 2007, 2009; Демьянков 2011], «журналистские тексты» [Богуславская 2008, 2011; Ивченков 2014] и особенно часто – в начале XXI века – «медиатекст» («медиа-текст») [Солганик 2001; Сметанина 2002; Добросклонская 2005, 2009, 2010, 2012; Засурский 2008а; Чичерина 2008; Ленкова 2011; Кузьмина 2011; Кузнецова 2012; Марьянчик 2013; Ивченков 2014; Болотнова 2015]. В.Г. Костомаров, не признавая «объяснительную силу» термина «дискурс», делает акцент на тексте как главном объекте современной стилистики[1], в частности на массово-коммуникативных текстах,

[1] Подобного подхода придерживается и А.И. Горшков [Горшков 2001, с. 66–67].

или текстах масс-медиа, массмедийных текстах [Костомаров 2005, с. 179] (ср.: «медиальный текст» [Полонский 2016]).

Т.Г. Добросклонская, разработавшая концепцию медиатекста как базовой категории медиалингвистики [Добросклонская 2000], характеризует медиатекст как «объёмное многоуровневое явление»; при его анализе необходима «устойчивая система параметров, которая позволяет дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков» [Добросклонская 2012, с. 31]. Г.Я. Солганик обосновывает необходимость термина «медиатекст» и называет разновидности медиатекста: «специфика медиатекстов настолько существенна, что их следует выделить как особую разновидность текстов (наряду с художественными, научными, разговорными и т.п.), которая составит специальную область изучения (медиалогию)»; «Медиатексты подразделяются на радио-, телевизионные, газетно-публицистические тексты, обладающие определёнными особенностями и требующие дифференцирующего изучения. Однако они объединяются и общими чертами, обусловленными принадлежностью всех этих видов медиатекстов к массовой информации» [Солганик 2006, с. 187]. Примем за основу определение понятия «медиатекст», данное Г.Я. Солгаником: «Медиатекст – разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и её субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразие проявлений авторского *я*), рассчитанная на массовую аудиторию» [Солганик 2006, с. 187].

Рассматривая гумбольдтианские традиции анализа языка, З.И. Резанова пишет о естественности выделения в качестве объекта исследования дискурсивных сфер репрезентации языковой картины мира, при этом автором органично используется понятие дискурсивной картины мира – «части языковой картины мира, воплощённой в тексте, текстах,

порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» [Резанова 2011, с. 26]. Новые возможности для изучения медиадискурса предоставляет *аксиологическая лингвистика*, изучающая отражение ценностной картины мира в языке. Истоки аксиологической лингвистики в отечественном языкознании связаны с логическим анализом языка Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1984, 1988, 1995, 1999, 2004 и др.] и теорией функциональной семантики оценки Е.М. Вольф [Вольф 1985]. По словам В.И. Карасика, в отличие от системно-структурного языкознания, «антропологическая лингвистика допускает иное членение своего предмета изучения – возникают новые области лингвистического знания на стыках наук: психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. Поскольку ценности (высшие ориентиры поведения) представляют собой концентрат культуры, возможно выделение раздела лингвокультурологии – лингвокультурологической теории ценностей, или аксиологической лингвистики» [Карасик 2009, с. 13]. С.Г. Воркачев характеризует понятие духовной ценности как ключевое в «современном культурологическом и лингвокультурологическом подходе к концепту», подчёркивая, что «проблема ценностей, как правило, всегда возникала в эпохи обесценивания культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества» [Воркачев 2004, с. 17].

Согласно подходу И.В. Анненковой, риторическая модальность медиатекстов связана с «философской парадигмой “общих модальностей человеческого духа”, таких как эстетическая, этическая и собственно познавательная» [Анненкова 2011, с. 17]. Медиадискурс отражает динамические процессы ценностной картины мира россиянина, вызванные в конце XX – начале XXI в. общественно-политическими изменениями эпохи перестройки и послеперестроечного времени. В частности, газетный язык является «индикатором изменений в общественном, групповом и индивидуальном сознании» [Корнеева 2001]. Теоретической базой исследования отражённой в медиадискурсе динамики ценностной картины

мира являются *лингвистические работы об аксиологическом изучении языка и речи* [Арутюнова 1984, 1988, 1995, 1999, 2004; Вольф 2002; Ерофеева 2010; Карасик 2004, 2009, 2014а; Кузнецова 2010, 2012а, 2012б; Марьянчик 2013; Мишанкина, Резанова 2005; Резанова 2011; Черникова 2008 и др.], *о ценностных категориях Правда / Истина* [Агиенко 2006; Булыгина, Шмелев 1995; Арутюнова 1995, 1999, 2004; Вежбицка 2005; Гак 1995; Маслова 2007; Степанов 2004; Шатуновский 1991; Шейгал 2004; Шмелев 1995 и др.], *философские труды о категории ценности* [Баева 2004; Каган 1985, 1997; Леонтьев 1996; Столович 1994; Шохин 2006 и др.], *философские и социологические исследования об изменениях в ценностных ориентациях россиян в конце XX – начале XXI вв.* [Андреенкова 1994; Бойков 2001; Гусейнов 1989; Лапин 1993, 1994, 2006, 2010; Огородников 2008; Федотова 1987, 2005 и др.].

В диссертационном исследовании реализован аксиологический подход к анализу *регионального медиадискурса*. Концепт «Россия» «как ключевой концепт массмедийного дискурса даёт востребованные знания не только о “лингвистическом статусе” современности, но и о характере духовно-нравственной самоидентификации российского общества и осознания им своей цивилизационной идентичности» [Абрамова 2012, с. 3]. Неотъемлемой частью концепта «Родина» является понятие «малой родины», что приобретает особую значимость в связи с географической спецификой России. По словам Д.С. Лихачёва, «краеведение – прекрасная школа воспитания гражданственности», «теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах» [Лихачев 1991, с. 228–229]. Край в соответствии с традициями отечественного краеведения рассматривается как «носитель аксиологического ядра», «способ существования смыслонесущей доминанты российского социума – Родина» [Киселев 2013, с. 252]. «В последние два десятилетия в России наблюдается очередной рост интереса к истории краёв и областей, больших и малых городов, при этом активно идёт переосмысление прошлого, поиск

собственной региональной идентичности» [Гуркин 2006, с. 3]. Теоретической базой изучения регионального медиадискурса в исследовании являются *работы по типологии СМИ и истории сибирской журналистики*, помогающие определить место городской газеты в социокультурном пространстве [Андреев 2007; Борин 2006, 2010; Воронова 2007; Жилякова 2009, 2011а, 2011б; Лизунова 2007; Любимов 1985, 2007; Шкондин 2007 и др.], *краеведческие и социологические труды о региональной идентичности* [Бандаков 2005; Басалаева (Рещикова) 2006, 2011; Дорофеев 2012; Дроздова 2006; Киселев 2011; Полосин 2011 и др.], *исследования, раскрывающие понятие «мемориальная функция»*, связанное с характеристикой не только деятельности музея и библиотеки, но и коммуникативной сущности текста [Викулова 2008; Тикунова 2006; Швецова-Водка 2009 и др.].

Осмысление региональной идентичности является важным аксиологическим признаком регионального медиадискурса, нуждающимся не только в социологическом исследовании (например, [Бандаков 2005; Дроздова 2006; Полосин 2011]), но и в филологическом изучении. Вопросам истории, типологии, динамики региональных СМИ посвящены работы в области журналистики [Виннийчук 2008; Воронова 2007; Гольдфарб 2002; Жилякова 2009, 2011а, 2011б; Кажикин 2004; Паленков 2010 и др.]. Положено начало исследованию лингвистических аспектов регионального медиадискурса. Так, уделяется внимание особенностям рецепции региональных СМИ [Чернышова 2005, 2007, 2009], рассматривается вопрос об аспектах изучения регионального радиодискурса [Нестерова 2006], анализируется психолингвистический аспект дискурса региональных СМИ [Черепанова 2007], изучаются регионально маркированные медиаконцепты [Орлова 2012], выявляются медиадискурсивные механизмы моделирования городского публицистического текста [Костяшина 2012], характеризуются стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах [Печетова 2012]. Своеобразие «малой прессы» стало предметом размышлений участников IV Международной научной

конференции «Стилистика сегодня и завтра» (МГУ, 28–30 апреля 2016 г.) [Купина 2016; Чепкина 2016]. Однако до сих пор не осуществлено системное лингвоаксиологическое описание регионального медиадискурса на основе семантико-стилистического анализа региональных медиатекстов.

Выбор городской газеты как материала для исследования регионального медиадискурса связан с важной ролью данного типа СМИ в системе периодической печати: «городские издания представляют самую многочисленную группу газетной продукции, выходящей сегодня в России, – примерно треть по наименованиям и около 40 % по разовым тиражам», «средний их разовый тираж – около 30 тыс. экз.» [Воронова 2007, с. 61].

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена следующими факторами:

1) перспективностью взаимодействия подходов функциональной стилистики, дискурс-анализа и аксиологической лингвистики;

2) значимостью изучения медиадискурса с точки зрения отражения в нём динамики ценностной картины мира, в том числе процессов, связанных с общественно-политическими изменениями эпохи перестройки и послеперестроечного времени;

3) продуктивностью применения подходов и методов коммуникативной стилистики текста к исследованию медиадискурса;

4) необходимостью комплексного осмысления регионального медиадискурса на основе семантико-стилистического анализа городской газеты, фокусирующей его основные особенности и позволяющей проследить динамику ценностной картины мира социума на основе опубликованных в ней материалов.

Объект исследования – языковая репрезентация ценностной картины мира в региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века.

Предмет исследования – семантико-стилистические особенности отражения ценностной картины мира в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» 1980–2014 гг.

Обращение к периоду 1980–2014 гг. связано со значимыми изменениями в духовной жизни общества, обусловленными как процессом перестройки, так и трансформациями ценностной системы современного человека.

Проблему духовной трансформации человека XX в. рассматривают Х. Арендт, Н.А. Бердяев, К. Мангейм, Ортега-и-Гассет, Х.Э. Фромм, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер, А.Ю. Цофнас, К. Ясперс и др. Новое изменение ценностной системы человека связано с постиндустриальной стадией развития цивилизации, начавшейся на Западе с 60-х гг. XX в.: по мнению У. Бека, С. Лэша и Дж. Юрри, на Западе в последней трети XX века «начинается эпоха второй рефлексивной современности»; формируется «информационное общество» [Дождикова 2013; Терещенко 2013; Федотова 2005 и др.]. Изменение ценностных ориентаций россиян связано как с процессами, проходящими в мировом культурном пространстве, так и с общественно-политическими изменениями в стране, порождёнными перестройкой.

Период перестройки рассматривается социологами как период кризиса в системе ценностных ориентаций. Для первых лет перестройки характерна ориентация на социалистическую гиперномию [Яновский 1986; Леонтьев 1996], которая постепенно сменяется аксиологической плюрализацией [Лапин 1993]. Дестабилизационная стадия кризиса, согласно социологическим исследованиям, длится до 1990 года, характеризуемого как переломный [Лапин 1993, 1994]. В переломный 1990 г. в контексте обсуждения проблемы «Перестройка и нравственность» «самостоянье человека» определяется как «самостоянье общечеловеческое» (В.С. Библер). Разрешающая стадия перестроечного кризиса связывается с событиями августа 1991 г. [Лапин 1993].

90-е годы XX в. оцениваются как сложный период поиска обществом аксиологических координат. В частности, социологи ставят вопрос о «духовной безопасности России» [Яновский 1995]. К середине 1990-х гг. высказываются предположения о том, что российское общество находится на

середине (или даже во второй половине) пути к современной (модернистской) системе ценностей [Лапин 1994]. Пройдя в 1996 г. одну из нижних точек кризиса, российское общество к концу 1990-х гг. вступило в фазу «определённого “отката” к традиционным ценностным основаниям в многомерном нелинейном ценностном пространстве» [Рассадина 2006, с. 101].

Начало XX в. также характеризуется сложными и противоречивыми процессами в аксиосфере, вплоть до «симптомов моральной деградации» [Юркевич 2009]. В современной России «процессы культурной динамики идут в направлении дифференциации и плюрализации нормативно-ценностных систем» (данные исследования Н.Е. Тихоновой приводятся по: [Мареева 2013, с. 120]). Однако и в 90-е гг. XX в., и в начале XXI в. существует интегрирующее ядро ценностной системы россиян, в которое «устойчиво входят две терминальные ценности: семья и порядок» [Лапин 2010]. Отметим большое внимание социологов к динамике ценностей россиян в конце XX – начале XXI в.: анализируются как ценностные ориентации общества в целом (В.Э. Бойков, Л.Г. Бызов, А.А. Возьмитель и Г.И. Осадчая, Н.И. Лапин, О.А. Митрошенков др.), так и ценностные предпочтения различных групп населения страны (по сфере деятельности, возрасту, региону проживания), ценностные доминанты определённых хронологических отрезков, типы ценностей (С.Ю. Абрамова, Г.П. Бессокирная, А.С. Запесоцкий, А.С Константинов, В.Д. Патрушев, В.Е. Семенов, Ю.Р. Хайруллина и др.).

Изучение динамики ценностной картины мира в региональном медиадискурсе предполагает обращение к его аксиологически значимым надрегиональным и региональным составляющим. Как аксиологически значимые надрегиональные составляющие в исследовании рассмотрены ценностные категории *Правда* и *Истина*. Употребление в работе гиперонима «ценностная категория» призвано подчеркнуть междисциплинарный характер и аксиологический аспект исследования концептов «Правда» и

«Истина», а именно внимание к оценочной и регулятивной зонам их интерпретационного поля [Попова, Стернин 2010, с. 111–112].

В связи с функциональной природой СМИ концепт «Правда» занимает в них важнейшее место: содержание данного концепта полностью соответствует коммуникативному назначению газетно-публицистического текста, стремящегося не только передать достоверную информацию, но и сформировать социальную оценку. Первое положение Декларации принципов поведения журналиста гласит: «Уважение правды и права общества знать правду – первоочередной долг журналиста» [URL: http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/754- (дата обращения: 31.07.2016)]. Не случайно многие гемеронимы включают компонент *правда* (здесь и далее в работе ономастическая терминология употребляется в соответствии со словарём: [Подольская 1988]). Слово *правда* в русском языке «обладает высокой частотностью» [Арутюнова 1999, с. 636] и является в газетной публицистике самым частотным среди лексических репрезентантов Триады великих ценностей – *правда*, *истина*, *добро*, *благо*, *красота* [Ляшевская, Шаров 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм (дата обращения: 05.01.2016)]. *Имя концепта «Правда» в медиадискурсе является индикатором ценностной ориентации общества.* Традиционно концепт «Правда» рассматривается в сопряжённости с другим ключевым концептом культуры – «Истина» (М.И. Агиенко, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев и др.). Представляется целесообразным сохранить традицию соотнесения двух концептов (в работе – семантико-стилистических особенностей ценностных категорий *Правда* и *Истина*) при исследовании динамических процессов, отражённых в региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI в. Методология дискурс-анализа М. Фуко, учитывающая связь речи, действительности и познания [Фуко 2004, 2008], также позволяет утверждать, что изучение ценностных категорий *Правда* и *Истина* является

обоснованным и необходимым для выявления специфики медиадискурса. Так, в соответствии с данным подходом Э.В. Чепкина и Л.В. Енина рассматривают «практику конструирования истины» первой среди «ключевых практик журналистского дискурса» [Чепкина, Енина 2012, с. 295–300].

Аксиологически значимые региональные составляющие, представленные в городской газете, характеризуются в диссертационном исследовании с помощью понятий «гипертема издания» и «краеведческие доминанты». Согласно концепции тематических прогрессий Ф. Данеша, гипертема – «основная тема текста (фрагмента текста)», которая «может быть эксплицитно названа говорящим, но также может быть сформулирована на основе частных описаний» (см. об этом.: [Филиппов 2003, с. 163]). Специфика информационного пространства медиатекста определяет важную роль гипертем, обладающих межтекстовым статусом. *Тема региона является ведущей гипертемой регионального издания, имеющей межтекстовый статус. В городской газете ведущая гипертема с межтекстовым статусом – это тема города*. В краеведческой концепции И.М. Гревса изучение города осмыслено как этап «родиноведения» (см. об этом: [Лихачев 1991, с. 142]). *Краеведческие доминанты – это формирующиеся в региональном медиадискурсе и связанные с осознанием и выражением региональной идентичности темы, которые воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов*.

Целью работы является выявление динамики семантико-стилистических особенностей репрезентации аксиологической специфики в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в.

Задачи исследования:

1. Определение функциональной природы регионального медиадискурса, обусловливающей его лингвоаксиологическое своеобразие.

2. Характеристика коммуникативных принципов, отражающих специфику регионального медиадискурса как особой разновидности медиадискурса.

3. Описание динамики надрегиональной составляющей аксиосферы регионального медиадискурса на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (1980–2013 гг.).

4. Семантико-стилистический анализ динамики ведущей гипертемы городской газеты «Кузнецкий рабочий» (1980–2014 гг.).

5. Семантико-стилистический анализ динамики краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» (1980–2014 гг.).

Научная гипотеза исследования состоит в том, что в семантико-стилистических особенностях регионального медиадискурса отражаются две составляющие ценностной картины мира: с одной стороны, надрегиональная составляющая, в основе которой лежит ценностная категория *Правда*, с другой стороны, собственно региональная составляющая, связанная с ведущей гипертемой и краеведческими доминантами регионального издания. Двунаправленное дискурсивно-стилистическое исследование региональных СМИ позволяет выявить динамику ценностной картины мира россиян.

Материалом исследования являются более 2500 текстов городской газеты «Кузнецкий рабочий» 1980–2014 гг. Газета издаётся с 1930 г. и позволяет судить о динамике ценностной картины мира на протяжении различных периодов в истории России. На официальном сайте городской газеты приводится следующая информация: «Ордена “Знак Почёта” газета “Кузнецкий рабочий” в течение восьми десятилетий занимает лидирующее положение среди периодических изданий сибирского региона по популярности, значимости, тиражу. И в советское время, и в новейшей истории “Кузнецкий рабочий” был и остается одним из ведущих средств массовой информации» [URL: http://www.kuzrab.ru/about/ (дата обращения: 08.12.2015)]. Согласно данным, приводимым на официальном сайте городской газеты «Кузнецкий рабочий», её средний тираж – около 40 тыс.

экз. (тогда как средний тираж городских газет по стране – около 30 тыс. экз.); в декабре 2007 г. «Кузнецкий рабочий» в пятый раз получил приз Национальной тиражной службы «Тираж – рекорд года», в 2016 г. стал обладателем знака «Золотой фонд прессы – 2016» (наряду с 30 другими газетами и журналами России) [Там же]. По данным информационно-аналитической системы «Медиалогия» за 2011–2015 гг., «Кузнецкий рабочий» занимает лидирующие позиции среди самых цитируемых изданий Кемеровской области: возглавляет рейтинг СМИ в 2011 и 2014 гг., возглавляет рейтинг газет в 2013 г. (третья позиция – после интернет-изданий Gazeta.a42.ru и NK-TV) и в 2015 г. (третья позиция – после интернет-изданий Vse 42.ru и Sibdepo.ru); только в 2012 г. «Кузнецкий рабочий» уступает областной газете «Кузбасс» и информационному агентству «Город новостей» [URL: http://www.mlg.ru/ (дата обращения: 08.12.2015)]. Достойное положение «Кузнецкого рабочего» в медиапространстве связано с хорошей журналистской школой, с традициями издания, на протяжении многих десятилетий являющегося городской газетой крупного металлургического центра (*стального сердца Сибири*) и одновременно центра юга Кузбасса (*южной столицы Кузбасса*), которое отстояло в 1990 г. статус *независимой городской газеты* и сохранило его до настоящего времени. Таким образом, «Кузнецкий рабочий» выбран в качестве материала исследования как эталон городской газеты, который даёт возможность изучить важные особенности регионального медиадискурса в аксиологическом аспекте.

Основной критерий отбора текстов для анализа – употребление в них ключевых слов, позволяющих определить аксиологический профиль материалов (понятие «аксиологический профиль», разрабатываемое в различных отраслях знаний[2], употреблено в соответствии с концепцией О.В. Орловой [Орлова 2012а, 2012б, 2012в]). Во-первых, были выявлены тексты с репрезентантами концептов «Правда» и «Истина»: среди

[2] См.: Есина 2010; Клишина 2013; Сулакшин, Багдасарян: URL: http://rusrand.ru/analytics/osobennosti-rossijskoj-tsivilizatsii (дата обращения: 26.05.2016) и др.

публикаций 2010–2013 гг., размещённых на официальном сайте газеты, проведена сплошная выборка текстов, содержащих имена существительные *правда* и *истина*; среди текстов 1980–2001 гг., не представленных в электронном варианте, проводилась сплошная выборка по заголовкам и частичная выборка с учётом тематики материала (учитывались контексты с именами существительными *правда*, *истина*, *ложь*, их дериватами и другими лексическими репрезентантами семантики правды / лжи).

Во-вторых, были выявлены тексты с ключевыми словами, эксплицирующими ведущую гипертему и краеведческие доминанты издания. В ходе анализа динамики гипертемы города в аксиологическом аспекте рассмотрены семантико-стилистические особенности идеологемы *город-сад* (сплошной выборке подверглись тексты 1980–2014 гг., содержащие данный метафорический образ или отсылку к стихотворению В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»). Исследование динамики краеведческих доминант основано на сплошной выборке текстов 1980–2014 гг., связанных с темами «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», «Судьба шорского народа»; материалы, представляющие тему «Новокузнецк металлургический», подвергались сплошной выборке по заголовкам публикаций 1980–2014 гг.

Методика исследования носит комплексный характер. Основным методом является *функционально-стилистический анализ*, поскольку его главная цель – «выявление того, какими языковыми и речевыми средствами реализуются основные функции речевых разновидностей <…>, как экстралингвистическая основа стилей влияет на формирование речевой организации, речевой системности стилей» [Данилевская 2003 (СЭС), с. 223]. В соответствии с выбором медиадискурса как объекта исследования важен *дискурсный анализ*, который используется в комплексных исследованиях функциональной стилистики для углублённого изучения «экстралингвистических основ коммуникации конкретной речевой сферы» [Там же, с. 226]. Предмет исследования определяет значимость

концептуального анализа, который осуществляется во взаимодействии с *семантико-стилистическим* и *сопоставительно-стилистическим анализом* газетно-публицистических текстов, репрезентирующих оценочную и регулятивную зоны интерпретационного поля концепта [Попова, Стернин 2010, с. 111–112], в синхронном и диахроническом сопоставлении. Вспомогательную роль в исследовании играет *количественный анализ*.

Сопоставление экстралингвистических факторов, определяющих выбор и использование стилистических средств и приёмов, опирается на выявленные благодаря дискурсивному погружению в закономерности исторического процесса этапы трансформации СМИ и охарактеризованные социологами особенности ценностных трансформаций российского общества (были предприняты сплошная выборка и реферирование статей о ценностных ориентациях, опубликованных в журнале «Социологические исследования» за рассматриваемый период).

Анализ надрегиональной и региональной составляющих аксиологической специфики городской газеты основан на *хронологическом принципе*: последовательно рассмотрены материалы 1980 – марта 1985 гг., апреля 1985 – января 1987 гг., февраля 1987 – 1988 гг., 1989–1990 гг., 1991 г., первой и второй половины 90-х гг. XX в. и начала XXI в. Этапы перестройки выделены с опорой на концепцию В.В. Согрина [Согрин 1992]: время с 1985 г. по январь 1987 г. проходит под лозунгом «больше социализма», лозунг второго этапа – 1987–1988 гг. – «больше демократии», «третий этап, охватывающий 1989–1990 гг., стал периодом размежеваний и расколов в лагере перестройки; наконец, четвёртый этап, совпавший с 1991 г., ознаменовался резким изменением соотношения сил в пользу радикально-реформаторских группировок, приходом их к власти и началом соединения идейно-политической революции с радикальными социально-экономическими преобразованиями» [Согрин 1992, с. 133]. Дифференциация материалов 1990-х гг. и XXI в. основана на сформировавшейся в журналистике концепции пяти этапов трансформации системы

отечественных масс-медиа на рубеже XX–XXI вв.: 1970–1985, 1986–1990, 1991–1995, 1996–2000, 2000 – наше время [Засурский 2008, с. 117–120].

Дискурсивный анализ текстов городской газеты связан с необходимостью исследования специфики отношения горожан к местным СМИ и особенностей отражения в сознании новокузнечан образа города. Для достижения данных целей были проведены *анкетирование* и свободный *ассоциативный эксперимент*.

С опорой на концепцию и методы коммуникативной стилистики текста разработана *методика выявления ассоциативно-стилистических комплексов*, которая учитывает специфику информационного пространства медиатекста и его регулятивности, т.е. «способности текста “управлять” интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора» [Болотнова 2008, с. 165]. *Ассоциативно-стилистический комплекс* рассмотрен в исследовании как *единица анализа медиатекста, представляющая собой совокупность текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм, которые соотносятся с определёнными именами собственными, актуализируются с помощью стилистических приёмов и участвуют в репрезентации в медиадискурсе ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.* Методологическая основа выявления смысловых лексических парадигм разработана Н.С. Болотновой [Болотнова 1992, 1994 и др.]. Тип контекстуальной семантической связи между компонентами смысловой лексической парадигмы определяется нами в соответствии с дифференциацией связи-вхождения и связи-расхождения в полевых структурах языка [Попова 1989]. Выявленные ассоциативно-стилистические комплексы, связанные с отражением в городской газете ценностных категорий *Правда / Истина*, ведущей гипертемы и краеведческих доминант, позволили комплексно охарактеризовать на основе рассмотренного материала семантико-стилистические аспекты динамики ценностной картины мира в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века.

Научная новизна исследования связана с комплексным дискурсивно-стилистическим анализом текстов городской газеты, с разработкой модели описания аксиосферы регионального медиадискурса, с созданием методики выявления ассоциативно-стилистических комплексов, позволяющей рассмотреть семантико-стилистические особенности отражения ценностной картины мира в медиатекстах. В ходе исследования выделены и обоснованы новые понятия, необходимые для описания особенностей регионального медиадискурса, в том числе его аксиологической специфики (*мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса, коммуникативные принципы регионального медиадискурса, краеведческое фокусирование, краеведческая доминанта, ассоциативно-стилистический комплекс*). Впервые в качестве материала семантико-стилистического анализа публикаций 1980–2014 гг. использована старейшая городская газета Новокузнецка «Кузнецкий рабочий», образец качественной прессы СССР и России, что позволило реализовать динамический подход к аксиологическому исследованию регионального медиадискурса

Теоретическая значимость исследования заключается, во-первых, в создании и обосновании в рамках функциональной стилистики и коммуникативной стилистики текста теоретических основ изучения дискурса городской газеты как особой разновидности регионального медиадискурса и важной составляющей национальной речевой культуры; во-вторых, в выдвижении и обосновании ряда теоретических понятий, отражающих новое представление о региональном медиадискурсе – о связи его лингвоаксиологической специфики с *мемориально-краеведческой-функцией*, которая определяет основные *коммуникативные принципы* исследуемой разновидности медиадискурса; в-третьих, в разработке методологии исследования регионального медиадискурса на основе интеграции достижений коммуникативной стилистики текста как одного из направлений современной функциональной стилистики с подходами дискурс-анализа и аксиологической лингвистики.

Практическая значимость состоит в создании комплексной методики семантико-стилистического анализа регионального медиадискурса в аксиологическом аспекте. Данная методика и полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении регионального медиадискурса, в вузовских курсах «Стилистика русского языка», «Филологический анализ текста», спецкурсах и спецсеминарах по стилистике текста, медиастилистике, аксиологической лингвистике, лингвистическому краеведению, а также в школьном курсе «Русский язык» и на факультативных занятиях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дискурс городской газеты представляет *особую разновидность регионального медиадискурса*, семантико-стилистическая специфика которой обусловлена комплексом экстралингвистических факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Лингвоаксиологическое своеобразие регионального медиадискурса основано на взаимодействии двух составляющих его аксиосферы – надрегиональной и собственно региональной.

2. Динамика надрегиональной составляющей ценностной картины мира, отражённой в региональном медиадискурсе, проявляется в особенностях экспликации ключевой для медиадискурса *ценностной категории Правда*, репрезентанты которой соотносятся с общественно-политическими процессами и духовными исканиями лингвокультурного сообщества конца XX – начала XXI века.

3. Собственно региональная составляющая ценностной картины мира, отражённой в региональном медиадискурсе, связана со специфической для него *мемориально-краеведческой функцией*, реализация которой сопряжена с действием трёх *коммуникативных принципов*: тесной связи со своим (местным) адресатом, «регионоцентризма» (в городской газете – «градоцентризма»), краеведческого фокусирования.

4. В региональном медиадискурсе при сохранении ключевой роли общественных идеалов повышается значимость такой формы существования ценностей, как *предметно воплощённые ценности*, имена которых (различных природных объектов, городских топосов, предметов материальной и духовной культуры) становятся маркерами региональной идентичности. Среди лексических репрезентантов предметно воплощённых ценностей важная роль принадлежит именам собственным, создающим в медиатекстах колорит ономастического пространства города и региона**.** В репрезентации предметно воплощённых ценностей в региональном медиадискурсе участвуют иконические элементы креолизованных текстов.

5. Мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса находит жанрово-стилистическое воплощение в *формировании специфических рубрик и жанров городской газеты*. Усиление краеведческих доминант в региональном медиадискурсе и логика жанрово-стилистических изменений, произошедших в российском медиадискурсе конца XX в., проявляются в формировании в городской газете «Кузнецкий рабочий» специфического жанра регионального медиадискурса – городского дневника.

6. Динамика собственно региональной составляющей аксиосферы отражается в семантико-стилистическом воплощении *ведущей гипертемы* (темы региона, города) и *краеведческих доминант* – тем, которые формируются в региональном медиадискурсе, связаны с осознанием и выражением региональной идентичности и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Ведущая гипертема и краеведческие доминанты регионального издания соотносятся как с культурными концептами («Родина», «Историческая память»), так и с идеологемами (т.е. концептами, которые актуализированы в масс-медиа и связаны с формированием социальной оценки текущего момента), в том числе с регионально маркированными идеологемами, отражающими специфику определённого региона и обладающими особой значимостью для регионального социума.

7. В реализации дискурсивно-стилистического подхода к региональному медиатексту значима методика выявления *ассоциативно-стилистических комплексов*, которая учитывает специфику информационного пространства медиатекста и его регулятивности и позволяет исследовать семантико-стилистические особенности воплощения надрегиональной и собственно региональной составляющих аксиосферы медиадискурса.

Степень достоверности результатов исследования определяется обращением к широкой методологической базе стилистических исследований русского языка, коммуникативной стилистики текста, исследований о роли масс-медиа в социальном конструировании реальности, лингвистических работ об аксиологическом изучении языка и речи, о ценностных категориях *Правда / Истина*, философских трудов о категории ценности, философских и социологических исследований об изменениях в ценностных ориентациях россиян в конце XX – начале XXI в., работ по типологии СМИ и истории сибирской журналистики, помогающих определить место городской газеты в социокультурном пространстве, краеведческих исследований и социологических работ о региональной идентичности, работ, раскрывающих понятие «мемориальная функция», филологических работ о проблеме региональной идентичности. Достоверность научных результатов подтверждается также значительным объемом проанализированного материала (исследование выполнено на материале более 2500 текстов, отобранных из картотеки, которая содержит более 7000 текстов различной тематики), использованием комплекса методов исследования с опорой на семантико-стилистический анализ, основной в стилистическом анализе текста, согласно концепции М.Н. Кожиной [Кожина 1983, с. 22].

Апробация материалов диссертационной работы проходила на I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 2006), Межрегиональной научно-практической конференции «Функциональный

анализ значимых единиц русского языка» (Новокузнецк, 2007), V Всероссийской научной конференции с международным участием «Текст и языковая личность» (Томск, 2007), II Всероссийской научно-практической конференции «Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы» (Новокузнецк, 2008), IX Всероссийском научном семинаре «Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах» (Томск, 2008), VI Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2010), Всероссийской научной конференции «XII Филологические чтения: Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Дискурс лжи и ложь как дискурс» (Новосибирск, 2011), VI Международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2011), II Международной заочной научно-методической конференции «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» (Волгоград, 2012), VII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2012), III Международной научно-методической конференции «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» (Волгоград, 2013), III Международной научно-практической конференции «Филология и культура в межрегиональном пространстве», посвящённой памяти профессора И.А. Воробьевой (Барнаул, 2013), VIII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2014), III Международной научной конференции «Русский язык в контексте национальной культуры» посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (Саранск, 2014), X Международной конференции «Ценности в литературе и искусстве» (Брно, Чешская Республика, 2014), VII Международном лингвистическом конгрессе «Язык и мир» (Ялта, 2015), IX Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2016), IV Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2016), I Международной научно-практической

конференции «Язык в координатах масс-медиа» (Варна, Болгария, 2016) и др. Материалы диссертации обсуждались на проблемной группе по стилистике текста и на кафедре современного русского языка и стилистики в Томском государственном педагогическом университете (2014, 2015, 2016). По теме диссертации опубликовано 42 работы, в том числе 16 статей в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, 2 монографии, 9 статей в сборниках научных трудов, 15 публикаций в материалах лингвистического конгресса, международных и всероссийских научно-методических и научно-практических конференций (из них 1 зарубежная конференция).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, пяти приложений. Библиография включает 443 наименования. Порядок следования глав соответствует логике анализа. В **первой главе** аксиологическая специфика городской газеты рассматривается как объект изучения коммуникативной стилистики текста. Во **второй главе** отражены результаты семантико-стилистического анализа ценностных категорий *Правда / Истина*, воплощённых в текстах городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века. **Третья глава** посвящена динамике гипертемы города в дискурсе городской газеты, **четвертая глава** – динамике краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века. В **приложении** представлены списки источников, фрагменты креолизованных текстов, материалы экспериментального исследования, данные о частотности слов, результаты сопоставительного анализа интерпретации категории ценности в философских словарях 1983, 1989 и 1998 гг.

Глава 1. Аксиологическая специфика городской газеты как объект изучения в коммуникативной стилистике текста

В главе с опорой на работы по лингвистике, философии, социологии, логике охарактеризована взаимосвязь базовых для аксиологического исследования медиадискурса понятий «ценность», «оценка», «ценностная картина мира»; представлены сложившиеся в лингвистике подходы к изучению СМИ в аксиологическом аспекте; акцентирована ключевая роль такой ценности, как *Правда*, в определении надрегиональной составляющей аксиологической специфики медиадискурса; охарактеризованы особенности городской газеты[3], связанные со своеобразием отражения ценностной картины мира в региональном медиадискурсе.

1.1. Понятия «ценность», «оценка», «ценностная картина мира»

Для характеристики аксиологической специфики регионального медиадискурса представляется необходимым определение таких понятий, как «ценность», «оценка», «ценностная картина мира».

В работах по истории аксиологии отмечено, что своеобразие феномена ценности впервые выявил в 60-х гг. XIX в. немецкий философ Г. Лотце в трактате «Основания практической философии» [Каган 1997, с. 13]. Г. Лотце понимал ценность «как обозначение достоинства духовного бытия человека, не охватываемого областью естественнонаучных знаний, а потому недоступной миру фактов и науки» [Баева 2004, с. 9]. В отечественной философии конца XX – начала XXI века представлен системный историко-аксиологический анализ феномена ценностей (см. [Каган 1997, с. 14–34; Баева 2004, с. 9–28; Шохин 2006 и др.]). Современные философы говорят о сложности в определении понятия «ценность» [Леонтьев 1996, с. 16; Абишева 2002, с. 140 и др.]. Обобщая различные подходы к данному

[3] В главе использован материал из работ автора: Пушкарева И.А. О регулятивной роли имён собственных в воплощении ключевого образа регионального медиатекста: образ города-сада в газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) // Сибир. филол. журнал. – 2015. – № 4. – С. 188–197.

понятию, В.А. Марьянчик, исследующая аксиологичность и оценочность политического медиатекста, обнаруживает два суждения о ценности, в которых сходятся большинство учёных: «1) ценности не ставятся под сомнение: ценности – не абстракция (фантазия), а “форма духовного мира”, “идеальные сущности”, 2) ценности недоступны непосредственному наблюдению, и для их объяснения необходимо прибегать к смежным явлениям» [Марьянчик 2013, с. 14]. Понятие ценности включается в пространство ряда интерпретационных оппозиций: «атрибут – объект или предмет, ценный сам по себе», «конкретные предметы – абстрактные сущности», «индивидуальное – надындивидуальное», «социологизация – онтологизация», «отображение в сознании – интегрированность в структуру личности (вне зависимости от осознания)», «эталон (чётко описанные нормы и стандарты) – идеал (общая направленность деятельности)» [Леонтьев 1996, с. 16–22][4]. Приведём обобщающее определение, которое опирается на работы по философии, социологии, логике (Л.В. Баевой, В.В. Васильева, Э. Дюркгейма, А.А. Ивина, М.С. Кагана, И.И. Кравченко, И.Ю. Куляскиной, Н.И. Лапина, С.И. Левиковой, В.Н. Тетерина, К.Е. Троицкого, В.К. Шохина и др.) и является основой для предпринятого исследования аксиосферы медиадискурса: **ценность** есть основанная на мировоззрении как системе жизнеопределяющих смыслов, осознанная человеком значимость различных явлений (конкретных и абстрактных, связанных с миром внешним и внутренним), формирующаяся во взаимодействии конвенционального и личностного подходов, возникшая как проявление свободы личностной ориентации (самосознания и мировоззрения) и выполняющая регулятивную функцию в жизнедеятельности человека и общества.

С понятием ценности тесно связано понятие оценки. Соотнесение данных понятий значимо для философии, логики, лингвистики. **Оценка** не является единственной формой ценностного знания и существует наряду с

[4] Результаты сопоставительного анализа данных о понятии «ценность» философских энциклопедических словарей, изданных в разные периоды истории нашей страны, представлен в Приложении 5.

такими формами, как идеалы и нормы [Кравец 2007, с. 10]. Исследователи подчёркивают роль субъективного фактора в оценке, хотя оценка «всегда опирается на учёт каких-либо имманентных свойств предмета, обуславливающих его полезность или бесполезность, благоприятность или неблагоприятность для нас» [Кравец 2007, с. 10]. Примем за основу философскую трактовку ценностного отношения как целостного, имеющего два «полюса» – ценность и оценка: «это отношение образуется особой формой связи объекта и субъекта, и потому несводимо ни к чистой объективности теологического типа, уводящей нас к Абсолютному, ни к “голой” субъективности психологического взгляда, порождающей абсолютную же релятивность ценностных суждений» [Каган 1997, с. 49]; «ценность есть значение объекта для субъекта – благо, добро, красота и т. п., а оценка есть эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения субъектом – переживание блага, приговор совести, суждение вкуса и т. д.» [Там же, с. 67]. Среди оценок есть не только ценностные, но и «оценки иного рода – познавательные и утилитарные» [Там же, с. 78]. Специфика ценностных оценок связана с обнаруженными И. Кантом свойствами суждений вкуса – незаинтересованностью (бескорыстностью) и иррациональностью (внепонятийностью) (см. об этом: [Каган 1997, с. 79]).

В логике под оценкой «обычно понимают суждение о ценности» [Вольф 2002, с. 6], а оператор «хорошо / плохо» трактуется как «аксиологический (оценочный)» [Там же, с. 8]. Н.Д. Арутюнова указывает на тесную связь логики оценок и логики норм: «Оценка стоит в преддверии выбора и решения, влекущих за собой переход к практическим действиям. Поэтому логика оценок <…> считается разделом теории практического рассуждения (Ивин 1970), а логика норм, имеющая своим предметом прескриптивные высказывания, занята установлением законов, которым подчиняется моральное, правовое и другие рассуждения, ведущие к установлению тех или иных систем правил (Ивин 1967, 1973)» [Арутюнова 1984, с. 5].

В лингвистических работах соотнесение понятий оценки и ценности важно при характеристике семантики оценки: «Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [Вольф 2002, с. 5–6]. Категории оценки рассматривается в связи с отражением в языке отношения человека к действительности. Об этом, в частности, размышляет Е.М. Вольф в монографии 1985 г., «во многом пионерской», по определению Н.Д. Арутюновой: «объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф 2002, с. 5]. Н.Д. Арутюнова характеризует ценности как «аксиологические концепты» [Арутюнова 1988, с. 57] и излагает своего рода философию оценки: «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращён мир. Её принцип: “Мир существует для человека, а не человек для мира”. В этом смысле она телеологична. Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого бытия. Она не может быть независима от человека, и если жизнь Человечества имеет цель, оценка явно или неявно подчинена этой цели» [Там же, с. 58–59].

Таким образом, оценочное значение является реляционным, поскольку употребление оценочных средств связано с выражением отношения к некоей идеализированной модели мира: оценка «применима ко всему, что устремлено к облагороженной модели малого и большого мира, к тому, что человек считает добром. Это высшее добро лингвистика определить не может» [Арутюнова 1988, с. 59]. Именно это «высшее добро» и есть ценность. Оценочные значения являются прагматическими и, по характеристике Н.Д. Арутюновой, противопоставляются дескриптивным значениям: «Если последние фиксируют отношение высказывания к действительному миру, то первые характеризуют отношение между

действительным миром и его идеализированной моделью» [Арутюнова 1988, с. 59]; ср.: «Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недискриптивную, т.е. модальную компоненту, причём первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» [Вольф 2002, с. 11]. Мелиоративная и пейоративная оценка передают соответствие или несоответствие реального положения идеализированной модели мира: «*хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [Арутюнова 1988, с. 59]. Оценка, выражая отношение между миром реальным и миром идеальным, передаёт разные модальности: отношения «устанавливаются через модусы желанного (желания) и должного, удовольствия и необходимости» [Там же, с. 59–60].

Н.Д. Арутюнова дифференцирует два типа оценочного значения – общеоценочное и частнооценочное: «Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с различными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный*, *превосходный*, *великолепный*, *отличный*, *замечательный*, *скверный*, *нехороший*, *дурной*, *поганый*, *худой* и др.)»; «эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог»; «вторая группа более обширна и разнообразна», «в неё входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения» [Арутюнова 1984, с. 12]. Классифицируя частнооценочные значения, исследователь учитывает «характер основания оценки, её мотивации» [Арутюнова 1988, с. 75]. Выделяются следующие разновидности частнооценочных значений: сенсорно-вкусовые, или гедонистические («наиболее индивидуализированный вид оценки»); психологические («в которых сделан

шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки»: интеллектуальные и эмоциональные); этические; утилитарные; нормативные; телеологические [Арутюнова 1988, с. 75–76].

Категория оценки отражена в лингвостилистических исследованиях, посвящённых языковым средствам экспликации «ценностного аспекта значения языковых выражений» [Баженова 2003 (СЭС), с. 139]. Так, Е.А. Баженова в статье о категории оценки рассматривает «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединённых оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Там же]. Т.В. Матвеева относит оценочность к полевым категориям текста, наряду с такими категориями, как тематическая определённость, тональность, темпоральность, локальность, акцентность, субъектная организация и др. [Матвеева 1990, с. 18]. Учитывая тесную связь эмоциональности и оценочности (раскрытую, например, Н.А. Лукьяновой: [Лукьянова 1986, с. 45–55]), исследователь всё же отграничивает оценочность от «эмоционально-экспрессивного содержания» и связывает её «исключительно с рациональной (интеллектуальной, понятийной, когнитивной) оценкой», которая «отражает авторское представление о положительном или отрицательном отношении к адресату речи на основе логической дихотомии “хорошо – плохо”» [Матвеева 1990, с. 28] (о причинах такого подхода: [Там же, с. 29]).

Лингвостилистические исследования отражают специфику коммуникативного содержания оценки и средств его выражения в различных функциональных стилях – разговорном, научном, официально-деловом, публицистическом, художественном [Матвеева 1990, с. 47–48; Баженова 2003 (СЭС) с. 141–146]. В.А. Марьянчик, систематизируя подходы к понятиям ценности и оценки в ходе исследования политического медиатекста, учитывает семь критериев различия ценностного и оценочного: «субъективность / объективность, отношение к объективной реальности, природа, объём, первичность / вторичность, функциональность,

коррелятивность» [Марьянчик 2013, с. 78–80]. Исследователи ценностной картины мира естественным образом обращаются к соотношению понятий «ценность» и «оценка», например: «<…> ценности – это некие духовные ориентиры человека (например, добро, истина, любовь), а оценка – это восприятие объекта или явления как соответствующего или несоответствующего нормам и идеалам. Ценность и оценка – понятия разного уровня, но при этом ценности лежат в основе оценок и через оценку проявляют себя» [Новикова 2009, с. 30].

Ценность – это содержательная основа для оценки, являющейся одной из форм выражения ценностного знания. Именно оценка (а не ценность) становится логической и лингвистической категорией, а ценность сохраняет свой статус категории междисциплинарной, прежде всего философской. Исследование ценностной картины мира, отражённой в дискурсе, предполагает ключевую роль категории ценности, тогда как система способов и средств выражения оценки рассматривается в плане экспликации духовных ориентиров личности и общества.

Согласно характеристике Н.Ф. Алефиренко, ценности лежат в основе ценностно-смыслового пространства языка [Алефиренко 2010, с. 7]. **Ценностная картина мира** является лингвистической и философской категорией [Андреева 2006]. Понятие ценностной картины мира, одно из ключевых в антропоцентрической лингвистической парадигме, сформировалось в лингвокультурологии, что явилось важным этапом в развитии такого научного направления, как аксиологическая лингвистика. Определяя ценностную картину мира как объект исследования аксиологической лингвистики, В.И. Карасик исходит из того, что «наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется ценностная картина мира в языке», модель которой может послужить для «комплексного осмысления ценностей в языке» [Карасик 2004, с. 141]. Исследователь формулирует базовые для изучения ценностной картины мира положения и видит материал для изучения этнокультурного и

социокультурного планов ценностной картины мира в этнографических, социологических, литературоведческих, лингвистических исследованиях [Карасик 2004, с. 141–142]. Таким образом, ценностная картина мира – это аспект языковой картины мира, связанный с отражением в языке системы ценностей. Ценностная картина мира связана с процессом концептуализации мира в языке и важна в механизмах жизнедеятельности человека. Говоря о роли понятия о ценности в механизмах человеческой жизнедеятельности, Н.Д. Арутюнова выделяет несколько его функций: «координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную)» [Арутюнова 1984, с. 23].

«Аксиологическая лингвистика направлена на изучение ценностной картины мира (как части картины мира), отраженной и конструируемой в содержании языковых единиц, ментальных образований (концептов) и ценностно маркированных динамических стереотипов поведения (скриптов, по А. Вежбицкой)» [Карасик 2009, с. 13]. Описывая методику изучения культурных доминант в языке, В.И. Карасик подчёркивает роль наблюдения и эксперимента, при этом в качестве источников материала для сплошной выборки лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов называются не только словари, сборники пословиц и афоризмов, тексты художественной литературы, но и газеты [Карасик 2006, с. 142].

Изучение ценностной картины мира связано с обнаружением и характеристикой этнокультурной и социокультурной специфики **концептов.** В.И. Карасик подчёркивает, что «выявление концептов, составляющих константы той или иной культуры, это, по сути дела, исследование бесконечности» [Там же, с. 146]. Концепт в настоящем исследовании рассматривается как «объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий культурно-обусловленные представления человека о мире “Действительность”» (Wierzbicka 1985, цит. по: [Болотнова 2008, с. 79]), «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в

ментальный мир человека» и «то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 2004, с. 43]. При изучении ценностной картины мира представляется особенно важным акцент, поставленный Ю.С. Степановым: «В отличие от понятий в собственном смысле термина <…>, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Там же].

В работе не ставилась цель полного описания концептов: внимание сосредоточено на интерпретационном поле концепта, которое является третьим «базовым структурным компонентом» [Попова, Стернин 2010, с. 106], существующим в структуре концепта наряду с образным компонентом и информационным содержанием: «Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [Там же, с. 110]. В ходе исследования на основе анализа газетных текстов рассматривались **оценочная и регулятивная зоны интерпретационного поля концепта**, поскольку именно с этими зонами связаны ценностные смыслы: оценочная зона «объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший / плохой), эстетическую (красивый / некрасивый), эмоциональную (приятный / неприятный), интеллектуальную (умный / глупый), нравственную (добрый / злой, законный / незаконный, справедливый / несправедливый и под.)»; регулятивная зона «объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо и что не надо дать в сфере, “покрываемой” концептом» [Там же, с. 111–112].

Филология обращается к аксиологическим аспектам исследования различных дискурсов. Так, аксиологический подход органичен при изучении языка художественных произведений, что связано с их эстетической природой (см. об этом: [Гинзбург 1979, с. 217; Каган 1997, с. 129; Кучуради

2000, с. 78; Казаков, 2012, с. 3 и др.]. В рамках аксиологической лингвистики рассматривается язык художественного произведения [Новикова 2009; Овчинникова 2008; Антипьев 2011; Ладыгин 2011 и др.]. Современная лингвистика при изучении ценностной картины мира обращается ко многим сферам функционирования языка, что позволяет осмыслить специфику различных типов культуры. Особое место в таком осмыслении принадлежит народной культуре, что определяет интерес лингвистов к отражению ценностной картины мира в фольклоре (например, [Тубалова, Эмер 2005]) и к аксиологической картине мира диалектоносителей (например, [Гынгазова 2009; Галимова 2014]). Исследователи подчёркивают диалектику взаимодействия общенародного и регионального в ценностной картине мира [Игнатович 2009, с. 76]. Лингвистическому исследованию подвергается отражение ценностной картины мира в неформальном коммуникативном взаимодействии (например: [Резанова, Мишанкина 2005; Гриценко 2013]). В связи с важной ролью СМИ в современном обществе создаются лингвоаксиологические работы о медиадискурсе. Так, Т.В. Кузнецова изучает ценностные доминанты в СМИ и аксиологические модели масс-медийной информации [Кузнецова 2010, 2012б]; И.В. Ерофеева рассматривает деятельность СМИ как один из наиболее существенных факторов формирования аксиологической картины мира современного человека [Ерофеева 2010]; Е.А. Костяшина исследует моделирование системы ценностей и создание стереотипных сценариев поведения в современных СМИ [Костяшина 2012]; В.А. Марьянчик характеризует функциональные семантико-стилистические категории аксиологичности и оценочности как центральные для медиа-политического дискурса [Марьянчик 2013]. Изучение ценностной картины мира органично в стилистическом исследовании медиадискурса.

Аксиологическая специфика регионального медиадискурса определяется взаимодействием двух составляющих – надрегиональной и собственно региональной. Это, на наш взгляд, базовое положение для

построения модели анализа воплощения ценностной картины мира в региональном медиадискурсе. Рассмотрим далее как сложившиеся в науке подходы к определению аксиологической специфики СМИ в целом, так и характерные для региональных изданий коммуникативные особенности, обусловливающие своеобразие отражения в них ценностной картины мира.

1.2. Средства массовой информации в лингвоаксиологическом аспекте

История изучения СМИ в аксиологическом аспекте связана с именами С. Коэна (1972), который исследовал «моральную панику» как «преувеличенную, усиленную средствами массовой коммуникации общественную реакцию на относительно малозначительные действия социальной девиации», С. Холла (1978), продолжившего вместе с группой британских социокультурологов изучение проблем моральной паники, К. Тестера (1994), пытавшегося выяснить, «как медиа транслируют моральные ценности и влияют на их содержание» (см. об этом: [Кузнецова 2012а, с. 137–138]). Аксиологическое исследование современных масс-медиа имеет характер **семиотико-культурологического анализа**, результаты которого позволяют говорить о специфике отношения бытия и сознания в современной культуре, определённой М. Хайдеггером: «бытие… упало до уровня ценности» (цит. по: [Никитаев 1998, с. 77]).

Трансляция системы ценностей в газетном тексте (и шире – медиатексте) связана с общественной функцией публицистического стиля, которую В.В. Виноградов характеризует как функцию воздействия, агитационно-коммуникативную функцию [Виноградов 1981, с. 21]. Содержательная многогранность газетных материалов позволяет им отражать и формировать ценности разных типов в их системных связях. «Публицистический стиль связан с широким спектром общественных занятий и интересов, практическими, политико-идеологическими и культурными отношениями, с узнаванием и осмыслением лиц и событий, формирующих облик сегодняшнего дня. <…> Автор публицистического

текста – это человек социальный, облечённый моральной ответственностью, действующий с позиций общественных интересов. В то же время это индивид, человек частный, он выступает от своего имени, опирается на свои взгляды и опыт» [Купина 2013, с. 231–232]. М.Н. Кожина и Л.Р. Дускаева связывают специфику аксиологической деятельности журналиста с выражением ценностной системы определённой социальной группы: «Несмотря на то что автор порою глубоко вникает в суть фактов, явлений, умело подбирает аргументы для обоснования своей позиции, он, даже провозгласив примат общечеловеческих ценностей, в конечном итоге воспроизводит оценки какой-то социальной группы. Такая особенность журналистского подхода к отражению действительности и проявляется в характере выражения оценочности» [Кожина, Дускаева 2012, с. 369].

Социальная оценочность в современной стилистике осмыслена как «одна из главных особенностей языка газеты (публицистики), нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации» [Солганик 2003 (СЭС), с. 313]. Т.В. Матвеева характеризует оценочную программу газетно-публицистического текста как ведущую: «Тот или иной факт интересует журналиста не сам по себе, а в аспекте социальных оценок. Во многих жанрах эти оценки даются как личностные авторские оценки, включающие в себя эмоциональную окрашенность» [Матвеева 1990, с. 84]; «Оценка предмета речи возводится в принцип создания публицистического текста» [Там же, с. 98]. Н.И. Клушина определяет оценочность как «интенциональную категорию публицистического текста и публицистического дискурса, с помощью которой адресант убеждает адресата в определенных заданных идеях» [Клушина 2008а, с. 39]. Т.Г. Добросклонская акцентирует внимание на роли категории оценки в информационно-аналитических текстах [Добросклонская 2010, с. 133–142]: «Для информационно-аналитического текста понятие оценки в его политико-идеологическом преломлении является основополагающим, стержневым» [Там же, с 133].

Современные исследования подтверждают важную роль СМИ в воздействии на ценностные ориентации общества и доказывают, что реализация принципа социальной оценочности в них изменилась под влиянием общественно-политических преобразований конца XX века. Например, в соответствии с данными А. Кавалерова (2001), «82 % респондентов указали, что наиболее мощно на их ориентации влияет не учебный процесс, а телевидение» (см. об этом: [Кузнецова 2012а, с. 138]). Т.В. Кузнецова делает вывод о том, что «медиа задают определённые аксиологические модели поведения, с которыми реципиенты соотносят свои моральные принципы, ценностные ориентиры и даже производят стереотипы мышления под влиянием транслируемых образцов» [Там же]. Система оценок, необходимая для всякого социума, прежде всего «находит своё выражение в публицистическом стиле, ибо именно здесь отправитель и получатель информации предстают как члены социума»; «Оценка, выраженная в языке газеты, позволяет проследить, какая система ценностей является оптимальной в определённый период времени» [Ашуркова 2011, с. 307]. Именно журналистский текст «выступает в качестве своеобразного барометра изменений жизни общества, оперативно отражает их» [Ивченков 2015, с. 197]. Современные СМИ воплощают изменение системы ценностей в сравнении с другими периодами развития общества. В целом в современных СМИ снижается степень выраженности социальной оценочности [Дускаева 2003 (СЭС), с. 667]. Изменения проявляются как в общей характеристике шкалы ценностей, так и в системе форм и способов выражения оценки.

Вслед за М.Н. Кожиной и Л.Р. Дускаевой, назовём основные признаки новой шкалы ценностей современного публицистического стиля: «Во-первых, происходит постепенная нейтрализация прежней резкой поляризации оценок (она сохраняется только в оппозиционных изданиях). Во-вторых, деление на “своё” и “чужое” осуществляется на основе более частных признаков (широкая или узкая социальная группа, общественная организация, идейные воззрения и т.д.), у каждого периодического издания

существует своя шкала оценок. Кроме того, в шкале ценностей возросло число оснований для их деления (различия оценок определяются теперь на основании разнообразных интересов: культурных, национальных, религиозных и др.). Таким образом, современная шкала ценностей, сложившаяся в газете, позволяет отразить многообразие социальных позиций, существующих сегодня в российском обществе» [Кожина, Дускаева 2012, с. 370].

Аксиологические основания оценки в современном медиадискурсе в сравнении с советскими СМИ усложняются. Если «оценка, вербализованная в публицистическом дискурсе советского времени, может быть квалифицирована как морально-этическая» [Ашуркова 2011, с. 307], переданная через императивную модальность [Дускаева 2003 (СЭС), с. 666], выраженная в декларативных, императивных, прескриптивных контекстах [Ашуркова 2011, с. 309–310], то «в условиях смены или отсутствия чётких идеологических и политических ориентиров трудно давать оценку непрерывным и часто непредсказуемым изменениям в общественной и политической жизни» [Дускаева 2003 (СЭС), с. 667]. Поскольку «у журналистов, да и у общества в целом, не сформировались ещё собственное мнение, собственная позиция по отношению к тому или иному явлению», «на помощь приходит спасительная ирония» [Там же], языковая игра.

Ирония и языковая игра являются характерным выражением поиска «постмодернистской самости» – по определению Д. Матисона, «многоуровневого и ироничного» процесса конструирования идентичности [Матисон 2013, с.100]. Причина зарождения ироничных позиций, по мнению Гергена, состоит в том, что «мы пребываем в состоянии непрерывного конструирования и преобразования; при этом мы осознаём существование альтернативных версий самости и можем играть с возможностью быть разными в разных контекстах» (цит. по: [Матисон 2013, с. 100]). Как важную черту современной публицистической картины мира Г.Я. Солганик отмечает

также «тревожные ноты в отношении к миру, скепсис, беспокойство за его судьбы» [Солганик 2008, с. 29].

С аксиологической точки зрения важны не только отражённые в медиадискурсе культурные концепты (см. анализ понятия: [Воркачев 2004, с. 10–52; Алефиренко 2010, с. 170–182]), но и специфические для него концепты – **идеологемы**, формирующиеся и транслируемые в медиадискурсе. Н.И. Клушина, обосновывая методологическую специфику коммуникативной стилистики публицистического текста, говорит о том, что «идеологема ложится в основу публицистического текста и организует все текстовое пространство» [Клушина 2008а, с. 35].

Понятие идеологемы, восходящее к трудам М.М. Бахтина, рассматривается в работах Г.Ч. Гусейнова, Н.И. Клушиной, Н.А. Купиной, Е.Г. Малышевой, Е.А. Нахимовой, О.В. Орловой, А.П. Чудинова и др. Лексикографический опыт описания лексических репрезентантов идеологем эпохи перестройки представлен в «Словаре перестройки» [Максимов 1992]. В 1993 г. Т.В. Шмелева разработала концепцию «ключевых слов текущего момента» [Шмелева 1993]. Т.В. Шмелева называет признаки «оказавшегося в центре всеобщего внимания» ключевого слова текущего момента: текстовые признаки (частотность использования в СМИ, в том числе в заголовках; «такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии»), лексические признаки (расширение возможностей метафорического употребления; модификация синонимических и антонимических отношений; частое использование в качестве онимов), грамматические признаки («появление новых производных, расширение их сферы употребления и семантики») [Шмелева 2009, с. 63]. По сути, исследователь говорит о медийной актуализации вербального прототипа, которая в концепции О.В. Орловой связана с формированием медиаконцепта [Орлова 2012б, с. 77], а в терминологии данного исследования – с формированием идеологемы.

Н.А. Купина связывает понятие идеологемы с феноменом тоталитарного языка и определяет идеологему как особый концепт – «вербально закреплённое идеологическое предписание» [Купина 1995, с. 13]. Позднее толкование идеологемы расширяется, выходя за рамки изучения тоталитарного языка. Так, А.П. Чудинов, понимая под идеологемой «слово, в значение которого входит идеологический компонент» [Чудинов 2012, с. 92], выделяет два типа идеологем – не только наименования, используемые сторонниками определённых политических взглядов, но и наименования, смысловое содержание которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов» [Там же, с. 92–93]. В соответствии с этим толкованием, идеологемы существуют не только в рамках тоталитарного языка.

Е.Г. Малышева делает акцент на мыслительной, когнитивной природе идеологемы: идеологема – «единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми знаками разных уровней, а также средствами других семиотических систем» [Малышева 2009, с. 34]. К базовым дискурсам, в которых репрезентируются идеологемы, исследователь относит идеологический, политический, информационно-массовый, публицистический [Там же, с. 35]. Динамика системы идеологем, согласно концепции Е.Г. Малышевой, обнаруживается в актуализации, деактуализации, реактуализации идеологем, в существовании идеологем-историзмов и новоидеологем (современных идеологем) [Там же, с. 37–39].

Важную роль в семантико-стилистическом описании динамики ценностной картины мира в региональном медиадискурсе играют работы О.В. Орловой [Орлова 2012а, 2012б, 2012в], которая дифференцирует понятия идеологемы и медиаконцепта. Определим особенности использования данных терминов в настоящем исследовании. Считаем, что возможно узкое и широкое толкование понятия «идеологема» и, разграничивая идеологему и медиаконцепт, О.В. Орлова представляет узкое

толкование понятия идеологемы, согласно которому идеологема соотносится с конструктивно-стилевыми векторами публицистичности, но не медийности [Орлова 2012б, с. 49]. Однако в работах XXI в. об идеологемах (Н.И. Клушиной, Е.Г. Малышевой, Е.А. Нахимовой, А.П. Чудинова и др.) развивается и широкое толкование понятия идеологемы, соответствующее духу изначальной трактовки М.М. Бахтина, к трудам которого возводится этот термин. Размышляя об эстетике словесного творчества, о слове в романе, М.М. Бахтин говорит об идеологеме как о личностно окрашенном слове, несущем печать «особой точки зрения на мир, претендующей на социальную значимость» [Бахтин 1975, с. 146]. В этом смысле роман создаёт «диалогизованное изображение идеологически полновесного слова» [Там же]. В соответствии с широким толкованием понятия идеологемы, термины «идеологема» и «медиаконцепт» являются синонимами. Разграничивая понятия идеологемы и медиадискурса, О.В. Орлова, на наш взгляд, дифференцировала прежде всего специфику советского и современного медиадискурса. Несомненно, советские идеологемы и идеологемы современного медиадискурса отличаются своими ментальными и стилистическими составляющими. Формирование этих отличий отражает динамику ценностной картины мира и представляет большой интерес для лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований.

Примем за основу толкование идеологемы, разработанное Н.И. Клушиной в рамках коммуникативной стилистики публицистического текста [Клушина 2008а, 2008б, 2011, 2014]. «С позиций коммуникативной стилистики идеологема – основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст. <…> Идеологема, включённая в коммуникативную ситуацию, получает дополнительные смыслы, встраивается в публицистическую картину мира, создаваемую средствами массовой коммуникации, и становится центральным понятием публицистического дискурса. Идеологема – это воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных

установок, которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определённую устойчивую идеологию, помогающую сплочению социума» [Клушина 2008а, с. 35]. Н.И. Клушина делает акцент на единстве двух составляющих идеологемы – ментальной и стилистической [Клушина 2014, с. 56]. То есть идеологема – это концепт, который актуализирован в масс-медиа и связан с формированием социальной оценки текущего момента.

А.П. Чудиновым введён параметр общеупотребительности / ограниченности сферы употребления в характеристике идеологем, которые дифференцируются исследователем в рамках политического дискурса с учётом различия политических взглядов [Чудинов 2012, с. 92–93]. Целесообразно, на наш взгляд, учитывать региональную маркированность как важный признак для характеристики идеологем по параметру общеупотребительности / ограниченности сферы употребления. Специфику регионального медиадискурса отражают регионально маркированные идеологемы. Так, продуктивность анализа регионально маркированных концептов подчёркнута О.В. Орловой: «Особый вариант семантического развития получают медиаконцепты в региональном медиадискурсе. Думается, что миромоделирующий потенциал регионально маркированных концептов приобретает в местных инфосферах особые спецификации <…>» [Орлова 2012в, с. 24].

Как отмечает О.В. Орлова, медиаконцепты обладают вербальным и культурным прототипом [Орлова 2012в, с. 14–15]. Идеологемы, актуализированные в региональном медиадискурсе, производны по отношению к идеологемам медиадискурса и к концептосфере в целом. Однако, будучи производными, они обогащают концептосферу медиадискурса. При этом наряду с регионально маркированными идеологемами в местных масс-медиа могут появляться идеологемы, приобретающие надрегиональный статус. Так, с культурным концептом исторической памяти связана родившаяся в Томске идеологема *Бессмертный полк* (инициаторами гражданской акции 9 мая 2012 г. стали томские

журналисты, которых поддержали жители города), постепенно вошедшая в национальный медиадискурс [URL: http://moypolk.ru/ (дата обращения: 08.09.2016)].

Аксиологическое исследование медиатекстов предполагает решение вопросов о типах ценностей, значимых в медиадискурсе. В философских, культурологических, социологических исследованиях определяются различные основания для классификации ценностей. Рассмотрим те аспекты морфологии аксиосферы, которые особенно значимы в исследовании медиадискурса: субъект, формы существования, место в иерархии (см. обзор 14 оснований для классификации ценностей: [Марьянчик 2013, с. 23–23]).

В соответствии с классификацией ценностей М.С. Кагана [Каган 1997, с. 88], в городской газете в качестве **субъекта ценностей** выступают конкретный человек (журналист и читатель в ипостасях человека частного и социального), целостный коллектив как небольшая контактная группа (редакция газеты, различные общества, организации), большая неконтактная социокультурная группа (горожане, россияне, современники).

Медиадискурс отражает различные **формы существования ценностей**: общественные идеалы, предметно воплощённые ценности и личностные ценности [Леонтьев 1996, с. 22–24]. Основной формой существования ценностей, представленных в медиадискурсе, являются общественные идеалы. Общественные идеалы – «исходная, первичная, основная форма существования ценностей», «выработанные общественным сознанием и присутствующие в нём обобщённые представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни» [Там же, с. 22]. Среди ценностей, существующих в форме общественных идеалов, исследователь выделяет «общечеловеческие, “вечные” ценности (истина, красота, справедливость)», «конкретно-исторические ценности больших социальных групп (равенство, демократия, державность)», «ценности малых референтных групп (успех, богатство, мастерство, самосовершенствование)» [Там же, с. 23]. Однако, как показало исследование, в региональном медиадискурсе повышается

значимость такой формы существования ценностей, как предметно воплощённые ценности, так как аксиологическая специфика регионального медиадискурса связана с особым вниманием к предметам материальной и духовной культуры, соотнесённым с концептом «Малая родина». В этом смысле региональный медиадискурс реализует «музейный» подход, запечатлевая духовно значимые для жителей города, региона объекты. Статус предметно воплощённых ценностей в «музейном» пространстве регионального издания могут приобретать природные объекты, городские топосы, предметы материальной и духовной культуры. В репрезентации предметно воплощённых ценностей в региональном медиадискурсе участвуют иконические элементы креолизованных текстов (о соотношении вербального и иконического компонентов креолизованного текста см.: [Анисимова 2003, с. 18–29]). Среди лексических репрезентантов предметно воплощённых ценностей важная роль принадлежит именам собственным, создающим в медиатекстах неповторимый колорит ономастического пространства города и региона. Например, вербальными знаками предметно воплощённых ценностей в городской газете «Кузнецкий рабочий» являются многочисленные эргонимы (*Кузнецкий металлургический комбинат*, *Западно-Сибирский металлургический комбинат*, *Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского*, *Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя* и др.), разнообразные годонимы и агоронимы (проспект *Металлургов*, проспект *Энтузиастов*, улица *Достоевского*, площадь *Маяковского*, *Театральная* площадь и др.), гемероним *«Большевистская сталь»*, экклезионим *Спасо-Преображенский собор*, ороним *Мустаг* (название священной шорской горы) и т.д.

С точки зрения **места в иерархии** исследователи, обозначая особую роль тех или иных ценностей в жизни человека и культуре в целом, говорят о «великих ценностях [Арутюнова 2004, с. 5], об «общезначимых ценностях» [Коломиец 2006, с. 78], о ценностях «интегративного порядка» [Каган 1997, с. 116] и т.д. И.И. Кравченко дифференцирует ценности первичные

(базисные) и вторичные (ценности более высокого порядка) [Кравченко 2006, с. 6–8]. Системный анализ подходов к ценностной топометрии содержится в монографии В.А. Марьянчик [Марьянчик 2013, с. 17–21].

Н.И. Клушина отмечает, что личностные и социальные идеологемы публицистического текста «формируются вокруг категорий Добра и Зла, занимающих в иерархии человеческих ценностей господствующее положение», причём «идеологемы, в отличие от идей, отражают не градуальность, а дуальность мышления, то есть очень близки к мифологемам» [Клушина 2008а, с. 37]. Ядерной в системе ценностей является «Триада великих ценностей» [Арутюнова 2004, с. 5], – «Красота – Добро – Истина», т. е. ценности «эстетические, моральные, мировоззренческие» [Коломиец 2006, с. 78]. На выделении этой триады построено и исследование «движения идеи ценности» (Ю.М. Лотман) в книге Л.Н. Столовича, который рассматривает Красоту, Добро и Истину как «важнейшую духовную основу человеческого существования» и определяет такую цель, как «утверждение триединства Истины, Добра и Красоты – истинности Добра и Красоты, доброты Истины и Красоты и красоты Истины и Добра» [Столович 1994, с. 456]. Ключевое место Истины, Добра и Красоты в иерархии ценностей и истории гуманитарной мысли, стремящейся к обнаружению «осей» аксиологической системы координат, позволяет определить их как ценностные категории.

Учитывая политематичность медиатекста и разнообразие авторских позиций, характерных для СМИ, мы в качестве ориентиров остановимся на тех ценностях, роль которых традиционно признаётся в трудах по аксиологии, – *Правде* и *Истине*. Категории *Правды / Истины* относятся к ценностям «великим» (Н.Д. Арутюнова), «общечеловеческим», «вечным» (Д.А. Леонтьев), «общезначимым» (Г.Г. Коломиец), «ценностям интегративного порядка» (М.С. Каган), являются «вторичными» – «ценностями более высокого порядка», чем базисные (И.И. Кравченко). «В жизни людей есть понятия, ценности, которые не только являются их

вечными, постоянными спутниками, но и неизменно входят в сердцевину, ядро мироощущения, понимания ими смысла, направленности, оправданности всего их существования. Именно такими являются слова “истина”, “правда”, “справедливость” и всё, что с ними связано: праведная жизнь, истинная любовь, справедливый человек, истинная свобода, справедливое общество, истинная вера и т.п.» [Рачков 2006, с. 83]. Слово *правда* в газетной публицистике обладает наибольшей частотностью (175,5) среди таких лексических репрезентантов великих ценностей культуры, как *красота* (94,7), *истина* (66,1), *добро* (59), *благо* (38) [Ляшевская, Шаров 2009: URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм (дата обращения: 05.01.2016)]. **Ключевая роль концепта «Правда»** соответствует коммуникативному назначению газетной публицистики, цель которой – не только передать достоверную информацию, но и сформировать справедливую (с точки зрения адресанта) социальную оценку. Традиционно концепт «Правда» рассматривается в соотнесённости с другим ключевым концептом культуры – «Истина» [Агиенко 2006; Арутюнова 1999; Вежбицка 2005; Лишаев 2006; Маслова 2007; Степанов 2004 и др.]. Имя концепта «Истина» менее частотно в газетной публицистике, чем имя концепта «Правда», но важная роль концепта «Истина» в медиадискурсе обусловлена отражением в нём «социального познания» [Лазарев, Лебедев 2005, с. 111]. В работе употребляется гипероним **«ценностная категория»**, что позволяет подчеркнуть междисциплинарный характер исследования, аксиологический аспект изучения концептов «Правда» / «Истина», место Правды и Истины в иерархии ценностей. Категории *Правда* и *Истина* приобретают особую значимость в соответствии с методологией дискурс-анализа М. Фуко, которая основана на соотнесении речи с действительностью и познанием [Фуко 2004, 2008], что, например, позволяет при исследовании медиадискурса выдвинуть эти категории на первый план исследования Э.В. Чепкиной и Л.В. Ениной, которые обосновывают необходимость

анализа «практик конструирования истины» журналистского дискурса в двух аспектах: с точки зрения достоверности представляемой обществу информации и с точки зрения «концептуализации описываемой реальности» [Чепкина, Енина 2012, с. 295].

В связи с местом в иерархии ценностей и с ролью в медиадискурсе именно семантико-стилистические особенности ценностных категорий *Правда / Истина* стали предметом исследования, направленного на выявление надрегиональной составляющей динамики аксиосферы регионального медиадискурса. Для выявления региональной составляющей динамики ценностной картины мира, отражённой в городской газете, представляется необходимым осмысление места данного типа издания в социокультурном пространстве региона и страны.

1.3. Городская газета «Кузнецкий рабочий» в региональном коммуникативном пространстве

1.3.1. Городская газета в аспекте типологии средств массовой информации. Из истории городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте истории сибирской периодической печати

Региональные СМИ исследуются в журналистике (А.В. Виннийчук, О.А. Воронова, А.А. Кажикин, С.Е. Паленков, М.В. Шкондин и др.), социологии (П.В. Бандаков, Ю.А. Дроздова, П.Н. Полосин и др.), лингвистике (И.И. Бабенко, Ю.А. Богомолова, М.В. Гречихин, Л.В. Дубина, Е.А. Костяшина, Н.В. Камнева, О.В. Орлова, Н.Ю. Печетова, О.В. Фельде, Л.В. Черепанова, Т.В. Чернышова и др.). Диахронический аспект изучения региональных СМИ важен в трудах по журналистике (С.И. Гольдфарб, Н.В. Жилякова, Л.С. Любимов, Ю.Л. Мандрика и др.) и истории. Так, в сборнике материалов региональной научной конференции, посвящённой 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.), представлены работы историков, раскрывающие вопросы

возникновения и развития периодической печати в Сибири, отражения на страницах сибирской периодики социальной, политической, экономической и культурной жизни региона [150 лет периодической печати в Сибири 2007]. Городская газета «Кузнецкий рабочий» (ранее – «Сибирский гигант», «Большевик Кузнецкстроя», «Большевистская сталь», «Сталинское знамя») упоминается в статье В.М. Зиняковой о распространении периодической печати в рабочих районах Западной Сибири (1926–1932 гг.) [Зинякова 2006, с. 267], включена в источниковую базу исследования А.Г. Бориным – «для создания комплексной картины формирования города» [Борин 2010, с. 16].

Городская газета выделяется в типологии периодической печати по **аудиторному признаку** и, согласно подходу М.В. Шкондина, входит в группу изданий внутрироссийских и международных общностей, существующую наряду с группой общероссийских изданий [Шкондин 2007, с. 41–42]. О.А. Воронова говорит о важной коммуникативной роли городской газеты в информационном пространстве города и приводит подтверждающие данные опроса россиян: «Традиционная городская пресса обычно занимает прочные позиции в информационной структуре города и в качестве главного поставщика местной информации пользуется неизменным читательским спросом» [Воронова 2007, с. 61]. Итоги исследования в рамках семинаров для главных редакторов районных и городских газет, проведённого факультетом журналистики МГУ, позволили О.А. Вороновой сделать вывод о том, что «именно близость к читателю определяет “лицо” местной газеты» [Там же, с. 63]. Разнообразие городских газет связано с их способностью изучать и отражать «местные условия, интересы аудитории», разрабатывать «оригинальную концепцию, способ подачи материала» [Там же, с. 67]. О.В. Орлова, изучая миромоделирующий потенциал медиаконцепта «Нефть» в районной прессе Томской области, подчёркивает «гипертрофированный фактор адресата, особую близость с целевой аудиторией» [Орлова 2012в, с. 43].

Т.В. Чернышова исследует читательские предпочтения в сфере газетной коммуникации на экспериментальной основе и выявляет круг предпочитаемых и «раздражающих» изданий, причины их предпочтения и неприятия [Чернышова 2009, с. 73–88]. Из 45 участников опроса 39 (86,7%) включили в круг своих предпочтений местные и региональные издания. Среди ответов о предпочтениях у участников звучат мысли о региональном колорите издания [Там же, с. 75]. С другой стороны, Т.В. Чернышова отмечает, что 26 % опрошенных в качестве неинтересных для них назвали конкретные издания и «к числу газет, “раздражающих” читателей, относится ряд местных изданий, т.к. их отличает *низкий профессиональный уровень журналистов; “сухой” язык* [Там же, с. 86]. Среди отрицательных характеристик есть и указание на региональный колорит: *не люблю [«Алтайскую правду»] вследствие <…> «провинциальной» (колхозной) направленности* [Там же].

В выпуске издания «МедиаТренды», посвящённом региональной журналистике, приводятся данные исследования учёных факультета журналистики МГУ «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг.» о тематическом своеобразии региональных изданий [МедиаТренды. 2015. № 5 (54). С. 3]. Согласно этим данным, «редакторы и журналисты отчётливо осознают проблемы своих городов, интересы местных жителей, их нужды, поэтому выстраивают доминанты в содержательно-тематической модели изданий в соответствии с наиболее неблагополучными сторонами средних и малых городов, их жителей» [Там же]. В исследовании отмечается также стремление изданий средних городов «сохранить культурно-просветительское направление», немалое внимание к «культуре, истории, традициям городов, семье, воспитанию, в том числе патриотическому» [Там же].

В Приложении 3 приведены данные о результатах анкетирования, проведённого среди молодёжи Новокузнецка[5], и позволяющие сделать вывод о том, что **основной коммуникативный запрос информантов**, связанный с городскими масс-медиа, сочетает установку на получение местной информации с представлением о краеведческой направленности городских СМИ, об их роли в патриотическом воспитании, а также с потребностью в интерактивных формах общения издания и адресата. В целом результаты анкетирования показали, что даже в эпоху Интернета городская газета «Кузнецкий рабочий» играет важную коммуникативную роль, что связано как с типологически обусловленным местом городской газеты в системе средств периодической печати, так и с традициями старейшей городской газеты Новокузнецка, с её местом в социокультурном пространстве города и региона.

Современная отечественная лингвистика обращается к исследованию региолектов [Мишанкина, Филь 2015]. Особое внимание к проблеме «Язык и регионы» в отечественной лингвистике определяется географическими характеристиками России. Так, ещё Ф.И. Буслаев говорил о необходимости знакомства с «филологическою географиею» России как важной задаче стилистики [Буслаев 1992, с. 372]. Взгляд лингвиста соотносится с подходом современного социолога, который считает необходимой подготовку Социокультурного атласа России на основе социокультурных портретов регионов страны [Лапин 2006, с. 25]. Региональный компонент концептосферы, во многом формируемый СМИ, включает в себя две составляющие – связанную с понятием региона в целом и отражающую специфику, колорит конкретного региона.

В исследованиях отмечается, что предшественником слова *регион* в обозначении определённой территории страны и проживающего там сообщества людей было слово *провинция*, которое «появилось в русском

[5] Среди 137 информантов – учащиеся 9-го класса средней общеобразовательной школы № 112 г. Новокузнецка, студенты историко-филологического факультета НФИ КемГУ и Новокузнецкого индустриального колледжа.

языке в 1711 г., когда страна была разделена на отдельные территории – провинции»; «впоследствии это деление было упразднено, а слово “провинция” приобрело иной смысл» [Коган 1997, с. 122]. В соответствии с изначальным значением слова *провинция* употребляется в «Материалах для русской стилистики» Ф.И. Буслаева термин *провинциализм*, характеризующий одну из важных для стилистики стихий русского языка [Буслаев 1992, с. 354–372]. «Регион возникает на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей, которые сконцентрированы в городских и сельских поселениях, связаны экономическими интересами (разделения труда, обмена) и социальной организацией (структурой, институтами)» [Лапин 2006, с. 25]. Н.И. Лапин отмечает промежуточное положение региона как *сообщества людей* (community) «между обществом как целым (Gesellschaft, society, социетальный уровень) и поселениями – городами и посёлками, сёлами и деревнями, т.е. первичными территориальными общностями (die Gemeinschaften, communities)» [Там же]. Географ М.П. Крылов подчёркивает необходимость комплексного подхода к изучению региональной идентичности как социокультурного феномена [Крылов 2010].

В последние годы отмечается резкое повышение частотности слова *регион* в публицистике: показатели частотности в публицистике 1950–60-х, 1970–1980-х и 1990–2000-х гг. соответственно – 0,0, 12,5 и 290,5 [Ляшевская, Шаров 2009: URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм (дата обращения: 05.01.2016)], – что свидетельствует о значимости концепта «Регион» в медиадискурсе.

Рассматриваемая нами городская газета представляет Кузнецкий край (юг Кузбасса), являющийся частью Сибири. Как отмечает О.В. Фельде, «проблема локального менталитета русского населения Сибири не нова», «давно находится в центре внимания учёных – историков, этнографов, социологов, филологов, краеведов» [Фельде 2011, с. 11]. Феномен сибиряка

рассматривается в современных социологических работах [Сверкунова 1996; Немировский 2013 и др.]. О.В. Фельде проводит психолингвистическое исследование языкового сознания сибиряков на основе опроса красноярских и томских студентов [Фельде 2011]. Особое место в осознании региональной идентичности сибиряков занимают труды по журналистике, посвящённые истории становления и развития периодической печати в Сибири. «Ещё в XIX – первой трети XX в. идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев и др. отстаивали гипотезу существования особой этнокультурной группы великорусского народа, которая по целому ряду психических признаков отличается от русских европейской части России. Так, отмечались такие черты сибиряков, как ум, смекалка, стойкость, немногословность, добродушная лукавость, природолюбие, недостаточная религиозность, “наклонность к материалистическому умствованию”, “смышлёность в приобретении, в наживе” и т.д.» [Там же, с. 11–12]. Н.В. Жилякова подчёркивает актуальность в условиях начала XX века и настоящего времени концепции Сибири, сформированной в середине – второй половине XIX века первыми областниками – Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным [Жилякова 2011а, с. 429–430].

Нуждаются в дальнейшем осмыслении семантико-стилистические аспекты регионального медиадискурса, отражающего динамику ценностной картины мира сибиряков, в частности жителей юга Кузбасса.

Кузнецк «в 1708 приписан к Сибирской губернии, в 1726 – к Тобольской провинции, в 1783 к Колыванской губернии. При образовании Томской губернии в 1804 сделан окружным центром» (материалы «Сибирской советской энциклопедии» 1931 г. приводятся по: [Новокузнецк в энциклопедиях: URL: http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax (дата обращения: 25.01.2016)]). Периодические издания приходят к образованным кузнечанам из губернского города Томска, как отмечает научный сотрудник

Новокузнецкого краеведческого музея А.Ю. Огурцов («Кузнецкий рабочий», 06.02.1987)[6].

В истории сибирской журналистики XVIII – начала XX в. Н.В. Жилякова выделяет несколько этапов [Жилякова 2011а, с. 12–34]. Во второй половине XIX в. формируется особый тип изданий, выделенный Г.Н. Потаниным, – «идейная» областная газета, которая отличается от справочного издания: «Областная газета издаётся обыкновенно каким-нибудь местным патриотом по большей части себе в убыток, редактируется обыкновенно самим издателем; дело ведётся не для спекуляции, а в видах развития умственной жизни края. <…> Областная газета стремится быть органом интеллигенции края, а не печатной справкой торговых контор, она представляет собой общественное явление» (цит. по: [Жилякова 2011а, с. 31]). Г.Н. Потанин верил в важную роль периодики в воспитании сибирского патриотизма и именно поэтому «неоднократно делал критические замечания в её адрес» [Родионова 2007, с. 126]. Характеристикам «идейной» областной газеты, сформулированным Г.Н. Потаниным, соответствует газета «Сибирская жизнь», ставшая крупнейшей сибирской газетой начала XX в. (название газеты пришло на смену гемероним «Томский справочный листок» благодаря усилиям её основателя и первого редактора-издателя П.И. Макушина, см.: [Жилякова 2009]), о чём свидетельствует, в частности, ходатайство П.И. Макушина о расширении программы газеты отделами: «1) статьи по разным вопросам общественной жизни, русской и заграничной; 2) статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям; 3) исторические, бытовые, этнографические и географические очерки; 4) повести, рассказы и стихотворения и 5) обзор событий общественной жизни, русской и

[6] Список газетных материалов об истории периодической печати Кузнецка – Сталинска – Новокузнецка приведён в Приложении 1; часть использованных публикаций об истории городской газеты найдена с помощью каталога краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя; далее при ссылке на материалы «Кузнецкого рабочего» в круглых скобках указываются фамилия автора и дата выхода номера.

заграничной» (ходатайство было удовлетворено 4 декабря 1897 г.) [Жилякова 2009, с. 104].

Общественно-политические изменения в истории России, связанные с событиями 1917 г., определили изменения специфики СМИ. После февральской революции 1917 г. в Кузнецке выходит первая газета – «Кузнецкий край». Как отмечает А.Ю. Огурцов, первый номер «беспартейной» газеты вышел 2 апреля 1917 г. (06.02.1987). Её редактором был Дмитрий Тимофеевич Ярославцев [Пузынин 2006, с. 301]. «Газета-крошка» представляла позицию Временного правительства, «находилась под влиянием эсеров», предостерегала «обывателей, крестьян против пропаганды и агитации большевиков и рабочих» (А.Ю. Огурцов, 06.02.1987). «Но уже в мае 1918 г. в связи с контрреволюционным мятежом белочехов она прекратила своё существование» [Пузынин 2006, с. 301].

С установлением советской власти центральные и местные периодические издания превращаются в органы агитации и пропаганды РКП(б). «21 декабря 1919 г. вышел последний номер “Сибирской жизни”, прекращённой навсегда после восстановления советской власти в городе. В типографии “Сибирской жизни” стала издаваться газета “Знамя революции” (с 1921 г. – “Красное знамя”)» [Жилякова 2009, с. 114]. Советская власть осознаёт и поддерживает важную роль местной периодической печати, о чём свидетельствует резолюция VIII съезда РКП(б) 1919 г. (см. об этом: [Пузынин 2006, с. 301]).

«В основу развития местной периодической печати были положены решения XI, XII Съездов РКП(б), а также совещания секретарей губкомов при ЦК РКП(б) 27–29 декабря 1921 г., определившие пути развития печатных изданий разных уровней. В губерниях, областях и краях должны были выходить массовые ежедневные газеты, в уездах и основных индустриальный районах должны – газеты периодичностью 2–3 раза в неделю» [Андреев 2007, с. 93]. В 1921 г. выходит резолюция совещания секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП(б) «Об усилении местной

периодической печати» [Пузынин 2006, с. 302]. Содержание партийно-советских изданий также определяется Специальным циркуляром ЦК РКП(б) – «предписывалось иметь следующие тематические разделы и специальные рубрики: сельская жизнь и кооперация деревни, городская жизнь и развитие промышленности, народное просвещение, коммунальное хозяйство и быт, партийная жизнь» [Андреев 2007, с. 93].

На судьбу региональных изданий повлияло и новое административно-территориальное членение страны. Для Кузнецка новыми административными центрами стали губернский город Новониколаевск (Ново-Николаевск, современный Новосибирск) и окружной, а затем областной центр Щегловск (современный Кемерово). В 1921 г. Новониколаевск становится новым пролетарским административно-политическим центром: на части территорий Томской и Омской губерний образуется Новониколаевская губерния, в 1925 г. Томская губерния вошла в состав Сибирского края (с 1930 г. Западно-Сибирского края). «Сибирская советская энциклопедия» (1931) указывает, что «при районировании (1925) – окружной центр перенесен из Кузнецка в Щегловск» [Новокузнецк в энциклопедиях: URL: http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax (дата обращения: 25.01.2016)].

Пресса Новониколаевска – Новосибирска развивается в соответствии с директивами РКП(б). «С окончанием гражданской войны начинается новый период развития печати Новониколаевска – Новосибирска, продлившийся примерно 10 лет до августа 1930 г. <…> Идёт формирование чёткой иерархической пирамиды советской прессы: центральные, уездные, губернские газеты, а также издания на национальных языках. <…> Наряду с центральными газетами, распространяемыми в регионе, создаются областные, городские и уездные газеты, начинают выходить журналы» [Лизунова 2007, с. 98]. Первой Новосибирской общественно-политической газетой, распространяемой на огромной территории края, стала «Советская Сибирь» (с 1919 г. выходит в Челябинске, с 1920 г. в Новониколаевске) [Там

же]. Рассматривая историю периодической печати Новониколаевска–Новосибирска, И.В. Лизунова отмечает, что «с 1922 г. в Новониколаевске создаются и крепнут различные журналы [в том числе краеведческий «Жизнь Сибири»]»; «в двадцатые годы при губернских и уездных газетах создаются активы корреспондентов, пробующих себя в очерке, рассказе, стихе» [Лизунова 2007, с. 98–99]. Как переломный исследователь характеризует период конца 1920-х гг., когда «курс на всевластие однопартийной, максимально идеологизированной советской периодической печати означал включение печати, в том числе и новосибирской, в единую систему сталинского режима, со всеми вытекающими функциями: пропаганды, агитации и организации» [Там же, с. 100]. А.Г. Борин в исследовании роли городской газеты в процессе формирования горожанина подчёркивает, что «все газеты этого времени в Сибири были связаны с краевой газетой “Советская Сибирь”, издававшейся в Новосибирске огромным по тем временам тиражом – 46 тысяч экземпляров» [Борин 2006, с. 35].

7 января 1922 г. вышел в свет первый номер газеты «Кузбасс». «Это был орган Кольчугинского райкома ВКП(б) и рудоуправления, рудисполкома и райкома горнорабочих. Тираж первого номера газеты составлял около 1000 экземпляров. После образования в 1924 г. Кузнецкого округа районная газета “Кузбасс” была преобразована в окружную, а редакцию и типографию газеты перевели в город Щегловск – центр Кузнецкого округа. Осенью 1930 г. окружная газета “Кузбасс” стала органом кемеровского горкома ВКП(б), горисполкома и горпрофсоюза. После создания Кемеровской области в 1943 г. газета “Кузбасс” становится областной» [Пузынин 2006, с. 302]).

Говоря о развитии периодической печати горно-добывающих районов Западной Сибири, В.П. Андреев подчёркивает изменение характера подачи материала в конце 1920-х гг.: «Массовая печать стала рассматриваться, почти исключительно, как средство воздействия на массы, и в крайне незначительной мере – как средство выражения общественного мнения» (эти

наблюдения совпадают в приведёнными ранее, в связи с историей печати Новониколаевска – Новосибирска) [Андреев 2007, с. 95].

Судьба Кузнецка коренным образом изменяется в связи со строительством Кузнецкого металлургического комбината: «За рекой против Кузнецка, в связи с постройкой гигантского металлургического завода растет новый Город-Сад, насчитывавший в 1929 уже в пять раз больше жителей, чем в самом Кузнецке» («Сибирский энциклопедический словарь» 1931 г.: [Новокузнецк в энциклопедиях: URL: http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax (дата обращения: 25.01.2016)]); Кузнецк «в 1932 объединен с Сад-Городом в г. Новокузнецк, в том же году присвоено название Сталинск, с 1939 – райцентр Новосибирской области, с 1943 – Кемеровской области, с 1961 – переименован в Новокузнецк» («Историческая энциклопедия Сибири» 2010 г.: [Новокузнецк в энциклопедиях: URL: http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax (дата обращения: 25.01.2016)]).

«Строители Кузнецкстроя не просто возводили металлургический гигант, они создавали и новую социалистическую идеологию, которая находила выражение и в модели строительства города, и на страницах периодической печати. Городская газета начиналась со стенной газеты, что вообще характерно для начального этапа индустриализации. В первые месяцы на Кузнецкстрое выпускалась стенгазета строителей “Топор”. Она выходила 1–2 раза в месяц. Через некоторое время она стала называться “Боевой темп”» [Борин 2006, с. 35]. Первый номер городской газеты вышел на площадке Кузнецкстроя 30 марта 1930 года. Называлась она тогда *«Сибирский гигант»* («Городская газета…», 28.03.2000) и была «органом райкома ВКП(б), горсовета и постройкома» (В. Целищев, 28.03.2000). Подготовила к печати первый номер кузнецкстроевской газеты выездная бригада новосибирской краевой газеты «Советская Сибирь» (В. Целищев, 28.03.2000). Выбор гемеронима *«Сибирский гигант»* связан с идеологией строительства Кузнецкого металлургического комбината. Так, в книге об

истории развития советской металлургии приведена характерная формулировка: «Одновременно с Магниткой шла напряжённейшая борьба за создание гиганта Сибири – Кузнецкого комбината» [Бычков и др. 1991, с. 134]. Гемероним свидетельствует о неразрывной связи газеты со строительством мощного металлургического комбината, о чём размышляют и журналисты конца XX в.: «Первое название газеты “Сибирский гигант”, думается, понятно. Начиналось строительство Кузнецкого металлургического комбината, и газета была призвана помогать этому большому делу» (В. Коровина, 20.02.1990); «Ещё ничего по сути и не было весной 1930 года, всё главное было впереди. Но 30 марта две тысячи экземпляров газеты с гордым именем “Сибирский гигант” увидели свет. Журналисты сами разнесли их по рабочим местам строителей. Родилась газета, без которой уже не представлялась жизнь стройки, комбината и города» (Л. Савицкая, 20.01.2000).

Газета возникла как рупор индустриализации: «С первых номеров “Сибирский гигант” становится боевым помощником партийной, профсоюзной, комсомольской организаций и хозяйственного руководства в мобилизации коллектива строителей всенародной стройки на борьбу за большой сибирский металл» (В. Целищев, 28.03.2000). «Выход газеты явился важным событием в жизни многотысячного отряда строителей, – пишет редактор газеты “Сталинское знамя” П.С. Канаев. – На страницах газеты публиковались статьи, письма, отражающие самоотверженный труд землекопов, плотников, монтажников, жизнь людей, пришедших в далёкую, таёжную Сибирь, чтобы выполнить почётное задание Коммунистической партии и Советского правительства – построить крупнейший металлургический комбинат и социалистический город» (П. Канаев, 31.03.1955). В приуроченной к 25-летию газеты статье её редактора П.С. Канаева отражается характерная для советской прессы чёткая иерархия изданий – место городской газеты соотносится с областной и общесоюзной газетами: «Вместе с тем необходимо отметить, что в работе газеты имеются

серьёзные недостатки, на которые неоднократно указывали партийные организации, газета “Правда” и областная газета “Кузбасс”» (Там же).

Сначала газета выходила два раза в пятидневку малым форматом (В. Коровина, 20.02.1990). С 17 октября 1930 года «Сибирский гигант» начинает выпускаться ежедневно. 1 января 1931 года газета переименовывается в *«Большевик Кузнецкстроя*» (П. Канаев, 31.03.1955; «Городская газета…», 28.03.2000). Для А. Логинова, рассказывающего историю газеты в преддверии её 70-летия, такое название звучит *скромнее, конкретней и по-партийному* (А. Логинов, 03.07.1999). А.Г. Борин обращает внимание на идеологическую основу гемеронимов: «Переименование отражало направленность всей работы газеты в то время: все статьи, независимо от содержания, должны были получить санкцию райкома или горкома» [Борин 2006, с. 35]. С 1 января 1932 года газета выходит под новым названием *«Большевистская сталь»* и становится большеформатной (П. Канаев, 31.03.1955; Л. Савицкая, 27.01.2000; «Городская газета…», 28.03.2000). Как отмечает А.Г. Борин, «переименование было связано с пуском первой очереди и окончанием строительства всего завода» [Борин 2006, с. 35].

В 1930-е гг. газета формирует сознание горожанина – сознание кузнецкстроевца: «Особую роль в формировании новой идентичности, то есть в процессе осознания себя как горожан, сыграла общегородская газета. Она являлась не только новым способом передачи информации, но и создавала чувство сопричастности к общему большому и важному делу – строительству завода и города. Через газету в сознание всех проживающих в “городе”, а назвать городом то, что представлял собой Сталинск в начале 1930-х годов, можно было с большим трудом, внедрялась мысль о том, что главной задачей всех, живущих в городе, является строительство завода. Город и завод в этой модели сливались воедино, а город превращался в неотъемлемую часть завода» [Борин 2006, с. 35]. Городская газета Сталинска 1930-х гг. играет важную роль в создании символической составляющей

нового города: «Газета поднимала и обсуждала проблемы, значимые не только для завода, но и для города, такие как строительство водопровода, канализации, пуск трамвая, озеленение и благоустройство. Эти объекты одновременно становились символами нового города – “соцгорода” и городского образа жизни» [Там же].

В годы Великой Отечественной войны «Большевистская сталь» «как могла поддерживала моральный дух работников КМК и вновь прибывших эвакуированных заводов – алюминиевого и ферросплавного», «через газету организовывались сборы тёплых вещей бойцам Красной армии и сдача личных сбережений в фонд обороны» (А. Логинов, 03.07.1999). «Большинство журналистов и технических работников были призваны или ушли на фронт добровольцами в первые недели фашистской агрессии. Редактор газеты Георгий Антонович Доронин ушёл добровольцем на фронт [летом 1942 года], воевал в Сибирской добровольческой дивизии и погиб смертью храбрых. Андрей Фёдорович Сергеев, сотрудник промышленного отдела, погиб в 1942 году, при защите Воронежа» (А. Логинов, 03.07.1999). Краевед А. Берлин экспрессивно характеризует Г.А Доронина в заголовке очерка о нём – *«Редактор, поэт, гражданин»* (30.03.1990). Из-за нехватки бумаги газета выходила половинным форматом, использовали даже обёрточную бумагу.

После Победы «главным стало залечивание ран, нанесённых войной, развёртывание социалистического соревнования за увеличение выпуска, улучшение качества и снижение себестоимости выпускаемой продукции, более полное удовлетворение культурно-бытовых потребностей населения» («Городская газета…», 28.03.2000). А. Логинов в приуроченном к 70-летию газеты материале отмечает, что после войны основными темами стали «производственные задачи и трудовые подвиги металлургов, шахтёров и строителей» (03.07.1999). С 1 мая 1953 года газета переименовывается в *«Сталинское знамя»*, 1 июня 1956 г. обретает своё нынешнее имя – *«Кузнецкий рабочий»*.

Редактором «Кузнецкого рабочего» в 1970–1991 гг. был Анатолий Никифорович Сосимович, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза журналистов РСФСР, Почётный гражданин Новокузнецка [Почётные граждане города Новокузнецка: URL: http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/pochetnie-grajdane (дата обращения: 25.01.2016)]. На страницах «Кузнецкого рабочего» нашего времени мы находим добрые слова коллег об А.Н. Сосимовиче (М. Гревнёв, 24.01.2015; Л. Савицкая, 30.03.1995; Т. Михайлова, 27.01.2000 и др.).

До 1990 г. городская газета существует в чёткой иерархии советских СМИ – как *орган Новокузнецкого городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов*. История борьбы «Кузнецкого рабочего» за статус *независимой газеты* включает несколько этапов, связанных не только с правовыми аспектами, но и с концептуальной составляющей, отражённой в активном диалоге с читателем. Условно выделим три этапа борьбы городской газеты за независимость.

На первом этапе коллектив газеты в соответствии с Законом «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. *заявил о своём желании стать учредителем газеты* («Почему газета подорожает», 24.08.1990). Желание связано с необходимостью преодолеть статус органа Новокузнецкого городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов, чтобы на страницах самостоятельной городской газеты нашли *достойное место объективные и взвешенные материалы и о деятельности Советов, и о работе всех партий и общественных движений в городе* («Ультиматум газете», 04.09.1990). Газета делится информацией с читателями, читатели поддерживают её, например: *8 сентября, как известно, газета «Кузбасс» без согласования со своими учредителями вышла как областное массовое издание. Если же в ближайшее время не решится вопрос о «Кузнецком рабочем» в пользу читателей, то надо следовать по пути «Кузбасса»* (Н. Ничик, горнорабочий шахты имени Димитрова; «Какой быть газете», 12.09.1990). На втором этапе борьбы за независимость газета

становится соучредителем: *Отныне городская массовая газета «Кузнецкий рабочий» будет иметь – закон это позволяет – двух соучредителей: городской Совет народных депутатов и трудовой коллектив редакции* (Л. Савицкая, 21.09.1990). На третьем этапе борьбы за независимость газета освобождается от статуса *орган Новокузнецкого городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов*, обретает статус *Новокузнецкая городская газета* и впервые выходит с обозначением нового статуса 16 ноября 1990 г. На самом деле борьба городской газеты за независимость ещё только началась и будет связана с преодолением больших экономических трудностей и давления власти. Успех этой борьбы во многом связан с позицией редакции, возглавляемой в 1991–2007 гг. Александром Геннадьевичем Белокуровым. В этот период материалы позволяют судить о высоком уровне самосознания газеты, о воплощении в ней изменений, характерных для свободной прессы. К концу XX в. образ городской газеты соотносится со следующими смысловыми доминантами:

1) городская газета неразрывно связана с городом, с его судьбой – прошлым, настоящим и будущим; концепция издания, представляющего региональный медиадискурс, определяет внимание журналистов не только к сегодняшним проблемам, но и к истории города, в частности к истории газеты;

2) городская газета не только передаёт разнообразную информацию о событиях в городе, регионе и стране, о процессах, происходящих в обществе, но и учит человека думать, оценивать, занимать активную жизненную позицию; одним из основных способов воспитания у читателя способности к критическому анализу является ирония;

3) важная составляющая имиджа городской газеты – её честь: верность нравственным заповедям журналиста, уважение к истории газеты, к её традициям;

4) городская газета независима от властей и служит своему читателю, вступая с ним в диалог, участвуя в решении конфликтных вопросов, защищая социальную справедливость.

Старейшая городская газета Новокузнецка прошла путь от рупора индустриализации «Сибирский гигант» до «идейной» областной газеты, тип которой выделил Г.Н. Потанин. Н.В. Жилякова характеризует областничество как «ключевую идею Сибирского региона и сибирской журналистики, выделившую её на фоне остальных провинциальных изданий России» [Жилякова 2011а, с. 430]. Характерно, что на страницах «Кузнецкого рабочего» неоднократно звучит гемероним «Сибирская жизнь». Представляя региональный медиадискурс, «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в. наследует традиции «идейных» областных газет, что проявляется не только во внимании к событиям в регионе, но и в концептуальной основе подачи информации.

1.3.2. Отражение мемориально-краеведческой функции регионального медиадискурса в городской газете

Аксиологическая специфика регионального издания определяется **мемориально-краеведческой функцией,** которую успешно реализует городская газета «Кузнецкий рабочий».

Г.Н. Швецова-Водка, опираясь на подход к документу и книге П. Отле (1934), характеризует мемориальную функцию как одну из функций документа, при этом документ толкуется исследователем многоаспектно, с выделением 8 значений, среди которых «наиболее широкое», «охватывающее остальные» следующее: «Это любой материальный (субстанциональный) объект, как искусственный, так и природный, который может быть использован для передачи информации в обществе» [Швецова-Водка 2009, с. 19]. Газетный текст соответствует более узкому значению слова документ: «это материальный объект, в котором зафиксирована любая запись

информации, выполненная любым разработанным человеком способом» [Швецова-Водка 2009, с. 20]. Мемориальная функция документа связана с его назначением в системе социальных коммуникаций «быть “внешней памятью” человека и человечества в целом» [Там же, с. 92].

Тексты городской газеты не только реализуют типологические коммуникативные особенности газетно-публицистических текстов, но и выполняют специфическую для регионального медиадискурса мемориальную функцию, основанную на краеведческом подходе: запечатлевают настоящее города, хранят память о его истории, восстанавливают связь времён и поколений. Запечатление уходящих реалий имеет нравственную основу. Безусловно, мемориальная функция соотносится прежде всего с деятельностью музея и библиотеки [Тикунова 2006; Викулова 2008 и др.], где она является одной из основных и реализуется системно и скрупулёзно. Мемориально-краеведческая функция в региональном медиадискурсе сопряжена с базовой для газетно-публицистического стиля функцией социальной оценки. Реализуется мемориально-краеведческая функция в городской газете через информирование и воздействие, связана с привлечением общественности к осознанию региональной идентичности, без которого невозможно решение сегодняшних проблем региона и определение его будущего.

Динамика реализации мемориально-краеведческой функции в региональном медиадискурсе в конце XX – начале XXI в. определяется комплексом факторов, среди которых подчеркнём роль общественно-политического фактора и фактора глобализации.

Общественно-политические изменения в стране определили возрастание роли мемориально-краеведческой функции регионального медиадискурса в начале 1990-х гг., что соответствует началу в истории краеведения нового этапа, связанного с «резким всплеском интереса к локальной истории (область, район, город, предприятие или учреждение) и к персоналиям» [Дорофеев 2012, с. 48]. Фактор глобализации неизбежен в новом

информационном обществе, но одновременно он порождает и негативные тенденции – «замедление развития национальных культур, беззащитность общества и граждан перед неконтролируемым потоком информации, размывание социокультурных и нравственных норм» [Викулова 2008, с. 3]. Общим тенденциям должно быть противопоставлено «культурное разнообразие» [Там же], неотъемлемую часть которого создаёт региональная идентификация. Говоря о тенденциях функционирования СМИ в современной структуре российского общества, Я.Н. Засурский соотносит с глобализацией регионализацию: «Глобализация, бесспорно, остаётся важнейшим фактором развития информационной сферы, который не следует игнорировать. Вместе с тем имеется региональная и национальная специфика, множество индивидуальных особенностей, из которых и складываются разнообразные информационно-коммуникационные модели – порождение сегодняшнего перехода мирового сообщества к информационному веку» [Засурский 2008б, с. 27–28]. М.В. Ананян характеризует возрастание роли региональной прессы как «один из признаков общества, идущего по демократическому пути» [Ананян 2005, с. 48].

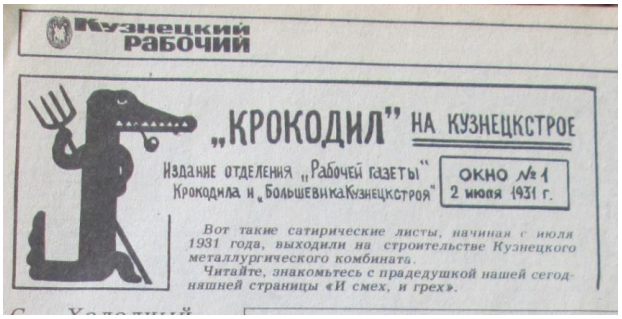
Регионализация в деятельности библиотек и местной прессы связана с актуализацией мемориальной функции, которая приобретает краеведческую направленность. В новокузнецкой Центральной городской библиотеке им. Н.В. Гоголя в 2007 г. создано городское краеведческое объединение «Серебряный ключ», возглавляемое Сергеем Дмитриевичем Тивяковым, в 2009 г. открыт краеведческий отдел [Летопись: URL**:** http://libnvkz.ru/biblioteka/istoria (дата обращения: 25.01.2016)**].** **«**Региональные библиотеки занимаются распространением краеведческих знаний с целью воспитания любви к родному краю, гордости за его богатое историческое прошлое» [Тикунова 2006]. Региональная пресса, в соответствии с законами медиадискурса, осуществляет информирование и воздействие, стремясь при этом к передаче и формированию социальной

оценки. Мемориально-краеведческая функция органично входит в эту коммуникативную программу: газета, не стремясь к основополагающему для библиотеки системному, тщательному восстановлению и хранению краеведческой информации, актуализирует её «точечно», вынося на обсуждение, привлекая к ней внимание, воспитывая любовь и уважение к малой родине.

Если в целом в газетных текстах роль социальной оценочности предопределяет доминирование такой формы существования ценностей, как общественные идеалы (о формах существования ценностей см.: [Леонтьев 1996, с. 22–24]), то в газетных текстах, представляющих региональный медиадискурс, при сохранении ключевой роли общественных идеалов повышается значимость такой формы существования ценностей, как «предметно воплощённые ценности» [Там же, с. 23]. Аксиологическая специфика регионального медиадискурса связана с особым вниманием к предметам материальной и духовной культуры, соотнесённым с концептом «Малая родина». В этом смысле региональный медиадискурс реализует «музейный» подход, запечатлевая духовно значимые для жителей города, региона объекты. Способность быть формой существования ценностей, отражённой в региональном медиадискурсе, потенциально заложена в любом объекте, который может быть соотнесён с системой аксиологических координат, определяющих региональную идентичность. Например, в газете «Кузнецкий рабочий» среди предметно воплощённых ценностей представлены Кузнецкий металлургический комбинат, лиственница, которая была живым свидетелем венчания Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой, различные здания и улицы города, старые номера городской газеты и многое другое. В репрезентации предметно воплощённых ценностей в региональном медиадискурсе, как уже отмечалось, участвуют иконические элементы креолизованных текстов.

Мемориально-краеведческая функция городской газетой определяет важную роль такой темы, как история газеты. В частности, стилистика

публикаций реализует «музейный» подход к старым газетам: авторы создают эмпирическую детализацию, описывая особенности шрифта, изображений, цвета, цитируя тексты, включая фотографии старых номеров (см. рис. 1, 2).


Кузнецкий рабочий

„КРОКОДИЛ" НА КУЗНЕЦКСТРОЕ

Издание отделения „Рабочей газеты" Крокодила и „Большевика Кузнецкстроя"

ОКНО № 1
2 июня 1931 г.

Вот такие сатирические листы, начиная с июля 1931 года, выходили на строительстве Кузнецкого металлургического комбината.
Читайте, знакомьтесь с прадедушкой нашей сегодняшней страницы «И смех, и грех».

Рис. 1. Элементы оформления сатирического листа 1931 г. (27.03.1990)

Рис. 2. Фотографии из материала Л. Савицкой, 08.02.2000

Тема истории газеты была актуальна и в доперестроечной газете, но, подчиняясь советской идеологии, ограничивала круг вопросов и интерпретаций. История газеты затрагивала прежде всего вопросы о её роли в индустриализации страны и в Великой Отечественной войне. Безусловно, эти темы сохранили свою значимость и в современной газете, но они существуют среди множества других интересных тем. Кроме того, в подаче исторического материала усиливается внимание к «человеку частному». Современный «Кузнецкий рабочий», реализуя мемориально-краеведческую функцию, активно вводит автобиографический дискурс (публикует фотографии из семейных архивов, воспоминания). Так, перу журналиста Т.А. Эмих принадлежит цикл публикаций о сотрудниках газеты[7]. Например, в статье о погибшем на войне сотруднике газеты А.Ф. Сергееве по

[7] И.Г. Демко (21.01.2010), Г.А. Доронине (21.01.2010), А.Ф. Сергееве (21.01.2010, 07.05.2011, 11.08.2011), Н.И. Пильщикове (08.10.2009, 21.01.2010), Б.С. Ямпольском (05.11.2009).

воспоминаниям его дочери приводится запись на памятной доске, которая была в старой редакции и не сохранилась до нашего времени (Т. Эмих, 07.05.2011). В данном случае мемориально-краеведческая функция городской газеты реализуется через эмпирическую детализацию материальных особенностей запечатлеваемых документов.

Анализ дискурса городской газеты позволил выявить **коммуникативные принципы**, определяющие специфику регионального издания и обусловливающие особенности реализации в нём мемориально-краеведческой функции. Выделение коммуникативных принципов соответствует традициям коммуникативной стилистики текста. Так, Н.С. Болотнова, исследуя коммуникативные универсалии художественного текста, выделяет законы и принципы словесно-художественного структурирования текста [Болотнова 2011, с. 49–65]; А.В. Курьянович определяет эпистолярные коммуникативные универсалии [Курьянович 2013в, с. 84–144]. Реализация мемориально-краеведческой функции в городской газете опирается, на наш взгляд, на три коммуникативных принципа: тесной связи со своим (местным) читателем, «градоцентризма» («регионоцентризма») и краеведческого фокусирования. Названные принципы позволяют дать многоаспектную характеристику регионального издания, отражающую особенности адресата и связи с ним, содержательную специфику медиатекстов, своеобразие способов и приёмов выражения информации (*для кого*, *что* и *как* изображается). Данные принципы взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Коммуникативный принцип тесной связи со своим читателем в городской газете соотносится с её местом в типологии СМИ, которое определяется именно по аудиторному признаку, и обусловливает роль «интерактивного кода текстов региональных печатных изданий» [Орлова 2011б, с. 378], хотя диалогичность характерна для коммуникативной природы газетного текста в целом [Дускаева 2004, 2012]. Городская газета «Кузнецкий рабочий» не только с самых первых лет своего существования

публикует письма читателей, но и с 1960 г. организовала общественные приёмные. Газета придерживается позиции активного отклика на обращения читателей в редакцию, проводит собственные расследования и организует акции социальной направленности. Стилистически диалог с читателем воплощается в существовании специальных страниц и рубрик (*«Почта редакции»*, *«Диалог: читатель – газета – читатель»*, *«Трибуна – люду»*, *«Прямая речь»* и др.), в постоянной экспликации темы диалога с читателем в публикациях. Коммуникативное назначение городской газеты видится её редакции в том, чтобы быть собеседником и помощником читателя, например: *Помнить о людях, заботиться о них – это главное призвание всех ветвей власти. Неофициальной, четвёртой – прессы – тоже* (А. Белокуров, 02.05.1998). В 1990-е гг. создаются оценочные антитезы чиновничьей машины и газеты, государства и газеты, например: *Тревожный сигнал: всё чаще люди обращаются в «Кузнецкий рабочий» как в последнюю инстанцию. Государство, оказывается, не может помочь конкретному человеку в ситуации, выходящей за рамки инструкций. Да часто чиновники и не ориентированы на помощь отдельному человеку. <…> Удивительно, но часто нам удаётся помочь там, где оказалась бессильной огромная государственная машина, – иногда советом, иногда обращением к другим людям, иногда прямыми требованиями к чиновникам вспомнить о своём долге* («“Кузнецкий рабочий” открывает общественные приёмные», 30.01.1997).

Как известно, в осознании и выражении всякой идентичности важна имеющая древние корни оппозиция «свои – чужие». Исследователи подчёркивают роль данной оппозиции в медиакоммуникации [Клушина 2008а, 2008б; Кошкарова 2016; Стексова 2016]; О.В. Фельде рассматривает специфику оппозиции «свои – чужие» в языковом сознании сибиряков на основе опроса, проведённого среди красноярских и томских студентов [Фельде 2011]. «Свой читатель» в региональном медиадискурсе – земляк, отделяемый от «чужих». В.И. Даль определяет землячество как «состоянье

земляковъ, взаимность этого отношенья»; землячиться – «называться въ земляки, дружиться, какъ съ землякомъ» [Даль 1994, т. 1, с. 679]. Концептуальной основой тесной связи городской газеты со своим читателем является идея землячества, связанная с концептом «Малая родина».

Коммуникативный принцип «градоцентризма» («регионоцентризма») определяет центральную роль в издании содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации о городе и регионе (далее – СФИ, СКИ и СПИ; о видах информации см.: [Гальперин 2014, с. 27–50]). Город становится ведущей гипертемой и гипертекстовым центром издания. Краевед И.М. Гревс подчёркивал: «Надобно изучить его [города] биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность – и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа… Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, – и к чему в конце концов привело город его прошлое» (цит. по: [Лихачев 1991, с. 142]).

Жизнь города предстаёт в городской газете в её многообразии и единстве. В городской газете город становится ведущей гипертемой и гипертекстовым центром издания. В межтекстовой тематической цепочке ведущая гипертема эксплицирована с помощью базовых и дополнительных номинаций (согласно характеристике тематической цепочки текста Т.В. Матвеевой: [Матвеева 1990, с. 22]). В роли базовых номинаций выступают соответствующий астионим и прямая номинация *наш город*, в роли дополнительных номинаций – референтно тождественные номинации (перифразы *южная столица Кузбасса*, *город металлургов*, *город-сад*). Ведущая гипертема конкретизируется с помощью **краеведческих доминант** – тем, круг которых формируется в региональном медиадискурсе. (см. о роли тематической доминанты как параметра типологии медиатекста: [Чичерина 2008, с. 25]). Краеведческие доминанты связаны с осознанием и выражением региональной идентичности, воплощают своеобразие, колорит региона,

города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Краеведческие доминанты городской газеты производны по отношению к гипертеме города, но в то же время играют ключевую роль в осознании региональной идентичности. В старейшей газете Новокузнецка «Кузнецкий рабочий» краеведческими доминантами являются темы «Новокузнецк металлургический», «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», «Судьба шорского народа», особенности семантико-стилистического воплощения которых рассмотрены в данном исследовании.

Принцип краеведческого фокусирования предполагает, что отбор информации и её стилистическое воплощение нацелены на создание колоритного образа региона, подчёркивание его самобытности. Духовной основой важного для регионального медиадискурса коммуникативного принципа является концепт «Малая родина». Теоретической основой для выделения принципа краеведческого фокусирования являются концепция актуализации и концепция фокусирования.

Актуализация, в соответствии с концепцией Пражского лингвистического кружка, как «тип специального использования языковых средств в различных функциях литературного языка» противопоставлена автоматизации: «Под актуализацией <…> мы понимаем такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма, деавтоматизированное <…>» [Гавранек 1967, с. 355]. Концепция фокусирования связана с изучением аттенциональности в языке и опирается на понятие выделенности (салиентности) [Ирисханова 2014, с. 32]. О.К. Ирисханова считает, что к наиболее значимым для когнитивных описаний явлений фокусирования и дефокусирования являются понятия фигуры и фона, перенесённые «в когнитивную лингвистику непосредственно из гештальтпсихологии, в основе которой лежит <…> идея о целостности и несуммарности восприятия объектов»: «Фигура рассматривается изначально

как сущность более значимая, так как именно она выделяется нашим сознанием из окружения» [Там же, с. 33].

Е.К. Гурова, характеризуя региональные СМИ, выделяет два типа объектов, к которым привлекает внимание местное издание [Гурова 2015, с. 8]. Во-первых, это «события местного значения – фестивали, форумы, театральные премьеры, чемпионаты, празднования Дней города и знаменательных для региона дат», в представлении которых наблюдается «позитивная тональность» [Там же]. Во-вторых, для региональных СМИ характерно внимание к человеку. Исследователь дифференцирует два типичных случая. С одной стороны, – «преимущественно комплиментарное изображение “героизация” объектов публикаций: руководителей региона, представителей местной власти или крупного бизнеса, силовиков, профессиональной элиты – учителей, медиков, работников культуры» [Там же]. С другой стороны, «героем материала может стать “простой человек”, если он оказывается в необычной или трагической ситуации либо нуждается в помощи»; в этом случает «доверительный тон материала – единственное средство вызвать ответную реакцию читателя (сочувствие, желание прийти на помощь)» [Там же].

Именно благодаря принципу краеведческого фокусирования адресат приобщается к гипертеме города и краеведческим доминантам. Краеведческое фокусирование определяет «фигуры» информационно-оценочного пространства городской газеты. Например, публикации «Кузнецкого рабочего» в связи с воплощением темы «Достоевский в Кузнецке» создают яркий образ М.Д. Исаевой, акцетируют её роль в жизни и творчестве великого писателя. В рассмотренных материалах городской газеты, в соответствии с коммуникативным принципом краеведческого фокусирования, «фигурами» региональных изданий, выделенными на «фоне», становятся факты из истории края, события местного значения и люди, живущие в городе, регионе (см. рис. 3).

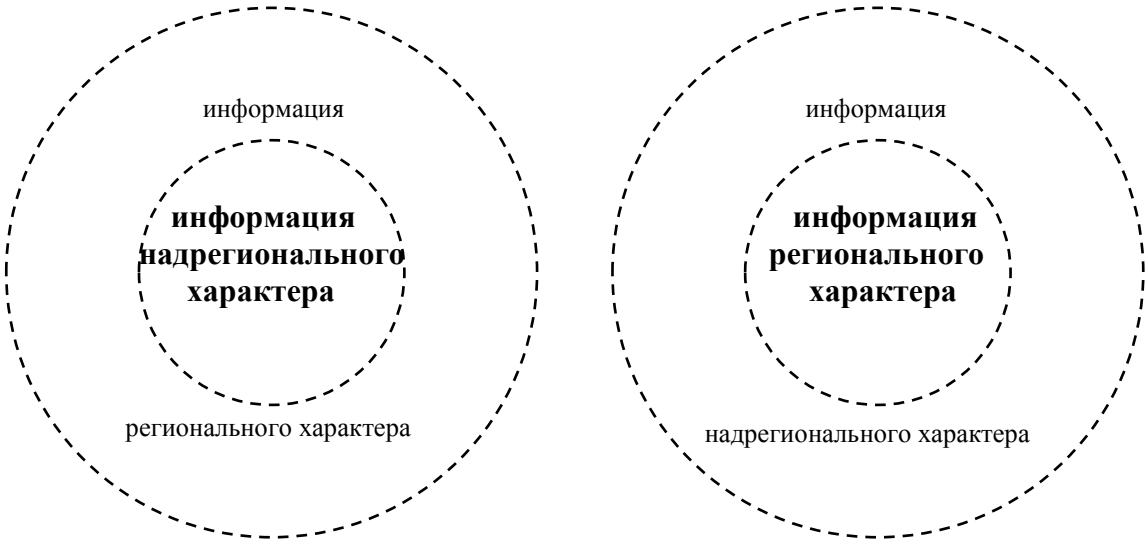


Рис. 3. Схема соотношения информации надрегионального и регионального характера в центральном (слева) и местном (справа) издании

Связь газеты с городом, его историей подчёркивается иконическими элементами, использованными в оформлении издания. Так, с 1 июля 1995 г. на первой странице представлен символ города – Кузнецкая крепость. Причём в 1997 г. рисунок крепости изменяется: изображение помещается на одном уровне с заголовком, благодаря чему создаётся ощущение, что заглавие графически является продолжением крепостной стены (рис. 4).

Рис. 4. Новое оформление газеты – 1995 г. (слева) и 1997 г. (справа).

Краеведческое фокусирование проявляется в существовании специальных рубрик, в формировании жанровой разновидности хроники *«День (неделя) в истории города»* и жанра *городского дневника*.

На языковом уровне действие принципа краеведческого фокусирования определяет не только разнообразие стилистических средств и приёмов, позволяющих выделить «фигуру» на «фоне», но и своеобразие состава и

функционирования имён собственных в текстах городской газеты. Лингвостилистические исследования (И.В. Арнольд, Л.В. Батуриной, Т.В. Матвеевой, Е.А. Нахимовой, И.С. Стам и др.) подтверждают важную роль имён собственных в газетно-публицистическом тексте. На этапе восприятия имя собственное привлекает внимание адресата благодаря использованию прописной буквы и удерживает его, если создаёт важную для читателя отсылку к референту. На этапах понимания и интерпретации оним в газетном тексте становится вербальным знаком информации трёх основных типов: СФИ, СПИ и СКИ[8]. В региональном медиатексте формируется особый круг имён собственных (антропонимов, топонимов, идеонимов, эргонимов), значимых не только в экспликации фактуальной информации о жизни региона, но и в воплощении концептуальной информации, которая важна для реализации мемориально-краеведческой функции местного издания. Регулятивная роль лингвистических средств, создающих краеведческое фокусирование, усиливается иконическими элементами креолизованных текстов.

Результатом действия принципа краеведческого фокусирования является формирование специфичных для регионального дискурса идеологем. Динамику ценностной картины мира отражают семантико-стилистические особенности таких идеологем, значимых в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в., как «город-сад», «сталь», «возрождение шорского народа».

Таким образом, в аксиосфере регионального медиадискурс наряду с надрегиональной составляющей, которой посвящена глава 2 диссертационного исследования, несомненную значимость обретает собственно региональная составляющая (см. рис. 5).

[8] См. опыт анализа семантико-стилистических особенностей имени собственного в городской газете: [Пушкарева 2011б].

Рис. 5. Аксиосфера регионального медиадискурса

На наш взгляд, продуктивной в разработке методики семантико-стилистического анализа надрегиональной и региональной составляющих динамики аксиосферы регионального медиадискурса является опора на подходы коммуникативной стилистики текста (о концепции коммуникативной стилистики текста см.: [Болотнова 1998а; 2001; 2003 (СЭС), с. 157–162; 2008, с. 58–62]). Представим в качестве единицы анализа аксиосферы медиадискурса ассоциативно-стилистический комплекс, связанный со спецификой информационного пространства медиатекста и его регулятивности.

1.4. Ассоциативно-стилистический комплекс как единица анализа аксиологической специфики медиадискурса

1.4.1. Информационное пространство медиатекста

Выделение в качестве единицы анализа аксиологической специфики медиадискурса ассоциативно-стилистического комплекса связано с особенностями информационного пространства медиатекста. Коммуникативное назначение газеты определяет роль в ней информации, которая, согласно научно-терминологическому значению, «снимает

некоторую неопределённость в уже воспринятых и частично познанных предметах и явлениях» [Гальперин 2014, с. 26] и «рассматривается как нечто противопоставленное энтропии» [Там же, с. 27]. Информационная насыщенность газетно-публицистического текста создаётся взаимодействием в нём СФИ, СКИ и СПИ. При этом подтекст в публицистике, сохраняя свою значимость, всё же не играет той ключевой роли, которая определяет специфику художественного произведения, – в текстообразовании газетных материалов ключевая роль принадлежит информации фактуальной и концептуальной, а подтекст направлен на «выполнение функции социального воздействия» и «создание эффекта однозначного восприятия» [Кайда 1991, с. 11].

Для определения сущности медиатекста обратимся к характеристике его информационного пространства. Согласимся с В.Е. Чернявской, которая, ориентируясь на семиотический подход в исследовании медиального пространства, утверждает, что опора на понятие пространства «чрезвычайно удобна и эвристична» [Чернявская 2013, с. 7]. И.В. Силантьев отмечает, что дискурсные взаимодействия в газете разворачиваются «на поле того или иного определённого текста и в целом – в пространстве ансамбля текстов газеты» [Силантьев 2006, с. 43]. **Информационное пространство газетного текста носит открытый характер,** что связано как с особенностями информации, представленной в газете, так и со спецификой категорий автора и адресата.

Во-первых, информационное пространство медиатекста, в соответствии с его коммуникативной сущностью, является политематичным, интертекстуальным, интердискурсивным. Актуализация интертекстуальных связей характерна для современной публицистики [Варченко 2012, Карпенко 2012, Михина 2013, Пушкарева 2014, Чернявская 2013 и др.]. Продолжая размышления К. Адамчика (2004) и И.К. Архипова (2004), Е.В. Чернявская обосновывает целесообразность использования термина «интердискурсивность» для обозначения феномена интертекстуальности в

широком смысле, обоснованном в трудах Ю. Кристевой, Ж. Деррида, М. Риффатера и др., – феномена интертекста, или «текста в голове», «поскольку речь идёт об интегрированном в целостную систему человеческом знании, рассеянном во многих дискурсивных формациях» [Чернявская 2013, с. 197] (понятие дискурсивных формаций принадлежит М. Фуко, который толковал их как «отдельные социально-исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации» [Там же, с. 192]). Чтобы подчеркнуть содержательную разнородность, пестроту газетного текста, И.В. Силантьев использует метафору *ансамбля*: «<…> тексты газеты образуют *ансамбль*, говорящий разными и многими голосами – голосами различных и многих дискурсов. Подчеркнём – голосами не авторов и не просто субъектов мысли и высказывания, а голосами дискурсов, воплощённых и в авторстве, и в субъективности высказываний, и в текстах собственно» [Силантьев 2006, с. 56]. Исследователь наряду с собственно журналистским дискурсом (и его ведущей разновидностью – дискурсом газетным) выделяет такие разновидности, как дискурс повседневности (обиходного общения), технический профессиональный, политический, дискурс российского государственного официоза (бюрократический дискурс), церковно-православный, спортивный, рекламный и др. [Там же, с. 194–200].

Во-вторых, специфика информационного пространства газетного текста определяется своеобразием категории автора, его коммуникативной установки на оперативную передачу широко обсуждаемой информации, ориентированную на массового читателя.

Г.Я. Солганик характеризует современную картину мира, «творимую публицистикой», как дробную, фрагментарную, мозаичную: «И это следствие не только технологии журналистского производства, но и самой природы публицистики, стремящейся поспеть за событиями, успеть запечатлеть, зафиксировать и хотя бы частично осмыслить тот или иной фрагмент действительности» [Солганик 2008, с. 29]. Если автор

художественного произведения вкладывает в него эстетическую информацию и тем самым включается в неповторимый акт духовной коммуникации, то журналист оперативно откликается на злободневные вопросы общественно-политического характера и потому продуцирует тексты в большом количестве. И.В. Арнольд указывает на неизбежность повторения журналистом тем и аргументов [Арнольд 2009, с. 344]. И.В. Силантьев определяет газетные тексты как «тексты-однодневки»: «Если литературно-художественный текст ещё можно представить в отрыве от его рукописного или книжного воплощения, как некую идеальную ипостась духовного начала культуры, то тексты, функционирующие в печатных средствах массовой информации, – это тексты-однодневки, умирающие вместе с их вещным носителем, с их общим непрочным телом, газетой, где-нибудь в мусорной корзине» [Силантьев 2006, с. 45–46].

Согласно характеристике В.В. Варченко, «медиа-текст <…> по сути своей является синтезом многочисленных текстов, произведённых разными людьми и в разных обстоятельствах» [Варченко 2012, с. 9]. В пространстве массовых коммуникаций, особенно в сети Интернет, текст нередко приобретает анонимность, теряя связь со своим создателем. Специфику интерпретационной деятельности современного журналиста И.В. Анненкова соотносит с «неоэпохой культуры готового слова»: «сегодня автор-скриптор (журналист) властвует не только и не столько над своим словом, сколько над чужим, т.е. не творит, а интерпретирует это слово, а значит, и саму действительность» [Анненкова 2011, с. 16]. Тексты талантливых журналистов, безусловно, отражают их творческую индивидуальность, но в то же время они неизбежно включены в информационное пространство других текстов данного автора и материалов других авторов, обсуждающих тот или иной злободневный вопрос.

Г.Я. Солганик отмечает тесное и сложное взаимодействие категорий «автор» и «читатель» в публицистике: «Читатель в публицистике – это зеркало, в котором отражается автор. Моделируя образ читателя, автор

моделирует (или корректирует, трансформирует) и свой собственный образ, ставя себя на место читателя, но не отождествляя себя с ним полностью» [Солганик 2006, с. 206]. Коммуникативная установка автора газетного текста связана с ориентацией на массового читателя, которая «заставляет автора публикации прогнозировать “оттенки” восприятия и понимания этого читателя (как правило, это усреднённый, действительно массовый тип интеллекта и в целом мироощущения, спроецированный к тому же на специфику российского, а часто и чисто русского интеллекта)» [Данилевская 1996, с. 107].

В-третьих, особенности информационного пространства газетного текста определяются спецификой читательского восприятия. На своеобразие категории читателя газеты обращает внимание И.В. Арнольд: «Газету обычно читают в условиях, когда сосредоточиться довольно трудно: в метро, в поезде, за завтраком, отдыхая после работы, в обеденный перерыв, заполняя почему-либо освободившийся короткий промежуток времени и т.п. <…> Изложение не должно требовать от читателя предварительной подготовки <…>» [Арнольд 2009, с. 344]. Т.В. Чернышова в исследовании языковой личности адресата СМИ делает акцент на особенностях чтения газетных текстов: «<…> обычный читатель не тратит много времени на чтение газетного текста, а только пробегает его глазами, выхватывая основную искомую информацию <…>» [Чернышова 2009, с. 91].

В применении к газете известен феномен чтения «по диагонали»: согласно толковому словарю, читать по диагонали – «бегло просматривать текст» [БТС, с. 257]. Безусловно, в основе восприятия газеты лежит такой вид чтения, как просмотровое, при котором «перед читающим ставится задача получить самое общее представление о содержании текста» [Ипполитова 1990, с. 272]: «Просмотровое чтение базируется на умениях выделять смысловые вехи по начальным фразам абзаца, по заголовкам, членить текст на смысловые части, выделять и обобщать факты в процессе чтения, прогнозировать дальнейшее развёртывание текста» [Там же, с. 275]. Если

адресата заинтересовала информация, извлечённая в процессе просмотрового чтения, то этот вид деятельности адресата может перерасти в другие, предполагающие более глубокое погружение в информационное пространство текста, – ознакомительное и изучающее чтение: «Ознакомительное чтение – это быстрый вид чтения, задачей которого является понимание основных идей каждого абзаца (каждой части) и текста в целом, усвоение его содержания без установки на последующее воспроизведение» [Ипполитова 1990, с. 273]; «Изучающее чтение обеспечивает вдумчивое, глубокое понимание содержания текста и полный его охват» [Там же, с. 272]. Самым редким видом чтения газеты, как следует из приведённой характеристики, является изучающее чтение.

Каждый газетный текст включён в информационное пространство данной газеты – не только её конкретного номера, который можно рассматривать как поликодовое единство – гипертекст (см. об этом: [Никифорова 2011]), но и ряда номеров, в которых обсуждался злободневный вопрос. Кроме того, постоянный читатель газеты попадает в информационное пространство, отражающее концепцию периодического издания, логику обсуждения в нём определённой проблемы. Происходит также взаимодействие с другими источниками информации, с которыми знаком адресат. С учётом вышеизложенного можно утверждать, что восприятие читателем газетного текста – это восприятие открытого информационного пространства, принципы организации которого во многом соответствуют особенностям гипертекста (гипертекст – «больше, чем текст» [Эпштейн 1998]). Гипертекст, согласно характеристике Л.Р. Дускаевой и О.В. Протопоповой, обеспечивает «нелинейную организацию содержания со стороны адресанта и возможность нелинейного восприятия содержания со стороны адресата» [СЭС, с. 650]. Нелинейная организация содержания со стороны адресанта проявляется как в основной коммуникативной установке (на оперативную передачу широко обсуждаемой информации, ориентированную на массового читателя), так и в особых способах подачи

информации. Например, в городской газете «Кузнецкий рабочий» мы отметили публикацию текстов с продолжением, представленным в нескольких номерах газеты, и возвращение к обсуждению актуальных вопросов, в том числе в рубриках *«Дискуссионная трибуна»*, *«По следам публикации»*. В современных СМИ гипертекстуальность медиатекста связана с его включённостью в сеть Интернет [Пескова 2013]. В частности, читатели «Кузнецкого рабочего» на официальном сайте городской газеты имеют возможность обратиться к архиву номеров и принять участие в обсуждении публикаций. Таким образом, принцип нелинейного восприятия содержания адресатом играет ключевую роль в медиадискурсе, возрастающую в местной прессе в связи с ролью в ней интерактивного кода.

Открытость информационного пространства газетного текста проявляется в особой значимости **ключевых смыслов, обладающих межтекстовым статусом**, и определяет специфику подходов к анализу медиатекста. Считаем целесообразным для анализа ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус в медиапространстве, обратиться к понятию ассоциативно-стилистического комплекса, разработанному с опорой на теорию регулятивности текста и на традиционно значимое для стилистики понятие стилистического приёма.

1.4.2. Методика выявления ассоциативно-стилистических комплексов

Обозначим с помощью термина **«ассоциативно-стилистический комплекс»** единицу анализа медиатекста, представляющую собой **совокупность текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм,** которые соотносятся с определёнными именами собственными, актуализируются с помощью стилистических приёмов и участвуют в репрезентации в медиадискурсе ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.

Методика выявления ассоциативно-стилистических комплексов (далее – АСК) опирается на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста. Изучение текста в прагматическом аспекте даёт возможность «детально анализировать разнообразные условия коммуникации, условия порождения высказываний, которые определённым образом связаны с характером порождаемого текста, с его языковыми особенностями» [Левицкий 2006, с. 60]. Н.С. Болотнова определяет прагматичность текста как «способность вызывать коммуникативный эффект, отражающий интенцию автора, его коммуникативную стратегию и концептуальную картину мира», при этом исследователь отмечает, что «регулятивность текста определяет его прагматичность», и вслед за Е.В. Сидоровым трактует регулятивность текста как «его системное качество» [Болотнова 2008, с. 165–166]. Согласно подходу Е.В. Сидорова, регулятивная функция относится к ядерным функциям текста наряду с социальной и системной [Сидоров 1987, с. 45]. «Регулятивная функция текста находит своё выражение в том, что через восприятие получателем сообщения текст определённым образом управляет его коммуникативной деятельностью, определяет её с точки зрения идеального содержания, количества и характера речемыслительных действий, их структуры, взаимного сцепления, мотивации, конечного продукта деятельности и т.п.» [Там же, с. 44]. В рамках коммуникативной стилистики текста теория регулятивности разрабатывается на лингвостилистической основе [Болотнова 1998а, 1998б, 2001, 2003 (СЭС), 2008, 2011в и др.; Петрова 2000, 2002, 2015; Яцуга 2006 и др.].

Ключевые смыслы с межтекстовым статусом, формирующиеся в открытом информационном пространстве медиатекста, актуализируются благодаря комплексам регулятивных средств и структур (регулятивов) – АСК. Выявление и анализ АСК позволяют охарактеризовать смысловые нюансы, сопряжённые с ключевым смыслом, и определить стилистические закономерности их репрезентации. Методика выявления АСК для анализа

аксиосферы медиадискурса основана на подходах коммуникативной стилистики текста, стилистики декодирования и методики изучения интерпретационного поля концепта З.Д. Поповой, И.А. Стернина [Попова, Стернин 2010, с. 110–115].

Публицистические тексты, раскрывающие содержание концепта «присущими им средствами», согласно концепции З.Д. Поповой, И.А. Стернина, входят в перечень средств, которые могут обеспечить описание концепта в процессе лингвокогнитивного исследования [Попова, Стернин 2010, с. 69–70]. При этом исследователи предлагают обращаться к публицистическим текстам как для установления ядра номинативного поля концепта, так и для установления его периферии [Там же, с. 179]. При анализе текстов, в соответствии с логикой семантико-когнитивного описания концептов, необходимо обратить внимание на контексты, «в которых номинируется исследуемый концепт», «на номинации видовых разновидностей денотата концепта и отдельных признаков концепта», провести «анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке» [Там же].

Использование в термине «АСК» слова *комплекс* и компонента *стилистический* учитывает традиции стилистики декодирования, которая рассматривает конвергенцию (термин М. Риффатера) среди типов выдвижения, т.е. «способов формальной организации текста, фокусирующих внимание читателя на определённых элементах сообщения и устанавливающих семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [Арнольд 2009, с. 99]. Понятие комплекса связано также с концепцией коммуникативной стилистики, которая исследует законы текстовой системности, что определяет особое внимание к специфике взаимодействия стилистических средств и приёмов. Включение в термин компонента *ассоциативно-* обусловлено тем, что коммуникативная стилистика рассматривает лексическую структуру текста в ассоциативном

аспекте и разрабатывает методику реконструкции текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей [Болотнова 1992, 1994 и др.].

Выявление АСК для анализа аксиологической специфики газетного текста включает несколько этапов:

- первичное определение ключевого смысла, который обладает в медиапространстве межтекстовым статусом и связан с надрегиональной и собственно региональной составляющими ценностной картины мира, отражённой в региональном медиадискурсе;
- анализ текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм, репрезентирующих рассматриваемые ключевые смыслы;
- определение семантико-стилистической роли имён собственных, включённых в контексты с выявленными текстовыми синтагмами и смысловыми лексическими парадигмами;
- выделение стилистических приёмов, актуализирующих текстовые синтагмы и смысловые лексические парадигмы;
- систематизация результатов семантико-стилистического анализа, предполагающая выход на межтекстовый уровень – к аксиосфере медиапространства.

Рассмотрим названные этапы подробнее.

1. Первичное определение ключевого смысла, обладающего в медиапространстве межтекстовым статусом и связанного с надрегиональной и собственно региональной составляющими ценностной картины мира, отражённой в региональном медиадискурсе.

Выбранный номинат АСК обозначает ключевой смысл, носящий межтекстовый статус. С одной стороны, первичное определение ключевого смысла предполагает работу с эмпирическими данными. Так, в предпринятом исследовании первичное выявление ключевых смыслов, которые связаны с надрегиональной составляющей ценностной картины мира, отражённой в региональном медиадискурсе, опирается на просмотровое чтение газетных текстов, содержащих слова *правда*, *истина*,

их дериваты и другие лексические репрезентанты семантики правды / лжи. Ключевые смыслы, соотнесённые с собственно региональной составляющей аксиосферы, определяются на материале текстов, раскрывающих краеведческие доминанты.

С другой стороны, первичное определение ключевого смысла связано с изучением лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований, в которых отражается ментально-языковая специфика ключевых концептов культуры и идеологем. Так, в ходе анализа аксиосферы регионального медиадискурса учитывались данные исследований о концептах «Правда» и «Истина» М.И. Агиенко, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, А. Вежбицкой, В.Г. Гака, С.А. Лишаева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова и др.

Дальнейшее изучение ключевых смыслов, а также средств и способов их репрезентации в медиатекстах опирается на идею «челночного» (Л.Ю. Максимов) характера исследования связи языка и смысла, т.е. «постоянных переходов от содержания к форме и обратно» [Николина 1993, с. 5].

2. Анализ текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм, репрезентирующих рассматриваемые ключевые смыслы.

Согласно подходу возглавляемой Н.С. Болотновой научной школы коммуникативной стилистики текста, необходимо комплексное изучение «целого текста (речевого произведения) как формы коммуникации и явления идиостиля» [Болотнова 2008, с. 58]. Коммуникативная стилистика, исследующая выразительные особенности письменного текста с точки зрения их рецептивной значимости, обосновывает такой продуктивный метод изучения текстовой системности, как анализ текстовой синтагматики и парадигматики. При этом лексическая структура текста рассматривается как ассоциативно-вербальная сеть, единство которой определяется коммуникативным замыслом автора и хранит регулятивный потенциал произведения.

В.В. Виноградов в статье 1950 г. «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» разграничил подходы учения о словосочетании и учения о синтагме в синтаксисе: «от элементов к целому (словосочетание) и от целого к элементам (синтагма)» (цит. по: [Петровский 1980, с. 12]). **Текстовые синтагмы** как элементы «смысловые, семантические, синтаксический объём которых был различен и зависел от смысла высказывания и от стиля речи», выделялись ещё древними писцами с помощью красных точек, или «синтагматических точек» [Там же]. В перечне законов словесно-художественного структурирования текста Н.С. Болотновой представлен «закон гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики» [Болотнова 1994, с. 154–161]. Исследователь подчёркивает, что «при динамическом (коммуникативном) подходе к текстовой синтагматике особую значимость приобретает изучение законов смысловой комбинаторики, выявление связей и отношений лексических элементов, репрезентирующих смыслы отдельных высказываний в сознании воспринимающего текст субъекта» [Болотнова 1992, с. 163]. Таким образом, выявленные текстовые синтагмы, включающие рассматриваемые ключевые слова, позволяют охарактеризовать особенности лексической сочетаемости, которая может иметь как узуальную, так и окказиональную основу.

Основными принципами организации **текстовой парадигматики** являются такие типы выдвижения, как повтор и контраст. Роль повтора и контраста в текстообразовании традиционно является предметом исследования филологов (И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, И.Р. Гальперина, Н.В. Данилевской, А.А. Даниловой, С. Левина, Ю.К. Лекомцева, Ю.М. Лотмана, В.А. Лукина, Г.Г. Москальчук, В.П. Москвина, Н.А. Николиной, Г.Г. Хазагерова и др.), в том числе представителей коммуникативной стилистики текста (Н.С. Болотновой, Ю.Е. Бочкаревой, О.Л. Кабаниной, Н.Г. Петровой, И.А. Пушкарёвой, Т.Ю. Семеновой, Ю.Ю. Семиряковой и др.).

Текстовая парадигматика является важным объектом исследования с точки зрения психолингвистического подхода. В формировании текста и управлении его восприятием важны единицы лексического уровня [Жинкин 2009]. При этом особое внимание в нейролингвистике уделяется закономерностям объединения «отстоящих друг от друга элементов высказывания»: «Фразы не являются изолированными звеньями единой цепи: каждая последующая фраза “вливает” или включает в себя значение предыдущей; этот феномен, который Л.С. Выготский назвал “влиянием” или “вливанием” смыслов, оказывает существенное влияние на понимание основного содержания текста» [Лурия 1979, с. 236].

История изучения смысловых лексических парадигм в отечественной стилистике связана с трудами Н.А. Купиной (1983, 1988), В.И. Ховаева (1986), Л.И. Толстых (1986), Р.Л. Смулаковской (1987), В.В. Степановой (1988, 1990), И.С. Куликовой (1988), И.И. Степанченко (1991). Обобщающий характер носит концепция текстовых парадигм, представленная в работах Н.С. Болотновой (1992, 1994). Исследователь предлагает рассмотрение текстовых парадигм в свете коммуникативного подхода – «в составе ассоциативно-смысловых полей, организованных концептуально» [Болотнова 1992, с. 157]. Под ассоциативно-смысловыми полями понимается «концептуально организованная совокупность лексических прагмем и информем, являющихся маркерами соотносительных смысловых признаков определённой художественной реалии и формирующих в сознании читателя представления о данном элементе образного строя произведения» [Там же]. Согласно определению Н.С. Болотновой, текстовая парадигма – это «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных элементов), объединённых концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и / или внутреннего (лингвистического)» [Болотнова 1994, с. 40]. С данной характеристикой связана представленная в монографии Н.С. Болотновой типология внутрисловных и межсловных текстовых парадигм: текстовые парадигмы с экстралингвистической

ориентацией могут быть основаны на когнитивных, референтных, тематических, ситуативных ассоциациях; текстовые парадигмы, формирующиеся на лингвистической основе, могут быть формальными, содержательными (смысловыми) и формально-содержательными [Болотнова 1994, с. 40–41]. Исследователь говорит о важной роли смысловых лексических парадигм в формировании регулятивности текста [Болотнова 2011в, с. 37]. «Как внутрисловные, так и межсловные текстовые парадигмы имеют ассоциативную базу: являясь средствами регулятивности текста, они фиксируются в сознании коммуникантов на одном из этапов их познавательной деятельности (на основе референтных, когнитивных, языковых ассоциаций, стимулированных элементами лексической структуры текста)» [Болотнова 2008, с. 263].

Текстовые и межтекстовые смысловые лексические парадигмы значимы в процессе смыслоформирования не только при восприятии художественного произведения, но и текста любой жанрово-стилевой ориентации, поскольку целостность текста неизбежно проявляется в законах текстовой синтагматики и парадигматики. Эти законы соотносятся с коммуникативной установкой текстов информационной публицистики, отражают своеобразие авторского мироощущения и стиля в аналитической и художественной публицистике. Как и при общении адресата с художественным произведением, восприятие текстовой «горизонтали» при погружении в публицистический текст перерастает в восприятие текстовой «вертикали» – возникает «смысловое эхо» (понятие Б.А. Ларина). В результате эффекта «смыслового эха» только что воспринятое слово (сверхсловный элемент) перекликается по смыслу с воспринятым ранее, между ними устанавливается контекстуальная смысловая связь на основе повтора или контраста. «Смысловое эхо» может углублять «вертикаль», формируя межтекстовые смысловые лексические парадигмы.

Семантическая основа соотнесённости компонентов лексической парадигмы на основе повтора и контраста соответствует характеристике

таких типов связи в лексических полевых структурах, как связь-вхождение и связь-расхождение [Попова 1989]. В работах по коммуникативной стилистике текста представлено исследование смысловых лексических парадигм, основанных на связи-вхождении и связи-расхождении, в лирике М.И. Цветаевой [Пушкарева 1999]. «На идентичности сем основано несколько видов связи, обозначаемых нами общим термином “вхождение”»: гиперо-гипонимическая, пересечение, синонимическая, градуальная, партитивная [Попова 1989, с. 34–35]. В основе смысловых лексических парадигм, реализующих **связь-вхождение**, лежит явление изотопии, впервые в лингвистике текста описанное А. Греймасом (1966). «Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется “семная рекурренция”, т.е. семный повтор. Другими словами, в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы, в результате чего возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» – «изотопическая сеть» (Isotopienetz) [Филиппов 2003, с. 260]. В процессе настоящего исследования выявлялись текстовые и межтекстовые смысловые лексические парадигмы, основанные на семной рекурренции, – **изотопические цепочки,** актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как повтор. В газетном тексте связь компонентов изотопической цепочки нередко подчёркивается с помощью такой синтаксической конструкции, как ряд однородных членов[9].

Связь-расхождение основана «на контрастности содержания сем» и включает три разновидности: антонимическая связь, связь несовместимости и связь противодействия [Попова 1989, с. 38–39]. В настоящем исследовании были рассмотрены смысловые лексические парадигмы, основанные на связи-расхождении. Они актуализируются благодаря такому типу выдвижения, как контраст, и представляют собой пары слов (сверхсловных элементов),

[9] И.В. Арнольд при анализе англоязычного материала указывает на важную роль сочинительных сочетаний в установлении тематической сетки поэтического произведения [Арнольд 2009, с. 190].

образующие антитезы или оксюмороны, имеющие текстовый или межтекстовый статус.

Например, АСК «поиск истины (правды)» в текстах о литературе и искусстве 1980–2005 гг. передаётся текстовыми синтагмами *поиск (поиски) истины*, *искать истину*, *дорога к истине*, *хождения за истиной*, *достигается истина*, *поиски правды*, *устремления к правде*, *приходить за правдой*, изотопическими цепочками *истина – добро* (Л. Самошкина, 23.12.1987), *Бог – истина* (Т. Тихомирова, 12.04.2003), *добро – правда* (Л. Савицкая, 25.09.1980; Л. Павлова, 17.09.1982), *добро – правда – радость* (Л. Павлова, 17.09.1982), антитезами *идеальные устремления к добру, правде – мир суровой реальности* (Л. Савицкая, 25.09.1980), *правда, истина – ложный путь* (Л. Самошкина, 23.12.1987) и др.

АСК включает фрагменты текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей (в соответствии с концепцией Н.С. Болотновой о лексической структуре текста в ассоциативном аспекте). На наш взгляд, в ходе аксиологического анализа медиатекста нет той необходимости в выявлении целостных ассоциативно-смысловых полей, которая является органичной при анализе художественного произведения (см. о моделировании ассоциативно-смысловых полей текста: [Карпенко 2000; Бабенко 2001; Васильева 2004; Яцуга 2006; Болотнов 2009 и др.]). Ассоциативно-смысловое поле художественного текста отражает уникальность авторской эстетической установки, тогда как при аксиологическом исследовании медиадискурса прежде всего необходимо выявить имеющий межтекстовый статус круг репрезентантов ядра интерпретационного поля концепта, входящего в ценностную картину мира. Система оригинальных аксиопозиций автора-журналиста и способов их репрезентации, напротив, входит в периферийную часть интерпретационного поля концепта и предполагает не полную, а лишь частичную реконструкцию лексической структуры текста.

Отобранные в ходе анализа текстовые синтагмы и смысловые лексические парадигмы нуждаются в дальнейшем семантико-стилистическом анализе, осуществить который помогут следующие этапы методики выявления АСК.

3. Определение семантико-стилистической роли имён собственных, включённых в контексты с выявленными текстовыми синтагмами и смысловыми лексическими парадигмами.

Внимание к именам собственным в процессе выявления АСК определяется особой регулятивной ролью онимов в медиатексте. В частности, первостепенное значение в газетном тексте имеет заголовочный оним – библионим. В воплощении важнейших информационных программ публицистического текста – объективно-логической, оценочной и прагматической [Матвеева 1990, с. 84] – ключевая роль принадлежит заголовку, находящемуся в сильной позиции текста. «Давно известно, что заголовок является важнейшей частью газетно-журнальных текстов: по данным исследователей, на него приходится около 80 % внимания читателей» [Руженцева 2012б, с. 34]. Изучение газетного заголовка в отечественной стилистике имеет глубокие традиции [Костомаров 1965; Вомперский 1966; Попов 1966; Стам 1982а, б; Хазагеров 1984; Лазарева 1989 и др.]. Исследователи едины в характеристике информативно-воздействующей функции газетного заголовка, которая отражает природу газетно-публицистического стиля, но именно в заголовке воплощается наиболее ярко: «в заголовке <…> требование компрессии информации и привлечение внимания и интереса читателя оказываются особенно настоятельными» [Арнольд 2009, с. 347]. Согласно характеристике Т.П. Нефедовой, заголовок выполняет номинативную, информативную и рекламную функции [Нефедова 1977, с. 81–83]. Ср.: «В обыденном сознании читателя заголовок выступает как сигнал, вызывающий определённую реакцию, прежде всего: “читать или не читать”» [Стам 1982а, с. 25]; «Газетные заголовки должны быть привлекательными (рекламная функция) и

в то же время давать представление о содержании текста» [Сальникова 1983, с. 60].

Н.С. Болотнова, отмечая значимость исследования заголовка в таких аспектах, как информативно-смысловой (Л.П. Руденко, О.М. Копыленко, Н.А. Змиевская, И.Р. Гальперин) и структурный (Н.А. Змиевская, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко), обращает внимание на роль коммуникативного аспекта (О.М. Копыленко, Н.А. Змиевская, Г.В. Колшанский, И.Р. Гальперин), предполагающего анализ «с позиций интерпретации текста» [Болотнова 1992, с. 66–67]. Заголовок, согласно характеристике Н.Г. Петровой, – «первый элемент в системе лексических средств регулятивности поэтического текста» [Петрова 2000, с. 22]: «<…> заглавие предоставляет читателю и первые ориентиры, по которым в дальнейшем будет происходить восприятие им текста как целого» [Петрова 2011, с. 41]. Исследователь рассматривает заголовки поэтических произведений с позиций теории регулятивности: выявляет закономерности эстетического воздействия заглавий, анализирует лексические регулятивные модели, включающие заглавие [Петрова 2000, с. 18–22], разрабатывает и применяет основания для анализа заглавий поэтических текстов [Петрова 2011]. Регулятивный аспект исследования названий поэтических произведений также представлен в работах Ю.Е. Бочкарёвой (1999), А.Н. Васильевой (2001), П.А. Становкина (2012), газетные заголовки в указанном аспекте рассматривает Ю.А. Богомолова (2009, 2010, 2011). Коммуникативный подход к исследованию газетных заголовков актуален в современной лингвистике [Семенец 2002; Милованова 2010; Зекиева 2011; Руженцева 2012а; Симановская 2013]. Развивается аксиологическое направление в изучении газетных заголовков [Шипицына, Свистельникова 2010; Руженцева 2012б]. Итак, заголовок газетно-публицистического текста привлекает внимание читателя, ориентирует его в информационном пространстве издания, приобщает к его оценочной программе. Поэтому в

настоящем исследовании именно на основе сплошной выборки по заголовкам создана значительная часть эмпирической базы исследования.

Однако для выявления АСК используются не только библионимы: газетные материалы насыщены таким регулятивным средством, как имя собственное. Исследователи газетной лексики отмечают «большой процент собственных имён: топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций и т.д.» [Арнольд 2009, с. 344]. Т.В. Матвеева, характеризуя тематическую цепочку публицистического текста, называет имя собственное «базовой номинацией» («если предмет речи характеризуется его наличием») [Матвеева 1990, с. 85]. Стилистическое исследование имён собственных в отечественной лингвистике восходит к изучению роли онимов в художественном произведении. Об этом важном направлении говорит В.В. Виноградов, раскрывая задачи стилистики художественной литературы как одного из «кругов» стилистики [Виноградов 1981, с. 51]. В.Д. Бондалетов характеризует стилистический метод как необходимый при исследовании имён собственных: анализ «второго ономастического пространства», представленного в художественной литературе и фольклоре, «требует применения, наряду с другими методами, особого стилистического метода с множеством разнообразных лингвостилистических, литературоведческих, а также комплексных филологических методик и приёмов» [Бондалетов 1983, с. 63]. Роль имени собственного в художественном произведении рассматривается в современных исследованиях по филологическому анализу текста [Бабенко 2001; Васильева 2005, 2009; Лукин 1999; Фонякова 1990 и др.].

Функции имени собственного в языке [Суперанская 1973, с. 266–273] находят своеобразное преломление в тексте. В рамках филологического анализа текста формируется круг методологических проблем, связанных с изучением функционирования имени собственного в тексте. Так, для Н.В. Васильевой «то пространство, где имя собственное реализует себя и где оно оставляет свой след», – это «мир текста» [Васильева 2009, с. 7].

Исследователь формулирует «три блока проблем», связанных с исследованием собственного имени в мире текста: «введение имени в текст»: «“продвижение” имени в тексте»; «имя на выходе из текста» [Там же, с. 6–7].

Имена собственные в газетно-публицистическом тексте рассматриваются как «полифункциональные знаки», которые «являются связующим элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста» [Батурина 2004]. Особое внимание, в связи с прагматической значимостью, уделяется прецедентным онимам и структурно-семантическим приёмам трансформации имён собственных в газетных текстах. Так, докторская диссертация Е.А. Нахимовой посвящена когнитивно-дискурсивному исследованию прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации [Нахимова 2011]. Исследователь делает вывод о том, что «прецедентные онимы используются в современной отечественной массовой коммуникации как важное средство постижения, категоризации, концептуализации, представления и оценки действительности» [Там же, с. 38]. Рассмотрим факторы, определяющие особую роль онима в коммуникации, на этапах восприятия, понимания и интерпретации текста.

На этапе восприятия, первом в декодировании имени собственного, оним существует автономно по отношению к тексту. Регулятивная роль онимов на этапе восприятия предопределена как их особым графическим обликом, так и особым семиотическим статусом. И.В. Арнольд отмечает стилистическую роль слов, написанных с заглавной буквы в тексте [Арнольд 2008, с. 308]. Поскольку имена собственные выделены в тексте уже благодаря орфографической норме, читателю легче заметить их среди слов, написанных со строчной буквы. Особый графический облик онимов активизирует непроизвольное внимание адресата. Особый семиотический статус онимов, согласно характеристике В.Н. Топорова, связан с «промежуточным положением» имён собственных «между обычными языковыми и “иероглифическими” элементами текста (иностранными

словами и выражениями, аббревиатурами, символами специализированных языков и под.)» [Бондалетов 1983, с. 33].

Регулятивная роль онима, воспринимаемого адресатом, зависит от характера референтной отсылки, определяющей специфику «отбора» адресата. Имена собственные позволяют тексту найти «своего» читателя, которому важна обозначенная онимом отсылка к референту. В.А. Лукин отмечает, что в художественном произведении «в начале текста, при первом употреблении, имя собственное – индексальный знак, подобный неопределённому артиклю» [Лукин 1999, с. 30]. При начальном восприятии газетно-публицистического текста возможны два случая: 1) имя собственное – индексальный знак, указывающий на референт, «который получатель воспринимает как некоторый X» [Лукин 1999, с. 30], но, в отличие от X художественного текста, этот X мыслится как реально существующий объект (за исключением отдельных случаев, таких как некоторые онимы художественной публицистики или онимы, отражающие сферу «Мир искусства»); 2) имя собственное «становится вербальным признаком описываемого объекта» [Мурзин, Штерн 1991, с. 51], в той или иной степени знакомого адресату.

Имя собственное как индексальный знак может привлечь внимание адресата только своей интересной формой, его референция осуществляется на этапах понимания и интерпретации, т.е. при погружении в мир текста. Оним как вербальный знак описываемого объекта обладает «мысленным досье»: «<…> с точки зрения “неокаузального” подхода к референции для адресата речи установить референцию именной группы – значит локализовать впервые вводимый в его поле зрения объект в релевантном денотативном пространстве или идентифицировать объект с ранее известным ему объектом, сведения о котором хранятся в “мысленном досье” в соответствующем участке памяти» [Шмелев 1997, с. 497]. При формировании «мысленного досье» онима важна такая таксономическая процедура, как определение разновидности имени собственного по характеру

обозначаемого объекта (о многообразии имён собственных см.: [Подольская 1988]; ономастическая терминология используется в диссертации в соответствии с указанным словарём). В газетном тексте использование онимов определённой группы (антропонимы, топонимы, эргонимы и др.) связано не только с фактуальной, но и с концептуальной информацией. Н.В. Васильева высоко оценивает метафорический термин «мысленное досье», поскольку он «отражает операции, осуществляемые носителем языка в процессе получения и обработки ономастической информации» [Васильева 2009, с. 29]. Соответственно, имя собственное привлечёт к дальнейшему общению с текстом того адресата, который, обладая определённым «мысленным досье», захочет получить информацию об обозначенном референте.

На этапах понимания и интерпретации имя собственное погружается в мир текста. Как уже отмечалось, Н.В. Васильева разграничивает три стадии такого погружения: «введение имени в текст», «“продвижение” имени в тексте», «имя на выходе из текста» [Васильева 2009, с. 6]. На этапах понимания и интерпретации текста не только актуализируются определённые участки фоновых знаний читателя, связанных с именем собственным, но и вводится новая информация, оним становится компонентом смысловой структуры текста. Введение имени в текст управляет процессом понимания. Со стилистической точки зрения важны позиция онима в тексте (расположение в сильных позициях или на других участках текстового развёртывания), выбор формы имени и «апеллятивный конвой» [Там же, с. 35], функции которого не ограничиваются информативно-идентификационной. В соответствии с моделью Н.В. Васильевой, этап понимания имени собственного связан прежде всего с его «продвижением» в тексте: «Здесь важным представляется выделение для имени в тексте “оси селекции”, т.е. текстовой парадигматики (различные варианты номинации, в том числе и безымянность), и “оси комбинации”, т.е. синтагматических партнёров имени» [Там же, с. 6]. Вхождение в смысловую структуру текста

на этапе понимания проявляется во включённости онимов в контексты, насыщенные эмоционально-экспрессивно и концептуально (согласно подходу Н.В. Васильевой, создаётся «индуцирующий эффект контекста» [Васильева 2009, с. 70]), и в смысловые лексические парадигмы. Особую текстовую парадигму представляет «номинационная цепочка», в которую входит имя собственное (см. о ней: [Матвеева 1990, с. 85–88]).

Безусловно, в газетной публицистике имя собственное «светит отражённым светом развёрнутого текста» [Мурзин, Штерн 1991, с. 53]: употребление онимов связано с авторской концепцией и характерными для неё акцентами. Этап интерпретации места имени собственного в мире текста в модели Н.В. Васильевой отражён как «имя на выходе из текста» [Васильева 2009, с. 6] и связан с открытым характером информационного пространства текста.

Можно выделить два типа газетных текстов по способу введения имени собственного: 1) тексты, в которых имя собственное непосредственно связано с основной темой публикации; 2) тексты, в которых имя собственное появляется «точечно», во вспомогательной функции по отношению к основной теме. Имена собственные сопровождаются в газетном тексте стилистически значимыми идентификаторами, включаются в стилистические приёмы, входят в смысловые лексические парадигмы (текстовые и межтекстовые), среди которых особое место занимают номинационные (тематические) цепочки. Например, в рассмотренных материалах в контекстах, раскрывающих содержание ценностной категории *Правда*, в период перестройки с этической оценкой употребляются антропонимы *А.И. Солженицын*, *А.Д. Сахаров*, в XXI в. – *В. Высоцкий*, *В. Цой* и *С. Бодров*, что позволяет судить о нравственных ориентирах общества. Упомянутые онимы чаще всего используются «точечно», во вспомогательной функции по отношению к основной теме. Тогда как связанные с краеведческой доминантой «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» имена двух главных участников «кузнецкой коллизии» в преобладающем большинстве случаев соотнесены с

основной темой публикации и неоднократно включены в контексты, реализующие законы художественно-публицистической стилистики. Так, номинационная цепочка, представляющая образ М.Д. Исаевой, наряду с ключевым антропонимом включает разнообразные лексические компоненты: *самая большая любовь – (кузнецкая) (страдающая) Муза (муза) – судьба – прототип многих героинь («матерь» героинь) – Одигитрия-путеводительница – вдохновительница.*

Таким образом, третий этап выявления АСК позволяет показать особое место имён собственных в системе значимых семантико-стилистических элементов газетного текста.

4. Анализ стилистических приёмов, актуализирующих текстовые синтагмы и смысловые лексические парадигмы.

Прагматическая (экспрессивная) программа газетно-публицистического текста «затрагивает существо газетного текста, её роль здесь – строевая, а не дополнительная» [Матвеева 1990, с. 84]. Это обусловливает насыщенность публицистического текста стилистическими приёмами, которые, согласно характеристике Т.Г. Винокур, призваны выразить «экспрессивное задание высказывания» [Винокур 1980, с. 86]. Стилистический приём – «способ организации высказывания (текста), усиливающий его выразительность» [Матвеева 2003, с. 341]. Т.В. Матвеева подчёркивает, что «приёмом является как вовлечение какого-либо готового (стилистически окрашенного) средства в создание стилистического эффекта, так и конструирование композиции средств для достижения стилистического эффекта» [Там же]. А.П. Сковородников рассматривает понятие стилистического приёма «с точки зрения системного подхода к определению понятий и терминов элокуции» и моделирует иерархическую систему, включающую позиции трёх рангов: «позицию первого ранга занимает понятие риторического приёма, позицию второго ранга – понятие стилистического приёма (наряду с другими выделенными типами риторических приёмов), а позицию третьего ранга – понятия стилистической фигуры и тропа»; тропы и фигуры

объединяются А.П. Сковородниковым в «класс стилистических риторических приёмов» [Сковородников 2003 (СЭС), с. 366–372].

Базовое для экспрессивной стилистики понятие стилистического приёма органично используется в коммуникативной стилистике текста, разрабатывающей теорию регулятивности (см. комплексное исследование стилистических приёмов: [Курьянович 2001, 2013б; Орлова 2002, 2012б, 2012в; Тюкова 2005; Бакланова 2006; Яцуга 2006 и др.]. Н.С. Болотнова характеризует стилистический приём как «субъективный лингвистический фактор текстообразования», отражающий «особый способ текстовой организации, который выбирает автор для наиболее адекватного отражения своего видения мира и описываемой ситуации» [Болотнова 2008, с. 218–219]. Стилистические приёмы исследователь относит к регулятивным структурам (регулятивам), которые «формируются в сознании адресата на основе сопряжённости регулятивных средств» [Болотнова 2011б, с. 35], «с их помощью выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [Болотнова 2008, с. 167]. Н.Г. Петрова определяет регулятив как «микроструктуру, состоящую из элементов текста, формирующих некоторую мыслительную структуру, соотносительную с определённым “микросмыслом” и прагматическим зарядом, отражающую осознаваемую читателем микроцель в рамках определённой коммуникативной стратегии автора» [Петрова 2000, с. 8]. Говоря о типологии регулятивов, Н.С. Болотнова в качестве одного из оснований классификации называет «масштаб и радиус действия регулятивных структур» и в соответствии с данным основанием дифференцирует стилистические приёмы и типы выдвижения [Болотнова 2011б, с. 36]. Стилистические приёмы «имеют локальный характер, формируясь из отдельных регулятивных средств в рамках минимального или развёрнутого контекстов», типы выдвижения «имеют общетекстовый характер, определяя особенности текстового развёртывания в целом» [Там же].

Например, на поздних этапах перестройки (1989–1991 гг.) характеру напряжённых духовных исканий общества и жанрово-стилистическим изменениям в языке СМИ соответствуют такие особенности воплощения ценностных категорий *Правда / Истина* в рассмотренном материале, как использование метафорических образов, иронии, языковой игры, дубитации (терминологические обозначения стилистических приёмов употребляются в работе в соответствии со словарями В.П. Москвина [Москвин 2006] и Г.Г. Хазагерова [Хазагеров 2009]).

Таким образом, на четвёртом этапе выявления АСК семантико-стилистический анализ позволяет углубить понимание смысловых оттенков и выразительных особенностей текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм, актуализированных различными стилистическими приёмами.

5. Систематизация результатов семантико-стилистического анализа предполагает выход на межтекстовый уровень и позволяет дополнить и углубить первичное определение каждого ключевого смысла, связанного с репрезентацией надрегиональной и собственно региональной составляющих аксиосферы местного издания.

На заключительном этапе выявления АСК определяются закономерности репрезентации рассматриваемого ключевого смысла: выявляются опорные текстовые синтагмы и смысловые лексические парадигмы (повторяющиеся и / или обладающие большой смысловой нагрузкой); строятся межтекстовые смысловые лексические парадигмы, соотнесённые друг с другом по смыслу; определяется круг имён собственных, значимых в экспликации ключевого смысла; характеризуется система стилистических приёмов, участвующих в актуализации ключевого смысла.

На основе систематизации особенностей репрезентации ключевого смысла, в соответствии с «челночным» характером связи языка и смысла, прорисовываются смысловые нюансы, связанные с номинатом АСК.

В ходе исследования была выявлена система АСК, связанных с ценностной категорией *Правда*. Центральную роль в этой системе занимают противопоставленные друг другу АСК «служение правде» и «отступничество от правды». Каждый из этих АСК конкретизируется: АСК «служение правде» включает АСК «знание правды», «выражение правды», «борьба за правду», «правда как нравственная основа жизни»; АСК «отступничество от правды» содержит АСК «утаивание правды», «гонения на правду», «игра в правду, притворство». В представлении ценностной категории *Истина* также можно выделить противопоставленные друг другу АСК «служение истине» и «отступничество от истины». Однако, в отличие от разнообразия семантико-стилистического воплощения АСК, связанных с ценностной категорией *Правда*, в представлении категории *Истина* явно доминирует АСК «поиск истины», репрезентирующий АСК «служение истине».

В ходе анализа региональной составляющей динамики аксиосферы городской газеты были выявлены АСК «город-сад» (конкретизированный, в свою очередь, АСК «город-сад – город, богатый зелёными насаждениями», «город-сад – город с благоприятной экологической ситуацией», «город-сад – благоустроенный город»); АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири»; АСК «возрождение шорского народа» и связанные с темой «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» АСК «Кузнецк Достоевского» и «кузнецкая коллизия».

Итак, для исследования аксиологической составляющей медиатекстов в регулятивном аспекте представляется целесообразным обращение к понятию ассоциативно-стилистического комплекса. С аксиологической точки зрения региональный медиадискурс отражает динамические процессы, связанные как с существованием национального медиадискурса в целом (культурных концептов, общеупотребительных идеологем), так и с собственно региональной спецификой (динамика регионально маркированных идеологем), что определяет дальнейшую логику изложения.

Выводы

Ценность – это основанная на мировоззрении как системе жизнеопределяющих смыслов, осознанная человеком значимость различных явлений (конкретных и абстрактных, связанных с миром внешним и внутренним), формирующаяся во взаимодействии конвенционального и личностного подходов, возникшая как проявление свободы личностной ориентации (самосознания и мировоззрения) и выполняющая регулятивную функцию в жизнедеятельности человека и общества. Ценность является содержательной основой для оценки как одной из форм выражения ценностного знания. Передающие ценностную оценку языковые средства входят в круг экспликаторов ценностного знания, важных для семантико-стилистического анализа ценностной картины мира.

Поскольку ценностная картина мира – это аспект языковой картины мира, связанный с отражением в языке системы ценностей, которая формируется в результате концептуализации мира и важна в жизнедеятельности человека, изучение ценностной картины мира органично в стилистическом исследовании специфики медиадискурса, в том числе регионального медиадискурса. Трансляция системы ценностей в газетном тексте (и шире – медиатексте) связана с общественной функцией публицистического стиля, которую В.В. Виноградов характеризует как функцию воздействия, агитационно-коммуникативную функцию. Содержательная многогранность газетных материалов позволяет им отражать и формировать ценности разных типов в их системных связях. Социальная оценочность осмыслена в стилистических исследованиях как одна из главных особенностей языка газеты (Н.И. Клушина, М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, Г.Я. Солганик и др.).

Аксиологическая специфика регионального медиадискурса определяется взаимодействием ценностей надрегиональных и имеющих региональный характер. Ключевой ценностью, обладающей

надрегиональным статусом и отражающей коммуникативную сущность газетной публицистики, является *Правда*, которая в соответствии со сложившимися в лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях традициями, рассматривается в соотнесении с ценностной категорией *Истина*.

Городская газета выделяется в типологии периодической печати по аудиторному признаку. Коммуникативная специфика текста городской газеты формируется во взаимодействии двух сторон. С одной стороны, текст городской газеты обладает характеристиками, предопределёнными конструктивно-стилевыми векторами текстов масс-медиа. С другой стороны, городская газета представляет особую разновидность медиадискурса – региональный медиадискурс.

Региональная составляющая аксиосферы городской газеты отражается в семантико-стилистических особенностях гипертемы города и краеведческих доминант издания – формирующихся в региональном медиадискурсе и связанных с осознанием и выражением региональной идентичности тем, которые воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов.

Городская газета «Кузнецкий рабочий» продолжает традиции сибирской периодической печати, история которой восходит к концу XVIII века. Старейшая городская газета Новокузнецка прошла путь от рупора индустриализации «Сибирский гигант», начавшего выходить 30 марта 1930 г., до «идейной» областной газеты, тип которой выделил Г.Н. Потанин. Наследование традиций «идейных» областных газет связано не только с вниманием к событиям в регионе, но и с концептуальной основой подачи информации, со специфической для регионального медиадискурса мемориально-краеведческой функцией, которая определяет аксиологическое своеобразие местного издания, стремящегося запечатлеть настоящее города, сохранить память о его истории, восстановить связь времён и поколений.

Мемориально-краеведческая функция реализуется в городской газете через информирование и воздействие, связана с привлечением внимания общественности к осознанию региональной идентичности, без которого невозможно решение сегодняшних проблем региона и определение его будущего. В воплощении мемориально-краеведческой функции городской газетой важную роль играет обращение к такой теме, как история газеты, неразрывно связанная с историей города.

Реализация мемориально-краеведческой функции в городской газете основана на трёх коммуникативных принципах: тесной связи со своим (местным) читателем, «градоцентризма» («регионоцентризма»), краеведческого фокусирования.

Для аксиологического исследования медиатекстов в регулятивном аспекте представляется целесообразным обращение к понятию ассоциативно-стилистического комплекса, включающего текстовые синтагмы и смысловые лексические парадигмы (текстовые и межтекстовые), которые соотносятся с определёнными именами собственными, актуализируются с помощью стилистических приёмов и участвуют в репрезентации в медиадискурсе ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.

Глава 2. Ценностные категории *Правда / Истина* в региональном медиадискурсе: семантико-стилистический анализ

В главе рассматривается семантико-стилистическое воплощение в городской газете ценностных категорий *Правда / Истина*[10]. Выбор данного аспекта анализа как ключевого в исследовании медиадискурса определяется не только ролью названных ценностных категорий в культуре, но и тесной связью категории *Правда* с коммуникативными характеристиками газетной публицистики.

Для осмысления динамики ценностной картины мира в главе представлены семантико-стилистические особенности материалов городской газеты (1980–2013 гг.), включающих слова *правда*, *истина* и другие лексические репрезентанты семантики правды / истины и лжи: рассмотрено 614 текстов (см. Приложение 1); составлен график употребительности слов *правда* и *истина* в газетных заголовках. На основе семантико-стилистического анализа материалов конца XX в., сплошная выборка которых осуществлялась по газетным заголовкам, определены общие закономерности динамики рассматриваемых ценностных категорий. Сплошная выборка из публикаций XXI в., представленных на официальном сайте городской газеты, позволила выявить разнообразие смысловых оттенков и богатство стилистических средств и приёмов, связанные с представлением ценностных категорий *Правда / Истина*.

[10] В главе использован материал из статей автора: Пушкарева И.А. «Правда факта» и «правда мысли» в региональном медиадискурсе (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» 1980-х гг.) // Вестн. Томс. гос. пед. ун-та. – 2014. – Вып. 2 (143). – С. 44–52; Пушкарева И.А. Контексты сло словом «правда» в современном медиадискурсе (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 2 (28). – С. 72–84; Пушкарева И.А. Концепт «правда» в современной газетной публицистике: семантико-стилистический анализ (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 1. – С. 26–37; Пушкарева И.А. Имя концепта «истина» в медиадискурсе (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Лингвистика XXI века [Электронный ресурс] : сб. науч. ст.: к 65-летнему юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : Флинта, 2014. – С. 354–364; Пушкарева И.А. О динамике употребления слов *правда и истина* в газетных заголовках конца XX века (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. (28–30 апреля 2016 г.). – М. : Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 482–485.

2.1. Семантические составляющие ценностных категорий *Правда / Истина*

Результаты семантико-стилистического анализа газетных текстов, соотнесённые с данными толковых словарей и опытом описания концептов «Правда» и «Истина» [Абакумова 2011; Агиенко 2006; Арутюнова 1999, с. 543–640; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицка 2005; Гак 1995; Лишаев 2006; Маслова 2007; Степанов 2004, с. 455–471; Шатуновский 1991; Шмелев 1995 и др.], позволили выделить шесть базовых семантических составляющих рассматриваемых ценностных категорий: категория *Правда* связана с семантикой «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» (далее в работе в ряде случаев используются сокращения ПФ, ПМ, ПС); категория *Истина* – с семантикой «всё, что верно, подлинно точно», «максима», «метафизическая сущность».

Рассмотрим семантические составляющие ключевой для медиадискурса ценностной категории *Правда*, учитывая два аспекта оценочного значения слова *правда* – истинностный и этический. Хотя, безусловно, эти аспекты взаимосвязаны [Арутюнова 1995].

Семантика «правда факта» и «правда мысли» отражена в значении, представленном в различных толковых словарях первым: «То, что соответствует действительности; истина» [МАС, т. 3, с. 351][11]. Данное значение связано с истинностной оценкой. Семантика «правда факта» и «правда мысли» раскрывает «универсальное понятие» правды [Вежбицка 2005, с. 473–477], однако в то же время эти семантические составляющие можно дифференцировать. Так, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев соотносят «правду факта» и «правду больших обобщений» [Булыгина, Шмелев 1995]. Семантика **«правда факта»** предполагает истинностную оценку определённых фактов и событий: событие – «то, что произошло, то или иное

[11] «То, что соответствует действительности, что есть на самом деле, истина» [Ушаков 2013, с. 511]; «То, что соответствует действительности» [Ожегов 1973, с. 529]; «То, что соответствует действительности; истина» [БТС, с. 951].

значительное явление, факт общественной личной жизни» [Ожегов 1973, с. 681], факт – «действительное, вполне реальное событие, явление» [Ожегов 1973, с. 779]. Т.В. Чернышова, опираясь на монографию Н.Д. Арутюновой (1988), определяет событие как «основную категорию, задающую характер функционирования текстов в информационной сфере современного российского общества и характер интерпретации их участниками газетной коммуникации <…>», а факт – как «отражение происходящего в сознании человека», «способ анализа событий действительности» [Чернышова 2009, с. 63–64]. Исследователь использует понятие «*факт-событие*», отражающее «его одновременную направленность на *реальное событие* и на его *отражение в сознании* интерпретаторов и в *текстах* газетных СМИ» [Там же].

«Правда мысли» предполагает истинностную оценку не самого факта-события, а его (их) интерпретации, выраженной в суждениях: «*Правда* включает в себя не только “голые” факты, но и каузальные связи между ними» [Булыгина, Шмелев 1995, с. 126]. Н.Д. Арутюнова подчёркивает, что слово *правда* «даёт истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей», и делает очень важное пояснение: «Прикосновение к конкретной жизни – первый шаг к превращению истины в правду» [Арутюнова 1999, с. 594]. Газетные материалы позволяют сделать следующее заключение: мысли, отражающие интерпретацию фактов-событий, каузальные связи между ними, характеризуются как правда, если они связаны с конкретными житейскими ситуациями, пропущены оценивающим субъектом через себя, приобретают личностную окраску.

Ю.С. Степанов выводит за рамки концепта «Правда – Истина» слово *правда* как предикатное, «никакой особой сущности не выражающее, а означающее лишь признак “истинность”, “истинно” какого-либо высказывания» [Степанов 2004, с. 465]. Однако в медиадискурсе актуализация семантики «правда факта» и «правда мысли» в предикатном употреблении слова *правда* очень важна: связана с образом журналиста (и

издания), передающего достоверную информацию, и подчёркивает значимость определённого круга тем.

С точки зрения содержания концепта «Правда» ключевую роль играет семантика **«правда совести»**, связанная с этической оценкой и отражённая толковыми словарями: «То, что представляется кому-л. правильным, верным с точки зрения морали, этики, то, чем должен руководствоваться человек в своих поступках» [МАС, т. 3, с. 351][12]. А. Вежбицкая дифференцирует «универсальное понятие» *правды* и являющееся «чисто русским», «семантически сложным» [Вежбицка 2005, с. 473–474]. П.А. Рачков связывает ценность, названную им «правда-справедливость», с русской идеей: «правда и справедливость входят <…> в наше сознание как цель и регулятор важнейших ценностно-смысловых понятий и представлений» [Рачков 2006, с. 83]. Предложенное терминологическое обозначение («правда совести»), на наш взгляд, отражает характер этической оценки, выраженной именем существительным *правда*.

Ф.И. Буслаев, сравнивая понятия *правда* и *истина,* в работе 1844 г. пишет: «<…> в понятиях народа представление о правде неразлучно с представлением об истине. Но *правда* отличается от *истины* уже самым производством от *правый*, коему противоположно *виноватый*; означает справедливость в противоположность кривде, и закон вместе с исполнением, судный обычай. Отсюда *Русская Правда*. Правда, как понятие нравственное, стоит выше истины, что видно из слов *праведникъ, праведный* – т.е. святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною с делами добрыми. Потому-то правда называется святою, божиею» [Буслаев 1992, с. 280]. В словаре В.И. Даля мы находим следующее толкование: правда – «истина на дѣлѣ, истина во образѣ, во благѣ; правосудіе, справедливость [Даль 1994, т. 3, с. 379]. Согласно размышлениям А.Д. Шмелёва о *правде* в

[12] «Идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов»; «Вообще жизненный идеал, справедливость, основанный на принципах справедливости порядок вещей» [Ушаков 2013, с. 511]; «Порядок, основанный на справедливости, честности» [Ожегов 1973, с. 529]; «Справедливость, порядок, основанный на справедливости» [БТС, с. 952].

диахроническом аспекте, в древнерусских памятниках «*правда*, как и в современном языке, была ориентирована на соответствие идеалу, но идеалу, имеющему Божественное происхождение» [Шмелев 1995, с. 56]. В современной картине мира «*правда* принадлежит человеческому миру, она существует постольку, поскольку известна людям. <…> Ту правду, которую человек знает, он стремится донести другим людям, и в этом смысле правда идёт изнутри во внешний мир» [Шмелев 1995, с. 55]. Доминирование семантики «правда совести» в газетном тексте поддержано стилистическими особенностями.

В проанализированном материале встречаются также случаи синкретизма семантики «правда факта», «правда мысли» и «правда совести», в частности в публикациях, посвящённых проблеме исторической правды.

Рассмотрим семантические составляющие ценностной категории *Истина*, тесно связанной с категорией *Правда*, о чём свидетельствует толкование первого значения слова *правда* через синоним *истина*. Связь и различие двух понятий подчёркивает В.И. Даль: *истина* – «противоположность лжи; всё, что вѣрно, подлинно, точно, справедливо, что есть; нынѣ слову этому отвѣчаетъ и *правда*, хотя вѣрнѣе будетъ понимать подъ словомъ правда: *правдивость, справедливость, правосудіе, правота*. <…> Истина относится къ уму и разуму; а добро или благо къ любви, нраву и волѣ» [Даль 1994, т. 2, с. 60] (см. также приведённое ранее толкование слова *правда*). Обратим внимание на то, что в толковании значения слова *истина* с помощью эпитета *справедливо* В.И. Даль эксплицирует этическую оценку. Содержание концепта «Истина» и особенности его отражения в языке раскрыты в ряде фундаментальных исследований: [Арутюнова 1999, с. 543–642; Степанов 2004, с. 455–471; Агиенко 2006; Лишаев 2006; Маслова 2007, с. 244–254 и др.].

Первая семантическая составляющая ценностной категории *Истина* – **«всё, что верно, подлинно, точно»** [Даль 1994, т. 2, с. 60][13]. Семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно» тесно связана с первым значением слова *правда*, хотя В.И. Даль характеризует эту связь как современную, не совпадающую с истоками понятий «правда» и «истина». Причём если дифференцировать «правду факта» и «правду мысли», то понятие истины связано с «правдой мысли»: как верное, подлинное и точное характеризуется не конкретный факт, а некое суждение обобщённого характера. В.А. Маслова отмечает: истина «выражает общие суждения» [Маслова 2007, с. 247]. Данное значение преобладает в газетных материалах, что обусловлено установкой журналистов представить правдивую информацию.

Вторая семантическая составляющая ценностной категории *Истина* связана со значением **«максима»** [Арутюнова 1999, с. 556], которое метонимически соотносится с первым и сопряжено с «ситуацией истины в житейском контексте», где она становится «максимой, сентенцией, резюмирующей жизненный опыт» [Там же]. Истины-максимы отражают конвенциональный фонд мудрости, значимый для экспликации ценностной картины мира. Значение «максима» выделено в толковых словарях: «Положение, утверждение, суждение, установленное наукой, проверенное практикой, опытом» [МАС, т. 1, с. 689][14].

Третья семантическая составляющая – **«истина – метафизическая сущность»**, т.е. относящаяся к «неизменным, раз навсегда данным и недоступным опыту началам мира» (использован фрагмент из толкования значения слова *метафизика*: «Идеалистическое философское учение о неизменных, раз навсегда данных и недоступных опыту началах мира,

[13] Ср.: «То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда» [Ушаков 2013, с. 204]; «То, что существует в действительности, отражает действительность, правда» [Ожегов 1973, с. 236]; «То, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда» [МАС, т. 1, с. 688]; «То, что соответствует действительности; правда» [БТС, с. 403].

[14] «Утверждение, положение, суждение, основанное на житейском опыте» [Ушаков 2013, с. 204]; «Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом» [Ожегов 1973, с. 236]; «Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом» [БТС, с. 403].

рассматривающее явления вне их взаимных связей, вне движения, изменения и развития» [Ожегов 1973, с. 320]). Данная семантика отражена в словарных статьях и связана с сопровождающими толкование пометами «книжное», «философское»: «Идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности (книжн.)» [Ушаков 2013, с. 204]; «Нравственный идеал, справедливость, добро»; «Филос. Верное отражение объективной действительности в сознании человека» [МАС, т. 1, с. 689][15].

Важнейшие онтологические признаки истины более полно воплощаются в контекстах с семантикой «истина – метафизическая сущность», менее распространённых, но очень значимых в текстах городской газеты и медиадискурсе в целом. Данное значение органично в философских сочинениях, в религиозном и художественном дискурсах. Существование истины, согласно обобщающим наблюдениям Н.Д. Арутюновой, связано с двойственностью мира, который «распадается на мир реальный и мир идеальный» [Арутюнова 1999, с. 545]. Сама истина связана с миром идеальным. Отношения двух миров и, соответственно, истины и мира реального, могут рассматриваться в нескольких логических интерпретациях. Н.Д. Арутюнова называет две основные – познавательную и креативную[16].

Рассмотрим в хронологическом порядке специфику реализации охарактеризованной семантики слов *правда* и *истина* в газетных материалах 1980–2013 гг., обращая особое внимание на те исторические периоды, в которые в семантико-стилистической специфике публикаций наиболее ярко проявились динамические процессы аксиосферы медиадискурса.

---

[15] «Филос. Верное отражение в сознании человека того, что есть в объективной действительности» [БТС, с. 403].

[16] В познавательном смысле мир идеальный «отражает (или моделирует) реальный мир и в этом смысле вторичен»; «множественность сводится к единому образу»; «Истина скрыта в глубине мира», и «её открывает человек» [Арутюнова 1999, с. 545]. В креативном смысле мир идеальный «предопределяет реальный мир и в этом смысле первичен»; «единый образ порождает множественность форм (воплощений)»; «воля Божия и данный Богом человеку Закон составляют Истину и возвышаются над миром»; Истина «открывается человеку» [Там же].

2.2. Категории *Правда / Истина* в городской газете конца XX в.

2.2.1. *Правда / Истина* в газетных материалах 1980-х гг.

Приведём график употребительности слов *правда* и *истина* в газетных заголовках (см. рис. 6). График основан на данных, полученных с помощью сплошной выборки на материале заголовков 1980–2000 и 2010–2013 гг. Показатель употребительности – среднее арифметическое количества заголовков со словами *правда*, *истина* за один год рассматриваемого периода (дериваты в подсчётах не учитывались).

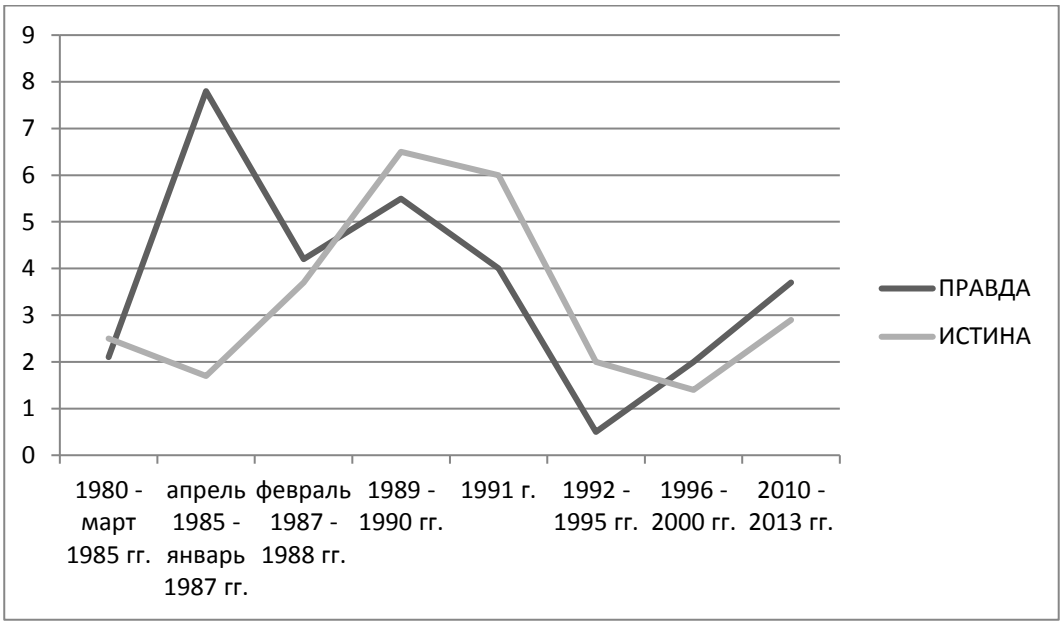


Рис. 6. График употребительности слов правда и истина в газетных заголовках 1980–2013 гг.

Как видим, максимальное расхождение в употребительности рассматриваемых ключевых слов наблюдается на первом этапе перестройки, когда употребительность слова *правда* в газетных заголовках достигает своего максимума. Эта тенденция объясняется политикой гласности, распространением в масс-медиа идеологии правды. Но навязывание идеологии правды выливается в «словесный фетишизм», «срабатывает обиднейший парадокс: чем больше слов правды сказано за последние месяцы, тем менее восприимчивым к ней становится общество» [Гусейнов 1989, с. 64]. Согласно подходу Г.Ч. Гусейнова, необходимо возвращение к

размышлениям о лжи как состоянии сознания. На поздних этапах перестройки и в 1990-е гг. такие размышления являются способом преодоления пустословия и знаком истинного поиска правды. Постепенно углубляется как понимание происходящего, так и смысловое наполнение слова *правда*: в контекстах со словом *правда* делается акцент на её личностном характере, сложности поиска, величайшей этической значимости. Меньшая употребительность слова *правда* в заголовках не означает его уход из медиапространства, что подтверждают данные частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм (дата обращения: 05.01.2016)] и результаты предпринятого анализа.

В публикациях 1980 – марта 1985 гг., несмотря на закономерную более высокую частотность слова *правда* в газетной публицистике 1970-х – 1980-х годов (в 2,6 раза: 238,8 – частотность слова *правда,* 91,3 – частотность слова *истина* [Там же]), в заголовках городской газеты незначительно чаще употребляется слово *истина* (показатели употребительности – 2,1 и 2,5), что свидетельствует о признании авторами его регулятивой силы, связанной, как показывает анализ, со смысловой нагрузкой и культурной памятью, наделяющей слово *истина* богатой коннотативной информацией, особенно в случае реализации семантики «истина – метафизическая сущность».

В материалах доперестроечного периода слово *истина* включено в АСК «поиск истины» (важная роль которого подчёркнута неоднократным использованием в заголовке соответствующих синтагм – *«В поиске (поисках) истины»*) и «борьба за правду (справедливость)». Отметим, что АСК «поиск истины», как и его базовый лексический репрезентант – синтагма *поиск истины* (часто в форме *в поиске / поисках истины*) являются основным для газетных материалов всех рассмотренных периодов. Поиск истины связан не только с эпистемическими контекстами (семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно»; «истина – максима»), но и с темой трудного духовного

пути, обретения веры, что проявляется при актуализации семантики «истина – метафизическая сущность». АСК «поиск истины» представлен синтагмами *поиск (поиски) истины*, *истина познаётся*, *зёрна истины*, *установить истину*, *хождения за истиной*, *напомнить истину*, синтагмами, включающими эпитеты *старая, как мир, банальная, простая*, *не оригинальная, прописная, известная, добытая*, *грязная* (последний эпитет передаёт состояние эпистемического драматизма: Т. Тюрина, 11.11.1982), трансформом устойчивого выражения – *«Чтобы в споре рождалась истина»* (24.01.1985), антитезами *истина – слухи* (*клевета, измышления*), изотопической цепочкой *истина – на самом деле*, АСК «борьба за правду (справедливость)» – синтагмой *борьба за торжество истины*, изотопической цепочкой *истина – правда – добро – интеллектуальная свобода – красота*: *Цвейг в течение всей своей жизни боролся за торжество правды, добра, интеллектуальной свободы,* ***истины*** *и красоты* (В. Краснов, 22.11.1981).

Семантика «правда факта» и «правда мысли» представлена в публикациях доперестроечного периода по вопросам политики и общественного мнения о социальных проблемах, включена в АСК «поиск правды» и «выражение правды». В материалах 1980 – марта 1985 гг. чётко просматривается тематическая доминанта и особенности её воплощения: слово *правда* связано прежде всего с публикациями по вопросам международной политики, эти материалы приводятся со ссылкой на центральные информационные агентства (АПН, ТАСС) и создают образ лгущего врага, важное оружие в борьбе с которым – правда факта. АСК «поиск правды» связан с разоблачением лгущего врага. В данном случае слово *правда* включено в эпистемические контексты (см. о речеповеденческих и эпистемических контекстах со словом *правда*: [Арутюнова 1999, с. 588–592, с. 597–598]), – а сокрытие правды в оценочном плане противопоставляется её обнаружению. Именно отрицательная этическая оценка сокрытия правды является основной с точки зрения

логического анализа языка [Там же, с. 591–592]. Семиотические и стилистические аспекты таких контекстов рассмотрены в работах по политической лингвистике и стилистике [Шейгал 2004; Клушина 2008б и др.]. Разоблачение лгущего врага связано со стратегией «игры на понижение», которая реализуется через тактики «анализ-“минус”», «обвинение», «безличное обвинение», «обличение» [Михалёва 2009, с. 45–49], с формированием АСК «отступничество от правды». В этом случае речеповеденческие контексты лжи концептуально противопоставлены эпистемическим контекстам правды (ключевая синтагма – *узнать правду*). Соответственно, ключевую роль играет антитеза *правды* и *лжи*. Названные репрезентанты АСК «поиск правды» являются основными в материалах всех рассмотренных периодов. Однако в доперестроечное время слово *ложь* и другие лексические репрезентанты семантики лжи выносятся в заголовки чаще, чем в более поздние периоды. В соответствии с ролью стратегии разоблачения лгущего врага межтекстовая изотопическая цепочка, представляющая семантику *лжи* (*ложь*, *солгавши*, *врать, вымыслы*, *домыслы*, *мифы, легенды*), включает большее количество компонентов, чем изотопическая цепочка лексических репрезентантов семантики *правды* (*правда – факты*), выражающая установку на передачу семантики «правда факта».

АСК «выражение правды» существует не только в связи со сквозной темой разоблачения лгущего врага. Данный АСК актуализируется также в идеологически окрашенных материалах, тесно связанных с образом советского пропагандиста. В этом случае слово *правда* включается в возвышенные контексты и связано с семантикой «правда мысли» (например, метафорическая синтагма *свет правды*: Л. Смирнова, 01.10.1982). Акцент в таких материалах сделан не на противопоставлении правды и лжи, а на абсолютной ценности правды, что проявляется в изотопической цепочке *добро – правда* (там же). Не менее значима для АСК «выражение правды» другая группа контекстов, в которых трансляция правды (прежде всего

«правды факта») рассматривается как задача журналистов. Стремление журналистов городской газеты передать правду и сформировать тем самым справедливое общественное мнение проявилось в создании специальной рубрики – *«Говорят… А как на самом деле?»*. Для выявления правды необходимо журналистское расследование, результаты которого и отражены в рубрике, – АСК «выражение правды» взаимодействует с АСК «поиск правды». Ключевую роль играет антитеза *слух – правда*, которая конкретизируются изотопическими цепочками: *правда – дело – факты* и *слух – болтовня – безответственные люди* (А. Соколов, 29.01.1985). Названные два типа контекстов – идеологически окрашенные, несущие советскую правду, с одной стороны, и «расследовательские», связанные с образом журналиста, который ищет и транслирует правду о событиях в городе, с другой стороны, – являются доминирующими.

Семантика «правда совести» в доперестроечный период включена в АСК «поиск правды» (синтагмы *поиски правды*, *устремления к правде*, *приходить за правдой, (не) найдёшь правды*), «борьба за правду» (синтагмы *борьба за торжество правды*, *доказать правду*, *(не) найдёшь правды*), «выражение правды» (синтагма *пронзать правдой*), «правда как нравственная основа жизни» (синтагмы *поиски правды*, *устремления к правде*, *приходить за правдой, (не) найдёшь правды, пронзать правдой*) и важна прежде всего в материалах о событиях в культурной жизни, но используется также в публикациях на острые социальные темы. Для контекстов с семантикой «правда совести» характерна связь лексических репрезентантов одновременно с несколькими АСК. Синтагмы, включающие эпитеты *живая правда* (Ю. Осадченко, 01.01.1983), *великая, нестареющая правда* (Г. Петросян, АПН, 31.03.1984), *суровая и горькая, но очень нужная молодому поколению нашей страны* (Н. Стрельцова, 02.05.1981), использованные в материалах о нравственном значении творческого наследия писателей и осмысления Великой Отечественной войны, являются репрезентантами нескольких АСК: «поиск правды», «выражение правды»,

«правда как нравственная основа жизни». Изотопические цепочки в доперестроечный период соотносят слово *правда* с лексическими репрезентантами духовного мира, в том числе с вербальными знаками концептуальной Триады *добро – истина – красота*. Слово *правда* неоднократно является компонентом изотопической цепочки *добро – правда* (Л. Савицкая, 25.09.1980; В. Краснов, 22.11.1981; Л. Павлова, 17.09.1982), также включено в изотопические цепочки *правда – добро – интеллектуальная свобода – истина – красота* (В. Краснов, 22.11.1981), *правда – добро – радость* (Л. Павлова, 17.09.1982), *правда – свет – мысль – человеческое достоинство – добро* (Г. Петросян, АПН, 31.03.1984). Наряду с данными изотопическими цепочками в материалах доперестроечного периода важны межтекстовые антитезы *правда – неправда*, *правда – зло*, также свидетельствующие об осмыслении правды как обобщённой этической категории, которая связана с идеалом справедливости (данные антитезы, текстовые и межтекстовые, актуализированы в материалах разных лет). Однако в советский период образ зла, противопоставленного правде, конкретизируется (*наступление мещанства, воинствующий вещизм и бездуховность*), что позволяет понять, где, согласно оценочной позиции авторов материалов 1980 – марта 1985 гг., лежит путь к правде.

Отличие тематики газетных материалов, включающих слово *истина*, от публикаций, содержащих слово *правда*, проявляется достаточно слабо. Так, мы наблюдаем неоднократное употребление слова *истина* в публикациях, посвящённых правовым аспектам, и эта тенденция прослеживается в другие периоды. Идейно-политическая и нравственная проблематика, социальная сфера, культура значимы для текстов со словами *правда* и *истина*. Именно в публикациях о культуре и нравственных исканиях отмечена совместная встречаемость рассматриваемых ключевых слов, и эта закономерность сохранится в газетных материалах разных лет. В первой половине 1980-х гг. мы встречаем слова *правда* и *истина* рядом также в текстах с социальной,

идейно-политической проблематикой, в материалах о Великой Отечественной войне.

На первом этапе перестройки (апрель 1985 – январь 1987 гг.) ценностная категория *Правда* связана с идеологемой *гласность*. Изотопическая цепочка *правда – гласность* актуализируется во всех рассмотренных АСК. В динамическом аспекте категория гласности рассматривается как актуалема [Черникова 2008] и как медиаконцепт [Орлова 2011а]. Отметим, что публикации, отражающие ценностные категории *Правда / Истина*, содержат многие знаковые ключевые слова и выражения текущего момента, что подтверждает базовую роль категории *Правда* в аксиосфере медиадискурса (см. табл. 1 с данными о ключевых словах и выражениях текущего момента в Приложении 4).

Наблюдается всплеск употребительности слова *правда* в газетных заголовках: показатель употребительности возрастает в 3,7 раза – от 2,1 в предыдущий период до 7,8 (см. рис. 6, с. 116). Это максимальный показатель за период 1980–2000 и 2010–2013 гг. Отмечается также максимальное расхождение в употребительности слов *правда* и *истина* в заголовках: на первом этапе перестройки текстов со словом *истина* в заглавии в 4,7 раза меньше, чем со словом *правда*. Изменяется и соотношение основных семантически составляющих, связанных со словом *истина*: не представлены примеры текстов, в заглавии которых актуализирована семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно», что связано с доминированием категории правды в аксиосфере медиадискурса на первом этапе перестройки (именно данное значение слова *истина* могут передавать контексты с семантикой «правда мысли»).

Ключевыми темами, связанными с семантикой «правда факта» и «правда мысли», являются новая идеология и общественное мнение по социальным вопросам[17]. Политическая тематика сохраняется (например,

[17] Например, М. Конев, 27.02.1986; Н. Звягина, АПН, 26.03.1986; С. Трофимова, 12.05.1986; *«Ничего, кроме правды»*, 12.07.1986.

создающая образ врага статья А. Денисова (АПН) – *«Правда о “звёздных войнах”»* (11.09.1985), статья о *безраздельном господстве капитала в буржуазном обществе – «Правда о правах человека»*, АПН, 19.10.1985), хотя утрачивает своё доминирующее положение. Правде как категории нового мышления посвящены отдельные статьи. Например, в новую рубрику *«Субботние беседы*», открывшуюся в газете в эпоху перестройки, помещена статья о съезде и изменениях в жизни статье *«Ничего, кроме правды»* (12.07.1986). В новой рубрике представлены аналитические материалы, посвящённые злободневным вопросам, журналистами реализуется установка на диалогичность и проблемное изложение.

На первом этапе перестройки актуализируются АСК «выражение правды» (синтагмы *говорить правду, показывать правду, удивлять правдой, нести правду, языком правды, пронизано духом правды*, *утверждение правды*; изотопические цепочки *правда – искренность* , *правда – правдолюбы – откровенно*), «гонения на правду» (синтагма *(не) преследовать за правду*, *наказывать за правду*, *(не) бояться говорить правду*), «утаивание правды» (антитезы *говорить правду (откровенно рассказать) – помалкивать*), «игра в правду, притворство» (АСК представлен контекстами с иронией). Последний АСК соотносится в газетных материалах с образом руководителя, который, желая сохранить всё в неизменном виде, создаёт видимость стремления к правде и борьбы за неё, но фактически устраивает гонения на правду, вынуждает подчинённых утаивать правду, например: *Горькую правду-матку с трибуны режут руководители. Так сказать, «настроились» на волну времени* («Ничего, кроме правды», 12.07.1986). В приведённом контексте синтагма *резать правду-матку* передаёт смысл «лгать», связанный с АСК «игра в правду, притворство». Для первого этапа перестройки характерно ослабление роли лексического репрезентанта *ложь* и изотопически связанных с ним слов; семантика лжи неоднократно передаётся конструкциями со словом *правда*, в том числе в ироническом употреблении. Такая особенность видна при сопоставлении с материалами

предшествующего периода и, на наш взгляд, связана с идеологией культа правды, её активным внедрением в массовое сознание.

АСК «поиск правды» в материалах о новой идеологии выражается не открыто, а через АСК «гонения на правду», «утаивание правды», «игра в правду, притворство». Однако АСК «поиск правды» эксплицирован в материалах, отражающих итоги журналистского расследования по вопросам, волнующим общественное мнение (антитезы *слухи – правда*, *клевета – правда*, изотопическая цепочка – *правда – на самом деле*).

Доминирующим на первом этапе перестройки является АСК «выражение правды». Концептуальной нагрузкой в контексте происходящих перемен обладает ключевой репрезентант АСК – синтагма *говорить правду*. Речеповеденческий контекст говорения правды противопоставляется её умалчиванию и искажению. Трансляция правды становится знаком времени: используются не только синтагма *говорить правду*, но и выражение *показывать правду*. Если речеповеденческий контекст *говорить правду* нередко включён в рассуждения общего, концептуального характера, в идеологические манифестации, то синтагма *показывать правду* тесно связана с конкретизацией социальных проблем (например, С. Трофимова, 12.05.1986). Ключевую роль играют связанные с АСК «выражение правды» изотопическая цепочка *правда – гласность* и антитеза *помалкивать – говорить правду*. АСК «выражение правды» отражает не только внедрение идеологии правды в сознание советского человека, но и с формирование нового образа нашей страны за рубежом (изотопическая цепочка *правда – мир*: Н. Звягина, АПН, 26.03.1986).

Доминирование семантики «правда мысли» характерно для материалов о новой идеологии, прежде всего содержащих отклик на XXVII съезд КПСС: правда предстаёт как очищающая сила, инструмент изменения общественного сознания и включается в АСК «выражение правды», играющий ключевую концептуальную роль, в АСК «гонения на правду», «утаивание правды», «игра в правду, притворство». Три последних АСК

контрастно связаны с первым и обозначают болезненное состояние общества, на смену которому должно прийти здоровое, преображённое с помощью перестройки. Обществу во время перестройки необходимо освоить язык правды.

Семантика «правда факта» важна в материалах «расследовательского» характера. Общественное мнение ориентировано на правду факта, поэтому газета представляет публикации удостоверяющего и «расследовательского» характера, причём в круг обсуждения вводятся «больные» темы. В таких материалах актуализируется АСК «поиск правды», который включает противопоставление истинного ложному. В перестроечный период продолжается начатая ранее рубрика *«Говорят… А как на самом деле?»*. Например, в ней мы находим материалы журналистского расследования *«Ничего, кроме правды»* (М. Конев, 30.09.1986). Ключевую роль играют изотопическая цепочка *правда – на самом деле*, антитезы *правда – слухи, правда – клевета*. Так, в связи с трагедией в Чернобыле местные журналисты, придерживаясь стратегии успокоения читателей, предлагают заметку *«Слухи и правда о Киеве»* (В. Михайлов, 11.09.1986). Конструкция с предлогом О и метонимически использованным астионимом нацеливают на содержание правды, антитеза в заголовке обозначает дифференциацию информации ложной и истинной. Правда факта подаётся с помощью роли автора-очевидца и противопоставляется слухам. Основная часть материалов, актуализирующих семантику «правда факта», посвящена отражению в общественном мнении таких волнующих горожан социальных вопросов, как причины появления анонимных писем, нерациональная организация производственного процесса и показуха, хищение общественных денег, нарушение закона сотрудниками правоохранительных органов. Журналистское расследование опровергает или частично подтверждает поступившую в редакцию информацию обвинительного характера. Позиция журналиста ярко отражена заголовками. Например, в заголовке с помощью антитезы представлены результаты расследования по материалам письма о

хищении общественных денег – *«Клевета, которую выдавали за правду»* (Н. Кондратьева, 27.08.1986).

В газетных материалах первого этапа перестройки слово *правда* всё чаще входит в контексты, отражающие установку журналиста на рефлексивное, диалогичное и искреннее изложение, которое соответствует сложности, многоаспектности рассматриваемой проблемы. Разнообразны стилистические приёмы, воплощающие эту установку: интересные синтагмы, контекстуальная семантика которых становится предметом размышлений авторов публикаций, предикатное и таксономическое употребление слова *правда*, его включение в конструкции с анафорической и катафорической связью, введение иронии. Например, синтагма *своя правда* (ПМ) отражает плюралистический подход к проблеме и неоднократно повторяется в материалах перестройки: *В этом есть своя* ***правда****: действительно, у педагога, врача, юриста (каждый читатель волен дополнить этот список) особенная работа, в которой доверие людей – начало и основа всего* (ПМ, *«Честь мундира»*, 13.12.1986). Повышение роли предикатного и таксономического употребления слова *правда* (ПФ, ПМ), включение его в конструкции с анафорической и катафорической связью усиливает когезию и подчёркивает авторскую позицию, например: *Это* ***правда****, что от самих юристов прежде всего зависит их честь и престиж. Но не только от них – от нас с вами тоже* (там же, ПМ, предикатное употребление); *Всё, что сказано, –* ***правда!*** (М. Конев, 30.09.1986, ПФ и ПМ, таксономическое употребление).

Доминирующий АСК «выражение правды» переплетается с АСК «правда как нравственная основа жизни», связанным с семантикой «правда совести», которая с началом перестройки в большей степени соотносится уже не с темой событий в культурной жизни, как в период 1980–1985 гг., а с темой внутреннего мира человека в эпоху перемен. АСК «правда как нравственная основа жизни» представлен синтагмами *принимать правду правильно*, *жить по законам правды*, *высшая правда, свет правды, культ*

правды, *путь к правде*, изотопическими цепочками *правда – искренность*, *правда – правдолюбы – откровенно*, *чистая совесть – правда*, *правда – скромность – честность – большевистская активность* и связан с АСК «борьба за правду» (синтагмы *бороться за торжество правды*, *достигается правдой*, *удивлять правдой*, *нести правду, путь к правде*) и «поиск правды (синтагма *путь к правде*).

Традиционно особое место в газете занимают контексты со словом *правда*, посвящённые теме исторической памяти и исторической правды. В таких контекстах семантика «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» представлена синкретично. Акцент сделан именно на правде факта, о чём свидетельствуют, например, эпитеты *суровая*, *горькая*, *жестокая*, употреблённые в интервью с В. Быковым (Н. Назаров, АПН, 20.05.1986). Семантика «правда факта» и «правда мысли» важна в тексте, поскольку связана с размышлениями о жестокой реальности войны и её интерпретации в различных произведениях. Но жестокая правда о войне нужна для нравственного суда людей, следовательно, актуализируется семантика «правда совести». В связи с темой исторической правды важен АСК «выражение правды», который в упомянутом интервью представлен синтагмами *написано много правды*, *отображение правды*. Метафорический эпитет *бездонна* связан с АСК «поиск правды» и свидетельствует о неравнодушном отношении потомков, об их нравственном долге сохранить правду.

Дух времени отразился и во включении слова *истина* в газетные материалы, хотя, как уже отмечалось, в этот период наблюдается явное доминирование слова *правда*. Так, в заглавии материалов «круглого стола» использован парадокс – *«Такие простые сложные* ***истины****»* (13.01.1987), – смысловое наполнение которого соответствует духу времени – духу сомнений, исканий, обсуждений. Характерно, что материал посвящён экономическим вопросам и связан с активизацией дискуссионного подхода

как ключевого способа эпистемической деятельности в эпоху перестройки, отражающего активную гражданскую позицию и атмосферу свободы слова.

Семантика «истина – метафизическая сущность» представлена в знаковой для времени перестройки рубрике «Субботние беседы», в эссе *«Чувство, побуждающее к* ***истине****»* (17.01.1987). Эссе связано с нравственной проблематикой, и заголовок в нём является перифразом совести. Синтагма *побудить (побуждающее) к истине*, связанная с АСК «поиск истины», помогает передать мысль о неуспокоенности человека, идущего путём духовного совершенствования: *Совесть – это постоянное беспокойство за других, это борьба за утверждение лучшего в человеке.* В контексте размышлений о нравственных основах жизни органично соседствуют слова *истина* и *правда*, антитезу им создают слова *обман*, *ложь*: *<…> не бывает малого обмана и большого обмана – есть просто обман, ложь*. Движение к истине возможно только в том случае, когда человек живёт в согласии с совестью, а полуправда, обман, ложь создают разлад с совестью. Дважды в тексте с помощью ряда однородных членов актуализирована изотопическая цепочка *добро – истина*, например: *А так ли уж часто мы соизмеряем свои дела и поступки с совестью, которая одобряет или осуждает их, способна распознать и качество нашего труда, и качество поступка, побудить нас к добру и* ***истине****?* Экспрессия высказывания, соотносящего категории совести, добра и истины, усилена формой риторического вопроса. Эти нравственные категории соотносятся в последнем абзаце, при пересказе толкования В.И. Даля: *Совесть – понятие постоянное, величина неизменная. Это нравственное сознание, внутреннее сознание добра и зла, невольная любовь к добру и к* ***истине****, прирождённая правда в различной степени развития – так определял это понятие великий знаток русского языка В. Даль.* «Правда совести» представлена в эссе как нравственный ориентир, определяющий стремление к истине.

На следующих этапах перестройки, как и на первом, публикации, отражающие ценностные категории *Правда / Истина*, включают ключевые

слова текущего момента, представленные в «Словаре перестройки» и связанные с общественно-политическими, экономическими реформами [Сахаров, Боханов, Шестаков 2010; Согрин 1992] и духовными исканиями [Бойков 2001; Дилигенский 1987; Лапин 1990, 1993, 1994; Леонтьев 1996; Перестройка и нравственность 1990; Федотова 1987; Яновский 1986] общества эпохи перемен. Так, на всех этапах в публикациях со словами правда и истина встречается слово *перестройка*, **на втором этапе перестройки (февраль 1987 – 1988 гг.)** в рассмотренных публикациях представлены слова *гласность, ошибки, человеческий фактор, экология*, **на третьем этапе (1989 –1990 гг.)** – *гласность*, *возрождение, «белые пятна»*, *кризис* (см. табл. 1 в Приложении 4).

На втором этапе перестройки (февраль 1987 – 1988 гг.) возрастает количество заголовков, включающих слово *истина* (в 2,2 раза: показатель употребительности увеличивается от 1,7 до 3,7), соотношение заголовков со словами *правда* и *истина* стремится к равновесию (см. рис. 6, с. 116). В публикациях второго этапа перестройки, содержащих слово *истина*, как и в доперестроечный период, возвращается доминирование семантики «истина – всё, что верно, подлинно, точно», восстанавливается относительное равновесие заголовков со словами *правда* и *истина*, что свидетельствует о частичном преодолении навязывания «сверху» идеологии правды, о возрастании роли категории истины в медиадискурсе. Знаковым для эпохи плюрализма является употребление устойчивого выражения *«В спорах (споре) рождается истина»*, связанного с ключевым АСК «поиск истины». Данное выражение с метафорической синтагмой *рождается истина* характерно для контекстов, в которых речь идёт о возрастании роли обсуждения насущных вопросов, открытого и свободного обмена мнениями. Городская газета приглашает читателей к дискуссиям, организует «круглые столы». В соответствии с идеологией перестройки такой поход поддерживается «сверху» – членами партии и комсомольскими лидерами. Синтагма *в поисках истины* неоднократно выносится в подзаголовки и

заголовки текстов, поднимающих вопрос о роли дискуссии в эпоху демократических перемен[18]. В газетных материалах рассматриваемого периода с АСК «поиск истины» связаны синтагмы *восстановление истины*, *установление истины*, *установить истину*, в которых истина представлена как объект познания, необходимого и справедливого, основанного на активном, деятельном подходе познающего субъекта. Контексты с данными синтагмами встречаются как при рассмотрении фактической стороны дела, так и при концептуальных обобщениях. Актуализирована изотопическая цепочка *установление истины – гласность* (А. Казанцев, 27.06.1987).

Для текстов, раскрывающих семантику «истина – максима», характерно усиление проблемного звучания, связанного с вопросом об истинах, известных с давних времён, которые охарактеризованы с помощью синтагм с эпитетами *прописные*, *общие*, *ложные*, *слегка извращённые*. Именно на втором этапе перестройки в АСК «поиск истины» в большей степени актуализирована неодобрительная оценка истин-максим[19].

Семантика «истина – метафизическая сущность» значима прежде всего в материалах о литературе, искусстве. Проявляется отличие в содержательном наполнении синтагмы *поиск истины*, репрезентирующей как семантику «истина – всё, что верно, подлинно, точно», так и семантику «истина – метафизическая сущность». Во втором случае истина связана с нравственным усилием в обретении духовных ценностей. В представлении семантики «истина – метафизическая сущность» взаимодействуют АСК «поиск истины» (синтагмы *поиск истины*, *искать истину, обратить взор в направлении истины*) и «борьба за истину» (синтагма *отстаивать истину*). В представлении истины как метафизической сущности важно такое ключевое слово текущего момента, как *возрождение*, антитеза *ценностей* и *лжеценностей*, изотопические цепочки *истина – ценности*, *истина – красота и щедрость золотых сердец*, *истина – добро*, *истина – правда*

[18] Например, «Столкновение на повороте», 05.03.1987; Н. Автайкина, 30.09.1987; Г. Самошкина, 08.07.1988.
[19] Например, Б. Шертман, 07.11.1988; К. Ябров, 03.06.1988; «Слухи, слухи…», 11.07.1987.

(Л. Никонова, 29.09.1987; Л. Самошкина, 23.12.1987). Слова *правда* и *истина* соседствуют в газетных материалах об исторической памяти и истинных ценностях человека.

На третьем этапе перестройки (1989–1990 гг.) наблюдается максимальная общая употребительность слов *правда* и *истина* в газетных заголовках за период 1980–2000 и 2010–2013 гг. – показатели употребительности 5,5 и 6,5 (см. рис. 6, с. 116), что свидетельствует об интенсивном отражении в медиапространстве активных процессов, происходящих в социуме. Если на первом этапе перестройки наблюдалось явное доминирование слова *правда*, на втором этапе употребление рассматриваемых слов в заголовках стремилось к равновесию, то на третьем и четвёртом этапах перестройки заголовки со словом *истина* преобладают в количественном отношении (при этом в подсчётах не учитывались названия открывшихся в это время постоянных рубрик *«Банальные истины»* и *«Старые новые истины»*).

В материалах третьего этапа перестройки снижается роль слова *правда*, связанная с актуализированной властью идеологемой *гласность*, но усиливается нравственное звучание темы правды, её личностное осознание, связанное с категорией совести. Особенностью материалов рассматриваемого периода является актуализация этического звучания многих тем: экономической, правовой, общественно-политической. Этический аспект является ключевым в социально-философской программе перестройки (см.: [Горбачев 1988; Новейшая история России 2010, с. 402; Перестройка и нравственность 1990]). Например, нравственное звучание темы правды подчёркивается с помощью подзаголовка «расследовательского» материала В.Г. Рудина *«Слова правды»* (18–22.07.1989, 25–26.07.1989) – «*Нравственный анализ уголовного дела*» (подзаголовок приводится в скобках). Благодаря таким акцентам АСК «правда как нравственная основа жизни» взаимодействует с АСК «поиск правды», «выражение правды», «сокрытие правды». Отметим повышение роли АСК «поиск правды»,

отражающее переход от идеологических манифестаций начала перестройки к этапу осознания истины, и АСК «борьба за правду», связанное с атмосферой накала политических страстей.

Сохраняется круг постоянных лексических репрезентантов рассматриваемых АСК: синтагма *говорить правду* (АСК «выражение правды»), синтагмы *поиск правды*, *путь к правде*, *знать правду*, антитезы *правда – слухи, правда – клевета, правда – ложь* (АСК «поиск правды»), синтагмы *правда торжествует* (*торжество правды*), *бороться (борьба, борец) за правду* (АСК «борьба за правду»). Однако на поздних этапах перестройки усиливается эмоционально-экспрессивная насыщенность АСК. Так, в представлении АСК «выражение правды» используется антитеза *правда – парадный словесный поток*, в АСК «поиск правды» важны метафорическая синтагма *огонь правды*, антитезы *огонь правды – мрак, холод безысходности*, *правда – тонны словесной шелухи, пустой породы*, изотопическая цепочка *правда – надежда*. В воплощении АСК «правда как нравственная основа жизни» – синтагмы *испытание правдой*, *поднять планку до Правды-истины*, изотопическаие цепочки *жить по правде – «жить не по лжи»* (формула А.И. Солженицына, имя которого становится знаковым в публикациях, раскрывающих содержание ценностной категории *Правда*), *Правда-истина – талантливый рубеж*, *правда – справедливость*. Безусловно, эмоционально-экспрессивная насыщенность создаётся и благодаря использованию «сакрального типа номинации» *Правда-истина* [Жолобов 1998, с. 78], включающей также условное имя собственное [Розенталь 2005, с. 44–45]. АСК «сокрытие правды» представлен метафорическими синтагмами *плести «правду» из тонкой лжи, флёр полуправды*. Наблюдается таксономическое и предикатное употребление слова *правда*, характерное для выражения семантики «правда факта» и «правда мысли», например: *«Не всякий слух – **правда**»* (заголовок статьи начальника УВД горисполкома В. Жукова, направленная на прекращение распространения слухов, 23.02.1990); *Говорят, что в городе есть своя*

организация социал-демократической партии России. ***Правда*** *ли это? (Вопрос задан читателем по телефону)* (15.08.1990).

Семантика «правда факта» и «правда мысли» раскрывается в материалах, рассказывающих об острых социальных проблемах, общественно-политической ситуации, экономических изменениях. Семантика «правда мысли» актуализирована в общественно-политических материалах (например, В. Белобородова, 08.06.1990). Важное место в медиапространстве третьего этапа перестройки занимает политический дискурс коммунистов, в котором ключевую роль играет осмысление ленинского наследия (например, М. Еловиков, 23.10.1990). Особенностью третьего этапа перестройки также является повышение роли экономической проблематики[20]. Эта тенденция связана с переходом от этапа идеологических манифестаций к этапу конструктивных изменений. Взаимодействие семантики «правда факта» и «правда мысли» в материалах по экономическим вопросам свидетельствует об аналитическом подходе общества к ним.

Семантика «правда совести» представлена в материалах о культуре, общественно-политической жизни, экономике, правовой сфере. В рамках размышлений об искусстве на страницах городской газеты обсуждается вопрос о *своей правде*, что продолжает тенденции предыдущих периодов: в данном устойчивом выражении подчёркнуто личностное постижение правды, прежде всего как нравственной основы жизни (например, Т. Тюрина, 07.11.1990).

Синкретизм семантики «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» традиционно проявляется в материалах об исторической памяти. Для материалов эпохи перестройки характерно обращение к тем страницам истории страны, которые были закрыты или искажены. В рассмотренных материалах неоднократно употребляется выражение *белые пятна*, являющееся вербальным знаком идеологемы (см. табл. 1 в Приложении 4). Как и на предыдущем этапе перестройки, особое внимание уделяется

[20] Например, Г. Полещук, О. Кунц, 05.05.1990; М. Конев, 26.06.1990; В. Белобородова, 07.11.1990.

краеведческим вопросам. Сохраняется специальная рубрика *«Истории строки»*. Установка на поиск «правды факта» отражается с помощью использования предлога О, позволяющего раскрыть содержание правды о новых или по-новому прочитанных страницах истории[21]. В материалах 1989–1990 гг. с ключевым словом *правда* подчёркнута связь прошлого и настоящего. Дискуссия о том, что считать правдой, разворачивается благодаря интерактивным формам подачи информации, к которым обращается городская газета: публикуются вопросы и письма читателей, отклики на газетные статьи, организуются заочные дискуссии, «круглые столы». В круг обсуждаемых проблем включён и вопрос о роли городской газеты.

Повышение роли слова *истина* на поздних этапах перестройки, связано, на наш взгляд, с несколькими факторами. Во-первых, в ситуации аксиологического плюрализма человек остро нуждается в обретении основополагающих ценностных констант. В состоянии усталости от многообразия «правд», нередко агрессивно навязываемых, возникает стремление найти единственную и незыблемую Истину. Во-вторых, медиадискурс третьего и четвёртого этапов перестройки отражает значимость сакральной тематики: актуальным для общества стал вопрос о духовных ценностях, о поиске «дороги к храму», и в контексте этих поисков органично слово истина, культурная память которого связана с церковно-религиозным дискурсом (см. о «православном слове»: [Полонский 2012, с. 187]). В-третьих, возможно, свою роль сыграли успокаивающие и дарящие свет фоносемантические характеристики слова *истина*: «хороший, светлый» [Журавлев 1991, с. 54].

Накалённость общественно-политической атмосферы в стране становится лейтмотивом публикаций, в которых мы встречаем слово *истина*[22]. Такого явного доминирования общественно-политической

[21] Например, Ц. Батбаяр, Монголпресс – АПН, 19.08.1989; Ю. Романцов, ТАСС, 29.08.1989; В. Зотов, 22.11.1989.
[22] В. Белобородова, 08.06.1990; М. Еловиков, 23.10.1990; В. Гершгорин, 05.12.1990.

тематики не было в материалах со словом *истина* предыдущих периодов. Оно соотносимо с преобладанием семантики «правда факта» и «правда мысли» в материалах по общественно-политическим вопросам второго этапа перестройки, когда слово *правда* в медиапространстве существует в тесной связи с идеологемой *гласность*, поддерживаемой властью. Характерно, что в публикациях третьего этапа перестройки слова *правда* и *истина* соседствуют в материалах по общественно-политическим, историческим вопросам.

Духу напряжённых исканий соответствует ключевая роль АСК «поиск истины», представленного разнообразными синтагмами *поиск истины*, *искать истину*, *докопаться до истины*, *дойти до истины*, *подойти к истине*, *установить истину*, *признавать как истину*, *(не)далеки от истины*, *рождается истина*, антитезами *истина – демагогия*, *ищут истину – упорно навязывают свою трактовку*, *искать виноватых – дойти до истины*, изотопической цепочкой *установить истину – торжествует правда*. Агрессивный характер обсуждения в современном коммуникативном пространстве отражает основанная на метонимии синтагма с нестандартной лексической сочетаемостью *доругаемся до истины*: *Может быть, до тех пор, пока мы доругаемся до* ***истины*** *и перестанем метаться из крайности в крайность, стоит отвести для порнотики и эротографии «резервацию» и пускать в неё только взрослых?* (В. Шутов, ТАСС, 18.12.1990). Приведённый фрагмент завершает материал об острой социально-нравственной проблеме; как видим, в выражении неодобрительной оценки повышается роль иронии и игры, в соответствии с новыми тенденциями развития стиля СМИ. Установление истины нередко связано с обнажением «больных» социальных вопросов, что подчёркивает синтагма с эпитетом *жестокая истина* (Р. Паунова и др., 17.01.1989). В реализации семантики «истина – всё, что верно, подлинно, точно» преобладают материалы с общественно-политической проблематикой, но встречаются также публикации по социально-правовым, экономическим, историческим вопросам. Слово *истина* значимо в публикациях, связанных с религиозными вопросами, что

отражает важную роль медиапространства в воплощении духовно-нравственных исканий современника. Характерно, что в городской газете в 1990 г. открывается новая рубрика *«Философские пятницы»*.

Накалённость общественно-политической атмосферы в стране становится лейтмотивом публикаций. Общественно-политические поиски 1989–1990 гг., как свидетельствует доминирование слова *истина*, направлены на выявление подлинных ключевых смыслов, определяющих жизнь социума. На третьем этапе перестройки представлены как публикации, в которых человек характеризует свою общественно-политическую ориентацию, так и материалы, стремящиеся к осмыслению общественно-политических исканий социума. Городская газета предоставляет возможность высказаться представителям различных партий, организаций, объединений, причём лейтмотивом многих публикаций становится выражение отношения к КПСС. Разнообразие подходов отражают названия рубрик, в частности *«На перекрёстке мнений», «Субъективные заметки»*. Если доминантой предыдущего периода была мысль о плодотворности дискуссий, то в публикациях 1989–1990 гг. мы находим примеры ироничного переосмысления устойчивого выражения *«В споре рождается истина»* (со ссылкой на коммуникативное пространство): *<…> я задумался: ради чего затевать спор, всегда ли мы спорим ради поиска* ***истины****? Ведь недаром о нашем времени говорят: споры «кипят» –* ***истина*** *испаряется* (М. Еловиков, 23.10.1990). Позитивная характеристика дискуссии отмечается в публикациях по вопросам экономики (например, В. Колинько, АПН, 02.09.1989). Особое место экономических материалов проявилось и при анализе контекстов со словом *правда* 1989–1990 гг. В публикациях третьего этапа перестройки, содержащих имя существительное *истина*, важную смысловую нагрузку несёт слово *кризис*, связанное с характеристикой не только экономического, но и духовного состояния общества (см. табл. 1 в Приложении 4). Это слово и в XXI в. сохраняет роль ключевого слова текущего момента [Шмелева 2009].

Семантика «истина – максима» раскрывается прежде всего в публикациях по острым социально-нравственным вопросам, реже – по экономическим вопросам. Истины-максимы охарактеризованы с помощью эпитетов *банальные*, *прописные* и рассматриваются, в отличие от второго этапа перестройки, в мелиоративных контекстах, что позволяет предположить особую значимость традиционных основ жизни для периода кипения общественно-политических страстей. Городская газета в 1990 г. открыла рубрику *«Банальные истины»*, постоянной ведущей которой стала журналист Т.А. Тюрина. Эта рубрика действует в течение 1990-го г. в рамках страницы *«Тепло вашего дома»*. Концепция эссе Т.А. Тюриной имеет социально-нравственный характер: даже в трудные времена счастье человека сохранится, если есть тёплый домашний очаг, любовь, уважение и доверие в семье, здоровый образ жизни. Журналист успешно воплощает в своих текстах такие важные признаки эссе, как установка на рефлексию, диалогичность, эффект спонтанности изложения, например: *Вот какая грустная банальная* ***истина*** *у нас получилась* (Т. Тюрина, 27.11.1990). В приведённом высказывании изложение выдержано в реактивном регистре (о коммуникативных регистрах см.: [Золотова 2004, с. 29–34]), что подчёркивают лексические и грамматические средства, в том числе синтагма *истина получилась*, в которой используется перфектив. Как видим, формулировка истины оценивается журналистом как процесс сотворчества с адресатом (*у нас*), причём результат этого процесса может удивить даже создателя текста.

В контекстах с семантикой «истина – максима» актуализируется не только АСК «поиск истины», но и АСК «борьба за истину», представленный речеповеденческими контекстами (глагольными синтагмами), актуализирующими мысль об усилиях человека, который стремится донести истину до других: *напоминать о прописных* ***истинах*** (Т. Минеева, 29.09.1989); *твердить прописные* ***истины*** (М. Четверик, 17.05.1990); *до хрипоты доказывать прописные* ***истины*** (Т. Минеева, 08.03.1989).

Традиционно семантика «истина – метафизическая сущность» значима в контексте размышлений о культуре и является менее распространённой в газетных публикациях в сравнении с другими семантическими составляющими слова *истина*. Дух времени отражается в публикациях о культуре – в звучании темы творческого эксперимента, новаторства. Семантика «истина – метафизическая сущность», тесно связанная с АСК «поиск истины», определяет бесконечность и творческий характер этого поиска. В этом плане характерна синтагма с эпитетом *относительная истина*, которую мы встречаем в высказывании интервьюируемого художника Е.И. Высоцкого: *Во-первых, мы не претендуем на* ***истину*** *в последней инстанции, ибо всякая* ***истина****, за исключением самых простых случаев, является* ***истиной*** *относительной. И потом, для искусства всё же не* ***истина*** *является центральной категорией, а совсем другое. Искусство выражает своё отношение к миру* (Т. Лучшева, 07.02.1989). Художник согласен с тем, что искусство выражает отношение к миру, но не связывает это отношение непосредственно с категорией истины, о чём свидетельствует акротеза *истина – совсем другое*. АСК «служение истине» актуализирован в заголовке интервью с художественным руководителем экспериментального театра драмы и комедии О. Бутовым *«Интриги… во имя* ***истины****»* (С. Истомин, 29.08.1989). Провокационный заголовок отражает возрастание роли языковой игры в медиадискурсе.

Как свидетельствуют материалы городской газеты, семантико-стилистическое изменение ценностных категорий *Правда / Истина* связано с тем, что главный для первых этапов перестройки акцент на праве и необходимости говорить (показывать) правду на поздних этапах переносится на поиск правды и истины, на осмысление их содержания и роли в духовном пути человека и жизни общества.

2.2.2. *Правда / Истина* в газетных материалах 1990-х гг.

В.В. Согрин выделяет **1991 г. как четвёртый этап перестройки** [Согрин 1992, с. 138]. В материалах 1991 г. развиваются тенденции употребления слова *правда*, характерные для предшествующего периода: слово *правда* соотносится с определёнными, конкретизированными референтными областями, будь то общественно-политическая, экономическая, социальная сфера, культура. Так, в публикациях со словом *правда* мы встречаем отмеченные в «Словаре перестройки» имена существительные *фермер* (Т. Дарская, 27.03.1991) и *предприниматель* (Б. Шертман, 04.05.1991) (см. табл. 1 в Приложении 4).

Снижается роль слова *правда* в представлении идеологических программ различных общественно-политических организаций. Роль семантики «правда совести», в том числе существующей в синкретизме с семантикой «правда факта» и «правда мысли», особенно важна в публикациях, где звучит тема личности и её выбора. Как и на предыдущем этапе перестройки, актуализированы АСК «поиск правды» и «правда как нравственная основа жизни», снижается роль АСК «выражение правды».

Семантика «правда факта» и «правда мысли» значима в материалах, посвящённых общественно-политическим, экономическим вопросам, острым социальным проблемам. В частности, семантика «правда мысли» раскрывается в новой аналитической рубрике *«Колонка обозревателя»*. Остроту социальных проблем отражает соседство слова *правда* и ключевого слова текущего момента *кризис* (см. табл. 1 в Приложении 4). Ещё одно примечательное соседство слова *правда* – со словом *регион*. Например, социальная проблематика актуализирована в интервью с президентом Ордена милосердия Е. Поплавской, которая рассказывает о цели приезда «Поезда милосердия» в Кузбасс, – *«Мы приехали узнать* ***правду****…»* (Н. Демчук, 01.10.1991). Цитатный заголовок содержит эпистемический контекст, связанный с АСК «поиск правды» и преимущественно с семантикой «правда

факта». Содержание правды в интервью конкретизировано с помощью конструкции с предлогом О: *Нам нужна **правда** о регионе.* Отметим слово *регион* как актуализированное в 90-е гг. XX в. (см. табл. 1 в Приложении 4).

Семантика «правда мысли» реализуется и в контекстах размышлений о гармонии внутреннего мира человека, что свидетельствует о значимости таких мыслей в медиапространстве и соотносится с лейтмотивом душевного и духовного состояния человека в материалах городской газеты 1991 г. со словом *истина*. Например: *Экономика, политика, даже инстинкт самосохранения во времена экстремальные – это ещё не вся **правда**. Человеку нужен человек. Нужна родная душа, тепло, участие. Нужна экологическая ниша, чтобы получать отдохновение от войн и политики, от экономики и быта* (обзор писем об одиночестве; Т. Михайлова, 29.08.1991).

Сохраняются семантико-стилистические традиции в представлении темы исторической правды, в частности тенденция отражения в городской газете мемуарного творчества горожан. Семантика «правда совести» представлена в АСК «правда как нравственная основа жизни» в материалах о культуре, существует синкретично с семантикой «правда мысли» в материалах об удивительных людях, живущих рядом, – неугомонных, беспокойных, ищущих, честных. В публикациях о таких людях взаимодействуют АСК «правда как нравственная основа жизни» и АСК «поиск правды». Например, единство данных АСК проявляется в статье об И.Г. Скачкове, бывшем учителе физкультуры, о его идее ежедневных занятий физкультурой на свежем воздухе и *кабинетных мытарствах*:

Из хозяйственной сумки вызывающе торчали домашние войлочные тапочки.

– Незаменимая в дороге вещь! – радостно прокричал он, поймав мой недоумевающий взгляд. – В крайнем случае и для марафонской дистанции сгодятся.

*В тапочках за **правдой**?* (Б. Шертман, 13.05.1991).

Употребительность слова *правда* в заголовках публикаций четвёртого этапа перестройки незначительно снижается (показатель употребительности – 4, тогда как на предыдущем этапе был 5,5), и эта тенденция характерна для первой половины 1990-х гг. XX в. В снижении употребительности слова *правда* в газетных заголовках проявляются как преодоление «словесного фетишизма», порождённого навязыванием идеологии правды (Г.Ч. Гусейнов), так и состояние ценностной энтропии характерное для периода кризиса, констатируемого социологами [Рассадина 2006].

В публикациях 1991 г. сохраняется преобладание заголовков со словом *истина* (показатель употребительности – 6) над заголовками со словом *правда*, которое становится более существенным, если учитывать в количественном анализе новую рубрику газеты *«Старые новые истины»*.

Семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно» актуализирована прежде всего в материалах об осознании обществом проблем и путей их решения в области общественно-политического устройства, образования, социально-экономического развития. Нет преобладания материалов с общественно-политической проблематикой, характерного для предыдущего этапа. Лейтмотивом становится душевное и духовное состояние человека. Внимание к духовному состоянию человека связано с обращением к проблемам образования. Именно в текстах с такой проблематикой мы неоднократно встречаем слово *истина*[23]. Тема внутреннего мира человека может быть не только вспомогательной в материалах различной тематики, но и являться главной, как, например, в обзоре писем об одиночестве (Т. Михайлова, 29.08.1991) или в посвящённой проблеме связи духовного и физического здоровья корреспонденции об обливании холодной водой по системе П.К. Иванова (Т. Тюрина, 25.05.1991).

Семантика «истина – максима» связана с публикациями о духовном состоянии человека, образовании, экономике. Проблема духовного мира человека занимает центральное место, тем более что материалы об

[23] Например, О. Архипова, 23.03.1991; И. Владимирова, 30.08.1991; Л. Савицкая, 11.10.1991.

образовании также непосредственно с ней связаны. В 1991 г. в городской газете действует новая рубрика *«Старые новые истины»*, название которой актуализирует с помощью парадокса образ «фонда» общечеловеческой мудрости, который остаётся опорой личности во все времена. В текстах этой рубрики звучат истины о чести, любви, великодушии.

Семантика «истина – метафизическая сущность» в 1991 г. актуализирована в рубриках *«Точка зрения»*, *«Человек и время»*, *«Живое слово»*, в публикациях о духовном мире человека и его нравственных исканиях. Так, драматизм духовных исканий человека отражает статья В. Ботнару (27.09.1991), в которой, с одной стороны, с помощью повтора ключевого слова *ошибка* подчёркивается ненайденность истины, деформация личности, произошедшая из-за прежнего политического устройства; с другой стороны, автор говорит о том, что стремление к поиску истины является знаком пробуждения совести, экзистенциальной свободы: *Попытки всего общества и отдельно каждого интеллекта найти* ***истину*** *становятся всё отчаяннее*; *Вот и получается, что тайна бытия человеческого в том, что пробуждённая совесть сильнее и «хлеба», и любого насилия или обмана.* Отметим, что в публикациях 1991 г. АСК «поиск истины» неоднократно эксплицирован лексическими репрезентантами *попытка*, *пытаться*. Антитеза истины и обмана связана с темой нравственных исканий человека, невозможности для свободной личности оставаться на уровне «хлеба» и в путах обмана. Поиск истины есть поиск смысла жизни. Ключевая роль слова *истина* в статье В. Ботнару подчёркнута его использованием в заключительной части текста, в том числе в последнем предложении, представляющем собой высказывание Л.Н. Толстого: *Ту же мысль не раз высказывает и Л.Н. Толстой: «Как только ясно выражена* ***истина****, она не может не победить».* Таким образом, в конце текста звучит мысль о неизбежной победе истины, обретённой и выраженной.

АСК «выражение истины» сопряжён с феноменами «возвращённой литературы» и религиозно-философской мысли, о чём размышляет на

страницах газеты, например, Л.А. Никонова, которая в течение 1990 года вела в городской газете рубрику *«Нравственная проповедь»*, особенно значимую в эпоху перемен. Центральным в статье новокузнецкой поэтессы становится образ *праведников истины*, выраженный синтагмой с церковно-религиозной окраской уже в заголовке – *«Живы ещё праведники **истины**»* (19.06.1991). В представлении ценностной категории *Истина* на поздних этапах перестройки ощутимо влияние церковно-религиозного дискурса с его чёткой поляризацией добра и зла и использованием книжной стилистики «плетения словес» (см. о ней: [Рогожникова 1990]). Связь медиапространства с религией неоднократно отражена контекстами с рассматриваемыми ключевыми словами в материалах 1989–1991 гг. Так, сакральная природа Истины, образ которой воплощён с помощью условного имени собственного, раскрывается в обращении редакции к читателям, связанном с открытием новой рубрики – *«Живое слово»*: *Сегодня редакция открывает новую духовную рубрику* (19.09.1991). Сакральное начало осмысления Истины задаётся цитатным заголовком обращения – *«И настанет царство **Истины**»*. На основе синтаксической эпифоры заголовок соотносится с последним предложением: *Это наш камень в постройку Храма **Истины.*** Особенности употребления слова *истина* в публикациях 1989–1991 гг. подтверждают, что образ храма становится ключевым в медиапространстве эпохи перестройки и соотносится он с темой духовного очищения (см. о выражении эпохи перестройки *дорога к храму* в табл. 1 Приложения 4). В обращении к читателям рубрики «Живое слово» звучит мысль о пути к Истине. Слово *Истина* включено в изотопическую цепочку других условных имён собственных и соотнесено с гиперонимом *дух*: *Мы поняли, что нужно снова строить храмы. Мы поняли, что нужно снова наполнять души. Мы потянулись к Свету, Добру, **Истине**, Милосердию. Мы поняли, что без духа жизнь скудна.* Ярким репрезентантом АСК «поиск истины» является синтагма *потянулись к Истине*. Ключевую роль в тексте играет изотопическая цепочка *храм – душа*. Однако, в соответствии с книжной

стилистикой «плетения словес», текст насыщен не только семантическими повторами, но и семантическими контрастами: *Истина – ложь*, *Христос – Пилат* (и основанное на антономасии *пилаты*), *Свет – Тьма*, *строить – разрушать*. Авторам важно противопоставить разрушительному двадцатому веку аллегорический образ строительства нового Храма – *Храма Истины* (возможно, это является отражением русского утопического сознания в медиадискурсе):

Но и самым тёмным временам наступает конец. Мы поняли, что нужно снова строить храмы. Мы поняли, что нужно снова наполнять души.

<…> Настало время строить. Настало время сносить камни к новому Храму. Настало время снова утвердительно ответить на вопрос Пилата.

Религиозные мотивы в медиадискурсе отражают специфику духовных исканий общества, суть которых пытаются определить философы конца XX – начала XXI вв. [Громов 1994, Киселев 2006 и др.].

Отметим, что в материалах рассмотренного периода слова *правда* и *истина* соседствуют не только в материалах о творчестве, но и в публикациях по экономическим вопросам и вопросам о внутреннем мире человека, что актуализирует их звучание. Характерно, что в материалах о творчестве мы наблюдаем совместную встречаемость слов *правда*, *истина*, *красота*. Ослаблением роли АСК «выражение правды» в совокупности с возрастанием роли в газетных материалах АСК «поиск правды», «правда как нравственная основа жизни» и в целом с усилением внимания к проблемам духовных исканий человека свидетельствует о переходе к углублению интерпретации ценностных категорий *Правда / Истина.*

На наш взгляд, в городской газете 90-х гг. XX в. в снижении употребительности рассматриваемых ключевых слов в газетных заголовках отразилось констатируемое социологами состояние кризиса системы ценностей россиян, «нижняя точка» которого приходится на 1996 г. [Рассадина 2006, с. 97]. **Период 1992–1995 гг.** характеризуется самым низким общим показателем употребительности слов *правда* и *истина* в заголовках

(см. рис. 6, с. 116), тогда как самые высокие показатели общей употребительности приходятся на период бурной общественно-политической жизни 1989–1991 г., связанной с активным поиском общественных идеалов. Но низкая употребительность ярче отразилась на судьбе слова *правда* в газетных заголовках, чем на судьбе слова *истина* в этой сильной позиции текста. Характер употребления слова *правда* наиболее полно отражает динамические процессы в медиадискурсе, поскольку ценностная категория *Правда* тесно связана с социальной оценочностью как одной из главных особенностей газетной публицистики.

Постперестроечный переходный период характеризуется как насыщенный и сложный историками [История России 2012; Новейшая история России 2010; Новейшая история России 2012] и социологами [Лапин 1990, 1993, 1994; Леонтьев 1996; Соколов 1993; Яновский 1995]. В период 1992–1995 гг. отмечается самая низкая за 1980–2000 и 2010–2013 гг. употребительность слова *правда* (показатель 0,5, самый высокий показатель пришёлся на первый этап перестройки – 7,8): в состоянии ценностной энтропии, которое исследователи характеризуют даже как «угрозу духовно-нравственной безопасности России» [Яновский 1995], слово *правда* чаще остаётся не вынесенным в заголовок, но в то же время очень значимым в поиске ценностных основ жизни. Характерно, что разнообразные по тематике материалы, включающие слово *правда*, отражают ключевую роль этических вопросов, нравственных исканий.

Семантика «правда факта», «правда мысли», «правда совести» в материалах первой половины 1990-х гг. часто существует синкретично. Как и на предыдущих этапах, контексты со словом *правда* сопряжены с широким кругом вопросов – общественно-политических, экономических, социальных, правовых, эстетических. Но, как и в публикациях со словом *истина* 1991 г., важна нравственная доминанта. Ключевую роль играют АСК «поиск правды», «правда как нравственная основа жизни», представлен также АСК «выражение правды», причём во взаимодействии с АСК «поиск правды»

(сделан акцент на восприятии выраженной правды). Отметим важную роль контекстов со словами *ложь*, *ложный*, которые включены в проблемное изложение злободневных вопросов и актуализируют АСК «отступничество от правды». Особенностью контекстов со словом *правда* первой половины 1990-х гг. являются два важных смысловых акцента – тема города и тема нового поколения. Так, в газете появляется посвящённая детям и размышлениям о будущем рубрика *«Цветы жизни»*. Например, в очерке из этой рубрики выражение *своя правда* (ПМ) включено в несобственно-прямую речь, передающую с помощью дубитации смятение мыслей и чувств девушки (Марины Чугурян):

Почему, спрашивает себя Марина, один и тот факт можно оценить по-разному? Сколько людей, получается, столько и мнений. И у каждого своя ***правда****, разве это правильно?!* (Л. Савицкая, 28.01.1993).

Согласно подходу Г.Ч. Гусейнова, проведённый в советском обществе социолингвистический эксперимент по внедрению «идеологии правды» привёл к «полному господству единообразного (гомогенизированного) заменителя (суррогата) речи, каковым является язык печати» [Гусейнов 1989, с. 71]. Именно в рассмотренном материале 1990-х гг. появляется тот уровень размышлений о «лжи как состоянии сознания» (Г.Ч. Гусейнов), который свидетельствует о преодолении тоталитарного наследия в языке СМИ. В газетных текстах 1990-х гг. ярко представлен АСК «отступничество от правды», связанный с темой лжи. Так, журналист В. Кунгурцев посвятил эссе лжи как главной причине несовершенства социально-политического, экономического, нравственного, выразив ключевую мысль в заголовке с эллипсисом: *«В основе порока – ложь»* (25.07.1992). Преодоление «господства единообразия» и подчёркивание искренности осуществляются благодаря усилению личностного и творческого начала в газетном тексте, через использование иронии, языковой игры, снижение стиля.

Семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно» связана в первой половине 1990-х гг. с духовно-нравственной доминантой и АСК «поиск

истины» в материалах различной тематики (социальные проблемы, история, культура, здоровье). Важным акцентом материалов первой половины 1990-х гг. является возвращение к мыслям о созидательности диалога, звучавшим также в материалах 1987–1988 гг. и подвергшимся сомнению в материалах 1989–1990 гг. Созидательность диалога видится в возможности открыть человека, его внутренний мир. В контексте таких размышлений АСК «поиск истины» обогащается такими лексическими репрезентантами, как синтагмы *истина постигается*, *восхождение к истине*. Важную роль играет изотопическая цепочка *истина – правда* в материалах об исторической памяти и социальных проблемах (например, Ю. Анатольев, 23.05.1992; М. Фролова, 24.03.1992).

Основная часть истин-максим соотносится со сферой творчества и увлечений человека. Неоднократно истины-максимы служат для выражения в публикациях мысли о гармонии человека с природой. Кроме того, истины-максимы включены в размышления об острых социальных проблемах, о правовом воспитании. Лейтмотивом публикаций становится мысль о тяжёлых временах в жизни россиян, об утрате городом того уровня, который был достигнут до начала перемен (в сфере культурного досуга горожан, спорта). Истины-максимы представляют как важнейший АСК «поиск истины», так и АСК «выражение истины», «борьба за истину». В АСК «поиск истины» значимы такие лексические репрезентанты, как синтагмы *понимать истину*, *признать истину, (не) догадываться об истине, пренебрежение истинами*, синтагмы с эпитетами *прописные, простые*, *«старые» (истины)*. Эпитеты помогают сделать акцент на мудрости и актуальности заветов, переданных предшествующими поколениями. Разрыв связи поколений, разрушение традиций передаёт метафорическая синтагма *сжигать «старые» истины* (А. Мелентьева, 23.11.1995). АСК «борьба за истину» представлен образами людей, готовых защищать проверенные временем истины. Эти образы (основоположника новокузнецкого хоккея А.К. Дикалина, приверженца системы П.К. Иванова Н.А. Шатохина,

художника В. Новикова и др.) переданы с одобрительной оценкой, к защитникам «старых» истин присоединяются и журналисты, формирующие в информационно-оценочном пространстве городской газеты первой половины 1990-х гг. лейтмотивы преемственности и созидания, противостоящих разрушению.

Семантика «истина – метафизическая сущность» актуализирована в публикациях о творчестве и религиозном воспитании, которые, однако, не достигают той многоаспектности осмысления духовного мира человека и его нравственных исканий, которая была отличительной чертой материалов 1991 г. АСК «выражение истины» и «поиск истины» взаимодействуют в материалах о творчестве и его восприятии и представлены синтагмами *выразить истину*, *истина души*, *цветок Истины*, *тянуться к истине*, повторяющейся в материалах разных лет изотопической цепочкой *истина – добро*. Невыразимость и неизмеримость истины передают контексты, в которых используются условное имя собственное, метафоризация и символизация. Так, приём повторной номинации позволяет журналисту приблизиться к Истине, отражённой работами Н.К. Рериха: изотопическая цепочка *сокровище знания – цветок Истины – сама Истина* подчёркивает красоту и сокровенность Истины как содержания абсолютного знания, причём приобщение к этому знанию, как следует из рассматриваемого отзыва, связано не с рассудком, а с мудростью (В. Валиулин, 02.07.1992).

Во **второй половине 1990-х гг. XX** в. о констатируемом социологами [Рассадина 2006] преодолении «нижней точки» кризиса свидетельствует постепенное повышение употребительности в газетных заголовках слова *правда*, органичного в медиадискурсе (показатель этого периода – 2: см. рис. 6, с. 116). Повышение употребительности слова *правда* связано, на наш взгляд, с характером информационного пространства медиадискурса, в котором ключевую роль приобретают оппозиции «народ – власть», «регионы – центр», «“четвёртая власть” – политическая власть». Но всё же невысокий уровень употребительности ключевого слова в заголовках позволяет судить о

сохранении состояния ценностной энтропии и о состоянии усталости от напряжённого поиска тех общественных идеалов, которые бы воплотились в реальной жизни социума. Это состояние хорошо передано заголовком публикации 2000 г. *«Правда всего лишь подустала»* (Т. Кислицына, 30.03.2000). Данная публикация непосредственно связана с осмыслением роли категории правды в профессиональной этике журналиста.

Во второй половине 1990-х гг. контексты со словом *правда* включены в материалы различной тематики, но сквозной является тема власти. Важной семантико-стилистической особенностью материалов рассматриваемого периода становится особая концептуальная нагрузка такого типа выдвижения, как контраст. Медиадискурс второй половины 1990-х гг. формирует яркий образ власти, представленный в изложении проблемного характера и сопряжённый с пейоративной оценкой и оппозицией «власть – народ» (вариант «государство – народ»). Ещё одна ключевая оппозиция, актуализированная в материалах со словом *правда* второй половины 90-х гг., – «центр – регионы». Слово *регион* становится ключевым и отражается в публикациях со словом *правда* уже в 1991 г. (см. табл. 1 в Приложении 4). В связи с представлением названных оппозиций важна третья контрастная пара – «“четвёртая власть” – политическая власть». Т. ван Дейк в обзоре «Власть в дискурсе» говорит о значимой для медиа-дискурса связи с властью: «<…> вместо того, чтобы быть просто рупором элиты, масс-медиа показывают также, что они являются неотъемлемой частью социетальной власти, символическим аспектом которой они управляют» [ван Дейк 2014, с. 77]. Согласно наблюдениям И.И. Засурского, такой тип медиасистемы, как «четвёртая власть», характерен для первой половины 1990-х гг., тогда как во второй половине формируется «медиаполитическая система» [Засурский 2008, с. 118]. Однако на уровне семантико-стилистических особенностей текстов городской газеты именно во второй половине 1990-х гг. важна оппозиция «“четвёртая власть” – политическая власть». Даже если эта оппозиция не эксплицирована в лексической структуре текста, она значима

на уровне СКИ и определяет специфику интерпретации двух ранее названных оппозиций. Важна установка СМИ, позиционирующих себя как представителей народа, на разоблачение власти. В связи с этим ключевую роль приобретает тема лжи. Знаком этической оценки является неоднократное включение в контексты, создающие образ власти, слова *совесть*.

Если для первой половины 1990-х гг. был характерен синкретизм семантики «правда факта», «правда мысли», «правда совести», то во второй половине 1990-х гг. мы чаще встречаем самостоятельные контексты с семантикой «правда факта» и «правда мысли», что свидетельствует о повышении стилистической роли материалов с таким соотношением информационных программ, в котором на первый план выдвигается программа объективно-логическая (оценочная программа остаётся на имплицитном уровне текста). Правда в таких материалах предстаёт в рамках АСК «поиск правды», как такая характеристика действительности, которую нужно понять, принять и учитывать при реализации созидательных начинаний.

Однако этический план «правды факта» и «правды мысли» сохраняет свою значимость, особенно в материалах с общественно-политической, социальной, исторической проблематикой. Этический характер звучания усиливается в текстах, контрастно соотносящих правду и ложь и актуализирующих АСК «отступничество от правды». Даже если слово *правда* не употребляется в материалах, содержащих лексические репрезентанты семантики лжи, семантика «правда совести» представлена в таких публикациях имплицитно. В этом случае актуализирован АСК «правда как нравственная основа жизни». Семантика «правда совести» реализуется в материалах с общественно-политической, социально-экономической и социально-правовой проблематикой, в АСК «поиск правды» и «правда как нравственная основа жизни».

В материалах со словом *правда* второй половины 1990-х гг. используется выразительный потенциал креолизованных текстов, в которых «вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003, с. 17], что позволяет судить как о роли рассматриваемой ценностной категории в медиапространстве, так и о семиотическом усложнении медиапространства. Отмечается повышение роли иронии, языковой игры, снижение стиля. А.Б. Есин подчёркивает особое место иронии в системе эмоционально-ценностных ориентаций культуры: «Ирония <…> направлена не на саму действительность, а на её осмысление в той или иной эмоционально-ценностной ориентации» [Есин 2002, с. 267].

Образ власти представлен в материалах различной тематики – общественно-политической, социально-экономической, нравственной. Актуализированы АСК «выражение правды» и «сокрытие правды», связанные с оппозицией «“четвёртая власть” – политическая власть»: журналисты ищут и выражают правду, которую представители власти пытаются скрыть. Так, семантика «правда факта» и «правда мысли» актуализирована в рамках АСК «выражение правды» и «сокрытие правды» в комментарии *«Кто и почему скрывал **правду** о болезни президента?»* (Е. Альбац, «Коммерсант-Дейли», 12.10.1996; см. рис. 7).

"Кузнецкий рабочий", 12 октября 1996 года

3

Политика

Кто и почему скрывал правду о болезни президента

Е. Альбац, "Коммерсант - Дейли"

Медицинская справка

Infarction с английского не переводится

Майкл Дебейки не скрывает правду о здоровье президента даже от него самого.

Интервью дороже денег

Жизнь без дверей - плата за власть

11/01/2016

Рис. 7. Фотография фрагмента публикации Е. Альбац, 12.10.1996

Для медиапространства характерно неоднократное подчёркивание опоры на факты как основы для формирования журналистской интерпретации. В рассматриваемом материале мы находим изотопическую цепочку *правда – факты* и показательный контекст: *Теперь вернёмся к фактам.* Принцип контрастности обнаруживается при соотнесении заголовка и надписи под фотографией, запечатлевшей встречу Б.Н. Ельцина с известным американским хирургом: *Майкл Дебейки не скрывает* ***правду*** *о здоровье президента даже от него самого*. Отметим, что надпись, позволяющая противопоставить Майкла Дебейки тем, кто скрывает правду, соотнесена с заголовком на основе повтора серединной части высказываний. Характеристика содержания правды, определённая в заголовке с помощью конструкции с предлогом О, приобретает в тексте концептуальный характер. Проблема, подчёркивает журналист, обсуждается как раз потому, что речь идёт именно о здоровье президента, а граждане должны знать правду о президенте своей страны: *Итак, в историю болезни президента России (подчеркну – именно президента, потому как для человека, Бориса Николаевича Ельцина, это прежде всего история тяжёлой личной трагедии) вписана принципиально новая страница, именуемая* ***правдой.*** Экспрессию аналитическому изложению придаёт использование языковой игры, основанной на соположении в контексте ассоциантов *история болезни* и *вписана новая страница, именуемая правдой*. Такая игра опирается на принцип ассоциативного наложения: «Ассоциативное наложение моделирует такой тип ассоциативного контекста, в котором один ассоциант воспринимается на фоне другого, что создаёт интерпретационную неоднозначность восприятия слова в высказывании» [Гридина 1996, с. 20]. Благодаря контекстуальным семантическим трансформациям *история болезни* становится образом, метонимически переосмысленным: это не медицинская история, а история представления состояния здоровья президента в масс-медиа. И в оценочной характеристике этой истории для журналиста важно противопоставление правды, которую говорит

американский хирург и доносят до народа журналисты, и лжи, которую вынуждены выдавать за правду российские врачи: используются антитеза *правда (страница, именуемая правдой) – лживые (страницы)*, неоднократный повтор слова *правд*а и многочисленные лексические репрезентанты семантики лжи (*ложь, ложные*, *врать*, *неправда*). Ситуация сокрытия правды оценивается как неприемлемая (нормативно, телеологически, этически): *Но Дебейки-то врать не заставишь, и это его ученик знал наверняка.* ***Правда*** *о болезни президента – цена, которую пришлось заплатить за консультацию великого хирурга. <…> Кто и почему поставил наших врачей в столь, мягко скажем, неприятное положение?*

Ориентиром для выстраивания отношений «власть – народ» в России, согласно подходу журналиста, является опыт США, где власть должна быть честна перед избирателями, а избиратели контролируют своих избранников. Наметившийся выход из сложной ситуации связан с именем А. Чубайса и обозначен в тексте с помощью антитезы *практики неумелой и глупой лжи* и *принципа открытости.* Отметим характерное для второй половины 1990-х гг. снижение стиля. Так, в комментарии использованы разговорно-просторечные выражения *ловить на неправде*, *подставлять президента*.

Интерпретация образа власти в городской газете связана с антитезой центра и периферии (регионов). Если по отношению к центральной власти медиадискурс представляет критическую позицию, то в оценке местных властей в городской газете мы встречаем и мелиоративные характеристики, например: *Горек вкус политической каши, завариваемой в неприступной Москве. А расхлёбывать нам – местным властям и жителям. При таком раскладе внимательней бы слушать друг друга. Не умеем. Не хотим?* (Л. Савицкая, 12.09.1998). В статье Л. Савицкой, где тема правды становится ключевой, важна антитеза *неприступной Москвы* и *местных жителей и властей*. Построение фразы позволяет «отделить» местные власти от центральных и «присоединить» их к народу.

Тема лжи связана в материалах второй половины 1990-х гг. не только с образом власти, но и с темой исторической памяти, с острыми социальными вопросами. В исторических материалах городской газеты важную роль играют публикации об истории родного края, авторами которых нередко выступают специалисты (историки, краеведы). Так, семантика «правда факта» имплицитно представлена в статье из рубрики «К 380-летию Кузнецка», заголовок которой содержит ключевое слово *ложь* и характерную для второй половины 1990-х гг. ироничную окраску, – *«О крестьянах-партизанах и о синдроме лжи»* (М. Кушникова, В. Тогулев, 20.01.1998). Акцент на изменении исторических подходов сделан с помощью акротезы *сегодня – ранее*, на основе семантического контраста со словом *ложь* соотносятся имена существительные *факты* и *документы*, представляющие нормативную и этическую оценку такого подхода к осмыслению истории, который опирается на «правду факта». С пейоративной окраской связан образ коммунистов, представленный с помощью перифраза (*поколения «краснокорочников»*) и сопряжённый с темой лжи.

Во второй половине 1990-х гг. семантика «правда факта» и «правда мысли» связана с такими острыми социальными проблемами, как детский алкоголизм, наркомания. Такая тематика в особом ключе развивает тему нового поколения, актуальную для газеты первой половины 1990-х гг.: сохранить будущее можно только при условии излечения социальных язв, поразивших тех, о которых городская газета первой половины 1990-х писала в рубрике «Цветы жизни». Например, на языковой игре (приёме трансформации прецедентного текста) основан заголовок статьи о проблемах детского алкоголизма и наркомании – *«Над пропастью во лжи»* (Т. Минеева, 27.06.2000). Этическое звучание подчёркнуто соседством слова *ложь* с оценочным метафорическим образом. В заключительном абзаце, подводящем итоги, важны антитезы *лжи* и *истины*, *лжи* и *правды*. Спасение видится в донесении правды до общества в целом и до детей особенно; АСК «выражение правды» представлен синтагмой *говорить правду* и

конструкцией с предлогом О, конкретизирующей её содержание (*Пока мы не будем говорить* ***правду*** *о табаке, алкоголе, наркотиках* <…>; важно, что в этой конструкции используется изотопическая цепочка, называющая угрозы детскому здоровью и здоровью общества, причём не только в физическом смысле). Выражение правды представлено как долг общества и, соответственно, соотносится с нормативной, телеологической, этической оценкой.

Отметим неоднократную экспликацию семантики обмана в газетных заголовках второй половины 1990-х гг., особенно в 1996 г.: *«Обмен – обман?»* (В. Белобородова, 07.11.1996), *«Для обманутых»* (Т. Михайлова, 07.09.1996), *«Сколько стоит обман?»* (Т. Негода, 13.02.1996), *«Обманщики дней не наблюдают»* (12.12.1998), *«Без риска быть обманутым»* (Н. Тараканова,14.03.1996), *«Нас унижающий обман»* (В. Тартышин, 16.09.2000), «*Лукавая бухгалтерия комбината»* (М. Зеленчуков, 07.12.1999), *«Время плутов»* (Т. Кислицына, 02.06.1998), *«Обмануть легко того, кто готов обмануться»* (М. Васильева, 02.09.2000) и др. Актуализация темы обмана связана, на наш взгляд, с состоянием тревоги, недоверия, с мыслями о современном обществе, о современной жизни, когда человека в различных ситуациях могут «ввести в заблуждение, поступить недобросовестно» [Ожегов 1973, с. 392]. По словам Е. Мутсопулоса, «категория обманного представляет высшую степень ложного» [Мутсопулос 2013, с. 111]. Ключевая роль темы обмана позволяет судить о противопоставлении обиженных и обидчиков в размышлениях авторов газетных публикаций о дисгармонии социального устройства и нарушении этических законов. Тема социально-правовой незащищённости связана с названной ранее оппозицией народа и власти.

Слово *правда* в материалах второй половины 1990-х гг. представлено также в АСК «поиск правды» – в контексте размышлений о проблемах реформирования, связанных с экономикой, социальной сферой, образованием. Формируется новый смысловой аспект АСК «поиск правды»:

правда представлена как осознание суровых законов действительности, которые не позволят воплотиться мечтам во всей полноте, но осмысление которых совершенно необходимо для реализации созидательных замыслов. Важную роль в медиапространстве сохраняют образы предпринимателя, фермера (отмеченные в рассмотренном материале в эпоху перестройки, в 1991 г.) (см. табл. 1 в Приложении 4). Так, слово *правда* в заголовке включено в центральную для смыслового пространства текста антитезу мечты и реальности – *«Романтизм начинаний столкнулся с суровой* ***правдой*** *бытия…»* (В. Белобородова, 31.12.1996). В материале, содержащем анализ результатов опроса о социально-экономическом положении страны (В. Санталов, Л. Корбут, 20.02.1999), в связи с экономической проблематикой актуализируется АСК «поиск правды», также с акцентом на необходимости эту правду действительности исследовать. В заголовке эксплицирован ключевой для медиапространства образ регионов и синтагма *правда видна*: *Глазами регионов* ***правда*** *видней*. Неопределённое сравнение в заголовке, переданное с помощью сравнительной степени имени прилагательного, важно для воплощения мысли о значимости регионов; характеристика «правды факта» и «правды мысли» связана в контексте с переносным значением глагола *видеть* – «сознавать, усматривать» [Ожегов 1973, с. 76]. Форма сравнительной степени имени прилагательного имеет разговорную окраску, что соотносится, на наш взгляд, с установкой на выражение позиции народа.

АСК «поиск правды» создаётся также публикациями о проблемах образования. В этих материалах городской газеты важно значение «правда мысли». Например, оно актуализировано в заключительном абзаце статьи об образовании, вышедшей накануне Дня знаний: *...Можно сказать: ничего у нас не меняется. И это не будет неправдой. Десятилетиями бьёмся в одни и те же проблемы: семья, родители, дети, школа. И можно сказать, что всё или почти всё можно изменить к лучшему, если… Если семья, родители, дети, школа… И это тоже* ***правда****. Давайте держаться за эту* ***правду***

(Л. Савицкая, 31.08.2000). Включённость слова *правда* в контекст подчёркивается с помощью анафорической связи, причём ключевое слово употребляется и как последнее. Предикатное употребление слова *правда* связано с АСК «поиск правды» и актуализирует мысли о взаимодействии семьи и школы в воспитании детей. Синтагма *держаться за правду* отражает характерный для второй половины 1990-х гг. смысловой акцент в АСК «поиск правды»: осознание действительного положения вещей необходимо для организации деятельности в различных сферах.

Семантика «правда совести» раскрывается в материалах с общественно-политической, социально-экономической и социально-правовой проблематикой, в АСК «поиск правды» и «правда как нравственная основа жизни». Так, автор аналитической корреспонденции об акции протеста (В. Максимов, 07.11.1996) использует в заголовке синтагму *в поиске правды*, тогда как в целом для материалов разных лет характерна заголовочная синтагма *в поиске (поисках) истины*. Такая синонимическая замена делает акцент на осмыслении категории правды как идеального справедливого устройства, не воплощённого в действительности: *Реальная жизнь, словно раковая опухоль в образе безденежья, весь этот год поражала всё большие и большие слои населения.* В заголовке материала В. Максимова в соответствии с активностью в СМИ языковой игры, использован экспрессивный силлепсис, – *«В поиске **правды** и кровно заработанных».* Заголовок также иллюстрирует другую особенность языка СМИ – включение разговорных средств: перифрастический оборот, связанный со злободневной темой материального неблагополучия, является семантическим конденсатом. Отметим использованную в материале и характерную для масс-медиа второй половины 1990-х гг. актуализацию образа власти, в частности иронично представленного с помощью перифраза *кремлёвские «мудрецы»*. Эксплицирована неодобрительная этическая оценка власти: *Нет сегодня страха перед властью, но и у власти значительно поубавилось совести: свыклась она с нищетой, коррупцией, убийствами, забастовками;*

принимает эти явления как должное, как неотъемлемую часть демократических преобразований. Уши у неё словно заложило, словно глаза ей выкололи. Для обозначения оппозиции народа и власти значим образ границы, который создаётся с помощью топонима *Садовое кольцо*. Для создания концептуально значимого пространственного образа важен также хороним *Кузбасс*, представляющий один из регионов страны. Образ центра передан астионимом *Москва*, включённым в примыкающую к публикации и носящую подзаголовок *«Эхо акции»* заметку с экспрессивным заголовком *«Москва слезам не верит»* (данный заголовок, связанный с оппозицией «центр – регионы», неоднократно встречается в публикациях). Как видим, благодаря антитезе *Кузбасс – Москва (кремлёвские «мудрецы»)* и обозначающему границу между ними топониму *Садовое кольцо* в тексте создаётся поляризация пространственного образа и его концептуального наполнения.

В материалах социально-правовой тематики власть предстаёт также в образе чиновника, должностного лица. В этом случае газета, откликаясь на обращение в редакцию, помогает разобраться в ситуации и найти справедливое решение. Так, в названии материала С. Паутовой, оформленном в виде риторического вопроса, использована синтагма *ходить за правдой – «Надо ли ходить за* ***правдой*** *инвалиду?»* (09.06.1994). Культурная традиция позволяет журналисту с помощью такого заголовка создать яркий образ и передать этическую оценку, высокий смысл хождения за правдой. Журналист выполняет роль арбитра и в приведённом материале встаёт на сторону обратившегося за помощью читателя, порицая некомпетентных чиновников: *Этот маленький частный эпизод заставляет задуматься о большой и больной проблеме общества: профессиональном соответствии людей, занимающих иные должности в государственных учреждениях.* Антитеза является экспрессивным знаком перехода изложения на другой уровень обобщения.

В эссе *«**Правда** всего лишь подустала»* журналист Т. Кислицына соотносит категорию правды с современным духовным состоянием общества и вопросом о назначении СМИ (30.03.2000). Эссе приурочено к 70-летию городской газеты и подчёркивает нравственную основу профессии журналиста. Состояние современной журналистики передаётся с помощью антитезы правды и лжи. Яркий метафорический образ неизлечимо больной журналистики ассоциативно соотносится со словом *спасение* – лексическим репрезентантом АСК «правда как нравственная основа жизни». Благодаря контексту в эссе о нравственном кредо журналистов городской газеты актуализирована семантика «правда совести». Слово *правда* включено в сильные позиции заголовка и конца текста. Заголовок, эксплицирующий образ правды с помощью олицетворения, и его вариативный повтор в последнем предложении текста создают выразительный эффект кольца. Концовка выполняет роль комментария к заголовку, раскрывает мысль об уставшей правде и указывает на её источник: *Перед такой дерзкой ложью отступает банальность вечных прописей, выстраданных человеком, – насчёт милосердия, совести и справедливости. Но один мудрый современник назвал банальность уставшей **правдой**. Если с ним согласиться, то всё встаёт на свои места. **Правда** никуда от нас не ушла, она только немного подустала.* Как видим, журналист, акцентируя тему правды, включает прецедентный текст, градуальный ряд однокоренных слов *уставшая – подустала*, акротезу *ушла – немного подустала*. Правда представлена в эссе как вечные нравственные ценности человечества, служащие основой профессиональной этики журналиста и спасением для общества.

АСК «поиск правды» в материалах второй половины 1990-х гг., в соответствии с тенденциями изменений в языке и стиле СМИ, представлен также в шутливых и ироничных контекстах. Такого рода контексты отражают актуальные, активно обсуждаемые темы и характерные подходы к представлению информации. Так, необычные ракурсы и широкая тематика новостей характеризуют новую рубрику городской газеты *«Красный угол»*.

В частности, в ней помещена шутливая заметка с заголовком, экспрессивно насыщенным и настраивающим на серьёзный и даже возвышенный тон, – *«Требую **правды** и справедливости!»* (25.01.1997). Изотопическая цепочка *правда – справедливость* настраивает адресата на приобщение к АСК «поиск правды», «борьба за правду», «правда как нравственная основа жизни». Однако содержание заметки создаёт эффект обманутого ожидания: *Всё, оказывается, враки: не прав Гафт, утверждавший в эпиграмме, что на свете нет столько армян, сколько фильмов, в которых сыграл Армен Джигарханян.* В данном примере наблюдается ироничное обыгрывание высокой формулировки и темы мнимого правдоискательства.

Во второй половине 1990-х гг. в городской газете отмечается доминирование заголовков со словом *правда*, что соотносится с установкой медиадискурса на разоблачение власти и исследование законов суровой действительности (см. рис. 6, с. 116). Употребительность слова *истина* в газетных заголовках снижается до минимального значения 1980–2000 и 2010–2013 гг. – 1,4. Думается, что постепенное возвращение стилистической роли слова *правда* в газетных заголовках второй половины 1990-х гг. связано прежде всего с его значимостью в репрезентации ключевых оппозиций «народ – власть», «регионы – центр», «“четвёртая власть” – политическая власть». Повышение употребительности слова *правда* является маркером напряжённости общественно-политической ситуации. Хотя употребление слова *истина* остаётся знаком актуальности и серьёзности обсуждаемой проблематики. Например, оно встречается в рубрике «Вторая чеченская война», где представлена заметка *«Истина где-то рядом»* (по материалам информационных агентств, 28.12.1999), включено в публикации о проблемах общества и роли журналиста в их выявлении и решении (М. Кислицына, 30.03.2000), о проблемах детского алкоголизма и наркомании (Т. Минеева, 27.06.2000), о проблемах экологии (В. Валиулин, 13.05.1999), об увлечении россиян различными учениями, распространение которых было ограничено в советский период. (Л. Ковякина, 18.08.1998) и т.д. Причём в публикациях,

подчёркивающих этическое звучание темы истины, употребляются слова *истина* и *правда*, что создаёт эффект усиления.

Таким образом, в 1990-е гг. прохождение «нижней точки» кризиса связано с проявлением тенденций повышения употребительности в газетных заголовках слов *правда* (нижняя переломная точка приходится на публикации 1992–1995 гг.) и *истина* (нижняя переломная точка приходится на материалы второй половины 1990-х гг.). Для 1990-х гг. значима этическая окраска текстов, включающих слова *правда* и *истина*, разработка темы лжи, неразрывно связанная с пониманием содержания правды и истины как категорий, отражающих духовные искания человека и общества. Во второй половине 1990-х гг. динамика употребления связана прежде всего со словом *правда* как маркером активных общественно-политических процессов. Категория правды важна для осмысления в медиапространстве отношений народа и власти, центра и регионов, официальной власти и «четвёртой власти».

2.2.3. Специфика регулятивных средств и структур в газетных материалах конца XX в., отражающих ценностные категории *Правда / Истина*

Рассмотрим закономерности употребления регулятивных средств и структур в газетных публикациях конца XX в., отражающих ценностные категории *Правда / Истина*. Обратим внимание на употребление онимов, тропов, стилистических фигур, языковой игры и соотносящих заголовок и текст регулятивных структур.

В газетных материалах со словами *правда* и *истина*, созданных в каждый из рассмотренных периодов, выделяется группа имён собственных, связанных со сферой культуры: антропонимы авторов произведений, поэтонимы, именующие персонажей, идеонимы, называющие книги, спектакли, фильмы. Эта группа имён собственных позволяет судить о

константах концептов «Правда» и «Истина», связанных с темой духовной жизни человека и общества, с отношением к мнению писателей как к голосу совести. В городской газете звучат не только имена широко известных писателей (*Н.В. Гоголь*, *С. Цвейг*, *А. Касона*, *В.М. Шукшин*, *В.В. Быков*, *Б.А. Ахмадулина*, *Д.А. Гранин, Г.Я. Бакланов*), режиссёров (*М.А. Захаров*, *А.А. Тарковский*), но и представителей творческой интеллигенции города и региона (писатели *В. Коньков*, *Г. Емельянов*, фотохудожник *Н. Бахарев,* художница-флорист *Е. Романенко*, композитор *А. Ляпин*). Особая роль имён писателей связана с осознанием в обществе роли их слова как нравственного суда. В то же время на различных хронологических отрезках наблюдается и специфическое употребление онимов.

Отметим тенденции в употреблении антропонимов (имён писателей, философов, общественно-политических деятелей) в газетных текстах, раскрывающих ценностные категории *Правда / Истина* в различные периоды истории страны конца XX – начала XXI вв.

Для двух первых этапов перестройки характерна актуализация антропонима *В.И. Ленин*, включённого в контексты с новым осмыслением идей великого вождя (оценочная позиция первых этапов перестройки). Так, в «Субботних беседах» приводятся размышления В.И. Ленина о *живом, творческом социализме,* который *есть создание самих народных масс* (31.05.1986); дана характеристика Ленина: *Он был вождём, великим человеком, но был прост, как* ***правда*** (17.01.1987); определены черты связанного с ним периода истории: <...> *такой благодатной для литературы атмосферы, как сейчас, у нас не было, пожалуй, со времён Ленина* (В. Зиновьев, АПН, 11.08.1987). На третьем этапе перестройки характер употребления имени Ленина изменяется: оно включено в политический дискурс коммунистов, в контексты с идеологической дифференциацией, например: *Второе, с чем пойду к народу. С* ***правдой*** *о Ленине, с его защитой от тех, кто делал из него вчера икону, а сегодня ради своих амбиций и корыстных политических замыслов встал на путь клеветы*

(коммунист М. Еловиков, 23.10.1990). На четвёртом этапе перестройки имя Ленина в публикациях о духовном состоянии общества связывается с террором, репрессиями (например, В. Ботнару, 27.09.1991).

Важную регулятивную роль в материалах со словами *правда* и *истина* третьего и четвёртого этапов перестройки играют имена *А.И. Солженицына*, *А.Д. Сахарова*, например: *Но А.Д. Сахаров и Ч.Т. Айтматов – и это следует также отметить – не так уж и далеки от* ***истины****, как это может показаться на первый взгляд* (В. Турнаев, 25.05.1990). Эти антропонимы употреблены в контекстах с этической оценкой, как обозначение честности, нравственного мерила. В материалах 1991 г. со словом *истина* звучат имена религиозных философов: *Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Константин Леонтьев, Георгий Федотов, Сергей Булгаков, Павел Флоренский* и др. (В. Ботнару, 27.09.1991; Л. Никонова, 19.06.1991). Характерно, что осознание современности во многих материалах третьего и четвёртого этапов перестройки происходит с помощью произведений *М.А. Булгакова*, поскольку в конце 1980-х – начале 1990-х гг. российский читатель во многом только ещё открывает его эстетический и этический мир. В контекстах со словами *правда* и *истина* использованы соответствующие имена собственные: не только имя писателя, но и библионимы, поэтонимы) (В. Гершгорин, 05.12.1990; Б. Шертман, 04.05.1991; «Живое слово», 19.09.1991).

Во второй половине 1990-х гг. в связи с актуализацией темы власти повышается значимость антропонимов, называющих политических деятелей (*Чубайс, Починок, Ельцин* и др.). Данные антропонимы актуализируются не только в материалах общественно-политического содержания, но и в публикациях на социально-экономические темы (*«Чубайс сказал неправду?»*, 04.01.1996).

Отметим особенности употребления других групп онимов, прежде всего топонимов. На доперестроечном этапе мы встречаем имена собственные, связанные с репрезентацией образа врага: хоронимы, называющие отдельные

капиталистические страны (*США, Италия, Дания, Запад* и др.), гемеронимы, именующие газеты и журналы этих стран (*«Вашингтон Пост», «Шпигель»* и др.), название Североатлантического блока (*НАТО*). Особое место в создании образа врага занимает метонимически употреблённый оним *Белый Дом*.

В материалах третьего этапа перестройки, представляющих категорию правды, важны хоронимы, называющие зарубежные страны и передающие мысль об открытости России миру, о её включённости в единое мировое пространство, будь то размышления о нравственных категориях или анализ опыта успешного экономического развития[24]. Эти тенденции сохраняются в материалах 1990-х гг., делающих акцент на теме власти (Е. Альбац, «Коммерсант-Дейли», 12.10.1996).

Во второй половине 1990-х гг. в связи с оппозициями власти и народа, центра и периферии важны топонимы, репрезентирующие ключевые антитезы, например: *неприступная Москва – местные власти и жители* (Л. Савицкая, 12.09.1998); *Кремль – наши окраины* (Т. Кислицына, 07.05.1998). Авторы даже иронично обозначают границу с помощью топонима *Садовое кольцо* (В. Максимов, 07.11.1996).

«Расследовательское» начало журналистики эпохи перестройки и послеперестроечного периода отражает употребление топонимов и эргонимов, метонимически связанных с волнующими общественность событиями, например: «Слухи и **правда** о *Киеве*» (В. Михайлов, 11.09.1986), «**Правда** о *“Распадской”*» (Г. Полещук, О. Кунц, 05.05.1990). Неоднократно названы места трагических событий (например, А. Герунов, 26.05.1990). Эпистемический контекст знания правды превращается в этический контекст нравственного суда. Память о трагедиях становится неотъемлемой частью совести, определяющей поступки в настоящем и охраняющей будущее. Так, в аналитической корреспонденции о всесоюзной акции памяти жертв событий 1962 года, состоявшейся на *Театральной площади*, актуализирована изотопическая цепочка *Тбилиси – Новочеркасск*: *Полной **правды** о событиях*

[24] Например, С. Паутова, 05.06.1990; В. Белобородова, 07.11.1990.

в Новочеркасске нет до сих пор. <…> И, наверное, в чём-то сопоставим Новочеркасск и Тбилиси. А потому действительно тревожно: сумеем ли мирно выйти из тупика, в который зашли? Нужно суметь. И потому важно помнить и Новочеркасск, и Тбилиси… (С. Паутова, 05.06.1990). Регулятивная сила имени собственного в данном случае связана с тем, что оно является метонимическим знаком, хранящим в свёрнутом виде информацию злободневного характера, волнующую, интересующую адресата.

Отличаются по составу топонимов публикации третьего этапа перестройки со словами *правда, истина*: в материалах, посвящённых общественно-политической жизни города, значим агороним *Театральная площадь*. Именно на Театральной площади происходят митинги, благодаря чему это имя собственное становится знаком активной гражданской позиции горожан[25].

Региональная специфика рассматриваемого издания проявляется в том, что начиная со второго этапа перестройки употребляются имена собственные, связанные с осмыслением и переосмыслением истории, в том числе истории родного края (антропонимы участников исторических событий и авторов концепций, библионимы, хрононимы, топонимы[26]).

Включение в тексты тропов не является доминирующей чертой воплощения ценностных категорий *Правда / Истина* в медиадискурсе. Их использование носит «точечный» характер, что позволяет судить о значимости актуализированных контекстов.

Основу для метафорического осмысления правды и истины создают образы света и огня (см.: [Агиенко 2006, с. 131]). Генитивная метафора *свет правды* отмечена на различных хронологических отрезках и сохраняет семантику выражения наивысшей чистоты, абсолютного совершенства правды как гармоничного, справедливого миропорядка. Безусловно, на включённом в медиатекст образе лежит идеологическая печать времени.

[25] Например: Л. Савицкая, 18.07.1989; С. Паутова, 05.06.1990.
[26] Например, А. Казанцев, 27.06.1987; В. Зотов, 22.11.1989; А. Кытманов, 09.05.1989.

Метафорическая синтагма позволяет как рассказать о советском пропагандисте (Л. Смирнова, 01.10.1982), так и передать сакрализованный образ правды на первом этапе перестройки: *Культ **правды**. Свет её особенно ясен в лучах гласности* (статья о XXVII съезде КПСС *«Свет правды»*; В. Петруня, ТАСС, 07.03.1986). В материалах XXI в. использован обладающий высокой окраской образ *свет истины* (Б. Тальжинский, 18.06.2011; Т. Басаргина, 26.05.2011). На третьем этапе перестройки мы встречаем образ, в котором соединились свет правды и её тепло, так необходимое человеку в тяжёлую эпоху перемен: *Придётся перелопатить тонны словесной шелухи, пустой породы, ила, чтобы, наконец, в конце тоннеля блеснул и рассеялся мрак, обогрел наши души заветный огонь **правды** и надежды* (В. Белобородова, 08.06.1990). Образ огня связан и с темой истины в очерке *«Горячее сердце на ледяном поле»* (А. Мелентьева, 23.11.1995). Экспрессия усилена благодаря языковой игре, основанной на принципе ассоциативного наложения, и включению метафоры в такую регулятивную структуру, как антитеза. Достойное прошлое передано в очерке с помощью образа «старых» истин, которым верен основоположник новокузнецкого хоккея: *И кто виноват в том, что созданный им лёд, на котором сжигают «старые» **истины**, начал таять у всех на глазах?*

Сложность поиска истины отражена заголовочной генитивной метафорой *зёрна **истины*** (Б. Шертман, 28.06.1983). Характеризуя роль этой вегетативной метафоры в воплощении концептов «Правда» и «Истина», М.И. Агиенко отмечает: «Способностью прорастать, обеспечивать продолжение, обновление жизни, идеи обладает ‘зерно’, символ плодородия, средоточие вегетативной силы, бессмертия (*зерно правды; grain of truth, kernel of truth*)» [Агиенко 2006, с. 129]. Мысль об отсутствии истины передана вынесенными в доперестроечные заголовки образами: *«Ложь в тоге “**истины**”»* (Д. Волкогонов, 06.10.1982), *«Миф без крупинки **истины**»* (Н. Рыдванов, 30.11.1984). Обе названные статьи содержат анализ-«минус» разработанного в Вашингтоне проекта «Истина». Ироничное употребление

отмечено не только в связи с образом истины, но и в связи с образом правды, причём на разных хронологических отрезках. Например, в связи с репрезентацией образом лгущего врага: <…> *велик соблазн устами комментаторов поведать миру такую «**правду**», какая выгодна тем, кто заказал музыку на этом политическом шоу* (Ю. Глазков, 12.02.1982). Или в связи с критической характеристикой руководителей в перестроечных материалах: *Горькую **правду-матку** с трибуны режут руководители. Так сказать, «настроились» на волну времени* (12.07.1986).

На фоне достаточно редкого использования метафорических образов в воплощении ценностных категорий *Правда / Истина* отметим материалы третьего этапа перестройки, в которых возрастает роль проблемного способа изложения. Наряду с уже упомянутой статьёй В. Белобородовой, где использован образ *огня правды*, в публикациях этого периода мы встречаем ещё несколько интересных развёрнутых метафор. Образ правды связан с темой силы её воздействия: *Что же сдетонировало извержение аппаратного гнева? Прежде всего **правда*** <...> (С. Новиков, АПН, 26.12.1989); с темой высокого уровня требований к газете: *Ну нет у нас в городе писателей! Обозревателей нет, критиков нет. Нет учёных, нет театра. Всё можно создать, подняв планку на полметра, до **Правды-истины**. До талантливого рубежа* (А. Гусев, 16.06.1990); истина предстаёт перед читателем с помощью образов пути к ней и разгребания завалов: *И ещё: мне симпатично в наших читателях их стремление искать, отсутствие конъюнктуры и заботы выглядеть как можно эффектнее. Они старательно разгребают завалы, под которыми **истина**…* (08.06.1990). В последнем контексте оживлена стёршаяся метафора, которая в публикациях об истине становится лейтмотивом.

Экспрессивным потенциалом обладает языковая игра, связанная с реализацией принципа ассоциативной провокации и представленная в рассмотренном материале. Газетная публицистика использует не только приём включения устойчивых выражений, но и приём их трансформации.

Ассоциативная провокация как один из конструктивных принципов языковой игры, согласно характеристике Т.А. Гридиной, «моделирует контекст несоотносительности речевого прогноза употребления слова и реализации этого прогноза, что вызывает эффект неожиданности при восприятии лексемы в высказывании» [Гридина 1996, с. 29]. Связанные со словами *правда* и *истина* трансформации отмечены в 90-е гг. XX в. и в материалах XXI в., например: <…> *я задумался: ради чего затевать спор, всегда ли мы спорим ради поиска* ***истины****? Ведь недаром о нашем времени говорят: споры «кипят» –* ***истина*** *испаряется* (переосмысление выражения «В споре рождается истина»; М. Еловиков, 23.10.1990); *Хоть и избита* ***истина*** *до синяков, но права: нашему уж очень народному хозяйству для поправки нужны сейчас специалисты качественно нового уровня образования, за которое не было бы стыдно* (трансформация выражения «избитая истина»; Т. Негода, 04.07.1991); несколько раз представлена трансформация латинского выражения *In vino veritas*: ***Истина*** *в… ведре* (Т. Тюрина, 25.05.1991), ***Истина*** *в вине, но чья вина?* (А. Зданович, 23.03.1995).

Ассоциативная провокация создаётся не только с помощью трансформации устойчивых выражений, но и благодаря другим приёмам необычного логического развёртывания словосочетания, предложения и текста, создающим эффект обманутого ожидания. Например, на приёме нестандартной лексической сочетаемости основаны использованный в газете советских времён заголовок *«Адвокаты неправды»* (Л. Савицкая, 05.06.1981), включённая в размышления о драматизме познания истины синтагма *грязная* ***истина*** (Т. Тюрина, 11.11.1982), необычные с точки зрения логического развёртывания и привлекающие тем самым внимание адресата предложения *Интриги… во имя* ***истины*** (С. Истомин, 29.08.1989), *В тапочках за* ***правдой****?* (Б. Шертман, 13.05.1991).

Для воплощения содержания ценностных категорий *Правда / Истина* авторы публикаций обращаются к различным стилистическим фигурам. Их использование в большей степени характерно для рассмотренных

материалов, чем включение тропов. Как характерный отметим приём дубитации, в том числе использование риторических вопросов, вопросно-ответных комплексов. Вопросительные конструкции выносятся в заголовки, отметим активизацию таких заголовков в медиапространстве последних этапов перестройки: *«Есть ли **правда**?»* (29.04.1988), *«Искать виноватых или дойти до **истины**?»* (Т. Кислицына, 07.03.1989), *«С чем пойду к людям? С поиском **истины**»* (М. Еловиков, 23.10.1990), *«У каждого своя **правда**?»* (Т. Тюрина, 07.11.1990). Вопросительные конструкции усиливают экспрессию в публикациях разных лет, хотя многие примеры связаны с периодом перестройки, когда усиливается роль проблемного способа изложения: *Кто же её* [Е.Ф. Погорелову] *так смертельно обидел, почему она распространяет слухи, что **правды** в нашей области, в городе, не говоря уже о районе, не найдёшь?* (С. Ямбарышев, 04.10.1980); *Нужно другое. Самовоспитание. Учиться и не обделять себя, не пополнять шеренгу моральных недорослей. Их и так хватает. Прописная **истина**?* (В. Дядечкина, 28.06.1984); *Все учителя ругали девочку, а классный руководитель её стыдил. Ты не представляешь, мамочка, как она плакала. <…> Почему же её наказывают за **правду**? Разве так можно?* (*«Ничего, кроме правды»,* 12.07.1986); *Не раз приходилось слушать, что бригада дважды Героя Социалистического Труда Е.И. Дроздецкого с шахты «Полосухинская» даёт большой уголь в ущерб большим остальным бригадам предприятия, что ей создаются особые условия для высокопроизводительной работы. Неужели это **правда**?* (М. Конев, 30.09.1986); *А так ли уж часто мы соизмеряем свои дела и поступки с совестью, которая одобряет или осуждает их, способна распознать и качество нашего труда, и качество поступка, побудить нас к добру и **истине**?* (*«Чувство, побуждающее к **истине**»*, 17.01.1987); *Сомнение – путь к **истине**. Единственный ли? Как вы относитесь к утверждению известного писателя, что* к ***истине*** *можно прийти лишь путём личного опыта и страданий?* (формулировка вопросов для обсуждения в «Слове к

читателям», 5.03.1987); *Что мне делать? Есть ли* ***правда****? Ведь я хочу жить и работать, как все люди* (29.04.1988); *<…> я задумался: ради чего затевать спор, всегда ли мы спорим ради поиска* ***истины****?* (М. Еловиков, 23.10.1990).

В актуализации содержания ценностных категорий *Правда / Истина* важна роль повторов. В рассмотренном материале представлены различные позиционные разновидности повторов в тексте слов *правда* и *истина* и их дериватов, но обращают на себя внимание две регулятивные структуры: использование цитатного заголовка, повторяющего ключевое высказывание автора текста или интервьюируемого человека, и повторение в заключительной части текста ключевых слов *правда / истина*, вынесенных в заголовок. Данные регулятивные структуры помогают точно выразить важную для автора мысль, организуют на восприятие читателя.

Приведём примеры использования цитатного заголовка, повторяющего ключевое высказывание автора текста или интервьюируемого человека. Так, высказывание ***Истина*** *познаётся в сравнении – этот принцип стал главным в деятельности нашей комиссии* послужило основой для заголовка *«****Истина*** *познаётся в сравнении»* (Н. Ильичёв, 22.10.1980); высказывание инженера пожарной части *И в каждом [случае] главное –* ***установить истину*** (о причине пожара) – для заголовка *«****Установить истину****»* (М. Мартынов, 06.01.1984); высказывание *«****Так и рождается истина****»*, завершающее аналитико-синтетический абзац, повторяется в заголовке с апосиопезой *«****Так и рождается истина****…»* (Н. Ткаченко, 30.09.1989); высказывание предпринимателя Ю.П. Никитина *Романтизм фермерских начинаний столкнулся с суровой действительностью* послужил основой для заголовка, в котором используется синонимическая замена, – *«Романтизм начинаний столкнулся с суровой* ***правдой*** *бытия…»* (В. Белобородова, 31.12.1996). Такая регулятивная структура характерна для очерков о писателях и интервью с ними. Писатели предстают в медиапространстве как нравственные ориентиры. Например, цитатным является заголовок очерка о

В.Д. Дудинцеве *«Главное – поиск **истины**»* (С. Давлекамова, АПН, 04.01.1989).

В публикациях разных лет используется регулятивная структура, соотносящая заголовок и заключительную часть текста, в том числе последнее предложение. Т.В. Матвеева характеризует «смысловой повтор начальной фразы текста или её ключевых единиц» как «способ обозначения перехода к заключительной части публицистического текста» [Матвеева 1990, с. 89]. Повторение в конце текста слов *правда* и *истина*, вынесенных в сильную позицию заголовка, создаёт эффект кольца и подчёркивает ключевую роль этих слов. Например: *<…> будут приходить люди на свидание к Шукшину* – последнее предложение очерка о В.М. Шукшине (Осадченко Ю. *«За шукшинской **правдой** …»*, 01.01.1983); *Простые истины, но они стали частью всей жизни мастера Т.А. Стукановой, всех работниц её бригады* – заключительный абзац-стержневая фраза (Золотарёва Н. *«Простые **истины**»*, 21.04.1983); *Есть у нас праведники, живы проповедники истины. Сознавая это, человек, по-моему, не может впадать в уныние* – заключительный абзац (Никонова Л.А. «*Живы ещё праведники **истины**»*, 19.06.1991); *Истина, как обычно, где-то рядом* – последнее предложение (заметка из рубрики «Вторая Чеченская война» *«**Истина** где-то рядом»*, 28.12.1999).

Регулятивные структуры, соотносящие заголовок и текст, связаны также с актуализацией когезии, основанной на катафорической и анафорической связи. Использование катафоры создаёт приём авансирования и эффект ожидания продолжения, появления в тексте кореферентного фрагмента. М.В. Колтунова определяет приём авансирования как «затягивание сообщения важной или интересной мысли, идеи, некоторых подробностей, которые наверняка интересуют слушателей» [Колтунова 2002, с. 224]. Катафора характерна для случаев актуализации в заголовках семантики «истина – максима», нуждающейся в дальнейшем раскрытии: *«**Истины** старые, как мир»* (А. Сазыкин, 30.09.1982); *«Простые **истины**»*

(Н. Золотарёва, 21.04.1983), *«Такая простая **истина**»* (Л. Волкова, 19.10.1985). Катафорическая связь возникает также при использовании конструкций, актуализирующих изъяснительную семантику слова *правда* (*правда о чём?*): *«Слухи и **правда** о Киеве»* (В. Михайлов, 11.09.1986), *«**Правда** о 1939 годе»* (В. Марков, АПН, 05.09.1989), «***Правда** о "Распадской"»* (Г. Полещук, О. Кунц, 05.05.1990), *«Мы приехали узнать **правду**...»* (Н. Демчук, 1.10.1991), *«Я знаю **правду**!»* (29.08.1991). Такие конструкции неоднократно использованы на поздних этапах перестройки.

Анафорическая связь акцентирует внимание на антецеденте. Например, к заголовку *«А природа так хрупка и прекрасна»* (В. Валиулин, 02.02.1995) отсылает начало текста: *Об этой **истине** многие из младшеклассников 74-й средней школы интерната до не давнего времени и не догадывались. Топтали себе на прогулках палые листья, срывали мимоходом блёклые городские цветочки. Пока не пришла к ним в интернат известная в городе художница-флорист Елена Васильевна Романенко и не организовала соответствующий кружок.* Но в основной части случаев анафорическая связь не включает заголовок, а используется внутри текста, например: *Нетленна красота нравственной правды. Любовь, верность, чистота помыслов. Не за эти ли вечные **истины**, пережитые вместе с героями, и любим мы театр?* (Л. Савицкая, 29.11.1991).

Таким образом, в использовании такого важного регулятивного средства, как оним, и в обращении к другим регулятивным средствам, во включении регулятивных структур проявляются устойчивые и изменяющиеся семантико-стилистические особенности воплощения ценностных категорий *Правда / Истина* в медиадискурсе конца XX в. Динамику семантико-стилистического воплощения рассматриваемых ценностных категорий создают изменение концептуальной нагрузки антропонима *В.И. Ленин* на различных этапах перестройки, особая концептуальная роль антропонимов *А.И. Солженицын, А.Д. Сахаров, М.А. Булгаков*, раскрывающаяся в газетных текстах поздних этапов

перестройки, и многих топонимов, отражающих трансформацию ценностных ориентаций россиян в 1980–2000 гг. По параметру использования регулятивных средств и структур выделяются публикации третьего этапа перестройки, характеризующегося яркой общественно-политической жизнью, активностью нравственных исканий. Именно на этом этапе в текстах, раскрывающих содержание ценностных категорий *Правда / Истина*, используются яркие метафоры, риторические вопросы, актуализируется катафорическая связь заглавия и текста.

2.3. Категории *Правда / Истина* в городской газете XXI в.

2.3.1. *Правда* в материалах городской газеты XXI в.

Для выявления семантико-стилистических особенностей употребления имени концепта «Правда» в современном региональном медиадискурсе был предпринят анализ материалов городской газеты «Кузнецкий рабочий» за 2010–2013 гг. В проанализированном материале представлена семантика «правда факта», «правда мысли» и «правда совести».

В рассмотренных публикациях преобладают **факты**, связанные с историей города и его настоящим, например – с *пароходной историей Новокузнецка*: *<…> были нарекания со стороны прибывшего на пароходе речного же начальства, что никто его официально на берегу не встретил. И это была* ***правда*** (П. Лизогуб, 02.06.2013). Многие материалы посвящены интересным людям, в том числе горожанам. Характерно, что в газете отражены факты не только мира внешнего, но и мира внутреннего, например: *Если бы такой закон уже сейчас действовал, я бы все равно пришел. Я в армию хочу. Знаю, что это странно, надо мной все друзья смеются. Но это* ***правда*** (экспресс-опрос среди призывников; А. Шахабутдинова, 03.04.2012).

Тематические доминанты газетных материалов, представляющих **«правду мысли»,** связаны с размышлениями о событиях в культурной жизни и о нравственном облике социума. В контекстах появляется уточнение

содержания правды с помощью конструкции с предлогом О. Например: *Пишет Юлиана Чайка* ***правду*** *и* ***о сегодняшней жизни****, где люди, словно «сбитые в стадо кнутом... теснятся покорным скотом», а бывшее их «первомайское равенство с братством как-то рассосалось на нет»* (Г. Кузнецов, 27.12.2011).

В связи с передачей «правды факта» и «правды мысли» интересно осмысление устойчивого выражения *правда жизни*, которое представлено в контекстах ПФ и реже – ПМ. С одной стороны, выражение включено в пейоративные контексты: *Лотки с шаурмой, пивом могут платить взятки, а с прессой – нет. Такова коррупционная* ***правда жизни*** (С. Бабиков приводит комментарий А. Оськина, 19.07.2012). С другой стороны, центральное место в материалах с выражением *правда жизни* (*жизненная правда*) занимают контексты, раскрывающие тему искусства, эстетики творчества. В этих контекстах вопрос о воплощении *правды жизни* в искусстве представлен как дискуссионный, причём неоднократно формула *правда жизни* звучит как чужое слово, передающее устоявшиеся представления о связи искусства и действительности, не всегда и не во всём совпадающие с эстетической концепцией творческой личности: *Он* [Владимир Воробьёв] *снимал гораздо больше, чем* ***«правду жизни»****, он размышлял о времени и человеке в нем* (С. Михайлов, 24.05.2013). В последнем контексте мы встречаем характерный случай градуальной семантической связи, которая передаёт читателю мысль о том, что *размышлять о времени и человеке в нём* – это гораздо больше, чем копировать *«правду жизни»*.

Доминирование семантики **«правда совести»** в газетном тексте поддержано стилистическими особенностями. Главная тема, представленная контекстами с семантикой «правда совести», – нравственный стержень человека. Во многих контекстах актуализированы такие темы, как закон, народ и власть, газета, история, проблемы жилищно-коммунального хозяйства.

Синкретизм семантики «правда факта», «правда мысли», «правда совести» проявляется в размышлениях журналистов об *исторической правде*. Это характерно как для контекстов, где используется соответствующее выражение, так и для других контекстов, посвящённой теме исторической памяти. Согласно материалам городской газеты, в сохранении исторической памяти важно бережное отношение к прошлому, в том числе к прошлому малой родины, например: *В вашей (нашей) газете от 21 марта с.г. (№ 31) в рубрике «Тайны архитектуры Новокузнецка» опубликован материал В. Паничкина «Главное кольцо города». Не буду комментировать регулярные материалы вашего постоянного автора, в которых очень много категоричности и, на мой взгляд, вкусовщины. Но! Очень важна* ***историческая правда*** (С. Михайлов приводит письмо В.А. Вальтфогеля, 13.06.2013).

Во всех трёх типах контекстов (хотя в контекстах с семантикой «правда совести» лишь в единичных случаях) встречается конкретизация **«степени» правды**, создающая субъективацию изложения и, соответственно, отражающая регулятивную установку речевого субъекта. Разграничим четыре степени: 1) абсолютная правда; 2) частичная правда; 3) скорее правда, чем неправда; 4) возможная правда, версия.

Выражение правды как максимально полное характеризуется с помощью различных эпитетов: *абсолютная* (ПФ), *чистая* (ПФ, ПМ), *сущая* (ПФ), *святая* (ПМ), *истинная* (ПФ, ПМ, ПС). Например: *Ограничились восклицаниями, что такая езда нам очень нравится (и это* ***сущая правда),*** *чему собеседники, впрочем, не особенно поверили* (ПФ; И. Басалаева, 21.09.2012). Чаще всего высшая степень акцентируется в контекстах, где звучит «правда факта», что свидетельствует об установке журналиста на отражение действительного положения вещей.

Семантика «*частичная* правда» передаётся с помощью соответствующего эпитета, а также выражений *доля правды*, *не вся правда*. Обозначение данной степени характерно для контекстов с семантикой

«правда мысли» и предполагает коннотацию: «этого недостаточно, необходимо раскрыть всю правду». Так, выражение *доля правды* включено в контексты поиска правды и отражает определённую степень успеха на пути поиска: *Можно ли отдавать будущее в руки людей, которые способны «попутать» религиозное рвение и служебный долг, чёрное и белое, милосердие и жестокость? Ведь история с лишением свободы людей в «Источнике жизни», по-моему, отлично доказывает, что* ***доля правды*** *в моих опасениях есть* (ПМ; Е. Бухтиярова приводит фрагмент открытого письма О. Клепиковой, 01.05.2013).

Семантика «*похоже на правду*», переданная соответствующим выражением, более характерна для контекстов ПМ, но встречающееся и в контекстах ПФ: *Сейчас, по ее* [Н. Останиной] *мнению, происходит наоборот – простых людей обкладывают со всех сторон, чтобы господам олигархам не так грустно жилось.* ***Очень****, кстати,* ***похоже на правду****. Если к олигархам относить не только пять миллиардеров с «громкими» именами, имеющих бизнес в регионе, но и множество «присосавшихся», в частности, к кормушке ЖКХ* (ПМ; С. Штиль, 30.03.2010). Преобладание данного значения в контекстах ПМ связано с открытым характером размышлений в современной публицистике.

Семантика «возможная правда» передаётся словом *версия* и конструкцией *«Если это правда…»* и актуализирована в контекстах ПФ. Использование слова *версия* соответствует «расследовательскому» характеру журналистики: *Говорят, стоят баки хороших денег. И потому группа нам не товарищей промышляет тем, что быстренько снимает их с площадок дворов и продает, допустим, в частный сектор за полцены. Работы на час, а навар неплохой. Это* ***версия. Правды мы не знаем*** (В. Немиров, 04.01.2013). Конструкция *«Если это правда…»* используется в контекстах с сильной субъективной окраской, где журналист говорит о чём-то безнравственном, ужасающем его: *А потом пришла с сумкой, где было что-то вкусное, доверчивая белка в нее нырнула и – все... Закрыла сумку и*

ушла. ***Если это правда****, то какая чернота в голове этой заботливой бабушки. Можно представить, что вырастет из ее внуков* (В. Немиров, 15.12.2011).

«Правде факта», «правде мысли» и «правде совести» в городской газете соответствует система семантико-стилистических особенностей. Рассмотрим их, учитывая способы и средства включения слова *правда* в высказывание. С точки зрения включённости слова *правда* в высказывание отметим следующие случаи: 1) таксономическое и предикатное употребление (см. об этом: [Степанов 2004, с. 463–464]), когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта (таксономическое употребление) или содержания высказывания (предикатное употребление); 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) употребление слова *правда* как главного члена номинативного предложения, в том числе в заголовках.

Таксономическое и предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания, характерно для контекстов ПФ и ПМ. Используются две модели включения слова *правда* в высказывание: «логический субъект – оценочный предикат» и «высказывание – оценка его истинности».

Модель **«высказывание – оценка его истинности»** представляет предикатное употребление слова *правда*, является наиболее распространённой и может быть включена как в авторское изложение, так и в чужую речь.

Во-первых, стилистическая роль данной модели в медиадискурсе отражает диалогичность текста. Адресант использует оценочный предикат не только для того, чтобы дать истинностную оценку. Сам факт подтверждения истинности уже связан с обращением к адресату: с одной стороны, введение оценки расставляет логико-смысловые акценты, управляя вниманием и пониманием адресата, с другой стороны, использование истинностного предиката *правда* может подчеркнуть искренность адресанта (о связи

употребления слова *правда* с категорией искренности см.: [Вежбицка 2005, с. 490–492; Шатуновский 1991]), создавая тем самым благоприятные условия для коммуникации. Эта особенность очень важна для языка прессы, создающей характер «живого слова», борющейся за возвращение читательского доверия (см. об утрате доверия адресата к языку прессы как следствии навязывания «идеологии правды» в советском обществе: [Гусейнов 1989]).

Во-вторых, данная модель усиливает когезию. Преобладающая часть конструкций строится на основе анафорической связи, которая подчёркивает соотнесённость оценочного предиката с антецедентом, кореферентным местоимению («высказывание – оценка его истинности: ***это правда***»). В роли антецедента выступает высказывание, передающее факт или мысль. В контекстах ПМ в роли антецедента в подавляющем большинстве случаев выступает чужая мысль, выраженная с помощью цитирования или пересказа. Мысль может не иметь определённого авторства: *Лейтмотив народного творчества – хлеб всему голова! И* ***это правда****. Хлеб на нашем столе – в будни и праздники* (Л. Соколова, 30.06.2010). В единичных контекстах ПМ предикат *правда* характеризует собственное суждение журналиста: *Однако город-курорт хорош именно мелкими, незаметными на первый взгляд диковинками. Здесь жизнь не бьет ключом,* ***это правда****, но отпуск, проведенный здесь, будет спокойным, неспешным* (О. Юрченко, 02.08.2011). Отмечены случаи дистантного расположения высказывания с антецедентом и оценочного предиката. В этом случае анафорическая отсылка «держит текст», побуждая адресата к интеграции его смыслов (например, Г. Соколухин, 16.05.2013). В контекстах ПМ значительно реже, чем модель «высказывание – оценка», встречается модель, где оценка предваряет высказывание. Такая конструкция играет роль зачина в смысловом развёртывании текстового фрагмента и усиливает антиципацию: ***Это правда,*** *что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Постоянный читатель «Кузнецкого рабочего» пенсионер Геннадий Максимович*

Теплоухов, внимательно изучив рекомендации в рубрике «Записки доктора» по сердечным делам, решил поделиться собственным многодесятилетним опытом борьбы с пожизненным недугом (М. Георгиева, 11.02.2010).

В-третьих, при передаче чужой речи использование модели «высказывание – оценка его истинности» позволяет журналисту создать образ носителя определённой точки зрения, к которой и привлекается внимание. В этом случае оценочный предикат может находиться как в самой прямой речи, так и после неё – в авторском изложении, передающем оценку прозвучавшего: *«Пропадают шишаки с чугунных оград на Металлургов, Строителей», – подмечает Николай Алексеевич. И* ***это правда****. Нет уже трех вазонов слева от входа в Сад металлургов* (ПФ; В. Немиров, 16.09.2010).

В-четвёртых, отметим случаи возрастания регулятивной силы конструкции, в которой усиление акцента, переданного оценочным предикатом, создаётся с помощью субъективации изложения и включения экспрессивных средств. Субъективация изложения и включение экспрессивных средств в большей степени характерны для передачи «правды факта», но используются также и в контекстах «правды мысли». Отметим роль вводных и вставных конструкций: *В нем разве только не упоминается, что Джефферсон и Вашингтон были крупными плантаторами-рабовладельцами (****что****, кстати, тоже чистая* ***правда)*** (ПФ; А. Денисов, 10.11.2012). Встречаются даже комиссивы: [Характеристика *умного и грамотного боя*] ***Это правда.*** *Можно подписаться под сказанным* (ПМ; Немироff, 18.04.2013). Но особенно характерен такой способ смыслового развёртывания, при котором истинность информации о референте представлена как удивляющая адресанта, неожиданная для него, вследствие чего референт хорошо фокусируется: *В субботу под мостом через Абушку на Металлургов резво копошились... утки. Сам глазам не поверил, но* ***это правда****. Чего они, родимые, пожаловали в такую рань, сказать трудно. Может, мамашка, коротавшая здесь тяжкие сибирские зимы, привела*

своих детей на, как говорят, малую родину (ПФ; В. Немиров, 10.08.2012). Отметим, что субъективация изложения является характерной чертой идиостиля известного журналиста «Кузнецкого рабочего» В.А. Немирова, который также использует различные псевдонимы (в приведённом материале – Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Валерий Nемироff, Иван Бодхисатхва, Григорий Саббакин).

В модели **«логический субъект – оценочный предикат»** логический субъект характеризуется как субъект-нейтрал, который «является просто предметом информации» [Мустайоки 2006, с. 164], а слово *правда* в роли сказуемого выражает таксономическую характеристику.

Во-первых, отметим значимость модели «логический субъект – оценочный предикат» в пейоративных контекстах. Данная модель в медиадискурсе часто наполняется материалами с неодобрительной оценкой, в том числе разоблачающего, обвинительного характера: *Кстати, о фильме «Школа». Мой сын, уже студент, смотрит все серии и говорит, что практически все, что там показывают, –* ***правда*** (ПФ; Виктория, 10.06.2010). В большей степени разоблачающий характер материалов характерен для контекстов ПФ: *И все, что пишет эта девочка, – абсолютная* ***правда*** (о неухоженности города; читатель, 18.10.2012); *Всё оказалось* ***правдой*** (о проблемах окружающей среды в пригородной зоне; М. Стахович, 24.08.2010); *Тем более что слух о «халявной» водке на участках под вывеской «Дегустация» оказался чистой* ***правдой*** *и посредством «сарафанного радио» разнесся средь любителей горячительного. Они стали, пожалуй, самыми активными посетителями мест проведения голосования* (А. Кириллов, С. Бабиков, 12.10.2010).

Во-вторых, обратим внимание на регулятивную роль рассматриваемой модели. Предикат *правда* в контекстах ПФ призван вызвать удивление адресата перед интересным, заслуживающим внимания феноменом и создать тем самым эффект фокусирования референта. Например, по мнению журналиста, читательского удивления заслуживает творчество Зощенко или

судьба новокузнечанок: *Невероятным образом все это может быть* ***правдой*** *в этом человеке и писателе (в случае Михаила Зощенко это вообще неразъемно)* <…> (И. Бодхисатхва; 05.02.2010); <…> *(вот эта аккуратная девушка в годы войны – а прошло-то всего ничего! – работала машинистом молотилки, на стогомете, управляла трактором и конными граблями), что даже и не верится. А ведь все это было* ***правдой*** (С. Михайлов, 18.11.2010).

Экспрессия высказывания, включающего анализируемую модель, усиливается тем, что в материалах о «правде факта» и «правде мысли» логический субъект неоднократно определяется с помощью местоимения ***всё*** или выражается местоимением ***всё*** в значении имени существительного, что является приёмом актуализации и передаёт авторскую модальность: *Важно не воспринимать его как фарс, ведь* ***все*** *написанное там –* ***правда****, преувеличенная до гротеска, иносказательно изложенная, но все-таки правда* (о новом романе П. Брюкнера «Мой маленький муж»; ПМ; Б. Кобзарь, 26.03.2011).

Слово *правда* в роли актанта используется во всех контекстах: ПФ, ПМ, ПС. Для него характерно значение объекта, но встречается также и значение субъекта-нейтрала.

Большим разнообразием отличается употребление слова *правда* в позиции **объекта**, особенно в контекстах ПС.

Во-первых, отметим роль АСК «выражение правды», преобладание контекстов, представляющих различные речеповеденческие акты (см. о них: [Арутюнова 1999, с. 588–592]): *сказать* (ПФ, ПМ, ПС), *говорить* (ПФ, ПМ, ПС), *писать* (ПМ, ПС), *петь* (ПМ), *ответить* (ПФ), *предъявить* (ПФ). Речеповеденческие контексты, выражающие оценочную позицию, доминируют при передаче ПС, часто используются при передаче ПМ, встречаются и при передаче ПФ: *И вот тут Федор Михайлович* [Килин] *допустил непростительный промах: он* <u>*сказал*</u> *проверяющим* ***правду.*** *Сообщил им, при высоких должностях и столь же высоком самомнении, что*

ни они сами, ни председатель департамента, ни какой другой чиновник не имеют права проверять средства фонда (ПМ; С. Бабиков, 16.04.2012).

В контекстах ПМ и особенно ПС на первый план выходит не истинностная, а нравственная оценка (см.: [Арутюнова 1999, с. 591]. Её звучание усиливается, если взаимодействуют АСК «выражение правды» и «сокрытие правды». Речеповеденческий контекст *скрывать правду* (ПФ, ПМ) квалифицируется отрицательно (именно отрицательная этическая оценка сокрытия правды является основной с точки зрения логического анализа языка Н.Д. Арутюновой: [Там же, с. 591–592]): *Тем более что современные фильмы о войне, в большинстве своем снятые по типу голливудских боевиков, скорее скрывают, нежели открывают* ***правду*** *о войне* (В. Валиулин, 22.04.2010) (использованный глагол-антоним *открывают* выражает план должного). Глагол *скрывать* в представлении ПФ связан с характерной для журналистики манерой интригующего изложения: <...> *астрономы скрывают* ***правду*** *от простых людей* (Л. Ковякина, 31.07.2012). Использование глаголов *вскрывать, раскрывать* в контекстах ПФ, ПМ, ПС связано с темой восстановления справедливости: *Городской комитет участников войн и военных конфликтов провел в вузах города несколько конференций, на которых попытался раскрыть ту* ***правду*** *о войне, которая представляется им наиболее истинной. <...> Юрий Павлович, что называется, без раскачки, по-военному четко и напористо начал «сражение» против молодежного невежества и взрослого затушевывания правды* (В. Валиулин, 26.05.2011). Семантико-стилистическая нагрузка контекстов подчёркнута использованием контрастирующих по семантике слов: *раскрыть – затушёвывание* (затушевать – «перен. Сделать менее заметным, замаскировать» [Ожегов 1973, с. 207]). Глаголы *скрывать, вскрывать, раскрывать* и отглагольное имя существительное *затушёвывание* тесно связаны с эпистемическими контекстами.

Во-вторых, отметим роль АСК «поиск правды», использование эпистемических контекстов (см. о них: [Арутюнова 1999, с. 597–598]). В

рассмотренном материале используются контрастирующие по семантике глаголы *узнать и (не) знать* (ПФ, ПМ, ПС). Незнание правды оценивается неодобрительно. В частности, как фактор, препятствующий наказанию виновных: *Говорят, стоят баки хороших денег. И потому группа нам не товарищей промышляет тем, что быстренько снимает их с площадок дворов и продает, допустим, в частный сектор за полцены. Работы на час, а навар неплохой. Это версия.* ***Правды*** *мы* *не знаем* (ПФ; В. Немиров, 04.01.2013). Знание правды оценивается как необходимое условие для нравственного суда: раскрытая информация «касается больше всего тех дел и деяний людей, по которым они судятся» [Арутюнова 1999, с. 598]. Например: *Узнав* ***правду****, его младший сын Крис (Алексей Савченко), до того момента гордившийся отцом, требует не просто ответа от него – требует, чтобы тот добровольно пошел в тюрьму* (ПФ; Т. Тюрина, 15.10.2011).

Духу журналистики соответствует особенность эпистемических контекстов со словом *правда*: «правда в эпистемическом контексте не может относиться к новым данным, она может относиться только к новой для одних, но известной другим (или ранее бывшей известной) информации» [Арутюнова 1999, с. 598]. Приведём пример с контекстом *возвращение правды* (ПФ), значимым в воплощении темы исторической правды: *Собственно, книга Ростислава как раз возвращению памяти и была посвящена – точнее,* *возвращению* *некоей* ***правды****, она бывает горькой* (С. Михайлов, 07.05.2011). В подобном контексте употребляется и выражение *находить правду* (ПФ и ПМ): *Светлана не может быть отличницей,– улыбается моему вопросу о школьном табеле своей воспитанницы Ольга Викторовна, – такие дети* *ищут* *и думают, они* *находят* *сами суть и* ***правду*** (ученица Сидоровской школы по фотографиям восстанавливает историю родного села; Е. Белокурова, 04.08.2012).

В рассмотренном материале среди эпистемических контекстов важен фразеологизм *смотреть правде в глаза (лицо)*, характерный прежде всего для контекстов ПМ. Журналисты предпочитают побудительное употребление

данной конструкции, создающее эффект авансирования информации, например: *Геологи, геофизики, геохимики, гидрогеологи изучают процессы, происходящие в земной коре, в том числе и на шахтных полях. Но где оно сейчас, это изучение? Давайте* ***смотреть правде в глаза****: в последние годы практически все работы заморожены, словно наступил ледниковый период* (Д. Николаев, 07.09.2010).

В-третьих, отметим важную семантико-стилистическую роль контекстов ПС, в которых из высказываний, включающих слово *правда* со значением объекта, актуализируются АСК «поиск правды», «служение правде» и «отступничество от правды».

Отличаются разнообразием лексические репрезентанты АСК «поиск правды» и «служение правде». В данных контекстах человек предстаёт перед нами как правдоискатель, который не только стремится найти правду, но и готов жить по правде, нести её людям, бороться за правду. Например: *И не сможет эта жительница наказать УК, так как она не знает, как это сделать, и по судам ей некогда ходить,* ***правды*** *искать. Поэтому управляющие компании и не боятся ничего* (В. Ёлгин, 17.05.2012); *Наперекор царящей лжи он* [Владимир Высоцкий] *нес людям* ***правду*** *и делал это до самого конца* (А. Мананников, 26.07.2012). Закономерно, что имя *В. Высоцкого* звучит в рассматриваемых газетных материалах: он стал голосом правды, «народным поэтом третьей четверти века» [Гусейнов 1989, с. 72] и начала XXI в. В рассмотренных материалах о правде также повторяются имена *В. Цоя* и *С. Бодрова*. Наиболее детализирована тема защиты правды. Наряду с глаголами (*добиваться, добиться, отстаивать, погибнуть (за)*) слово *правда* соседствует также с именами существительными (*радетель (за), ревнитель*), в том числе метафорически передающими смысл борьбы: *Труд нелегкий да и не всегда благодарный. Впрочем, наивысшая благодарность для нас – то, что нашу газету читают и ждут, нам верят, к нам обращаются за помощью, в нас видят защитников на последнем рубеже* ***правды*** (А. Ночка, В. Немиров,

12.06.2010). АСК «служение правде» включает также речеповеденческие и эпистемические контексты, отражающий нравственный аспект выражения и познания правды.

Правда как сакральное начало, дающее силы жить по-человечески, представлена с помощью метафор *источник правды* (языковая метафора; Г. Бор, 08.08.2011) и *глоток правды* (индивидуально-авторская метафора; А. Мананников, 16.02.2010). Характерно, что метафоры, в целом достаточно редко используемые в рассмотренном материале, включены именно в контексты читательских размышлений о миссии журналиста в обществе.

АСК «отступничество от правды» с помощью использованных лексических средств раскрывается в нескольких направлениях: страх перед правдой: *А вообще ситуация, когда власть боится своего народа, боится* ***правды****, боится гласности, – постыдна. Люди должны иметь право говорить и слышать друг друга!* (С. Бабиков, 09.07.2011); гонения против правды: *Рекламные агентства по-свойски «справились» с задачей: на плакатах в честь учреждения в 1941 году Кузнецкого района красовался… новенький, как с иголочки, Спасо-Преображенский собор. Более изощрённого издевательства и надругательства* ***над правдой*** *трудно придумать...* (Е. Артюх, И. Басалаева, Е. Макарчева, В. Паничкин, 23.04.2012); равнодушие к законам правды (вероятно, самое страшное состояние): *Верное рядом с неверным при непонимании этого верного приводит слабый ум к неразличению добра и зла,* ***правды*** *и лжи* (А. Сазыкин, 10.03.2012).

Слово *правда* в роли **субъекта-нейтрала** также отличается рядом стилистических особенностей.

Во-первых, оно используется для представления значимой с точки зрения автора информации, которая фокусируется благодаря использованной конструкции (преобладают контексты ПМ, привлекающие внимание к содержанию мысли): *Но у их оппонентов тоже своя* ***правда****. В России практически не существует безотходных и малоотходных производств,*

поэтому обычно выбирают компромисс между необходимостью и достаточностью (ПМ; В. Сенкус, 28.02.2012).

В контекстах с противопоставлением *правда – ложь* с помощью конструкции, где слово *правда* выступает в роли субъекта-нейтрала, происходит «обнажение» ранее скрытой информации, что характерно для образа размышляющего журналиста и для духа «расследовательской журналистики» (преобладают контексты ПФ): *Признаться, меня эта дешевая доморощенная порнушка ни в чем не убеждает, более того, я думаю, что это – ложь. **Правда** же в том, что «абсолютная власть разлагает абсолютно». То есть если бы Берия захотел вести себя, как описывают порнушники, то сделал бы это спокойно, ничего не боясь* (ПМ; С. Михайлов, 24.03.2011).

Во-вторых, отметим, что для контекстов ПМ характерна координация субъекта-нейтрала *правда* с разнообразными по семантике сказуемыми. Это семантика выражения правды: *И вместе с тем даже там, где она* [Ю. Чайка]*, казалось бы, находится в полном умиротворении, невпрямую, подспудно звучит **правда** о зыблемости человеческого счастья, которое, кстати, в ее стихах не какая-то длительная полоса света, а лишь кратковременные сполохи зарниц* (Г. Кузнецов, 27.12.2011). Обратим внимание на контекст, в котором использована стилистически значимая трансформация устойчивого выражения, создающая метонимический контекст: *Что касается личных впечатлений, то отмечу главное: глазами ребят глаголет **правда** – они искренни, непосредственны, их взгляд свеж и незаёмен, они говорят, что думают* (С. Михайлов о выставке работ юных фотографов, 11.03.2010). Выражена также и семантика восприятия правды и способов её получения и распространения в социуме: *Печально, однако, сознавать, что **правда** «наверху» может быть востребована, обнародована и воспринята «снизу» лишь как элемент кампании по чьей-либо дискредитации* (А. Денисов, 18.09.2010).

Особое место занимают контексты ПС, в которых рассматриваемая конструкция используется редко, но отличается большой семантико-стилистической нагрузкой. В них воплощение правды осмысляется как акт высшей справедливости: *Мы сильны мнением наших читателей. Особенно таких специалистов, каким был и, безусловно, является Владимир Михайлович Вальтфогель. И, когда ошибаемся, всегда готовы выслушать поправку. Это дисциплинирует, заставляет тщательнее работать над фактами. Но главное – в таких случаях торжествует* ***правда*** *<…>* (С. Михайлов, 13.06.2013). Актуализация создаётся благодаря экспрессивной окраске глагола и использованию конструкции, достаточно редкой для русской речи: «Правда выступает как участник, контролирующий ситуацию, только если говорящий приписывает ей квалитатив могущества, квалитатив ценности, отдает ей предпочтение по сравнению с ложью (кривдой). В остальных случаях русская правда выступает в макроролиПретерпевающего» [Абакумова 2011, с. 12].

Наконец, ещё один способ включения слова *правда* в высказывание – это его **использование в качестве главного члена номинативных предложениий**, что соответствует эффекту экспрессивного авансирования информации, значимому для медиадискурса. В данном случае преобладают контексты ПФ. Например, экспрессивное авансирование значимо и в ироничном контексте о выступлении музыкальной группы: *Однако это лирика, а вот и суровая* ***правда*** *жизни. В открывавших значилась группа «Mersedes»* (номинативное указательное предложение; П. Владимиров, 16.09.2010). Интересно, что сам эффект экспрессивного авансирования информации может стать предметом пародирования: *Что же в таком случае может увидеть обычная среднестатистическая семья в том же «Чистосердечном признании»?*

– *Шокирующая* ***правда****. Дело продолжателя Чикатило* (собственно номинативное предложение; Е. Видалов, 04.03.2010).

Остановимся подробнее на специфике регулятивных структур, характерных для контекстов с семантикой «правда факта», «правда мысли», «правда совести». Были проанализированы случаи включения слова *правда* в заголовок (подзаголовок) и регулятивные структуры, основанные на лексическом повторе. Также данные контексты были изучены с точки зрения употребления в них регулятивов-синтагм, основанных на использовании эпитетов и метафор, и регулятивов-парадигм, основанных на семантическом сходстве или контрасте. Анализ показал, что по всем параметрам, за исключением использования регулятивов-синтагм с эпитетами, лидирующую позицию занимают контексты ПС, что подчёркивает их семантико-стилистическую нагрузку в медиадискурсе.

Важную регулятивную роль в информационно-оценочном пространстве газеты играют **заголовки**. Заголовки со словом *правда* используются в различных по тематике и жанру материалах, что свидетельствует о значимости категории правды при осмыслении широкого круга явлений, в частности и при выражении социальной оценки, например: *«Нельзя у нас писать правду, нет свободы»* – книжный обзор (Б. Кобзарь, 26.04.2011); *«Голая правда»* – заметка о хозяйственных проблемах города (Л. Кулето, 19.01.2012); *«Правда у каждого своя»* – житейская история, посвящённая «квартирному вопросу» (Е. Кострова, 30.11.2012) и др. Слово *правда* как компонент газетного заголовка ориентировано прежде всего на семантику «правда совести». Благодаря таким заголовкам ещё до прочтения адресат настраивается на восприятие этически значимой информации.

Креолизованные тексты, иконический компонент которых помогает раскрыть значение слова *правда* в соотнесении с заголовком и основной частью текста, немногочисленны. Они создают эффект мерцания смыслов в звучании темы правды. Этот эффект основан на таком конструктивном принципе языковой игры, как ассоциативное наложение. Первый рассмотренный нами случай связан с включением в шутливую заметку

С. Михайлова (24.06.2010) фотографий дорожных знаков, указывающих на въезд в населённый пункт и выезд из него (см. рис. 8).

Рис. 8. Изображение из газеты 24.06.2010

Языковая игра основана на том, что ойконимом является слово *Правда*: *Въезжаешь в населенный пункт под заманчивым названием* ***Правда****. «Ну, – думаешь, – наконец-то нашёл я её». Любуешься в окно: всё, вроде, то же самое, но всё-таки другое –* ***Правда****! Проехал заветный поселок, глянул –* ***Правда*** *перечеркнута: нет больше* ***правды****! Какая, однако, боль!* Синтагма *нашёл Правду* и антитеза *нашёл правду – Правда перечёркнута* актуализируют традиционный для культуры АСК «поиск правды» и позволяют адресату думать о слове *Правда* не как об ойониме, а как об условном имени собственном. Обыгрыванию, в соответствии с тенденциями языка, стиля, эстетики нашего века, подвергается одна из самых глобальных тем культуры – тема поисков правды, причём шутливое звучание не лишает саму тему серьёзности. Реализуется особая манера изложения, которую Л.В. Зубова характеризует как «полистилистику» [Зубова 2000, с. 14].

Экспрессивная актуализация семантики «правда факта» органична в традиционной рубрике городской газеты *«Фотофакт»*. Рассмотрим случай соотнесения заглавия, фотографии и текста в заметке Л. Кулето (19.01.2012) (см. рис. 1 в Приложении 2). Нуждающийся в раскрытии заголовок на дотекстовом этапе восприятия связан в сознании адресата с семантикой «чистая правда», «только правда». Использованная в публикации фотография создаёт языковую игру. Фотография помогает читателю понять основанное на метонимии значение эпитета *голая* в контексте: голая правда – «правда о неприкрытых трубах, о плохой подготовке к зиме». Это значение

раскрывается в небольшом, но экспрессивном материале, передающем неодобрительную оценку работы служб ЖКХ. Таким образом, языковая игра, используемая в материалах XXI в., помогает соединить шутливую и серьёзную тональность, акцентирует факты, которые нуждаются в социальной оценке.

Абстрактная семантика слова *правда*, как и в материалах XX в., определяет возможность его использования в заголовках для создания катафорической связи: читатель, в той или иной степени ориентированный автором на определённую референтную область, ждёт от текста публикации ответа на вопрос: «О чём, какая именно (правда, истина)?». Подобный эффект создаёт приём авансирования. Например, *«**Правда** о Великой войне»* (Ю. Алябьев, 17.03.2011), *«Девичья **правда** пятнадцать лет спустя»* (К. Тельминова, 28.02.2013), *«**Правда** у каждого своя»* (Е. Кострова, 30.11.2012), *«**Правда** ребёнка»* (А. Гарин, 10.08.2012). Катафорическая связь формируется и благодаря использованию в заголовке структуры с таксономическим употреблением слова *правда* – *«Всё оказалось **правдой**»* (М. Стахович, 24.08.2010). Ориентирован на эффект усиленного ожидания (см. о нём: [Чувакин 2012, с. 174]) цитатный заголовок со словом *правда*: *«Нельзя у нас писать **правду**, нет свободы»* (Б. Кобзарь, 26.04.2011).

В 2013 г. отмечены публикации из электронных СМИ с распространёнными заголовками, актуализирующими значение «правда факта» и приоткрывающими содержание правды: *«Вызов на очередной допрос Сердюкова и Васильевой не принес томящейся в ожидании публике обнадеживающих известий – вот, мол, сейчас бывший министр обороны как настоящий русский офицер всю **правду** следователю и выложит. Ан, нет…»* (20.02.2013); *«Была травма у Путина или нет? Все просто: надо ли нам с вами знать всю **правду**? В конце концов, одни живут своей жизнью, другие – своей. Неделикатный вопрос»* (10.12.2012). В таких заголовках ярко проявляется фатическая направленность, в соответствии с которой «журналистская практика ориентирована не столько на сообщение (передачу

новой социально значимой, полезной информации), сколько на общение (создание семиотической общности) с аудиторией, в тональности, свойственной непринуждённому общению <…>» [Чернышова 2009, с. 220].

Экспрессивные заголовки, представленные риторическим вопросом, побудительным предложением, уже на дотекстовом уровне восприятия актуализируют значение «правда совести», например: *«За кем **правда**?»* (М. Столярчук, 12.10.2012), *«Не лишайте меня **правды**»* (Л. Гайдай,14.07.2011). Они, в соответствии с содержанием концепта «Правда», заставляют задуматься о справедливости и несправедливости.

Особое место занимают двухчастные заголовки, формирующие смысловые лексические парадигмы, соотнесённость компонентов которых во всей полноте раскрывается благодаря тексту: *«Вера и **правда**»* (С. Бабиков, 27.12.2011), *«Право и **правда**»* (С. Бабиков, 20.11.2010). Однако уже на дотекстовом уровне адресатом определяется интегральная семантика справедливости, связанная с содержанием концепта «Правда».

Для читательского восприятия важны регулятивные структуры, соотносящие заголовок и текст на основе повтора. Среди заголовков рассмотренного периода, содержащих слово *правда*, 46,2 % соотносятся с текстом на основе повтора. Тождественные повторы встречаются в единичных случаях (*«Нельзя у нас писать **правду**, нет свободы»*; Б. Кобзарь, 26.04.2011), преобладают вариативные повторы. Повторы соотносят заголовок с различными участками текста, чаще с серединными. В единичном случае использована регулятивная структура, в которой заголовок повторяется в конце текста (Ю. Алябьев, 17.03.2011).

Лексические повторы в большей степени характерны для контекстов ПС. В этом плане особенно интересен отзыв Ю.П. Алябьева о книге – *«**Правда** о Великой войне»* (17.03.2011). Здесь слово *правда* актуализировано различными стилистическими приёмами: оно представлено как условное имя собственное, включено в синтаксическую анафору, анадиплозис, амфитезу, выделено парцелляцией, сопровождается яркими эпитетами. Автор

использует рамочную структуру смыслового развёртывания, в которой в начале и в конце фрагмента встречаются гиперонимы *особенная* ***правда*** *войны* (начало) и ***Правда*** *Великой войны* (экспрессивный итог), соотнесённые с гипонимами не только по смыслу, но и с помощью синтаксического параллелизма (***правда*** *… фронтового труда,* ***правда*** *радости и всеобщего воодушевления*). Именно *Правда* становится нравственным мерилом произошедшего. Вторую позицию по использованию повторов занимают контексты ПМ, тесно связанные с напряжённым поиском истины.

В текстообразовании и воздействии на адресата важны семантические повторы, создающие **смысловые лексические парадигмы**. В газетных материалах используются смысловые лексические парадигмы, содержащие два компонента и более. Как уже отмечалось, смысловая связь компонентов изотопических цепочек в газетной публицистике нередко актуализирована с помощью ряда однородных членов. В лексической структуре текстов категория правды сополагается с другими понятиями, выраженными в основном абстрактными именами существительными и представляющими светлое начало в жизни человека и общества в целом. Например, в отзыве о романе Р. Гулрика «Верная жена» благодаря синтаксическому параллелизму слово *правда* соположено с большим количеством слов, отражающих верный нравственный выбор: *верность, любовь, жизнь, зрелая мудрость, жизнь ради кого-то, целомудрие* и др. (Б. Кобзарь, 19.02.2011). Слово *правда* включено в изотопические цепочки со словами *добро, настоящая дружба, любовь* (А. Ночка, 22.04.2010), *добро, справедливость* (редакция газеты, 24.11.2012), *истина, справедливость* (Г. Бор, 08.08.2011), *Истина и откровение* (Е. Трухан, 11.08.2011), *справедливость* (Е. Кулакова, 14.03.2013), *добро* (А. Сазыкин, 10.03.2012), *истина* (читатель газеты, 14.07.2011), *вера* (С. Бабиков, 27.12.2011), *гласность* (С. Бабиков, 09.07.2011), *свобода* (Б. Кобзарь, 26.04.2011). Два последних примера отражают роль общественно-политической проблематики в публицистике, внимание к вопросу о свободе слова.

Смысл слова *правда* оттеняется с помощью большого количества антитез, которые активно используются не только в контекстах ПС. Самым частотным антонимом является слово *ложь*. Именно благодаря антитезам подчёркивается смысловая специфика «правды совести» («соблюдение высшей справедливости»), отличающая эти контексты от контекстов ПФ и ПМ, близких по использованным семантическим контрастам. Нередко в текстах используется несколько слов, контрастирующих по семантике со словом *правда* и образующих изотопическую цепочку, которая может актуализироваться рядом однородных членов, например: *Мы тоже надеемся на то, что придет день, когда закончится лицемерие и вранье, когда прекратится глобальное воровство и «крышевание», коррупция станет опасным и невыгодным занятием. Мы верим в то, что общество не безнадежно больно и еще может излечиться* (*«Право и* ***правда****»*. С. Бабиков, 20.11.2010). В контекстах ПС правде противопоставляются *ложь, воровство* (М. Данилова, 03.05.2013), *ложь и преступленье* (А. Сницкая, 16.04.2013), *ложь, несправедливость* (Н. Кристина, 13.02.2013), *ложь, зло* (А. Сазыкин, 10.03.2012), *ложь* (А. Мананников, 26.07.2012), *неправда* (О. Волкова, 21.12.2012), *несправедливость* (О. Волкова, 01.12.2011), *ошибка* (С. Михайлов, 13.06.2013), *воровство* (М. Стахович, 11.03.2010); в контекстах ПФ – *ложь* (Б. Кобзарь, 19.02.2011), *лживая пропаганда* (А. Мананников, 26.05.2011), *неправда* (А. Артамошин, 24.06.2010), *вымысел* (В. Немиров, 25.02.2010), *миф* (И. Бодхисатхва, 17.08.2012), *оптический обман* (В. Паничкин, 31.01.2013), *версия* (В. Немиров, 04.01.2013), *шутка* (В. Немиров, 07.04.2011), *шутки* (М. Казанцева, 31.03.2013); в контекстах ПМ – *ложь, выдумка, сновидение* (С. Михайлов, 23.08.2012), *ложь* (С. Михайлов, 24.03.2011; С. Бабиков, 22.11.2011). Антитезы, акцентирующие смысл противопоставляемого правде, в большей степени характерны для контекстов ПС. В целом по использованию антитез вторую позицию после контекстов ПС занимают контексты ПФ, что свидетельствует о важной для газеты актуализации достоверности фактической информации.

Метафорические контексты, передающие прежде всего семантику «правда совести», стимулируют ассоциации адресата. Например, фрагмент из обращения редакции газеты к читателю: *Для нас не в новинку остракизм, гонения, угрозы... Но без борьбы не бывает победы. И путь к* ***правде*** *лежит через тернии, через преодоление сопротивления. Но иного пути для гражданского общества, стремящегося к справедливости и добру, просто нет!* (24.11.2012). Отметим, что в целом употребление метафор не характерно для рассмотренного материала, в отличие от употребления эпитетов.

Контексты с семантикой «правда совести» уступают контекстам ПФ и ПМ по количеству **эпитетов**. Возможно, это связано с необходимостью в данном случае определить более сложные, метафизические категории. Во-первых, во всех типах контекстов с помощью эпитетов определяется реакция воспринимающего правду: ПФ – *нелицеприятная, шокирующая, горькая*; ПМ – *нелицеприятная, неприятная, жуткая*; ПС – *страшная, не страшна, неприятная*. Преобладают эпитеты с семантикой негативного восприятия, которая, однако, диалектически сосуществует с мыслью о справедливости знания правды, какой бы горькой она ни была. Только в контексте ПС с помощью краткого прилагательного с отрицательной частицей подчёркивается спокойствие человека, принимающего правду и уверенного в нравственной правоте такой позиции: *Наши деды и прадеды вели себя на той Великой войне достойно, и никакая* ***правда*** *о войне ни им, ни нам* <u>*не страшна*</u> (Ю. Алябьев, 25.06.2011).

Во-вторых, во всех типах контекстов определяется характер, содержание правдивой информации: ПФ – *красивая, жизненная, суровая, эшелонная*; ПМ – *сермяжная, другая, народная*; ПС – *бесхитростная, святая, последняя, Высшая*. Контексты ПФ обладают особенно большим потенциалом для конкретизации содержания правды. В этом случае экспрессия усиливается благодаря приёму нестандартной лексической сочетаемости. Например: *Многие подмечают сходство этого дома с*

легендарными 135-квартирными домами-дворцами на улице 25 лет Октября. И это не оптический обман, а правда. И – что у нас в диковинку – красивая ***правда*** (В. Паничкин, 31.01.2013). Антитеза, синтаксическая эпифора и основанный на метонимии эпитет фокусируют внимание читателя на достойном, по мнению автора, референте – архитектуре родного города. Отличаются торжественной окраской многие эпитеты из контекстов ПС, которые не столько конкретизируют правдивую информацию, сколько подчёркивают её сакральность. Например: *Небо Раевского – это Высшая* ***Правда****, которая «не продается и не покупается»; символ вечной Истины и откровения, обиталище «заоблачных судей»; плод и обитель Творца, где «в чистых высях душа купается» и оставляет «хороший след» <…>* (11.08.2011). Справедливый порядок, как следует из рассмотренного материала, не воплотился на уровне социального устройства, но воплотился на уровне духовном. Условное имя собственное *Высшая Правда* в очерке Елены Трухан «Миры ворочая подспудно», посвящённом 60-летию кузбасского поэта Александра Раевского, обозначает высший нравственный суд, вершимый *заоблачными судьями*. Особое место среди эпитетов занимают характеристики, семантически восполняемые только из контекста (*другая, особенная, своя*) и таким образом акцентирующие его смысловые связи.

В-третьих, во всех типах контекстов может определяться высшая степень истинности: ПФ – *голая, чистая, сущая, абсолютная*; ПМ – *чистая, святая*; ПС – *истинная*. Большее разнообразие характерно для контекстов ПФ, что связано с ролью категории факта в медиадискурсе. В контекстах ПМ с помощью эпитетов определяются также степень распространённости (*универсальная*) и способ выражения (*преувеличенная, искажённая*), что соответствует акценту на интеллектуальной деятельности, направленной на выявление каузальных связей.

Таким образом, современный региональный медиадискурс актуализирует важную роль ценностной категории *Правда*, раскрывая

семантику «правда факта», «правда мысли», «правда совести» с помощью различных стилистических приёмов. Духовное богатство концепта «Правда» наиболее полно проявляется в контекстах с семантикой «правда совести».

2.3.2. *Истина* в материалах городской газеты XXI в.

Для выявления семантико-стилистических особенностей употребления имени концепта «Истина» в современном региональном медиадискурсе был предпринят анализ материалов городской газеты «Кузнецкий рабочий» за 2010–2013 гг. В проанализированном материале представлена семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно», «истина – максима» и «истина – метафизическая сущность».

Семантика **«истина – всё, что верно, подлинно, точно»** преобладает в газетных материалах, что отражает установку журналистов представить правдивую информацию, связанную в рассмотренном материале с такими темами, как история города, ЖКХ, медицина, творчество. Доминирующей темой материалов, где раскрыта именно эта семантика слова *истин*а, становится восстановление справедливости.

В публикациях используются разнообразные эпистемические контексты, представляющие истину как объект познавательной деятельности человека и входящие в АСК «поиск истины». Наиболее употребительна синтагма *поиск истины*. Например: *Наши поездки на первом в Сибири трамвае в поисках* ***истины*** *вызвали поправки Александра Ивановича, который пишет, что трамвай первого маршрута «ДОЗ – вокзал» проходил по проспекту Строителей (тогда Ворошиловское шоссе)* <…> (С. Михайлов, 13.11.2010); *Следующим шагом в поиске* ***истины*** *Анны Романовой станет требование актов передачи по нормам государственного учета её дома Кузбассэнергосбыту* (А. Лян, 09.11.2012).

В.Г. Гак характеризует поиски истины как «важнейшую задачу, стоящую перед человеком, смысл его жизни» [Гак 1995, с. 29]. При этом

«поиск истины даже важнее самой истины <…>»; «человек заслуживает поощрения, даже если его поиски истины оказались безрезультатными или сопровождались ошибками». «Поиск истины – сложное дело <…>. Истина ощущается как нечто <…> скрытое от чужих взоров» [Там же, с. 29–30]. Современное медиапространство разделяет такую интерпретацию. Встречаются также однокоренные глаголы – *искать, отыскать, не доискиваться*, например: *Хотелось бы услышать предложения и возражения. Со своей стороны я готов спорить, отвечать на вопросы, в общем, искать* ***истину*** (Л. Виттенбург, 03.03.2011); *Дети учатся искать* ***истину****, ценить то, что было наработано годами, любить то место, где родились, и уважать предков* (Е. Белокурова, 09.08.2012). Используются контексты, делающие акцент на желаемом результате поиска. Они отличаются большим разнообразием и представлены синтагмами с глаголами и отглагольными именами существительными: *познать* (03.04.2013), *выявление* (С. Бабиков, 07.10.2010), *установить* (Е. Грин, 04.01.2013), *установление* (А. Сницкая, 23.11.2012). Слова *установить и установление* отражают специфику юрисдикционной сферы: *В том, что его причиной явился поджог, мужчины сомнений не выразили, однако установить* ***истину*** *еще предстоит отделу надзорной деятельности* (Е. Грин, 04.01.2013). Семантика использованных слов позволяет судить о потаённости истины: *прояснить* (Г. Соколухин, 01.03.2013), *сокрыта* (О. Савельева, 03.11.2011); о сложности пути к ней и в то же время о твёрдом намерении человека дойти до конца: *докопаться (до)* (С. Штиль, 11.09.2012). На трудность пути к истине указывают и контексты, передающие негативный результат познавательной деятельности, например: *Историк Николай Александрович Кузнецов высказался о том, что «роговщина» в Кузнецке – это трагедия всего народа и государства, и что* ***истина*** *здесь вряд ли когда-нибудь будет выявлена* (В. Валиулин, 16.03.2010); *Деньги ушли на какие-то другие цели, в чьи-то другие карманы.* ***До истины*** *не дознались городские и областные следователи, да и столичные «шерлоки холмсы» тоже вряд ли чего нароют*

(С. Бабиков, 28.06.2011). Интересен метафорический контекст, посвящённый изучению истории малой родины: *Красивая девушка главным в своей нынешней жизни считает работу. Работу ума и сердца, потому как относиться к ветхим страницам истории нужно бережно, трогательно, с душой. Будто боясь спугнуть* ***истину****, Светлана «листает» книгу, где есть и ее авторские строчки: о судьбах земляков, о жизни, об уроках, которые не забыть...* (Е. Белокурова, 04.08.2012). В последнем контексте истина предстаёт как тонкая духовная субстанция, приблизиться к которой можно только *бережно, трогательно, с душой.*

Осознание пути к истине как справедливого, а обретения истины как акта справедливости роднит современное употребление слова *истина* с употреблением слова *правда*. В этом случае создаётся АСК «борьба за истину». Например, встречаются контексты, где именем существительным *истина* управляют глаголы *добиться*, *найти, отстоять* (которые часто соседствуют со словом *правда*): *Нагрузка у сотрудниц следственной части очень большая, каждая одновременно ведет по нескольку сложнейших уголовных дел, перелопачивая горы документов, вникая в цифры и факты, рассылая многочисленные запросы по стране и за ее пределы, прежде чем добиться* ***истины****, как бы глубоко она ни была сокрыта* (О. Савельева, 03.11.2011); *Где-нибудь можно найти правду? И не ту правду, которая устроила бы власть предержащих, а* ***истину****, которая обличала бы виновных в преступлениях и оправдывала невиновных. Похоже, у нас правду найти не просто трудно – невозможно. Коллективу «Кузнецкого рабочего» желаю отстоять* ***истину*** (09.07.2011). Во втором контексте, несмотря на сходство синтагматических связей имён существительных *истина* и *правда*, обозначается их смысловое различие: с одной стороны, в определённом значении слово *правда* синонимично слову *истина*, но, с другой стороны, антитеза *не ту правду <...>, а истину* подчёркивает мысль о единственности и объективности *истины*, что не характерно для другого значения слова *правда*. «Основное значение концепта Истины <…> состоит в устранении

множественности. Истина, как и течение жизни, отбрасывает альтернативы, версии и варианты. Она единственна» [Арутюнова 1999, с. 558]. Характерно, что именем существительным *истина* управляют инфинитивы *добиться, искать* и *отстоять*, передающие мысль об активной позиции человека и соотносящиеся с концепцией правдоискательства. Кроме того, во втором примере истина представлена как субъект-деятель, важная нравственная миссия которого представлена с помощью амфитезы (*обличала бы виновных в преступлениях и оправдывала невиновных*), выражающей мысль о полном восстановлении справедливости.

В различных контекстах «измеряется» степень приближения к истине. Чаще всего используется выражение *ближе к истине* (именно со сравнительной степенью наречия), хотя встречается и выражение *близко к истине*: *Правда, 42 процента опрошенных Левада-центром полагают, что 12 июня отмечается День независимости России. Что близко* ***к истине,*** *хотя тоже не совсем верно* (А. Денисов, 14.06.2011). Использованы также контексты *недалеко от истины* (Н. Белых, 04.10.2012) и *далёк от истины*. Причём второе выражение включено в проблемное изложение, передающее противоположный смысл («близки к истине»): *«Грабеж!», «За что?!» – это лишь наиболее мягкая характеристика проблем в ЖКХ большей частью населения. Но кто скажет, что народ далек* ***от истины****, если даже наш президент был вынужден вмешаться в процесс реформ и внести коррективы* (Л. Соколова, 04.04.2013). Неполное соответствие истине традиционно передаёт устойчивое выражение *доля истины* (единичный случай – *капля истины*). Несколько раз оно используется в текстах, популяризирующих медицинские знания. Степень соответствия истине характеризуется также с помощью эпитета *стопроцентная*: *Но ограничусь цитатой: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», потому что Андрей Вознесенский, конечно, прав, но поэтический язык не всегда глаголет стопроцентную* ***истин****у* (А. Денисов, 21.03.2011). Максимальное приближение к истине в рассмотренных контекстах отражают устойчивые

выражения *час истины* и *момент истины*: *Число абитуриентов приятно радует, в каждом вузе конкурс, но* ***час истины*** *близок* (М. Князева, 26.07.2011); *«****Момент истины»*** *случился на третьем году обучения у Лидии Васильевны. Я начал миксовать, то есть петь и в академической, и в эстрадной манерах* (новокузнецкий певец С. Онищенко отвечает на вопрос о том, как он пришёл в эстраду; Н. Шабалина, 07.12.2010). Эти выражения передают кульминационную точку выхода человека к самой сути и одновременно указывают на путь к истине, ожидание встречи с ней. Открытие истины представлено как акт её проявления, где именно она становится субъектом. В этом случае неоднократно используется выражение *истина рождается*, например: *Я всегда говорю, что* ***истина*** *рождается в полемике. Если человек один, он мало чего добьется. А если соберутся 3-4 человека, то смогут обсудить что-то, заострить свои мысли и в конце концов прийти к какому-то решению* (О. Осипова, 12.03.2011). Отметим, что роль дискуссии, полилога при обретении истины наследуется современной газетой из материалов перестройки.

Как разоблачающие, обвиняющие во лжи употребляются в медиадискурсе контексты с выражением *не соответствовать истине*: *Цитирую: «Жители, в квартирах которых не установлены... приборы учета, оплачивают электроэнергию согласно нормативу, в который включен расход электроэнергии на общедомовые нужды». Это тоже, мягко говоря, не соответствует* ***истине****. Потому что я лично держал в руках квитанцию своего родственника, в которой есть строка: ОДН – 110 рублей* (Е. Соснин, 07.10.2010); *Поскольку мои пояснения не устроили находившегося тут же сотрудника угрозыска, а записанные следователем пояснения не соответствовали* ***истине****, я их отказался подписывать* <...> (03.07.2012). Неоднократно характеризуется и мнимое обретение истины. В этом случае таксономически употребляется устойчивое выражение *истина в последней инстанции* с отрицанием, и акцент сделан на необходимости продолжить поиск: *Уже упоминается в разных инстанциях распоряжение господина*

Иванова о переводе всех домов в прямое управление, а тем собственникам, которые разобрались в сути всех видов управления и САМИ выбрали непосредственное управление, это решение преподносится как ***истина в последней инстанции*** (05.10.2010). Познание истины, даже вне сакрального уровня, связано с осмыслением сути явлений, что подчёркнуто, например, антитезой в отчёте о заседании городского краеведческого общества «Серебряный ключ», на котором обсуждалась роль музея в образовании: *Секрет тут вот в чем. Если бы давали свидетельство об образовании, полученном в музее, тогда да. А без этого – нет. Но это больше отдает формализмом, нежели* ***истиной*** (В. Валиулин, 23.04.2011).

В качестве приёмов экспрессивной актуализации семантики «истина – всё, что верно, подлинно, точно» отметим такие регулятивные структуры, как антитеза и риторический вопрос. Рассмотрим антитезу ***красота – истина,*** значимую в отзыве о фотовыставке Ирины Галактионовой «Дети шахтёрских окраин»: *Автор избегает красивости и жертвует красотой* ***во имя истины****, которая в неприглаженном виде кажется наиболее убедительной. Вполне возможно, что здесь в большей степени отражаются личные ощущения автора* (И. Петров, 28.07.2011). Для фотографа И. Галактионовой отразить истину – значит передать действительное положение вещей. Поскольку красота связана с воплощением совершенства, творческой задачей становится передача истины *в неприглаженном виде*, не щадящая чувств адресата выставки. Пусть знание истины причинит эмоциональный дискомфорт и даже боль, но эти состояния – проявление нравственной жизни человека, ради которой и творит художник. Истина становится средством воздействия на зрителя, о чём свидетельствует использование формы превосходной степени прилагательного-эпитета *убедительная.* Обратим внимание на высокое звучание выражения *во имя истины*. По сути, творчество *во имя истины* приближает человека (художника и зрителя) к подлинной (духовной) красоте. Рассмотрим контекст с риторическим вопросом: *Одни столкнулись с тем, что в судах не принимают незаверенную*

доверенность, а другие при судебных разбирательствах легко обошлись и без нотариуса. Где же ***истина?*** (А. Лиханова, 22.03.2012). В эллиптической конструкции имя концепта занимает позицию субъекта и связано с темой поиска истины. Характерно, что именно при воплощении рассматриваемого значения слова *истина* чаще всего используются сильные позиции текста – заголовки и лиды, что свидетельствует о значимой для газетной публицистики установке на достоверность.

Доминирующей темой газетных материалов, где представлена семантика «**истина – максима**», является мировоззрение: это тексты, раскрывающие взгляд на мир и человека. Как и в материалах с семантикой «истина – всё, что верно, подлинно, точно», важна такая тема, как медицина. Среди ключевых находится также тема спорта. Рассматриваемая семантическая составляющая включена в АСК «поиск истины», реже – в АСК «выражение истины».

Имя существительное *истина* в этих случаях представлено не только формой единственного числа и часто определяется с помощью эпитетов (в отличие от контекстов с другими значениями слова *истина*). Эпитеты отличаются большим разнообразием. Самым распространённым является эпитет *прописная* (*прописные*). Использованные эпитеты раскрывают истину-максиму – достояние конвенционального сознания – с разных сторон, нередко давая противоположные характеристики: 1) степень сложности: *прописные, азбучные, нехитрая, банальная, трамвайная*; 2) степень распространённости: *общеизвестные, затёртая, поговорочная, расхожая, трамвайная* или *своя*; можно предположить, что основанный на метонимии эпитет *трамвайная* в контексте выражает как семантику простоты, так и семантику распространённости; 3) «возраст» и «продолжительность жизни» истины: она предстаёт как *вечная, древняя* или *сиюминутная*; 4) сфера применения: *бытовая, жизненная*; 5) незыблемость: *«непреложные»* (эпитет заключён в кавычки); *никем не оспоренная*; 6) источник: *книжные*; 7) содержание: *христианские*. Таким образом, обобщённая характеристика,

выраженная эпитетами, представляет истину-максиму как результат опыта и мыслительной деятельности других людей, долгое время существующий в пространстве конвенционального сознания. Истины-максимы призваны выполнить охранительную функцию – предостеречь, дать полезный совет. В большей части контекстов, связанных с темами спорта, здоровья, правил дорожного движения, садоводства и др., эта истина рассматривается как помогающая человеку: *Выбор есть у каждого – книжная (в том числе)* ***истина****, которой каждый хоть раз успокаивал себя или ругал других* (О. Захаренко, 11.01.2011); *Вы, родители, должны внушить вашему ребенку несколько простых* ***истин*** (обращение инспектора ГИБДД к родителям; Л. Ковякина, 09.10.2010).

Однако многие характеристики истины-максимы не соответствуют её онтологическим признакам, к которым Н.Д. Арутюнова относит вечность, неизменность, единственность, сокровенность [Арутюнова 1999, с. 549]. Этим признакам противоречат эпитеты *своя, сиюминутная, «непреложные»*, а также неоднократно эксплицированная невысокая оценка глубины содержания истины-максимы. В ряде случаев позиция авторов акцентируется с помощью регулятивных средств. Например: *«Кто платит деньги, тот заказывает музыку» – вроде бы вполне затертая, поговорочная, бытовая* ***истина****. Но, к сожалению, торжествует на каждом шагу* (А. Сазыкин, 21.07.2011). С помощью бессоюзного нанизывания эпитетов автор статьи о судьбе городской газеты подчёркивает содержательную «мелкость», банальность некоторых формул, существующих в пространстве конвенционального сознания. Приведём пример использования антитезы: *В 1977 году промотдел вел одну такую: «Качество – категория нравственная». Посыл вроде тот же, что у популярного некогда лозунга «Совесть – лучший контролер!». Но куда там трамвайным* ***истинам*** *до глубин социальной психологии, в которые заглядывали газетчики* (А. Денисов, 11.02.2010). Н.Д. Арутюнова, характеризуя истину как максиму, отмечает, что «человек не склонен доверять чужому опыту», поэтому

«нравоучительные истины нередко получают отрицательные квалификации» [Арутюнова 1999, с. 556]. В.А. Маслова также обращает внимание на ценную возможность сомневаться в истине: «Обыденное сознание подсказывает нам, что в истине можно сомневаться, и это особенно ценно в ней» [Маслова 2007, с. 247]. В газетных материалах отражена тенденция рассматривать максимы не как истины в последней инстанции. Развивается рефлексия, появляются сомнения, отвергающие данное и помогающие найти, открыть собственное истинное знание.

Глагольные контексты, актуализирующие семантику «истина – максима», также отличаются большим разнообразием. Как и в реализации первого значения, важна роль эпистемических контекстов, где истина выступает как объект познания: преобладает глагол *знать* (В. Германский; 02.08.2011; И. Суворов, 30.06.2011; Т. Тюрина, 23.10.2012), встречаются также *постигать* (Д. Черский, 02.08.2012)*, открыть* (А. Гарин, 21.06.2012)*, открывать* (Г. Дамм, 21.07.2011). Отражают специфику рассамтриваемой семантической составляющей контексты, связанные с восприятием и с трансляцией истины (истин), при этом восприятие истины (*услышать, прочитать*) неразрывно связано с её трансляцией (*сформулировать, напомнить, вложить, проповедовать, рассказать*), при этом репрезентанты семантики трансляции истины отличаются бóльшим разнообразием. Глаголы передают также отношение к истине, причём отражены противоположные позиции: с одной стороны, *признавать, подтвердить*, с другой – *опровергнуть*. Координируемые с подлежащим *истина* глаголы-сказуемые являются менее частотными, чем в контекстах с семантикой «всё, что верно, точно, подлинно». Как и при воплощении первого значения, используется глагол *торжествует*, но включён он в пейоративный контекст: *«Кто платит деньги, тот заказывает музыку» – вроде бы вполне затертая, поговорочная, бытовая* ***истина****. Но, к сожалению, торжествует на каждом шагу* (А. Сазыкин, 21.07.2011). Семантику трансляции истины акцентирует сказуемое *прозвучала*: *Но* ***истина*** *в понимании верующего*

христианина прозвучала – эту задачу ведущий, оставляя за собой обязанность православного священника, взял на себя (Е. Макарчева, 26.05.2011).

Важнейшие онтологические признаки истины наиболее полно воплощаются в контекстах с семантикой **«истина – метафизическая сущность»**, занимающих третью позицию по распространённости в текстах городской газеты. Доминирующая тематика материалов, которые актуализируют данное значение, – творчество. Например: *Это черта поэтики Кобо Абэ, то есть человек ближе к земле,* ***истине****, началу всех начал* (Д. Акулова, 20.05.2010). Представлена и творческая позиция местных авторов: *Небо Раевского – это Высшая Правда, которая «не продается и не покупается»; символ вечной* ***Истины*** *и откровения, обиталище «заоблачных судей»; плод и обитель Творца, где «в чистых высях душа купается» и оставляет «хороший след»; место непрекращающегося Праздника, на который пока рано стремиться* (Е. Трухан, 11.08.2011). В юбилейном очерке Елены Трухан, посвящённом кузбасскому поэту Александру Раевскому, слова *правда* и *истина* включены в один контекст, причём небо определено как *Высшая Правда* – то место, где всегда сбывается справедливость. И в то же время это символ *вечной Истины* (а не сама Истина!). Как уже отмечалось, существование истины, согласно обобщающим наблюдениям Н.Д. Арутюновой, связано с двойственностью мира, который «распадается на мир реальный и мир идеальный» [Арутюнова 1999, с. 545]. Познавательная логика в рассмотренном материале тесно связано с первым значением слова *истина*, креативная логика наиболее полно прослеживается в сакральных контекстах (о познавательной и креативной логике см.: [Там же, с. 545]). Другие контексты, раскрывающие семантику «истина – метафизическая сущность» – прежде всего контексты в которых звучит тема творчества, – занимают промежуточное положение между двумя логиками, соединяя в АСК «поиск истины» познавательное и

креативное начала. Именно креативное начало является отличительным признаком семантики «истина – метафизическая сущность».

Сакральные контексты в газетном материале не являются доминирующими при реализации значения «истина – метафизическая сущность», но регулярно встречаются. Например: *Тут мне приходят на память слова Оскара Уайльда: «Каждый убивает то, что он любит». Конечно, не нам рассуждать о морали и правилах, не нам судить и выносить приговор.* ***Истина*** *известна только Всевышнему* (Б. Кобзарь, 07.08.2010). Важно, что истина как метафизическая сущность, согласно рассмотренным материалам, должна раскрываться и в газете: *В Новокузнецке, где многое делается по принципу «все наоборот, вопреки правилам и здравому смыслу», газету «Кузнецкий рабочий», которая является достопримечательностью и старейшим печатным изданием города, единственным источником правды и справедливости, доводящим до жителей города* ***истину*** *бытия нашего, гнобят* (Г. Бор, 18.08.2011).

В противовес высокой конкретизации истины-максимы с помощью определений мы видим яркую «точечную» актуализацию семантики «истина –метафизическая сущность». Например, с помощью эпитетов *вечная* (Е. Трухан, 11.08.2011), *живая* (Б. Тальжинский, 18.06.2011). Приближение к такой истине сопряжено с неустанной духовной деятельностью человека, со служением Истине. Однако и при воплощении семантики «истина – метафизическая сущность» используется эпитет *своя*, который выносится в заголовок-цитату: *«Верь тому, кто ищет истину, и не верь тому, кто ее нашел», – поднимает плакатик с изречением Платона Т.А. Конина и комментирует: «Я считаю, что* ***истину*** *никогда не найдешь, она для каждого* ***своя»*** (мнение С. Ветряк; Е. Кириллова, 15.07.2010). Данный эпитет подчёркивает личностный характер приобщения к явленной человеку истине.

Истина как метафизический объект представлена контекстами, которые по лексическому наполнению совпадают с эпистемическими, но отличаются от них по смыслу. Они представляют истину как объект бесконечной

рефлексии, неослабевающего интеллектуально-нравственного усилия (*поиск, искать, понимание, размышлять (об), вопрос (об)*) и как сакральный объект (*служение*) (АСК «поиск истины», «служение истине»). Интеллектуально-нравственное усилие приближает к истине, но не позволяет увидеть её во всей полноте. Прикосновение к истине передано метафорическим контекстом *увидеть свет истины*: *Духовное наследие коммунаров, увидевших свет* ***истины****, может помочь увидеть его другим, потому что «зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме»* (Б. Тальжинский, 18.06.2011). Увидевший свет истины хранит его в себе: *Но те, кто выжил, оставаясь верными своим убеждениям, кто сумел пронести живую* ***истину*** *Толстого, свет добра и любви сквозь ад тюрем и лагерей, заслужили право на любовь и уважение современников и потомков* (там же). И приобщает к нему других (*свидетельствовать (об), доводить*), например: *Конфликт Пилата и Иисуса (и Иешуа тоже) – это конфликт поступков социально обусловленных, зависимых от политической иерархии, социальной системы, продиктованных сиюминутными выгодами и страхами, и поступков, проистекающих из полной свободы, независимых ни от каких временных человеческих установлений, продиктованных единственно стремлением свидетельствовать о понимаемой* ***истине*** (Е. Макарчева, 26.05.2011). Служение истине является основой творчества. Отметим контексты с использованием высокого по окраске выражения *служение истине* в кратком очерке М. Гревнёва о З. Гиппиус: *З. Гиппиус предъявляла к поэзии высокие требования чуть ли не религиозного служения красоте и истине («стихи – это молитвы»)* (09.06.2011). Слова *истина* и *красота* связаны синтагматически и парадигматически и передают смыслы высшего знания и высшего совершенства, к которому обращается поэт.

Для раскрытия семантики «истина – метафизическая сущность» авторы газетных материалов чаще всего (в сравнении с двумя первыми семантическими составляющими) используют такие регулятивные структуры, как лексические повторы и смысловые лексические парадигмы,

основанные на отношениях сходства или контраста. Самая высокая употребительность слова *истина* отмечена в отчёте Е. Макарчевой о заседании киноклуба «Диалог», посвящённом фильму «Мастер и Маргарита»: слово встречается 10 раз (26.05.2011; в тексте представлено также значение «христианская истина»). Неоднократно используются смысловые лексические парадигмы, основанные на отношениях сходства. Связь компонентов изотопических цепочек подчёркнута такой конструкцией, как ряд однородных членов: *Небо Раевского – это <…> символ* ***вечной Истины и откровения*** *<…>* (Е. Трухан, 11.08.2011); *<…> пронести* ***живую истину Толстого, свет добра и любви*** *сквозь ад тюрем и лагерей <…>* (Б. Тальжинский, 18.06.2011); *З. Гиппиус предъявляла к поэзии высокие требования чуть ли не религиозного служения* ***красоте и истине*** (М. Гревнёв, 09.06.2011); *Кирилл и Мефодий принесли* ***свет истины, свет просвещения*** *на нашу землю* (мнение В. Левченко; Т. Басаргина, 26.05.2011). Встречаются изотопические цепочки, не актуализированные с помощью ряда однородных членов: *<…> и поступков, проистекающих из* ***полной свободы****, независимых ни от каких временных человеческих установлений, продиктованных единственно стремлением свидетельствовать о понимаемой* ***истине*** (Е. Макарчева, 26.05.2011).

В приведённой в газете притче (21.06.2012) взаимодействуют несколько смысловых лексических парадигм – антонимическая пара, изотопические цепочки, в том числе гиперогипонимические ряды: *В каждом человеке идёт борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет* ***зло: зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь****. Другой волк представляет* ***добро: мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность***. Гиперонимом по отношению к понятию истины выступает *добро*, которое соотносится с гипонимами *мир, любовь, надежда, истина, доброта и верность*. Гипонимы, в свою очередь, образуют изотопическую цепочку. *Добру* противопоставлено *зло*, выступающее как гипероним по отношению к членам изотопической цепочки *зависть, ревность, сожаление, эгоизм,*

амбиции, ложь. Между членами двух изотопических цепочек устанавливаются отношения, основанные на семантическом контрасте.

В других контекстах *истина* как метафизическая сущность противопоставлена *лжи* и *временным человеческим установкам*. Благодаря первой антитезе истина предстаёт перед нами как невыразимый абсолют, стремление к которому является движущей силой творческих поисков, например в материале о творчестве Е. Гавриловой (С. Михайлов, 09.03.2010). Благодаря второй антитезе истина также соотносится с идеальным миром и его онтологическими признаками и помогает автору противопоставить образы (например, Е. Макарчева, 26.05.2011). Разнообразие регулятивных структур, актуализирующих семантику «истина – метафизическая сущность», свидетельствует о её особой смысловой весомости, значимости в медиадискурсе.

Что касается заголовков, то среди них преобладают связанные с семантикой «истина – всё, что верно, подлинно, точно», что характерно в целом для реализации семантических составляющих понятия истины в газетном тексте. Креолизованные тексты реже участвуют в актуализации темы истины, чем в актуализации темы правды. Так, в рассмотренных материалах начала XXI в. нам встретился единичный случай, связанный с проведением городской газетой акции «Правила жизни»: фотография участниц акции, держащих плакаты с истинами-максимами дополняет вербальную часть, в обобщённом виде представленную цитатным заголовком *«Истина у каждого своя»* (Е. Кириллова, 15.07.2010) (см. рис. 2 в Приложении 2).

Бóльшая часть заголовков, содержащих слово *истина*, являются развёрнутыми и в сжатом виде выражают основную мысль текста. Как и в материалах 2013 г., максимальная развёрнутость заголовков наблюдается в материалах электронных СМИ: *«Ученые США могут познать* ***истину****, проникнув в мозг человека. Программа рассчитана на несколько десятилетий. «Компьютеры смогут отвечать на мысли», – мечтает*

президент Обама» (03.04.2013); *«Когда зарубежные составители различных рейтингов, оперируя цифрами, отводят России то или иное место, они даже и не представляют, насколько далеки от* ***истины****. Здесь вам не Германия какая-нибудь»* (02.02.2013).

Среди развёрнутых заголовков отметим цитатные: *«****Истина*** *у каждого своя»* (вариативный повтор мысли интервьюируемой участницы акции: *«Верь тому, кто ищет* ***истину****, и не верь тому, кто ее нашел», – поднимает плакатик с изречением Платона Т. А. Конина и комментирует: «Я считаю, что* ***истину*** *никогда не найдешь, она для каждого своя»*; Е. Кириллова, 15.07.2010), *«Здесь радостно! Здесь* ***истина*** *видна...»* (очерк о П. Майском; М. Гревнёв, 13.10.2011), *«Игорь Степанов: "****Истина*** *рождается в полемике"»* (интервью с преподавателем; О. Осипова, 12.03.2011).

Приёмы экспрессивного насыщения заголовков со словом *истина* в рассмотренном материале основаны на ресурсах книжной стилистики: в заголовок включается крылатое выражение (*«In vino veritas – истина в вине!»*, Г. Котлов, 23.12.2010), используется двухчастная конструкция с пояснительным союзом *или*, связанная с литературной традицией построения библионимов (*«Страсти по нуждам, или В поисках* ***истины****»*, А. Лиханова, 23.02.2013), тогда как для экспрессивной актуализации заголовков со словом *правда* использовались риторический вопрос, побудительное предложение. Концептуально значимым, но традиционным для газетного заголовка разных лет является использование синтагмы *поиски (поиск) истины* (А. Лиханова, 23.02.2013; *«На поиски* ***истины****»*, 22.07.2010). Для восприятия текстов важны регулятивные структуры, соотносящие заголовок и текст на основе повтора (встречаются в 40 % случаев).

Соотношение заголовков со словами *правда* и *истина* в материалах 2010–2013 гг. (см. рис. 6, с. 116) соответствует соотношению этих слов в публицистике: заголовки со словом *правда* встречаются чаще. Однако разница в употреблении слов *правда* и *истина* в рассмотренных заголовках (заголовки со словом *правда* встречаются в 1,3 раза чаще) меньше, чем в

современной публицистике в целом (частотность слова *истина* в 2,5 раза ниже, чем слова *правда*: [Ляшевская, Шаров 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=Частотный список лемм (дата обращения: 05.01.2016)]; в городской газете эта разница сглажена – текстов, содержащих слово *истина*, в 2 раза меньше, чем текстов, содержащих слово *правда*), что, на наш взгляд, свидетельствует о важной стилистической роли слова *истина* в организации информационно-оценочного пространства газетного номера. Хотя, безусловно, более «публицистическим» по семантико-стилистическим характеристикам является слово *правда*.

Слова *правда* и *истина* употребляются совместно прежде всего в материалах городской газеты начала XXI в. о культуре (особое внимание журналисты городской газеты уделяют талантливым новокузнечанам). Неоднократно ключевые слова соседствуют в публикациях о роли газеты в общественной жизни, в материалах с нравственной проблематикой, в статьях об исторической памяти, в том числе истории города.

Таким образом, городская газета начала XXI в. представляет разнообразную в стилистическом отношении реализацию семантики «истина – всё, что верно, подлинно, точно», «истина – максима», «истина – метафизическая сущность», отражающую значимость и богатство ценностной категории *Истина*.

Выводы

Ценностная категория *Правда* тесно связана с функциональной природой медиадискурса, с коммуникативны назначением газетного текста – передавать достоверную информацию и формировать справедливую социальную оценку. В рассмотренном материале раскрывается семантика «правда факта», «правда мысли» и «правда совести». Однако семантико-стилистический анализ воплощения ценностной категории *Правда* не представляется возможным без соотнесения с ценностной категорией *Истина*. В медиадискурсе раскрывается семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно», «истина – максима», «истина – метафизическая сущность».

Показательны количественные данные об употреблении слов *правда* и *истина* в газетных заголовках на различных этапах отечественной истории 1980–2000 гг. Наибольшее расхождение в употребительности рассматриваемых ключевых слов наблюдается на первом этапе перестройки (1985 – январь 1987), когда употребительность слова *правда* достигает своего максимума. Эта тенденция объясняется политикой гласности, распространением в масс-медиа идеологии правды.

Начиная со второго этапа перестройки (февраль 1987 – 1988) употребительность слова *правда* в газетных заголовках неуклонно снижается, достигнув «нижней точки» в первой половине 1990-х гг. При этом постепенно углубляется как понимание происходящего, так и смысловое наполнение слова *правда*: в контекстах со словом *правда* делается акцент на её личностном характере, сложности поиска, величайшей этической значимости. Меньшая употребительность слова *правда* в заголовках не означает его уход из медиапространства, что подтверждают данные частотного словаря и результаты предпринятого анализа. Бóльшая органичность слова *истина* в сильной позиции газетного заголовка обусловлена как усталостью социума от навязывания идеологии правды, так

и стремлением найти незыблемые ценности, религиозно-философскими акцентами в осмыслении реальности и духовного пути человека (особенно на двух последних этапах перестройки – 1989–1991 гг.). Констатируемое социологами приближение к «нижней точке» кризиса отразилось, на наш взгляд, в самой низкой за период 1980–2000 и 2010–2013 гг. употребительности слова *правда* в газетных заголовках 1992–1995 гг.: в состоянии ценностной энтропии слово *правда* чаще остаётся не вынесенным в заголовок, но в то же время очень значимым в поиске ценностных основ жизни.

В 1996 г. российское общество прошло одну из нижних точек кризиса (Т.А. Рассадина). Возвращение во второй половине 1990-х гг. к состоянию, когда в газетных заголовках более употребительно слово *правда*, чем слово *истина*, естественно для медиадискурса, важнейшей коммуникативной задачей которого является выражение и формирование социальной оценки. С этой задачей теснее связана ценностная категория *Правда*.

Показательно движение тематических доминант публикаций, раскрывающих семантику слов *правда* и *истина*: в доперестроечный период это политика, социально-правовые вопросы, нравственная проблематика, на первом этапе перестройки – новая идеология, на втором этапе – общественно-политическая проблематика, на третьем – общественно-политическая и нравственная проблематика, вопросы экономики, на четвёртом этапе перестройки и в 1990-е гг. – духовно-нравственные вопросы, во второй половине 1990-х гг. к этой доминанте добавляется тема власти. Движение тематических доминант публикаций согласуется с репрезентацией в рассмотренных материалах периода перестройки ключевых слов текущего момента: на первом этапе – *гласность* и лексические знаки идеологем советского периода (*партия*, *коммунист*, *большевик*), на втором этапе – *гласность*, *ошибки*, *человеческий фактор, экология*, на третьем этапе – *гласность*, *возрождение*, *«белые пятна»*, *кризис*, на четвёртом этапе – *кризис*, *регион*, *фермер*, *предприниматель*, *храм*. На каждом из

рассмотренных этапов перестройки наблюдается совместная встречаемость слов *правда* и *истина* в материалах, посвящённых нравственной проблематике и вопросам культуры, искусства, что говорит о важной роли вечных ценностей.

Особенности семантико-стилистического воплощения ценностных категория *Правда / Истина* отражает появление новых рубрик, в которых помещены рассмотренные публикации. Ключевой для газеты «Кузнецкий рабочий» периода демократических реформ стала рубрика *«Субботние беседы»*, в которой представлены развёрнутые аналитические материалы, посвящённые злободневным вопросам и поданные с установкой на диалогичность (публикации первого и второго этапов). На втором и третьем этапе материалы, связанные с переосмыслением истории, представлены в рубрике *«Истории строки»*. Большое количество интересных рубрик появляется на поздних этапах перестройки. Накалённость общественно-политической атмосферы в стране и активность духовных исканий общества отразили открывшиеся в 1990 г. рубрики *«Философские пятницы»*, *«Субъективные заметки»*, *«На перекрёстке мнений»*. Поиск незыблемых духовных основ жизни стал концептуальной основой созданной в 1990 г. рубрики *«Банальные истины»*, представленной на странице *«Тепло вашего дома»*. В 1991 г. открываются аналитическая рубрика *«Колонка обозревателя»*, свидетельствующая о важной роли журналиста в общественной жизни, аналитико-этическая рубрика *«Старые новые истины»*. Поиски ответов на злободневные и вечные вопросы представлены в рубриках 1991 г. *«Точка зрения»*, *«Человек и время»*, *«Живое слово»*.

Динамику семантико-стилистического воплощения ценностных категорий *Правда / Истина* в медиадискурсе конца XX в. создают изменение концептуальной нагрузки антропонима *В.И. Ленин* на различных этапах перестройки, особая концептуальная роль антропонимов *А.И. Солженицын*, *А.Д. Сахаров*, *М.А. Булгаков*, раскрывающаяся в газетных текстах поздних этапов перестройки, и многих топонимов, отражающих трансформацию

ценностных ориентаций россиян в 1980–2000 гг. По параметру использования регулятивных средств и структур выделяется третий этап перестройки, характеризующийся насыщенной общественно-политической жизнью, активностью нравственных исканий. Именно на этом этапе в текстах, раскрывающих содержание ценностных категорий *Правда / Истина*, используются яркие метафоры, риторические вопросы, актуализируется катафорическая связь заглавия и текста.

В газете XXI в. (2010–2013 гг.) методом сплошной выборки было выявлено в два раза больше текстов, содержащих слово *правда*, чем текстов, содержащих слово *истина*. В заголовках газетных публикаций разница в употреблении более сглажена, что свидетельствует о важной семантико-стилистической роли слова *истина* в организации информационно-оценочного пространства газетного номера.

Актуализация семантики «правда факта» и «правда мысли» связана с образом журналиста, передающего достоверную информацию, и подчёркивает значимость определённого круга тем. Семантика «правда факта» характерна для материалов о городе в его истории и современности, об интересных людях, причём представлены факты как событийного, так и духовно-интеллектуального характера. В центре газетных материалов, выражающих «правду мысли», находятся события в культурной жизни и нравственный облик социума. В контекстах содержание правды нередко уточняется с помощью конструкции с предлогом О. Доминирование семантики «правда совести» в газетном тексте поддержано разнообразными стилистическими особенностями. Главной темой, с которой связана семантика «правда совести», в газете является нравственный стержень человека. Для газетных материалов характерна конкретизация «степени» правды, что усиливает субъективацию изложения и отражает регулятивную установку автора.

Ключевая семантико-стилистическая роль семантики «правда совести» свидетельствует о важности в медиадискурсе понимания правды как

справедливости и проявляется в возвращении авторов газетных публикаций к знаковым темам, а также в том, что семантика «правда совести» чаще и многограннее других актуализирована в сильной позиции заголовка, в регулятивных структурах с лексическим повтором, в смысловых лексических парадигмах, основанных на семантическом сходстве и контрасте, в регулятивах-синтагмах, включающих метафоры.

Разнообразие семантико-стилистического воплощения ценностной категории *Правда* в медиадискурсе проявилось в том, что были выявлены три типа контекстов со словом *правда*: 1) таксономическое и предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания; 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) употребление слова *правда* как главного члена номинативного предложения, в том числе в заголовках.

В то же время и роль ценностной категории *Истина* в медиадискусе представляется неоспоримо значимой, поскольку данная категория в СМИ сопряжена с социальным познанием. В рассмотренном материале, представляющем современный региональный медиадискурс, раскрывается семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно», «истина – максима», «истина как метафизическая сущность».

Семантика «истина – всё, что верно, подлинно, точно» преобладает в газетных материалах, что связано с установкой журналистов на достоверность. Неслучайно доминирующей темой материалов, где раскрыта именно эта семантика, становится восстановление справедливости. Тематические области, освещаемые в городской газете в связи с актуализацией первой семантической составляющей ценностной категории *Истина,* – это история города, ЖКХ, медицина, творчество. В качестве приёмов экспрессивной актуализации рассматриваемой семантики отметим использование таких регулятивных структур, как антитеза и риторический вопрос.

Доминирующей темой газетных материалов, где представлена семантика «истина – максима», является мировоззрение: это тексты, раскрывающие взгляд на мир и человека. Эпитеты создают обобщённую характеристику истины-максимы как результата опыта и мыслительной деятельности других людей, долгое время существующего в пространстве конвенционального сознания. Преобладают мелиоративные контексты, утверждающие, что истины-максимы призваны выполнить охранительную функцию – предостеречь, дать полезный совет.

Важнейшие онтологические признаки истины более полно воплощаются в контекстах с семантикой «истина – метафизическая сущность», занимающих третью позицию по распространённости в текстах городской газеты. Доминирующая тематика материалов, актуализирующих данное значение, – творчество. Истина в качестве метафизической субстанции представлена как объект бесконечной рефлексии, неослабевающего интеллектуально-нравственного усилия и как сакральный объект. Интеллектуально-нравственное усилие приближает к истине, но не позволяет увидеть её во всей полноте.

Совместная встречаемость слов *правда* и *истина*, как и в публикациях конца XX в., отмечается в контексте размышлений о нравственных и эстетических вопросах, акцентирует тему исторической памяти. Большое внимание городская газета начала XXI в. уделяет талантливым новокузнечанам. Важной темой, с которой в начале XXI в. связано одновременное включение в медиатекст слов *правда* и *истина*, является роль газеты в общественной жизни.

Рассмотрев особенности семантико-стилистического воплощения надрегиональной составляющей аксиосферы регионального медиадискурса, обратимся к исследованию динамики ведущей гипертемы и краеведческих доминант в городской газете.

Глава 3. Гипертема города в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий»

В главе рассматривается жанрово-стилистическое воплощение гипертемы города[27]: дана характеристика рубрик, отражающих специфику регионального медиадискурса; на примере жанра городского дневника представлен такой стилистический феномен, как формирование специфического жанра регионального медиадискурса; проанализирована динамика регионально маркированной идеологемы *город-сад*, связанной с ведущей гипертемой городской газеты. Выводы сделаны на основе анализа более 1500 текстов.

3.1. Рубрики городской газеты, отражающие специфику регионального медиадискурса

Интенциональные категории текста городской газеты как части регионального медиадискурса выражаются в таком феномене, как **формирование специфических рубрик и жанров регионального медиадискурса**. В городской газете «Кузнецкий рабочий» не только существуют рубрики *«Городской репортаж»*, *«Городской дневник»*, *«История города в фотографиях»*, *«История города в улицах-лицах»*, *«Прогулки по городу»* и др. и особая разновидность жанра хроники *«День (неделя) в истории города»*, отражающие мемориально-краеведческую функцию регионального медиадискурса, но и в рамках рубрик «Городской репортаж» и «Городской дневник» формируется особый жанр городского дневника.

---

[27] В главе использован материал из статей автора: Пушкарева И.А. Категория времени в художественно-публицистическом тексте (на материале городской газеты) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 62. – 2012. – № 2 (256). – С. 91–97; Пушкарева И.А. Категория пространства в художественно-публицистическом тексте (на материале городской газеты) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 64. – 2012. – № 6 (260). – С. 106–112; Пушкарева И.А. Социальная оценочность в современной газетной публицистике // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2012. – Вып. 1 (116). – С. 237–243; Пушкарева И.А. О регулятивной роли имён собственных в воплощении ключевого образа регионального медиатекста: образ города-сада в газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) // Сибир. филол. журнал. – 2015. – № 4. – С. 188–197.

В связи с общественно-политическими изменениями в стране, начавшимися с перестройкой, газета обрела возможность уделять основное внимание проблемам города и региона. Возрастание роли мемориально-краеведческой функции определило не только подбор газетных материалов, но и особенности рубрик. Рубрики, отразившие ключевую роль мемориально-краеведческой функции в региональном медиадискурсе, продолжают и обогащают традиции газеты первой половины 1980-х гг., воплощая два основных направления осмысления судьбы города, его неповторимого колорита, – история города и история семьи.

В первой половине 1980-х годов действуют рубрики *«К 50-летию Новокузнецка»* (самая насыщенная материалами об истории города), *«Улица имени…»* (например: М. Гревнёв, 13.03.1981; Е. Сущенко, 07.11.1986; А. Берлин, 13.04.1989), *«Навстречу юбилею КМК»* (например, А. Екимов, 21.01.1982; И. Чирков, 11.02.1982; Г. Сусакин, 26.03.1982). Рубрика *«Истории строки»* существует как в публикациях 1980-х, так и в публикациях 1990-х годов[28].

История города представлена многочисленными публикациями краеведов – А.Б. Берлина, Ю.Ф. Мустафина, А.О. Кауфмана, В.Б. Паничкина, А.Ю. Огурцова, С.Д. Тивякова, В.В. Тогулева, А.С. Шадриной и др. Со второй половины 1980-х гг. газета использует интересную изобразительную составляющую, реализующую мемориально-краеведческую функцию. Так, в оформлении выходящей с 1985 г. страницы *«Край родной»* важен герб Новокузнецка и другие концептуально нагруженные изображения, например, фотография мемориального кабинета-музея первого главного инженера Кузнецкстроя И.П. Бардина (И. Панкратова, 20.12.1985), рисунок с плана Кузнецка 1821 г. (С. Тивяков, 28.02.1986). На странице *«Мой город»* представлена карта историко-мемориальной зоны города (10.03.1987).

[28] Например, Б. Шертман, 01.01.1982; В. Тендитная, 07.11.1982; Н. Мальковец, 07.02.1986; Н. Мальковец, 20.03.1987; А. Огурцов, 15.12.1987: Ю. Ширин, 25.12.1987; Л. Пащенко, 21.04.88; А. Бек, 03.12.1988; А. Огурцов, 12.01.1989; В. Леонидова, 15.02.1989; А. Берлин, 17.05.1989; Л. Фойгт, 27.07.1989; А. Огурцов, 07.11.1989; В. Девятияров, 03.07.1990; Ю. Мустафин, 08.08.1990.

В материалы 1987–1988 гг., приуроченные к 370-летию Кузнецка, включён логотип – схематичное изображение Кузнецкого острога (А. Огурцов, 06.01.1988). В рубрике *«Истории строки»* мы встречаем фотографию памятника первому паровозу, прибывшему на Кузнецкстрой (02.11.1989), в рубрике *«Ретро»* – любительские фотографии дома купца Фонарёва и Народного дома, сделанные в 1958 г. (Т. Минеева, 12.03.1991), в рубрике *«Листая памяти тетрадь»* – карту, показывающую расположение Кузнецкого острога в 1618 и 1620 годах (А. Кауфман, 07.05.1994), в рубрике *«Шаги в историю края»* – фотографии находок, сделанных во время археологических раскопок средневековых курганов на памятнике, известном под названием «Есаулка» (Н. Кузнецов, 15.10.1994) и т.д.

Мемориально-краеведческая функция со второй половины 1980-х гг. реализуется в многочисленных рубриках. Приведём примеры характерных названий рубрик – идеонимов, несущих концептуальную нагрузку, – и примеры помещённых в эти рубрики текстов: *«Мой город»* (С. Тивяков, 01.05.1986), *«Наша история»* (А. Шадрина, 09.07.1988), *«Край родной»* (С. Николаев, 29.11.1988), *«Это наша история»* (А. Шадрина, 13.01.1990), *«Зарубки на память»* (В. Немиров, 04.05.1991), *«Огни неБОЛЬШОГО города»* (В. Кунгурцев, 03.04.1993), *«Из истории города»* (А. Берлин, 21.06.1991), *«Архив»* (Ю. Мустафин, 13.09.1991), *«Долги наши»* (В. Шмелёв, Т. Минеева, В. Тогулев, 07.05.1992), *«Имена на карте города»* (Н. Осокина, 17.06.1993), *«Как это было»* (Э. Степанов, 11.01.1994), *«Листая памяти тетрадь»* (А. Кауфман, 12.02.1994), *«Летопись края»* (Ю. Мустафин, 15.02.1994), *«Шаги в историю края»* (Н. Кузнецов, 15.10.1994), *«Помню имя своё»* (Т. Негода, 21.03.1995), *«Край любимый»* (Н. Кузнецов, 07.12.1996), *«Любимый город»* (В. Валиулин, 13.02.2001). Рубрика *«Наше наследие»* сохранилась с 1990-х до 2000-х годов[29]. Интересно изменение названий рубрик, приуроченных к юбилею города. В 1987–1988 гг. в честь 370-летия

[29] Например, В. Белобородова, 24.05.1994; Л. Никонова, 23.06.1994; Л. Никонова, 02.08.1994, Л. Никонова, 23.08.1994; С. Тивяков, 06.07.1995; С. Тивяков, 09.11.1995; В. Паничкин, 27.04.1996; В. Валиулин, 23.01.2001; В. Валиулин, 25.01.2001.

Кузнецка действует рубрика *«К 370-летию города»*. Данный идеоним, благодаря указанию на возраст города и использованию апеллятива *город*, идеологически противопоставлен названию праздничной рубрики начала 1980-х гг. *«К 50-летию Новокузнецка»*, поскольку отражает новое осмысление истории города, возводимой уже не к началу Кузнецкстроя, а ко времени основания Кузнецкого острога в 1618 г. На страницах газеты разворачивается дискуссия об истинном дне рождения города. Спустя пять лет в названии праздничной рубрики газета обращается к идеониму *«К 375-летию Кузнецка»*, отразившему переход от этапа антитезиса, характерного для реформаторского духа эпохи перестройки, к этапу синтеза, делающему акцент на неразрывности связи времён и поколений, на нравственной ценности исторической памяти.

Особое место в воплощении исторической темы городской газетой занимают материалы, посвящённые истории семьи как части истории города и страны. В написании истории человека и семьи важны воспоминания горожан и огромный труд журналиста, стремящегося передать достоверную и целостную картину. Городская газета конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. убеждает читателя в необходимости знания родословной, в непреходящей роли семейных ценностей с помощью рубрик *«Семейная реликвия»*, *«Моя крепость»*, *«Семейный альбом»*. Приведём характеристику рубрики «Семейная реликвия», открытой 1 января 1988 г.: <…> *рубрика-поиск, рубрика-экспедиция – в прямом смысле этих слов. Мы обращаемся к читателям с просьбой: в свободное время перелистайте семейные альбомы, откройте папки с документами <…>. Старая фотография и газетная вырезка, Почётная грамота и нагрудный знак могут сказать иногда больше, чем страницы учебника истории, а в судьбах близких людей, в истории семьи можно услышать Время.* Открывшаяся в 1989 г. рубрика *«Город и горожане»* передаёт идею неразрывной связи судьбы человека и судьбы города. Истоки этой рубрики, по мысли её ведущей Татьяны Викторовны Шипиловой, связаны с рубрикой *«Автограф недели»*,

знакомящей читателя с горожанами, показывающей, как много рядом интересных людей. В «семейных» материалах «Кузнецкого рабочего» очень важны фотографии из семейных архивов (рис. 9).

Семейная реликвия

Сердце, не уволенное в запас

Рядом, на журнальном столике, были разложены бумаги, фотографии. И поверх всего — небольшая, с бахромящимися краями серая книжица. Такой знакомый и в то же время непривычный силуэт Ильича. Что это? Комсомольский билет?

«Иванов Иван Сергеевич, год рождения 1926, время вступления в ВЛКСМ — ноябрь 1944...» Два ордена, синий цвет бумаги и номер... Достаю свой комсомольский билет — разница почти на 50 миллионов.

Увидев мою заинтересованность, собеседник начал рассказывать:

— Весной 1944-го (наконец-

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№21701505

комнатой, как выпус
ную газету... Мои
сидели необыкновен
заинтересовались.
этого между нами у
ся такой хороший
что никаких пробл
мощниками больш
пытывал.

Я сравнил комс
билеты — ветеран
Конечно, «старич
пает новому и по
и по оформлени
самом-то главном
значимости — и
дошел до нашего
словно символ т
сейчас, уже с с
висках, остается
нему с горячим
ным комсомольс

Рис. 9. Фрагменты публикаций Л. Читинского (о В.А. Василько, 23.02.1988) и К. Яброва (об И.С. Иванове, 15.03.1988)

Газета конца XX в. прибегает к приёму параллельного изображения, актуализированному и в начале XXI в.: опубликованные фотографии позволяют читателю ощутить течение времени, сопоставив старую фотографию с современной (рис. 10).

Город и горожане

Афанасьевич плюс Афанасьевна

09/11/2013

Рис. 10. Фрагмент очерка об В.А. и С.А. Васькиных; снимки из семейного альбома (Т. Шипилова, 10.02.1989)

Инициатором и ведущим нескольких краеведческих рубрик стал Валерий Анатольевич Немиров. Для него важна идея запечатления истории города, сохранения памяти как основы культуры. «Кузнецкий рабочий» является участником краеведческого проекта, в который активно вовлекается и читатель. Так, В. Немиров делится своими мыслями о проекте запечатления истории города (городской репортаж «Дом моей памяти», 01.02.2003). В очерке о 2004 г. об одном из *старейших репортёрах города, фотолетописце Новокузнецка* Александре Фёдоровиче Санарове вновь

звучат мысли о необходимости сохранения памяти (В. Немиров, 31.07.2004). Название очерка «История города в фотографиях» практически совпадает с названием рубрики, открытой в 2009 г., – *«История города в фотографиях»*. Рубрика не только позволяет узнать, как выглядело определённое место в городе раньше, но и соотнести старое изображение с современной фотографией. Лейтмотив рубрики – «музейное» внимание к деталям истории города. Ведущий рубрики В. Немиров вовлекает читателей в интерактивный проект газеты. Неоднократно проводятся конкурсы, например конкурс «Отгадай, где это место». Вербальная часть материалов рубрики представляет собой текст, в котором соединяются описание метасобытия (информация о том, как удалось найти фотографии и информацию), исторические экскурсы, личные воспоминания и воспоминания других горожан, описательные фрагменты, размышления автора о связи прошлого и настоящего, о колорите города. Постоянной является апелляция к читателю, который может поделиться информацией об истории города (например: «Нет слов, чтобы выразить нашу благодарность», 04.07.2009; «Время непуганых пешеходов», 05.08.2012). Неоднократно звучат мысли, составляющие концептуальную основу рубрики «История города в фотографиях» («Внуки просят сохранить на память», 18.02.2010; «Время непуганых пешеходов», 05.08.2012; «Методом глубокой дедукции», 14.01.2012 и др.). Характерным для рубрики является связанный с мемориально-краеведческой функцией приём параллельного размещения старых и современных фотографий (рис. 11).

Рис. 11. Фотографии входа в Сад металлургов (снимки из архива В.П. Французова; В. Немиров, 18.12.2010).

Стремление запечатлеть жизнь города является концептуальным основанием для ставшей постоянной с 2010 года рубрики *«Прогулки по городу»*, которую ведёт В. Немиров. Отметим, что рубрика «Прогулки по городу» использовалась ещё в начале 1990-х гг. Она не была регулярной и включала только вербальную часть, представляющую собой субъективно окрашенный текст, передающий экскурсы в историю города, воспоминания и впечатления (например, В. Кунгурцев, 04.07.1992; Б. Николаев, 18.07.1992). Сопровождение вербальной части изобразительной органично для рубрики с таким названием, и оно появляется, например, в «Прогулке по городу», созданной фотокорреспондентом Валентином Николаевичем Волченковым (05.05.1994). «Прогулка…» представляет собой заметку, посвящённую проблеме «захламления» города рекламой и сопровождаемую фотографией, которая изображает «освобождение» заклеенного объявлениями столба. Выбор фотографии отражает традиции существующей в советском «Кузнецком рабочем» рубрики «Фотофакт». Позже появляется наполнение рубрики несколькими текстами (заметками и зарисовками), каждый из которых сопровождается фотографией (например, Е. Парамонова, 06.07.1996). В современную рубрику «Прогулки по городу» помещается цикл зарисовок, выдержанных в художественно-публицистическом стиле, каждой зарисовке соответствует фотография. Например: *Едва рассвело, сороки и вороны, живущие на Кузнецкстроевском, обнаружили на ветках карагача во дворе сорок второго дома большую серую сову. Видно, решил вздремнуть ночной хищник, застигнутый солнцем. Да не тут-то было!* (Немиров В. «Опасность объединяет?», 03.10.2009; фотография, сопровождающая текст, представлена на рис. 3 в Приложении 2).

В 2008 г. открывается рубрика *«История города в улицах-лицах»* (ведущая – Татьяна Александровна Эмих). Она продолжает традиции «Кузнецкого рабочего», в частности рубрики 1980-х гг. «Улица имени…». В текстах рубрики Т. Эмих раскрывается концептуальная роль годонимов, агоронимов и антропонимов, связанных с ономастическим пространством

города. Ключевой является мысль о бережном отношении к истории города и её деталям (например, о проезде Флеровского рассказывает материал «Петербургский гость», 04.10.2008; об улице имени Клары Цеткин – материал «Спасибо Кларе», 07.03.2009).

В 2009 г. открывается постоянная рубрика *«День в истории города»*, которую ведёт филолог Александр Эрвинович Шпрингер. Рубрика продолжает традиции хроник городской газеты второй половины 1990-х гг. Так, юбилею КМК посвящена «Хроника событий: с 1918 по 1932» (03.04.1997). В рамках рубрик, публикующих хронику из жизни города разных лет, формируется особая жанровая разновидность хроники, которая позволяет совершить своего рода путешествие во времени: составители хроники берут ограниченный интервал дат и представляют события, произошедшие в городе в разные годы. В представлении событий во второй половине 1990-х гг. используется обратный хронологический порядок, создающий эффект углубления в прошлое, например: «Новокузнецк. Хроника событий» (20.04.1996), «На этой неделе…» (составитель – Ф. Ступкин, 06.09.1997, 27.09.1997). К 380-летию города приурочены хроники «На этой неделе…», составленные краеведом Вячеславом Борисовичем Паничкиным. В их оформлении используется старинная печать города Кузнецка (06.12.1997, 20.12.1997, 07.02.1998, 14.02.1998 и др.). А.Э. Шпрингер обращается к прямому хронологическому порядку. Закономерно, что в настоящее время А.Э. Шпрингер ведёт также блог, посвящённый истории и интересным местам города (URL: http://nemologos.livejournal.com).

Историю рубрик «Городской репортаж» и «Городской дневник» рассмотрим в связи с характеристикой жанра городского дневника, отразившего специфику регионального медиадискурса.

Таким образом, в городской газете «Кузнецкий рабочий» существуют многочисленные рубрики, позволяющие реализовать мемориально-краеведческую функцию регионального медиадискурса. Для названий этих

рубрик характерна экспликация гипертемы города. Связанные с региональной идентификацией рубрики появились ещё до перестройки, но со второй половины 1980-х гг. обрели большее разнообразие и бóльшую значимость в городской газете. Усиление краеведческих доминант в региональном медиадискурсе и логика жанрово-стилистических изменений, произошедших в российском медиадискурсе конца XX в., проявились в таком феномене, как формирование особого жанра регионального медиадискурса – городского дневника.

3.2. Городской дневник как жанр регионального медиадискурса

Изучение жанров связано с аспектами, значимыми для анализа дискурса (см. модель речевого жанра: [Шмелева 1997]). И.Ю. Мясников обосновывает актуальность применения теории речевых жанров для выявления прагмалингвистических особенностей периодического издания [Мясников 2005]. А.А. Тертычный соотносит набор сущностных характеристик жанров периодической печати со «своеобразием предмета журналистики и способом отображения автором действительности» [Тертычный 2006, с. 4]. Л.М. Майданова, Л.Р. Дускаева определяют жанры публицистического стиля, опираясь на характеристику речевых жанров, данную М.М. Бахтиным, – как «определённые “относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы” (М.М. Бахтин) произведений, функционирующие в средствах массовой информации [Майданова, Дускаева 2003 (СЭС), с. 79]. Жанры гибки и пластичны [Бахтин 1979, с. 258], реагируют на изменение условий коммуникации, подвержены трансформации. Л.Р. Дускаева, характеризуя изменения в языке и стиле современных СМИ, акцентирует внимание и на изменениях в системе жанров: «В целом отмечается упразднение жанровых перегородок, происходит заметная эволюция системы жанров: одни жанры замещаются другими, некоторые трансформируются, третьи взаимодействуют и синтезируются» [Дускаева 2003 (СЭС), с. 671].

Возникновение жанра городского дневника связано с возрастанием в 90-е годы XX в. роли личностного начала в газетно-публицистическом тексте, с творческими поисками журналистов в области жанрового синкретизма и отражает специфику регионального медиадискурса.

Замысел художественно-публицистического жанра городского дневника начинает воплощаться в 1992 г. в материалах Татьяны Андреевны Негоды и обретает окончательную обработку в творчестве В.А. Немирова в 1999–2010 гг. Рассмотрим семантико-стилистические особенности жанра городского дневника, сформировавшегося в городской газете «Кузнецкий рабочий» к началу XXI вв.

Жанр городского дневника сложился в рамках одноимённой рубрики, которая появилась в городской газете в августе 2005 г., но история его началась с рубрики *«Городской репортаж»*, которая открылась в газете ещё в 1992 г. Издание в это время уже существует как независимая городская газета, которая традиционно играет важную роль в формировании сознания горожанина. В эпоху перемен эта роль усиливается и приобретает своеобразный колорит эпохи. По словам Я.Н. Засурского, «в 1991–1993 гг. журналистика пережила “золотой век” свободы <…>» [Засурский 2008б, с. 5]. Свобода проявилась и в жанрово-стилистических поисках журналистов. Перестройка определила специфику мемориально-краеведческой функции городской газеты: доперестроечные публикации были сосредоточены прежде всего на создании образа советского Новокузнецка, со времени перестройки образ города приобретает новые акценты, отсчёт его возраста ведётся уже не от времени строительства КМК, а от времени основания Кузнецка в 1618 г. Уходит необходимость в стандартной подаче информации, обязательной для советской городской газеты: сначала о событиях в стране и в мире, в конце (на четвёртой странице) – о событиях в городе. Газета становится «градоцентричной». Город в ней предстаёт в соответствии с традициями «золотого века» отечественного краеведения. Новая рубрика «Городской репортаж», открытая в 1992 г. и представленная на первой странице газеты,

отражает такую «градоцентричность». В период 1992–1994 гг. рубрика не является регулярной, в 1995–1998 гг. не выходит, в 1999 г. появляется серия публикаций В.А. Немирова, выдержанных в стиле данной рубрики, хотя название рубрики не используется, в 2000–2005 гг. рубрика возобновляется и становится регулярной (публикации выходят в субботних номерах газеты). Первым автором, пишущим тексты для рубрики «Городской репортаж», стала журналист Т.А. Негода, которая во многом определила стиль, характерный для современного городского дневника.

Изначальное название рубрики связано с такой важной «специализацией» автора-журналиста, как репортёр (лат. reportare – «передавать», «сообщать») (см. о «специализациях» автора журналиста: [Солганик 2006, с. 208–209]). «Задача любого репортёра заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое глазами очевидца <…>» [Тертычный 2006, с. 88]. Репортаж позволяет отразить жизнь города ярко и многоаспектно. Первые городские репортажи посвящены теме изменений в жизни города, связанных с перестройкой в стране. Например: *На улице Суворова некоторые преобразования – появились маленькие магазинчики, частные и арендные, в которых изобилие разномастного товара как-то склоняет изъясняться на «нерусском»* (Т. Негода, 23.04.1992). Именно образ города становится объединяющим началом для разнообразных городских репортажей, посвящённых изменениям в жизни современного города, в частности, такому новому социальному феномену, как бомж (Т. Минеева, 09.06.1992), проблеме роста цен и падения уровня жизни (Т. Шипилова, 10.09.1992), трудностям одиноких престарелых людей (Т. Шипилова, 26.06.1992) и жителей городских окраин (Т. Негода, 26.05.1992), возможностям летнего отдыха в городе (Т. Минеева, 02.06.1992), работе новокузнецкого аэропорта (Т. Шипилова, 08.07.1992), будням дезинфекционной станции (Т. Шипилова, 10.08.1992), деятельности цветоводческих центров (Т. Негода, 20.08.1992) и др. Журналисты дают читателю возможность лучше узнать жизнь города и

горожан, побывав на городских свалках (Т. Шипилова, 18.09.1992) и на выставке кошек (Т. Негода, 05.11.1992), в отделе социальной защиты (Т. Шипилова, 10.12.1992) и на фабрике «Запсибобувь», работающей по итальянской технологии (Т. Минеева, 15.01.1995), в городском транспорте (Т. Негода, 14.04.1994) и во многих других местах. В рамках рубрики постепенно складывается устойчивый набор тематических, композиционных и стилистических признаков, которые свидетельствуют о формировании жанра городского дневника.

Изначально материалы, помещаемые в рубрике «Городской репортаж», стилистически разнообразны. Они представляют художественную публицистику, для которой характерны «повышенная требовательность к языку, художественная образность, эмоциональная насыщенность текстов, глубина авторского обобщения действительности» [Тертычный 2006, с. 248]. На наш взгляд, наиболее близки к классическим репортажам тексты Т. Шипиловой. В целом опубликованные в рубрике «Городской репортаж» материалы не укладываются в жанровые рамки репортажа и основаны **на соединении трёх начал – собственно репортажного, очеркового и эссеистического.**

Репортажное начало городских репортажей связано с использованием метода наглядного изображения. Однако к городским репортажам нельзя применить следующую характеристику: «в репортаже наглядность несёт чисто информативную функцию, функцию сообщения о вполне конкретном событии, происшествии и пр.» [Тертычный 2006, с. 88–89]. В отличие от традиционных репортажей, городские репортажи «Кузнецкого рабочего» чаще всего не привязаны к определённому событию и его пространственно-временным характеристикам. **Очерковая составляющая** проявляется в соединении «репортажного (наглядно-образного) и исследовательского (аналитического) начала» [Тертычный 2006, с. 250]. Однако, в отличие от очерка, сфокусированного на определённом объекте изображения и исследования, городские репортажи охватывают различные объекты и

поэтому реализуют стиль зарисовок, связанных с таким гипертекстовым центром, как образ города. Свобода отражения мира внешнего и внутреннего в личностном рефлексивном потоке связана с **эссеистическим началом** городских репортажей. Согласно определению В.С. Муравьёва, эссе – «(франц. essai – «попытка», «проба», «очерк») прозаическое сочинение небольшого объёма в свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [ЛС, с. 516]. В.С. Муравьёв подчёркивает субъективную окрашенность эссе и определяет такие важнейшие черты эссеистического стиля, как «образность, афористичность и установка на разговорную интонацию и лексику» [Там же]. Эссе характеризуется исследователями как жанр, характерный для СМИ конца XX – начала XXI в. и отражающий «усиление личностной тенденции» в публицистическом общении [Дускаева 2003 (СЭС), с. 671]. Постепенно на основе соединения трёх начал – репортажного, очеркового и эссеистического – формируются черты особого жанра городского дневника, наиболее полно раскрывшиеся в работах В.А. Немирова. Эти воспроизводимые жанровые черты связаны с тематическим, композиционным и стилистическим единством публикуемых в рубрике материалов. Черта, определяющая жанровую специфику городского дневника, – его **«двувершинность»: семантико-стилистическое доминирование двух образов – образа автора и образа города** (термин «двувершинность» введён в рамках теории разговорной речи для характеристики интонационно расчленённых единиц [Земская 2004, с. 154]; в описании городского дневника используется метафорически).

Для текстов характерна субъективная окраска, стилистическая тональность доверительной беседы с читателем, в которой находят место и шутка, и ирония, и лирическая эмоция, создающая особую атмосферу исповедальности. В изложение включается и авторский метатекст (см. о нём: [Матвеева 1990, с. 93]), например: *Пристроившись у стола, я раскрываю*

свой блокнот. Людские судьбы здесь, как на ладони. В отдел социальной защиты при городской администрации от хорошей жизни не пойдут, гонит сюда людей горе, порой беспомощность в той ситуации, в которую ставят человека те или иные обстоятельства (Т. Шипилова, 24.12.1992). Текстообразующим становится образ журналиста, перемещающегося по городу и доверительно делящегося своими впечатлениями: *Ожидание злее некормленой болонки – оно гонит вас вдоль пыльного шоссе, заставляя заглядывать в полупустые магазины, рассматривая угрюмые лица прохожих, ища в них хотя бы тень улыбки, или же, окончательно утомив безвинно страдающие ноги, устремляет вас на близкий бульвар или в случайный двор, чтобы присесть на пока не заплёванную скамейку и выгнуть ступни в подъёме…* (Т. Негода, 15.05.1992).

Город представлен с помощью многочисленных топонимов и эргонимов, упоминания различных городских объектов. Эффект присутствия и атмосферность создаются благодаря эмпирической детализации и субъективации изложения, при этом авторы активно используют глаголы со значением перемещения в пространстве, например: *Специфический больничный запах… Он не выветривается из этих заведений. Поднимаюсь на второй этаж и попадаю в геронтологическое отделение, открывшееся в нашем городе несколько месяцев назад при городской больнице № 19….* (Т. Шипилова, 26.06.1992); *Ну вот и приехали. По щербатым ступеням поднимаемся к зарешёченным дверям отдела эвакуации, расположенного на первом этаже жилого здания в Куйбышеве. Решётки на окнах и на дверях появились недавно. После того, как неизвестные грабители унесли тщательно сберегаемые и бережно хранимые 20 литров спирта* (Т. Шипилова, 10.07.1992). В приведённом примере видна такая яркая особенность тематического развёртывания городских репортажей, связанная с сильной личностной окраской изложения и диалогичностью общения с читателем, как ассоциативные сдвиги тем, приводящие к введению

«попутной» информации, сближающее городские репортажи с разговорными текстами, что способствует усилению диалогичности изложения.

Диалогичность городских репортажей проявляется и в открытой апелляции к читателю: *Вы знаете, какой добрый человек каждую неделю кладёт цветы к постаментам ныне почитаемых и даже забытых памятников? Нет, вы не очень хорошо знаете этих людей, если не были в прошлое воскресенье на выставке цветов во Дворце культуры и техники КМК* (Т. Негода, 20.08.1992); *Когда добрый человек видит кошку, согласитесь, что первым его желанием бывает приласкать доверчивое животное. Но, право, у вас устала бы рука – столько разноцветных шёрсток вам пришлось бы погладить на городской выставке, устроенной клубом любителей коек «Ша-нуар»* (Т. Негода, 05.11.1992). Реализуя принцип диалогичности, Т. Негода экспериментирует с подписью (*Советы давала Т. Негода* – 14.04.1994) и композицией текста, в которую включает *постскриптум* – характерный элемент эпистолярного дискурса.

Эмпирическая детализация в городских репортажах создаётся не столько с помощью фактографического изложения, сколько благодаря художественно-образной конкретизации, основанной на субъективном преломлении фактов: *Муха села на варенье – так открывается у нас тёплый весенний сезон. Оттаяли помойки, буераки, реки, залежи и всё это придавало месяц назад ещё большее уныние улица и площадям* (Т. Негода, 30.04.1994).

Аналитическая составляющая городских репортажей передаётся с помощью эссеистического стиля. Гипертемы авторских размышлений в городских репортажах 1992–1994 гг. связаны с вопросами о сути перемен, происходящих в обществе, в городе, с человеком, например: *Дворец культуры строителей, где я коротаю время до назначенного интервью, уже выбросил белый флаг перед неприятелем – экономикой (в том его варианте, что сегодня правит бал) и решил заключить союз с предпринимательством. Впрочем, один ли он сдался на милость победителя? Городские Мельпомена*

с Терпсихорой пофыркали чуть-чуть, но брезгливо подвинулись. И вот в наших ДК, Дворцах и театрах появились торговцы. Бог с ними! Деньги «на культуру» способны дать пока только они. О, времена! О, нравы! (Т. Негода, 15.05.1992); *Удручающий ландшафт открывается жителям близлежащих домов. Ну да, мы привыкли… А иначе чем объяснить безразличие к нашему неухоженному красавцу-городу? А то, что он красив, мы всё-таки убеждаемся, вырвавшись в поездки в другие города. Красив он? Вот только сам пока об этом не догадывается* (Т. Шипилова, 18.09.1992). Противопоставление «своего» и «чужого» пространства нередко создаёт иронию: *Галопирующая инфляция и не поспевающая за ней заработная плата внесли коррективы в наше представление о том, как можно и как должно отдыхать. Южный берег Крыма, где мы покрывались золотисто-песочным загаром в застойные времена, стал так же недоступен для нас, как Атлантическое побережье Флориды или роскошные Багамские острова. <…> Так что придётся отпускнику обратить свой изголодавшийся по отдыху взор на то, что поближе да подешевле, например, на родные Тополь*ники *или Водную станцию* (Т. Минеева, 02.06.1992).

Разнообразны образы горожан, созданные авторами городских репортажей. Журналисты берут интервью, включают прямую и несобственно-прямую речь, рисуют словесные портреты, выразительность которых усиливается использованием фотографий. Приведём примеры словесных портретов отдельных людей и групп. Бомж Роман Усманов: *Роман Усманов – бомж. Ежедневно, если нет дождя, он сидит на углу проспекта Металлургов и улицы Кирова, рядом с одиннадцатиэтажкой. К обеду, насобирав Христа ради рублей 20, спешит в столовую, где покупает хлеб, какую-нибудь похлёбку и лапшу. Если тепло, выбирает куст поразвесистее и устраивается на ночлег, прохладно – идёт в свой колодец* (Т. Минеева, 09.06.1992). Старик-интеллигент, торгующий на рынке: *Однако поневоле задумаешься, когда на привокзальном рынке среди всеобщей толчеи увидишь и эту фигуру. Старик, явно из интеллигентов, в потрёпанном*

плаще с жалким видом продаёт огромную книгу: труд какого-то именитого учёного. Название книги весьма много значительное: «Условия человеческого существования» (Т. Шипилова, 10.09.1992). Журналисты создают словесные портреты пациентов геронтологического отделения (Т. Шипилова, 26.06.1992), пассажиров задерживаемого рейса (Т. Шипилова, 08.07.1992) и др. Мы слышим голоса многих людей, например, подающего милостыню человека, жителей городских окраин: *Бери, батя. Жизнь пройти – не поле перейти. Ну, не смог ты… Когда просишь: помилосердствуйте, я не пройду мимо, потому что посредством тебя Бог проверяет меня на человечность* (Т. Минеева, 09.06.1992); *И хотя привыкла окраина к различным притеснениям, но тут не стерпела. Люди мы или кто? Риторически вопрошали жители друг у друга* (Т. Негода, 26.05.1992). В одном из репортажей Т. Негода создаёт такой художественный образ, который в процессе восприятия текста читатель идентифицирует с конкретным человеком (возможно, с самим журналистом), но, завершив знакомство с материалом, адресат понимает, что перед ним была галерея обобщённых художественных образов пассажиров городского транспорта (Т. Негода, 14.04.1994).

Как уже отмечалось, в 1995–1998 гг. городские репортажи не выходят, а в 1999 г. появляется серия публикаций В. Немирова, продолжающих традиции рубрики «Городской репортаж», но не оформленных в отдельную рубрику. С 2000 г. рубрика «Городской репортаж» возобновилась и стала регулярной (материалы публикуются преимущественно по субботам). Основную часть текстов создаёт В. Немиров, хотя представлены и публикации других авторов[30]. Имя В. Немирова обладает особой значимостью в истории новокузнецких городских репортажей и городских дневников (с точки зрения и количества, и качества созданных им текстов). В 2000-е годы городской репортаж стал не просто текстом из

[30] Например: И. Ким, 12.02.2000; Т. Шипилова, 19.02.2000; 26.02.2000; 13.05.2000; 30.05.2000; 03.06.2000; 17.06.2000; 07.10.2000; 11.11.2000; 17.02.2001; 12.05.2001; М. Васильева, 20.05.2000; 16.06.2001.

соответствующей рубрики, а особым жанром во многом именно благодаря творческим исканиям В. Немирова.

«Валерий Немиров, человек, любящий свой труд и “свою газету”, работает в газете “Кузнецкий рабочий” <…> с 26 августа 1990 года, по его словам, – “чёртову кучу лет”. В месяц Валерий Анатольевич создает около 100 единиц материала и печатается под многочисленными псевдонимами (Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Пека Дементьев, Калина Гречанинов, Добрыня Обломович, Никита Потогонов и др.). “Вольный стрелок”, “в каждой бочке затычка” – так он шутливо называет себя, являясь автором многих рубрик: “Городской дневник”, “Фотография”, “Спорт”, “Мой город”, “Краеведение”, “Окно в природу”. При чтении его статей мы воспринимаем автора как человека любознательного, остро чувствующего красоту мира и нравственные проблемы.

“Мне хочется писать, мне интересно всё, я хочу понять и узнать, а потом интересно об этом рассказать. Но не учить и не назидать!” – сказал журналист в интервью. Любой материал В. Немиров “пропускает через себя” <…>. По мнению В. Немирова, “журналист должен в немногих словах сказать очень много – это дар”» (в 2006 г. студентка факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии Т.С. Пантыкина, исследуя стиль произведений В.А. Немирова, взяла у журналиста интервью: [Пантыкина 2006, с. 297]). В городских репортажах соединились любовь к родному городу и журналистское мастерство – умение видеть факт в контексте социальной оценки и воплотить своё ви́дение в тексте. Сам В. Немиров определяет репортаж как «родной жанр» [Пантыкина 2006, с. 298].

Публикации В. Немирова 1999 г., продолжающие традиции рубрики «Городской репортаж», отражают связь с определённым событием в жизни города – юбилей цирка (15.07.1999), реконструкция Спасо-Преображенского собора (07.08.1999), ожидание конца света 11 августа 1999 г. (14.08.1999) – или содержат размышления о жизни города (например, 17.08.1999).

В городских репортажах 2000-х гг. круг тем чрезвычайно широк и разнообразен, но плодотворная работа журналистов в этой рубрике приводит к «шлифовке» отличительных признаков, в том числе тематических, городского дневника как жанра.

Во-первых, это не только связь с гипертекстовым образом города, но и постоянная экспликация его в текстах городских репортажей: *А стоит ли так уродовать лицо своей фирмы, лицо своего – любимого – города? В Новокузнецке практически нет ни одного «санкционированного» рекламного щита!* (И. Ким, 12.02.2000); *А если серьёзно, то город заметно преображается, становится чище, опрятнее. То там, то здесь целые батальоны красножилетных дам с мётлами ликвидируют залежи зимней грязи и осенних листьев* (В. Немиров, 15.04.2000); *Так что город у нас не только трудовой, но и боевой славы. Город, несколько веков оборонявший рубежи Отечества* (В. Немиров, 22.04.2000); *Город сегодня стоит на распутье – куда пойдём, что будем делать, как будем жить? И потому нам всем очёчки-то зелёные лучше снять и посмотреть на дела наши строго и внимательно. Пока не поздно. Хотя, наверное, поздно…* (В. Немиров, 08.12.2001).

Сквозная роль принадлежит темам ономастического пространства города и городской архитектуры: *К слову, я по невежеству чуть было не назвал улицу старейшей в городе. Наверное, это было бы неточно – есть ещё и Водопадная, где располагается сегодня дом купца Фонарёва* (В. Немиров, 03.02.2001); *Комплекс вокруг ВД-30 начали строить в середине войны и закончили в 46-м году. Он был настолько хорош, что сам Евгений Андреевич Ощепков, исследователь и знаток деревянного зодчества Сибири, привёл в пример в одной из своих работ* (В. Немиров, 24.02.2001).

Во-вторых, для городских репортажей характерна ключевая роль темы исторической памяти, преемственности поколений. Так, одной из значимых для В. Немирова тем является тема памятников: *Мы гордо именуем свой город одним из индустриальных центров России. И нам действительно*

есть, чем гордиться. Но вот вопрос: почему так мало на улицах памятников людям труда? Тем, чьи имена мы, вроде, помним, кому город обязан. Строго говоря, памятник один – Егору Дроздецкому (В. Немиров, 04.03.2000); *На прошедшей неделе мир отпраздновал День памятников и исторических мест. Таковые и в нашем городе с его богатой историей, хоть и не в том количестве, как могло быть, но имеются. Наверное (я надеюсь) вам понятно, какой смысл вкладывается в сожаление «как могло быть» – многое в иные времена утрачено бездарно и неразумно, да и ныне состояние отдельных памятников истории оставляет желать лучшего. И отношение к ним – тоже…* (В. Немиров, 22.04.2000). Тема исторической памяти связана и с образом городской газеты, являющейся неотъемлемой частью города: *Это уникальное инженерное сооружение, параметры которого в стилистике тех лет приводит газета «Большевистская сталь» от 9 декабря 1932 года: имеет в длину 540 метров, ширину 10, на строительстве тоннеля вынуто 180 тысяч кубов земли, уложено 13 тысяч кубов бетона и железобетона, засыпано 6 тысяч кубов гравия и 62 тысячи кубов земли. Тоннель пересекает 25 железнодорожных путей и две шоссейные дороги, построено 16 мостов. Словом, арифметика трудового подвига, за которым почти не видно человека, его совершившего* (В. Немиров, 17.03.2001). Тема исторической памяти в материалах В. Немирова акцентирована с помощью креолизации текстов. Например, в репортаж о пчеловодах Николае и Викторе Чинченковых включён фрагмент из «Кузнецкой летописи» И.С. Конюхова, выделенный рамкой и шрифтом (В. Немиров, 06.05.2000; см. рис. 4 в Приложении 2). Отметим значимость невербальной составляющей городских репортажей. Чаще всего это фотографии, сделанные В. Волченковым и Я. Беляевым, но в отдельных случаях используются другие виды изображения. Например, изобразительная часть репортажа «О чём мы помним и что уже забыли» включает не только фотографии памятных мест города, но и изображение старинной карты (В. Немиров, 22.04.2000; см. рис. 12).

Городской репортаж

О чём мы помним и что уже забыли

Валерий Немиров.
Валентин Волченков (фото)

На прошедшей неделе мир отпраздновал День памятников и исторических мест. Таковые и в нашем городе с его богатой историей, хоть и не в том количестве, как могло быть, но имеются. Наверное (я надеюсь) вам понятно, какой смысл

И так далее с разными версиями на

вочка почти уверена, что был он прези-

сибирским городам прошла паника: на наших границах концентрируется китайская армия. Вели маньчжуры себя вызывающе, требуя у России Сибирь по Тобол. Стычки на границах случались постоянно и разве что чудом не переросли в войну. В этих условиях спешно возводилась Кузнецко-Колыванская оборонительная линия, заключавшаяся с обеих сторон Кузнецкой и Усть-Каменогорской крепостями. Так что город у нас не только трудовой, но и боевой славы. Го-

Рис. 12. Фрагмент городского репортажа (В. Немиров, 22.04.2000)

В-третьих, тематическим признаком городских репортажей становится выраженная тема автора, которая представлена как акценты на собственном мнении, личных впечатлениях или как метатекст, представляющий метасобытие создания материала либо вводящий автопсихологическую линию текста: *Мне, к примеру, очень глянется новый (старый) городской герб, который часто виден в витринах магазинов. Тот, где скачет белый конь в верхней его половине – от Томской губернии, а в нижней изображена кузница – наш кузнецкий: город металлургов и всё такое* (В. Немиров, 06.10.2001); *Сначала мы сформулировали идею материала: «Двор как продолжение квартиры». И, подумав, ужаснулись: если такие дворы, то какие же квартиры?! И дальше: а если такие квартиры, то что же за люди в них живут, помня о том, что жилище как бы должно соответствовать человеку, отражать его внутреннее состояние?! Неужели это мы с вами? Впрочем, наверное, не всё так уж и плохо* (В. Немиров, 08.07.2000).

Целостная концептуальная основа городских репортажей обретает органичное композиционное и стилистическое воплощение, благодаря чему соединяются репортажное, очерковое и эссеистическое начала. Стилистической доминантой городских репортажей является субъективированное изложение, в котором представление фактов и событий из жизни города соединяется с личными впечатлениями и мыслями автора. Авторское начало проявляется не только в отборе и порядке подачи информации, но и в таких характерных особенностях стиля, как ассоциативные сдвиги тем, авторский метатекст, эмоционально-

экспрессивная насыщенность, например: *Торжество состоится 22 июля, но строго говоря (хотя какие могут быть строгости в такой радостный момент), открытие цирка – первое представление – состоялось 30 апреля 1974 года* (о юбилее цирка, 15.07.1999); *Утром 11 августа маме позвонила подруга: «Никуда не выходи, в окно не смотри, лежи, скрестив руки…» <…> Старшая дочь воспользовалась советом и дрыхла до обеда. Младшая – что с ребёнка возьмёшь? – заверещала: «Хочу на улицу. А то я прокисла, как кислое молоко!»* (14.08.1999).

Эксперименты В. Немирова в области композиции продолжают традиции городских репортажей Т. Негоды: в материалах 2000-х гг. неоднократно используется постскриптум, отражающий диалогическую установку автора, информационную объемность текста, принцип ассоциативного нанизывания тем (например: В. Немиров, 22.04.2000; 22.07.2000; 28.04.2001). В композиции репортажа о страшных изменениях в обществе, о людях, которых не выбрала «птица счастья», впервые реализован принцип фрагментарности, оформившийся позже в городских дневниках и значимый для фиксации ассоциативной гирлянды зарисовок, впечатлений, размышлений, на которой основан городской репортаж: жирным шрифтом выделяется первая буква каждой из восьми частей. Все зарисовки создают удручающее впечатление, например – начало первого фрагмента: *Вид у неё, конечно, я тебе дам: поношенное, давно не стиранное тряпьё, в руках что-то вроде плетёной корзинки, в которой одиноко мотыляется горлышко пивной бутылки. И лицо – не передать словами.* Эмоционально-смысловой итог подводится в заключительной части репортажа: *Не может быть справедливости на одной чаше весов жизни, если её нет на другой. Вчера начали отключать электричество, везде – без разбору. В больницах, в роддомах. Гибнут люди. Все мы в этой стране немножко бомжи. Но, кажется, всем плевать. Что-то такое с ними случилось…* (09.09.2000).

Реализация мемориально-краеведческой функции в городских репортажах В. Немирова связана с особой стилистической нагрузкой имён

собственных. Для журналиста характерно внимание к ономастическому пространству города. Это проявляется в том, что в употреблении топонимов важны приём параллельного изображения прошлого и настоящего города, метаязыковая рефлексия, например: *Скоро – быть может, к 19 августа, празднику Преображения Господня – засияют золотом «луковки» куполов Преображенского собора, расположенного по иронии судьбы на площади, именуемой Советской* (07.08.1999); *Вообще райончик странный и призрачный какой-то. Как улица Ленинградская и площадь Советская. На Ленинградской (это в порядке издёвки?) ни одного стоящего здания. Советская, бывшая и ставшая Базарной, словно бы уже сама себя стесняется шизофреническим раздвоением личности* (В. Немиров, 03.11.2001). Важная роль топонимов – служить средством сравнения своего и другого, причём сравнение может быть с разными «знаками»: *Надо отметить в качестве отступления, что с цирком Новокузнецку вообще повезло. Такие крупные областные центры, как, к примеру, Томск, Хабаровск, Барнаул, Чита (можно продолжить) стационарных цирков не имеют. А тут – красавец, пусть и типовой, на радость ребятне и взрослым всего юга Кузбасса* (15.07.1999); *Но люди по большому счёту живут сегодняшним днём. И видят: улицы сегодня стали чище, дома опрятнее, дороги значительно лучше, город уютнее, особенно если посмотреть через призму пивной бутылки из-под навеса летнего кафе – чисто Париж* (17.08.1999); *По моей, считайте, версии, есть города-лидеры и города-аутсайдеры. <…> У нас, правда, была своя «фишка»: мы-то супротив Щегловки ого-го какие – у нас-то всего столько производится, что… Словом, была у нас собственная гордость. Теперь же из-под нас выбивают и этот «табурет»* (В. Немиров, 08.12.2001).

Ведущую роль в текстах В. Немирова играют антропонимы, отражающие краеведческую направленность материалов: *Первым директором цирка был назначен Юрий Самуилович Шелков. Ох, как он мечтал встретить двадцатипятилетие своего детища! Жаль, не дожил.*

Его заслуг в формировании и становлении коллектива организации дела, умалить невозможно (15.07.1999); <…> *досоветский настоятель храма был красными бандитами повешен, а сам храм подвергся надругательству. Кстати, фамилия того настоятеля была Минералов. Его внук Юрий – ныне серьёзный учёный – периодически приезжает в родной город* (07.08.1999); *Около 200 лет назад, по сведениям И.С. Конюхова, в Кузнецк завезены первые пчёлы* (06.05.2000). Другая группа антропонимов городских репортажей В.А. Немирова связана с важной ролью авторского метатекста и ассоциативных сдвигов тем, например: *Такова версия Владимира Высоцкого. Поверим поэту: так бы хотелось, чтобы Бог вспоминал о нас почаще* (07.09.1999). Наблюдается и соединение краеведческой направленности в употреблении онимов с ассоциативными сдвигами тем, например: *Вспоминаю давний разговор с известным историком Юрием ШирInЫм. Речь шла о том, что люди селились здесь давно. Хорошее место, но как бы вдали от торных путей цивилизации. Потому поживут-поживут да двинут в края более подходящие для жизни. Для жизни, которая не просто промежуток между рождением и смертью (собором и крематорием), а немного всё-таки больше* (В. Немиров, 03.11.2001). Умение создавать типизированные, но яркие характеристики проявляется в использовании антономасии: *Внешне – вроде Европа, брат мусью, а приглядишься – всё тот же дядя Фёдор* (17.08.1999).

Синтез репортажного, очеркового и эссеистического начал на основе сильной субъективации изложения и связи с гипертекстовым центром – образом города – это те черты, которые нашли органичное отражение в новом названии рубрики, появившемся в газете 6 августа 2005 г. – *«Городской дневник»*. Это не просто название рубрики, а удачное жанровое имя, максимально точно отразившее устойчивый комплекс тематических, композиционных и стилистических признаков текстов, опубликованных в рубрике «Городской репортаж» (см. о жанре городского дневника: [Пушкарева 2012а, 2012б, 2012в]).

Как отмечает Е.И. Калинина, анализирующая внутрижанровое пространство гипержанра «дневник», «главное функциональное назначение личных дневников непосредственно связано с процессами становления человеческой субъективности, чем и объясняется широкое распространение практики ведения личного дневника в эпоху гуманизма» [Калинина 2012, с. 9]. Изменение названия рубрики свидетельствует о доминантах авторской интенции: сосредоточить внимание не столько на объективном плане изображения (жизнь города), сколько на субъективном преломлении, на личностном впечатлении от происходящего в городе. В.Н. Шикин характеризует черты дневника как внелитературного жанра: «предельная искренность, откровенность высказывания; это всегда – фиксация “только что” случившегося и прочувствованного»; «дневник в то же время включает и общезначимые суждения о мире, вырастающие из размышлений над проблемами собственного бытия» [ЛС, с. 98], – и указывает на то, что именно они и определили востребованность дневника в литературе. Согласно характеристике Е.И. Калининой, «жанром-прототипом в гипержанре “дневник” выступает личный (интимный) дневник, представляющий собой полиинтенциональный автокоммуникативный речевой жанр, имеющий целью конструирование Я-образа и выполняющий функцию становления человеческой субъективности» [Калинина 2012, с. 6]. По словам В. Немирова, дневник – «это то личное, что сам пишешь; понимание многих вещей должно сначала пройти через себя» [Пантыкина 2006, с. 298]. Городские дневники В. Немирова, по сути, представляют собой печатный вариант блога, связанного с феноменом «публичной интимности» [Кронгауз 2009], и созвучны духу времени.

Городской дневник В. Немирова – персональный текст, отражающий авторские впечатления о жизни города за неделю (номер с городским дневником выходит в субботу). Начиная со второго городского дневника (13.08.2005) обретает стилистическое воплощение важнейший композиционный принцип городского дневника, позволяющий передать

ассоциативную «гирлянду» зарисовок автора, – **фрагментарность**. Тексты В. Немирова включают от 3 до 8 (чаще 5–6) фрагментов, отделённых друг от друга графически (знаком «звёздочки»). Тематически эти фрагменты соотнесены как с действительностью, так и с миром мыслей и чувств автора, который является превалирующим. Изображение в дневнике не стремится к объективности и сопряжено с образом неравнодушного автора, делящегося с читателем своими мыслями и чувствами. С помощью изобразительно-выразительных средств, насыщающих текст, усиливается акцент на роли образа автора, подчёркивается яркость его впечатлений: *Вчера, ожидая на остановке простуженный до последней шестерёнки трамвай, я вспомнил этот разговор и принялся наблюдать за проезжающими машинами, точнее, за дымами из выхлопных труб. И правда – вьются, как поросячьи хвосты. Даже потеплело на душе* («И дым поросячьим хвостиком», 14.02.2009).

Смысловое развёртывание текстов В. Немирова обладает ярко выраженной **диалогичностью,** являющейся отражением как автокоммуникации, так и обращённости к читателю. Эта черта соответствует жанровым характеристикам дневника: «монологичное слово автора дневника может быть и внутренне диалогичным, с неявной “оглядкой” на мнение другого о мире и о самом себе» [ЛС, с. 98]. **Эмоционально-смысловое единство** фрагментов городского дневника предопределено авторским ви́дением и отражается в заголовке, в стилевом единстве текста, в использовании когезивных средств. Ведущим в организации смыслового развёртывания дневника становится **принцип ассоциативного нанизывания микротем**. Например: *Обратил внимание на дом на Мурманской**.** Просто служил в Мурманске (с ударением на втором слоге). Интересный дом: обошёл – все окна первого этажа заложены кирпичом. Не дом – крепость. И что же там будет, что так замуровались?!* Это завершающий фрагмент материала «Бабушка и кошки» (24.11.2007), в котором средством ассоциативной интеграции становятся созвучные слова. Характерно, что нередко ассоциативные переходы между фрагментами

подчёркнуты вводными конструкциями *кстати* и *к слову*, «указывающими на связь мыслей, последовательность их изложения» [Розенталь 2005, с. 206].

Для интеграции фрагментов важен **принцип обозначения ассоциативно-смысловых доминант,** которые актуализированы повторами и структурами дедуктивного или индуктивного типа. В. Немиров использует различные позиционные разновидности повтора. Повторы как включены в отдельные фрагменты, так и значимы в организации их ассоциативно-смысловой связи: предметной, эмоциональной, образной, концептуальной. Эмоциональная соотнесённость фрагментов текста становится ведущей в дневниках В. Немирова: она может быть самостоятельной или сопровождать другие виды связи. Например, эмоциональная связь использована в материале «Битва за яйца» (26.04.2008): *Может, народ морально готов к тому, что дешевле уже не будет?* (конец фрагмента); *Удручающая картина с проспекта Металлургов. На трамвайных остановках в страхе за свою жизнь жмутся старики и прочие пассажиры* (начало следующего фрагмента). В дневнике «Хрен редьки не слаще» (27.10.2007) с помощью анадиплозиса актуализирована предметно-эмоциональная соотнесённость: *Тут работы на час, если, конечно, за неё взяться* (конец фрагмента, посвящённого ремонту *мосточка через теплотрассу*); *За работу взялись у школы номер двадцать шесть. Отрыли вдоль фасада длинный котлован* (начало следующего фрагмента). В дневнике «Чего о себе мы ещё не знаем?» (03.09.2005) с помощью эпифоры подчёркнута концептуальная соотнесённость двух соседних абзацев, причём в контексте важна эмоциональная окраска: *<…> я всё думал, что же такого Фёдор Иванович разгадал в словах «русский» и «Россия»?*; *И что его возвращает сюда – оставшиеся родственники, ностальгия по пережитому в стране по имени Россия?*

Наиболее ярким проявлением ассоциативной соотнесённости фрагментов в художественной публицистике является их образная связь, примеры которой мы находим в работах В. Немирова: *И скоро ветер задует*

последнюю свечу (об осени – конец фрагмента; «И тема угадана», 03.10.2010); *Вчера-позавчера отметили девять дней со дня ухода путешественника Якова Корсунского, архитектора Евгения Авдеева и нашего коллеги Сергея Чугуряна* (начало следующего фрагмента). Так, пример повтора образа представлен в материале «Предновогодние сказки» (28.11.2009). Здесь используется кольцевая композиция: *Намедни купили россыпь мелких – в аккурат с детскую ладошку – мандаринов. И вдруг пахнуло Новым годом* (начало текста); *На днях господа Грызлов и Лужков, сообщают наши коллеги, озаботились, чем занять жителей Средней Азии. Решили, что лучше земледелием – опять же мандарины дешевле на праздник. И для этого предложили… завернуть Обь и Иртыш в тамошние пустыни. И это – не дурной анекдот* (конец текста). Образ мандаринов включён, с одной стороны, в сказочную атмосферу детского ожидания Нового года, а с другой, – в контекст реальных (по факту), но ирреальных (по сущности) заявлений известных представителей властных структур.

Дедуктивно-индуктивная организация используется в отдельных фрагментах и выделенных в них абзацах. Рамочный абзац (см. о видах абзацев: [Валгина 2003, с. 62–66]) представлен, например, в материале «Весенняя лихорадка в стадии обострения» (17.03.2007), который открывается сегментацией (обозначенная гипертема сначала раскрывается обобщённо, затем конкретизируется в виде ассоциативного «веера», а в конце вновь обобщается): *Весенняя лихорадка. Время короткое и тревожное, как сон алкоголика. И потому почти невыносимое. Струпья грязного снега. Скарлатина плывущей, мерцающей, слепящей отражениями солнца в лужах оттепели. Грипп мокрой жижи под ногами. Словом, какое-то весеннее сумасшествие.* Задаются два плана изображения – объективный и субъективный: объективный связан с описанием изменения мира ранней весной, а субъективный – с отражением впечатлений журналиста. Согласно законам дневника, доминирует именно субъективный план, выраженный в каждом предложении абзаца. Эффект «потока сознания» создаётся благодаря

особенностям структурного и смыслового развёртывания. В структурном развёртывании важны «рубленые» фразы, парцелляция. В развёртывании дневника, как уже отмечалось, значимы ассоциативно-смысловые доминанты. Такой доминантой рассматриваемого абзаца является образ болезни, эксплицированный лексическими средствами: *лихорадка, алкоголик, струпья, скарлатина, грипп, сумасшествие*, – соположенными в речевом развёртывании благодаря одноструктурности фраз, построенных по принципу генитивных метафор, в которые включены усилительные эпитеты. Причём в ряду характеристик болезненности состояния подчёркивается психологическая окраска: *тревожное, невыносимое, сумасшествие*. Значима изобразительно-эмотивная роль эпитетов, которые включаются в бессоюзные ряды, что усиливает экспрессию. Отметим и важную роль звукописи: аллитерация шипящих и свистящих создаёт образ весеннего шума. Подобная звуковая организация использована в тексте и далее: *Грязный снег щетинится застругами, он какой-то чешуистый*.

Индуктивные структуры завершаются выводами автора, которые либо открыто выражают его мысль, либо наталкивают на неё читателя. Например, в материале «Время остановившейся работы» (17.01.2009) дана зарисовка из жизни города: молодой человек просит у прохожих деньги. Затем звучит пейоративная оценка автора: *В этом есть какая-то ненормальность, честное слово. Впрочем, этак-то придётся говорить о ненормальности нашей жизни вообще.* В материале «Пятница, тринадцатое…» (14.11.2009). Первая часть резюмируется: *Короче, день прямо с утра репутацию свою оправдал вполне*; авторское присутствие выражено вводным словом и репрезентированной оценкой. В материале «Скоро осень. Бомжи надели шапки» (25.08.2007) журналист, используя в конце структуры индуктивного типа анафорическое указательное местоимение, предлагает читателю выводы сделать самому: *Такая вот форма обслуживания.*

Таким образом, в содержательном плане для городского дневника важны отражение концепта «Малая родина», значимого для регионального

медиадискурса, и творческая индивидуальность автора. В композиционной организации городского дневника принцип ассоциативного нанизывания микротем сосуществует с принципом актуализации ассоциативно-смысловых доминант, интегрирующих фрагменты текста. Именно в городских дневниках, реализующих жанровый синкретизм как форму проявления творческого начала автора, наиболее ярко раскрылась манера художественно-публицистического письма В. Немирова. Отметим, что в последние годы (с 2011 г.) городские дневники пишут другие журналисты (С. Штиль, А. Ночка, В. Глебова, Д. Черский, Е. Веселова и др.). И эти тексты не вполне соответствуют жанровым признакам городского дневника, сформировавшимся к началу XXI в. В них сохраняется лишь композиционная форма прежнего городского дневника: соединение в субботнем номере газеты нескольких фрагментов, разделённых знаком «звёздочки». Фрагменты передают информацию о событиях в жизни города в соответствии с законами не художественной, а информационной публицистики, в стиле хроники и заметки. Из городского дневника исчезает его важное интегрирующее начало – эксплицированный образ автора. В результате применительно к «Кузнецкому рабочему» последних лет, на наш взгляд, можно говорить лишь о рубрике «Городской дневник», а не о жанре городского дневника. В творчестве В. Немирова черты жанра городского дневника в редуцированном виде перешли в рубрику *«Прогулки по городу»*. Редуцированность связана со своеобразием «Прогулок…» – креолизованного текста, в котором фотография сопровождается лаконичным вербальным комментарием, что существенно снижает аналитизм, рефлексивность, словесную изобразительность, изначально присущие городскому дневнику, но сохраняет важную роль содержательно-подтекстовой информации.

Феномен жанра городского дневника очень важен для изучения регионального медиадискурса в рамках коммуникативной стилистики публицистического текста.

3.3. Дискурсивно-стилистическая репрезентация идеологемы *город-сад*

3.3.1. Общая характеристика идеологемы *город-сад*

В городской газете ведущей гипертемой является город. Д.С. Лихачёв оценивает значимость и справедливость краеведческого подхода И.М. Гревса, согласно которому изучение «души» города является необходимым этапом «родиноведения» [Лихачев 1991, с. 142]. К исследованию «души» города приобщается и современная лингвистика, изучающая различные дискурсивные практики. Например, результаты исследования концепта «Город Томск» как «доминанты регионального самосознания» отражены в работах И.И. Бабенко, Л.И. Ермоленкиной, И.В. Никиенко (см.: [Актуальный срез региональной картины мира 2011]). Изучение концепта «Город Новокузнецк» в лингвистических исследованиях пока не представлено, однако культурологическое осмысление образа города Новокузнецка связано с работами И.П. Басалаевой (Рещиковой). В частности, исследователь рассматривает символико-мифологические компоненты первого метаописания г. Сталинска [Рещикова 2006]. Для характеристики ведущей гипертемы городской газеты представляется важным обращение к соотнесённым с ней идеологемам.

В данном разделе рассмотрена динамика регионально маркированной идеологемы *город-сад* на материале текстов, в которых содержатся имя существительное *город*, сопровождаемое приложением-эпитетом *сад*, или упоминание стихотворения В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929). Отобранный материал отражает период в истории нашей страны, охватывающий доперестроечное время (1980–1985 гг.), эпоху перестройки (1985–1991 гг. [Согрин 1992]) и послеперестроечное время. Общественно-политические изменения в жизни страны, произошедшие в этот период, повлияли на духовную жизнь общества, возможность проследить за динамикой которой предоставляет, в частности, медиадискурс.

Результаты анкетирования новокузнецких студентов и школьников (см. Приложение 3) показали, что в коллективном сознании молодых горожан существует достаточно сильная связь Новокузнецка с именем В.В. Маяковского, воплотившего образ города-сада в стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929). Образ города-сада играет ключевую роль в звучании гипертемы города в газете «Кузнецкий рабочий». Данное метафорическое выражение является репрезентантом регионально маркированной идеологемы, которая имеет яркий культурный прототип. Мифологический слой идеологемы *город-сад* связан с темой рая как «места вечного блаженства», разрабатываемой в трёх основных направлениях: рай как сад; рай как город; рай как небеса [МНМ, т. 2, с. 363–364]. С.С. Аверинцев говорит о том, что «секуляризация темы рая как города вела к идеализированному образу общества и цивилизации, т.е. к идеологии утопии (урбанистические фантазии, начиная с позднего Возрождения; «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Христианополис» И.В. Андрэе, где связь с новозаветным прототипом особенно очевидна и т. п.)» [Там же, с. 265][31]. Формирование идеологемы *город-сад* связано с концепций социалистов-утопистов (Э. Хоуард (Говард), В. Дадонов), с проектировкой и строительством городов-садов (дореволюционный проект КОПИКУЗа, проект томского инженера П.А. Парамонова, Кузнецкстрой).

В советском медиадискурсе идеологема *город-сад* конкретизирует идеологему *светлое будущее (строителей коммунизма)*. Её региональная маркированность связана с концепцией и реалиями Кузнецкстроя. Доминантная часть ментального и стилистического компонентов идеологемы *город-сад* советского периода определилась благодаря стихотворению В.В. Маяковского. В рамках тоталитарного языка *город-сад* – гармоничное воплощение в Кузнецкстрое грандиозных идей советского строительства и

[31] Русская литература разрабатывает образ прекрасного города с древнерусского периода (например, игумен Даниил об Иерусалиме: *виждь же град, величеством сияющ*) до произведений XX в. (например, М.И. Цветаева: *Сплю – и с каждым батрацким днём / Твёрже в памяти благодарной, / Что когда-нибудь отдохнём / В верхнем городе Леонардо*; А.Г. Волохонский: *Над небом голубым / Есть город золотой / С прозрачными воротами и яркою стеной…*).

успешного развития промышленности, благоустроенное место, где счастлив человек труда в обществе социальной справедливости. «В семантике сталинского города-сада как земного рая актуализирована его предназначенность для “последних” (“новых”, лучших, совершенных, избранных) людей» [Басалаева (Рещикова) 2013, с. 183]. Эти мысли воплощаются в газетных текстах средствами с торжественной стилистической окраской, формулами рапортов о новых победах и воодушевляющих лозунгов-призывов.

С наступлением перестройки идеологема *светлое будущее (строителей коммунизма)* становится историзмом (см. об идеологемах-историзмах: [Малышева 2009, с. 38–39]), идеологема *город-сад* теряет свою надрегиональную значимость, её ментальные и стилистические компоненты подвергаются диверсификации (о динамике употребительности образа *города-сада* в газетных заголовках 1980–2014 гг. см. рис. 13).

Рис. 13. График употребительности образа города-сада в газетных заголовках 1980–2014 гг. (показатель употребительности – среднее арифметическое количества заголовков за один год рассматриваемого периода)

Связанный с диверсификацией этап жизненного цикла медиаконцепта описывает О.В. Орлова: «Институциональное официальное идеологически выверенное высокое значение сначала подвергается в коллективном языковом сознании диверсификации в форме профанации и гротескового снижения, а затем требует для своего включения в тексты некомического, серьёзного характера особых модальных маркеров эвиденциальности как показателей “эпистемического ручательства” (И.Ю. Шестухина)» [Орлова

2012б, с. 21]. В проблемных аналитических материалах, включающих иронию и языковую игру, обсуждаются причины, по которым мечта о городе-саде осталась неосуществлённой, и перспективы превращения экологически неблагоприятного *моногорода*, *города-универсама*, *города-сталкера*, *города-ада* – в *город-сад*. Медиапространство поздних этапов перестройки и послеперестроечного периода отличается разнообразием точек зрения, активностью дискуссий. Однако и в этом неспокойном пространстве обнажения проблем и их обсуждения в городской газете «Кузнецкий рабочий» есть аксиологические константы: мелиоративная оценка неизменно связана с темой благодарной памяти о невыносимом и прекрасном, по выражению И.Г. Эренбурга, времени Кузнецкстроя, о трудовом героизме металлургов, шахтеров и других новокузнечан, которые строили город-сад. Идеологема *город-сад* помогает реализовать мемориально-краеведческую функцию не только в материалах исторической тематики. Положительный аксиологический модус (см. об этом: [Малышева 209, с. 37]) идеологемы *город-сад* является контрастной основой для описания реального Новокузнецка и его проблем: в этом смысле мечта кузнецкстроевцев является укором современникам, которые несут ответственность за несоответствие реальности той прекрасной мечте. Динамика использования образа города-сада в газетных заголовках свидетельствует о том, что в связи с перестройкой не происходит деактуализация идеологемы *город-сад*: информационно-оценочное изменение контекстов, определяющих ментальную и стилистическую составляющие идеологемы, практически не повлияло на степень употребительности ключевого образа в заголовках; снижение актуальности идеологемы в медиапространстве характерно для 2000-х гг., для периода, когда актуализируется идеологема с отрицательным аксиологическим модусом *моногород* (о динамике частотности слова *моногород* см. табл. 2 Приложения 4).

Итак, *город-сад* – идеологема регионального медиадискурса, регулярно воспроизводимая в городской газете как языковая формула, которая

соотносится с кругом смыслов, отражающих динамику ценностной картины мира в медиадискурсе конца XX – начала XXI в.

3.3.2. Городская газета об истоках образа города-сада

Как уже отмечалось, газетные материалы тесно связывают образ города-сада с Новокузнецком (А. Астанина, 04.12.2008; М. Казанцева, 03.03.2011; Т. Тюрина, 19.05.2012 и др.). В газетных текстах различных периодов, эксплицирующих образ города-сада, звучит тема городской газеты как коммуникативного пространства, значимого в обсуждении судьбы города в прошлом, настоящем и будущем (Ю. Иванов, 08.07.1980; С. Тивяков, 23.03.1983; Т. Минеева, 29.07.1989 и др.). Во время разговора о городе-саде авторы используют отсылки к ранним публикациям газеты (Ю. Мустафин, 12.10.1991; В. Кунгурцев, 17.07.1993). Например: ***Мы уже говорили**, что понятие «город-сад» ввел социолог Эбенизер Говард* <…> (С. Михайлов, 17.06.2010). Необычное сравнение, характеризующее неразрывную связь города и газеты, использовано в письме читателя: *Двадцать три года назад наша семья переехала в Новокузнецк, и, чтобы поближе узнать город, мы решили выписать **городскую газету**. Выписали, стали читать. И быстро поняли, что эта газета **как пропуск в город-сад**: хочешь узнать характер Новокузнецка – читай «Кузнецкий рабочий»* (К. Тельминова, 23.07.2009).

Городская газета даёт возможность включить в АСК «город-сад» три версии происхождения образа: первая связана со стихотворением В.В. Маяковского, вторая – с идеей городов-садов, разработанной социалистами-утопистами, и историей её практического воплощения, третья – с концепцией и деятельностью М.И. Курако. Эти версии не исключают друг друга и представлены авторами газетных публикаций как сосуществующие. Своеобразие осмысления истоков образа находит отражение в стилистике газетных материалов.

В подавляющем большинстве случаев истоки образа *город-сад* связываются со стихотворением В.В. Маяковского, о чём свидетельствуют, в

частности, заголовки, которые содержат цитаты и реминисценции, например: *«Здесь будет город-сад»* (Ю. Иванов, 08.07.1980), *«…Здесь будет город-сад»* (Ю. Мустафин, 12.10.1991), *«Пусть будет город-сад»* (04.06.1983), *«Мы знаем – город есть!»* (А. Рощенко, 23.05.1981), *«И город теперь есть!»* (название страницы, посвящённой городу, 13.08.1987), *«Я знаю – саду цвесть»* (25.01.1994; В. Паничкин, 27.12.1997), *«…Я знаю – саду цвесть!»* (27.03.2001), *«Вот здесь-то и будет город-сад!»* (В. Паничкин, 19.05.1998), *«Поэт сказал не зря: "Здесь будет город-сад"»* (В. Королев, 18.08.2005), *«Я знаю – город будет…»* (М.И. Зайкова-Головина, 20.05.2010), *«Да будет город-сад!»* (О. Осипова, 11.08.2011).

Начало перестройки Н.А. Купина характеризует как «закат тоталитарного языка» [Купина 1995, с. 138]. Со второго этапа перестройки (1987–1988 гг.: [Согрин 1992, с. 135]) и до наших дней во многих заголовках выражается проблемное звучание: *«Город есть, а сада – нет»* (П. Мухин, 04.06.1988), *«Что сказал бы поэт?»* (З. Беседина, 27.09.1989), *«Здесь будет город-сад?»* (М. Стахович, 20.05.1995), *«Я знаю… город будет?»* (З. Черновол, 19.08.1995), *«"Город-сад" – "Город-сталкер"»* (Е. Парамонова, 06.07.1996), *«Город есть, а сад?»* (В. Валиулин, 27.05.2006), *«"Здесь будет город-сад" – второе издание»* (А. Денисов, 19.10.2010), *«Слова поэта да Богу в уши»* (Т. Тюрина, 19.05.2012).

Тема связи образа города-сада со стихотворением В. Маяковского объединяет материалы разных лет, сквозной для публикаций является и оценка значимости стихов для новокузнечан. Так, историк Ю. Иванов начинает статью с цитирования строчек из стихотворения, а затем оценивает их особую значимость для новокузнечан: *И, конечно, стихи, посвящённые Кузнецкстрою и его людям,* ***особенно дороги нам, новокузнечанам*** (08.07.1980). Подобная композиция используется и в начале статьи З. Бесединой из рубрики «Облик нашего города» (27.09.1989). Начав с цитирования строчек Маяковского, журналист переходит к признанию их особой роли: *Но для коренных новокузнечан он* [эпиграф «Я знаю – город

будет, я знаю – саду цвесть»] *давно стал* ***символом любимого города.*** В материалах 1990-х гг. отражено переосмысление роли стихотворения в творчестве В. Маяковского, при этом его роль для новокузнечан по-прежнему характеризуется как важная: *Было бы большой натяжкой причислять это произведение к программным, поворотным в творчестве поэта.* ***Оно греет душу нам, кузнечанам****, а для поэта оно обычное, проходное* (В. Кунгурцев, 17.07.1993). Акротеза, введённая журналистом, позволяет сделать акцент на особом восприятии стихотворения именно новокузнечанами. В материалах начала XXI в. представлена характеристика образа города-сада как бренда Новокузнецка: *Вспомните слова знаменитого стихотворения Владимира Маяковского, создавшего нашему городу* ***сверкающий бренд «города-сада»*** (И. Басалаева, 01.12.2011). Это отражает реалии времени и языковой вкус эпохи (см. о частотности слова табл. 2 в Приложении 4). Роль стихотворения в судьбе города подчёркнута введением чужой речи. Так, концептуально важно, что оценочное суждение о стихотворении высказывает *И.П. Бардин*: *«<…> Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты…»* (В. Кунгурцев, 17.07.1993). Характерно, что это высказывание легендарного инженера цитируется и в материалах XXI в. (Т. Эмих, 11.07.2009). Вводятся и суждения современных новокузнечан. Например, В. Кунгурцев в авторском метатексте приводит суждение, не соответствующее истине, но в данном случае показательно именно заблуждение: *Как-то один знакомый убеждал меня, что поэт Маяковский бывал в нашем городе. Иначе, мол, как он мог написать своё знаменитое стихотворением «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»* (17.07.1993). Характерно употребление во многих газетных материалах местоимения *мы* в значении «новокузнечане»: *С малых лет мы слышали слова Маяковского: «Я знаю – город будет, Я знаю – саду цвесть, Когда такие люди в стране в советской есть»* (Т. Тюрина, 19.05.2012).

Оценивается не только роль стихотворения, но и истинность слов поэта. Так, признание в любви родному городу В. Королёва озаглавлено *«Поэт сказал не зря: “Здесь будет город-сад”»* (18.08.2005). Начиная со второго этапа перестройки в материалах представлен широкий спектр интерпретаций пророчества поэта. Возникает образ Маяковского-судьи, который оценивает реальный Новокузнецк в сравнении с мечтой о городе-саде, например: *За панорамные виды, красивейшие здания и удобное расположение площадь имени Маяковского долго именовалась лучшей площадью города. Да и сейчас она неплохо смотрится, Владимиру Владимировичу понравилась бы, вы как считаете?* (Т. Эмих, 11.07.2009). Журналисты создают образ ожившего памятника Маяковскому, что перекликается со стихотворением «Юбилейное»: *А что сказал бы сам поэт, взирающий со своего гранитного постамента на суету одного из самых шумных перекрёстков города? Пророча Кузнецку судьбу города-сада, таким ли он представлял его <…>. А если бы мог Владимир Владимирович повернуться назад, то увидел бы ещё более жалкое в своей облезлости, со следами неумелой косметики одно из красивейших и достойных постоянной заботы здание и опять же зелёную лужу и кривой асфальт. Если бы мог он ожить, то, наверное, слез бы со своего гранита и спрятался от глаз людских в подворотню* (З. Беседина, 27.09.1989); *В Центральном районе с постамента спрыгнул Маяковский и не поверил, что это город-сад* (А. Головков, 14.06.2012). Духу проблемного ироничного изложения соответствует включение игры, основанной на совпадении имени и отчества Маяковского и Путина: *Нет, если кто-то считает, что Владимир Владимирович может либо что-то необоснованно утверждать, либо раздавать пустые обещания, пусть нам об этом сообщит в редакцию в письменной форме, указав фамилию, точный домашний адрес, место работы и занимаемую должность. Не подумайте плохого, речь идет совсем о другом. Сказано было когда-то: «Здесь будет* ***город-сад****!», значит,* ***город-сад*** *мы уже имеем* (В. Прокопович, 09.08.2008). В медиадискурсе отражается поиск причин, по которым пророчество

Маяковского не сбылось, например: *Мы обращаемся к мэру. Он человек новый, наверное, не знает наших проблем. А наши чиновники могут такое наговорить... Слова Маяковского «Здесь будет* ***город-сад****» не сбудутся при такой власти! А мы никому не нужны. Мы нужны только как электорат при голосовании...* (письмо в газету Г.П. Победоносцевой и других жителей улицы Кузнецова и проспекта Дружбы, 17.03.2011).

Жанровая интерпретация слов Маяковского отражается в материалах с третьего этапа перестройки (1989–1990: [Согрин 1992, с. 133]) и сохраняется в начале XXI в.: *персональное благословение такого большого поэта* (З. Беседина, 27.09.1989), обещание (*словами стихотворения о Кузнецкстрое и людях Кузнецка пообещал*: 14.06.2007), *прогноз* (В. Прокопович, 09.08.2008), *наказ* (Т. Эмих, 11.07.2009), *пророческие слова* (М.И. Зайкова-Головина, 20.05.2010), *формула* (Т.Тюрина, 19.05.2012). С третьего этапа перестройки также встречаются газетные материалы, в которых критически оценивается злоупотребление словами В. Маяковского: *«Я знаю –* ***город будет, я знаю – саду цвесть****»... Согласна, в последнее время часто эксплуатируется на страницах газеты этот эпиграф* (З. Беседина, 27.09.1989); *<...> слова мы склонны употреблять относительно города по делу и без <...>* (В. Немиров, 14.06.2007); *<...> если бы каждый создал свой маленький садик, это наверняка сложилось бы в город-сад, о котором обмолвился поэт и о чем мы, как попугаи, повторяем, не вкладывая в это ни смысла, ни своего труда, ни своей симпатии к городу* (Г. Соколухин, 20.05.2010).

Газетные материалы представляют различную интерпретацию стихотворения Маяковского. В. Кунгурцев сопоставляет название стихотворения, содержащего образ города-сада, с другими библионимами (упоминается 10 «Рассказов…» Маяковского) и определяет специфику «Рассказа Хренова…»: *Чем отличается от других «Рассказ Хренова…», так это синтезом сурового реализма и светлой романтики. Не смягчая действительно неимоверных трудностей тех дней, поэт удивляет нас*

*оптимизмом своих героев. «Здесь будет **город-сад**»* (17.07.1993). Амфитеза *суровый реализм – светлая романтика* позволяет диалектически отнестись к образу города-сада как единству прекрасной мечты, невероятных трудностей в её осуществлении и такой же невероятной красоты и силы духа людей, преодолевающих их и осуществляющих мечту. «Антипафосная», наполненная иронией интерпретация содержания стихотворения представлена в материалах XXI в. Так, В. Немиров использует приём свободного пересказа стихотворения: *Пожалуй, мифологичным можно назвать лишь памятник Владимиру Маяковскому, который словами стихотворения о Кузнецкстрое и людях Кузнецка пообещал, что «через четыре года здесь будет **город-сад**». Известно, что Маяковский в нашем городе никогда не был и писал со слов представителя Кузнецкстроя в Москве Хренова – человека близкого к семье Бриков (там Маяковский, наверное, и услышал рассказ) и, очевидно, весьма увлеченного гигантскими масштабами стройки. И потому стихотворение, где реалии стройки («сливеют губы с холода» и так далее) тонут в риторике пафосных слов – мол, воспламеним Сибирь, дадим разгона медвежьим стаям* (В. Немиров, 14.06.2007). В контексте создаётся оценочная антитеза *реалии стройки – риторика пафосных слов*. Такого рода подход призван, по мнению журналиста, стереть «хрестоматийный глянец» с образа Маяковского, не сужать восприятие его творчества до стереотипных суждений.

В материалах разных периодов преобладает упоминание образа города-сада или соответствующих строчек В. Маяковского, и только в единичных случаях представлены аналитические газетные материалы, раскрывающие вопрос об истоках образа. Такая закономерность соответствует специфике медиадискурса, ориентированного на множество актуальных вопросов, волнующих социум, а не на глубокое исследование одного из них. Аналитические газетные материалы, посвящённые истории образа «город-сад», включают специальную информацию исторического и краеведческого характера, в чём проявляется полидискурсивность медиапространства (см.

об этом: [Силантьев 2006, с. 103]). В таких материалах подчёркивается «расследовательский» подход автора с помощью вопросительных предложений (в том числе приёма дубитации), включения метатекста, создающего образ автора в поисках истины, использования приёма «представление» (см. о нём: [Одинцов 2006, с. 191–197]); проблемный характер изложения связан именно с поиском истины. Данный способ характерен для материалов 80-х – начала 90-х гг. XX в. (Ю. Иванов, 08.07.1980; Б. Челышев, 14.07.1983; Ю. Мустафин, 12.10.1991).

В изложении трёх версий истории образа города-сада экспрессивная актуализация связана с темой противопоставления реальности и мечты и темой веры в мечту, силу человеческого духа, помогающую созидать, претворять мечту в реальность. Эти темы являются смысловой доминантой в АСК «город-сад». Смысловая доминанта отражается также текстовой синтагматикой. Благодаря синтагматическим связям город-сад предстаёт перед нами прежде всего как объект мечты и объект созидания. Среди глаголов, связанных с именем существительным *город-сад*, отметим как характерные координируемые с ним *вырасти*, *расцвести*, *зарождаться* и управляющие им *строить*, *возвести*, *поднимать* (*на плечах*). Как уже отмечалось, начиная со второго этапа перестройки усиливается проблемное звучание темы города-сада, контексты отражают разнообразие оценочных позиций. Например: <...> *разутыми ходят до ЖЭКов, добывая субсидию, старички и старушки, по полвека поднимавшие на своих плечах* ***город-сад...*** (А. Ханмагомедова, 08.11.2003). В данном проблемном материале начала XXI в. горько звучит тема социальной несправедливости, экспрессивно воплотить которую помогает метонимический образ, контрастно соотносящий героическую мощь первостроителей и неблагодарность общества по отношению к ним.

Все три версии происхождения образа города-сада имеют единую смысловую основу: город-сад – это *город-красавец* (использованный в материалах синоним), прекрасный город-мечта. Ключевую роль в АСК

«город-сад» играют слова с семантикой мечты, в том числе и само имя существительное *мечта*, которые создают межтекстовую изотопическую цепочку. Ключевую роль в АСК «город-сад» играет антитеза мечты и реальности, приобретающая межтекстовый статус. С одной стороны, это суровая реальность строительства Кузнецкстроя, которая более экспрессивно представлена в публикациях советского периода. Контраст реальности и мечты призван подчеркнуть силу человеческого духа, чему соответствует использование в контекстах возвышенной стилистической окраски. С другой стороны, это реальность нашего времени, во многом не совпадающая с мечтой о городе-саде и потому представленная в проблемных материалах, использующих игру и иронию. Такие материалы начинают появляться на втором этапе перестройке (1987–1988 гг.), создают атмосферу свободной рефлексии, творческого поиска истины и сохраняют свою актуальность в современной городской газете. При этом круг тем, в воплощении которых используется образ города-сада, в начале XXI в. выходит за рамки вопросов озеленения, экологии и благоустройства города.

3.3.3. Ассоциативно-стилистический комплекс «город-сад» в характеристике современного Новокузнецка (1980-е – 2000-е гг.)

АСК «город-сад» связан с гипертемой красоты: вера в прекрасный город, творение красоты – в прошлом, восхищение красотой, творение красоты и борьба с тем, что её разрушает, – в настоящем, и, опять же, вера в прекрасный город – в будущем.

Тема красоты воплощается с помощью повторов слов *красивый*, *красота*, используется образ *город-красавец*. Например: <…> *работы самодеятельных авторов помогли увидеть родной Новокузнецк по-новому, почувствовать* ***красоту*** *его улиц и площадей, лучше узнать свой город* («*О тебе, мой* ***город-сад!***», отзыв Е. Паршукова о выставке самодеятельных художников, 02.03.1984). Для передачи красоты города важен приём

олицетворения: *Мы снова видим город, похорошевший, нарядный, город, который готовится отметить свой юбилей* (*«Мы знаем – город есть!»*, репортаж А. Рощенко с праздничного представления, посвящённого юбилею города, 23.05.1981). С воплощением образа красивого города-сада связан эмотивный смысл радости, настроение праздника, что передают публикации разных лет, например: *Город Тани Савостьяновой – яркий и праздничный, как клумба цветов, – действительно* ***город-сад****, и живут там и люди, и звери* (информационная корреспонденция Т. Выповой о предметной неделе краеведения в лицее № 104, 21.02.2009).

Город-сад – это и прекрасный город будущего: *И пусть Новокузнецк пока не стал цветущим* ***городом-садом*** *из стихотворения Маяковского, многое для этого уже сделано. Но ещё больше сделать предстоит* (27.03.2001). Интересно, что в начале XXI в. встречаются публикации о творческих проектах, в ходе которых дети передают своё видение города-сада. В этих материалах город-сад соотносится с ирреальным пространством сказки, в котором воплощаются мечты: *Далеко-далеко, за семью морями, на горе стоял* ***город-сад****. Небо в нём всегда было голубое, птицы пели так сладко и красиво, что можно было часами слушать их пение. В городе не было ни машин, ни заводов, поэтому было чисто и прекрасно. Люди жили до ста лет и не знали болезней* (из сказки Э. Астанакуловой; Л. Гончаренко, Е. Демидова, 05.06.2008).

Особое стилистическое направление составляют тексты ностальгического характера, которые широко представлены в газете 2000-х годов. Например: *В Новокузнецк приезжаю каждые 3–5 лет (здесь живут все мои родственники). Всегда беру с собой фотоаппарат, слежу за изменениями, конечно же, в лучшую сторону. Красивейший центр: на месте бывшей Болотной – площадь, фонтаны радуют глаз. Транспортные артерии города очень хороши и удобны. Красивы проспекты, дома с их архитектурой и цветом* (Королев В. *Поэт сказал не зря: «Здесь будет* ***город-сад»***, 18.08.2005).

На втором этапе перестройки тема красоты города-сада приобретает проблемное звучание, например: <…> *как бесчеловечно, бездушно, варварски относятся люди к красоте. Я имею в виду деревья.* <…> *Все проходящие останавливались и смотрели на мёртвых красавцев* (Мухин П. «***Город есть, а сада – нет***», 04.06.1988). Диалектический взгляд на облик города воплощён в амфитезе из статьи второго периода перестройки с характерным названием *«Что сказал бы поэт?»* (З. Беседина, 27.09.1989): *Шёл по городу фотокорреспондент, и его профессиональный глаз отметил привлекательные «изюминки» городской архитектуры и на досадную неряшливость, неустроенность наших дворов, домов и дорог.*

Функцию нейтрализации проблемного звучания выполняют материалы начала XXI в., представляющие точку зрения администрации города. Так, в аналитическом материале «Наш город на рубеже столетий», опубликованном в нескольких номерах городской газеты, представлена статья с подзаголовком *«…Я знаю –* ***саду цвесть****!»* (27.03.2001), в которой позитивные тенденции в развитии города противопоставлены недавнему упадку: *За последние три-четыре года Новокузнецк, утративший было славу одного из самых красивых и динамично развивающихся городов Сибири, буквально преобразился на глазах.*

Медиапространство начала XXI в. отражает противоположные точки зрения по вопросу о том, является ли Новокузнецк городом-садом. Например, в публикации М. Гревнёва (12.01.2008) содержится письмо читателя – реакция на вышедшую ранее статью журналиста – и полемические заметки автора статьи. В начале XXI в. мы встречаем контексты, в которых город-сад представлен как существующий, но вне Новокузнецка. Например, как город-сад характеризует Омск новокузнецкий художник А. Попов, побывавший там с выставкой (Г. Мысливцева, 27.05.2003). Эстетическую оценку передаёт антитеза *у них – у нас*. Газета XXI в. отражает пейоративную оценку, распространённую в коммуникативном пространстве города: *А то только и слышно – не* ***город-***

***сад**, а город-Ад* (А. Тиунов, 17.04.2008); *Правда, злые языки тут же все переиначили, опошлили: <…> а лучше переименовать сам город Новокузнецк в Город несбывшихся надежд,Ржавое сердце Сибири или Засохший **город-сад**. В общем, все переведено в план сугубо пессимистический* (В. Немиров, 21.06.2012).

Употребление образа в текстах о городе, но не для его традиционной характеристики носит единичный характер, например: *То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это настоящий **город-сад**: ухоженные дома, благоустроенная территория, много цветов, фруктовые сады. Дети радостные, здоровые, воспитанные* (о реализации социального проекта усыновления воспитанников детских домов церковью; Б. Сербин, 17.09.2005).

АСК «город-сад» раскрывается в газетных материалах в трёх основных направлениях, благодаря чему создаются три конкретизирующих АСК: 1) «город-сад – город, богатый зелёными насаждениями»; 2) «город-сад – город с благоприятной экологической ситуацией»; 3) «город-сад – благоустроенный город».

АСК «город-сад – город, богатый зелёными насаждениями»

В материалах городской газеты важно осмысление красоты города-сада, основанное и на возвращении к прямому значению слова *сад*, хотя даже оно сопровождается богатой культурной информацией. Основанная на метонимии семантика «город-сад – город, богатый зелёными насаждениями» особенно характерна для материалов советского времени. В экспликации данной семантики важны эпитет *зелёный* и эргоним *Зеленстрой* (С. Тивяков, 23.03.1983» *«Пусть будет город-сад»*, 04.06.1983; *«Пусть будет город-сад»*, 18.05.1984). Со временем «Зеленстрой» стал *компанией, ООО*, но авторы публикаций по-прежнему оценивают значимость труда по озеленению города: *<…> Компании, делающей наш город не просто одним из самых зеленых в сибирском регионе, а своеобразным и, хочется верить, неповторимым* (В. Прокопович, 09.08.2008). Ключевой эргоним представлен

также в контекстах с проблемным изложением: *Руководитель «Зеленстроя» говорил очень горячо, и от его выступления делалось совсем грустно* (Т. Тюрина, 19.05.2012). В 1990-е гг. акценты сместились на экологическую проблематику, а возвращение авторов к теме зелёных насаждений произошло в 2000-е гг.

Особая тема – создание красоты руками самих горожан. Так, она воплощена в аналитической корреспонденции О. Осиповой *«Да будет **город-сад**!»* (11.08.2011). В подобных материалах слова *красота*, *красивый* становятся ключевыми и неоднократно повторяются: *И правда, проехав по отдаленным уголкам города, мы обнаружили, что новокузнецкие дворы с каждым годом преображаются, становятся красивее, ухоженнее благодаря людям, которые в них живут* (О. Осипова, 11.08.2011). Журналисты создают образы тех людей, которые творят красоту, и соответственно, в ономастическом пространстве газетных текстов важную роль играют антропонимы. Так, в воплощении образа *С.И. Букавиной*, жительницы Орджоникидзевского района, ключевую роль играет повтор слов *сад*, *садик*; смысловые акценты помогает расставить антитеза со связью несовместимости *красота – варвары* (там же). В характеристике *А.Г. Ким* журналист актуализирует изотопическую цепочку *жизнь – природа – красота*: *Создают красоту и наводят порядок люди, неравнодушные к окружающему миру, которые всем сердцем любят жизнь, природу, ценят красоту и создают ее своими руками* (там же). Хотя возможен акцент и не на образе творящего красоту, а на деле рук его (Г. Соколухин, 20.05.2010).

В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. является сквозной тема денег: *Теперь осталось найти средства для реализации всего задуманного*; *Предполагается, что зеленый сад будет создаваться на добровольные взносы новокузнечан и организаций* (заметка *«И будет город-сад»*, (26.07.2007). Характерно, что частотность употребления слова *деньги* в газетной публицистике 1990–2000-х гг. возрастает более чем в 2 раза в сравнении с предыдущим периодом (см. табл. 2 в Приложении 4).

В материалах 2000-х гг. эксплицированы выводы о несоответствии реальности и мечты: *Садом, конечно, Новокузнецк не стал, как и просто особо зеленым городом. Есть города, где зелени больше и пышнее она. Но тем не менее намерения властей были отличные* (Т. Тюрина, 19.05.2012). Неоднозначность видения будущего города-сада отражает диатеза, эффект которой усиливает семантика эпитета *туманный*: *А сейчас перспективы настолько туманны, что мало кто может сказать, будет тут «**город-сад**» через двадцать лет или депрессивный городишко с умирающей инфраструктурой* (А. Павленко, 19.10.2014).

АСК «город-сад – город с благоприятной экологической ситуацией»

Экологическая проблематика затрагивается в материалах различных периодов. Например, в газете советских времён в рубрике «Человек и природа» представлена проблемная статья С. Тивякова «Город-сад» (23.03.1983), в которой звучит мысль о создании *городского дендрологического парка.* В воплощении АСК «город-сад» в статье значимы эргоним *«Всероссийское общество охраны природы»*, библионим *«Красная книга Кузбасса»*, но основное место среди онимов принадлежит названиям городских объектов, которые можно разделить на три смысловые группы: 1) названия природных объектов; 2) онимы, отражающие административно-территориальное деление (*Центральный*, *Кузнецкий* и *Заводской* районы, *Островская площадка*); 3) название достопримечательности *Кузнецкая крепость*.

Названия природных объектов города составляют в тексте самую многочисленную группу, что концептуально значимо в статье с экологической проблематикой: это названия зелёных массивов (*Берёзовая роща*, *Тополь*ники), гидронимы (*Томь*, ручей *Водопадный*). Эти имена собственные образуют изотопическую цепочку, актуализирующую интегральный смысл «истинное сокровище, достояние Новокузнецка». Концептуальная роль рассматриваемых онимов подчёркивается экспрессивными средствами: *Здесь сверкает алмазными брызгами*

трёхметровый водопад на ручье Водопадном; *Не ради сегодняшнего дня, ради будущих поколений в городе должны закладываться зеленые массивы, и одному из них по праву следует шуметь на высоком яру реки Томи в центре нашего индустриального города.* Важную роль играет приём контраста, основанного на амфитезе, благодаря чему индустриальное начало города соединяется с природным богатством, что соответствует двухчастной структуре «город-сад» (см. такой же принцип смысловой организации в высказывании: *Здесь сохранились в черте индустриального города растения «Красной книги Кузбасса» – горицвет весенний, чай курильский…*). Сохранение природных сокровищ города необходимо для будущего, что подчёркнуто акротезой *ради сегодняшнего дня – ради будущих поколений*. Неоднократно повторяется в тексте и название такой достопримечательности, как *Кузнецкая крепость*. Данный оним, отражая идею исторической памяти, входит в изотопическую цепочку с названиями природных объектов и участвует в передаче интегрального смысла «то, чем гордится Новокузнецк, что определяет его лицо, что он должен сберечь и передать потомкам»: *Район обладает уникальными природными объектами, которые в ансамбле с Кузнецкой крепостью придают своеобразие нашему городу.*

Изменение акцентов в звучании экологической темы обозначается на втором этапе перестройки. Это отражается в проблемных и оценочных заголовках: *«Где же цветущий сад»* (Т. Минеева, 29.07.1989), *«Город есть, а сада – нет»* (П. Мухин, 4.06.1988), *«Из города-ада в город-сад»* (М. Стахович, 10.03.1993)

Так, в интервью с начальником РСУ «Зеленстрой» Л.А. Климиным (Минеева Т. *«Где же цветущий сад?»*, 29.07.1989) открыто выражена оценочная позиция по отношению к неблагоприятной экологической ситуации в Новокузнецке: *Новокузнецк – грязный город. Эта наша общая боль и наш общий позор, ведь стал он таким не без активного участия его жителей. Я бы не хотел снова рассуждать об уровне культуры*

новокузнечан, об этом говорилось не раз на страницах газеты, остановлюсь на другом. <…> Старожилы утверждают, что раньше город был чище. Это действительно так. <…> Люди перестали заботиться о своём городе и перестали уважать труд других. Категоричность характеристики передана с помощью конструкции, где подлежащее *Новокузнецк* координируется с составным именным сказуемым с нулевой связкой. Экспрессию изложению придают повтор концептуально значимого притяжательного местоимения, воплощающего образ горожан (данный повтор имеет межтекстовый статус; см., например: П. Мухин, 04.06.1988), и повтор имён существительных, акцентирующих психологическую и этическую оценку. Ключевую роль играет мысль о связи времён. Настоящее сопоставлено с прошлым с помощью градуального ряда *грязный* (сейчас) – *чище* (раньше). Тема будущего является основной и открыто звучит в последнем абзаце: *«Зеленстрой» готов сделать из Новокузнецка* ***город-сад****, но не всегда находит понимание и поддержку.* В целом материал носит проблемный характер.

В обсуждении экологической ситуации в городе активное участие принимают читатели. Приведём фрагмент из письма читателя о сгубленных деревьях: *<…> как бесчеловечно, бездушно, варварски относятся люди к красоте. Я имею в виду деревья. Это всё для нас, это всё наше. На эту красоту тратятся немалые средства. Когда деревья губят дети, это больно, но как-то делаешь скидку на детскую глупость и непонимание. А вот когда это делают взрослые люди, да ещё умышленно… Мне кажется – это фашисты. Не знаю, что за деревья, но их срубили, и они валялись возле дома на Пионерском, 27. Все проходящие останавливались и смотрели на мёртвых красавцев. Если каждый дом будет по два-три дерева рубить, то не сбыться словам Маяковского:* ***город будет, а сада не будет*** (П. Мухин, 04.06.1988). Изотопические цепочки *бесчеловечно – бездушно – варварски – фашисты*, *губят – срубили – мёртвые* вступают в связь несовместимости с ключевым словом *красота*. Экспрессия изложения усилена асиндетоном в

ряду эпитетов, репризами, апосиопезой, эмоционально насыщенным олицетворением деревьев-*мёртвых красавцев*. Характерно выражение неодобрительной оценки с помощью неопределённо-личной конструкции (*срубили*). Экспрессивная напряжённость текста сочетается с фактографичностью, которую вносит в изложение указание адреса. Тема сгубленных деревьев как тема столкновения красоты и варварства, недальновидности присутствует и в публикациях начала XXI в. В таком аспекте она представлена, например, в статье Р. Прокудина (29.03.2008), в которой использован риторический вопрос: *Надо, наверное, очищать город от старых, переживших свой век деревьев. Но делать это надо с умом. Не лишать людей экологической и просто зеленой защиты. Строили* ***город-сад****, а что получили?*

Экологическая проблематика играет ключевую роль в медиадискурсе 90-х годов XX в. и начала XXI в., что отражают данные частотного словаря: показатели частотности слов *экология* и *экологический* резко возрастают в газетной публицистике 1990–2000-х гг. в сравнении с периодом 1970–1980-х годов (см. табл. 2 в Приложении 4). Для характеристики неблагоприятной экологической ситуации, которая определена как *экологический кризис* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996), используются экспрессивные пейоративы: *наш многострадальный угольный, металлургический город*; *город-ад* (М. Стахович, 10.03.1993); *грязнейший город России* (В. Павлов, В. Валиулин, 02.03.2000). *Город-сад* представлен как неосуществлённая мечта и противопоставлен *городу-аду* в экологической статье М. Стахович из рубрики «Новокузнецкое время» (10.03.1993). Экспрессия антитезы (акротезы) усилена с помощью языковой игры, возникающей на основе парономазии. В характеристике неблагоприятной экологической ситуации важен приём олицетворения, благодаря которому город предстаёт как живое существо, терзаемое болезнью (М. Стахович, 10.03.1993). С другой стороны, мечта новокузнечан – жить в *здоровом* городе (В. Павлов, В. Валиулин, 2.03.2000), хотя в реальности здоровое гибнет и болезнь прогрессирует:

здоровые тополя там уже полегли (Там же). Ключевая мысль об исправлении ситуации передана такими словами, как *переделка, выход*: *Концепция его* [проекта экологического оздоровления и перепрофилирования города «Новокузнецк – Питтсбург»] *разрабатывается, и мы буднем ставить вас в известность, как идёт работа по переделке «города-ада» в* ***«город-сад»*** (М. Стахович, 10.03.1993); *Выход из экологического кризиса прежде всего следует искать в структурной перестройке экономики – не только города, но всей фактически сложившейся на юге Кузбасса Новокузнецкой агломерации* <…> (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996).

Использование антропонимов, эргонимов и гемеронимов подчёркивает роль общественных деятелей, должностных лиц, различных организаций и органов периодической печати в обсуждении и решении проблем города. Для материалов 1990-х гг. важна идея Новокузнецкой агломерации, в связи с чем журналисты используют комплекс ойконимов: *Выход из экологического кризиса прежде всего следует искать в структурной перестройке экономики – не только города, но всей фактически сложившейся на юге Кузбасса Новокузнецкой агломерации, включающей в себя Прокопьевск, Киселёвск, Осинники, Калтан, Мыски, Междуреченск, Малиновку, Кузедеево, Листвяги, Тайжину, Чистогорский, Притомский, Абагур* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996). Особую роль в материалах 90-х годов XX века играют онимы, отражающие идею открытости России, её включённости в мировое пространство (антропонимы, эргонимы, топонимы). Так, в экологическом материале М. Стахович актуализируется изотопическая цепочка астионимов *Новокузнецк – Питтсбург*: *Наша газета, начиная с этого лета, с приезда в город американского эколога и бизнесмена Дональда Видена, предложившего помощь, публиковала материалы о нарождающемся побратимстве двух городов – Новокузнецка и очень похожего на него в прошлом американского Питтсбурга* (10.03.1993). Идея открытости важна для развития города, имя которого включается в ряды названий как регионов России, так и других государств: *Представленный вариант генплана*

ориентирован на кооперацию Новокузнецкой агломерации с Алтайским краем, Новосибирской областью, на азиатский рынок – Казахстан, Китай, Японию, Индию… (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996) (многоточие в конце предложения позволяет думать об открытом характере ряда однородных членов).

Остро представлена экологическая проблематика в публикациях начала XXI в. О её серьёзном осмыслении свидетельствует включение в газетные материалы точек зрения специалистов. Экспрессивный заряд и проблемное звучание традиционно передают риторические вопросы: *Во-первых, ну какой же это* ***город-сад****, в котором становится нечем дышать?* (Е. Коньков, В. Долинский, 12.05.2005). В данном вопросе авторы – учёные из СибГИУ – актуализировали антитезу со связью несовместимости *город-сад – нечем дышать*. Экологические проблемы подаются как обсуждаемые – в статьях неоднократно используются знаки дискуссионности, например: *Предвидим (вот-то оживятся наши оппоненты) возражения, мол, авторы предлагают превратить наш* ***город-сад*** *во всекузбасскую помойку!* (Е. Коньков, В. Долинский представляют своё видение проблемы утилизации твёрдых бытовых отходов, 12.05.2005). Антитеза в приведённом контексте играет роль экспрессивного средства, провоцирующего дискуссию. Интересна постановка вопроса о существовании города-сада в заметке В. Валиулина, где речь идёт о «круглом столе» «Город, экология, дети», который проходил на станции юных натуралистов № 1: *Тему для обсуждения участники «круглого стола» сформулировали так: «В 30-е годы прошлого столетия кузнецкстроевцы хотели возвести* ***город-сад. Город есть, но есть ли сад?****» С садом есть, конечно, некоторые проблемы, признали взрослые участники.* (27.05.2006).

АСК «город-сад – благоустроенный город»

Трактовка города-сада как благоустроенного города актуализируется на втором этапе перестройки, развивается в материалах 90-х годов XX в. и отражается в заголовках *«Что сказал бы поэт?»* (З. Беседина, 27.09.1989),

«Мы хотим жить в “городе-саде”» (С. Паутова, 10.08.1993), *«Здесь будет город-сад?»* (М. Стахович, 20.05.1995) и др.

В основе создания благоустроенного города-сада лежит идея отношения к городу как к дому: *На самом деле, даже самый изысканный дом без взыскательного хозяйского догляда очень скоро после новоселья начинает тускнеть, трескаться и рассыпаться, наполняться разностильными вещами, среди которых нередок и откровенный кич* (Беседина З. *«Что сказал бы поэт?»*, 27.09.1989). Город-сад в рассматриваемых материалах 1990-х гг. предстаёт как идеал, которому реальная степень благоустроенности города не соответствует. Для её характеристики используются пейоративы: *запущенный город* (С. Паутова, 10.08.1993); *неухоженный вид*, *запущенный вид* («Я знаю, саду – цвесть», 25.01.1994). В заметке об инициативе общественного совета культуры новокузнецких творческих организаций и фонда Ермакова создать общегородской фонд по сбору средств на благоустройство города к 50-летию Великой Победы актуализирован градуальный ряд *неухоженный – запущенный*: *В последнее время, говорится в обращении, улицы, дома, памятники и памятные места города всё больше и больше приобретают неухоженный, а кое-где и вовсе запущенный вид* (25.01.1994). Экспрессивно передать несоответствие помогают антитезы: *Ведь кому хочется жить в запущенном городе, всяк мечтает о* ***городе-саде*** (завершающий корреспонденцию С. Паутовой абзац-стержневая фраза, 10.08.1993). Важную роль в материалах 1990-х гг. играет ирония, подчёркивающая проблемный характер изложения. Например, ироничную окраску передаёт заголовок *«Здесь будет* ***город-сад****?»* (М. Стахович, 20.05.1995) при соотнесении его с содержанием материала из рубрики «Перестройка недели» – блиц-опроса горожан о проекте строительства в центре города, в Парке Гагарина, склепового кладбища. Журналист использует иронию, подводя итог блиц-опроса: *Сторонников проекта среди множества опрошенных обнаружить не удалось. Парк*

Гагарина люди считают местом временного, но не вечного отдыха. Ирония воплощается и с помощью ресурсов креолизованного текста (см. рис. 14).

Рис. 14. Изображения, опубликованные в рамках конкурса фотографий (11.02.1995)

Констатация несоответствия реальности мечте лишь подчёркивает необходимость предпринять решительные и целесообразные действия на пути к осуществлению мечты, вера в которую сохраняется, о чём свидетельствует, например, заголовок заметки *«Я знаю,* ***саду – цвесть****»* (25.01.1994). Аналитико-критический настрой медиатекстов 1990-х гг. проявляется в многоаспектном осмыслении причин запущенности города и путей её преодоления. При этом важно сопоставление современного положения дел с предшествующими периодами, в результате которого авторы газетных публикаций обнаруживают сходство с разрухой 1920-х гг. (изотопическая цепочка *разруха годов 20-х – нынешний упадок*: С. Паутова, 10.08.1993) и отличие от советского периода (так, С. Паутова противопоставляет *благополучно-советские годы* нынешнему положению городского хозяйства, там же). Газетные материалы отражают частотность таких сопоставлений: *Может быть, и не надо приводить набившие уже оскомину параллели – разрухи годов 20-х и нынешнего упадка, – всё-таки это вещи несравнимые* (С. Паутова, 10.08.1993) – и предостерегают от их поверхностного толкования. При этом нет идеализации *благополучно-советских времён*, о чём, в частности, свидетельствует включение номинации *слесарь Вася*, основанной на антономасии, в аналитическую корреспонденцию о работе городского производственного жилищного ремонтно-эксплуатационного объединения (*повествование о буднях*

эксплаутационников жилья): *Но и в благополучно-советские годы «слесарь Вася» был излюбленным персонажем творческих упражнений сатириков и юмористов, а коммунальная служба под стрелами критики вовсе не расцветала, а хирела, отдавая позицию за позицией…* (С. Паутова, 10.08.1993).

Образ города-сада как благоустроенного города раскрывается в многочисленных публикациях о градостроительстве 90-х годов XX века. Благоустройство города-сада связано с архитектурными концепциями и планом строительства. Первые концепции строительства города-сада на Кузнецкой земле, как следует из публикаций советского периода, возникли у предприятия КОПИКУЗ (Ю. Иванов, 08.07.1980) (в более поздних публикациях – КопиКуз). В целом в газетных статьях советского периода, заголовки которых включают образ города-сада, вопросы архитектуры и концепции застройки города не играют важной роли. Исключение составляет исторический экскурс в статье Ю. Иванова (08.07.1980), где приводятся факты о градостроительстве 1930-х годов. Автор-историк сопоставляет этапы планирования и реализации. Акротеза *строчная застройка – скученная застройка порой казарменного типа* акцентирует мысль о больших сложностях в реализации красивых планов. Интересна изотопическая цепочка астионимов *Новокузнецк – Франкфурт-на-Майне*, которая связана с мыслью о концепции застройки Кузнецка, тщательно продуманной, ориентированной на достижения мировой архитектурной мысли. Имя немецкого архитектора *Эрнста Мая* упоминается и в более поздних публикациях. Так, С. Михайлов в мини-очерке об Э. Мае отделяет истину от заблуждения: ***Город-сад*** *поначалу не знал ни арок, ни ворот во дворы. Потому что первая улица каменных домов – Энтузиастов – была «строчной»: низкорослые казарменного типа дома стояли один за другим. И не надо вешать всех собак на Эрнста Мая: называть эти дома «маевскими» было бы некоторым преувеличением – известнейший немецкий архитектор прибыл, когда первые десять домов на Энтузиастов уже были*

выстроены от фундаментов до одного-двух этажей (30.07.2011). Журналист использует характерную для начала XXI в. разговорно-шутливую манеру изложения и соотносит обвинения в адрес Мая с фактами. Выводы, в соответствии с законами проблемного изложения конца XX – начала XXI вв., должен сделать сам читатель. Установка на продолжение разговора выражена в заключительном абзаце текста С. Михайлова (В. Немирова): *Но подробнее – в следующий раз. Есть о чем поговорить*. И читатель действительно находит продолжение разговора об истории архитектуры города-сада, причём очерк С. Михайлова начинается с отсылки к ранее опубликованному материалу: *А начали мы три субботы назад с утверждения, что* ***город-сад*** *поначалу не знал ни арок, ни ворот во дворы. Хотя бы потому в нем была одна улица каменных домов, проведенная «строчкой»* (13.08.2011). Стилистика подачи исторического материала отличается от использованной в советский период и на первом этапе перестройки: если раньше авторы обнаруживали «расследовательский» подход, то в начале XXI в. популярным становится стиль наброска. Авторы таких текстов в непринуждённой манере диалогичного общения, лаконично и живо, но без подробностей представляют интересную информацию, а затем переходят к новой теме.

Вопросы архитектуры, которые не играли ключевой роли в публикациях советского периода и первого этапа перестройки, занимают особое место в материалах 1990-х годов о благоустройстве города. Развернувшаяся на страницах городской газеты дискуссия, на наш взгляд, отражает высокий уровень культурного «самосознания» города – определения его уникальной судьбы и связанного с ней неповторимого колорита. Важным представляется и тот момент, что архитектура и строительство являются сферами созидания, в духе которого так остро нуждается человек, застигнутый эпохой перемен. Идея созидания передаётся соответствующим именем существительным (З. Черновол, 19.08.1995), олицетворением, благодаря которому разработка проектов градостроительства представлена как их рождение. Например:

«Кузбассгражданпроекту» есть чем гордиться: всё построенное на юге Кузбасса с 1957 года родилось здесь (В. Паничкин, 27.12.1997). В заголовках данных материалов мы слышим как утверждение (*«Я знаю – саду цвесть»*, В. Паничкин, 27.12.1997; *«Вот здесь-то и будет город сад»*, В. Паничкин, 19.05.1998), так и обозначение проблемы (*«Что сказал бы поэт?»*, З. Беседина, 27.09.1989; *«Я знаю… город будет?»*, З. Черновол, 19.08.1995; *«Город-сад или город-универсам?»*, В. Павлов, В. Ваулиулин, 02.03.2000); в сегментированном заголовке *«Город-сад. Версия нового времени»* (А. Головков, Э. Чипига, 21.06.1996) создаётся акцент на новом подходе к концепции города.

В ономастическом пространстве рассматриваемых текстов важны имена собственные, связанные с профессиональной деятельностью в сфере градостроительной политики и практики (антропонимы, эргонимы, документонимы), и топонимы (прежде всего годонимы), называющие как определённые районы города, так и другие города, регионы, страны. Идентификаторы антропонимов не только представляют номенклатурную лексику, которая сопровождает оним в качестве приложения, но и дают оценочную характеристику. Так, в отчёте З. Черновол о совещании по проблемам застройки города победитель конкурса на проект застройки центра *Михаил Геннадьевич Парфенов*, представляющий творческий коллектив *«Омскгражданпроект»*, охарактеризован журналистом с помощью антитезы: <…> *победителем стал не варяг, а доморощенный способный архитектор* (19.08.1995). Оценочное отношение помогают выразить вводные конструкции: *К счастью, Глава города Сергей Мартин – сам строитель: прекрасно понимает проблемы строительства и содействует развитию архитектуры* (В. Паничкин, 27.12.1997). Хотя сама номенклатура и фактографическая характеристика, дополняющая её, способны в материале журналиста выполнять концептуальную функцию. Например, в критической статье В. Павлова и В. Валиулина о концепции реконструкции проспекта Металлургов автор концепции *Ю. М. Журавков*

представлен как *главный архитектор института «Кузбассгражданпроект», профессор и член-корреспондент Академии архитектуры* (02.03.2000). На наш взгляд, концентрация приложений-идентификаторов в контексте призвана выразить укор авторов статьи, призвать к ответственному подходу, опирающемуся на уважение к традициям города и внимание к экологическим вопросам. З. Черновол представляет *С.Д. Мартина* как *только что вступившего в должность главы городской администрации* (19.08.1995). В данном контексте начало деятельности мэра связывается с огромной ответственностью в выборе стратегии и тактики развития города. Подобное осмысление роли мэра в создании города-сада является сквозным в газетных материалах 1990-х гг., например: *Сделать принципиальный выбор предстоит, вероятно, будущему мэру – тому человеку, который рискнёт взять на себя весь груз городских проблем и которого изберут для этого новокузнечане* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996). Судьба города-сада связывается авторами публикаций 1990-х гг. прежде всего с местными властями: *Кому он [генплан] адресован? Отчасти областным и Федеральным властям, поскольку Новокузнецкая агломерация имеет немалое региональное и некоторое государственное значение. Но в основном – властям местным* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996).

Концептуальной нагрузкой обладают смысловые лексические парадигмы астионимов *Новокузнецк – Кемерово*, *Новокузнецк – Москва*. В материалах, посвящённых вопросам архитектуры и строительства, Новокузнецк противопоставляется областному городу Кемерово, причём одобрительная характеристика связывается с архитектурным обликом Новокузнецка: <…> *наш институт сопротивлялся как мог: неимоверными усилиями мы завершили-таки почти все начатые здания по первоначальным проектам – это прежде всего драмтеатр, достроенный в 1962 году. <…> Кемерово же, попав под это постановление, взяло под козырёк, и на город в итоге страшно посмотреть: тот же драмтеатр достроили уже по-хрущёвски* (В. Паничкин, 27.12.1997). Москва же в архитектурном плане

представлена как ориентир: *В пользу массового панельного строительства «на новый лад» говорит и тот факт, что 90 процентов из вводимых ежегодно в Москве 3 миллионов квадратных метров жилья – панельные многоэтажки* (В. Паничкин, 27.12.1997).

Плюрализм, отражённый в медиапространстве 1990-х гг., в связи с образом города-сада проявляется в представленности противоположных оценочных позиций не только по вопросу о преимуществах прошлого или настоящего, но и по содержанию концепции градостроительства. Приведём пример различных оценочных интерпретаций вопроса о соотношении прошлого и настоящего. З. Беседина контрастно сопоставляет доставшиеся Новокузнецку в наследство красоту и стиль с разрушительными тенденциями современности: *Здесь сходятся четыре улицы-луча. Глаз не натыкается на провинциальную помпезность или убожество в архитектурном ансамбле в целом и в отдельных его постройках послевоенных лет. Если, конечно, не глядеть под ноги и не брать в расчёт разномастный торгово-ширпотребный «новодел»* (27.09.1989). Характерно, что парцелляция отделяет неодобрительную характеристику примет современности.

З. Черновол в косвенной речи, передающей мысли главы города, использует акротезу *былые архитектурные традиции – строительный беспредел* (19.08.1995). Образ прошлого связан с мелиоративными характеристиками: *Новокузнецк, некогда славящийся своими незаурядными архитектурными решениями* (З. Черновол, 19.08.1995). Для характеристики сложившейся ситуации журналист неоднократно использует пейоративы: *Удивляться тут нечему – градостроение, как и всё из области созидания, постигло безвременье. Не миновала беда эта и наш город. И данный конкурс, и само это совещание, вышедшее за рамки обсуждения проекта-победителя застройки центра города, тешат надежду: наконец-то очнулись от беспредельной свободы* (З. Черновол, 19.08.1995). Реприза в материале З. Черновол актуализирует пейоратив *беспредел*, значение которого в толковом словаре проиллюстрировано характерными примерами: «Разг.-

сниж. 1. Отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-л. произвол. *Правовой б. Ценовой б.* 2. Произвол, беззаконие. *В городе творится б.* // О поступках, попирающих чьи-л. законные права. *Чиновники творят настоящий б.!* [БТС, с. 74]. Данное существительное начинает употребляться именно в 1990-е–2000-е гг. (см. табл. 2 в Приложении 4). В ироничной парентезе обобщённая пейоративная характеристика конкретизируется: *(Если, конечно, не считать заметно состарившийся долгострой под псевдонимом «универмаг» и «новодел» в виде железных расписных ларьков, плодящихся как грибы после дождя. – Ред.)* (З. Черновол, 19.08.1995). Экспрессивность пейоративной характеристики усилена олицетворением: *М.Г. Парфёнов на просьбу оценить, как изменился Новокузнецк за последние пять лет, ответил: «Такое впечатление, что вернулся в город, который пять лет назад уснул летаргическим сном – ничего нового, примечательного не появилось в его архитектурном облике»…* (З. Черновол, 19.08.1995). Пейоративная характеристика настоящего времени (времени перестройки) связана также с этическими аспектами: *К сожалению, перестройка пометила знаком «минус» профессиональный и этический настрой в архитектурном цехе города. И этот застарелый уже рецидив не мог не проявиться на совещании* (З. Черновол, 19.08.1995).

В других журналистских концепциях современная свобода творчества противопоставлена прежним жёстким рамкам. Так, в интервью В. Паничкина с директором института «Кузбассгражданпроект» Валерием Файковым и главным архитектором Юрием Журавковым, приуроченном к 40-летию института, упоминается *злосчастное постановление ЦК КПСС и Совмина «Об устранении излишеств в архитектуре» 1955 года?* (27.12.1997). Оценочный эпитет акцентирует внимание читателя на роли документонима в тексте. Негативный образ прошлого создан в заметке В. Паничкина о встрече архитекторов института «Кузбассгражданпроект» с мэром С. Мартиным: *Долгие годы кусок земли между реками Томь и Аба и улицами Свердлова и Тольятти не застраивался специально – в эпоху беспросветной*

крупнопанельщины мыслящие архитекторы не посмели застроить будущее лицо города «хрущёвками», приберегли на будущее, объявив зоной особого архитектурного режима (19.05.1998). Особенностью материалов 1990-х гг. об архитектуре является резкое выражение оценки, в котором проявляется «боление» за судьбу города. Такой оценке подвергается в том числе и прошлое. Например, в историческом экскурсе из интервью о работе института «Кузбассгражданпроект» используется яркая антитеза: *Ведь именно тогда положили конец замечательному сталинскому ампиру и утвердили «стиль» безобразных «хрущоб»…* (В. Паничкин, 27.12.1997).

Концепция градостроительства опирается на решение вопроса о соотношении прошлого (традиций) и настоящего города. Так, проблемность подхода подчёркнута заголовком *«**Город-сад** или город-универсам?»*, построенным как альтернативный риторический вопрос, основанный на антитезе двух метафорических образов, в совместной статье архитектора В. Павлова и журналиста В. Валиулина (02.03.2000). В статье выражено критическое отношение к концепции реконструкции проспекта Металлургов, разработанной главным архитектором института «Кузбассгражданпроект» Ю.М. Журавковым. Оценочная позиция передаётся, в частности, рядом стилистических синонимов *реконструкция – евроремонт*, в котором книжное по окраске слово *реконструкция*, ассоциативно связанное с научным подходом к градостроительству, парадигматически связано с популярным в 1990-е гг. и концептуально нагруженным в контексте словом *евроремонт*: для авторов публикации концепция градостроительства, переданная с помощью метафоры евроремонта, не учитывает исконных традиций города-дома и потребностей горожан. Авторы резюмируют содержание концепции Ю.М. Журавкова: *Проще говоря, ветерана ждёт не только новый образ жизни, но и новый, весьма современный, наряд.* Встреча старого и нового представлена с помощью контраста и, с точки зрения авторов, диссонирует с архитектурным ансамблем, воспринимается как опасность, грозящая городу: *Проспект Металлургов живёт сейчас в ожидании реконструкции.*

В последние годы это слово приобрело фатально-экстремальный характер, поэтому и жители проспекта, и специалисты с некоторой опаской ждут прихода весны – срока, назначенного Главой города для начала решительного наступления на проспект. Как видим, в контексте используется военная метафора, помогающая передать мысль об агрессивном характере и недопустимости такого вторжения в жизнь города.

Оценочное отношение авторов к *городу-универсаму* является пейоративным: *тривиальный торгово-развлекательный центр.* Метафорический образ *города-универсама* становится гиперонимом в смысловой лексической парадигме, выражающей ложную интерпретацию потребностей горожан, – *покупать – развлекаться*. Свой подход авторы статьи передают с помощью градуальной изотопической цепочки, в которой важен смысловой акцент на степени вмешательства в стиль главного проспекта: *Мало кто, думается, станет возражать против капитального ремонта проспекта. А против реконструкции? Тут возникают вопросы.* Капитальный ремонт проспекта должен учитывать традиции города и экологическую ситуацию. В контексте реализуются оценочная функция градационной изотопической цепочки и экспрессивная функция антитезы, основанной на связи несовместимости: *Но проспект Металлургов не сад с тем же названием – это даже не визитная карточка Новокузнецка, а его гордость, его основа и, возможно, его будущее. И подходить к нему с мерками евроремонта вряд ли допустимо.*

Город-сад – это город, чтущий свою историю, причём внешний вид города отражает его характер. Так, авторы обращаются к вопросу о том, нужно ли убирать трамвайное движение с проспекта Металлургов (В. Павлов, В. Валиулин, 02.03.2000). Характер города, который должен отражаться в его внешнем виде, формируется исторически, и именно это необходимо учитывать в современных архитектурных решениях. Так, экспрессивная тавтология оживляет внутреннюю форму выражения *дань уважения*: *<…> что Новокузнецк своим невероятным трудом в создании*

индустриальной базы страны заслужил особое к нему отношение и что строительство уникального центра – это своеобразная дань уважения ему и его жителям? И эта дань уважения была отдана тогда Новокузнецку – он получил интересные, своеобразные кварталы. Архитекторы и простые новокузнечане знают, что такого центра нет больше ни в одном другом городе России и мира (там же). Антитезы *Новокузнецк – другой город России*, *Новокузнецк – другой город мира* подчёркивают уникальность родного для авторов статьи города. Изотопическая цепочка *Новокузнецк – Москва – Ленинград* передаёт уникальность архитектурных решений, использованных *в сибирском районном городке*. В. Павлов и В. Валиулин используют в композиции текста принцип усиления: включают ассоциативный код, передающий основную идею текста, а затем эксплицируют содержательно-концептуальную информацию. Ассоциативный код – это образ, который в сжатом виде передаёт ключевую мысль автора. Ассоциативный код текста введён с помощью экземплификации: *Не знаем, как кому, а нам ситуация с проспектом Металлургов напоминает тот случай из средневековья, когда мелкой руки художник закрашивал полотно талантливого предшественника, чтобы изобразить на нём собственное, сиюминутной выгоды, творение. Потомки, конечно, находят подмену и исправляют её, возвращая полотну изначальное великолепие.* СКИ выражена с помощью приёма дубитации, подчёркивающего проблемность изложения: *Не лучше ли сразу отнестись бережно к труду предшественников, в данном случае архитекторов Москвы и Ленинграда, создавших уникальный архитектурный комплекс в сибирском районном городке, и не пытаться придать ему модерновый, торгово-развлекательный характер? Эпидемия коммерциализации когда-нибудь прекратится, мы вновь научимся любить и беречь завещанное нам, а потомки вернут старому центру его первозданный образ. Мы в это верим. Так нужно ли сейчас, преследуя сиюминутные выгоды, вкладывать немалые средства в реконструкцию, чтобы потом вновь возвращаться к старому?*

Образ города-сада является мелиоративным и проспективным. В 90-е гг. XX в. он воплощает идею выбора правильной стратегии градостроительства. Например: *Нам повезло, что немалый кус земли от улицы Тольятти до Томи остался нетронутым типовым жильём – теперь, когда у зодчих появилась полная свобода творчества, мы можем быть уверены: «**саду цвесть**», Новокузнецк выйдет наконец-то к реке, и самой лучшей своей стороной* (В. Паничкин, 27.12.1997). В материале З. Черновол будущее города-сада отражает ключевое слово *возрождение* (19.08.1995) (см. о частотности этого слова в газетной публицистике 1990–2000-х гг. в табл. 2 Приложения 4). Будущее города представлено с помощью мелиоративов. Так, автор проекта застройки города М.Г. Парфёнов использует следующие характеристики: *интересные варианты развития транспортных развязок*; *красивое, индивидуального проектирования жильё*; *рациональные, цивилизованные решения по размещению гаражей* (З. Черновол, 19.08.1995). Говоря о более дешёвом массовом панельном строительстве «на новый лад», специалисты развивают тему красоты: <…> *ширококорпусные 10-этажные дома, куда не стыдно заселять людей <…>, по качествам не уступают кирпичным или монолитным, а вдобавок красивы и индивидуальны* (В. Паничкин, 27.12.1997). Экспрессивно представить будущее города-сада помогает такой приём, как нагнетание глагольных форм будущего времени: *В новом центре, судя по проекту, найдут приложение таланты наших проектировщиков и строителей. <…> При пересечении улиц Тольятти и Павловского, у самой Абы взметнёт свои этажи небоскрёб, встанут высотки и по улице Свердлова, визуально продолжив проспект Бардина и главный выход города к Притомской набережной* (В. Паничкин, 19.05.1998). Нацеленность на результат передают безличные конструкции с составным глагольным сказуемым: *Образцы так называемого советского ренессанса необходимо капитально отремонтировать и внутри, и снаружи <…>. Аскетические постройки 50–60-х годов можно облагородить и осовременить <…>* (З. Беседина, 27.09.1989). Как основа пути к созданию города-сада

рассматривается конструктивный, продуманный, научно обоснованный подход. Такое противопоставление является композиционным принципом материала из рубрики «Любимый город», в котором обсуждается генплан градостроительства (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996).

Соединение веры в город-сад и конструктивного, современного подхода отражается в сегментированном заголовке статьи: *«**Город-сад**. Версия нового времени»*. Авторы статьи противопоставляют подход обывателя профессиональному подходу: *Обывателю нужна картинка: покажи, как будет выглядеть Новокузнецк в конце следующего века? Любой графоман изобразит фантастический пейзаж: утопающие в зелени Новоильинский район и Новобайдаевский, в цветущих садах – коттеджи Лапина лога, дворцы Куйбышевского района с широкой автострадой к модерновому международному аэропорту, что-нибудь вроде Диснейленда в Точилине с мини-голливудом на Соколухе, пляжи на Абушке с речными велосипедами…* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996). Важным критерием градостроительства является экология. В этом плане показателен хиазм *на экономический подход к экологии (и на экологический к экономике)* (А. Головков, Э. Чипига, 21.09.1996). В. Павлов и В. Валиулин затрагивают экологический аспект реконструкции проспекта Металлургов: *Почему при всякого рода городских реконструкциях в первую очередь страдают зелёные насаждения? В Новокузнецке, грязнейшем городе России, каждому дереву бы придать свой паспорт и охранять отдельно, а их, напротив, пилят почём зря и ставят на их месте автостоянки и гаражи. Почему, собственно говоря, авторы проекта считают, что нам, жителям, уже не хочется жить в чистом здоровом городе, а хочется только покупать и развлекаться? <…> Мы не пессимисты, мы просто хотим жить* (02.03.2000). Проблемность изложения подчёркнута приёмом дубитации, оценочная позиция авторов выражена использованием узуальных (*страдают*, *грязнейший*) и окказиональных (*пилят почём зря*, *ставят автостоянки и гаражи*)

пейоративов, концепция города-сада воплощена акротезой *жить в чистом здоровом городе – только покупать и развлекаться*.

В создании образа настоящего отражается интерпретация журналистами различных реалий соответствующего периода. Например: *Не скрыл автор, что, как дань моде, он поставил на выходе на набережную церковь* (З. Черновол, 19.08.1995); *Красивое престижное жильё – это замечательно, но всё же большинству горожан недоступно…* (В. Паничкин, 27.12.1997). Негативная оценка навязывания решения жителям города, отсутствия возможности обсудить: *Жители города, как это повелось в последние годы, вновь оказываются перед фактом перемен, не имея возможности не то что повлиять на них, но и просто принять участие в обсуждении* (В. Павлов, В. Валиулин, 02.03.2000).

Особенностью текстов перестройки и 1990-х гг., эксплицирующих образ города-сада, является сквозная роль темы денег (например, З. Черновол, 19.08.1995) (см. о повышении частотности слова *деньги* в табл. 2 Приложения 4). Газетные тексты отражают такие реалии, как недостаток средств у людей и города в целом, дифференциация людей по финансовому признаку, например: *Среди новой застройки жильё отнюдь не будет преобладать, а то, что будет строиться, рассчитывается, понятное дело, в основном даже не на богатых, а на очень богатых людей* (В. Паничкин, 19.05.1998). С помощью оценочной метафоры выражена мечта журналистов: *Эпидемия коммерциализации когда-нибудь прекратится <…>* (В. Павлов, В. Валиулин, 02.03.2000).

Материалы начала XXI в. также затрагивают проблемы архитектурного облика города. Это касается не только материалов газеты, но и текстов, представленных на сайте «Кузнецкого рабочего» в рубрике «Мнение». Звучат мысли об исторической памяти как одной из основ градостроительства: *Площадь Побед примыкает к старому центру города, и здесь может начинаться один из туристических маршрутов. К тому же, отсюда берет начало нынешний Новокузнецк – **город-сад**… А Старокузнецк*

вполне подходит под комплексное развитие исторической зоны города (от крепости до домика Достоевского) доиндустриальной эпохи (Л. Агни, 04.08.2014). Сохранения исторической памяти представлено как духовная основа жизни города-сада. Так, в отчёте о заседании краеведческого общества «Серебряный ключ» мы встречаем яркие антитезы в размышлениях Н. Сарцева, главы фонда имени Ермакова: *«Нужно смотреть не только вниз, но и вверх, на небо. А то только и слышно – не* ***город-сад****, а город-Ад»* (А. Тиунов, 17.04.2008).

Благоустроенный город в газетных текстах – прекрасное место для жизни горожан. Составляющих благоустроенности очень много. Их объединяет то, что благоустроенность создаётся усилиями людей, мудро сочетающих стратегию и тактику развития города. Так, С. Бабиков поднимает проблему дорог и движения: *А городским властям и отделу ГИБДД вспомнить не только о персональной ответственности за исполнение служебных обязанностей, но и о своей миссии – улучшении жизни новокузнечан, превращении населенного пункта в* ***город-сад****. Если, конечно, их радение – на деле, а не только на словах* (25.06.2013). Антитеза *населённый пункт – город-сад* передаёт стратегию развития города, увиденную глазами журналиста.

Наряду с типичными случаями конкретизации АСК «город-сад», единичны, но интересны случаи употребления выражения *город-сад* в медиадискурсе 1990-х годов в контекстах, отражающих общественно-политические процессы в стране и изменения в экономической ситуации. Так, в рубрике «Взгляд из Москвы» опубликована заметка С. Марева из «Комсомольской правды» под заголовком *«Горячий металл* ***города-сада****»* (24.02.1996). Образ горячего металла на основе метафоры и метонимии соотносится с темой передела собственности – борьбы за руководство Кузнецким металлургическим комбинатом. В данном контексте в АСК «город-сад» вовлекаются эргонимы (*Кузнецкий металлургический комбинат*, *Новокузнецкий алюминиевый завод*), имена должностных лиц (*бывший*

руководитель Кузнецкого металлургического комбината Николай Фомин, захвативший здание заводоуправления, *Евгений Брауштейн*, законно исполняющий обязанности руководителя в настоящее время), придающий описанию событий яркость и ироничную окраску синонимический ряд *сотрудники охранной фирмы – «секьюрити».* Дух напряжённых событий, происходящих в Новокузнецке, передаёт изотопическая цепочка *горячий – бурлить – страсти*: ***Город-сад****, как когда-то назвал Новокузнецк пролетарский поэт, продолжает бурлить. А ведь ещё не до конца стихли страсти после недавней шахтёрской стачки…* В данном контексте образ города-сада употребляется «ради красного словца», что соответствует столичному взгляду на Новокузнецк, взгляду извне. Такое употребление принципиально отличается от материалов авторов городской газеты. В региональном медиадискурсе значимо противопоставление взгляда на город извне и изнутри (например, В. Речицкий, 30.03.2010).

В АСК «город-сад», связанном с характеристикой современного города, важны слова, частотность которых повышается в эпоху перестройки и послеперестроечное время, что отражает как новые реалии и круг обсуждаемых в масс-медиа вопросов, так и активные процессы, происходящие в современном языке [Валгина 2001]: актуализация уже существующих в языке слов (*возрождение*, *деньги*, *цивилизованный, экология*), активное использование заимствований (*бренд, коммерциализация*, *мэр*, *цивилизованный, экология*), расширение круга бессуффиксных образований (*беспредел*, *передел*) (см. список в табл. 2 Приложения 4).

Таким образом, газетные материалы тесно связывают образ города-сада с Новокузнецком. В газетных текстах различных периодов, эксплицирующих образ города-сада, звучит тема городской газеты как коммуникативного пространства, значимого в обсуждении судьбы города в прошлом, настоящем и будущем.

Выводы

Связанная с ценностной картиной мира гипертема города раскрывается в специфических для регионального медиадискурса рубриках газеты, в формировании особого жанра – городского дневника, в закономерностях репрезентации соотнесённой с ведущей гипертемой идеологемы *город-сад*.

В городской газете «Кузнецкий рабочий» существуют многочисленные рубрики, позволяющие реализовать мемориально-краеведческую функцию регионального медиадискурса: «Городской репортаж», «Городской дневник», «История города в фотографиях», «История города в улицах-лицах», «День в истории города», «Прогулки по городу» и др. Для названий этих рубрик характерна экспликация ведущей гипертемы. Связанные с региональной идентификацией рубрики появились ещё до перестройки, но со второй половины 1980-х гг. обрели большее разнообразие и бóльшую значимость в городской газете. Усиление краеведческих доминант в региональном медиадискурсе и логика жанрово-стилистических изменений, произошедших в российском медиадискурсе конца XX в., проявились в таком феномене, как формирование особого жанра регионального медиадискурса – городского дневника.

Городской дневник как жанр основан на синтезе репортажного, очеркового и эссеистического начал и представляет собой персональный текст с сильной субъективной окраской, соотнесённый с гипертемой города. Образы города и автора создают семантико-стилистическую «двувершинность» городского дневника. Важнейшим композиционным принципом городского дневника, позволяющим передать ассоциативную «гирлянду» зарисовок автора, является фрагментарность. Целостность городского дневника определяется взаимодействием принципов ассоциативного нанизывания микротем и актуализации ассоциативно-смысловых доминант.

Ключевую роль в воплощении темы города в «Кузнецком рабочем» конца XX – начала XXI в. играет идеологема *город-сад.* Регионально маркированная идеологема *город-сад*, имеющая яркий культурный прототип (мифологические представления о рае), в советском медиадискурсе конкретизирует идеологему *светлое будущее (строителей коммунизма)*. Её региональная маркированность связана с концепцией и реалиями Кузнецкстроя. Доминантная часть ментальной и стилистической составляющих идеологемы *город-сад* советского периода определилась благодаря стихотворению В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929).

С наступлением перестройки идеологема *светлое будущее (строителей коммунизма)* становится историзмом, а идеологема *город-сад* теряет свою надрегиональную значимость, её ментальные и стилистические компоненты подвергаются диверсификации. В проблемных аналитических материалах городской газеты, включающих иронию и языковую игру, обсуждаются причины, по которым мечта о городе-саде осталась неосуществлённой, и перспективы превращения экологически неблагоприятного *моногорода*, *города-универсама*, *города-сталкера*, *города-ада* – в *город-сад*. Положительный аксиологический модус идеологемы является контрастной основой для описания реального Новокузнецка и проблем современного города.

В репрезентации идеологемы *город-сад* важны слова, частотность которых повышается в эпоху перестройки и послеперестроечное время, что связано как с новыми реалиями, так и с кругом обсуждаемых в масс-медиа вопросов и отражает активные процессы, происходящие в современном русском языке (*беспредел, деньги, коммерциализация, мэр, экология, возрождение, цивилизованный* и др.). Снижение актуальности идеологемы в медиапространстве характерно для 2000-х гг., для периода, когда актуализируется идеологема с отрицательным аксиологическим модусом *моногород.*

Глава 4. Краеведческие доминанты в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий»

Как уже отмечалось, в региональном медиадискурсе формируются краеведческие доминанты – круг тем, которые связаны с осознанием и выражением региональной идентичности, воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Краеведческие доминанты отражают различные факторы жизни региона, определяющие его своеобразие: природную и этническую специфику, экономические особенности, события культурной жизни и страницы истории края. Каждая из краеведческих доминант связана с комплексом факторов, формирующих региональную идентичость. Особое место занимает исторический фактор, поскольку воплощение в региональном медиапространстве каждой краеведческой доминанты связано с реализацией мемориально-краеведческой функции.

В главе рассмотрены семантико-стилистические особенности воплощения таких краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий», как «Новокузнецк металлургический», «Достоевский в Кузнецке» и «Судьба шорского народа»[32]. Выводы в главе сделаны на основе анализа 544 текстов.

---

[32] В главе использован материал из статей автора: Пушкарева И.А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 3 (23). – С. 24–33; Пушкарева И.А. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 158–165; Пушкарева И.А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX века: семантико-стилистический анализ // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 68–85; Пушкарева И.А. Ключевое слово «возрождение» в материалах о шорской культуре городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века // Сибир. филол. журнал. – 2016. – № 4. – С. 162–173; Пушкарева И.А. О семантико-стилистическом воплощении краеведческих доминант в городской газете: тема шорской культуры в городской газете «Кузнецкий рабочий» // Филология и культура в межрегиональном пространстве : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти профессора И.А. Воробьевой / под ред. Л.М. Дмитриевой. – Барнаул : АлтГУ, 2013. – С. 265–269; Пушкарева И.А. «Шорская тема» в региональном медиадискурсе 80-х гг. XX в. (на материале новокузнецкой городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы III Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, Саранск, 21–23 мая 2014 г. : в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Мишанин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – Т. 2. – С. 342–347; Пушкарева И.А. Семантико-стилистическая роль имён собственных в материалах о шорской культуре городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в. // Русская речевая культура и текст : материалы IX Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2016.

4.1. Дискурсивно-стилистическое воплощение темы «Новокузнецк металлургический»

4.1.1. Динамика металлургической темы в поздравительных материалах городской газеты

В параграфе на материале 253 текстов 1980–2014 гг., выявленных с помощью сплошной выборки по заголовкам и частичной выборки по тематике (см. Приложение 1), рассматривается динамика металлургической темы, в единстве исторического аспекта и осмысления настоящего и будущего города.

Металлургическая история Новокузнецка восходит к далёким временам особого мастерства шорцев-кузнецов, в XX в. её яркие страницы написаны в связи со строительством на Кузнецкой земле заводов-гигантов (Кузнецкого металлургического комбината и Западно-Сибирского металлургического завода; далее используются сокращения *КМК*, *ЗСМЗ*, *ЗСМК*), что определяет роль металлургической темы как краеведческой доминанты городской газеты. Роль металлургической темы в восприятии образа Новокузнецка подтверждена данными ассоциативного эксперимента (о результатах эксперимента см. Приложение 3).

Для исследования динамики металлургической темы обратимся к поздравительным обращениям конца XX – начала XXI в., приуроченным к особому для Новокузнецка празднику – Дню металлурга, а также к юбилеям металлургических предприятий города. В полидискурсивном пространстве газеты особая роль принадлежит эпидейктическому дискурсу, закономерности которого раскрываются в поздравительных обращениях официальных лиц и редколлегии. В соответствии с особенностями торжественного красноречия, в поздравительных обращениях создаётся сопряжённый с мелиоративной оценкой обобщённый образ адресата [Пушкарева 2009], при этом законы эпидейктического дискурса

взаимодействуют с законами медиадискурса, позволяя ярко воплотить АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири».

Поздравительные обращения 1980–1987 гг. (доперестроечное время и начало перестройки) создают воплощённый в торжественной стилистике образ человека труда. На семиотическом уровне этот образ сопряжён как с традициями культуры, так и с советской идеологией. О.В. Орлова, рассматривая дискурсивно-стилистическую эволюцию медиаконцепта «Нефть», делает предположение о перспективности исследования другого «экономико-сырьевого медиаконцепта» – «Уголь» [Орлова 2012в, с. 19–22]. Исследователь опирается на концепцию мессианской темы угля в советской идеологии, разработанную М.Н. Эпштейном [Эпштейн 2006, с. 60–63]. Мессианское звучание металлургической темы в символико-мифологическом описании Сталинска отмечено И.П. Басалаевой (Рещиковой), которая предпринимает анализ юбилейного сборника «Десять лет города угля и металла» (1939) и очерка «Сталинск», написанного в 1954 г. архитекторами Б.Е. Светличным и Н.К. Габелко. Данный очерк для исследователя является «первой развёрнутой “грамматикой” городской повседневности» [Рещикова 2006, с. 177] и отражает мифологическую модель мира, в которой металлургическая тема связана с моделированием центра [Там же, с. 180], а именно с образно-символическими компонентами «очаг, огонь»: «Врезающаяся в небо вертикаль (в восприятии кузнецкстроевцев – гигантская), соединяющая верхний и нижний миры, свечение до сияния, уходящие в небо дымы и их цвет (днём голубой, ночью розоватый), непостижимая для смертного разума “органика” завода, его самодостаточность, синкретический сплав его жутких (завод-монстр, Молох) и священных (алтарь, божественное место) аспектов – все эти черты типичны для нуминозных объектов <…>» [Там же, с. 182]. И.П. Басалаева (Рещикова) делает вывод о том, что в описании металлургического Сталинска «стилистическими средствами советского кода описано не что иное, как традиционная Эпифания (Богоявление)» [Там же].

Металлурги предстают в поздравительных обращениях городской газеты как *творцы металла*. Например, так названа передовая статья, приуроченная ко Дню металлурга (17.07.1982). День металлурга представлен в медиапространстве как праздник, который новокузнечане *вправе считать своим* (там же). Подчёркивается неразрывность судьбы города и металлургического производства: *Да и сам город обязан своим рождением металлургии: он возник первоначально как рабочий посёлок при строящемся Кузнецком металлургическом комбинате* <…> (там же). Отношение к профессии металлурга связано с одобрительно-возвышенной окраской (например, заголовок *«Творцы металла»*, эпитеты с элятивным значением: *Сегодня страна двадцать пятый раз чествует людей одной из сложнейших и труднейших профессий – металлургов*). Газетные материалы первой половины 1980-х гг. и первого этапа перестройки стремятся к структурированию ценностной картины мира советского человека, поэтому в их информационно-оценочном пространстве важны чёткая оценочная позиция и упорядоченность, иерархия. Формируется сознание человека-труженика, который должен знать о роли своего вклада в процветание лучшей в мире страны. Так, в статье «Творцы металла» значима изотопическая цепочка *мир – страна – Новокузнецк,* основанная на партитивной соотнесённости компонентов и актуализированная не только в отдельных текстах, но и на межтекстовом уровне. Она связана с мыслью об успехах отечественной металлургии и вкладе в эти успехи новокузнецких металлургов. Статистические данные, характерные для советского медиадискурса, выполняют суггестивную роль: передавая СФИ, они одновременно создают такую неоспоримую экземплификацию, которая сопряжена со СПИ и СКИ.

Отметим, что стилистика торжественного красноречия используется в городской газете и в послеперестроечное время[33], например: *Поэтому,*

[33] Поздравление с юбилеем КМК администрации города, 03.04.1997; поздравление с Днём металлурга губернатора А.Г. Тулеева и председателя областного совета народных депутатов Г.Т. Дюдяева, 17.07.1999; поздравление с днём рождения Запсиба и.о. главы города А.А. Ружило, 27.07.2000 и др.

поздравляя металлургов с днём рождения Запсиба, хочется поздравить и десятки тысяч других новокузнечан, которые на заре шестидесятых внесли свою лепту в индустриализацию края, которые впоследствии активно помогали сталеварам сделать наш город одним из центров чёрной металлургии России (27.07.2000). В период перестройки и последующие годы сохраняется мысль о градообразующей роли профессии металлурга: *Наш город своим рождением обязан металлургам. Считаю, что День металлурга – это самый большой праздник для Новокузнецка* (праздничное обращение председателя горисполкома Е.И. Блинова, 20.07.1991). В 1990-е гг. и в начале XXI в. газета, как и прежде, подчёркивает свою связь с судьбой металлургического города: *Когда Кузнецкий комбинат строился и мужал, а Запсиб был проектом, наша газета называлась «Большевистская сталь». В некотором смысле, мы родственники, дорогие металлурги* (поздравительное обращение газеты к металлургам «Завтра – День металлурга!», 27.07.1996).

Однако даже эпидейктический дискурс на поздних этапах перестройки отражает **изменение оценочной тональности**, например: *Сейчас трудное, смутное время, но я верю, что профессия металлурга снова станет уважаемой в народе, что людям не придётся смотреть с неодобрением на сизый дым мартеновских печей, потому что цивилизованная технология производства, рождённая у нас в Союзе, но давно внедрённая в передовых фирмах за рубежом, придёт на наши комбинаты* (праздничное обращение председателя горисполкома Е.И. Блинова, 20.07.1991). Как видим, металлургическая тема сопрягается с экологической, причём экологическая ситуация в регионе оценивается как крайне неблагоприятная, технологическая готовность предприятий бороться за восстановление экологического баланса – как не соответствующая мировым стандартам, успешно внедрённым в западных странах (см. о повышении частотности слов *экология* и *экологический* в табл. 2 Приложения 4).

В 1990-е гг. эпидейктический дискурс отражает не только ключевую роль профессии металлурга для города, но и сложность экономического положения. В композиции поздравительных текстов важно противопоставление оценки мелиоративной (темы почётного труда металлургов, на котором держится город, надежды на то, что положение стабилизируется и улучшится) и пейоративной (тема экономических трудностей). Так, в праздничном обращении газеты к металлургам города (С. Паутова, 15.07.1995) сложность экономического положения металлургических предприятий передана с помощью имеющего межтекстовый статус и повторяемого в тексте эпитета *трудный* (*Трудным был этот год для всех предприятий отрасли*), яркой метафорой *балансирование на краю пропасти*, разговорными средствами, позволяющими нарисовать понятную каждому читателю картину экономического неблагополучия (*И сводить концы с концами, обеспечивая нормальное производство и даже выкраивая средства на его развитие, на зарплату, становится всё труднее*). Экспрессивную роль в тексте играет метафора *цены*, помогающая передать мысль об огромных усилиях металлургов города преодолеть трудности: *Ведь не просто выживали, но и двигались вперёд. Другое дело, какой ценой это давалось.* Акротеза *выживали – двигались вперёд* является важным стилистическим средством мелиоративной оценки усилий металлургов. Отметим, что употребление глагола *выживать* в связи со сложностью экономической ситуации характерно и для материалов 1990-х гг. другой тематики (см. о повышении его частотности в табл. 2 Приложения 4). В частности, этот глагол приобретает ключевую роль в материалах о борьбе городской газеты за сохранение своего статуса независимой. Мы находим и другие примеры использования оценочного контраста в композиции поздравительных обращений[34].

[34] Например, поздравление Совета директоров КМК, 03.04.1997; поздравление главы города С.Д. Мартина с Днём металлурга, 19.07.1997.

В начале XXI в. тема роли металлургии в судьбе города и тесной связи газеты с этой темой воплощается не только в традиционной стилистике эпидейктического дискурса, но и аналитически, с акцентированием авторского начала в тексте. «Новые стилистические градации требуют прежде всего отхода от высокого языка при изложении серьёзных материй, по крайней мере введения в речь личностного человеческого момента, некоторого облегчения, упрощения тех средств выражения, с которыми предшествующая эпоха жёстко увязывала важные темы, доводя анахронически до абсурда ломоносовское “коими о высоких материях говорить пристойно”», – пишет В.Г. Костомаров о языковом вкусе в масс-медиа 1990-х гг. [Костомаров 1999, с. 64]. Так, адресованное металлургам поздравление редколлегии 2001 г. преодолевает рамки торжественного поздравительного красноречия и перерастает в эссе. Эссе является жанровой формой, которая соответствует таким тенденциям в развитии медиадискурса рубежа веков, как возрастание личностного начала и усиление проблемности изложения. Эссеистический стиль органично воплощает коммуникативную цель искреннего, диалогически ориентированного выражения личных мыслей о наболевшем. Заголовок поздравительного эссе журналиста А. Каруноса *«Железная чересполосица»* (14.01.2001) содержит языковую игру и позволяет соотнести эпитет на основе метонимии с темой судьбы металлургических предприятий, а определяемое имя существительное – с темой поворотов судьбы, нестабильного положения в отрасли (и шире – в стране). Автор строит текст как персональный, подчёркивая личностный характер изложения: *А я работаю в газете. И пишу о том, что новый стратегический инвестор, как правило, очень порядочный, идёт на смену старой, жутко непорядочной и проворовавшейся команде топ-менеджеров. Потом оказывается, что новый стратегический инвестор ещё тот проходимец, что завод снова на грани краха и его срочно меняют на следующего. Всё это называется переделом собственности.* Ключевым словом текста, обозначающим полюс мелиоративной (телеологической,

утилитарной) оценки и актуализированным с помощью повтора, является имя существительное *стабильность*, например: *То есть вот они, стабильность и перспектива, виды на развивающийся рынок и мешки с капиталом, а тут, вот те на – штакетина и темнота.* Горькая ирония позволяет автору создать образ журналиста городской газеты, знающего разницу между двумя картинами происходящего, одна из которых принадлежит власти, а другая народу. Журналист выбирает позицию народа, о чём свидетельствует акротеза образов *измасленных, потных спин металлургов* и *генералов*: *Забывается, что экономический рост и процветание берут корни в измасленных, потных спинах металлургов. Битвы за металл выигрывают не только генералы.* Как видно из приведённого примера, напряжённость в металлургической отрасли подчёркнута характерной для воплощения металлургической темы в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. социоморфной метафорой с понятийной сферой-источником «Война»[35].

В приуроченных к металлургическим праздникам размышлениях представлена метаязыковая рефлексия об эпидейктическом дискурсе советских времён: *Каждый год на праздники мы гордо считали, как много металла в общегосударственном балансе выплавили именно в Новокузнецке, сколько прокатали рельсов. Мы были богаты своим трудом. И гордились этим. И в мире, конечно, не было чудесней красоты, чем красота горячего металла* (В. Анатольев, 17.07.1999). Шутливо-лирическая тональность эссе В. Анатольева сопряжена с признанием неразрывной, предопределённой судьбой связи города и металлургии, связи, которая делает неизбежным металлургическое будущее: *Иногда эта связь достаёт: плохо дышится, мало живётся. Но от этого никуда не деться: такова наша судьба – быть кузнецами. И, естественно, будущее города зависит от того, насколько чётко бьётся пульс металлургии. Дай Бог, не остановится. А там, глядишь,*

[35] Этот тип метафоры рассматривается А.П. Чудиновым в рамках политической лингвистики: [Чудинов 2012, с. 136–137].

что-нибудь изменится. В лучшую сторону. Ведь мы любим свой город металлургов и гордимся им (там же).

Таким образом, металлургическая тема в эпидейктическом дискурсе городской газеты конца XX – начале XXI в. проходит путь от воспевания советского человека труда до выхода за рамки торжественного красноречия – к искреннему, личностному, рефлексивному изложению мыслей не только об уважении к профессии металлурга, но и о неблагоприятной экологической ситуации и тяжёлом экономическом положении, о драматизме отношений народа и власти. Однако журналисты и другие авторы публикаций подчёркивают константы ценностной картины мира городской газеты: город обязан своим рождением и расцветом именно развитию металлургии; на уважении к истории зиждется настоящее и будущее; судьба городской газеты тесно связана с судьбой металлургического Сталинска – Новокузнецка; журналист представляет и защищает интересы народа, каждого человека труда.

4.1.2. Ассоциативно-стилистический комплекс «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» (газета об истории города)

В представлении АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» значимо то, что в характеристиках продукции новокузнецких металлургов неоднократно используется указывающее на верность традиции определение *кузнецкий*: *кузнецкие рельсы* (В. Рачков, 05.02.1981; С. Барсуков, 03.01.1989), *кузнецкая сталь* (Л. Шептенко, 07.10.1981; 23.10.1985; М. Беркович, 31.03.1988), *кузнецкие металлурги* (Е. Коган, 24.01.1985; очерк «Люди и сталь, 07.11.1984), *кузнецкий прокат* (С. Ерлашов, 11.08.1983), *кузнецкая броня* (М. Беркович, 09.05.1985); *кузнецкая марка* (С. Барсуков, 03.01.1989). Большое внимание в газетных материалах первой половины 1980-х гг. и первого этапа перестройки

уделяется таким героическим страницам в истории КМК, как годы Кузнецкстроя и Великой Отечественной войны.

Новые акценты в воплощении темы истории кузнецкой металлургии намечаются в конце 1980-х гг. Для медиадискурса поздних этапов перестройки и 1990-х гг. характерно внимание к «белым пятнам» истории (само выражение фиксируется в «Словаре перестройки»: [Максимов 1992, с. 23]). На поздних этапах перестройки в медиапространство включаются аналитические материалы исторического содержания. Так, в десяти номерах газеты публикуется пространный очерк М. Берковича «Истоки железной реки» (15–30.11.1990). Журналист освещает «белые пятна» истории, например: *Бывший начальник Кузнецкстроя Сергей Миронович Франкфурт, расстрелянный в годы разгула сталинских репрессий, в своей книге «Рождение стали и человека», единственный экземпляр которой сохранился буквально чудом, сравнивает Кузнецкстрой с Клондайком* (15.11.1990); приводит сведения о дореволюционном этапе развития отечественной металлургии (30.11.1990). На страницах городской газеты специалисты, участники, очевидцы событий рассказывают о том, что не акцентировалось или умалчивалось в советский период. Городская газета заполняет «белые пятна» истории новокузнецкой металлургии, выполняет коммуникативную роль источника правдивой информации и пространства её поисков, публикуя даже высказывания авторов писем, в которых изложены сомнения в этой коммуникативной роли: *Знаю, что этой статьёй минувшего не поправишь. Даже удивлюсь, если её опубликует наша городская газета* (В. Лобов, 05.01.1990). В стилистическом отношении такие материалы отличаются соединением эмоциональности и аналитизма, изложенные факты не позволяют остаться равнодушным и заставляют задуматься. Например, в рубрике «Никто не забыт, ничто не забыто» помещён материал о взрыве на пятой доменной печи КМК (*17 декабря 1959 года в 17 часов 35 минут*) (В. Лобов, старший инспектор Горэнергонадзора, бывший член штаба по устранению последствий аварии, 05.01.1990).

В первой половине 1990-х гг. начинается осмысление подлинных истоков металлургической истории региона; она дополняется сведениями геологов об истории изучения недр края, историков – о шорцах-кузнецах, которые с древности жили на Кузнецкой земле. Неоднократно материалы включают обстоятельственную характеристику *ещё до…*, создающую ретроспективу: *Ещё до прихода Ермака местные племена уже выплавляли железо* (Г. Шаров, 15.03.1994); *<… > ещё до основания Томска в Москве было известно, что в «Томской вершине» живут племена «кузнецов», занимающиеся выплавкой металла, которые «делают доспехи и железа стрельные (наконечники стрел) и котлы выковывают» и «могут государев ясак (дань) платить»* (А. Кауфман, 12.02.1994). Научный сотрудник историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» А. Кауфман употребляет основанный на метонимии топоним *Кузнецы*: *Первые попытки ясачного сбора в «Кузнецах» заканчивались для служилых людей неудачно <…>*; *<…> городские власти [Томска] предприняли две военные экспедиции в Кузнецкую землю [1610–1611] с целью «…пришед в Кузнецкие волости, зделать крепость, засекаю осетца…», т.е. это были первые попытки закрепиться в «Кузнецах» <…>* (12.02.1994). Металлургическая история края связывается с его ономастическим пространством и в других публикациях: *Самим названием «Кузнецкий бассейн» мы обязаны знаменитому П.А. Чихачёву, который дал его в 1842 году* (Г. Шаров, 15.03.1994); *Город, родовая принадлежность которого обозначена уже в названии, в современной своей истории «качнулся» от Кузнецкого комбината. У нас если сад – то металлургов, если проспект – то тоже их имени, и даже название газеты было «Большевистская сталь»* (В. Анатольев, 17.07.1999); *Ничто так не украшает город со старинной основой в названии – кузнецы, как декоративные элементы из металла, ничто так не соответствует его духу* (В. Немиров, 04.11.2000).

В разные периоды истории страны газета сохраняет внимание к роли КМК в судьбе города. Городская газета, реализуя мемориально-

краеведческую функцию, использует жанр хроники (03.04.1992, 03.04.1997). КМК представлен в городской газете как начало города, например: *Про всё, что родилось вместе с Кузнецким металлургическим комбинатом, в городе говорят «первое». Первая в городе газета начала выходить на Кузнецкстрое. Первая улица выросла рядом с великой стройкой. Первое в городе училище стало готовить кадры для металлургического гиганта* (М. Кислицына, 24.05.1995). Подчёркивается роль КМК в Великой Победе (Л. Ковякина, 03.04.1992; Н. Степанова, 20.03.1997; В. Валиулин, 01.04.1997; Н. Васильева, 03.04.1997; А. Краснова, 09.05.2000), например: *Уже на второй день войны комбинат получил задание наладить производство броневой стали. В октябре 1941 года броневой металл пошёл. Было освоено более 70 новых марок. Каждый второй танк был одет в кузнецкую броню* (Н. Васильева, 03.04.1997). В. Валиулин акцентирует не только экономическую роль КМК, но и его значение в развитии культуры города: *Но нужно вспомнить, что на Кузнецкстрое были ростки будущей культуры города. И представляли они тогда собой груду разрозненных книг, сваленных в сыром полуподвале на Верхней колонии* (01.04.1997); в проблемном изложении журналист использует акротезу *исторической памяти* и *сиюминутных интересов*: *Только как при этом быть с историко-культурным наследием Кузнецкстроя? Думается, не благим было бы такое дело, при котором город терял бы свою историческую память в угоду сиюминутным интересам.*

В аналитических материалах начала XXI в. уважение к истории сочетается с трезвым взглядом на несоответствие КМК современным технологическим требованиям и с поиском новых путей развития металлургии города[36], например: *КМК, первенца социндустрии, словно почётного пенсионера, тогда не стали донимать кардинальной реконструкцией, фактически обрекая на дряхлость в обозримом будущем* (М. Гревнёв, 10.11.2001).

[36] В. Валиулин, 14.07.2001; М. Гревнёв, 10.11.2001; П. Данилов, 27.04.2006 и др.

Эмоционально-экспрессивная окраска многих публикаций начала XXI в. создаётся благодаря диалогическому изложению, с помощью которого автор не просто передаёт сведения из истории предприятия, но и старается заинтересовать читателя, подчеркнуть доверительность, задушевность разговора с ним. Так, в очерке В. Немирова об истории алюминиевого завода использован активизирующий внимание адресата заголовок (*«Почему самолёты не делают деревянными»*), в текст включаются разговорные средства, контексты с шутливой окраской: *Кажется, самим Богом было положено построить алюминиевый завод именно в Новокузнецке. Впрочем, в тридцатые, в эпоху сурово атеистическую, руководствовались материями другого порядка* <…> (В. Немиров, 28.11.1992). Для 90-х гг. XX в. и начала XXI в. характерна подобная манера «антипафосного» изложения, непринуждённого и искреннего. Включение контекстов с неодобрительной оценкой и проблемным изложением не умаляет уважение к истории города, а, напротив, делает её ближе к читателю.

4.1.3. Ассоциативно-стилистический комплекс «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» (образ современного города)

Предпринятый семантико-стилистический анализ показал, что публикации 1980–1987 гг. в целом соответствуют модели газетной статьи на экономические темы, разработанной В.В. Барсуковой с опорой на подход французской школы дискурса (М. Фуко, П. Серио), дискурс-анализа СМИ Т. ван Дейка и функционально-стилистические исследования тоталитарного языка И.П. Лысаковой, Н.А. Купиной [Барсукова 2010, с. 66]. Специфика определяется тем, что металлургическая тема относится к краеведческим доминантам городской газеты. Подчёркивание металлургического истока, отношение к нему как основе настоящего и будущего города частично было представлено в двух предыдущих параграфах. Остановимся подробнее на особенностях стилистического воплощения данных смысловых акцентов.

АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» был рассмотрен на основе текстов соответствующей тематики, отражённой в заглавиях. Ключевую роль в таких материалах приобретают имена существительные *сталь, рельсы, металл, прокат, чугун*, *плавка*, названия металлургических предприятий города. В круг исследования включались и некоторые материалы, не содержащие в заголовках названные ключевые слова и их дериваты, но раскрывающие металлургическую тему.

Стилистическое мастерство журналистов городской газеты проявляется в воплощении в связи с металлургической темой **эстетической оценки,** основанной на воспевании красоты труда. Эстетическая оценка проявляется прежде всего в репортажных фрагментах текстов, насыщенных эмоционально-экспрессивными средствами (эпитетами, сравнениями, метафорами, глаголами со значением «настоящее репортажное», «прошедшее повествовательное», «прошедшее перфектное»)[37], например: *Через минуту в ковш струится металл, фейерверком рассыпаются ослепительные брызги падающего чугуна* (С. Барсуков, 07.02.1981); *Пошёл металл! Незабываемое это зрелище, выпуск: бушует вырвавшийся на волю огненный поток, рассыпаются искры* (Н. Каркавина, В. Ерёмин, 26.11.1982). Неоднократно насыщенные эмоционально-экспрессивным средствами фрагменты завершают текст: *Сноп искр разлетается по воздуху, рассыпается на тысячи маленьких звёздочек, цех освещается заревом. Могучим потоком идёт пионерский металл, приумножая богатство нашей Родины* (Е. Денисов, 24.05.1983); *По громкоговорящей связи раздаётся ликующее: «Пошла!» И вот уже в руках гостей сувениры – стальные прутки, отливающие булатной синевой. Они вобрали в себя весь жар и крепость двухсот миллионов тонн проката, рождённых на земле Кузнецкой* (С. Ерлашов, 11.08.1983).

[37] В. Рачков, 05.02.1981; С. Барсуков, 07.02.1981; З. Беседина, 01.11.1981; В. Белобородова и др., 03.04.1982; Н. Каркавина, В. Ерёмин, 26.11.1982; Т. Шипилова, 05.09.1984; «Дирижёр плавки», 16.01.1986 и др.

Субъективная окраска газетных материалов, особенно репортажных фрагментов, проявляется не только в эмоционально-экспрессивных средствах, но и в использовании персонального с грамматической точки зрения изложения, слов, создающих эмпирические ассоциации (связанные в текстах с восприятием звука, формы, размера, фактуры), разговорных средств.

Персональное изложение органично для передачи эффекта присутствия, при этом журналисты используют формы местоимений и глаголов 1-го лица, например: *Иду вдоль длинного ряда мартеновских печей. Звонко цокают контакты завалочных машин, стучат на стыках рельсов колёса гружённых скрапом вагонеток. Вон там, из завалочного окна пятой печи, тонкой струйкой стекает шлак* (М. Беркович, 09.05.1985). Как уже отмечалось, в изложение включаются слова, создающие у адресата эффект погружения через эмпирические ассоциации. Неоднократно используется синтетико-аналитический способ построения абзаца, благодаря которому адресат сначала знакомится с общим впечатлением автора, а затем получает возможность погрузиться в детали. Приведём пример такого дедуктивного зачина, в котором персональное изложение сочетается с включением слов, стимулирующих эмпирические ассоциации: *Термоотделение рельсобалочного цеха встретило нас привычным рабочим гулом, не умолкающим здесь круглые сутки* (В. Рачков, 05.02.1981). Стимулы эмпирических ассоциаций могут содержаться и в конкретизирующей части, следующей за дедуктивным зачином: *В литейном цехе ЗСМЗ – обычный рабочий день. В пролёте под сводами цеха гудят мостовые краны, переносятся опоки и ковши с металлом для заливок форм* (С. Барсуков, 07.02.1981).

Субъективация изложения формируется комплексом средств и приёмов. Так, в репортаже с мероприятия, посвящённого 50-летию КМК, в эмоционально-экспрессивном контексте используются эпитеты, метафора, синтаксическая анафора, реактивный регистр речи: *Вот он, долгожданный*

фонтан брызг, обдавший фейерверком звёзд своих хозяев. Вот он, неудержимый поток чугуна!; в последующем изложении – просиопеза, экспрессивные глаголы со значением «настоящее репортажное», синтаксическая анафора, анадиплозис: *...Мчится чугун по желобам, мчится целых сорок минут. Сорок минут салютует доменный своему золотому юбилею* (В. Белобородова и др., 03.04.1982).

В производственном очерке С. Быкова о работе среднесортного цеха Запсиба субъективация изложения создаётся глаголами и деепричастиями, передающими повествовательный динамизм, а также яркими эпитетами и ономатопеей. Личностный тон эксплицируется благодаря открытой фиксации ощущения речевого субъекта, переданного сравнением и глаголом с обобщённо-личным значением: *Из нагревательной печи солидно вываливается толстый брус-заготовка, раскалённый до розовой полупрозрачности, и неторопливо трогается вперёд. Его принимает первая клеть. Ахнув, брус втискивается между крутящимися валками – и всё! – тяжёлого куска металла больше нет. Задний конец заготовки ещё вползает в объятия валков, а передний уже вытянулся, устремляясь дальше. Ухая, проскакивает стальная полоса сквозь клети, набирая скорость, вытягиваясь, превращаясь в швеллер. Несётся по рольгангу тридцатиметровая светящаяся малиновая полоса, струится над ей горячий воздух. Ощущение такое, будто стоишь у стремительного огненного ручья* (23.03.1983). Следующий абзац актуализирует значимое для многих текстов противопоставление такого восприятия непосвящённых восприятию металлургов (взгляда на производственный процесс извне и изнутри): *А для тех, кто работает здесь, на уникальном стане «450» в среднесортном цехе Запсиба, это зрелище – дело привычное.* Подобное противопоставление актуализируется, например, в информационной корреспонденции С. Барсукова с помощью антитезы *неординарное – привычная*: *Стройный ряд мартеновских печей Кузнецкого металлургического комбината для стороннего наблюдателя – зрелище неординарное. Для сталеваров и их*

подручных – привычная обстановка. Они на своих рабочих местах (С. Барсуков, 21.04.1987).

Важную роль в создании эстетики производства, в том числе противопоставления посвящённых и непосвящённых в тайны производственного процесса, в репортажных фрагментах играют средства с научно-производственной функционально-стилевой окраской. Например: *На шкале регистрирующего прибора её [индукционной печи] пульта после шестичасовой обкатки 800 градусов. Спектральный процесс набивки тигля закончен. Технологи готовятся к заливке чугуна. Мощный тридцатитонный кран подносит ковш к летке вагранки. Вагранщик пробивает леточное отверстие* (С. Барсуков, 07.02.1981). Разговорные средства, включённые в представляющие АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» газетные тексты, в том числе в их репортажные фрагменты, коммуникативно направлены на то, чтобы усилить диалог с адресатом, приблизить к нему предмет речи, в том числе адаптировать к его уровню специальную информацию, погрузить непосвящённого в тайны производства, например: *Перевыполнили с лихвой свои обязательства сортопрокатчики, листопрокатчики* (Е. Коган, 24.01.1985); *...Два литейных конвейера берут начало на участке заливки. Сегодня у одного из них хлопочет В.И. Путина. Вот он повелительно повёл рукой, и изжелта-белый чугун устремился в форму: рождается богатырская «посуда» для стали <...>* (А. Антонов, 08.07.1986). Нередко разговорные средства соседствуют с научно-производственными. Например, разговорный по окраске фразеологизм *засучить рукава* передаёт напряжённость работы конструкторского бюро над новым способом разделки рельсового скрапа и соседствует с научно-производственной лексикой: *Начальник прокатного конструкторского бюро Владимир Абрамович Гольденберг выдвинул такую идею: ломать рельсы на прессах с предварительным надрезом подошвы. <...> На следующий день обо всём доложили директору комбината, и он издал приказ. Срок поставил жёсткий. В сентябре состоялось названное*

совещание, а к новому году было приказано уже испытать машину. И конструкторское бюро во главе с Гольденбергом засучило рукава (М. Беркович, 30.01.1985). Подобное соединение научно-производственной и разговорной лексики мы наблюдаем и в материале З. Бесединой, причём одно из разговорных средств оформлено журналистом с помощью кавычек, что свидетельствует о «стилистическом переводе» для адресата: *В минувшие выходные обстановка на площадке заметно изменилась. Во-первых, союзтеплостроевцы закончили футеровку печи для прокаливания ферросплавов и начали обмуровывать газоотсос. Причём в то время, как они «поселились» внутри его, механомонтажники ещё доводили до ума наружный кожух* (З. Беседина, 01.11.1981).

Эстетика труда передаётся в газетных материалах не только путём погружения в реальный производственный процесс, но и в более редких контекстах с суггестивным использованием глаголов будущего времени и с обобщением, концептуализацией. Глаголы будущего времени, выполняя эмоционально-экспрессивную роль, помогают обозначить ту светлую перспективу, которая связана с идеей прогрессивного развития страны, например: *Пройдёт время, и сотни составов помчат по стальной колее, на рельсах которой стоит марка КМК. Металл, выплавленный друзьями, будет служить миру* (Н. Каркавина, В. Ерёмин, 26.11.1982). Обобщение и концептуализация темы красоты труда создаются, например, с помощью метаязыкового осмысления труда в информационной корреспонденции Т. Шипиловой: *«Битва» и «труд» – слова порой почти однозначные…* (05.09.1984). Такая интерпретация поддерживает метафорический заголовок – *«В бой за металл»*. Тема труда как напряжения, усилия, преодоления подчёркнута внутритекстовым корневым повтором: наряду с именем существительным *труд* употреблено слово категории состояния *трудно*, семантика которого контрастно оттеняется с помощью антитезы *трудно – просто*. Обобщение и концептуализация темы красоты труда органичны в материалах о произведениях искусства. Так, в очерке Т. Высоцкой о

художнике А. Холодове актуализированы изотопические цепочки *красота – романтика – поэзия*, *эпические – индустриальная мощь города*: *Острое чувство современности помогло художнику увидеть и передать красоту, романтику и поэзию окружающей жизни, её преобразованный трудом человека облик. <…> Лирические по настроению пейзажи сменяются эпическими, воспевающими индустриальную мощь города* (09.07.1983).

Со второго этапа перестройки контексты с эстетической оценкой металлургического производства встречаются реже, но всё же сохраняются, создавая особое стилистическое направление воплощения данной краеведческой доминанты в городской газете (например, заметка о юбилейном сборнике материалов о ЗСМК *«Симфония рождения металла…»*, 30.06.1994; информационная корреспонденция с ЗСМК *«Заворожила магия огня»*; Б. Рудаев, 04.03.2000).

Ключевая роль в публикациях 1980–1987 гг. принадлежит слову ***сталь.*** *Сталь* – идеологема, актуализированная в региональном медиапространстве. Характерно, что во многих контекстах с метаязыковой рефлексией гемероним *«Большевистская сталь»* упоминается для подтверждения связи истории газеты с судьбой города. В публикациях советского периода и начальных этапов перестройки раскрывается то значение идеологемы, которое О.В. Орлова характеризует как «институциональное официальное идеологически выверенное высокое значение» медиаконцепта [Орлова 2012в, с. 21].

Именно слово *сталь* чаще других слов, связанных с металлургической тематикой, выносится в заголовки газетных публикаций. «Сталецентризм» медиапространства городской газеты доперестроечного периода и начала перестройки проявляется также в неоднократном использовании двухкомпонентных заголовков, которые представляют собой сочинительную конструкцию с союзом *и*, актуализирующую изотопические цепочки, интегральные смыслы которых раскрываются в текстах, например *«Сталь и розы»* (А. Полоцкий, АПН, 14.07.1983), *«Хлеб и сталь»* (ТАСС, 01.08.1984);

«Люди и сталь» (07.11.1984). Актуализация слова *сталь* проявляется и в определении его с помощью эпитетов. Оценочные эпитеты отражают такие основания нормативной, телеологической и утилитарной оценки, как качество и количество выпускаемой продукции (*прочная сталь*: В. Рачков, 05.02.1981; М. Беркович, 28.11.1981; *добротная сталь*: С. Барсуков, Е. Денисов, 13.05.1987). В соответствии с ролью в тоталитарном языке идеологемы *план*, количество выпущенной продукции оценивается одобрительно, как воплощение стратегии развития плановой экономики и, следовательно, прогресса страны в целом. Неоднократно в первой половине 1980-х гг. и на первом этапе перестройки используется определение *сверхплановый.* Контексты с оценочным определением *сверхплановый* выносятся в заголовки (*«Сверхплановая сталь»* – 10.03.1982; М. Гревнёв, 11.03.1982).

Существенные изменения в АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» намечаются на втором этапе перестройки: вопрос о судьбе отечественной металлургии и, соответственно, города металлургов приобретает **проблемное звучание**. Главные обсуждаемые в газете в связи с металлургической темой проблемы – экологическая ситуация и будущее города. Со второго этапа перестройки с усилением проблемного звучания появляются отражающие его эпитеты, например, в интервью М. Берковича с директором КМК имя существительное *сталь* сопровождается эпитетами *сложная* (вынесен в заглавие) и *капризная* (31.03.1988) и звучит тема технологической сложности производства качественной стали. В материале также наблюдается возрастающая в эпоху перестройки интерактивность: в лиде представлена запись звонка читателя газеты в редакцию:

– Алло, редакция? Вот мы, ветераны четырежды орденоносного Кузнецкого металлургического комбината, толкуем о том, что рабочие Московского Первого подшипникового завода пожаловались Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву на плохое качество нашей кузнецкой стали. Обидно такое читать… Как могло такое случиться?

Слово *сталь* и его дериваты в 1990-е гг. значительно реже используются в заголовках, причём их использование нередко становится знаком проблемного характера публикации. Например, материалы круглого стола, посвящённого экологическим проблемам и перспективам города, озаглавлены *«Стальной хлеб Новокузнецка»* (М. Стахович, 14.12.1994). Метонимическое употребление эпитета *стальной* позволяет актуализировать проблемные вопросы: *Металлургические гиганты дают нам хлеб (экономика), но одновременно делают его горьким (экология)*. Интересно, что в ходе обсуждения этих вопросов журналисты неоднократно актуализируют изотопическую цепочку *Новокузнецк – Питтсбург*, связанную с мыслью о значимости для Новокузнецка опыта американского города Питтсбурга в перепрофилировании экономики[38].

Метонимическое употребление слова *сталь* и его дериватов в заголовках позволяет актуализировать денотативную информацию и в то же время привлекает внимание адресата благодаря текстовой синтагматике, создающей эффект обманутого ожидания. Так, заголовок *«Российская сталь ищет место под солнцем за хорошую цену»* (М. Стахович, 24.09.1998) оформляет заметку об экономических сложностях предприятий в условиях рыночной экономики; перепечатанный из газеты «Версия» материал о судьбе кузнецкого завода ферросплавов носит заголовок *«Стальной шум»* (А. Гореславский, 25.04.2000); статья М. Гревнёва о проблемах на КМК озаглавлена *«Стальная драма: в ожидании развязки»* (10.11.2001); аналитическая корреспонденция *«Как защищалась сталь»* (В. Валиулин, 30.10.2004) посвящена вопросу о внедрении на ООО «Сталь» изобретения учёных СибГИУ. Заголовки начала XXI в. включают в экспрессивные контексты с языковой игрой эргоним «Сталь НК», создавая коннотации, связанные с судьбой не только конкретного предприятия, но и металлургии города в целом: *«Как загибалась “Сталь”»* (С. Бабиков, 09.11.2006);

[38] В. Раус, 18.07.1992; В. Речицкий, 05.12.1992; М. Хаузер, 08.06.1993; М. Стахович, 14.12.1994, 23.05.1996; Е. Волынкина, 10.10.2012 и др.

«“Сталь” – в металлолом, сталеваров – на биржу?» (С. Бабиков, 15.03.2007).

Таким образом, со второго этапа перестройки идеологема *сталь* в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в стране теряет свой прежний ценностный статус. Он сохраняется лишь в публикациях исторического содержания, где мемориально-краеведческая функция городской газеты позволяет оживить память о славном металлургическом прошлом города, например: *«Как закалялась сталь»* **(**биографический очерк о В.Г. Тереньеве, который более 40 лет проработал на НКАЗе; Ф. Степанов, 06.04.1999); *«Стальной поток длиною в четверть века»* (очерк к юбилею крупнейшего в стране кислородно-конвертерного цеха ЗСМК; К. Андреев, 01.05.1999); *«Как закалялась сталь»* (заметка ко Дню металлурга и к юбилею газеты; А. Логинов, 17.07.1999); *«“Стальные” женщины Запсиба»* (очерк ко Дню металлурга и к юбилею ЗСМК; И. Ким, 17.07.1999); *«Учение о стали»* (очерк о кафедре металлургии стали СибГИУ; Е. Протопопов, 29.04.2000); *«Так закалялась сталь умов и сердец»* (очерк о профессоре СибГИУ Е.Я. Зарвине; И. Ким, 04.05.2000); *«Победная сталь мартенов, победная сталь сердец»* (информационная корреспонденция о праздничных мероприятиях на КМК, посвящённых 55-летию Победы; А. Краснова, 09.05.2000); *«Рождение стали»* (биографический очерк о В.В. Соколове, главном сталеплавильщике ЗСМК; О. Морозова, 20.01.2001); *«Наша сталь превосходила немецкую»* (С. Михайлов, 07.05.2011) и др. Как видим, в реализующих мемориально-краеведческую функцию материалах образ стали актуализирован с помощью различных стилистических приёмов, экспрессивно насыщающих тексты. Отметим использование культового для советского времени прецедентного текста *«Как закалялась сталь»*, языковой игры, основанной на совмещении метонимического и метафорического значения (*«стальные» женщины*), метонимического эпитета (*победная сталь*) и других метонимических конструкций (*стальной поток длиною в четверть века*), олицетворения (*рождение стали*).

Экономические факторы определяют повышение употребительности слова *рельсы* в заголовках материалов, посвящённых металлургической теме, в 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. (см. рис. 15).

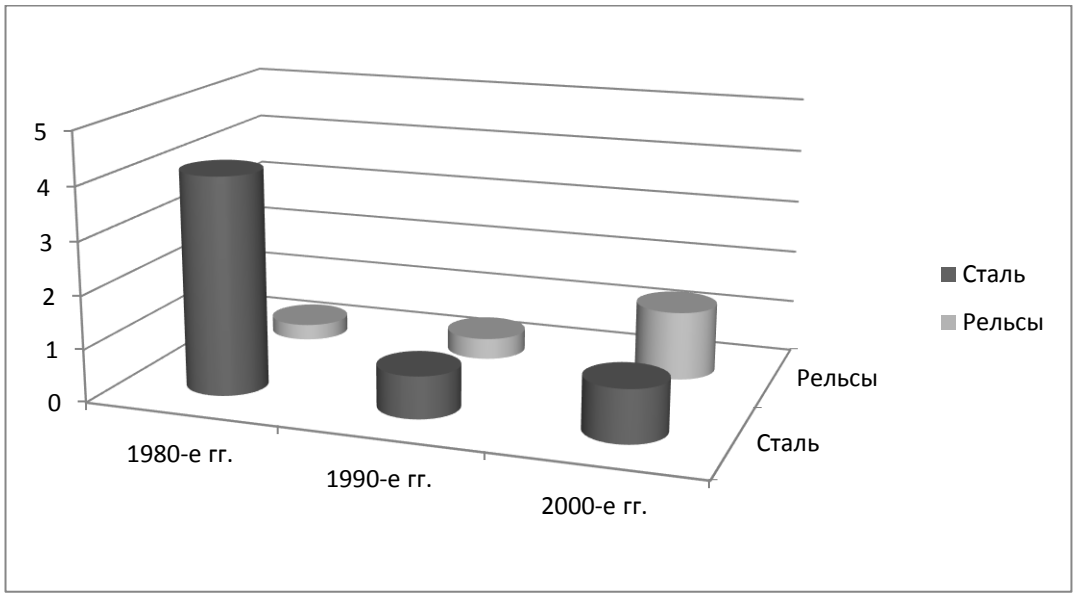


Рис. 15. Употребление в газетных заголовках слов *сталь* и *рельс / рельсы* (показатель употребительности – среднее арифметическое количества заголовков за один год рассматриваемого периода)

Отметим, что динамика употребления слов *сталь* и *рельс / рельсы* в заголовках городской газеты не совпадает с динамикой, отражённой Национальным корпусом русского языка (см. рис. 16). Это свидетельствует о региональной маркированности употребления данных слов, связанной с одной из краеведческих доминант.

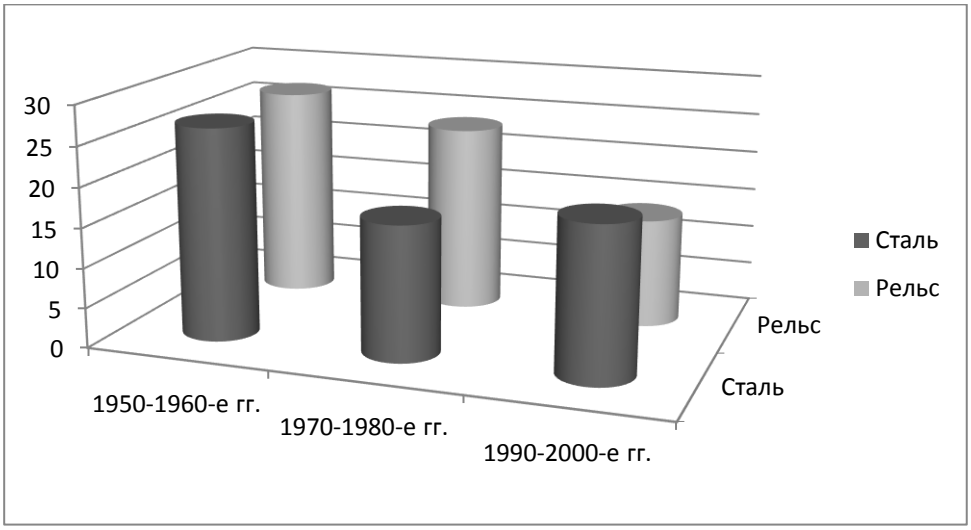


Рис. 16. Данные частотного словаря О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова об употреблении слов *сталь* и *рельс* в газетной публицистике

В употреблении слова *рельсы* показательна не только количественная динамика, обусловленная характером денотативной информации (перестройка производства), но и стилистические изменения. С 1990-х гг. слово *рельсы* включается в заголовки с языковой игрой, что соответствует жанрово-стилевым изменениям в СМИ. Благодаря языковой игре внимание читателя привлекается к актуальной информации. Так, на каламбуре основан заголовок интервью с директором КМК В.И. Котуховым – *«Город и комбинат: перейдём на новые рельсы»* (А. Белокуров, 12.12.1991). Заметка о рекламе рельсов КМК во время концертов Кирковова называется *«Что общего между Киркоровым, рельсами КМК и Австралией?»* (02.09.1993). Комментарий к обсуждению судьбы КМК на годовом общем собрании акционеров носит основанный на метонимии и актуализирующий тему агрессивного передела собственности заголовок – *«Рельсовая война» – будет ли продолжение?»* (С. Паутова, 25.06.1996). Комментарий С. Анциферовой об успешном выполнении КМК заказа на изготовление нового вида рельсов озаглавлен *«На новые рельсы!»* (19.10.2002). Значимость «рельсовой» темы в региональном медиапространстве стилистически проявляется в использовании в заголовках трансформированного прецедентного текста – *«Не рельсом единым»* (В. Прокопович, 16.09.2003) (в 80-е и 90-е гг. XX в. газета использовала подобный заголовок с более широким звучанием – *«Не металлом единым»*: Л. Ошуркова, 08.03.1982; 16.05.1995). Материалы 1990-х годов и начала XXI в. отражают роль нормативной и телеологической оценки в воплощении «рельсовой» темы (*«Рельсы, не боящиеся мороза»*, 02.07.1996; *«Рельсам КМК предстоит экзамен»*, Н. Телегин, 01.04.1997; *«Рельсы без ванадия»*, Н. Иванова, 11.11.1997; *«Поезда в стране ездят по кузнецким рельсам»*, Н. Архипова, 27.12.1997; *«Рельсы будем менять на высшем уровне»*, К. Андреев, 25.03.1999; *«Кузнецкий рельс: всё впереди»*, А. Сницкая, 04.04.2013; *«Кузнецкие рельсы для Германии»*, 28.06.2014; *«Новые виды рельсовой продукции ЕВРАЗ ЗСМК»*, Н. Чигин, 19.08.2014 и др.).

В то же время отметим, что, в отличие от слова *сталь*, слово *рельсы* не становится идеологемой регионального медиадискурса. Об этом свидетельствует, в частности, значительно более низкий уровень употребительности слова *рельсы* и его дериватов в заголовках XXI в. в сравнении с уровнем употребительности слова *сталь* и его дериватов в заголовках 80-х гг. XX в. Слово *рельсы* не обрело ментальную составляющую, которая необходима для формирования идеологемы. Ментальная составляющая идеологемы *сталь* сложилась в региональном медиадискурсе XX в. во взаимодействии трёх начал – краеведческого, общественно-политического и языкового, аккумулирующего культурную информацию. Культурно-языковое начало связано с коннотативной информацией, хранимой словом *сталь* и его дериватами: *стальной* – «перен. Очень сильный, крепкий (высок.)» [Ожегов 1973, с. 701]. Общественно-политическое начало опирается на советскую идеологию, определяющую стратегию и тактику экономического развития (идеологема *индустриализация*) и нравственные характеристики (идеологема *советский человек*, важные смысловые компоненты которой представлены образом труженика, вносящего свою лепту в процветание Родины, и образом человека мужественного, несгибаемого, готового преодолеть огромные сложности в борьбе за великую идею, такого, как герой культового произведения Н. Островского «Как закалялась сталь»). Краеведческое начало в формировании ментальной составляющей идеологемы *сталь* связано с историей строительства металлургических гигантов и с экономической ролью Новокузнецка как *стального сердца Сибири*. Аксиологический модус идеологемы *сталь* в настоящее время является смешанным. Переход от характерного для советского периода положительного аксиологического модуса к смешанному наметился на втором этапе перестройки. Идеологема *сталь* пережила пик своей актуализации в советский период, однако и сейчас она ещё не перешла в разряд идеологем-историзмов, прежде всего под влиянием социально-экономических факторов развития региона, но всё же в

сравнении с советским периодом в значительной степени потеряла свою актуальность. Согласно терминологии О.В. Орловой, происходит «социальная деактуализация – спад концептуального напряжения и постепенное затухание концепта» [Орлова 2012б, с. 73].

Отметим **усиление проблемности изложения** в материалах поздних этапов перестройки, 90-х гг. XX в. и начала XXI в., посвященных металлургической теме. Проблемность, изначально обусловленная общественно-политическими и экономическими изменениями в стране, со временем приобретает всё более глубокую концептуальную основу: авторы переходят от анализа экономических проблем города и перспектив их решения к размышлениям об отношениях в оппозициях «власть – народ», «государство – народ», «центр – регионы», о ценностной энтропии современника, о ценностях временных и вечных.

С третьего этапа перестройки (1989–1990 гг.) в публикациях проявляется стремление авторов ответить на глобальный вопрос о будущем металлургии в Новокузнецке. Стилистически это смысловое направление воплощается в вопросах, задающих тональность рассуждения, а также в размещении соответствующих публикаций в рубриках *«Клуб деловых встреч»*, *«Дискуссионная трибуна»*, подчёркивании интерактивности медиапространства городской газеты (С. Паутова, М. Беркович, 04.05.1989; «Металлургия города. Какой ей быть?», 23.06.1989). Ключевой вопрос о будущем металлургии охарактеризован как *больной*, а эпитет-акцентуатор *главный* включён, в соответствии с характером дискуссии, как в пейоративный, так и в мелиоративный контексты: *Три крупных предприятия чёрной металлургии формируют главную долю промышленных загрязнений окружающей среды. К тому же металлургия – главная отрасль Новокузнецка* <…> (С. Паутова, М. Беркович, 04.05.1989). Негативное состояние металлургии города ярко передано образом замкнутого круга, из которого не видно выхода (там же). Важным показателем и приёмом проблемного изложения являются вопросительные предложения, которые

создают дубитацию, неоднократно выносятся в сильные позиции текста (С. Паутова, М. Беркович, 04.05.1989; «Печь стоит», 31.07.1990; Г. Шаров, 15.03.1994; М. Стахович, 24.12.1994; М. Стахович, 25.06.1996; В. Валиулин, 01.04.1997; Л. Пард, 06.04.20000), например: *Но кто же будет отстаивать интересы предприятия, города? Неужели руководители комбината полагают, что это удобнее делать общественности, а не им лично, не их трудовым коллективам?* (С. Паутова, М. Беркович, 04.05.1989); *Впервые в истории КМК мартеновская печь простаивает в ожидании ремонта. Разве стране не нужна сталь?* («Печь стоит», 31.07.1990); *Только как при этом быть с историко-культурным наследием Кузнецкстроя?* (В. Валиулин, 01.04.1997); *Когда грянет гром?* (Л. Пард, 06.04.2000). Приведём примеры использования вопросительных конструкций в газетных заголовках для актуализации проблемного звучания металлургической темы: *«Металлургия города. Какой ей быть?»* (04.05.1989, 23.06.1989), *«КМК: выжить или умереть?»* (С. Паутова, 19.09.1989), *«Дефицитный металл?»* (Е. Сморгова, 07.08.1990), *«Сокращения на ЗСМК: где «дым» и где «огонь»?»* (С. Паутова, 22.07.1992); *Откуда ждать попутного «металлического» ветра?* (М. Стахович, 24.12.1994); *Вторая жизнь домны: какой она будет?* (С. Степанова, 27.06.1995), *Ситуация на АО «КМК»: захват или закон?* (М. Стахович, 20.02.1996), *«Рельсовая война» – будет ли продолжение?* (М. Стахович, 25.06.1996); *Решается судьба комбинатов: быть или не быть?* (С. Паутова, 08.02.1997), *Люди гибнут за металл?* (05.07.1997), *Кто вылечит индустриальное сердце?* (С. Анциферова, 11.04.2000). Отметим, что в заголовках 1990-х гг. для актуализации используется особая конструкция, появление которой А.Д. Швейцер связывает с влиянием западной прессы, – «заголовки из двух компонентов, разделённых двоеточием» [Швейцер 2012, с. 208].

Проблемность отражается и в использовании креолизованных текстов, в которых, в отличие от советской традиции, фотография производственной тематики сопровождается комментарием критического характера (03.10.1990;

19.01.1991; 13.08.1992), например: *Незавидная работа у каменщиков-огнеупорщиков цеха ремонта металлургических печей Кузнецкого металлургического комбината. Особо трудное положение было летом, когда одна за другой останавливались мартеновские печи* (03.10.1990).

В проблемных материалах ключевую роль играют слова *кризис*, *катастрофа*, например: *Экономика нашего города полностью построена на тандеме: металл – уголь. И кризис сегодня ощущаем все. <…> Катастрофа – действительно точное определение возможного развития ситуации* (С. Паутова, 03.10.1995) (см. о частотности слов *кризис*, *катастрофа*, *крах* в табл. 2 Приложения 4). Пейоративная оценка создавшейся ситуации носит аналитический характер и неоднократно связывается журналистами с ошибками власти, например: *Нынешняя экономическая ситуация – наглядная демонстрация ошибочности шагов правительства, предпринятых в последнее время для якобы стабилизации экономики. Стабильнее «трупов» ничего уже не бывает. Новокузнецкую промышленность, её гигантов, вплотную подводят к этой черте* (С. Паутова, 03.10.1995). Мысль о рубеже, черте, завершении имеет межтекстовый статус и органично воплощается в образе *жизненного цикла*, использованном в материале А. Каруноса, который представляет мнение специалиста – профессора СибГИУ В.П. Цымбала (09.06.1998). В материале предпринимается поиск соответствия между жизненным циклом металла и города, актуализированный в заголовке – *«Пик жизненного цикла железа прошёл. А наш?*». О жизненном цикле действительно можно говорить, наблюдая за динамикой идеологемы *сталь* и металлургической темы в целом.

О.В. Орлова рассматривает жизненный цикл медиаконцепта как «поступательно-возвратное движение семантики концепта» от институционального официального высокого значения к диверсификации [Орлова 2012в, с. 21]. В публикациях городской газеты 90-х гг. XX в. и начала XXI в., прежде всего в материалах с проблемным изложением и языковой игрой, отражается диверсификация высокого звучания

металлургической темы. Крайняя степень ценностного переосмысления проявляется в демонизации прежнего объекта высокой оценки[39].

Так, в рубрике «Город и его проблемы» опубликован очерк М. Зеленчукова *«Страшные сказки металлургического гиганта»* (27.11.1993), в котором звучит тема сложной криминальной ситуации, воплощённая в образах бандитов, воров, бомжей, беспризорников. Журналист создаёт сталкеровский пейзаж, используя выразительные возможности композиционно-стилистического членения текста. Анонс представляет собой абзац-стержневую фразу, создаёт дедуктивный зачин: *КМК ночью – это не только тонны проката и стали, но и опасные встречи и неожиданные впечатления…* Лид служит не только для передачи СФИ, но и для художественно-образной конкретизации: *Фары выхватывают их темноты высокую решётку ограды и могилы за ней. На заснеженных надгробьях видны фамилии Курако, Казарновского… Справа – братская могила доменщиков. Мои спутники в синей форме, тельняшках и чёрных беретах объясняют, почему привезли меня на верхнюю колонию. На «пятачок» у могил съезжаются «девятки» и иномарки: «стриженые» устраивают разборки или <…>. Это у могил-то! Дожились… <…> А ещё где-то здесь химическое озеро с водой всех цветов радуги: попавший в эту красоту, говорят, рискует раствориться без остатка.* Уже в лиде используется авторский метатекст: *Вид грязных заводских корпусов уныл и однообразен. Вскоре я сознаюсь, что зря гордился знанием комбината (всё же год проработал в заводской многотиражке): теперь даже примерно не представляю, где нахожусь.* Текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет подзаголовок. Заголовок одной из них, оформляющий фрагмент о воровстве металла и борьбе с ним сотрудников ведомственной охраны, основан на языковой игре – *«Люди бьются за металл»*.

Уже отмеченная роль социоморфной метафоры с понятийной сферой-источником «Война» в представлении металлургической темы в 90-е гг.

[39] О демонизации угля как объекта зависимости см.: [Орлова 2012в, с. 21–22].

XX в. и в начале XXI в. связана с актуализацией мыслей о дисгармоничном, драматичном положении не только экономики города (например: *А на войне, как на войне. Так, комбинат уже споткнулся на сертификации своей продукции. Нам сказали, что представители «Регистра Ллойда» возвратили документы без внятных объяснений. Руководство КМК видит в этом защиту интересов британских производителей аналогичной продукции.* – С. Паутова, 21.08.1997; или: *Битва за металл: «московский» залп.* – В. Прохоров, 26.06.1999), но и современного человека, лишенного социальной защиты, а нередко и нравственного стержня. Так, тема передела собственности сопрягается с темой преступления в заметке о нападении на заместителя главы областной администрации по экономике и промышленности Д.З. Чиракадзе *«Люди гибнут за металл?»* (05.07.1997). Благодаря интертекстуальной связи с известной арией из оперы Шарля Гуно «Фауст» данный заголовок (как и упомянутый ранее подзаголовок очерка М. Зеленчукова *«Люди бьются за металл»*) соотносится не только с денотативной информацией, но и с коннотативными смыслами, создающими инфернальное звучание темы власти денег.

Диверсификация металлургической темы в городской газете проявляется не только в профанации высокого официального значения и развития его до крайней степени неодобрительной оценки, но и в усилении интеллектуально-духовного напряжения публикаций, в их концептуальном углублении. Новый экономический акцент в осмыслении проблем города металлургов появился в связи с обсуждением в российских масс-медиа судьбы моногородов. Как уже отмечалось, в городской газете наблюдается актуализация идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом *моногород*: поисковая система на официальном сайте газеты обнаруживает 56 текстов 2009–2014 гг., включающих имя существительное *моногород*. Формирование идеологемы *моногород* связано со значимостью не только вопросов экономического развития, но и проблем социальной сферы, духовного состояния горожан, оказавшихся в непростой ситуации.

Проведённый ассоциативный эксперимент (см. о нём в Приложении 3) выявил у 7 % информантов «депрессивные» реакции на слово *Новокузнецк*: *«Неперспективный город»; «Маленькая возможность развития»; «Грязная дыра»; «Вторая Припять»; «Забытый город, пора валить»; «Что-то тёмное, мрачное, связанное с заводами, с выбросами, с химикатами»; «Ужасный город! Перееду!»; «Тоска»; «Унижение»; «Вымирание».* Имя существительное *моногород* встречается в одном ответе. Надо отметить, что реакций с положительной эмоционально-оценочной тональностью всё же больше (отмечены у 21 % информантов: *родной город, родина, дом, город-сад, красивый* и др.). Есть ответ с «отстройкой» от общего негативного отношения: *«Город, о котором говорят, что он очень грязный и долго не проживёт, но я всё равно люблю свой город. Его можно сделать лучше. Ведь этот город имеет богатую историю».*

Согласимся с подходом Е.К. Гуровой, которая отмечает «позитивную тональность», «жизнеутверждающий характер» местной прессы, отличающие её от федеральных и столичных изданий [Гурова 2015, с. 8]. В этом плане закономерно то, что наряду с проблемно-критической составляющей оценочного пространства материалов городской газеты, посвящённых металлургической теме, должен существовать некий мелиоративный противовес. Городская газета представляет два смысловых вектора, намечающих созидательную перспективу: первый связан с темой надежды на возрождение металлургической отрасли, второй – с темой преодоления состояния моногорода, поиска новых путей развития, опирающегося на богатую историю города и его потенциал.

Отметим, что слово *надежда* на поздних этапах перестройки и в 1990-е годы приобретает ключевую роль не только в материалах, посвящённых металлургической теме. Это слово становится знаком особого духовного состояния общества, испытывающего ценностный кризис, – знаком неизменной духовной проспективности человека, дающей силы жить, сохранять чувство достоинства: надежда – «упованье, состоянье

надѢющагося; опора, прибѢжище, пріютъ; отсутствіе отчаянья; вѢрящее выжиданье и призыванье желаемаго, лучшаго; вѢра въ помощь, въ пособіе» [Даль 1994, т. 2, с. 412].

Например, слово *надежда* вынесено в заголовок материала Л. Ковякиной, – *«Время тревог и надежд»* (03.04.1992). Использованная амфитеза позволяет передать не только непростую ситуацию на предприятии, но и особое состояние человека в эпоху перемен. Слово *надежда* неоднократно включается в размышления о времени перемен, которое характеризуется с оценочных средств. Например: *Не в лучшие времена отмечает свой юбилей Кузнецкий металлургический комбинат. За 60 лет в его истории было много славных страниц и трагических, но всегда была уверенность в завтрашнем дне. А этот год в коллективе окрестили годом тревог и надежд* (Л. Ковякина, 03.04.1992). В размышлениях главного инженера КМК С.В. Коршикова образ эпохи перестройки передан с помощью яркого сравнения: *Годы перестройки чёрным крылом пронеслись и над нами. Особенно напряжённым был прошлый год. Спад производства по всем показателям. И как его остановить, мы не знали. Многое зависело не от нас. Без «хлеба» – а это металлолом, остались мартеновские печи, была остановлена одна доменная…* (там же). Способ противостоять тяжёлым временам и источник надежды главный инженер видит в верности традициям комбината, который является памятником энтузиазму и силе духа. В создании образа времени, в воплощении темы надежды важна акротеза происходящего сегодня и завтрашнего дня: *Сегодня многое неясно, но наш день завтрашний – это стабилизация экономического и политического положения в стране. Для нас это устойчивое финансовое положение, перспектива и уверенность, что будем жить* (из монолога главного инженера КМК; Л. Ковякина, 03.04.1992). Роль слова *надежда* сохраняется в публикациях 90-х гг. (например, С. Паутова, 17.10.1996; Н. Васильева, 03.04.1997). Ключевое слово вынесено в заголовок и актуализировано с помощью эллипсиса в информационной корреспонденции о визите

А. Тулеева на КМК – *«КМК: в новый век – с надеждой»* (С. Субботина, 23.12.2000).

Другой смысловой вектор, намеченный в оценочном пространстве регионального медиадискурса, связан с темой поиска путей к преодолению упадочного положения моногорода. Так, В. Сенкус рассматривает возможности перехода к многопрофильному производству (Сенкус В. «Под лежачий камень вода не течёт», 29.10.2013), И.П. Басалаева разрабатывает концепцию развития Новокузнецка как «города на фронтире» (Басалаева И. «Новокузнецк: город на фронтире», 01.12.2011). Этот вектор становится основным, вытесняя в XXI в. тему надежды. Ключевой у авторов различных концепций развития города является мысль о традициях как основе для самых смелых экспериментов.

Таким образом, в воплощении АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» в советский период ключевую роль играет идеологема *сталь*, подвергшаяся на поздних этапах перестройки и в послеперестроечный период диверсификации. Диверсификация металлургической темы в городской газете проявляется не только в профанации высокого официального значения и развитии его до крайней степени неодобрительной оценки, но и в усилении интеллектуально-духовного напряжения публикаций, в их концептуальном углублении. Однако отмечается позитивная тональность региональных СМИ, отличающая их от центральных изданий. В этом плане закономерно то, что наряду с проблемно-критической составляющей оценочного пространства материалов городской газеты, посвящённых металлургической теме, существует и мелиоративный противовес – это тема надежды и тема поиска путей преодоления упадочного положения моногорода.

4.2. Дискурсивно-стилистическое воплощение темы «Достоевский в Кузнецке»

4.2.1. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в.

Одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» является тема «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», введённая в медиадискурс на рубеже XIX и XX вв. в газете «Сибирская жизнь», предшественнице современных сибирских региональных СМИ, прежде всего благодаря статье 1904 г., написанной уроженцем Кузнецка Валентином Фёдоровичем Булгаковым [Булгаков 1904]. Известно, что в 1856–1857 гг. Ф.М. Достоевский трижды приезжал в Кузнецк и в третий приезд обвенчался с М.Д. Исаевой в Одигитриевской церкви 6 февраля 1857 г. «Кузнецкой коллизии» в судьбе Ф.М. Достоевского посвящены специальные исследования (например, [Шадрина 1995; Кушникова, Тогулев 1996]). И.П. Басалаева (Рещикова) предлагает рассматривать особый концепт – «Кузнецк Достоевского» [Басалаева 2011]. Обратимся к особенностям семантико-стилистического воплощения темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете на материале 107 текстов 1980–2012 гг. (см. Приложение 1). В воплощении данной темы ярко проявился такой коммуникативный принцип регионального медиадискурса, как краеведческое фокусирование: 22 дня пребывания великого писателя в Кузнецке рассматриваются в городской газете как напряжённая коллизия «грозного чувства», в которой, в соответствии с законами фокусирования, чётко выделяются три главные «фигуры» – Кузнецк, М.Д. Исаева и Ф.М. Достоевский. Тема «Достоевский в Кузнецке» связана с культурным концептом исторической памяти.

В газетных публикациях советского периода задаются два основных направления ценностного осмысления темы пребывания Ф.М. Достоевского в Кузнецке, сохраняющиеся до нашего времени: с одной стороны, роль

кузнецких страниц биографии писателя в судьбе города, с другой стороны, место «кузнецкого периода» в жизни и творчестве великого писателя.

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете наблюдаются как неизменные базовые характеристики, так и акценты, появляющиеся в определённые периоды и позволяющие судить о динамике ценностной картины мира россиян. Хотя в целом в семантико-стилистическом воплощении рассматриваемой темы наблюдается наибольшая стабильность, в сравнении с другими краеведческими доминантами городской газеты.

Связь Кузнецка с жизнью и творчеством писателя представлена в газетных материалах как чудо, которое можно попытаться объяснить везением или судьбой: *Кузнецку* ***повезло****, ведь не каждому городу выпадает на долю, пусть короткое, счастье гения* (А. Трухина, 08.12.1987); ***Так случилось****, что Новокузнецк оказался хранителем уникального наследия, связанного с жизнью Федора Михайловича Достоевского. Ни один город в стране, за исключением разве что державного Санкт-Петербурга, не может похвастать столь пристальным вниманием, обращённым к нему в течение нескольких лет со стороны гениального писателя.* ***Судьба это или нет****, но рвущееся к Кузнецку сердце Достоевского, его венчание здесь с Марией Исаевой не только выделили Кузнецк из числа прочих заштатных городков Сибири, но и возложили на него огромную ответственность за сохранение памяти о столь значительном событии* (В. Валиулин, 12.03.1992). Как видим, изотопическая цепочка *державный Санкт-Петербург – Кузнецк* и антитеза *Кузнецк – прочие заштатные городки Сибири* позволяют журналисту подчеркнуть, что прикосновение к судьбе Достоевского обязало город хранить культурную память и ответственность. Это смысловое направление поддержано и материалами XXI в.[40]

[40] С. Зырянова, 18.11.2004; Е. Фукс, 30.04.2005; М. Шамова, 29.03.2008; В. Валиулин, 12.03.2009; А. Ночка, 13.11.2010; И. Басалаева, 01.12.2011 и др.

Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины, например: *Вообще произведений, связанных с темой истории города, края, у нас ещё очень мало. Для того, чтобы появился интерес к своему прошлому, к своим истокам, нужен определённый уровень зрелости мироощущения и мастерства* (из статьи искусствоведа В. Откидач о произведениях художников-новокузнечан, посвящённых Ф.М. Достоевскому, 17.03.1981); *Терпением, скрупулёзностью и точностью измерялось уважение к писателю, к реликвиям родного города* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память, причём актуализируется этическая оценка; межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. Лексические компоненты антитезы мы находим во многих материалах[41], например: *Новокузнечанам по-особому дорога* ***память*** *о великом русском писателе* (В. Откидач, 17.03.1981); *Дом этот то обрекался на полное* ***забвение****, а то и выйдя из этого* ***забвения*** *и даже став памятником республиканского значения, претерпевал унизительные муки современной реставрации, производимой неквалифицированными и малограмотными организациями* (Малькова Н. *«Дом Достоевского:* ***забвения*** *быть не может»*, 02.06.1994). Для воплощения темы памяти важна изобразительная часть газетного текста, которая включает не только фотографии музея, но и фотографии, отражающие события в культурной жизни города, связанные с памятью о великом писателе (конференции, выставки) (см. рис. 5 в Приложении 2). Для обозначения чтущих память (начиная с эпохи перестройки не меньшее внимание уделяется и обрекающим себя на беспамятство) важны активное включение в газетные материалы образа «мы» и употребление выражения *наш город*: ***Нам****, сибирякам, особенно дороги страницы жизни писателя, связанные с его пребыванием на сибирской земле* (Ю. Павлов, 06.11.81);

[41] Ю. Некрич, 22.05.1980; В. Откидач, 17.03.1981; Н. Малькова, 02.06.1994; В. Немиров, 14.07.2001 и др.

История этой любви тесно связана с ***нашим городом****, где М.Д. Исаева жила в 1855–1857 гг. и куда приезжал из Семипалатинска Ф.М. Достоевский в 1856–1857 гг.* (Л. Никонова, 20.11.1986). Особой экспрессией употребление местоимения *мы* и глаголов в соответствующих формах наделяется в контекстах, погружающих в атмосферу музея, выставки. Они используются как в текстах нашего времени, так и в художественно-публицистических материалах советского периода. Например, Ю. Некрич, создавая эффект присутствия в музее, обращается к ресурсам художественной публицистики, средства которой помогают создать «монтажные приёмы» [Горшков 2001, с. 217–218] и эмоционально заражают адресата: *На письменном столе – исписанный рукой Достоевского лист, мы не сразу увидим: копия.*

Мы поверим безоговорочно в немузейную подлинность комнаты по соседству, которая именуется в экспозиции «Гостиная М.Д. Исаевой». Поверим вдруг, что мы видели этот зелёного сукна ломберный столик – в «Игроке»? «Идиоте»? (22.05.1980).

При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х гг. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на тему культурной жизни города. Отметим, что в конце XX – начале XXI вв. возрастает употребительность слова *ценность* (см. табл. 2 Приложения 4), которое неоднократно встречается и в рассматриваемых материалах, например: *Всё, что связано с именем великого русского писателя Ф.М. Достоевского, приобретает историческую* ***ценность*** *во времени, и, следовательно, огромное значение имеет малейший новый факт, неизвестная ранее подробность его биографии* (А. Шадрина, 06.02.1993).

В работах журналистов и представителей общественности ценностным ориентиром становится внимание к жизни и творчеству Ф.М. Достоевского, которое рассматривается как прикосновение к истории и к прекрасному, сохранение общечеловеческого культурного наследия (отметим, что слово *наследие*, в целом чаще используемое в публицистике, чем в художественной

литературе, становится более употребительным в конце XX в.; см. табл. 2 Приложения 4). Это отражается как в названиях рубрик (*«Наше наследие»*, *«Радение о культуре, о духовном наследии»*), так и в самих газетных текстах, эксплицирующих тему сохранения культурного наследия (Л. Никонова, 01.02.1986; Н. Мальковец, 16.01.1990; В. Паничкин, 06.03.1991; В. Паничкин, 06.03.1991). Другая ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие (о повышении частотности слова *деньги* в газетной публицистике 1990-х – 2000-х гг. было сказано ранее). Например, тема финансового неблагополучия сосуществует с темой ценностей в аналитической корреспонденции Л. Савицкой: *Грандиозным обещает быть празднование 175-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. Если, конечно, город найдёт соответствующие средства. <…> Где взять деньги? Ко времени ли такое дорогое торжество? Такой вопрос прозвучал. Резонный вроде вопрос. Но есть, есть ценности, ради которых стоит презреть свою нищету, заставляющую думать только о хлебе насущном* (05.03.1996). В контексте с возвышенной лексикой актуализирована антитеза *хлеба насущного* (фразеологизм-библеизм передаёт метонимический образ материальных потребностей человека: перен. «то, что необходимо для пропитания, существования» [Ожегов 1973, с. 359]) – и особых *ценностей*, одна из которых – память о пребывании Достоевского в нашем городе.

Как уже говорилось, в период перестройки актуализируется этическая пейоративная оценка беспамятных потомков. Так, в статье искусствоведа и краеведа А.С. Шадриной эмотивный смысл возмущения помогают передать антитезы *старинное кузнецкое кладбище – сад алюминщиков* и *бульдозер – кресты и надгробия*: *Е.И. Тюменцев* [священник, венчавший Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаеву] *скончался в 1898 году, место захоронения его неизвестно. Можно только предполагать, что это могло быть у стен Одигитриевской церкви, Преображенского собора или на старинном кузнецком кладбище, которое неблагодарные потомки превратили в сад*

алюминщиков, пройдясь бульдозером по крестам и надгробиям своих предков (А. Шадрина, 07.06.1990). В актуализации второй антитезы проявляется важная роль в публицистическом тексте образа, выраженного конкретным именем существительным, которое совмещает в контексте прямое значение и богатую коннотативную информацию. Используя такие образы, публицист не только создаёт фактографичность, значимую для «летописи современности», но и усиливает воздействие на адресата, поскольку наряду с предметным смысловым уровнем актуализируются образный и концептуальный.

Журналист В. Валиулин, раскрывая тему беспамятства, объединяет кузнечан и новокузнечан и с помощью прямой речи создаёт обобщённый образ обывателя: *Нельзя сказать, что жители Кузнецка, а после своего нового рождения – Новокузнецка, слишком гордились этим обстоятельством. Возможно, судили так: «Ну, обвенчался бывший каторжный и обвенчался. Мало ли их, горемычных, тут прошло. Всех не пересчитаешь»* (12.03.1992). В данном эмоционально-экспрессивном контексте, как и в материале А.С. Шадриной, используется противопоставление, причём в него включены не отдельные элементы, образующие смысловые оппозиции, а изотопические цепочки, которые отражают оценочную позицию автора, тревогу о псевдонаполнении души. Противопоставлены ряд, связанный с духовностью, Богом (*церковь – освятившая – страдальческие*), и ряд, передающий атеистические, разрушительные смыслы советской эпохи, – *угар всеобщего очищения – строительно-промышленный пафос – снесли*: *Тем более, что саму церковь, освятившую брак двух страдальческих сердец, в угаре всеобщего очищения снесли, а души наполнились новым, строительно-промышленным пафосом, не оставлявшим места для идейных исканий. Так и прошло более века без имени Достоевского* (В. Валиулин, 12.03.1992). Прагматическую роль в контексте играет метафора *угара*, передающая безумное, болезненное, опасное для жизни, для души состояние.

Соотнесение темы беспамятства не только с современниками, но и с жителями дореволюционного Кузнецка происходит и в статье, где А.С. Шадрина рассматривает образы Кузнецка и кузнечан в газете «Сибирская жизнь». Автором приводится фрагмент публикации от 21 мая 1899 г.: *Со временем, когда где-то там заговорят о Достоевском и память о нём будет праздноваться, тогда и мы вспомним, что он посещал г. Кузнецк и даже здесь венчался с первой своей женой в Богородицкой церкви. Удивительно, право, как мало мы умеем понимать значение наших деятелей и сохранять воспоминания о них. Когда я ехал в Кузнецк, то надеялся собрать много сведений о Ф.М. Достоевском, и каково же было моё удивление, когда на мои расспросы о нём старожилы предлагали мне вопрос: «Чьи они будут этот г. Достоевский…»*

Обидно стало на душе после таких курьёзов, тем более обидно, что за границей я был очевидцем совершенно иного отношения к знаменитым людям. Там чтут и сохраняют в памяти каждую мелочь, раз она касается знаменитости, не только своей, но и чужой… Вытекает это из уважения к личности, из привычки держать чистым колодезь, из которого пьём…» (А. Шадрина, 20.02.1993). Краевед эмоционально выражает своё полное согласие с изложенной концепцией: *Можно ли сказать лучше, чем это сделал томский корреспондент?!* Этическое основание оценки, как видим, связано с уважением к личности. Отметим сохранившуюся и в современных публикациях роль оценочных антитез, сопоставляющих несовершенное своё с другим, которое должно стать образцом для подражания.

С. Анциферова в статье, заголовок которой актуализирует этическую оценку с помощью силлепсиса, – *«Благоустройство улиц и душ»*, повторяет курьёзную историю, рассказанную корреспондентом «Сибирской жизни»: *Около ста лет назад в газете «Сибирская жизнь» была опубликована статья о городе Кузнецке. Её автор сообщил читателям: даже городские старожилы не знают, «чьи они будут, этот господин Достоевский»* (14.06.2001). Композиционную роль в материале играет изотопическая

цепочка *около ста лет назад – нынче, в преддверии 180-летнего юбилея писателя*, которая позволяет автору перейти к ироничному изложению грустной истории о беспамятстве некоторых современных новокузнечан: *Но и сегодня не все из новокузнечан, по-видимому, знают, «чьи они будут, этот господин…».* Автор актуализирует антитезу, противопоставляющую беспамятных новокузнечан и жителей других стран, уважающих память о писателе, при этом важную регулятивную роль играют соответствующие хоронимы и антропонимы (*Франция*, *Америка*, *Япония*, *Коити Итокава*). В материалах, выражающих пейоративное отношение к беспамятным потомкам, важна также телеологическая оценка, которая существует синкретично с доминирующей этической, как в рассмотренных примерах, или выходит на первый план, например: *Только в 1980 году в Новокузнецке открывается литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Было упущено время, которое должно было способствовать розыскам экспонатов, сведений от старожилов о кузнецком периоде жизни писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989).

Тема беспамятства играет ключевую роль и в материалах XXI в. Так, в экспрессивно-неодобрительном описании не столько пространства вокруг музея, сколько небрежения к памяти использован символически нагруженный образ *мусорной кучи*: *Эта мусорная куча близ музея ещё несколько раз «всплывала» в выступлениях краеведов, превратившись в конце заседания едва ли не в символ отношения города к своей культурной святыне. Кто-то сказал даже, что она и есть признак того, что образ Достоевского в городе присутствует, так как ситуация с музеем и мусорной кучей возле него – это и есть самая настоящая «достоевщина»* (В. Валиулин, 11.11.2010). Символическое звучание обретает и образ *пути* к музею, который одновременно является образом метафизического пути к Достоевскому: *Разбитый спуск к пешеходному переходу, длинная стена тюрьмы (что называется, без архитектурных излишеств), за ней специфический мирок слободки с полуаварийными домами, потом пустырь,*

по правую руку некая промзона, далее сочная помойка с привольно раскинувшимся в радиусе тридцати метров содержимым, – а вот после этого уже и музей, с неожиданным простором в маленьком ухоженном дворике. На обратном пути во всём этом маргинальном пейзаже поневоле обнаруживаешь присутствие метафизической достоевщинки. Всё как в романах Достоевского, по принципу катарсиса: через низ, грязь, вину, страдание – через перекрёсток и площадь – вверх, к храму, к свету. Однако же премьера В. В. Путина в его новокузнецкий визит в 2009 году сюда на всякий случай не повезли (И. Басалаева, 01.12.2011).

Отметим, что в материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». С одной стороны, такой отклик газетных текстов связан с фактами и событиями: 17 мая 1980 г. в городе открыт Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, ведутся споры о его экспозиции и сохранении материальных объектов, активизировавшиеся в эпоху перемен. Газетные материалы включают фотографии музея: вид снаружи и внутри (см. рис. 6 в Приложении 2). С другой стороны, именно с периодом перестройки связано более активное обращение медиатекстов к дореволюционной истории Кузнецка, расширение круга тем, представляющих малую родину: *Почти 400-летняя история нашего города насчитывает немало светлых страниц. Новокузнечанам можно гордиться не только Кузнецкстроем и трудовыми подвигами во время войны, но и историей города Кузнецка прошлых веков* (Е. Цибизова, 16.11.1996). В эпоху перемен, связанную с расшатыванием системы ценностных координат, с аномией, укрепление новой системы начинается с поиска истоков, с интереса к корням: *Мы все были одинаковы, однолики, мы и семьи своей кровной не знали, и генеалогического древа не помнили. И только-только почувствовали вдруг, что ничего хорошего в таком беспамятстве нет, что порождает такое беспамятство недобрых,*

агрессивных людей, с ограниченным кругозором и глухим ко всему, кроме своего, личного и корыстного интереса, внутренним миром (Т. Михайлова, 02.02.1990). Именно с этой особенностью системы ценностей периода перестройки и 1990-х гг. связана, на наш взгляд, ключевая роль слова *возрождение*, вошедшего в «Словарь перестройки» [Максимов 1992, с. 36]. Например, отчёт В. Паничкина о встрече в краеведческом музее специалистов, занятых созданием историко-мемориальной зоны, с членами постоянной комиссии горсовета по культуре озаглавлен *«На пути к возрождению»* (06.03.1991). Ключевое слово текущего момента *возрождение* мы встречаем и в размышлениях журналиста, завершающих интервью с директором музея: <…> *надо побывать здесь, заразиться верой и энтузиазмом директора в возрождение культурной зоны, в создание очага культурной истории* (В. Валиулин, 12.03.1992).

Разнообразны стилистические средства и приёмы воплощения образа Кузнецка. Он соотносится с идеонимами-библионимами – названиями произведений, в которых создаётся образ провинциального сибирского города, благодаря чему подчёркивается связь 22 дней Достоевского в Кузнецке с его творчеством. Цитируются *«Записки из Мёртвого дома»*: *«В отдалённых краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные…» Это «Записки из Мёртвого дома». Мы поверим: это – о Кузнецке* (Ю. Некрич, 22.05.1980); этот фрагмент «Записок…», сопровождаемый комментарием автора, находим мы и в художественно-публицистическом материале писателя Л. Сербина: *Эти первые строки «Записок из Мёртвого дома» появились потом, спустя несколько месяцев, после посещения Кузнецка* (28.01.1995); упоминается *«Дядюшкин сон»*: *Какой именно город стал прототипом Мордасова, – достаточно праздный вопрос. Скорее всего, провинция явилась Достоевскому в чём-то одинаковой, типичной и в Семипалатинске, и в Кузнецке, и в Барнауле* (Е. Цибизова, 16.11.1996). Таким образом,

актуализированы как изотопические цепочки, основанные на связи пересечения, так и гиперогипонимические ряды, где родовому понятию *провинциального города* соответствует несколько гипонимов-астионимов, среди которых и оним *Кузнецк*.

В стилистическом воплощении образа Кузнецка отметим две тенденции: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко представленная в материалах конца XX в., открывающих и разрабатывающих тему. (Первые публикации «Кузнецкого рабочего» по рассматриваемой теме относятся к 1960-м гг. и созданы Е. Дмитриевым [Музей великого писателя в Новокузнецке 2011, с. 10], но такие публикации достаточно редки, и именно с 1980-х гг., особенно со второй половины, начинается непрерывная и последовательная разработка темы.)

Обобщённая характеристика Кузнецка создаётся с помощью подбора характеризующих гиперонимов, эпитетов, в том числе с межтекстовым статусом. Регулятивная роль эпитетов неоднократно актуализируются, например, с помощью инверсии, смысловой плотности контекста, в частности, создаваемой рядами однородных членов: *Узнаем город той поры и в фотографиях, документах – захолустный, приземистый <…>* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Кузнецк в газетных материалах – *сибирская глубинка* (В.Волчек, В. Тогулев, 13.02.1992); *заштатный городок Сибири* (В. Валиулин, 12.03.1992); *глухая провинция* (Т. Михайлова, 12.11.1996); использовано предложение, в котором астионим *Кузнецк* выступает в роли подлежащего, охарактеризованного с помощью составного именного сказуемого: *Кузнецк 19-го века – уездный город с тихой провинциальной жизнью* (Е. Цибизова, 16.11.1996). Поэтесса Л.А. Никонова в одной из статей использует три различные номинации-характеристики Кузнецка: *в глухом сибирском городке*; *в заштатный сибирский городок*; *от деревянного захолустного городка Кузнецка* (Л. Никонова, 01.02.1986). Представить город помогает также антитеза *деревянный захолустный городок Кузнецк – наш*

молодой индустриальный Новокузнецк (Л. Никонова, 01.02.1986). В другом материале автор характеризует Кузнецк как *уездный городок Томской губернии* (Л. Никонова, 31.10.1991).

Конкретизация образа города связана с его пространственным представлением и созданием образов горожан. В формировании пространственного образа города важны изотопические цепочки с партитивной связью и разнообразные топонимы. Партитивные ряды фокусируют внимание адресата на отдельных объектах, среди которых в материалах разных лет особенно важна *церковь*, где венчался писатель, названная с помощью экклезионима. Значимость образа церкви подчёркивается включением её фотографий и рисунков в материалы конца XX – начала XXI в. (см. рис. 7 в Приложении 2). Образ церкви часто включён в осмысление «грозного чувства». Неоднократно, как и в материалах XXI в., используется приём параллельного изображения прошлого и настоящего: *Одигитриевская церковь стояла до 1918 года на нынешней Советской площади, справа от въезда на неё со стороны Томи* (В. Откидач, 17.03.1981); *Сохранился деревянный дом портного Дмитриева, который в 1855–1857 гг. снимала М.Д. Исаева по ул. Полицейской (с 1901 года – улица Достоевского)* (Л. Никонова, 01.02.1986). Л.А. Никонова создаёт гиперогипонимический ряд *небольшие островки старины – деревянный дом портного Дмитриева* (Л. Никонова, 01.02.1986). Характеризующая роль данной изотопической цепочки связана со смысловой нагрузкой метафорического гиперонима *островки*, свидетельствующего как о неизбежной потере материальных следов прошлого, так и о значимости сохранения памяти. Такой подход сохраняется и в материалах начала XXI в.

В материалах советского времени важен образ *лиственницы – живого свидетеля* событий прошлого, который был утрачен в 1980 г. Ю. Некрич при создании образа лиственницы использует эпитет и включает его в контекст, где актуализированы эмотивные смыслы: <…> *узнаём* <…> *ту вековую лиственницу, которую успел полюбить Достоевский* (Ю. Некрич,

22.05.1980). Роль образа лиственницы в городской газете начала 1980-х гг. связана со спецификой газетного текста, откликающегося на недавно случившееся и соотносящего факты и события с социальной оценкой: журналисты и представители общественности обсуждают гибель лиственницы по вине чиновников дорожного управления. Искусствовед В. Откидач обращается к приёму авансирования: ещё до прямого называния лиственницы появляются характеризующие её образ эпитет и перифраз: *До 1980 года был ещё цел единственный «живой свидетель» венчания Достоевского с Исаевой – это лиственница, стоявшая некогда во дворе церкви* (17.03.1981). В дальнейшем развёртывании текста обозначенные смыслы поддерживаются другим перифразом – *достоверный свидетель прошлого*. Третья оценочная характеристика – *реликвия* – включена в обличительный контекст с антитезой *сиюминутная нужда – всякие реликвии*: *Но осенью прошлого года лиственницы не стало. Она была срублена, поскольку рядом прокладывается дорога. Сиюминутная нужда дорожного управления оказалась дороже всяких реликвий – пример, к сожалению, не единственный. И хотя нет лиственницы, вопрос о том, как увековечить память о важном событии из жизни Ф.М. Достоевского, должен быть как-то продуман и решён* (В. Откидач, 17.03.1981). Как видим, злободневные аналитические материалы критической направленности, связанные с темой сохранения памяти о пребывании Достоевского в Кузнецке, публикуются и в советское время, однако позже таких материалов становится значительно больше.

В материалах как журналистов, так и краеведов наблюдается эмпирическая детализация пространственного образа города: *Молчат часы. Из низкого окна открываются высокие сумрачные тополя над старым прудом. Когда шли часы, тополей ещё не было, на месте пруда шумела речка Иванцевка* (Ю. Некрич, 22.05.1980); *Небольшой посад, возникший после пожара 1658 года в Кузнецке, развивался вдоль полноводной Иванцовской протоки. Улица, стоявшая на её берегу, определившаяся в XIX веке как*

Полицейская, вероятно, одна из старейших в городе. Застраивалась она в основном деревянными одноэтажными домами, и только в XIX веке на ней появилось несколько двухэтажных зданий (А. Шадрина, 23.03.1989).

Параллельное включение топонимов прошлых и современных гармонирует с идеей сохранения памяти, бережного отношения к каждой детали пребывания писателя в Кузнецке: *В первые два приезда он останавливался на Подгорье в доме Вагина (угол пер. Блиновского и ул. Зелёной, теперь Полосухина)* <…> (А. Шадрина, 06.06.1992). Параллели в материалах XXI в. нередко имеют не только фактическое, но и эмоционально-экспрессивное, символическое значение. Естественно, что в установлении параллелей участвуют различные урбанонимы, например: *Но сохранились другие осколки старины – дом на улице Большой, ныне Достоевского, где жили Исаевы и куда приезжал писатель и где сейчас располагается литературно-мемориальный музей* (годонимы; Н. Каменева, 23.11.2006); *Добавлю к этому мысль, неоднократно высказывавшуюся многими краеведами: бывшая Базарная, а ныне Советская площадь (оба названия, как видно, устарели) вполне может, а возможно, и должна стать площадью Достоевского* (агоронимы; В. Валиулин, 11.11.2010); *Это ведь историческое Подгорье, некогда весьма фешенебельный район моего старинного города, не в пример нынешней славе Форштадта* (хоронимы; И. Басалаева, 01.12.2011).

О важной роли онимов свидетельствует включение в газетные тексты метаязыковой рефлексии: *В 1901 году одна из улиц Кузнецка – Полицейская, по просьбе горожан была переименована в ул. Достоевского. Это был первый шаг кузнечан в стремлении приобщить историю города к судьбе великого писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989); *Улица названа в честь событий, происходивших в этом доме: здесь бывал, страдал, любил великий русский писатель Фёдор Достоевский* (Н. Малькова, 02.06.1994). Позже, в начале XXI в., авторы публикаций апеллируют к пресуппозиции адресата: предполагается, что она должна включать такие важные сведения, например:

Сто лет назад – в 1901 год – улица Полицейская, до этого называвшаяся Большой, была переименована в Достоевского.

Именно здесь располагался дом портного Дмитриева, который снимала чета чиновника Исаева, вдова которого, – ***вы, конечно, помните****, – Мария Дмитриевна – стала первой женой Достоевского. Сюда Фёдор Михайлович приезжал трижды в 1856–1857 годах. В кузнецкой Одигитриевской церкви, стоявшей где-то на взгорке у Базарной площади примерно на месте нынешнего расположения тюрьмы и практически в начале улицы собственного в будущем имени,* ***вы знаете****, Достоевский с Исаевой венчались. Сегодня в доме номер сорок располагается музей Фёдора Михайловича Достоевского* (В. Немиров, 03.02.2001). Апелляция к адресату свойственна материалам В. Немирова, отличающегося диалогичной манерой письма, и содержится уже в заглавии процитированного городского репортажа – *«Пройдём по Достоевского»*.

Контексты с метаязыковой рефлексией включаются и в материалы с пейоративной оценкой, передающие эмотивный смысл возмущения, который связан с пренебрежительным отношением к культурной памяти. Так, в материале сотрудника музея Е.Д. Трухан актуализируются антитезы *чудовищная местность – имя гения мировой литературы*; *чудовищная местность, богом забытый угол, филиал петербургских трущоб – красивые улицы, площади, музеи*; изотопические цепочки *стыдно – больно*, *бытовое бескультурье – неуважение к великим именам*, концентрируются риторические вопросы: *А если кто заглянет в богом забытый угол, в филиал петербургских трущоб – на платформу имени Достоевского?*; *Стыдно и больно за наше бытовое бескультурье, за неуважение к великим именам. Неужели Достоевский заслужил такую память?* (09.11.1995). Внимание Е. Трухан к имени Достоевского передаётся уже благодаря заголовку-перифразу, основанному на метонимии, – *«Классическая остановка»*. Креолизованный текст, размещённый в рубрике «Фотофакт» накануне дня рождения Ф.М. Достоевского, передаёт горькую иронию: на фотографии

представлено удручающее состояние остановочной платформы имени Достоевского (см. рис. 8 в Приложении 2). Текст насыщен пейоративами: *Несколько лет, проезжая по маршруту «Запсиб – город» становлюсь невольным свидетелем безобразия, творящегося на остановочной платформе имени Достоевского. Станция разбита, что называется, до кирпичей, нет стёкол, крыши. Местные аборигены, занимающиеся наскальной живописью, оставили на её стенах массу загадочных надписей и рисунков. Оригинально дополнил эту картину канализационный пейзаж: чуть только дожди – из близлежащих колодцев хлещет чёрная вонючая жидкость, а рядом – Томь, из которой мы пьём.* Дубитация подчёркивает проблемный характер размышлений сотрудника музея: *Кто ответит за это преступление? Железная дорого? Служба коммунального хозяйства? Администрация города?* Как видим, с помощью комплекса различных изобразительно-выразительных средств материал представляет актуализированную в эпоху перестройки тему культурного беспамятства.

Особой выразительностью в создании образа Кузнецка обладают эмоционально-экспрессивные контексты, построенные по законам художественной публицистики. Городская газета конца XX в. может гордиться такими тонкими стилистами, создавшими яркий образ Кузнецка, как Ю. Некрич, Л.А. Никонова, А.С. Шадрина, Л.Г. Сербин, Е.Д. Трухан. Приведём примеры художественно-публицистических контекстов с субъективацией изложения ([Одинцов 2006, с. 185–205; Горшков 2001, с. 204–224]). Это могут быть впечатления автора публикации от экспоната музея, выставки: *Изображение погружено в серебристо-голубой искрящийся фон. На этом фоне панорамно возникают домики, собор провинциального Кузнецка, по одной из улиц несётся нарядный свадебный поезд.*

<…> Мы словно бы видим это событие сквозь даль времени, а эта лёгкая мгла, мерцающая, переменчивая, кажется почти материализованной романтической дымкой времени. Кружащийся, изменчивый фон может показаться и снежным вихрем, в котором тонет маленький захолустный

городок, затерянный в бескрайних сибирских просторах (о картине новокузнецкой художницы Л. Ковтун-Статных «Венчание Фёдора Достоевского»; В. Откидач, 17.03.1981).

Несколько раз отражён момент первых впечатлений приехавшего в Кузнецк XIX в. (А. Шадрина, 07.06.1990; А. Шадрина, 06.06.1992; Л. Сербин, 28.01.1995), например: *Внезапно открывшийся с Крепостной горы ландшафт приятно удивил унтер-офицера Ф.М. Достоевского. Городок, окутанный утренней дымкой, был как на ладони* (А. Шадрина, 06.06.1992).

Художественно-образную конкретизацию материалов создают и фотографии картин местных художников, передающих свою интерпретацию «кузнецкой коллизии». Неоднократно в материалах XX – XXI в. публикуется фотография картины кемеровского художника Г. Захарова «Кузнецкий венец» (например, Л. Никонова, 20.11.1986, 31.10.1991; Е. Трухан, 14.06.2012: см. рис. 9 в Приложении 2).

Как уже отмечалось, другое направление конкретизации образа Кузнецка – рассказ о кузнечанах. Изобразительная часть газетных материалов может включать старинные фотографии (см. рис. 10 в Приложении 2). Используется как обобщённая характеристика, так и конкретизированное представление горожан, так или иначе имеющих отношение к «кузнецкой коллизии» писателя. А.С. Шадрина определяет в газетных материалах конца 1980-х – начала 1990-х гг. особое направление конкретизации образа Кузнецка – изучение духовной жизни кузнечан: *Раскрытие многообразных аспектов нашей «малой истории» через человеческую личность, её подвижническую духовную деятельность позволяет более объективно судить о культуре Кузнецка второй половины XIX века* (А. Шадрина, 07.06.1990). Причём краевед не ограничивается выражением концепции, а бережно, скрупулёзно собирает факты. Так, приводится фрагмент письма Е.И. Тюменцева, характеризующий круг чтения кузнечан (А. Шадрина, 07.06.1990), или даётся обзор губернской газеты «Сибирская жизнь», выполненный для определения особенностей духовной

жизни кузнечан (А. Шадрина, 20.02.1993). Отметим, что заголовок статьи А.С. Шадриной – *«Письма из прошлого»* (20.02.1993) – выражает идею неразрывной связи времён, необходимости обращения к духовным истокам для ценностной ориентации. Примечательно, что в контексте размышлений о духовной жизни кузнечан важную роль играет гемероним *«Сибирская жизнь»*, что гармонирует с неоднократно выраженным в городской газете осознанием места СМИ в духовной жизни общества.

В общей характеристике духовной жизни Кузнецка представлен и пейоративный полюс. Пейоративные аспекты характеристики Кузнецка наиболее полно выражены в статье научного сотрудника музея Е. Цибизовой *«Не только карты, попойки и сплетни…»* с подзаголовком *«Сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского "Дядюшкин сон"»* (16.11.1996): *Замкнутость жизни, оторванность от общественных движений центра и часто невероятная скука порождали зависть, интриги, сплетни среди представителей городской верхушки. Именно с этой стороны представлена сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»*; *<…> впечатление Достоевского от сибирской провинции было негативным.* Усиливая аргументацию, сотрудник краеведческого музея включает в статью цитаты из воспоминаний А.Е. Врангеля, писем Ф.М. Достоевского.

Важно, что в конкретизированной характеристике кузнечан (прежде всего Е.И. Тюменцева, супругов Катанаевых) представлены не только факты и события, но и духовная составляющая: *Вовлечённый волею событий в жизненную орбиту писателя Достоевского, отец Евгений хранил о нём благодарную память, тем самым приобщая историю Кузнецка к великому имени русской литературы* (А. Шадрина, 07.06.1990); *Идут столетия, меняются эпохи, но человеческая доброта, участие к ближнему, проявленные как когда-то* [Анной Николаевной Катанаевой] *к Достоевским, так нужны нам сегодня всем* (А. Шадрина, 06.02.1993). На духовной составляющей в характеристике кузнечан делают акцент именно материалы

конца XX в., тогда как позднее превалирует событийно-фактологический подход к представлению «кузнецкой орбиты» писателя.

В материалах 1990-х гг. возрастает значение шутливо-ироничной тональности, которая не играет ведущей роли при осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке», но всё же важна с точки зрения специфики ценностной ориентации. Так, в номере за 1 апреля 1997 г. опубликован шутливый текст под заголовком «Опровержение»: *В редакцию «Кузнецкого рабочего» обратился новокузнечанин Ф.М. Достоевский, который утверждает, что информация о его венчании в Спасо-Преображенском соборе, опубликованная в прошлом номере газеты, не соответствует действительности.* Несмотря на шутливую тональность, текст направлен на ознакомление горожан с правдивой информацией, на борьбу с распространённым заблуждением о месте венчания Достоевского. Установка определяет ключевую роль в контексте противопоставления слов и выражений с семантикой лжи (*не соответствует действительности*, *ложная информаци*я) и правды (*на самом деле*) и контекстуальной антитезы экклезионимов *Спасо-Преображенский собор – Одигитриевская церковь*.

Шутливая тональность связана с заголовком городского репортажа о конкурсе проектов памятника Достоевскому – «*На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло»* (В. Немиров, 14.07.2001). Журналист в ироничном изложении использует сниженный по окраске разговорный глагол *«повязать»*, с помощью кавычек акцентируя на нём читательское внимание [Розенталь 2005, с. 323], и антитезу, передающую неоднозначное отношение к хранению памяти о пребывании писателя в Кузнецке: *Любовь и женитьба на Марии Исаевой навечно «повязала» Фёдора Достоевского с нашим городом. Одни говорят: великая для нас честь, для других – сплошная маета* (14.07.2001). Далее в материале шутливая тональность поддержана фразеологизмом с разговорной и сниженной окраской и силлепсисом «*образ… и …сумма денег»*: *В конце марта распоряжением Главы города открылся конкурс проектов памятника Фёдора Михайловича Достоевского,*

параметры которого укладывались бы в «образ простого человека, писателя, мыслителя», жизнь которого связана каким-то боком с городом, и в небольшую (сравнительно) сумму денег.

Шутливо-ироничная тональность газетных материалов отражает критическое отношение к существующей ценностной ориентации и одновременно стремление авторов направить читателя (в читательскую аудиторию включаются и представители власти разных уровней) к новой системе ценностных координат, преодолеть аномию.

Газетные материалы начала XXI в. сохранили два основных направления ценностного осмысления темы «Достоевский в Кузнецке» – во-первых, роль кузнецких страниц биографии писателя в судьбе города, во-вторых, место «кузнецкого периода» в жизни и творчестве великого писателя, – однако в то же время семантико-стилистическое воплощение темы обладает определённой спецификой. Неизменной основой подачи информации о пребывании Ф.М. Достоевского в Кузнецке остаётся в XXI в. коммуникативный принцип краеведческого фокусирования.

4.2.2. Семантико-стилистическое воплощение темы «Достоевский в Кузнецке» в материалах городской газеты начала XXI в.

Материалы XXI в. в целом сохраняют семантико-стилистические закономерности представления темы «Достоевский в Кузнецке», однако акцент сделан, с одной стороны, на образе «грозного чувства», на драматургии отношений великого писателя с М.Д. Исаевой, с другой стороны, – на событиях в культурной жизни Новокузнецка, откликающихся на историю «грозного чувства».

В газетных текстах по-прежнему высоко оценивается роль Кузнецка в жизни и творчестве Достоевского. В организации информационного пространства текстов городской газеты значимы астионим *Кузнецк* и образованные от него имена прилагательные, которые определяют

соответствующий период в жизни Достоевского и связанные с ним события (*кузнецкий период, кузнецкие дни, кузнецкая страничка из жизни Достоевского, кузнецкая жизнь, кузнецкая история, кузнецкая коллизия, кузнецкие впечатления, кузнецкое письмо*), окружавших его людей (*кузнецкое окружение*), особенности города, уклада жизни в нём (*кузнецкая глушь, кузнецкие кумушки*). Отметим смысловую нагрузку отдельных лексических средств, включённых в контексты с астионимом *Кузнецк* и его производными. Важная роль сватовства к Марии Дмитриевне и венчания с ней в судьбе Достоевского отражается в употреблении выражения *кузнецкий период* (*период* – «промежуток времени, в течение которого что-нибудь происходит (начинается, развивается и заканчивается)» [Ожегов 1973, с. 470]), ведь речь идёт о двадцати двух днях, которые неоднократно охарактеризованы с помощью эпитетов: *стремительные и драматичные* (Е. Трухан, 14.02.2012), *короткий (период), но плотный, насыщенный* (Н. Каменева, 23.11.2006). Напряжённость, драматизм этого периода отражаются также в употреблении выражения кузнецкая коллизия: *коллизия* – «столкновение каких-нибудь противоположных сил, интересов, стремлений» [Ожегов 1973, с. 260]. Роль кузнецких событий подчёркнута словом *судьба*: *С Кузнецком оказалась связана его судьба* (М. Шамова, 29.03.2008). Оним *Кузнецк* неоднократно употребляется в газете в переносном (метонимическом) значении «кузнецкие события». Например, как некий рубеж, поворотный этап Кузнецк представлен в заголовке отзыва В. Немирова *«Достоевский до и после Кузнецка»*, рассказывающего об экспозиции в музее Достоевского «Человек есть тайна…» (12.03.2005). Такого типа перенос характерен для осмысления особого места какого-либо события в истории. Экспрессивно нагружен метонимический контекст из аналитической корреспонденции В. Валиулина «Достойные есть» (09.09.2010): *И только после Кузнецка, обвенчавшего его с музой, становится он великим писателем.* Журналист строит высказывание таким

образом, что метонимическое свёртывание информации подаётся с эффектом олицетворения.

Эмоционально-экспрессивная и концептуальная нагрузка контекстов, создающих образ города, подчёркивается использованием таких регулятивных средств, как тропы и стилистические фигуры, оценочная лексика, слова-интенсивы, частицы, пояснительные конструкции. Эти средства выполняют функции усиления, уточнения, оценки, обеспечивая тем самым обратную связь автора с адресатом. Например, метафора из материала Н. Каменевой (23.11.2006): *Кузнецк стал* ***определяющей путевой вехой*** *в творчестве Достоевского* (веха – «перен. Важный момент, этап в развитии чего-нибудь» [Ожегов 1973, с. 72]); антитеза из материала В. Валиулина (09.09.2010): <...> ***не откуда-нибудь, а из Кузнецка*** *вывез он свою страдающую музу* <...>. Многочисленны контексты, в которых используются названные регулятивные средства и реализуются указанные функции: ***Здесь, в Кузнецке****, писатель сделал ей предложение руки и сердца* <...> (М. Шамова, 29.03.2008); *Новокузнецк имеет на это особое право, поскольку* ***именно у нас в Кузнецке*** *6 февраля 1857 года Фёдор Михайлович венчался с Марией Дмитриевной Исаевой, ставшей местной жительницей по целому ряду драматических обстоятельств* (В. Валиулин, 18.12.2010); *И* ***только после Кузнецка****, обвенчавшего его с музой, становится он великим писателем* (В. Валиулин, 09.09.2010); *Но память о том, что одно из самых счастливых событий в жизни великого писателя случилось* ***не где-нибудь, а здесь, в Кузнецке****, осталась* (А. Ночка, 04.02.2012).

Как видим, оценка связана с мелиоративной характеристикой важной роли кузнецких событий в судьбе Достоевского. Однако встречаются контексты, где образ Кузнецка сопряжён с пейоративной оценкой, что свидетельствует как о стремлении журналистов к многоаспектному и правдивому отражению действительности (*Говорят, что в ранней повести «Дядюшкин сон» Достоевский описал свои кузнецкие впечатления – они, как бы это мягко сказать,* ***не очень светлые.*** **–** Хроника В. Немирова «Сквозь

призму юбилейных дат», 28.01.2012), так и об использовании приёма контраста, который позволяет усилить мелиоративную оценку (*Здесь он* ***обрёл свою самую большую любовь, Музу и вдохновительницу****, отсюда,* ***из сибирской затхлой глуши****, тянутся нити понимания характеров его мятущихся, страдающих и бесноватых героев* <…>. – Отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке», 11.11.2010).

Наблюдая за онимами, мы убеждаемся в том, что в центре внимания авторов – образы *двух великих людей* (отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке», 11.11.2010) – Марии Дмитриевны Исаевой (урождённой Констант) и самого Ф.М. Достоевского. Эти антропонимы повторяются и включаются в концептуально значимые контексты, в которых актуализирована смысловая нагрузка лексических средств и их внутритекстовые и межтекстовые парадигматические связи. Вокруг ключевых антропонимов концентрируются мифонимы, поэтонимы и библионимы, помогающие раскрытию двух ключевых образов, а также другие антропонимы, представляющие людей, в той или иной степени связанных с «кузнецкой коллизией».

В представлении «неглавных», по закону краеведческого фокусирования, участников события, реализуется событийно-фактологический подход, в отличие от материалов конца XX в., стремящихся воссоздать картину духовной жизни Кузнецка, нарисовать словесные портреты кузнечан (особенно Е.И. Тюменцева). Из материалов «Кузнецкого рабочего» мы получаем сведения об А.И. Исаеве[42], П. Исаеве[43], А.Е. Врангеле[44], Н.Б. Вергунове[45], Е.И. Тюменцеве[46], М.Д. Дмитриеве[47], Вагиных[48].

---

[42] Т. Тюрина, 17.06.2003; Е. Казьмина, 01.03.2008; В. Инов «История любви», 11.11.2010.
[43] Е. Казьмина, 01.03.2008; М. Шамова, 21.05.2009.
[44] Н. Каменева, 23.11.2006; Е. Казьмина, 01.03.2008; В. Инов, 11.11.2010; Е. Трухан, 14.06.2012.
[45] Н. Каменева, 22.03.2007; Е. Казьмина, 01.03.2008; Т. Тюрина, 31.05.2011, Е. Трухан, 24.11.1011.
[46] Н. Каменева, 22.03.2007; В. Валиулин, 11.02.2010; В. Немиров, 28.01.2012; Е. Трухан, 14.02.2012.
[47] М. Шамова, 29.03.2008; В. Инов, 11.11.2010; В. Валиулин, 23.04.2011.
[48] Е. Казьмина, 01.03.2008.

В соответствии с принципом краеведческого фокусирования, на первый план в публикациях городской газеты выходит образ первой жены писателя. В отдельных публикациях для создания образа М.Д. Исаевой городская газета использует «расследовательский» подход (Е. Фукс, 30.04.2005; Е. Казьмина, 01.03.2008). В воплощении образа Марии Дмитриевны преобладают эмоционально-экспрессивные контексты, благодаря чему создаётся «бытийный дискурс» (понятие В.И. Карасика), а образ поэтизируется. Бытийный дискурс, согласно характеристике В.И. Карасика, нацелен на раскрытие «внутреннего мира во всём его богатстве» [Карасик 2004, с. 289]. В создании экспрессивного изложения с высокой семантической плотностью важны различные повторы (см. о них в аспекте теории регулятивности: [Петрова 2000, 2002, 2015]; о роли смысловых повторов в развёртывании публицистического текста см.: [Данилевская 1996]). Во многих публикациях встречается номинация *любимая женщина*[49]. Смысл любви акцентирован в номинационной цепочке статьи Е. Трухан «О единственном письме Достоевского в Кузнецк»: *возлюбленная – любимая женщина – объект любви – женщина, указующая верный путь – женщина, которой можно «излить свое сердце» в тяжелую минуту.* Наряду с подчёркиванием темы любви отметим повторение слова *женщина*, связанного с темой вечного назначения любимой и любящей. Это назначение несёт благодать любимому и любящему мужчине: *женщина, которой можно «излить свое сердце» в тяжелую минуту, становится чудом, божественным даром, символом возрождения, воскресения к новой жизни*. Создать высокую семантическую плотность и актуализировать ключевой смысл помогают такие регулятивы, как изотопические цепочки, например, приведённый ряд с асиндетоном *чудо – божественный дар – символ возрождения, воскресения к новой жизни*, в который включена возвышенная лексика с сакральным звучанием. Последний компонент изотопической

[49] С. Зырянова, 18.01.2004; Е. Татарская, 30.07.2005; Е. Казьмина, 01.03.2008; В. Инов, 11.11.2010; Е. Трухан, 14.06.2012 и др.

цепочки передаёт кульминацию семантического напряжения и наполняется особым смыслом благодаря интертекстуальным перекличкам с эпилогом «Преступления и наказания»: *«<…> но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновлённого будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь <…>»*. Изотопическая цепочка, реализующая подобные функции, актуализируется и в другом контексте: *Писатель видит образ Марии Дмитриевны в ореоле* ***святости, бесконечной доброты и участия, братско-сестринской любви, преодоления смерти*** (там же).

Для журналиста В. Валиулина Мария Дмитриевна – *самая большая любовь – (кузнецкая) (страдающая) Муза (муза) – судьба – прототип многих героинь («матерь» героинь) – (Одигитрия-)путеводительница – вдохновительница*[50]. Экспрессия номинаций определяется использованием возвышенной лексики, формы превосходной степени имени прилагательного, включением приёма этимологизации: *Она была его Музой, судьбой и вдохновительницей, вдохнувшей жизнь во многих его женских героинь* (11.11.2010). Журналист, определяя роль Исаевой в судьбе Достоевского, использует оценочную экспрессивную характеристику *человеческий подвиг* и, поэтизируя образ Марии Дмитриевны, включает строчки из стихотворения новокузнецкой поэтессы Любови Никоновой «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год»: *«Они обвенчаны. Обвенчаны. Она выходит на крыльцо... Взгляните в скорбное лицо Судьбу свою понявшей женщины. Взор заслонила боль растущая, Вдохнуть всей грудью не дает. Решилось: жизнь ее грядущая К его созданьям перейдет»*; *«...Сопротивлялась странной участи Она неслабою душой. И все ж ни волей, ни сознанием не защитилась, не спаслась. Венца кузнецкого сиянием Необратимо облеклась»* (11.02.2010). В газетной публикации подчёркнуто отличие такого подхода от традиционного литературоведческого, своеобразие интерпретации образа М.Д. Исаевой как принявшей венец судьбы и страдания. Такой подход

[50] Работы «Подступая к метафизике города», 12.03.2009; «Новокузнецком привыкну гордиться», 03.12.2009; «Венца кузнецкого сиянье», 11.02.2010; «Достойные есть», 09.09.2010; «Год Достоевского в Новокузнецке», 11.11.2010.

журналист рассматривает как *поэтическое прозрение*: *Любови Никоновой в поэтическом прозрении удалось прочувствовать это.* Роль Марии Дмитриевны, разделившей судьбу Ф.М. Достоевского, поддержавшей его, неоднократно осмысливается в публикациях: *Мария Дмитриевна вошла в жизнь Ф.М. Достоевского, когда он был простым ссыльным солдатом, стараясь поддержать бывшего каторжника, а впоследствии мужа* (Е. Фукс, 30.04.2005).

Другой центр информационно-прагматического пространства газетных публикаций – образ Ф.М. Достоевского. Журналисты «Кузнецкого рабочего» знакомят читателей с различными гранями личности Фёдора Михайловича и его творчества: представлены заметка-анонс о выставке «Евангелие – настольная книга Достоевского», заметка и отчёт о межрегиональных научно-практических конференциях, посвящённых великому писателю, отзывы о лекциях, рассказывающих о «Великом Пятикнижии», о выставке «Мир романа “Записки из Мертвого дома” в работах Леонида Ламма и сибирских художников», о выставке, посвящённой «детской» теме в произведениях писателя... Но в центре внимания журналистов – история любви, поэтому перед читателем газеты прежде всего воссоздаётся внутренний мир ссыльного писателя, эмоциональная картина взаимоотношений с любимой женщиной.

Газетные материалы представляют историю чувства, начиная с пророчества и предчувствия. Тема пророчества, связанного с появлением чувства, звучит в статье Е. Трухан: *В «кузнецкий период» Достоевский определяет «Бедных людей» как роман-пророчество в личной судьбе* (14.06.2012). Тема предчувствия значима для Е. Казьминой, делающей обзор доклада А.С. Шадриной (01.03.2008): *Еще ожидая приговора в Петропавловской крепости, Федор Михайлович писал родственникам, что в его судьбе грядет некий перелом, который в корне изменит его жизнь и мировоззрение*. (Бережное обращение журналиста с фактами из жизни великого человека проявляется во введении косвенной речи.) Предчувствие и

само чувство передаются экспрессивными контекстами: *Именно таким чудом для него стало вхождение в круг семипалатинской интеллигенции, в частности – знакомство с супругами Исаевыми (Марией Дмитриевной и Александром Ивановичем) и их сыном Пашей*. Далее автор, Екатерина Казьмина, определяет динамику отношения Фёдора Михайловича к Марии Дмитриевне – *интеллектуальное общение – дружба – первая любовь*: <…> *интеллектуальное общение с опальным писателем быстро переросло в дружбу с ним*; *Достоевскому было 34 года, когда пришло осознание всей глубины первой любви, столь неожиданно поселившейся в его сердце, но искреннее уважение к мужу Марии Дмитриевны делало это чувство запретным и мучительным*. О переходе дружбы в любовь сказано и в других материалах: *Возникшая между ними дружба скоро переросла в любовь* (В. Инов, 11.11.2010). В работах Е. Казьминой неоднократно повторяется слово *чувство* (*чувства*): *Федор Михайлович, храня свои чувства в тайне, как мог, помогал любимой женщине*; *Уже по возвращении в Семипалатинск Достоевский написал письмо, раскрывшее его чувства и говорившее о невозможности брака Исаевой и Вергунова*. Закономерным является и неоднократное повторение слова *любовь* в публикациях разных авторов: *Литературоведы считают, что наш город – единственный из всех сибирских городов, который был отмечен для писателя радостью. Ведь он ехал сюда за любовью. Здесь он боролся за эту любовь, здесь он ее добился* <...> (городской дневник А. Ночки «В отдалённых краях Сибири…», 13.11.2010; обратим внимание на экспрессивную роль полиптотона, с помощью которого актуализируется ключевое слово)**.** В городском дневнике А. Ночки также использованы концептуально значимые эпитеты, включённые в антитезу *спасительная любовь, возродившая желание жить – тяжёлые испытания в Омском остроге*. В материале Е. Казьминой характер чувства передаётся с помощью эпитетов (*чувство запретное и мучительное*), олицетворения (*любовь, столь неожиданно поселившаяся в его сердце*), метафоры (*вся глубина первой любви*) (01.03.2008). *Глубина переживаний*

передаётся и в другом материале – в отзыве Е. Трухан о спектакле, посвящённом Достоевскому (14.02.2012).

Наиболее полная картина переживаний писателя дана в статье Е. Трухан «О единственном письме Достоевского в Кузнецк» (14.06.2012), где приводится анализ письма к Марии Дмитриевне от 4 июня 1855 г. В статье используются эпитеты, в том числе повторяющиеся и создающие «растягивание смыслов» (Г.П. Щедровицкий): *сложный, эмоционально напряженный внутренний мир Достоевского*; *напряженное ожидание*; *чуткая и ранимая душа писателя*. В других материалах семантическая плотность создаётся изотопическими цепочками со связью пересечения, причём в парадигматические ряды включены эпитеты, являющиеся также однородными членами: *удивительный и странный, сложный и противоречивый внутренний мир русского гения* (А. Ночка говорит о спектакле «Кузнецкий момент», посвящённом писателю, 13.11.2010). Включение компонентов изотопических цепочек в ряды однородных членов помогает авторам интегрировать возможности текстовой парадигматики и синтагматики для смыслового и экспрессивного насыщения контекста, увеличения его регулятивной силы. Такое явление характерно для эстетического дискурса (см. о конвергенции слов-мотивов: [Чебаевская 1986]). С помощью однородных членов, создающих изотопическую цепочку, укрепляется мысль о многогранности внутреннего мира Ф.М. Достоевского: *За закрытыми окнами показаны его вечная внутренняя борьба, постоянные сомнения, терзания и предчувствия* <...> (А. Ночка, 13.11.2010). В приведённом примере экспрессия усилена благодаря фигуре бессоюзия. Богатство внутреннего мира воплощено метафорическим образом: <…> *подсвечивается целым спектром эмоционально-чувственных писательских переживаний* (Е. Трухан, 14.06.2012). Изотопические цепочки в статье Е. Трухан позволяют подчеркнуть ключевые смыслы благодаря актуализации связи пересечения, градуальной и синонимической связи: *тревога – беспокойство, нетерпение – напряжённое ожидание, отсутствие*

внутренней гармонии и покоя – внутреннее смятение адресата, эмоционально подавленное состояние – одинокий и грустный и др. Большинство читателей воспринимают историю любви Достоевского и Исаевой, зная, чем она закончится: уже в самом моменте обретения Достоевским любимой женщины заложен момент её потери. Об этом заставляет задуматься и лирически окрашенный материал Е. Татарской, посвящённый воспоминаниям о её первом посещении музея Достоевского: <…> *трогаешь его душу и заставляешь снова пережить момент казни, любовной страсти, потерю любимой женщины...* (30.07.2005).

В газетных материалах представлено осмысление роли М.Д. Исаевой в судьбе писателя, причём событийная сторона несоразмерна с концептуальной: *Вместе они были недолго. В апреле 1864 года Марья Дмитриевна умерла от чахотки в Москве. С ее смертью закончилась целая эпоха в жизни Достоевского* (Е. Фукс, 10.02.2007); *При этом Достоевский, вступивший после кончины Марии Дмитриевны во второй брак, остался бесконечно благодарен ей за ту поддержку, которую она ему оказывала* (Е. Казьмина, 01.03.2008). Интересно употребление слов *счастье* и *счастливый* в связи с осмыслением отношений Марии Дмитриевны и Фёдора Михайловича: *Четыре сотрудницы музея начинают неторопливое повествование о пути писателя к семейному* ***счастью***. <…> *Исаева тогда была замужем. Вскоре после знакомства с Достоевским ее семья переехала в Кузнецк, а через два месяца Марья Дмитриевна овдовела. В течение двух лет писатель добивался ее руки, стремясь к семейному огоньку* (Е. Фукс, 10.02.2007); *Семейная жизнь не принесла им* ***счастья****, однако этот союз помог великому писателю понять, что именно в творчестве есть его главное призвание* (Е. Казьмина, 01.03.2008); *он познал великое* ***счастье*** *любви* (С. Зырянова, 18.11.2004); сказуемое *был* ***счастлив***, характеризующее состояние писателя в Кузнецке, встречается несколько раз[51]. Если в первом контексте счастье видится как цель, то второй и третий контексты

[51] В. Инов, 11.11.2010; А. Ночка, 13.11.2010; В. Немиров, 28.01.2012.

представляют разные точки зрения на достижение этой цели: Е. Казьмина вслед за А.С. Шадриной отрицает счастье семейной жизни Достоевского и Исаевой, а С. Зырянова в экспрессивном высказывании с перфективом и возвышенным звучанием утверждает, что счастье было и это счастье познания великой любви. Краткая форма имени прилагательного указывает на временный характер признака, передавая его с экспрессией.

Как уже отмечалось, являясь структурными центрами текстов об истории любви, два важнейших имени «притягивают» к себе другие онимы, в том числе антропонимы, мифонимы, поэтонимы и библионимы. Так, В. Валиулин (20.11.2010) актуализирует изотопическую цепочку антропонимов со связью пересечения *В.Ф. Булгаков – М.Д. Исаева*, *Ф.М. Достоевский – Л.Н. Толстой*: *Имя* ***Валентина Фёдоровича*** *так же свято для интеллигенции нашего города, как и имя* ***Марии Дмитриевны Исаевой***. ***М.Д. Исаева*** *была первой женой* ***Фёдора Михайловича Достоевского***, ***В.Ф. Булгаков*** *– последним секретарем* ***Льва Николаевича Толстого***. *Через них драгоценные для мировой культуры образы притянулись к Кузнецку, стали нашим культурным, а ещё более того – духовным достоянием. Есть в этом, думается, некий Высший Промысел. Когда-нибудь мы, возможно, поймём, какой именно*.

Мифонимы и поэтонимы участвуют в раскрытии ключевых образов, обозначенных антропонимами, и создании признаков бытийного дискурса, помогающего авторам городской газеты рассказать историю «грозного чувства». Отметим, что мифонимы и поэтонимы по большей части сконцентрированы в работах Е. Трухан, которая является сотрудником музея Достоевского, а не профессиональным журналистом. Однако то, что Елена Дмитриевна – постоянный автор «Кузнецкого рабочего», позволяет судить о влиянии на читателя созданных ею с помощью мифонимов и поэтонимов образов. Так, в статье Е. Трухан (14.06.2012) с помощью мифонимов *Дева Мария, Богоматерь Одигитрия* подчёркнута ключевая роль номинации *женщина, указующая путь*: *Над строками Достоевского будто витает*

знакомый образ Девы Марии, заступницы всех страждущих – олицетворение сострадания, милосердия и чистоты. Более того, этот образ имеет определенный извод, а именно – Богоматерь Одигитрия (Путеводительница): «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни». Изотопическая цепочка онимов со связью пересечения формируется благодаря сравнительной семантике: образ *Марии Дмитриевны* сакрализуется, она, женщина, протянувшая руку, уподобляется *Деве Марии*. Для автора важна пояснительная конструкция, которая акцентирует ключевой для интерпретации кузнецкого периода смысл: венчание в Одигитриевской церкви становится символичным. Экспрессивная и семантическая насыщенность контекста поддерживается рядом синонимов *заступница всех страждущих – олицетворение сострадания, милосердия, чистоты* и изотопической цепочкой с характерной для материалов Е. Трухан связью пересечения *сострадание – милосердие – чистота*. Состояние Достоевского до встречи с Исаевой помогает передать градуальный ряд *человек без какой-либо поддержки – душевно опустошенная личность – Вечный Жид*. Возникает основанная на связи пересечения изотопическая цепочка онимов *Достоевский – Вечный Жид*. Введение мифонима передаёт накал, предельность эмоционального состояния писателя. Рядом с данной смысловой лексической парадигмой особенно значим уже упомянутый ряд – *Мария Дмитриевна – Дева Мария*. Соседство данных парадигм онимов позволяет оценить благодать обретения любви. Характер любви Достоевского к Исаевой также помогают понять изотопические цепочки, включающие поэтонимы. Так, в материалах Е. Трухан актуализированы парадигмы онимов со связью пересечения *Фёдор Михайлович – Макар Девушкин, Мария Дмитриевна – Варенька Добросёлова*, восходящие к высказываниям самого Достоевского: *Об этом эпистолярном произведении он вспоминает в переписке с А.Е. Врангелем и сопоставляет себя и Марию Дмитриевну с созданными им в 1845 году литературными персонажами – Макаром Девушкиным и Варенькой Доброселовой*. Библионимы и многие

имена героев Достоевского иллюстрируют мысль о влиянии кузнецкого периода на творчество великого писателя. Например, риторический вопрос из работы В. Валиулина: *Без Марии Дмитриевны Исаевой, ставшей прообразом его женских героинь, разве состоялся бы Достоевский – автор «Братьев Карамазовых», «Идиота», «Преступления и наказания»?* (09.09.2010).

Другой важный акцент газетных публикаций XXI в. – насыщенность культурной жизни города, в том числе связанная с откликом на историю «грозного чувства». Многочисленные антропонимы называют специалистов, представителей творческой интеллигенции, общественности, которые занимаются краеведением. Такие антропонимы сопровождаются приложением или другой конструкцией, содержащей характеристику деятельности человека, и часто соседствуют с идеонимами (названиями работ, изданий, конференций, выставок, обществ и т.п.). Регулятивная сила таких антропонимов особенно значима для выражения в газете идей краеведения и связана не только с ориентацией на читателя, знакомого с данной информацией. Сопровождающая оним характеристика вида деятельности нацелена и на адресата, который готов преодолеть состояние энтропии в вопросах краеведения. В материалах, раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», неоднократно упоминаются ***А.С. Шадрина*** (*новокузнецкий историк, профессиональный музейщик*, она *занимается исследованием русской истории и культуры* и принадлежит к тем людям, *что особо не нуждаются в представлени»*; автор книги о пребывании Достоевского в Кузнецке: [Шадрина 1995]), ***Е.Д. Трухан*** (*директор музея Достоевского*, автор многих материалов; *К слову, ряд материалов* ***Елены Трухан****, также посвященных юбилею Достоевского, опубликованы в московском журнале* ***«Мир музея»****, в барнаульском сборнике статей о писателе*. – В. Немиров, 16.02.2012), профессор ***С.Д. Тивяков*** (президент краеведческого объединения ***«Серебряный ключ»***), ***И.П. Басалаева (Рещикова)*** (историк, преподаватель НФИ КемГУ). Особое внимание

уделено «Кузнецким рабочим» творческому осмыслению темы «Достоевский в Кузнецке» художницей А.Ф. Фомченко и поэтессой Л.А. Никоновой. Авторы материалов конкретизируют характеристику деятельности талантливых новокузнечанок, усиливают оценочную составляющую текста (например, В. Валиулин, 09.09.2010; Е. Трухан, 02.02.2012). Кратко упоминается в городской газете также скульптор ***А.П. Брагин***: *11 ноября 2001 года в Музее Достоевского в рамках празднования юбилея писателя состоялось открытие бюста Ф.М. Достоевского, выполненного новокузнецким скульптором* ***А.И. Брагиным*** (А. Шпрингер, 10.11.2011). В материалах начала XXI в. используется большое количество фотографий, отражающих насыщенность культурной жизни города событиями, которые так или иначе связаны с памятью о великом писателе (см. рис. 11 в Приложении 2).

Таким образом, принцип краеведческого фокусирования в изложении истории любви великого писателя и М.Д. Исаевой проявляется в характере отбора информации и в особенностях её стилистического воплощения: 22 дня Достоевского в Кузнецке рассматриваются с бережной летописной детализацией, с поэтизацией образа Марии Дмитриевны, с осмыслением значимости кузнецких событий в жизни и творчестве Фёдора Михайловича и судьбе современного Новокузнецка. Городская газета представляет рассмотренные ключевые образы без документального лаконизма, приближаясь к манере художественного и филологического изложения, делая акцент на внутреннем мире человека, духовной основе взаимоотношений любящих. Образ Марии Дмитриевны Исаевой и вся история любви погружены журналистами городской газеты в бытийный дискурс, что воздействует на читателя эмоционально и эстетически, воспитывая любовь и уважение к малой родине. Двадцать два дня Достоевского в Кузнецке осмысливаются в надвременном плане.

В материалах городской газеты положено начало формирования регионально маркированных ментально-стилистических образований,

связанных с мыслью о важной роли кузнецких событий в жизни и творчестве писателя. Ключевые репрезентанты этих образований обращают на себя внимание благодаря выразительности и повторяемости в текстах: *кузнецкий венец*, *кузнецкая коллизия*, *грозное чувство*. Однако эти ментально-стилистические образования не являются идеологемами, поскольку лишь частично касаются медиадискурса как среды функционирования идеологем, сохраняя принадлежность к научному (филологическому, культурологическому) и эстетическому дискурсам. Однако не подлежит сомнению роль регионального издания в их актуализации. С точки зрения динамики ценностной картины мира конца XX – начала XXI в. в воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в сравнении с другими краеведческими доминантами городской газеты наблюдается наибольшая стабильность.

4.3. Дискурсивно-стилистическое воплощении темы «Судьба шорского народа»

4.3.1. Ассоциативно-стилистический комплекс «возрождение шорского народа»

Городская газета рассматривает широкий круг вопросов, связанных с историей и культурой шорцев, коренного населения юга Западной Сибири, с жизнью удивительного края – Горной Шории. Значимость шорской темы как краеведческой доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий» связана с проблемой сохранения малых народов России и их культуры, с осмыслением современной ситуации мультикультурализма. Городская газета активно участвует в обсуждении судьбы шорского народа. Во многих материалах отражается особая роль Новокузнецка в сохранении и развитии шорской культуры, при этом учитываются как исторический аспект, так и современное состояние проблемы.

Особый интерес представляет динамика семантико-стилистического воплощения этой темы в конце XX – начале XXI в., в эпоху перемен,

коснувшихся не только общественно-политических и экономических условий жизни страны, но и духовной жизни народа. Материалы городской газеты – 184 текстов 1980–2012 гг. (см. Приложение 1) – рассмотрены в соответствии с хронологическим принципом, что позволяет выявить динамику ценностной картины мира, которая наиболее ярко отразилась в **АСК «возрождение шорского народа».**

Шорская тема обретает новое звучание в городской газете с 1988 г. (в различных подходах историков это соответствует концу первого этапа преобразований – 1985 – 1988 гг. [Новейшая история России 2010, с. 396–397] или второго этапа перестройки – 1987 – 1988 гг. [Согрин 1992, с. 133]). До этого времени основными темами публикаций были красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. С 1988 г. главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. Журналисты отмечают изменение национальной политики в стране и порождённое им духовное пробуждение: <...> *в современных условиях, когда суверенность нации, народности в нашей стране наполняется новым содержанием* <..> (Т. Михайлова, 12.09.1989; именно Тамара Михайлова является автором большей части публикаций о судьбе шорского народа); *Я думаю, что живительный процесс затронет и пласт нетронутой истории шорского народа, и появятся среди местных учёных ещё и этнографы, и историки, и социологи, которые изучат и сохранят для будущих поколений феномен шорского народа* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Газета делает акцент на нравственной основе происходящего. Гуманистический дух перемен, акцент на духовном преображении, возвращении к истине отразило в эпоху перестройки такое ключевое слово текущего момента, как *возрождение*, играющее важную роль и в семантико-стилистическом воплощении шорской темы. В региональном медиадискурсе актуализируется идеологема с положительным аксиологическим модусом

возрождение шорского народа, являющаяся региональным вариантом идеологемы *возрождение*, актуализированной в период перестройки.

Согласно толковому словарю, *возрождение* – «появление вновь, возобновление, подъём после периода упадка, разрушения» [Ожегов 1973, с. 86]. М.К. Шемякина рассматривает концепт ВОЗРОЖДЕНИЕ как «действенный и всеобъемлющий», необходимый «для подлинного понимания русской традиционной культуры» [Шемякина 2013]. Культурная память старославянизма *возрождение* связана с христианской традицией. Так, российский историк и богослов П.П. Васильев в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» даёт толкование богословского понятия *возрождение*: «<…> (ἀναγέννησις, παλιγενεσία, regeneratio, Wiedergeburt) – широкое по смыслу и значению богословское понятие. Догматика обозначает словом *возрождение*, в тесном смысле, плоды и благодатные действия в человеке крещения. В крещении подается человеку не только освобождение от грехов, в смысле прощения и невменения их, но и действительное внутреннее очищение и сообщение новой жизни действием даров св. Духа» [ЭСБЕ. URL: http://be.sci-lib.com/article022477.html (дата обращения: 09.08.2016)]. Специфика Ренессанса как особой эпохи в истории культуры определяется гуманистическими идеями и преодолением средневекового догматизма. Л.Е. Пинский даёт следующую характеристику ренессансного гуманизма: «Освобождение культуры от церковной опеки, защита свободы мысли, расшатывание сословных рамок и раскрепощение человеческой личности (человек сам творит свою судьбу, он способен к беспредельному совершенствованию своей природы) – таковы основные принципы гуманизма Возрождения с его идеалом свободного и гармонично развитого человека» [ЛС, с. 67]. В контексте шорской темы важна культурная память слова *возрождение*, его семантика возвращения от упадка и разрушения к исконному состоянию жизни, поиск которого имеет нравственную основу и связан с духовным преображением и спасением.

О ключевой роли слова *возрождение* в эпоху перестройки свидетельствует то, что оно вошло в «Словарь перестройки» в значении «восстановление разрушенного, пришедшего в упадок, забытого» [Максимов 1992, с. 36]. Родственные имени существительному глаголы также представлены в «Словаре перестройки»: *возрождать – возродить* в значении «восстанавливать – восстановить что-либо разрушенное, утраченное, забытое» и *возрождаться – возродиться* в значении «восстанавливаться – восстановиться после разрушения, упадка, забвения, замалчивания» [Там же, с. 35]. Все приведённые слова сопровождаются пометой «актуализированное», которая характеризует слова и выражения, «находившиеся до перестройки на периферии языка, а теперь ставшие частотными» [Там же, с. 5].

Ключевая роль слова *возрождение* (а также глаголов *возрождать – возродить*, *возрождаться – возродиться*) в воплощении шорской темы была выявлена с учётом традиционно выделяемых признаков ключевых слов [Мурзин, Штерн 1991, с. 73–74; Лукин 1999, с. 83–88; Николина 2003, с. 185–187; Болотнова 2008, с. 54–55]. Во-первых, слово *возрождение* несёт особую смысловую нагрузку, служит опорой не только при интерпретации текста, но и, что характерно для медиадискурса, для выражения ключевых смыслов, имеющих межтекстовый статус. Во-вторых, признаком ключевых слов является повторяемость в тексте. Для медиадискурса важна межтекстовая повторяемость ключевых слов. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка) позволяет говорить о резком возрастании частотности слова *возрождение* в публицистике 1990-х – 2000-х гг. (см. табл. 2 в Приложении 4). Согласно нашим наблюдениям, ключевые слова *возрождение*, *возрождать*, *возродить* встречаются в 22 % рассмотренных текстов периода 1989–1999 гг. В-третьих, рассматриваемые ключевые слова используются в сильных позициях газетного текста (в заголовке, лиде, начале, концовке). В-четвёртых,

ключевые слова актуализированы с помощью комплекса стилистических приёмов, включены в смысловые лексические парадигмы.

Журналисты городской газеты поддерживают идею сохранения исторических и культурных традиций региона, например: *Нужно только, наверное, нам помнить и знать прошлое, изучать его, не обобщённо-усреднённую историю страны, а историю своих краёв и областей <…>. Почему, действительно, мы, сегодня живущие в Новокузнецке – а именно на месте его когда-то стоял главный город Горной Шории Аба-Тура, центр и пересечение торговых путей, – ничего или почти ничего, кроме историко-этнографических данных времён чуть ли не каменного века, о шорцах-кузнецах, об одежде и украшениях из серебра и меди, не знаем об исконных обитателях земли здешней?* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Неравнодушная позиция журналиста как представителя горожан подчёркнута использованием персонального *мы*-изложения, риторического вопроса, инверсии, амплификации. Концептуальную нагрузку имеет смысловая лексическая парадигма ойконимов *Новокузнецк – Аба-Тура*, смысловые отношения в которой могут быть рассмотрены на двух уровнях: на уровне реального это противопоставление современности и забытого прошлого, на уровне должного это глубокая внутренняя связь настоящего с исконным, коренным. Ойконим *Аба-Тура* значим и в интервью, посвящённом шорскому альманаху «Элим». Древний шорский оним обозначает место издания и отражает концепцию альманаха, стремящегося к возрождению шорского народа: *Аба-Тура – так называется, согласно легенде, шорский городок на левом берегу Томи, возле Абы (Маяковое городище). Там жил глава шорцев Аба-отец* (Т. Михайлова, 29.04.1993). Именно на Новокузнецк возлагаются надежды представителей шорской общественности (например, Г.Н. Куюкова, Н.Я. Чудоякова, М.А. Тодышева), поскольку здесь *живут около полутора тысяч шорцев – наиболее грамотная и прогрессивно настроенная часть нашего народа* (19.01.1990). Эксплицирован в материалах о судьбе шорского народа и образ газеты, которая должна справедливо судить о состоянии

проблемы: *Впору здесь, на газетной полосе, умилиться и высоким штилем сказать о проснувшемся самосознании народа. Но сказать так – значило бы невольно покривить душой. <…> поставлен он* [народ] *был в такие условия, что, как говорится, куда ни кинь – всюду клин* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Как видим, антитеза противопоставляет идеальное состояние реальному, пейоративная оценка которого ярко передана с помощью экспрессивного выражения с разговорной окраской.

Предпринятый анализ показал, что актуализация ключевого слова *возрождение* началась в конце второго этапа перестройки (согласно периодизации В.В. Согрина: [Согрин 1992, с. 133]), продолжилась в 1990-е годы XX в. и пошла на спад в первом десятилетии XXI в. Для выявления специфики АСК «возрождение шорского народа» рассмотрим особенности текстовой синтагматики и парадигматики ключевых слов, специфику их актуализации с помощью различных стилистических приёмов, регулятивную роль онимов.

Использованное для определения ключевого слова *возрождение* имя прилагательное *национальное* (Т. Михайлова, 02.02.1991; Т. Михайлова, 21.02.1990) позволяет судить о глобальном смысле, который вкладывают авторы публикаций в слово *возрождение*. Однако глобальная цель представлена не абстрактно, а в соотнесении с конкретными шагами, необходимыми для её достижения. Так, синтагма *национальное возрождение* используется в очерке о М.П. Амзорове и входит в контекст с возвышенной окраской: *Михаил Прокопьевич Амзоров вложил посильную лепту в дело национального* ***возрождения****: недавно он закончил русско-шорский разговорник и грамматику частей речи шорского языка* (02.02.1991); лепта – (высок.) «посильное подаяние, скромный вклад» [Ожегов 1973, с. 295]. Использование поясняемой и поясняющей частей бессоюзного сложного предложения позволяет конкретизировать гипероним и подчёркивает мысль о сохранении языка как необходимом условии сохранения народа. В другом контексте – общественно-политической направленности – речь идёт об

органе национального ***возрождения***, который необходим в Новокузнецке (21.02.1990).

В целом текстовая синтагматика рассматриваемых ключевых слов свидетельствует об особой смысловой нагрузке имени существительного, управляемого ключевым словом: *возрождение* (*чего?*), *возрождать / возродить* (*что?*) (на это указывает и «Словарь перестройки» [Максимов, 1992, с. 36]). Рассмотрим данные имена существительные, учитывая текстовую парадигматику и использование различных стилистических средств.

Главный объект возрождения, согласно речевой системе текстов 1990-х годов XX в., – *культура*. В единичных случаях в текстах начала 1990-х гг. в качестве объекта возрождения выступает *автономия*. Однако и при таком административно-территориальном акценте главным остаётся возрождение культуры, о чём свидетельствует, например, изотопическая цепочка *возрождение автономии – возрождение культуры*, актуализированная с помощью экспликации логических связей и благодаря синтаксическому параллелизму: ***Возрождение*** *автономии нашего народа будет способствовать* ***возрождению*** *культуры, изучению родного языка, научным изысканиям* (Т. Михайлова, 19.01.1990). Характерно, что имя существительное *автономия* появляется в интервью с представителями общественных организаций, в их статьях (например, интервью с инициативной группой общества шорцев – Г.Н. Куюковым, Н.Я. Чудояковым, М.А. Тодышевым, 19.01.1990; статья В. Шарчакова, кандидата в народные депутаты облсовета, члена совета общества «Шория», 21.02.1990). Включён в контексты с общественно-политической направленностью и такой репрезентант объекта возрождения, как *малочисленные народы*. Он встречается, например, в интервью с президентом Ассоциации народов Южной Сибири Г.Н. Куюковым (13.04.1991), где гипероним *малочисленные народы* вводит гипоним-этноним *шорцы* в контекст размышлений о специфике национальной политики новой России:

<…> за последние годы <…> начался активный процесс ***возрождения*** *малочисленных народов <…>.*

Остановимся подробнее на семантико-стилистическом описании основного репрезентанта объекта возрождения – имени существительного *культура*, которое определяется с помощью словоформ *народа* (08.11.1989, 19.01.1990, 21.02.1990), *шорцев* (27.03.1990, 02.02.1991) и с помощью имён прилагательных *национальная* (29.03.1992), *самобытная* (27.03.1990), *шорская* (17.11.2001). Возрождение культуры охарактеризовано как цель, представленная с помощью акцентуатора (см. об этом понятии: [Иванова 2003 (СЭС), с. 15]) *далеко идущая* в последнем абзаце аналитического интервью с доцентом кафедры литературы НГПИ А.И. Чудояковым, возглавившим научно-методический центр по проблемам изучения шорского языка и литературы: *Кроме практических целей – подготовки учителей для шорских школ, а также изучения шорского языка и литературы, мы имеем и далеко идущую цель:* ***возродить*** *культуру народа, открыть перед ним перспективу* (Т. Головкова, 08.11.1989). В контексте создаётся изотопическая цепочка *возродить культуру народа – открыть перед ним перспективу*, смысловая нагрузка которой подчёркнута цитатным заголовком *«****Возродить*** *культуру народа»* и расположением в сильной позиции конца текста слова *перспектива*. Мысль А.И. Чудоякова оформлена с помощью градации – от *практических целей* к *далеко идущей цели*. В небольшом очерке о шорском поэте Н. Бельчегешеве, предваряющем подборку его стихов, служение идее возрождения национальной культуры представлено с помощью акцентуатора *одержим*: *Писал о родной земле, о красоте тайги, о своём народе. А теперь Николай одержим идеей* ***возрождения*** *и развития национальной культуры* (Т. Михайлова, 26.03.1992). Отметим градуальную изотопическую цепочку *возрождение – развитие (национальной культуры)*, связанную с верой в будущее Родины.

Синонимическая изотопическая цепочка *Тазыхан – возрождение* (шорские слова приводятся в соответствии с газетным текстом) создаёт

характерную для текстов о шорской культуре конца XX – начала XXI вв. параллель шорского языкового средства и его русского эквивалента: *«Тазыхан» с шорского переводится как «**возрождение**». По древнему преданию, Тазыхан – мать Ульгена, правителя добрых духов. Покровительница центру выбрана не случайно. Руководительница этнографического объединения Татьяна Тудегешева надеется, что «Тазыхан» **возродит** шорскую культуру, а в работе помогут добрые духи* (И. Колпакова, 17.11.2001). Шорское слово в публицистическом тексте выполняет концептуальную функцию – выражает ключевую мысль о сохранении национальной культуры, которое немыслимо без сохранения языка. В приведённом контексте читатель приобщается к культурной памяти слов: при этимологизации названия этнографического объединения использована языковая игра на основе принципа ассоциативного наложения.

Роль сохранения языка подчёркивается как неоднократным использованием соответствующих репрезентантов объектов возрождения *(письменность, письменный язык)*, так и включением имён существительных *язык* и *возрождение* в изотопические цепочки. Именно исчезновение языка заставляет бить в набат журналистов и представителей шорского народа. Ключевой становится антитеза исчезновения и восстановления языка. И если о гибели национальной культуры говорится в смягчённой форме (*За годы советской власти, в результате существенных изменений в их* [шорцев] *образе жизни, были утеряны некоторые элементы традиционной культуры этого народа, и сейчас стоит проблема их **возрождения** и развития.*– С. Борисов, 09.07.1994), то о потере языка сказано чётко и категорично, например: <…> *за годы культивирования и становления во главу угла ассимиляционных процессов <…> шорцы потеряли ту толику письменной культуры, что существовала. Язык шорцев стал бесписьменным* (Т. Михайлова, 12.09.1989); *К сожалению, из-за известных обстоятельств шорская молодёжь хорошо не владеет родным языком или вообще не знает его* (А.И. Чудояков, 20.06.1990); *Школ, где велось бы преподавание на*

родном языке, у шорцев нет, как и учебников тоже (В. Шарчаков, 21.02.1990); *Скоро, возможно, не найдётся шорца, кто свободно говорит на своём родном языке. Единицы выпускников кафедры шорского языка и литературы говорят на нём* (В.П. Колокольцева, 03.04.1997).

Антитеза потери и возрождения письменности актуализирована в материале, в котором используются акцентуатор *чрезвычайно важно*, ретардация и формируется изотопическая цепочка *возрождение письменности – сохранение и развитие национальной культуры*: *Задача* ***возрождени****я письменности, а значит, сохранения и развития национальной культуры, что чрезвычайно важно в современных условиях, когда суверенность нации, народности в нашей стране наполняется новым содержанием, – задача сложная* (Т. Михайлова, 12.09.1989). Ключевая мысль в приведённом газетном материале поддержана рематическим заголовком – *«Звучит шорская речь»*. Антитеза попытки возродить письменный язык шорцев и тёмной полосы в истории шорского народа актуализирована в интервью с А.И. Чудояковым: *В прошлом веке Алтае-Саянская духовная миссия сделала попытку возродить письменный язык шорцев, был издан букварь, учебные и художественные книги на шорском языке, существовали национальные школы. После революции просветительская деятельность получила новый импульс <…>. Потом наступила тёмная полоса в нашей национальной истории. Прекратились академические издания шорского фольклора* (Т. Головкова, 08.11.1989). В этом контексте *возрождение письменного языка шорцев* становится гиперонимом, содержание которого конкретизируется с помощью нескольких гипонимов.

Изотопическая цепочка *знать свой язык – возрождение культуры* актуализирована в размышлениях Ф.Г. Чиспияковой о кафедре шорского языка и литературы НГПИ и поддержана нагруженным культурными смыслами заголовком – *«Помни своё имя»*: имя не только часть языка, но и знак твоего рода (Т. Михайлова, 22.11.1994). В высказывании,

эксплицирующем ключевую мысль, подчёркнуто значение модальности: *Вопрос ставится так, что каждый народ должен знать свой язык, без этого невозможно* ***возрождение*** *культуры* (там же).

Отметим другие репрезентанты объекта возрождения, связанные с культурой, её духовной и материальной составляющими. Так, в очерке об А.И. Чудоякове (Т. Тудегешева, 08.10.1998) *заветной мечтой* учёного-фольклориста названо ***возрождение*** *самосознания шорского народа*; формируется изотопическая цепочка *возрождение самосознания шорского народа – открытие шорских школ*, показывающая важную роль образования в сохранении национальной культуры. Заветная мечта А.И. Чудоякова противостоит современному забвению корней, обычаев, исчезновению языка: *Он ясно видел, что современная жизнь несёт шорскому народу много бед, что забываются корни, обычаи; исчезает язык, без которого шорцы не смогут называться народом.* Тема истоков народа актуализирована изотопической цепочкой *корни – обычаи*. С другой стороны, возрождение народа связано и с его материальной культурой, чему посвящена, например, заметка об открытии мастерской народных промыслов *«Для* ***возрождения*** *традиционных промыслов»* (Т. Михайлова, 05.04.1990). В представлении темы возрождения материальной культуры, как и духовной, стилистически значимы шорские слова, передающие особый колорит и введённые в текст как эквиваленты русских (или наоборот): *– Участвовать в конкурсе могут те, кто знает секреты изготовления национальной одежды (конънек), головных уборов (порук), обуви (одук), лыж (шана), сувениров и других предметов народных промыслов, – сказал В.И. Ачелов* («Конкурс центра “Кызыл Шор”», 27.03.1990). В очерках о представителях шорского народа неоднократно рассказывается о традиционных шорских промыслах, например:

В деревне шорцы зимой охотничали, уходили на неделю, две, три и более в тайгу и возвращались с богатой добычей, летом – шишковали. Тайга кормила их, одевала и обувала.

Семья удачливого охотника Амзорова была немаленькой, сыновья с детства приучались к промысловому делу (Т. Михайлова, 02.02.1991).

Естественно, что особое место в возрождении культуры шорского народа занимает *возрождение деревни* как хранительницы традиционной культуры: *Ведь сейчас положение тревожно. В Горной Шории есть деревеньки, в которых нет школ, нет электричества, дорог, в которых плачевен быт* (Т. Михайлова, 19.01.1989); <…> *многие из которых* [сёл и посёлков Горной Шории] – *что скрывать! – в заброшенности и запустении* (Т. Михайлова, 2.02.1990); *Исконные жители богатейшего таёжного края, они живут сегодня, отброшенные молохом цивилизации почти в каменный век. Посёлки Усть-Анзасского, Чилису-Анзасского, Майзасского сельсоветов не электрифицированы, в посёлке Шор-Тайга, расположенном в красивейшей горной местности на берегу чистой Мрассу, нет ни школы, ни фельдшерского пункта, ни клуба, ни магазина* (Т. Михайлова, 03.10.1990); *Ассоциация шорского народа занималась проблемой* ***возрождения*** *глубинки, шорских деревень* (Т. Михайлова цитирует М.А. Тодышева, 30.04.1992). Нацеленность на светлую перспективу передаётся изотопической цепочкой *возрождение – путь – будущее*, актуализированной с помощью экспрессивного заголовка *«Один путь, одно будущее»* (Т. Михайлова, 30.04.1992). Шорские деревни находятся в плачевном с социально-бытовой и культурной точек зрения состоянии, но именно они хранят островки традиционной шорской культуры.

Духовная основа темы возрождения шорского народа отражается в неоднократном использовании в текстах слова *душа*, несущего важную смысловую нагрузку. А.И. Чудояков, размышляя об утрате шорским народом своих традиций, говорит о деятельности христианских миссионеров: *Дело в том, что миссионеры, появившиеся в наших краях в 1828–1830 гг., с созданием в Барнауле Алтайской духовной миссии, были очень умны, действовали очень тонко, учитывая особенности духовной жизни местного населения, христианские праздники умело подстраивали под местные*

обычаи (Т. Михайлова, 09.01.1992). Выделенное с помощью абзаца предложение, выражающее боль и печаль сына шорского народа, оформлено с помощью просаподосиса, благодаря чему актуализирована особая смысловая нагрузка слова *душа*, находящегося в позиции объекта воздействия: *Душу взять было непросто, но они брали душу* (Там же). Своеобразный ассоциативный код, отражающий современное состояние шорского народа, включает в свой очерк И. Лавренова, рассказывающая в одной из зарисовок о местном художнике: *Живёт в посёлке художник Яков Пепелов. Шорец по национальности. Работает пожарным в ВД. В свободное время пишет картины. <…> Но одно панно, выпиленное из дерева, Яков показал. В левом углу – языки пламени лижут бубен шамана, в другом – христианское распятие. А между ними – пустота. Насквозь прорезанное отверстие – контур, очертание человеческой головы. «Это душа, – поясняет Яков, – душу опустошили, ничего в неё не вложив…»* (27.07.1996). Тема потери и возвращения души становится лейтмотивом текста и переходит на символический уровень: *Кырмоксы шаману помогают, если душу больного другие духи унесли куда-то далеко. <…> Задача шамана найти эту душу и вернуть. Он начинает обряд камлания. (Ведь «шаман» на шорском – «кам»). Он обращается поочерёдно к духам речек, гор. <…> Но совершенно ясно и то, что когда кто-то (пусть и целый народ) лишается своего Хозяина, бывает очень сложно отыскать его душу, даже если её не закрывали в Чёрной горе* (там же).

В семантико-стилистическом воплощении темы возрождения шорской культуры важны такие регулятивные средства, как онимы.

Органично употребление в газетных текстах о возрождении шорской культуры хоронима *Горная Шория*, используется также перифраз *«Сибирская Швейцария»*. Хороним *Горно-Шорский национальный округ* отражает новое видение национальной политики, характерное для рубежа 1980-х – 1990-х гг.: *Наша главная цель – способствовать образованию Горно-Шорского национального округа, который существовал с середины*

двадцатых годов и до конца тридцатых. ***Возрождение*** *автономии нашего народа будет способствовать возрождению культуры, изучению родного языка, научным изысканиям* (позиция инициативной группы общества шорцев – Г.Н. Куюкова, Н.Я. Чудоякова, М.А. Тодышева; Т. Михайлова, 19.01.90). Интересно использование хоронимов в очерке о Н. Бельчегешеве, где многочисленные названия далёких стран и регионов используются для создания антитезы чужого и родного, представленного астионимом *Мыски*: *Бортмехаником военно-транспортного самолёта Ан-12 облетел весь мир, Египет, Алжир, Гвинея, Ангола, Афганистан, страны Восточной Европы – таков его послужной список. <…> Он понял ещё, что Родина у человека одна, она даётся однажды и навеки: это уголок земли, где родился и куда непременно должен вернуться. И Николай Бельчегешев вернулся: в 44 года вышел на пенсию и сейчас живёт по соседству с нами, в Мысках* (Т. Михайлова, 26.03.1992).

Антропонимы, употреблённые в газетных текстах, связаны с именованием активных представителей шорской общественности, которые нередко являются речевыми субъектами, и хранителей шорского слова, шорской культуры. Например: *В зале звучали шорские песни и частушки. Их исполняли слушатели курсов для руководителей кружков шорского языка при Новокузнецком педагогическом институте. Была организована маленькая выставка шорской художественной и научной литературы, на столе лежали книги языковеда Н.П. Дыренковой, этнографа В.М. Кимеева, шорских поэтов и прозаиков С. Тотыша и С. Торбокова, совсем новенькая книжка легенд и преданий шорцев «Девять бубнов шамана»* (Т. Михайлова, 02.02.1990).

Неоднократно встречаются очерки, посвящённые хранителям шорской культуры. Очерки, интервью сопровождаются фотографиями, создающими сквозную тему «Шорская культура в лицах» (см. рис. 12 в Приложении 2). Авторы очерков используют насыщенные в семантико-стилистическом отношении номинационные цепочки, причём характерно вынесение в

заголовок ключевой экспрессивно-оценочной номинации. Другие номинации, имеющие особую нагрузку в тексте, также актуализируются с помощью стилистических приёмов. Например, в очерке о М.П. Амрозове, помещённом в рубрике «Люди и судьбы», использован метафорический заголовок *«Собиратель нетленных сокровищ»* (Т. Михайлова, 02.02.1991). Для характеристики героя очерка автор использует экспрессивную конструкцию с просиопезой, апосиопезой, просаподосисом: *...Учитель, газетчик, фронтовик... Учитель. Не просто учительство само по себе, а радение о родном его шорском языке, ныне исчезающем, теряющем своих носителей* <...>. Актуализированная характеристика «учитель» наполняется особым смыслом. М.П. Амрозов предстаёт перед нами в очерке как *последний из могикан*, причём эта характеристика является гиперонимом: *Михаил Прокопьевич, как и большая часть немногочисленной шорской интеллигенции – до недавних пор последние из могикан, хорошо понимает, что язык – это главное, это хранилище всей культуры шорцев.*

Как автор статей, интервьюируемый и – после ухода из жизни – как герой очерков или статей предстаёт перед нами на страницах городской газеты *Андрей Ильич Чудояков*. В характеризующую его межтекстовую номинационную цепочку входят компоненты номенклатурные и эмоционально-экспрессивные, хотя в контексте даже номенклатурные компоненты насыщаются коннотативной информацией: *учёный-фольклорист* (Ф.Г. Чиспиякова о кафедре шорского языка и литературы НГПИ; Т. Михайлова, 22.11.1994), *доцент кафедры литературы НГПИ, возглавивший научно-методический центр по проблемам изучения шорского языка и литературы* (Т. Головкова, 08.11.1989), *профессор, заведующий кафедрой шорского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института* (Т. Тудегешева, 08.10.1998). Авторы газетных материалов используют такие эмоционально-экспрессивные номинации-характеристики А.И. Чудоякова, как *«крёстный отец» кафедры* (Ф.Г. Чиспиякова о кафедре шорского языка и литературы НГПИ)

Т. Михайлова, 22.11.1994), *выдающийся учёный, сын Шории* (Т. Тудегешева, 08.10.1998).

В очерках концептуальную и экспрессивную нагрузку несёт описание детства хранителей шорской культуры. Тема детства связана с тем родовым истоком, который навсегда наполнил «последних из могикан», радеющих за сохранение культурной памяти. В семантико-стилистическом воплощении темы детства важны образы природы, родных людей. С антропонимами соседствуют комонимы, гидронимы (Т. Михайлова, 02.02.1990; Т. Головкова, 04.08.1990; Т. Михайлова, 26.03.1992; Т. Михайлова, 11.02.1993; Т. Шатилова, 23.12.1995; Т. Тудегешева, 08.10.1998), например: *Его родина – Горная Шория, село Сибирга на берегу речки Мрассу. Село это сейчас уже не существует, семьи переселены, род Амзоровых и по сей день живёт под Мысками, а реки горного края «Сибирской Швейцарии» тогда были ещё не замутнены, вода в них была кристально чистой* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Тема природы не только переплетается с темой детства, но и существует как самостоятельная в создании образов выдающихся сыновей и дочерей Шории, например: *Он очень любил свою родину: горы Шории, её вечнозелёные кедры и свой добродушный немногочисленный народ* (об А.И. Чудоякове; Т. Тудегешева, 08.10.1998); *Любуется Степан Торбоков красавицей Кондомой, ей рукавами, островками. Автор просит читателя другими глазами взглянуть на величие и красоту природы Горной Шории* (Т. Шатилова, 23.12.1995).

Библионимы конкретизируют информацию о лепте, внесённой в возрождение шорской культуры. В очерке об А.И. Чудоякове создаётся интересная образная параллель подготовленных им книг и выращенных плодов: *Через год после его смерти вышла книга «Этюды шорского эпоса», в которую вошли его статьи и комментарии. Совсем недавно вышел очередной том «Шорский героический эпос», из 20-томного издания «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», над которым он работал в течение 10 лет. Как вспоминает его дочь Алла Андреевна*

Сербигешева, в жизни он любил сеять, садить, наблюдать и ухаживать за всходами. Ему хотелось видеть плоды своих трудов. Но жизнь распорядилась так, что плодов своего творческого труда ему увидеть не пришлось (Т. Тудегешева, 08.10.1998).

Эргономы называют учебные заведения (*Новокузнецкий государственный педагогический институт*), издательства (*«Кемеровское книжное издательство», «Наука»*), общества и организации, занимающиеся сохранением шорской культуры, национальные культурные центры (*«Шория», «Кызыл Шор», Ассоциация народов Южной Сибири*). Неоднократно подчёркивается важная историческая роль в сохранении шорской культуры *Саяно-Алтайской духовной миссии*. Внимание к судьбе шорского народа передаётся с помощью введения эргонимов, называющих зарубежные и международные организации, например: *В творческую группу входят и единомышленники из Германии – три специалиста Института тюркологии Университета им. Гёте во Франкфурте-на-Майне. Цель данного проекта – возвращение шорскому народу его ранней литературы путём сбора и публикации фольклорных и бытовых текстов на шорском языке, а также их лингвистического анализ* (21.09.2000). В интервью с главой Совета старейшин шорского народа М.А. Тодышевым альтернативный вопрос, вынесенный в заглавие *«Кому ближе проблемы шорцев: ООН или местной власти?»,* создаёт антитезу, значимую для проблемного изложения и заставляющую критически оценить позицию местных властей: *Я могу только согласиться с Михаилом Анатольевичем. А то неудобно как-то получается, когда наши земляки – шорцы на ООН надеются больше, чем на местные власти* (И. Лавренова, 24.12.1996).

Смысловая нагруженность имён собственных в контексте подчёркивается с помощью метаязыковой рефлексии, когда приводится перевод и / или толкование онима. Так, эргоним соотносится с мифонимом в информационной корреспонденции об открытии в городе центра шорской культуры – этнографического объединения «Тазыхан» (И. Колпакова,

17.11.2001). В контексте актуализируются изотопические цепочки *«Тазыхан» – добрые духи*, *возродит – помогут*, созидательный смысл подчёркивают сакральная формула заголовка *«Да поможет вам Тазыхан!»* и перекликающаяся с ней концовка: *Надеемся, что у первого в городе центра шорской культуры всё получится. Пожелаем, чтобы не смолкал колокольчик и благоволила им Тазыхан.* Концептуально и толкование другого эргонима: *В Абагуре организована община «Палам» (в переводе с шорского – «ребёнок», «дитя»)* (Т. Михайлова, 16.06.1993). Библионим и его перевод помогают представить автору очерка одно из сокровищ М.П. Амзорова: *Михаил Прокопьевич бережно хранит учебник, на обложке которого значится: М. Амзоров. «Келиштире пазарга ургенченъ упражнениелер» учебник правописания шорского языка для 4-го класса* (Т. Михайлова, 02.02.1991). Редактор альманаха «Элим» С. Тенешев отвечает на вопрос журналиста о концептуальном выборе гемеронима: *Элим условно можно перевести как «земля предков», а дословно это слово означает «своя земля», «родина», «свой народ». В эпоху первого тюркского каганата так называли свою страну, государство* (Т. Михайлова, 29.04.1993). Прозвище и его перевод важны для создания образа удивительной певицы в рассказе А.И. Чудоякова: *Песни я успел записать из уст последней нашей удивительной певицы Марии Такмагашевой, Алтын-Мани – Золотой Мани, как её звали, работавшей в селе Казас в избе-читальне. Больше таких песен я нигде не слышал* (Т. Головкова, 04.08.1990). Образ первозданной природы Горной Шории создаётся с помощью перевода на русский язык гидронима, выполняющего эстетическую функцию: *Говорят, прежде она* [река] *была бурная, пенистая, поэтому её так и назвали: Пенистая река. На шорском Кубыр-су* (И. Лавренова, 27.07.1994).

Таким образом, на межтекстовом уровне в воплощении шорской темы ключевую роль играет антитеза возрождения (жизни) и гибели (смерти), каждый полюс которой концептуально и экспрессивно актуализирован в различных контекстах. Обратим внимание на специфику текстов первого

десятилетия XXI в.: среди 95 текстов, отобранных на официальном сайте газеты и опубликованных в 2002–2013 гг., лишь в двух мы встречаем рассматриваемые ключевые слова.

В одном контексте речь идёт о возрождении традиционного национального промысла – пчеловодства, и акценты в интервью с генеральным директором предприятия «Сибирь-Эко» Владимиром Котовым носят экологический и экономический характер: *Все пасеки были разбросаны от границы Алтайского края до Мундыбаша. Пчелы собирали самый цвет Горной Шории.*

– И сейчас вам надо решать вопрос и возобновления производства, и сбыта в деловых масштабах?

– Жаль окончательно терять все это. Мы очень серьезно думаем сейчас о прямых поставках на крупные промышленные предприятия, о форме кооперации с ними. Это был бы выход в ***возрождении*** *пчеловодства* (М. Стахович, 20.01.2007).

Другой текст – аналитическая корреспонденция об этнографически-краеведческой экспедиции «Туган черим» (О. Тенешева, 02.10.2008) – связан с темой сохранения шорской культуры. Характерно, что автор использует возвратную форму, которая не была частотной в материалах предыдущего периода, – *возродиться*: *Жизнь движется по кругу, по солнцу. Все начинается, заканчивается и снова начинается. Шорский народ должен* ***возродиться*** *и жить достойно. Шестая этнографическая экспедиция «Туган черим» завершилась в поселке Усть-Кабырза, собранный ею материал будет изучаться учеными-краеведами.* Идея возрождения передаётся символическими образами круга, солнца и актуализируется антитезами *начинается – заканчивается*, *заканчивается – снова начинается*, в которых расположение фазисного глагола со значением начала создаёт эффект кольца. Однако в речевой структуре не используется характерная для городской газеты 1990-х гг. позиция объекта; употребление возвратного глагола указывает на то, что в качестве субъекта и одновременно объекта

действия мыслится сам шорский народ, а образ внешней силы, способной помочь его возрождению, не эксплицирован.

Предпринятый анализ показал, что в материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-е годы и теряет ключевую роль в газете первого десятилетия XXI в. Соотнесение выявленных закономерностей с данными частотного словаря современного русского языка О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (на материале Национального корпуса русского языка) позволяет сделать интересные наблюдения. По данным словаря, слово *возрождение* обладает более высоким показателем частотности (26,4), чем однокоренные глаголы, и в большей степени актуализировано именно в публицистике, причём наиболее высокие показатели частотности характерны для публицистики 1950 – 1960-х гг. (43,0) (это время связано с периодом «оттепели») и 1990 – 2000-х гг. (43,3), тогда как в 1970-х – 1980-х гг. (бóльшая часть этого времени приходится на «эпоху застоя») показатель частотности значительно ниже – 19,1. Как видим, роль ключевого слова текущего момента *возрождение* в публицистике (и, соответственно, в общественном сознании) меняется волнообразно, с чередованием периодов «подъёма» и «спада». Однако словарь частотности представляет время 1990-х – 2000-х гг. недифференцированно, как единый период, тогда как материалы предпринятого исследования позволяют ограничить период «подъёма» в употреблении слова *возрождение* в городской газете «Кузнецкий рабочий» 1990-ми годами. Период «подъёма», приходящийся на конец 1980-х и 1990-е гг., свидетельствует о важной роли слова *возрождение* в семантико-стилистическом воплощении шорской темы в городской газете, представляющей региональный медиадискурс, и соответствует контексту активных духовных исканий общества, основанных на вере в возможность созидательных изменений в жизни. В региональном медиадискурсе первого десятилетия XXI в. ключевая роль слова *возрождение* не сохраняется, что позволяет судить об изменении

общественного сознания и контрастно оттеняет своеобразие СМИ эпохи перестройки и 1990-х гг. Таким образом, пик жизненного цикла идеологемы *возрождение шорского народа* приходится на 90-е гг. XX в.

4.3.2. Шорская тема в газете XXI в.

Этническая культура шорского народа представлена в городской газете как *«его язык, религия, фольклор, быт и т.д.»* (О. Тенешева, 02.10.2008). В рассмотренных материалах акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в.

В информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамятства. В концептуальной интеграции рассмотренных материалов важна межтекстовая изотопическая цепочка оценочных эпитетов с мелиоративной окраской. Оценочные средства характеризуют родину шорского народа (*чудесная*), язык (*красив*), фольклорное наследие (*золотой фонд шорского фольклора*; *старинный, красивый и наполненный глубоким смыслом обряд*), творчество современных авторов – поэтов, художников (*замечательные стихи*; *Самобытная художница с собственным мироощущением, с интересной передачей материала, с тонкой цветовой гаммой*). Особое место занимают оценочные контексты, характеризующие результаты самоотверженной деятельности учёных, сохраняющих шорскую культуру: *драгоценные тома; уникальные записи шорских героических сказаний*. Межтекстовый статус имеют и другие изотопические цепочки, актуализирующие ключевые темы. Например, тема преемственности в сохранении культуры воплощена в неоднократно встречающемся образе ребёнка: *Победительницей стала Аня Сергеева из школы N 72. Ей по душе*

пришлась работа под названием «Шория», и девочка очень интересно и своеобразно описала эту картину (Е. Черняк, 04.06.2005); *В поселке Кондома, например, сейчас шорцы не проживают. Но никто не отказался поклониться огню, положить кусочек мяса, повязать на березу ленту. Больше всех радовались дети, с удовольствием загадывали желания* (О. Тенешева, 24.10.2006); *Надо сказать, что нынешние детские стихи Татьяны Тудегешевой – это не просто стихи в их обычном понимании. Это маленькие рассказы о каком-либо животном – обитателе шорской тайги. Для нынешних шорских ребятишек это очень важно. Ведь они сейчас зачастую, не зная родного языка, не знают и мира живой природы Шории* (В. Валиулин, 01.08.2010).

Изотопические цепочки нередко включают компоненты, концентрированно расположенные на небольшом участке текста. Синтагматические связи компонентов изотопических цепочек органично воплощаются, например, рядами однородных членов и пояснительными конструкциями: *Чтобы сохранить для своего народа, для мировой культуры живое слово поколений, устную исполнительскую традицию героических сказаний, Андрей Ильич на протяжении десятков лет из года в год организовывал этнографические экспедиции в Горную Шорию – в поселки, аалы, где еще живы были народные сказители-кайчи. В слякоть, стужу, в дождь и снег, с рюкзаком за плечами и магнитофоном в руках, он шел, чтобы услышать сказителей, сделать бесценные, уникальные записи* (Н. Каменева, 20.12.2007).

Отметим важную роль синонимических рядов, включающих шорское слово или выражение и их русский эквивалент. Использование в тексте данных средств не только передаёт местный колорит, но и актуализирует мысль о роли языка в сохранении культуры: *Ольга Тенешева сшила шорский халат – шабыр и рубашку – кунэк своими руками* (Н. Каменева, 10.08.2006); *«Туганчерим» в переводе с шорского означает «родная земля»* (О. Тенешева, 02.10.2008); *Чакши Шория – алтын чер. В переводе с шорского это означает*

«добрая Шория – золотая земля» (С. Дуфник, 07.02.2009). Мысль о роли языка в сохранении культуры подчёркивается также использованием различных выразительных средств (например, ономатопеи: *Шорский язык красив и загадочен. В нем слышатся гром камнепада, плеск ручья и шум листвы.* – В. Валиулин, 02.03.2010).

Большой информационно-прагматической значимостью в материалах о Шории обладают антитезы. Текстовые антонимические пары позволяют читателю оценить полноту охвата явления, выделить ключевую мысль: *В образах легенд и поверий, в обрядах передавались знания об окружающем мире, о месте человека во Вселенной, о нравственном и безнравственном. Все мировоззрение шорцев было направлено на внутреннее совершенствование, а не на переустройство мира. Человек боролся с собой, а не с окружающей природой* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).

Ключевая межтекстовая антитеза актуализирует два оценочных полюса – сохранение культуры шорского народа и её утрата. Как и в публикациях конца XX в., оба полюса представлены эмоционально-экспрессивными средствами, но, что показательно, перестаёт быть ключевым словом текущего момента слово *возрождение*. Мы встречаем мелиоративные контексты, например: *Сохранить национальные корни, развить традиции – такую задачу шорцы уже давно ставят для себя как одну из главных. «Зерна брошены в землю – теперь они дают плоды». Сегодня выросла целая плеяда молодых ученых, исследователей, способных продолжить дело, начатое старшими коллегами* (Н. Каменева, 18.02.2006); *«Алтын керим» – моя золотая земля, – так говорят шорцы о своей горной стране. И они будут хранить свой язык и развивать его* (В. Валиулин, 02.03.2010). Особую группу составляют проблемные контексты, где мелиоративная и пейоративная оценка представлены во взаимосвязи: *«Пусть не вымрет язык моего народа», – говорит Татьяна Тудегешева. В этих ее словах кроме надежды звучит и утверждение* (В. Валиулин, 02.03.2010); *Вообще одно из самых перспективных направлений – изучение памятников местных народов*

в момент прихода русских в XVII–XVIII веках. Мы знаем шорцев XIX–XX веков, но мы совсем не знаем, с кем русские столкнулись по приходу сюда. Сейчас памятники гибнут, так как Шория интенсивно осваивается. Градостроительство проходит именно в местах, где концентрировались поселения шорцев. Нам надо торопиться. Но торопиться получается плохо (размышления археолога Ю. Ширина; Т. Эмих, 19.08.2010). Собственно пейоративные контексты единичны: *Окидывая взглядом прошлое и настоящее Шории, моей малой родины, ощущаешь грусть и отсутствие будущего. Молодое поколение не знает своего языка, утрачиваются древние обычаи, исчезают сами корни народа. Существует и множество других проблем* (лид проблемной статьи Т. Тудегешевой, 09.08.2003). В решении темы сохранения шорской культуры, как и в материалах о перспективах экономического развития региона, звучит тема ответственности власть имущих за судьбу Шории: *Я понимаю уважаемых людей Шории: одни, облеченные властью, беспокоятся о карьерном росте, другие, ведущие коммерческие дела, думают о благополучном будущем. Но когда-нибудь земные дела подойдут к завершению и придется задуматься о том, что «ни меч, ни деньги властвуют в мире, а тот, кому принадлежат души людей». Так говорит древняя мудрость Алтая* (Т. Тудегешева, 09.08.2003). Т. Тудегешева противопоставляет земные дела (изотопическая цепочка *карьерный рост – коммерческие дела – благополучное будущее*) и духовную миссию человека.

В материалах о шорской культуре начала XXI в. представлены различные виды онимов. Антропонимы называют тех людей, благодаря которым сохраняется шорская культура. Это ушедшие из жизни и ныне здравствующие миссионеры, учёные, педагоги, поэты, художники, исполнители произведений народной культуры, представители общественных организаций. Нередко один человек предстаёт сразу в нескольких ипостасях: *Кроме филологических занятий Любовь Арбачакова известна своими живописными и поэтическими трудами* (В. Валиулин,

04.12.2010). Представлена рефлексия над ролью имени в истории: *В старом Абашеве жил Герой Советского Союза Михаил Михайлович Куюков. Общественная организация «Шория» сейчас ходатайствует о том, чтобы на доме, где жил М.М. Куюков, установить мемориальную доску с надписью, увековечивающей имя и подвиг нашего земляка* (Т. Петрова, 12.03.2005).

Среди антропонимов, употреблённых в газете начала XXI в., отметим имена представителей власти, включение которых связано с рассмотрением актуальных вопросов. В единичных случаях такие антропонимы входят в укоризненные контексты проблемного изложения, например: *Удивлены мы были и отстраненным отношением Амана Гумировича Тулеева к этой проблеме, а ведь когда-то шорский народ поддержал его кандидатуру на выборах в депутаты Верховного Совета России. Утешает то, что, давая согласие на установку креста на Мустаге, Аман Гумирович поинтересовался у инициаторов этой акции: согласована ли она с шорским народом? И разрешил установку, когда получил утвердительный ответ, хотя согласия нашего не было* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).

Активная духовная деятельность, связанная с сохранением культуры шорского народа, отражается в использовании большого количества идеонимов. Среди них – библионимы, прежде всего названия научных книг и учебных пособий: *«Шорский фольклор», «Кызыл Шор», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Фольклор Горной Шории», «Героические шорские сказания», «Литературный портрет Шории», «Шорский язык в картинках»*; названия конференций, пленэров и других мероприятий: *«Историко-культурное взаимодействие народов Сибири», «Горная Шория», «Хоомей»*; названия творческих проектов, культурных центров и коллективов: *Передвижная выставка «Под небом Шории. Природа» <…> – первая часть проекта «Коренные малочисленные народы Кузбасса в начале XXI века. Природа. Быт. Культура»* (С. Михайлов, 24.01.2009); название *фильма Ольги Козловой и Сергея Шакуро «Слушая*

музыку ветра» о Любови Арбачаковой и природе ее родных мест (В. Валиулин, 04.12.2010).

Особое место среди эргонимов начала XXI в., употреблённых в связи с шорской темой, занимают имена собственные, соотнесённые с темой памяти о репрессиях, например: *В Усть-Кабырзе ко Дню памяти жертв политических репрессий, отмечаемому 30 октября, открылся музейный комплекс «Шорский ГУЛАГ»* (С. Бабиков, 29.10.2011).

Использованные в материалах о шорской культуре географические названия не только играют роль обозначения реалий (<…> *побывали в шорских деревнях Усть-Кабырза и Усть-Анзас, совершили сплав по реке Мрассу, поднялись на гору Зеленую в Шерегеше.* – М. Казанцева, 28.07.2009), но и отражают духовный мир народа, его сыновей и дочерей. Так, в воспоминаниях Таяны Тудегешевой, Любови Арбачаковой топонимы (ойконимы-комонимы) *Сёттуэ*, *Телесу-Анзас*, гидроним *Мрассу* являются знаками духовной связи с родиной. В размышлениях Т. Тудегешевой (В. Валиулин, 01.08.2010) антитеза онимов (исконного шорского комонима *Сёттуэ* и его современной замены – *Суета*) подчёркивает боль и печаль утраты: *«Я выросла, – вспоминает Татьяна Тудегешева, – в глухой таежной деревушке Сёттуэ (ее сейчас переиначили по-русски в Суету), где не было электричества. Его там, кстати, нет до сих пор. О таких говорят: Богом забытый угол»*.

Новым акцентом материалов начала XXI в. является идея развития туризма в Горной Шории, в воплощении которой значимы географические названия и антропонимы, называющие представителей власти (Т. Петрова, 09.09.2004; М. Казанцева, 28.07.2009; С. Штиль, 08.01.2011), например: *Вот и на этот раз тридцать пять ребят с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, в том числе колясочники, побывали в поселке Усть-Кабырза Таштагольского района (в предыдущие годы команды посетили Терсь и Томусу). Красотам Горной Шории и кристально чистой воде реки Пызас подивились гости из Барнаула, Бийска и Томска. <…> Первую робинзонаду*

проводили на собственные средства, а вот для двух других уже нашлись спонсоры – депутат Госдумы С. Неверов и администрация города (Т. Петрова, 09.09.2004). Антитезы топонимов, именующих близлежащие территории и излюбленные туристами регионы мира, позволяют авторам публикаций показать предпочтительность «внутреннего туризма» (М. Васильева, 03.09.2005).

Традиции народной шорской культуры отражены геортонимами (*Чыл-Пажы*, *Шачиг*) и сакронимами (об употреблении термина «сакроним» см.: [Терентьева, 2011, с. 90–91]). В нескольких текстах подчёркивается роль сакронима-оронима *Мустаг*: *Веками поклонялись шорцы Мустагу, совершали обряды. Только избранные могли подняться на вершину. Мало кто знает о существовании на Мустаге «долины шаманов» <…>. Боялись и почитали шорцы в древности Мустаг.*

А вот сейчас боятся пришествия людей, которым здесь ничто не дорого. Хватит ли сил защитить свою природу и защититься самим? Что останется будущим поколениям? Развитие туризма в поселке Шерегеш грозит уничтожением уникальных мест. Святую березу у подножия Мустага несколько лет назад срубили, а вновь посаженная березка не прижилась. Горько сознавать свое бессилие в решении многих проблем. Они, кстати, схожи у коренных малочисленных народов мира (О. Тенешева, 24.10.2006).

Неоднократно сакронимы включены в эмоционально-экспрессивные контексты, передающие смысл попрания святынь: *Сейчас, с перестройкой, шорский народ начал будто бы просыпаться от тяжелого сна, вновь пробудился интерес к древним традициям. Установка же металлического креста на священной горе – это тяжкий удар по народу, для которого Мустаг является одной из главных духовных святынь. Установление креста шорцы считают ее осквернением* (Т. Тудегешева, 09.08.2003); *Священный символ «Сарчин» (коновязь, выполненная руками мастера из Кузедеева и подаренная нам администрацией Новокузнецкого района) оказался*

уничтоженным, сожженным вандалами... (А. Скрипникова, 21.08.2008). Безусловно, в таких контекстах главной является этическая оценка, но связана она и с нормативной оценкой – с идеями правовой основы демократического общества. Так, Т. Тудегешева в своей проблемной статье неоднократно использует риторические вопросы и актуализирует градуальный ряд *бесцеремонность – беспредел* и изотопическую цепочку *чувство меры – деликатность*: *Как известно, беспредел начинается с бесцеремонности. Затем утрачивается чувство меры и деликатность становится досадной помехой в делах. При таком подходе что будет удивительного в том, что шорский народ, утратив язык и традиции, перестанет существовать как этнос?* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).

В воплощении темы сохранения шорской культуры важны слова, частотность которых в газетной публицистике повышается в 1990–2000-е гг.: лексические репрезентанты духовной жизни общества (*культура*, *язык*, *имя*, *самосознание*, *сохранение*, *традиции*), внутренней национальной политики государства (*автономия*, *коренной*, *малочисленный*, *национальный*) (см. табл. 2 в Приложении 4). Экспликатором всех рассмотренных краеведческих доминант является эпитет *цивилизованный*, свидетельствующий об ориентации на общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры.

Таким образом, в городской газете такой краеведческой доминанте, как шорская тема, соответствует особая система стилистических средств – одна из составляющих «стилистического портрета» регионального издания.

Выводы

Динамика ценностной картины мира в региональном медиадискурсе отразилась в семантико-стилистических особенностях краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» («Новокузнецк металлургический», «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», «Судьба шорского народа»), отражающих комплексный характер осмысления региональной идентичности в дискурсе городской газеты.

Металлургическая тема в эпидейктическом дискурсе городской газеты конца XX – начале XXI в. проходит путь от воспевания советского человека труда до выхода за рамки торжественного красноречия – к искреннему, личностному, рефлексивному изложению мыслей не только об уважении к профессии металлурга, но и о неблагоприятной экологической ситуации и тяжёлом экономическом положении, о драматизме отношений народа и власти. Однако журналисты и другие авторы публикаций подчёркивают константы ценностной картины мира городской газеты: город обязан своим рождением и расцветом именно развитию металлургии; на уважении к истории зиждется настоящее и будущее; судьба городской газеты тесно связана с судьбой металлургического Сталинска – Новокузнецка.

Большое внимание в газетных материалах первой половины 1980-х гг. и первого этапа перестройки уделяется таким героическим страницам в истории КМК, как годы Кузнецкстроя и Великой Отечественной войны. Новые акценты в воплощении темы истории кузнецкой металлургии намечаются в конце 1980-х гг.: для медиадискурса поздних этапов перестройки и 1990-х гг. характерно внимание к «белым пятнам» истории. В первой половине 1990-х гг. начинается осмысление подлинных истоков металлургической истории региона; она дополняется сведениями геологов об истории изучения недр края, историков – о шорцах-кузнецах, которые с древности жили на Кузнецкой земле. Для 90-х гг. XX в. и начала XXI в. характерна манера «антипафосного» изложения, непринуждённого и искреннего. Включение контекстов с неодобрительной оценкой и

проблемным изложением не умаляет уважение к истории города, а делает её ближе к читателю. Эмоционально-экспрессивная окраска многих публикаций начала XXI в. создаётся благодаря диалогической подаче, с помощью которой автор не просто передаёт сведения из истории предприятия, но и старается заинтересовать читателя, подчеркнуть доверительность, задушевность разговора с ним.

Публикации 1980–1987 гг., раскрывающие тему «Новокузнецк металлургический», в целом соответствуют модели газетной статьи на экономические темы, разработанной В.В. Барсуковой. В воплощении АСК «Новокузнецк металлургический: стальное сердце Сибири» в советский период ключевую роль играет идеологема *сталь*, подвергшаяся диверсификации на поздних этапах перестройки и в послеперестроечный период. Диверсификация металлургической темы в городской газете проявляется не только в профанации высокого официального значения и развития его до крайней степени неодобрительной оценки, но и в усилении интеллектуально-духовного напряжения публикаций, в их концептуальном углублении, что приводит к формированию смешанного аксиологического модуса идеологемы. В АСК «Новокузнецк металлургический» в 1990–2000-е годы входят слова с пейоративной окраской *катастрофа*, *крах*, *кризис*. Однако исследователи отмечают общую позитивную тональность региональных СМИ, отличающую их от центральных изданий. Наряду с проблемно-критической составляющей оценочного пространства материалов городской газеты, посвящённых металлургической теме, существует и мелиоративный противовес – тема надежды и тема поиска путей преодоления упадочного положения моногорода. Включение в АСК «Новокузнецк металлургический» слова *регион* связано с важной для городской газеты мыслью о неразрывной связи судьбы Кузбасса с развитием металлургии.

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» ярко проявился коммуникативный принцип краеведческого

фокусирования: 22 дня жизни Ф.М. Достоевского, связанные с Кузнецком, становятся предметом серьёзного осмысления, референтной основой для формирования темы «Кузнецк Достоевского», в воплощении которой значимы три «фигуры» – город Кузнецк, в единстве его прошлого, настоящего и будущего, М.Д. Исаева и Ф.М. Достоевский.

Тема «Достоевский в Кузнецке» открыта в региональном медиадискурсе томской газетой «Сибирская жизнь», в значительной степени связана со статьёй В.Ф. Булгакова 1904 года «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», хотя затрагивалась и в XIX в. Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины. Актуализирована этическая оценка, поскольку нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память; межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х гг. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. В период перестройки актуализируется пейоративная оценка беспамятных потомков, в которой доминирует этическое начало. Ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие (слово *деньги* значимо в проблемном представлении краеведческих доминант в городской газете 1990–2000-х гг.). В целом среди лексических репрезентантов темы «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» преобладают слова, характеризующиеся повышением частотности в газетной публицистике 1990–2000-х годов и эксплицирующие образ цивилизованного человека, стремящегося к сохранению культурного наследия, вечных ценностей (*возрождение*, *культура*, *наследие*, *сохранение*, *ценность*, *цивилизованный*).

В материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея (АСК «Кузнецк Достоевского»), тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства» (АСК «кузнецкая коллизия»). Такой отклик газетных текстов связан не только с фактами и событиями (открытие музея в 1980 г.), но и с более активным обращением медиатекстов в период перестройки к дореволюционной истории Кузнецка, с расширением круга тем, представляющих малую родину, что важно для ценностной ориентации в эпоху перемен. Материалы XXI в. отражают акцент на истории любви и теме насыщенности культурной жизни современного города.

Результаты предпринятого анализа позволяют судить о динамике семантико-стилистического воплощения шорской темы в городской газете конца XX – начала XXI в. Основные темы первой половины 1980-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. В экспликации мелиоративного полюса важны лексические репрезентанты духовной жизни общества (*культура*, *язык*, *имя*, *самосознание*, *сохранение*, *традиции*), частотность которых в газетной публицистике повышается в 1990–2000-е гг.; экспликатором ведущей гипертемы и всех рассмотренных краеведческих доминант является оценочный эпитет *цивилизованный*.

Гуманистический дух перемен, акцент на духовном преображении, возвращении к истинному состоянию жизни отразило в эпоху перестройки такое ключевое слово текущего момента, как *возрождение*, играющее важную роль и в семантико-стилистическом воплощении шорской темы и связанное с актуализацией идеологемы *возрождение шорского народа*, являющейся региональным вариантом идеологемы *возрождение*.

В материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-х гг. и теряет ключевую роль в газете первого десятилетия XXI в. Согласно данным частотного словаря, роль ключевого слова текущего момента *возрождение* в публицистике (и, соответственно, в общественном сознании) меняется волнообразно, с чередованием периодов «подъёма» и «спада». Однако словарь частотности представляет время 1990–2000-х гг. недифференцированно, как единый период, тогда как материалы предпринятого исследования позволяют ограничить период «подъёма» в употреблении слова *возрождение* в городской газете «Кузнецкий рабочий» ограничивается 1990-ми годами. Период «подъёма», приходящийся на конец 1980-х и 1990-е гг., свидетельствует о важной роли слова *возрождение* в семантико-стилистическом воплощении шорской темы в городской газете, представляющей региональный медиадискурс, и соответствует контексту активных духовных исканий общества, основанных на вере в возможность созидательных изменений в жизни. В региональном медиадискурсе первого десятилетия XXI в. ключевая роль слова *возрождение* не сохраняется, что позволяет судить об изменении общественного сознания и контрастно оттеняет своеобразие СМИ эпохи перестройки и 1990-х гг.

В рассмотренных материалах начала XXI в. акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в. Несмотря на потерю словом *возрождение* статуса ключевого слова текущего момента, в информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамятства.

Заключение

В настоящем исследовании, выполненном в рамках коммуникативной стилистики текста, интегрированы подходы функциональной стилистики текста, дискурс-анализа и аксиологической лингвистики, что позволило осуществить комплексный анализ дискурса городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века в диахроническом аспекте – рассмотреть динамику семантико-стилистических особенностей надрегиональной и региональной составляющих аксиологической специфики регионального издания.

В ходе исследования получен ряд теоретических и практических выводов.

Аксиологическая специфика дискурса городской газеты как *особой разновидности регионального медиадискурса* обусловлена историческими, географическими, этническими, экономическими, административно-территориальными факторами и определяется взаимодействием надрегиональной и региональной составляющих аксиосферы. Ключевым компонентом надрегиональной составляющей аксиосферы регионального медиадискурса является ценностная категория *Правда*, тесно связанная с коммуникативной природой медиатекста, в частности газетно-публицистического текста.

Аксиологическую специфику регионального медиадискурса определяет присущая ему *мемориально-краеведческая функция*. Мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса связана с привлечением внимания общественности к осознанию региональной идентичности, к сохранению связи с историей родного края. Реализация мемориально-краеведческой функции в региональных масс-медиа сопряжена с выполнением базовых для медиадискурса функций информирования, воздействия, социальной оценки и не обладает такой высокой степенью системности и скрупулёзности, которая присуща деятельности местных

музеев и библиотек. Благодаря мемориально-краеведческой функции в газетных текстах, представляющих региональный медиадискурс, при сохранении ключевой роли общественных идеалов повышается значимость такой формы существования ценностей, как *предметно воплощённые ценности*, в экспликации которых в медиатексте ключевая роль принадлежит именам собственным, создающим колорит ономастического пространства региона, и иконическим элементам креолизованных текстов.

Реализация в региональном медиадискурсе мемориально-краеведческой функции связана с *коммуникативными принципами* тесной связи со своим (местным) адресатом, «регионоцентризма» (в городской газете – «градоцентризма»), краеведческого фокусирования. Коммуникативный принцип *тесной связи со своим (местным) адресатом* проявляется в постоянном диалоге с ним, в том числе в подчёркивании установки на диалогическое общение в медиатекстах. Концептуальной основой тесной связи с местным адресатом является оппозиция «свои – чужие»: «свой читатель» в региональном медиадискурсе представлен как земляк, отделяемый от «чужих». Коммуникативный принцип *«регионоцентризма» («градоцентризма»)* проявляется в актуализации в региональном медиадискурсе *ведущей гипертемы* – темы региона (в городской газете – темы города). Тема региона (города) раскрывается в содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации медиатекстов и связана с формированием гипертекстового центра регионального издания – образа региона (города). Ведущая гипертема конкретизируется с помощью *краеведческих доминант*. Краеведческие доминанты – это формирующиеся в региональном медиадискурсе и связанные с осознанием и выражением региональной идентичности темы, которые воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Коммуникативный принцип *краеведческого фокусирования* основан на выдвижении в информационно-оценочном пространстве регионального

издания в качестве «фигур» фактов-событий и персоналий, значимых для местного адресата. На языковом уровне действие принципа краеведческого фокусирования определяет не только разнообразие стилистических средств и приёмов, позволяющих выделить «фигуру» на «фоне», но и своеобразие состава и функционирования имён собственных в текстах городской газеты. Именно благодаря принципу краеведческого фокусирования адресат приобщается к гипертеме города и краеведческим доминантам, соотносит их с культурными концептами и идеологемами, в том числе регионально маркированные идеологемами.

Анализ текстов городской газеты как вербальных репрезентантов регионального медиадискурса позволил также сделать ряд выводов, связанных с практической частью исследования.

В реализации дискурсивно-стилистического подхода к региональному медиатексту значима методика выявления *ассоциативно-стилистических комплексов*, основанная на подходах коммуникативной стилистики текста и учитывающая особенности информационного пространства медиатекста и специфику его регулятивности. Ассоциативно-стилистический комплекс является единицей анализа медиатекста и представляет собой совокупность текстовых синтагм и смысловых лексических парадигм, которые соотносятся с определённым кругом имён собственных, актуализируются с помощью стилистических приёмов и участвуют в репрезентации в медиадискурсе ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.

Как показал анализ старейшей городской газеты Новокузнецка «Кузнецкий рабочий», которая начала выходить в 1930 г. как рупор индустриализации и постепенно превратилась в «идейную» областную газету (понятие Г.Н. Потанина), семантико-стилистические особенности воплощения в медиатекстах 1980–2013 гг. ценностной категории *Правда* отражают специфику надрегиональной составляющей аксиосферы регионального медиадискурса. Тексты, в которых эксплицированы такие семантические составляющие ценностной категории *Правда*, как «правда

факта», «правда мысли» и «правда совести», раскрывают основное содержание социальной оценки: публикации с ключевым словом *правда* не только отражают круг волнующих социум проблем, но и представляют основные подходы к их интерпретации, обозначают этическую позицию адресанта, что соотносится с характеристикой общественно-политических процессов в стране и основными тенденциями духовных исканий общества.

При изучении регионального медиадискурса представляется необходимым сохранить традицию анализа концептов «Правда» и «Истина» в их взаимосвязи, сложившуюся в отечественных лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях. Материал городской газеты «Кузнецкий рабочий» 1980–2013 гг. позволил выявить три семантических составляющих ценностной категории *Истина*: «истина – всё, что верно, подлинно, точно», «истина – максима», «истина – метафизическая сущность». Характерно, что публикации городской газеты, отражающие содержание ценностных категорий *Правда* и *Истина*, содержат ключевые слова текущего момента (понятие Т.В. Шмелёвой), соответствующие определённому историческому периоду. Так, в материалах каждого из четырёх этапов перестройки (согласно периодизации В.В. Согрина) используется слово *перестройка*, кроме того, в 1985 – январе 1987 гг. в газетных текстах представлены слово *гласность* и лексические репрезентанты идеологем советского периода (*партия*, *коммунист*, *большевик*), в феврале 1987–1988 гг. – *гласность*, *ошибки*, *партия*, *человеческий фактор, экология*, в 1989–1990 гг. – *гласность*, *возрождение*, *«белые пятна»*, *кризис*, в 1991 г. – *кризис*, *регион*, *фермер*, *предприниматель*, *храм*.

Предпринятый анализ ассоциативно-стилистических комплексов «служение правде (истине)» («поиск истины (правды)», «выражение правды (истины)», «борьба за правду (истину)», «правда как нравственная основа жизни») и «отступничество от правды (истины)» («сокрытие правды», «гонения за правду», «игра в правду, притворство») позволил сделать

выводы о динамике семантико-стилистического воплощения ценностных категорий *Правда / Истина* в региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века: о резком возрастании роли слова *правда* и его дериватов в медиадискурсе первого этапа перестройки при одновременном снижении роли слова *истина*; о постепенном возвращении роли слова *истина* в медиадискурсе на втором и третьем этапах перестройки и преодолении идеологических манифестаций, связанных со словом *правда*, углублении его понимания; об отражении в публикациях 90-х годов XX в. переломного этапа, когда, достигнув минимума, постепенно начинает повышаться количество газетных заголовков, содержащих слова *правда* и *истина* (это соответствует констатируемому социологами преодолению «нижней точки» кризиса); о постепенном восстановлении к началу XXI века стабильного положения слов *правда* и *истина* как лексических репрезентантов важнейших ценностных доминант медиадискурса.

Преодоление «словесного фетишизма» в употреблении городской газетой лексических репрезентантов ценностных категорий *Правда* и *Истина* на поздних этапах перестройки, в 1990-е гг. и в начале XXI в. осуществляется благодаря усилению в стилистике текста роли личностного начала, использованию иронии и языковой игры. В начале XXI века наблюдается складывающееся в систему разнообразие семантико-стилистических особенностей употребления слов *правда* и *истина* в текстах городской газеты. При этом закономерно, что более высокой частотностью обладает слово *правда*, тесно связанное с коммуникативной сущностью медиадискурса и являющееся важным индикатором ценностной ориентации общества.

Ведущая гипертема города, отражающая аксиологическую специфику дискурса городской газеты, в семантико-стилистическом плане проявляется в формировании гипертекстового центра информационно-оценочного пространства – образа города, который представлен в региональных

медиатекстах эксплицитно и имплицитно. Отметим основные тенденции воплощения данного образа в городской газете.

Во-первых, в городской газете существуют специальные рубрики, направленные на формирование многогранного образа города, сопряжённого с содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информацией. В связи с общественно-политическими изменениями в стране, начавшимися с перестройкой, городская газета обрела возможность уделять основное внимание проблемам города и региона. Рубрики «Кузнецкого рабочего», связанные с ключевой ролью мемориально-краеведческой функции в послеперестроечном региональном медиадискурсе, продолжают и обогащают традиции газеты первой половины 1980-х гг., воплощая два основных направления осмысления судьбы города, его неповторимого колорита, – история города и история семьи. Для названий рубрик характерна концептуальная роль – экспликация мемориально-краеведческой функции регионального медиадискурса (*«Наше наследие», «История города в фотографиях», «История города в улицах-лицах», «Прогулки по городу», «День (неделя) в истории города», «Семейная реликвия», «Моя крепость», «Семейный альбом»* и др.).

Во-вторых, усиление краеведческой направленности в региональных масс-медиа и логика жанрово-стилистических изменений, произошедших в российском медиадискурсе конца XX в., проявились в возможности формирования в городской газете специфических для неё жанров, связанных с экспликацией образа города. Так, в газете «Кузнецкий рабочий» возник особый жанра регионального медиадискурса – *городской дневник*. Городской дневник как жанр обладает устойчивостью тематических, композиционных и стилистических признаков. Он основан на синтезе репортажного, очеркового и эссеистического начал и представляет собой персональный текст с сильной субъективной окраской, соотнесённый с гипертемой города. Образы города и автора создают семантико-стилистическую «двувершинность» городского

дневника. Важнейшим композиционным принципом городского дневника, позволяющим передать ассоциативную «гирлянду» зарисовок автора, является фрагментарность. Целостность городского дневника определяется взаимодействием принципов ассоциативного нанизывания микротем и актуализации ассоциативно-смысловых доминант. Городской дневник обрёл своё жанровое имя в 2005 году, в творчестве В.А. Немирова, но формируется он в «Кузнецком рабочем» в 1990-е годы, раскрывая стилистическое своеобразие феномена «публичной интимности» (М.А. Кронгауз), нашедшего в наше время наиболее полное воплощение в жанре блога.

В-третьих, с образом города соотносятся регионально маркированные идеологемы – ментально-стилистические образования, отражающие специфику ценностной картины мира регионального социума и актуализированные в местных масс-медиа. Это соотнесение закономерно, поскольку СМИ отражают и формируют ядро коллективного ассоциативного поля образа города в сознании регионального социума. Так, с ведущей гипертемой газеты «Кузнецкий рабочий» связан ключевой образ города-сада, который становится репрезентантом регионально маркированной идеологемы, о чём позволяет говорить анализ динамики АСК «город-сад» в публикациях 1980–2014 гг.

Регионально маркированная идеологема *город-сад*, имеющая яркий культурный прототип (мифологический образ рая), в советском медиадискурсе конкретизирует идеологему *светлое будущее (строителей коммунизма)*. Её региональная маркированность связана с концепцией и реалиями Кузнецкстроя. Доминантная часть ментального и стилистического компонентов идеологемы *город-сад* советского периода определилась благодаря стихотворению В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929). В рамках тоталитарного языка город-сад – гармоничное воплощение в Кузнецкстрое грандиозных идей советского строительства, благоустроенное место, где трудящийся человек счастлив в обществе социальной справедливости. Данная ментальная

составляющая передаётся в газетных текстах средствами с торжественной стилистической окраской, формулами рапортов о новых победах и воодушевляющих лозунгов-призывов.

С наступлением перестройки идеологема *светлое будущее (строителей коммунизма)* становится историзмом, а идеологема *город-сад* теряет свою надрегиональную значимость, её ментальные и стилистические компоненты подвергаются диверсификации. В проблемных аналитических материалах городской газеты, включающих иронию и языковую игру, обсуждаются причины, по которым мечта о городе-саде осталась неосуществлённой, и перспективы превращения экологически неблагоприятного *моногорода*, *города-универсама*, *города-сталкера*, *города-ада* – в город-сад.

В-четвёртых, в создании образа города в городской газете особую роль играют имена собственные. Для журналистов характерно внимание к ономастическому пространству города. Это проявляется в том, что имена собственные (антропонимы, топонимы, эргонимы, идеонимы) наделяются концептуальной нагрузкой, связанной с реализацией мемориально-краеведческой функции. Концептуальная роль онимов в медиатекстах подчёркивается их включённостью в смысловые лексические парадигмы, в контексты с эмоционально-экспрессивной окраской, метаязыковой рефлексией. Имена собственные в городской газете нередко служат репрезентантами предметно воплощённых ценностей (различные природные объекты, городские топосы, предметы материальной и духовной культуры) как особой формы существования ценностей, характерной для местных изданий наряду с доминирующей в медиадискурсе формой – общественными идеалами.

В-пятых, направления конкретизации образа города определяются краеведческими доминантами издания, формирование которых отражает взаимодействие коммуникативных принципов «градоцентризма» и краеведческого фокусирования.

Краеведческие доминанты раскрывают влияние на специфику регионального медиадискурса различных факторов, среди которых в качестве основного выступает фактор исторический. Краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий» соотносят образ города с историей его возникновения, экономического развития, благоустройства («Новокузнецк металлургический»), с общенациональным культурным контекстом («Ф.М. Достоевский в Кузнецке»), с этническим своеобразием региона («Судьба шорского народа»). Краеведческие доминанты отражают политематичность информационного пространства медиадискурса и задают несколько направлений ценностного осмысления темы малой родины, основой которого являются любовь и уважение к родному краю, осознание связи настоящего и будущего с историей, необходимости хранить традиции, учитывать преемственность поколений.

Краеведческие доминанты, соотносясь с культурными концептами («Родина», «Историческая память») и идеологемами (общеупотребительными и регионально маркированными), отражают взаимодействие в аксиосфере регионального медиадискурса ценностей, различающихся с точки зрения длительности временного отрезка, на котором они сохраняют свою актуальность для социума. С одной стороны, предпринятый анализ показал надвременной характер этических и эстетических ценностей, связанных с сохранением культурного и исторического наследия. С другой стороны, для воплощения краеведческих доминант в медиадискурсе значимы идеологемы, отражающие содержание социальной оценки текущего момента. Так, идеологема *возрождение шорского народа* является региональным вариантом актуализированной в период перестройки идеологемы *возрождение*; регионально маркированная идеологема *сталь* опирается на советскую идеологию, определяющую стратегию и тактику экономического развития (идеологема *индустриализация*) и нравственные характеристики (идеологема *советский человек*).

Семантико-стилистические аспекты динамики краеведческих доминант проявляются в различной степени, что определяется соотнесённостью с ценностями надвременного характера или же с ценностями, актуализированными в определённый исторический период.

Так, динамика семантико-стилистического воплощения ценностной картины мира менее заметна в воплощении краеведческой доминанты «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», что позволяет сделать вывод о значимости надвременных ценностей. В экспликации темы «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» наблюдается сходство материалов конца XX и начала XXI в. с точки зрения ценностного содержания и стилистических средств его репрезентации. Хотя в материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, что связано с открытием музея в 1980 г. и с актуализацией темы духовных ценностей в эпоху перестройки, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкой коллизии» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства».

Динамика воплощения темы «Новокузнецк металлургический» прослеживается в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в жизни страны. Металлургическая тема в эпидейктическом дискурсе городской газеты конца XX – начале XXI в. проходит путь от воспевания советского человека труда до выхода за рамки торжественного красноречия – к личностному, рефлексивному изложению мыслей не только об уважении к профессии металлурга, но и о неблагоприятной экологической ситуации и тяжёлом экономическом положении, о драматизме отношений народа и власти. Идеологема *сталь* подвергается диверсификации на поздних этапах перестройки и в послеперестроечный период. Диверсификация металлургической темы в городской газете проявляется не только в профанации высокого официального значения и развитии его до крайней степени неодобрительной оценки, но и в усилении интеллектуально-духовного напряжения публикаций, в их концептуальном углублении, что

приводит к формированию смешанного аксиологического модуса идеологемы. В стилистическом плане важную роль в этих изменениях играют ирония, языковая игра, субъективация изложения.

Динамика семантико-стилистического воплощения краеведческой доминанты «Судьба шорского народа» отражает как ценности надвременного характера, так и общественно-политические процессы в стране и духовные искания общества, характерные для периода перестройки и 1990-х гг., характеризующегося идеологией возрождения малых народов. Основные темы первой половины 1980-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. В материалах первой половины 1980-х гг. с шорской темой сопряжена только одобрительная оценка, будь то красота и величие природы (эстетическая оценка) или польза природных ресурсов (утилитарная и телеологичекая оценка). В материалах конца 1980-х гг. ярко выражена оценочная программа, прежде всего пейоративный полюс, связанный с такими темами, как разрушение культуры, уничтожение природы. Мелиоративная же оценка отражает тему спасения, возрождения и приобретает этический характер, хотя телеологическое и эстетическое начала сохраняются.

В публикациях городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-х гг., но теряет ведущую роль в газете первого десятилетия XXI в. В рассмотренных материалах начала XXI в. акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в. В целом в информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в.

о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамятства. Однако газетные публикации теряют свой «набатный» характер, отличающий материалы конца 1980-х и 1990-х годов.

Семантико-стилистическое описание краеведческих доминант регионального издания представляется перспективным способом выявления специфики регионального медиадискурса, его мемориально-краеведческой функции, которая реализуется в соответствии с коммуникативными принципами тесной связи со своим (местным) адресатом, «регионоцентризма» («градоцентризма»), краеведческого фокусирования. Именно взаимодействие мемориально-краеведческой функции с основными функциями газетно-публицистического текста (информирования, воздействия, социальной оценки) определяет аксиологическое своеобразие регионального издания, формирует его место в социокультурном пространстве региона и страны.

Разработанная модель описания аксиологической специфики регионального медиадискурса позволяет продуктивно интегрировать подходы функциональной стилистики, дискурс-анализа и аксиологической лингвистики и применять их к различным региональным СМИ, что связано с дальнейшей разработкой научной проблемы «Язык и регионы».

Список литературы

1. Абакумова, О.Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика / О.Б. Абакумова // Язык и культура. – 2011. – № 3. – С. 5–14.

2. Абишева, А.К. О понятии «ценность» / А.К. Абишева // Вопр. философии. – 2002. – № 3. – С. 139–146.

3. Абрамова, Е.С. Концепт «Россия» в дискурсе современных российских масс-медиа: когнитивная структура, динамика, особенности языковой объективации (на материале журнала «Родина» за 1989–2011 гг.) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.С. Абрамова. – Белгород, 2012. – 24 с.

4. Абрамова, С.Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы / С.Б. Абрамова // Социол. исследования. – 2000. – № 7. – С. 37–41.

5. Агиенко, М.И. Правда и истина / М.И. Агиенко // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Перемена, 2006. – Т. 3. – С. 118–137.

6. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы : коллектив. моногр. / О. В. Орлова [и др.] / под науч. ред. О.В. Орловой. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2011. – 224 с.

7. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

8. Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность / Н.Ф. Алефиренко // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–57.

9. Алимушкина, О.А. Концепт «здоровье»: ценностные установки в современном газетно-журнальном дискурсе / О.А. Алимушкина // Текст и языковая личность : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26–27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2007. – С. 248–251.

10. Ананян, М.В. Роль региональной прессы: основной источник информации и формирование общественного мнения / М.В. Ананян // Коммуникация в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» (Воронеж, 11–12 мая 2005 г.) / под ред. проф. В.В. Тулупова. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2005. – С. 48–49.

11. Андреев, В.П. Периодическая печать горно-добывающих районов Сибири в 1920-е гг. / В.П. Андреев // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / отв. ред. В.В. Шевцов. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. – С. 93–96.

12. Андреева, И.В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория / И.В. Андреева // Аналитика культурологии. – 2006. – Вып. 2 (6). – URL : http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/625-the-value-picture-of-the-world-as-a-linguistic-and-philosophical-category.html (дата обращения: 03.09.2014).

13. Андреенкова, А.В. Материалистические / постматериалистические ценности в России / А.В. Андреенкова // Социол. исследования. – 1994. – № 11. – С. 73–81.

14. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие / Е.Е. Анисимова. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.

15. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ : моногр. / И.В. Анненкова. – М. : Изд-во МГУ, 2011. – 392 с.

16. Антипьев, Н.П. Измерение и анализ прекрасного / Н.П. Антипьев // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллектив. моногр. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 145–174.

17. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И.В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.

18. Артамонова, М.В. Парные именования в древнерусском тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук / М.В. Артамонова. – Смоленск, 2005. – 21 с.

19. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики – 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.

20. Арутюнова, Н.Д. ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА: взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2004. – С. 5–29.

21. Арутюнова, Н.Д. Истина и этика / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 7–23.

22. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : моногр. / Н.Д. Арутюнова – М. : Наука, 1988. – 341 с.

23. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

24. Ашуркова, Т.Г. Категория оценки в газетной публицистике советского и новейшего времени (на примере слов «новатор», «передовик», «ударник») / Т.Г. Ашуркова // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. моногр. / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 306–313.

25. Бабенко, И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой : автореф. дис. … канд. филол. наук / И.И. Бабенко. – Томск, 2001. – 25 с.

26. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.

27. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная философия истории : моногр. / Л.В. Баева. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2004. – 278 с.

28. Баженова, Е.А. Функциональная стилистика… без границ / Е.А. Баженова, М.П. Котюрова // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). – М. : Ф-т журналистики МГУ, 2016. – С. 38–41.

29. Бакланова, Е.А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В.В. Набокова (на материале сборника рассказов «Возвращение Чорба») : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.А. Бакланова. – Томск, 2006. – 30 с.

30. Бандаков, П.В. Особенности политической массовой коммуникации в постсоветских региональных СМИ (на примере Н. Новгорода) : автореф. дис. … канд. соц. наук / П.В. Бандаков. – Москва, 2005. – 23 с.

31. Барлас, Л.Г. Русский язык. Стилистика : пособие для учителей / Л.Г. Барлас. – М. : Просвещение, 1978. – 256 с.

32. Барсукова, В.В. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху / В.В. Барсукова // Вестн. Пермск. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 2 (8). – С. 65–69.

33. Басалаева, И.П. Концепт «Кузнецк Достоевского» / И.П. Басалаева // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации : сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. – Новокузнецк : Изограф, 2011. – С. 99–104.

34. Батурина, Л.А. Семантико-стилистический анализ ономастических единиц в газетно-публицистическом тексте (на материале прессы конца XX – начала XXI века) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.А Батурина. – Волгоград, 2004. – 24 с.

35. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 428–472.

36. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.

37. Бахтин, М.М. Слово в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 72–233.

38. Бахтин, М.М. Тетралогия / М.М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1998. – 608 с.

39. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев // Вопр. философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.

40. Бессокирная, Г.П. Динамика ценности и мотивов труда рабочих (2003–2007 гг.) / Г.П. Бессокирная // Социол. исследования. – 2010. – № 2. – С. 56–63.

41. Богомолова, Ю.А. К вопросу о динамике названий томской периодики (60-е гг. XX в. – 2008 г. XXI в.) / Ю.А. Богомолова // Русская речевая культура и текст : материалы VI Междунар. науч. конф. / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 310–315.

42. Богомолова, Ю.А. Функции заголовочных комплексов в томских газетах / Ю.А. Богомолова // Актуальные проблемы русской речевой культуры и теории текста : науч. тр. лаборатории русской речевой культуры и теории текста ТГПУ / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2009. – С. 68–74.

43. Богомолова, Ю.А. Функции заголовочных комплексов в томских газетах 60-х гг. XX века / Ю.А. Богомолова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 3 (105). – С. 65–68.

44. Богуславская, В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов : моногр. / В.В. Богуславская. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 280 с.

45. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : ПОСТУМ, 2015. – 240 с.

46. Бойков, В.Э. Россия: десять лет реформирования / В.Э. Бойков // Социол. исследования. – 2001. – № 7. – С. 30–36.

47. Болотнов, А.В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе Серебряного века: на материале творчества М.И. Цветаевой, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.В. Болотнов. – Томск, 2009. – 25 с.

48. Болотнов, А.В. Идиостиль информационно-медийной личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : автореф. дис. … д-ра филол. наук / А.В. Болотнов. – Томск, 2016. – 39 с.

49. Болотнова, Н.С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста / Н.С. Болотнова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 1998а. – Вып. 6. – С. 6–8.

50. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте : моногр. – Томск : ТГПИ, 1994. – 212 с.

51. Болотнова, Н.С. Коммуникативные лексические универсалии в поэтической деятельности: вопросы теории и методики / Н.С. Болотнова // Болотнова Н.С. [и др.]. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллектив. моногр. – Томск : ТГПУ, 2011а. – С. 43–64.

52. Болотнова, Н.С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализе медиатекста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. – 156 с.

53. Болотнова, Н.С. Некоторые особенности регулятивности публицистических текстов / Н.С. Болотнова // Болотнова Н.С. [и др.]. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллектив. моногр. – Томск : ТГПУ, 2011б. – С. 366–368.

54. Болотнова, Н.С. О теории регулятивности художественного текста / Н.С. Болотнова // Stylistica. – 1998б. – Вып. VII. – С. 179–188.

55. Болотнова, Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации / Н.С. Болотнова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011в. – Вып. 3 (105). – С. 34–40.

56. Болотнова, Н.С. Особенности коммуникативной стилистики художественного текста как научного направления / Н.С. Болотнова // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль : моногр. / Н.С. Болотнова [и др.] / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2001. – С. 23–48.

57. Болотнова, Н.С. Регулятивные стратегии в поэтической деятельности / Н.С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллектив. моногр. / Н.С. Болотнова [и др.] / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2011в. – С. 266–275.

58. Болотнова, Н.С. Теоретические аспекты регулятивности в текстовой деятельности / Н.С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллектив. моногр. / Н.С. Болотнова [и др.] / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГПУ, 2011г. – С. 12–42.

59. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 2006. – 631 с.

60. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня : моногр. – Томск : ТГУ, 1992. – 312 с.

61. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика : учеб. пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

62. Борин, А.Г. К вопросу о роли городской газеты в процессе формирования горожанина (на материалах г. Сталинска 1930-х гг.) / А.Г. Борин // II Чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского : материалы Всерос. науч. конф. (Новокузнецк, 27–27 апреля 2006 г.) / отв. ред. А.Н. Худолеев. – Новокузнецк : КузГПА, 2006. – С. 34–36.

63. Борин, А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929–1941 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / А.Г. Борин. – Томск, 2010. – 28 с.

64. Бочкарева, Ю.Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М.И. Цветаевой : автореф. … дис. канд. филол. наук / Ю.Е. Бочкарева. – Томск : ТГПУ, 2007. – 22 с.

65. Бочкарева, Ю.Е. К вопросу о прагматике названий поэтических текстов / Ю.Е. Бочкарева // Тр. регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Сибирская школа молодого учёного». Том III. Лингвистики, стилистика художественного текста, литературоведение / отв. ред. Н.С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 1999. – С. 71–73.

66. Булавка, Л.А. «Русская душа» и «советский дух» как два феномена отечественной культуры / Л.А. Булавка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2008. – № 3. – С. 66–71.

67. Булгаков, В.Ф. Ф.М. Достоевский в Кузнецке / В.Ф. Булгаков. – URL : http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml (дата обращения: 14.09.2015).

68. Булыгина, Т.В. «Правда факта» и «правда больших обобщений» / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 126–133.

69. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 576 с.

70. Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Ф.И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1992. – 512 с.

71. Бызов, Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» / Л.Г. Бызов // Социол. исследования. – 2001. – № 4. – С. 3–15.

72. Бычков, В.С. В борьбе за советскую сталь, 1917–1941 / В.С. Бычков [и др.]. – М. : Мысль, 1991. – 318 с.

73. Вакуров, В.Н. Стилистика газетных жанров : учеб. пособие / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.

74. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

75. Валгина, Н.С. Теория текста : учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

76. Варченко, В.В. Цитатная речь в медиа-тексте : моногр. / В.В. Варченко. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 240 с.

77. Васильев, В.В. Персональные ценности / В.В. Васильев // Вопр. философии. – 2008. – № 5. – С. 149–153.

78. Васильева, А.А. Лексический аспект ассоциативного развёртывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.А. Васильева. – Томск, 2004. – 30 с.

79. Васильева, А.А. О роли заглавия в ассоциативном развёртывании текста (на материале сборника «Камень» О. Мандельштама) / А.А. Васильева // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию ТГПУ / под общ. ред. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2001. – С. 50–57.

80. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль речи : курс лекций по стилистике для филологов / А.Н. Васильева. – М. : Рус. яз., 1982. – 198 с.

81. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста : моногр. / отв. ред. Н.К. Рябцева / Н.В. Васильева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

82. Вежбицка, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 467–499.

83. Викулова, В.П. Мемориальная деятельность публичной библиотеки: организационно-управленческая концепция : автореф. дис. … канд. пед. наук / В.П. Викулова. – М., 2008. – 24 с.

84. Виннийчук, А.В. Городские газеты: исторический, классификационно-типологический и содержательный аспекты (на примере городских газет г. Ростова-на-Дону и городов Ростовской области) : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.В. Виннийчук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.

85. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М. : Высш. шк., 1981. – С. 10–171.

86. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц : монография / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1980. – 237 с.

87. Возьмитель, А.А. Образ жизни в России: динамика изменений / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая // Социол. исследования. – 2010. – № 1. – С.17–27.

88. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

89. Вомперский, В.А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка / В.А. Вомперский // Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства) : тез. докл. на республикан. науч. конф.-семинаре. – Алма-Ата, 1966. – С.82–85.

90. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт : моногр. / С.Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.

91. Воронова, О.А. Местная газета: модели и типажи / О.А. Воронова // Типология периодической печати : учеб. пособие / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М. : Аспект Пресс, 2007. – С. 60–78.

92. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 338–377.

93. Гак, В.Г. Истина и люди / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 24–31.

94. Галимова, Д.Н. Фрагмент аксиологической картины мира амурских диалектоносителей: метафорическая модель «жизнь – движение» /

Д.Н. Галимова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2014. – № 11. – С. 197–201.

95. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов / И.Р. Гальперин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.

96. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1979. – 224 с.

97. Гольдфарб, С.И. Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – нач. XX в. / С.И. Гольдфарб. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 312 с.

98. Горбачев, М.С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. – М. : Политиздат, 1988. – 271 с.

99. Горохова, А.В. Основные теории медиа-индустрии и коммуникаций в современном массовом обществе / А.В. Глухова // Вопр. философии. – 2009. – № 12. – С. 43–54.

100.Горшков, А.И. Русская стилистика : учеб. пособие / А.И. Горшков. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 367 с.

101.Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / науч. ред. П.А. Лекант / Т.А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.

102. Гриценко, Л.М. Прецедентный текст как средство формирования ценностной картины мира (на материале чатов) / Л.М. Гриценко // Язык и культура. – 2013. – № 1 (21). – С. 16–23.

103. Громов, М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М.Н. Громов // Вопр. философии. – 1994. – № 1. – С. 54–61.

104. Груздева, Е.Н. «Властелин колец» как миф постиндустриального, сетевого и индустриального общества / Е.Н. Груздева, В.В. Калмыкова // Вопр. философии. – 2011. – № 8. – С. 75–84.

105. Гураль, С.К. Дискурс-анализ в свете синергетического видения : монография / С.К. Гураль ; под ред. Е.С. Антоновой. – Томск : ТГУ, 2009. – 176 с.

106. Гурина, Н.М. Функции эвфемизмов в языке СМИ / Н.М. Гурина // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф. (3–4 декабря 2010 г., Минск) : в трёх частях / под ред. Л.Ф. Гербик. – Минск : БГУ. – Ч. II. – С. 68–70.

107. Гуркин, В.А. Становление локальных исследований российской провинции (на материалах Среднего Поволжья) : автореф. дис. … д-ра культурологи / В.А. Гуркин. – М., 2006. – 49 с.

108. Гурова, Е.К. Нужные, полезные, «свои»… / Е.К. Гурова // МедиаТренды. – 2015. – № 5 (54). – С. 8.

109. Гусейнов, Г.Ч. Ложь как состояние сознания / Г.Ч. Гусейнов // Вопросы философии. – 1989. – № 11. – С. 64 –76.

110. Гынгазова, Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности / Л.Г. Гынгазова // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. Т.И. Стексовой. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – С. 115–122.

111. Данилевская, Н.В. Смысловые повторы как механизм развёртывания публицистического текста / Н.В. Данилевская // Вестн. Пермск. ун-та. Лингвистика. – 1996. – Вып. 2. – С.105–112.

112. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М. : Добросвет, Изд-во «КДУ», 2009. – 234 с.

113. Дейк, Т.А., ван. Анализ новостей как дискурса / Т.А. ван Дейк // Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М. : ЛЕНАНД, 2015а. – С. 111–160.

114. Дейк, Т.А., ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ / Т.А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.

115. Дейк, Т.А., ван. Структура новостей в прессе / Т.А. ван Дейк // Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М. : ЛЕНАНД, 2015б. – С. 228–267.

116. Декларация принципов поведения журналиста Международной федерации журналистов. – URL : http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/754- (дата обращения: 31.07.2016).

117. Демьянков, В.З. Контрастивный анализ текстов художественной литературы и средств массовой информации / В.З. Демьянков // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : колл. монография / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 293–299.

118. Дилигенский, Г.Г. Перестройка и духовно-психологические процессы в обществе / Г.Г. Дилигенский // Вопр. философии. – 1987. – № 9. – С. 3–19.

119. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи : моногр. / Т.Г. Добросклонская. – 3-е изд. – М. : КРАСАНД, 2010. – 288 с.

120. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 45–56.

121. Добросклонская, Т.Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2000. – 48 с.

122. Добросклонская, Т.Г. Язык средств массовой информации : учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: КДУ, 2012. – 116 с.

123. Дождикова, Р.Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания / Р.Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2013. – № 2. – С. 33–41.

124. Дорофеев, М.В. Историческое краеведение : учеб. пособие / М.В. Дорофеев / под ред. В. П. Зиновьева. – Новокузнецк : Полиграфист, 2012. – 200 с.

125. Дроздова, Ю.А. Коммуникативные аспекты региональной идентичности: управленческо-социологический анализ : автореф. дис. … канд. соц. наук / Ю.А. Дроздова. – Волгоград, 2006. – 30 с.

126. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Л.Р. Дускаева. – СПб., 2004. – URL: http://psujourn.narod.ru/lib/dial_.htm (дата обращения: 31.07.2016).

127. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : моногр. / Л.Р. Дускаева ; под ред. М.Н. Кожиной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.

128. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социол. исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114.

129. Есин, А.Б. Культура как система ценностей. Эмоционально-ценностные ориентации / А.Б. Есин // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология: Избр. труды. – М. : Флинта : Наука, 2002. – С. 256–270.

130. Есина, Т.А. Социальное портретирование как метод изучения читателей библиотек : автореф. дис. … канд. пед. наук / Т.А. Есина. – М., 2010. – 23 с.

131. Жилякова, Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие : моногр. / Н.В. Жилякова / науч. ред. Л.П. Громова, Н.М. Дмитриенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011а. – 446 с.

132. Жилякова, Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления / Н.В. Жилякова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011б. – № 3 (15). – С. 126–132.

133. Жилякова, Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) / Н.В. Жилякова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 102–115.

134. Жинкин, Н.И. Психолингвистика: Избр. труды / сост. и предисл. К.Ф. Седова / Н.И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 2009. – 288 с.

135. Жолобов, О.Ф. Заметки о сакральном типе номинации / О.Ф. Жолобов // Историческая стилистика русского языка : сб. науч. тр. / отв. ред. З.К. Тарланов. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1998. – С. 78–83.

136. Журавлев, А.П. Звук и смысл : кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А.П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

137. Ерофеева, И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. / И.В. Ерофеева. – СПб., 2010. – 54 с.

138. Запесоцкий, А.С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор / А.С. Запесоцкий // Социол. исследования. – 2006 . – № 12. – С. 98–104.

139. Засурский, И.И. СМИ и власть // Средства массовой информации России : учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева [и др.] / под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Аспект Пресс, 2008. – С. 74–120.

140. Засурский, Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции / Я.Н. Засурский // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2008а. – С. 7–12.

141. Засурский Я.Н. Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества // Средства массовой информации России : учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева [и др.] / под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Аспект Пресс, 2008б. – С. 3–53.

142. Зекиева, П.М. Заголовочный комплекс в газете как макроструктура имени статьи / П.М. Зекиева // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – URL : http://cyberleninka.ru/article/n/zagolovochnyy-kompleks-v-gazete-kak-makrostruktura-imeni-stati (дата обращения 23.02.2015).

143. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 240 с.

144. Зинякова, В.М. Распространение периодической печати в рабочих районах Западной Сибири (1926–1932 гг.) / В.М. Зинякова // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – С. 266–272.

145. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, МГУ, 2004. – 544 с.

146. Зубова, Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.

147. Ивин, А.А. Ценности и понимание / А.А. Ивин // Вопр. философии. –1987. – № 8. – С. 31–43.

148. Ивченков, В.И. Публицистический стиль, текст и дискурс / В.И. Ивченков // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллектив. моног. / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 197–206.

149. Игнатович, Т.Ю. Доминанты русской языковой картины мира в региональной реализации / Т.Ю. Игнатович // Гуманитарный вектор. – 2009. № 4. – С. 76–80.

150. Ипполитова, Н.А. Обучение чтению / Н.А. Ипполитова // Методика преподавания русского языка : учебник / под ред. М.Т. Баранова. – М. : Просвещение, 1990. – С. 269–276.

151. Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

152. История России : учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – М. : Проспект, 2012. – 528 с.

153. История русских медиа 1989–2011. Версия «Афиши». – М. : Компания Афиша, 2011. – 304 с.

154. Кабанина, О.Л. Использование антонимических текстовых парадигм в лирике М.И. Цветаевой разных лет / О.Л. Кабанина // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междун. науч. конф. / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 176–180.

155. Каган, М.С. О духовном (Опыт категориального анализа) / М.С. Каган // Вопр. философии. – 1985. – № 9. – С. 91–102.

156. Каган, М.С. Философская теория ценностей : курс лекций / М.С. Каган. – СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1997. – 205 с.

157. Кажикин, А.А. Типология отечественной региональной прессы рубежа XX – XXI веков (на примере печатной периодики Воронежской области) : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.А. Кажикин. – Воронеж, 2004. – 22 с.

158. Казак, М.Ю. Язык газеты : учеб. пособие / М.Ю. Казак. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 120 с.

159. Кайда, Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Москва, 1991. – 44 с.

160. Калинина, Е.И. Системно-структурное моделирование внутрижанрового пространства гипержанра «дневник» (на материале британской лингвокультуры) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.И. Калинина. – Кемерово, 2012. – 22 с.

161. Камнева, Н.В. Особенности восприятия студентами текстов газетно-публицистического стиля регионального издания (по данным экспериментов) / Н.В. Камнева // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2013. – Вып. № 10 (138). – С. 217–221.

162. Камнева, Н.В. Регулятивные стратегии в региональном медиадискурсе (на материале приложения «АиФ – ТОМСК») / Н.В. Камнева // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2015. – Вып. № 6 (159). – С. 148–153.

163. Камнева, Н.В. Средства речевого воздействия в современных публицистических текстах (на материале приложения «АиФ» - Томск) / Н.В. Камнева // Русская речевая культура и текст : материалы VII Междунар. науч. конф. (Томск, 16–18 мая 2012 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 328–333.

164. Камнева, Н.В. Тематические и жанровые особенности регионального газетно-публицистического дискурса (на материале Приложения «АиФ-Томск») / Н.В. Камнева // Наука и образование в современном обществе: вектор развития : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-прак. Конф. (Москва, 3 апреля 2014 г.). – Часть II. – М. : АР-Консалт, 2014. – С. 11–16.

165. Казаков, А.А. Ценностная архитектоника произведений Ф.М. Достоевского : моногр. / А.А. Казаков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 254 с.

166. Карасик, В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В.И. Карасик // Полит. лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.

167. Карасик, В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития / В.И. Карасик // Ментальность и изменяющийся мир : коллектив. моногр.: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 13–20.

168. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность медиадискурса / В.И. Карасик // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллектив. моногр. / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 218–230.

169. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

170. Карпенко, С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилёва) : автореф. дис. … канд. филол. наук / С.М. Карпенко. – Томск, 2000. – 26 с.

171. Карпенко, С.М. Категория прецедентности в газетной публицистике: функциональный аспект / С.М. Карпенко // Русская речевая культура и текст : материалы VII Междунар. науч. конф. / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 299–304.

172. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте : коллектив. моногр. / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : ТГУ, 2005. – 354 с.

173. Каширин, А.А. О некоторых типах информационно-медийной языковой личности в телевизионном дискурсе / А.А. Каширин // Русская речевая культура и текст: материалы IX Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 138–143.

174. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.

175. Киселев, А.В. Отечественное краеведение как традиция российской культуры / А.В. Киселев // Кузнецкий край и Новокузнецк в историческом и социокультурном измерении. Посвящается 70-летию Кемеровской области и 395-летию г. Новокузнецка : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 29 ноября 2012 г.) / под ред. Л.А. Поляковой. – Новокузнецк : НФИ КемГУ, 2013. – С. 243–258.

176. Киселев, Г.С. Смыслы и ценности нового века / Г.С. Киселев // Вопр. философии. – 2006. – № 4. – С. 3–16.

177. Клишина, С.А. Гуманитарная миссия современной химии / С.А. Клишина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 1(27) : в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 93–96. – URL: http://www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/23.html (дата обращения: 27.05.2016).

178. Клушина, Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Н.И. Клушина. – М., 2008а. – 57 с.

179. Клушина, Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. моногр. / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 144–154.

180. Клушина, Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) / Н.И. Клушина // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2008б. – С. 144–161.

181. Клушина, Н.И. Теория идеологем / Н.И. Клушина // Полит. лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 54–58.

182. Коган, Л.Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня / Л.Н. Коган // Социол. исследования. – 1997. – № 4. – С. 122–129.

183. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка : учебник / М.Н. Кожина. – 2-е изд., перераб и доп. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.

184. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка : учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 464 с.

185. Коломиец, Г.Г. Философско-антропологический статус музыки: аксиологический аспект / Г.Г. Коломиец // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 5. – С. 73–94.

186. Колтунова, М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет : учеб. пособие для вузов / М.В. Колтунова. – М. : Экономическая литература, 2002. – 288 с.

187. Константинов, А.С. Динамика жизненных ориентаций выпускников средних школ Архангельска (1985–2005) / А.С. Константинов // Социол. исследования. – 2007. – № 12. – С. 121–124.

188. Коньков, В.И. Речевые технологии в массовой коммуникации : учеб. пособие / В.И. Коньков. – СПб.: СПбГУ, 2015. – Ч. 1. – 130 с.

189. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 4-е изд., испр. – М. : Флинта, 2012. – 170 с.

190. Кормин, Н.А. Актуальные проблемы современной марксистской теории ценностей / Н.А. Кормин, Г.О. Нодиа // Вопр. философии. – 1986. – № 9. – С. 144–146.

191. Корнеева, А.Ю. Газетный язык как индикатор изменений в общественном, групповом и индивидуальном сознании / А.Ю. Корнеева // Язык и социум : материалы IV Междунар. науч. конф. 1–2 декабря 2000 г. – Минск : БГУ, 2001. – С. 195–199.

192. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.

193. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – М. : МГУ, 1971. – 267 с.

194. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 1999. – 319 с.

195. Костяшина, Е.А. Медиадискурсивные механизмы моделирования томского городского публицистического текста / Е.А. Костяшина // Язык и культура. – 2012. – № 1 (17). – С. 5–12.

196. Костяшина, Е.А. Экспликация ценностной картины мира в коммуникативной модели «автор – адресат» (на материале глянцевых журналов) / Е.А. Костяшина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (8). – С. 23–31.

197. Кошкарова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : автореф. … д-ра филол. наук / Н.Н. Кошкарова. – Екатеринбург, 2015. – 47 с.

198. Кошкарова, Н.Н. Русскоязычные зарубежные СМИ как участники диалога в межкультурном политическом пространстве / Н.Н. Кошкарова // Русская речевая культура и текст : материалы IX Междунар. науч. конф. (15–

16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 126–130.

199. Кравец, А.С. Смыслы и ценности / А.С. Кравец // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2007. – № 6. – С. 3–27.

200. Кравченко, И.И. Политические и другие социальные ценности / И.И. Кравченко // Вопр. философии. – 2005. – № 2. – С. 3–16.

201. Краснова, Т.И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т.И. Краснова. – СПб. : СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.

202. Кронгауз, М.А. Публичная интимность / М.А. Кронгауз // Знамя. – 2009. – № 12. – URL : http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/kr10.html (дата обращения: 15.03.2016).

203. Крылов, М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.

204. Кудрина, С.А. Ценностные приоритеты и их онтологические основания / С.А. Кудрина // Социол. исследования. – 2010. – № 1. – С. 37–46.

205. Кузнецова, Т.В. К проблеме определения аксиологической сущности СМИ / Т.В. Кузнецова // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – М. : МедиаМир, 2012а. – С. 136–150.

206. Кузнєцова, Т.В. Аксіологія соціальних комунікацій: навчальний посібник / Т. Кузнєцова. – Суми : Вид-во Сумського державного університету, 2012б. – 300 с.

207. Кузнєцова, Т.В. Аксіологічні моделі мас-медійної інформації: моногр. / Т.В. Кузнєцова. – Суми : Університетська книга, 2010. – 304 с.

208. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : моногр. / Н.А. Кузьмина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.

209. Кузьмина, Н.А. Медиатекст как объект лингвистической экспертизы (ответственен ли журналист за интерпретацию текста читателем?) / Н.А. Кузьмина // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке :

коллектив. моногр. / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 172–180.

210. Куликова, И.С. Словесные эстетические парадигмы в художественном тексте / И.С Куликова // Семантические и эстетические модификации слов в тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Л. : ЛГПИ, 1988. – С. 74–87.

211. Куляскина, И.Ю. Аксиология: место в системе знания / И.Ю. Куляскина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2002. – № 3. – С. 90–97.

212. Купина, Н.А. «Малая пресса» Урала: стилистические приметы и аксиологические предпочтения / Н.А. Купина // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). – М. : Ф-т журналистики МГУ, 2016. – С. 326–329.

213. Купина, Н.А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста / Н.А. Купина // Структура и семантика текста. Воронеж : ВГУ, 1988. – С. 5–13.

214. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург-Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.

215. Купина, Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск : КГУ, 1983. – 160 с.

216. Купина, Н.А. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2013. – 415 с.

217. Курьянович, А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой : автореф. дисс. … канд. филол. наук / А.В. Курьянович. – Томск, 2001. – 17 с.

218. Курьянович, А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дис. д-ра филол. наук / А.В. Курьянович. – Томск, 2013а. – 39 с.

219. Курьянович, А.В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярия первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой) : моногр. / под ред. Н.С. Болотновой / А.В. Курьянович. – Томск : ТГПУ, 2013б. – 308 с.

220. Курьянович, А.В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике : моногр. / А.В. Курьянович / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2013в. – 220 с.

221. Кучуради, И. Оценка, ценности и литература / И. Кучуради // Вопр. философии. – 2000. – № 10. – С. 68–78.

222. Кушникова, М. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов: историко-документальное издание / М. Кушникова, В. Тогулев. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1996. – 472 с.

223. Ладыгин, Ю.А. Ценностные аспекты концепта valeur (на материале произведений французских писателей) / Ю.А. Ладыгин // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллектив. моногр. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 175–195.

224. Лазарев, Ф.В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф.В. Лазарев, С.А. Лебедев // Вопр. философии. – 2005. – № 10. – С. 95–115.

225. Лазарева, Э.А. Заголовок в газете : учеб. пособие для студентов-журналистов / Э.А. Лазарева. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1989. – 96 с.

226. Лапин, Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования [Текст] / Н.И. Лапин // Социол. исследования. – 2006. – № 8. – С. 25–34.

227. Лапин, Н.И. Социальные ценности и реформы кризисной России / Н.И. Лапин // Социол. исследования. – 1993. – № 9. – С. 17–27.

228. Лапин, Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов / Н.И. Лапин // Социол. исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–46.

229. Лапин, Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России / Лапин Н.И. // Социол. исследования. – 1994. – № 5. – С. 3–8.

230. Левикова, С.И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодёжной субкультуры) / С.И. Левикова // Вопр. философии. – 2006. – № 4. – С. 71–79.

231. Левицкий, Ю.А. Лингвистика текста : учеб. пособие / Ю.А. Левицкий. – М. : Высшая школа, 2006. – 207 с.

232. Лекомцев, Ю.К. Антонимический текст / Ю.К. Лекомцев // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 197–206.

233. Ленкова, Т.А. Медиатекст в свете текстообразующих категорий : монография / Т.А. Ленкова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 136 с.

234. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопр. философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

235. Лизунова, И.В. Периодическая печать Новониколаевска – Новосибирска: история становления и функционирования в первой трети XX столетия / И.В. Лизунова // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / отв. ред. В.В. Шевцов. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. – С. 97–100.

236. Лихачев, Д.С. Поэтика художественного времени / Д. С. Лихачев // Лихачёв Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 1999. – С. 5–128.

237. Лихачев, Д.С. Раздумья / Д.С. Лихачев. – М. : Дет. лит., 1991. – 318 с.

238. Лишаев, С.А. «Правда» и «Истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) / С.А. Лишаев // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 173–209.

239. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

240. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПБ, 1996. – 848 с.

241. Лукин, В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа : учебник / В.А. Лукин. – М. : Ось–89, 1999. – 192 с.

242. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики : моногр. / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1986. – 230 с.

243. Лурия, А.Р. Язык и сознание : моногр. / А.Р. Лурия ; под ред. Е.Д. Хомской. – М. : МГУ, 1979. – 320 с.

244. Лысакова, И.П. Язык газеты и типология прессы: социологическое исследование : моногр. / И.П. Лысакова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.

245. Лысакова, И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект / И.П. Лысакова. – Л. : ЛГУ, 1981. – 103 с.

246. Любимов, Л.С. История сибирской печати / Л.С. Любимов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 78 с.

247. Любимов, Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью / Л.С. Любимов // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / отв. ред. В.В. Шевцов. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. – С. 7–12.

248. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса: моногр. / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

249. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е.Г. Малышева // Полит. лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32–40.

250. Мареева, С.В. Динамика норм и ценностей россиян / С.В. Мареева // Социол. исследования. – 2013. – № 7. – С. 120–130.

251. Марьянчик, В.А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста: моногр. / В.А. Марьянчик. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.

252. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Изд. 3-е, испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 296 с.

253. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

254. Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон [пер. с англ.]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.

255. Менджерицкая, Е.О. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса / Е.О. Менджерицкая // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. моногр. / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 72–79.

256. Метаморфозы массового сознания россиян («Круглый стол») // Социол. исследования. – 2009. – № 5. – С. 24–30.

257. МедиаТренды. – 2015. – № 5(54). – 8 с.

258. Милованова, С.О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла / С.О. Милованова // Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 368–372.

259. Митрошенков, О.А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами / О.А. Митрошенков // Социол. исследования. – 2005. – № 11. – С. 37–47.

260. Михалёва, О.Д. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Д. Михалёва. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

261. Михина, Е.В. Интертекстуальные элементы в медиатексте / Е.В. Михина // Медиатекст как целевой элемент журналистского медиаобразования в условиях конвергенции СМИ : коллектив. моногр. / М.П. Двойнишникова [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной. – Челябинск : РЕКПОЛ, 2013. – С. 23–38.

262. Мишанкина, Н.А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура / Н.А. Мишанкина, Ю.В. Филь // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2015. – № 12. – С. 38–49.

263. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. Структура текста как синергетический процесс : моногр. / Г.Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.

264. Музей великого писателя в Новокузнецке: аннотированный указатель литературы / сост.: Н.В. Чужук, Е.Э. Протопопова / науч. ред. И.В. Ульянова. – Новокузнецк : МУ ЦБС им. Н.В. Гоголя, 2011. – 74 с.

265. Музыкант, В.Л. Реклама в действии: история, аудитория, приёмы : учеб. пособие / В.Л. Музыкант. – М. : Эксмо, 2007. – 240 с.

266. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мургзин, А.С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

267. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

268. Мутсопулос, Е. Истина: успехи и поражения / Е. Мутсопулос // Вопр. философии. – 2013. – № 5. – С. 107–114.

269. Мясников, И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра : автореф. дис. … канд. филол. наук / И.Ю. Мясников. – Томск, 2005. – 20 с.

270. Нахимова, Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. … д-ра филол. наук / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 44 с.

271. Немировский, В.Г. Массовое сознание жителей сибирского региона: представления о себе и о России / В.Г. Немировский // Социол. исследования. – 2013. – № 4. – С. 54–60.

272. Нестерова, Н.Г. Региональный радиодискурс: аспекты изучения / Н.Г. Нестерова // Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека : материалы междунар. науч. конф. (Томск, 9–11 ноября 2005 г.). – Томск : ТГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 435–440.

273. Нефедова, Т.П. Функции газетных заголовков с краткими прилагательными / Т.П. Нефедова // Вопр. стилистики : межвуз. науч. сб. – Саратов, 1977. – Вып. 13. – С. 78–89.

274. Никитаев, В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры / В.В. Никитаев // Вопр. философии. – 1998. – № 2. – С. 65–79.

275. Никифорова, Ж.А. Самоорганизация гипертекста (на материале газеты «Комсомольская правда») : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ж.А. Никифорова. – Челябинск, 2011. – Режим доступа : http://cheloveknauka.com/samoorganizatsiya-giperteksta#ixzz3MsNJ1cPO (дата обращения: 02.01.2015).

276. Николина, Н.А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.А. Николина. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 256 с.

277. Новейшая история России : учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М. : Проспект, 2010. – 480 с.

278. Новейшая история России. 1914–2010 : учеб. пособие для бакалавров / М.В. Ходяков, В.А. Кутузов, И.С. Ратьковский и др.; под ред. М.В. Ходякова. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 538 с.

279. Новикова, Ю.В. Бард-рок культура в аспекте ценностной картины мира: концепт «творчество» / Ю.В. Новикова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 326. – С. 30–33.

280. Овчинникова, Л.О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю.Н. Куранова / Л.О. Овчинникова // Вестн. РГУ им. И. Канта. – 2008. – Вып. 8. Филологические науки. – С. 55–58.

281. Огородников, А.Ю. Интериоризация ценностей в условиях современного российского общества (социально-философский анализ) : автореф. дис. … канд. филос. наук / А.Ю. Огородников. – М., 2008. – 27 с.

282. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – Москва : КомКнига, 2006. – 264 с.

283. Орлова, О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. … д-ра филол. наук / О.В. Орлова. – Томск, 2012а. – 43 с.

284. Орлова, О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : моногр. / О.В. Орлова. – Томск: ТГПУ, 2012б. – 354 с.

285. Орлова, О.В. Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : моногр. / О.В. Орлова. – Томск: ТомСувенир, 2012в. – 224 с.

286. Орлова, О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция «потухшего» медиаконцепта (на примере концепта гласность) / О.В. Орлова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011а. – Вып. 1. – С. 219–226.

287. Орлова, О.В. Проблемы диалогического взаимодействия в современном медиапространстве / О.В. Орлова // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллектив. моногр. / Н.С. Болотнова [и др.]; под. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГПУ, 2011б. – С. 368–388.

288. Паленков, С.Е. Информационная динамика в системе СМИ (на материале региональной прессы) : автореф. дис. … канд. филол. наук / С.Е. Паленков. – Краснодар, 2010. – 22 с.

289. Пантыкина, Т.С. Особенности идиостиля В. Немирова (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий», 2005–2006 гг.) / Т.С. Пантыкина // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2006 г.). – Томск : Изд-во филиала РСГУ в г. Томске, 2006. – С. 297–301.

290. Папина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – Москва : Едиториал УРСС, 2010. – 368 с.

291. Патрушев, В.Д. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы / В.Д. Патрушев, Г.П. Бессокирная // Социол. исследования. – 2003. – № 5. – С. 72–83.

292. Перестройка и нравственность (материалы «Круглого стола») // Вопр. философии. – 1990. – № 7. – С. 3–24.

293. Пескова, Е.Н. Гипертекстуальность медиатекста: теоретические обоснования / Е.Н. Пескова // Медиатекст как целевой элемент журналистского медиаобразования в условиях конвергенции СМИ : коллективная монография / М.П. Двойнишникова [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной. – Челябинск : РЕКПОЛ, 2013. – С. 11–22.

294. Петрова, Н.Г. Лексические регулятивы в аспекте читательского восприятия (на материале поэзии К. Бальмонта) : моногр. / под ред. Н.С. Болотновой / Н.Г. Петрова. – Новосибирск : НГПУ, 2015. – 168 с.

295. Петрова, Н.Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К.Д. Бальмонта : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.Г. Петрова. – Томск, 2000. – 23 с.

296. Петрова, Н.Г. Лексические регулятивы на уровне высказывания в поэтических текстах К.Д. Бальмонта / Н.Г. Петрова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2002. – Вып. 1 (29). – С. 32–38.

297. Петровский, Н.С. Представления древних египтян о языковых явлениях / Н.С. Петровский // История лингвистических учений. Древний мир : коллектив. моногр. / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1980. – С. 7–17.

298. Печетова, Н.Ю. Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.Ю. Печетова. – Барнаул, 2012. – 21 с.

299. Пищальникова, В.А. Введение в психопоэтику / В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул : АлтГУ, 1993. – 209 с.

300. Полонский, А.В. Культурный статус медийного текста / А.В. Полонский // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 7–18.

301. Полонский, А.В. Православное слово: уроки стилистики современных массмедиа / А.В. Полонский // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – М. : МедиаМир, 2012. – С. 183–200.

302. Полосин, П.Н. Социальная ответственность масс-медиа в информационном обществе: региональный аспект : автореф. дис. … канд. соц. наук / П.Н. Полосин. – Саранск, 2011. – 27 с.

303. Попов, А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и её развитие / А.С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 95–126.

304. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попов, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. – 314 с.

305. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин [и др.]. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 198 с.

306. Пузынин, А.В. Этапы развития периодической печати Кемеровской области (1920-е гг. XX в. – начало XXI в.) / А.В. Пузынин // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы

регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – С. 300–307.

307. Пушкарева, И.А. Заголовок в информационно-оценочном пространстве городской газеты / И.А. Пушкарева // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2011а. – Вып. 3 (105). – С. 69–75.

308. Пушкарева, И. А. Категория времени в художественно-публицистическом тексте (на материале городской газеты) / И. А. Пушкарева // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 62. – 2012а. – № 2 (256). – С. 91–97.

309. Пушкарева, И. А. Категория пространства в художественно-публицистическом тексте (на материале городской газеты) / И. А. Пушкарева // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 64. – 2012б. – № 6 (260). – С. 106–112.

310. Пушкарева, И.А. Об интертекстуальных связях в современной газетной публицистике / И.А. Пушкарева // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 27–35.

311. Пушкарева И.А. Образ М.В. Ломоносова на страницах городской газеты: семантико-стилистический анализ / И.А. Пушкарева // Современная филология: теория и практика : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30–31 декабря 2011 г.). – М. : «Спецкнига», 2011б. – С. 271–276.

312. Пушкарева, И.А. Образ Новокузнецка в эпидейктическом дискурсе / И.А. Пушкарева // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. С.П. Петрунина. – Новокузнецк : КузГПА, 2009. – С.135–152.

313. Пушкарева, И.А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М.И. Цветаевой : автореф. … дис. канд. филол. наук / И.А. Пушкарева. – Томск, 1999. – 22 с.

314. Пушкарева, И. А. Социальная оценочность в современной газетной публицистике / И. А. Пушкарева // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2012в. – Вып. 1 (116). – С. 237–243.

315. Рассадина, Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период / Т.А. Рассадина // Социол. исследования. – 2006. – № 9. – С. 95–101.

316. Рачков, П.А. Правда-справедливость / П.А. Рачков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 1. – С. 83–107.

317. Резанова, З.И. Дискурсивные картины мира / З.И. Резанова // Картины русского мира: современный медиадискурс : коллектив. моногр. / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : ИД СК-С, 2011. – С. 15–94.

318. Резанова, З.И. Ценностные картины мира современной чат-коммуникации / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте : коллектив. моногр. / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : ТГУ, 2005. – С. 299–329.

319. Рещикова, И.П. Символико-мифологические компоненты первого метаописания г. Сталинска / И.П. Рещикова // II Чтения, посв. памяти Р.Л. Яворского : материалы Всерос. науч. конф. (Новокузнецк, 27–27 апреля 2006 г.) / отв. ред. А.Н. Худолеев. – Новокузнецк : КузГПА, 2006. – С. 176–186

320. Рогожникова, Т.П. Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетения словес» / Т.П. Рогожникова // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. проф. З.К. Тарланов. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1990. – С. 103–111.

321. Родионова, Т.В. Г.Н. Потанин о роли периодики в воспитании сибирского патриотизма / Т.В. Родионова // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / отв. ред. В.В. Шевцов. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. – С. 126–129.

322. Руженцева, Н.Б. Адаптационная стратегия и фактор адресата в газетно-журнальном и политическом дискурсах: заголовочный комплекс и основной текст / Н.Б. Руженцева // Полит. лингвистика. – 2012а. – № 1. – С. 1–6.

323. Руженцева, Н.Б. Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке / Н.Б. Руженцева // Полит. лингвистика. – 2012б. – № 4 (42). – С. 34–39.

324. Сальникова, О.Г. Как рождаются заголовки / О.Г. Сальникова // Русская речь. – 1983. – № 6. – С. 60– 62.

325. Сверкунова, Н.В. Феномен сибиряка / Н.В. Сверкунова // Социол. исследования. – 1995. – № 10. – С. 90–94.

326. Свинцов, В.И. Полуправда / В.И. Свинцов // Вопр. философии. – 1990. – № 6. – С. 53–61.

327. Семенец, О.П. Особенности газетных заголовков второй половины XX в. / О.П. Семенец // Слово. Семантика : сб. науч. тр., посв. юбилею проф. В.В. Степановой / отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб. : РГПУ, 2002. – С. 186–190.

328. Семенов, В.Е. Ценностные ориентации современной молодёжи / В.Е. Семенов // Социол. исследования. – 2007. – № 4. – С. 37–41.

329. Семенова, Т.Ю. Межчастеречные текстовые парадигмы в поэзии М.И. Цветаевой / Т.Ю. Семенова // Труды регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Сибирская школа молодого учёного». Т. III. Лингвистики, стилистика художественного текста, литературоведение / отв. ред. Н.С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 1999. – С. 68–70.

330. Семенова, Т.Ю. Текстовые парадигмы антонимического типа в поэзии М.И. Цветаевой / Т.Ю. Семенова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 1998. – Вып. 6. – С. 11–14.

331. Семирякова, Ю.Ю. Лексический контраст в статьях М. Цветаевой об искусстве / Ю.Ю. Семирякова // Труды регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Сибирская школа молодого учёного». Т. III.

Лингвистики, стилистика художественного текста, литературоведение / отв. ред. Н.С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 1999. – С. 70–71.

332. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности : моногр. / Е.В. Сидоров. – М. : Наука, 1987. – 140 с.

333. Силантьев, И.В. Газета и роман: Риторика дискурсных смешений / И.В. Силантьев / отв. ред. Ю.В. Шатин. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

334. Симановская, К.И. Аттрактивная функция заголовков в газетном дискурсе / К.И. Симановская // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствознание. – 2013. – № 1 (114). – URL : http://cyberleninka.ru/article/n/attraktivnaya-funktsiya-zagolovkov-v-gazetnom-diskurse (дата обращения: 23.02.2015).

335. Сиротинина, О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики / О.Б. Сиротинина // Развитие функциональных стилей современного русского языка / под ред. Т.Г. Винокур и Д.Н. Шмелева. – М. : Наука, 1968. – С. 101–125.

336. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С.И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 384 с.

337. Смулаковская, Р.Л. Лексико-семантические отношения в тексте (функционально-коммуникативный аспект) / Р.Л. Смулаковская. – Л. : ЛГПИ, 1987. – 72 с.

338. Согрин, В.В. Перестройка: итоги и уроки / В.В. Согрин // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 133–147.

339. Соколов, В.М. Нравственные коллизии современного российского общества (Социологический анализ) / В.М. Соколов // Социол. исследования. – 1993. – № 9. – С. 42–51.

340. Солганик, Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г.Я. Солганик // Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М. : КомКнига, 2006. – С. 202–211.

341. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г.Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.

342. Солганик, Г.Я. О стиле современных газет / Г.Я. Солганик // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллектив. моногр. / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 185–196.

343. Солганик, Г.Я О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г.Я. Солганик // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 13–30.

344. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : КомКнига, 2006. – 232 с.

345. Средства массовой информации России : учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова, Е.Л. Вартанова [и др.]; под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 380 с.

346. Стам, И.С. Газетный заголовок: соотношение логического и эмоционального в свете социальной психологии (на материале советских центральных газет) / И.С. Стам // Вопр. стилистики : межвуз. науч. сб. – Саратов, 1982а. – Вып. 18. – С. 24–39.

347. Стам, И.С. Экспрессивный газетный заголовок и его взаимодействие с текстом (на материале советских центральных газет и английской коммунистической газеты «Морнинг стар») : автореф. дис… канд. филол. наук / И.С. Стам. – М., 1982б. – 22 с.

348. Стексова, Т.И. Медиакоммуникация как отражение социальных процессов / Т.И. Стексова // Русская речевая культура и текст : материалы IX Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болтновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 114–119.

349. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.

350. Степанова, В.В. Обусловленность функционирования слов в тексте / В.В. Степанова // Семантические и эстетические модификации слов в тексте : межвуз. сб. науч. ст.. – Л. : ЛГПИ, 1988. – С. 3–10.

351. Степанова, В.В. Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение / В.В. Степанова // Проблемы исследования слова в художественном тексте : межвуз. сб. науч. ст. – Л. : ЛГПИ, 1990. – С. 4–17.

352. Степанченко, И.И. Поэтический язык С. Есенина (анализ лексики) : моногр. – Харьков : ХГПИ, 1991. – 192 с.

353. 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / отв. ред. В.В. Шевцов. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. – 294 с.

354. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. – М. : Республика, 1994. – 464 с.

355. Сулакшин, С.С. Особенности российской цивилизации / С.С. Сулакшин, В.Э Багдасарян. – URL : http://rusrand.ru/analytics/osobennosti-rossijskoj-tsivilizatsii (дата обращения: 27.05.2016).

356. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного : моногр. / отв. ред. А.А. Реформатский. – М. : Наука, 1973. – 365 с.

357. Терентьева, Е.Ю. Названия русских и болгарских православных праздников: критерии классификации / Е.Ю. Терентьева // Вестн. ПСТГУ III: Филология. – 2011. – Вып. 2 (24). – С. 90–98.

358. Терещенко, Е.В. Поэзия и ценностные основания гуманитарного кризиса в современном мире / Е.В. Терещенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2013. – № 4. – С. 28–47.

359. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 320 с.

360. Тетерин, В.Н. Ценности и смыслы Виктора Франкла / В.Н. Тетерин // Вопр. философии. – 2013. – № 4. – С. 70–75.

361. Тикоцкий, М.Е. Проблемы языка и стиля публицистического произведения : автореф. дис. … д-ра филол. наук / М.Е. Тикоцкий. – Минск, 1972. – 54 с.

362. Тикунова, И.В. Современная региональная библиотека в контексте построения обществ знаний / И.В. Тикунова // Kitabxanalar biliklər cəmmiyyətində = Библиотеки в обществе знаний: Ikidilli Azərbaycan-Rusiya layihəsi. − Bakı, 2006. − S. 426-439. – URL : http://tikunova-i.narod.ru/ni/sovr_reg_bib.htm (дата обращения: 20.02.2016).

363. Толстых, Л.И. Развёртывание смысла слова в художественном тексте / Л.И. Толстых // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения : межвуз. сб. науч. ст. – Л. : ЛГПИ, 1986. – С. 144–151.

364. Толстых, Л.И. Смысловые парадигмы в художественном тексте и их лексическое выражение : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.И. Толстых. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 16 с.

365. Троицкий, К.Е. Переоценка ценностей в аксиологической мысли М. Вебера / К.Е. Троицкий // Вопр. философии. – 2013. – № 4. – С. 154–162.

366. Тубалова, И.В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте : коллектив. моногр. / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : ТГУ, 2005. – С. 259–298.

367. Тюкова, И.Н. Коммуникативные универсалии и формы их лексическое воплощение в лирике Б. Пастернака (на материале книги лирики «Сестра моя – жизнь») : автореф. дис. … канд. филол. наук / И.Н. Тюкова. – Томск : ТГПУ, 2005. – 30 с.

368. Тюкова, И.Н. О некоторых особенностях средств регулятивности в публицистических текстах / И.Н. Тюкова // Актуальные проблемы русской речевой культуры и теории текста : науч. тр. Лаборатории русской речевой культуры и теории текста ТГПУ / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2009. – С. 55–59.

369. Фельде, О.В. СВОИ и ЧУЖИЕ в языковом сознании сибиряков / О.В. Фельде // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы : моногр. / О.В. Орлова, О.В. Фельде [и др.]; под науч. ред. О. В. Орловой. – Томск : ТГПУ, 2011. – С. 10–27.

370. Федотова, В.Г. Духовность как фактор перестройки / В.Г. Федотова // Вопр. философии. – 1987. – № 3. – С. 11–28.

371. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений в России и на Западе / В.Г. Федотова // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 3–23.

372. Филиппов, К.В. Лингвистика текста : курс лекций / К.В. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003. – 336 с.

373. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О.И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.

374. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб. : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. – 416 с.

375. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко ; пер. с англ. А. Корбута // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159–262.

376. Фукуяма, Ф. Конец истории / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.

377. Хазагеров, Т.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону, 1984. – 24 с.

378. Хайруллина, Ю.Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы (на материале республики Татарстан) / Ю.Р. Хайруллина // Социол. исследования. – 2003. – № 5. – С. 84–88.

379. Халина, Н.В. Журналистика как эмпирическая философия (к обоснованию теоретико-научного статуса литературно-публицистической деятельности) / Н.В. Халина, Л.Н. Уразова, Е.В. Волошко // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул : АлтГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 19–28.

380. Ховаев, В.И. Иерархия ассоциативных рядов слов в художественном тексте малого жанра / В.И. Ховаев // Структура и семантика текста. – Воронеж : ВГУ, 1988. – С. 37–46.

381. Цофнас, А.Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат / А.Ю. Цофнас // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 106–118.

382. Чебаевская, Е.Н. Контекстуальное значение сквозной лексемы / Е.Н. Чебаевская // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа: межвуз. сб. научн. трудов / отв. ред. И.В. Арнольд. – Л. : ЛГПИ, 1986. – С. 116–123.

383. Чепкина, Э.В. Дискурс региональной прессы: конструирование наивного адресата / Э.В. Чепкина // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). – М. : Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 592–595.

384. Чепкина, Э.В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа / Э.В. Чепкина, Л.В. Енина // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – М. : МедиаМир, 2012. – С. 291–308.

385. Черепанова, Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Л. Черепанова. – Пермь, 2007. – 19 с.

386. Черникова, Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985–2008 гг.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Н.В. Черникова . – М., 2008. – 37 с.

387. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т.В. Чернышова ; науч. ред. и предисл. Н.Д. Голева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.

388. Чернявская, В.Е. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 232 с.

389. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н.В. Чичерина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

390. Чудинов, А.П. Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации начала XXI века / А.П. Чудинов // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. моногр. / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – С. 53–60.

391. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.

392. Шадрина, А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.) : историко-документальное издание / А.С. Шадрина. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1995. – 156 с.

393. Шатуновский, И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 31–38.

394. Швейцер, А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / под ред. В.Н. Ярцевой / А.Д. Швейцер. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.

395. Швецова-Водка, Г.Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособие / Г.Н. Швецова-Водка. – М. : Рыбари; Киев : Знания, 2009. – 487 с.

396. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

397. Шемякина, М.К. Воплощение концепта «возрождение» в русской традиционной культуре быта / М.К. Шемякина // Дискуссия. – 2013. – Вып. – 9 (39). – URL : http://journal-discussion.ru/publication.php?id=9 (дата обращения: 03.09.2015).

398. Шепетовский, Д.В. Лексический повтор как регулятивное средство в книге Эллиса «Stigmata» / Д.В. Шепетовский // Русская речевая культура и текст : материалы VI Междунар. науч. конф. / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С.111–116.

399. Шестакова, Э.Г. Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений / Э.Г. Шестакова // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 19–29.

400. Шипицына, Г.М. К речевому портрету оппозиционной газеты: заголовки заметок / Г.М. Шипицына, С.А. Свистельникова // Полит. лингвистика. – 2010. – № 4. – С. 70–74.

401. Шкондин, М.В. Периодическая печать: системные основы типологии / М.В. Шкондин // Типология периодической печати : учеб. пособие / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М. : Аспект Пресс, 2007. – С. 10–46.

402. Шмелев, А.Д. Правда vs. истина в диахроническом аспекте (Краткая заметка) / АД. Шмелев // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 55–57.

403. Шмелева, Т.В. КРИЗИС как ключевое слово текущего момента / Т.В. Шмелева // Полит. лингвистика. – 2009. – № 2(28). – С. 63–67.

404. Шмелева, Т.В. Ключевые слова текущего момента / Т.В. Шмелева // Colleqium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.

405. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи : межвуз. сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 88–98.

406. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : моногр. / В.К. Шохин. – М. : РУДН, 2006. – 457 с.

407. Эпштейн, В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы / В.Л. Эпштейн. – URL : http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm (дата обращения: 13.01.2015).

408. Эпштейн, М.Н. Великая Совь / М.Н. Эпштейн. – Самара : Издательский Дом БАХРАХ-М, 2006. – 272 с.

409. Юркевич, А.В. Нравственное состояние современного российского общества / А.В. Юркевич // Социол. исследования. – 2009. – № 10. – С. 70–79.

410. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. моногр. / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2011. – 332 с.

411. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды (печать, радио, телевидение, документальное кино) / под ред. Д.Э. Розенталя. – М. : МГУ, 1980. – 256 с.

412. Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 232 с.

413. Яновский, Р.Г. Духовно-нравственная безопасность России / Р.Г. Яновский // Социол. исследования. – 1995. – № 12. – С. 39–47.

414. Яновский, Р.Г. Социально-экономическое ускорение и духовные ценности социализма / Р.Г. Яновский // Вопр. философии. – 1986. – № 2. – С. 3–9.

415. Яцуга, Т.Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Гиппиус : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.Е. Яцуга. – Томск, 2006. – 30 с.

Словари, справочники, информационно-справочные системы

416. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 2008. – 384 с.

417. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

418. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Терра, 1994.

419. Имя в истории Новокузнецка. – URL : http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii (дата обращения: 25.01.2016).

420. Летопись. – URL : http://libnvkz.ru/biblioteka/istoria (дата обращения: 25.01.2016).

421. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

422. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

423. Ляшевская, О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М. : Азбуковник, 2009. – URL : http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 05.01.2016).

424. Максимов, В.И. Словарь перестройки / под общ. ред. проф. В.И. Максимова. – СПб. : Златоуст, 1992. – 256 с.

425. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.

426. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL : http://megabook.ru/

427. Медиалогия : информационно-аналитическая система. – URL : http://www.mlg.ru/ (дата обращения: 08.12.2015).

428. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл ред. С.А. Токарев. – М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 2. – 720 с.

429. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.

430. Новокузнецк в энциклопедиях. – URL : http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax (дата обращения: 25.01.2016).

431. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.

432. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

433. Почётные граждане города Новокузнецка. – URL : http://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/pochetnie-grajdane (дата обращения: 25.01.2016).

434. Розенталь, Д.Э. Русский язык. Справочник-практикум: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? – М. : ООО «Издательский дом “ОНИКС 21 век”» : ООО «Издательство “Мир и образование”», 2005. – 1008 с.

435. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.

436. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожиной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

437. Солганик, Г.Я. Стилистический словарь публицистики / Г.Я. Солганик. – М. : Русские словари, 1999. – 650 с.

438. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.

439. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

440. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

441. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М. : ИНФРА–М, 1998. 5–76 с.

442. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 432 с.

443. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – URL : http://be.sci-lib.com (дата обращения: 09.08.2016).

Список сокращений, использованных в библиографических ссылках

БТС – Большой толковый словарь

ЛС – Литературный энциклопедический словарь

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

МАС – Малый академический словарь

МНМ – Мифы народов мира

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь

ФЭС – Философский энциклопедический словарь

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Приложение А

Список источников

Список газетных текстов, на основе которых рассматривались ценностные категории *ПРАВДА / ИСТИНА*

Тексты 1980 – марта 1985 гг.

1. Батаен Н. Испытание правдой // КР. 18 мая 1982 г.
2. Баутдинова Г. Домыслы и факты об итальянских террористах // КР. 28 апреля 1982 г.
3. Беглов С. Большая ложь в «крестовом походе» // КР. 10 марта 1983 г.
4. Бондаревская С. «Правда памяти» // КР. 11 марта 1982 г.
5. Волкогонов Д. Ложь в тоге «истины» // КР. 6 октября 1982 г.
6. Глазков Ю. Ружьё, которое не стреляет // КР. 12 февраля 1982 г.
7. Голубков В. Запрограммированная ложь // КР. 8 сентября 1982 г.
8. Гольцова Е. Чтобы в споре рождалась истина // КР. 24 января 1985 г.
9. Гуревич В. Правда о неправде // КР. 26 января 1985 г.
10. Джордж Д. Ложное чувство безопасности // КР. 2 августа 1984 г.
11. Дик Г. Хлеб-соль милостивый… // КР. 9 мая 1984 г.
12. Дядечкина В. Прописная истина? // КР. 28 июня 1984 г.
13. Золотарева Н. Простые истины // КР. 21 апреля 1983 г.
14. Игнатов А. Великая ложь о ракетном отставании Запада // КР. 3 июля 1980 г.
15. Ильичев Н. Истина познаётся в сравнении // КР. 22 октября 1980 г.
16. Каваляускас В. «…Только правду» // КР. 25 августа 1984 г.
17. Картер Д. Истина, как её понимают в Белом доме // КР. 12 октября 1983 г.
18. Кобелева Е.Никогда не забудем // КР. 17 сентября 1983 г.
19. Кортунов А. Единожды солгавши… // КР. 4 июля 1980 г.
20. Краснов В. Торжество правды и добра // КР. 22 ноября 1981 г.
21. Марджинская Е. Факты против вымыслов // КР. 2 июля 1980 г.
22. Мартынов М. «Установить истину» // КР. 6 января 1984 г.
23. Московенко В. Бескорыстие // КР. 1 апреля 1982 г.
24. На благо мира и прогресса // КР. 11 сентября 1980 г.
25. Осадченко Ю. За шукшинской правдой… // КР. 1 января 1983 г.
26. Откидач В. Живой нерв искусства // КР. 22 октября 1981 г.
27. Павлова Л. В поисках добра и правды // КР. 17 сентября 1982 г.
28. Пахомов Н. Неприкрытая ложь // КР. 11 марта 1982 г.
29. Петросян Г. Нестареющая правда // КР. 31 марта 1984 г.
30. Полюхов А. Правда пробивает себе дорогу // КР. 14 февраля 1980 г.
31. Попов Ю. Ври, ври, да не завирайся! // КР. 28 марта 1980 г.
32. Правов А. «Эскалация лицемерия» // КР. 11 февраля 1982 г.
33. Продев С. Война и обман // КР. 13 октября 1982 г.
34. Романов В. Новый очаг лжи // КР. 23 марта 1985 г.
35. Романов П. Болезненное воображение «Вашингтон Пост» // КР. 5 марта 1982 г.
36. Рыдванов Н. Миф без крупинки истины // КР. 30 ноября 1984 г.
37. Савицкая Л. Адвокаты неправды // КР. 5 июня 1981 г.
38. Савицкая Л. Бессмертный экипаж // КР. 25 августа 1984 г.
39. Савицкая Л. Хождения за истиной // КР. 25 сентября 1980 г.
40. Сазыкин А. Истины старые, как мир // КР. 30 сентября 1982 г.
41. Самошкина Л. Поэтические вольности? // КР. 10 января 1985 г.
42. Сапожников К. Без кривых зеркал // КР. 18 апреля 1984 г.
43. Смирнова Л. Свет добра и правды // КР. 1 октября 1982 г.
44. Соколов А. Не всякий слух – правда // КР. 29 января 1985 г.

45. Сосимович А. Под личиной благочестия // КР. 25 сентября 1982 г.
46. Стрельцова Н. На экране – подвиг возрождения // КР. 2 мая 1981 г.
47. Тюрина Т. Тепло души // КР. 11 ноября 1982 г.
48. Факты против домыслов // КР. 26 октября 1982 г.
49. Федоров В. Заврались… // КР. 24 июля 1980 г.
50. Хукленбройх В. Истинное лицо буржуазной демократии // КР. 30 июля 1980 г.
51. Черновол З. Заколдованная печь // КР. 25 сентября 1981 г.
52. Шертман Б. В поисках истины // КР. 16 февраля 1982 г.
53. Шертман Б. В поисках истины // КР. 8 февраля 1984 г.
54. Шертман Б. Зёрна истины // КР. 28 июня 1983 г.
55. Ширяев В. Обнажённость сердца // КР. 27 октября 1983 г.
56. Ямбарышев С. Вопреки истине // КР. 4 октября 1980 г.

Тексты апреля 1985 – января 1987 гг.

57. Белобородова В. Верой и правдой // КР. 3 сентября 1985 г.
58. Белобородова В. Ложная принципиальность // КР. 11 декабря 1986 г.
59. Блинов Е. Уроки правды // КР. 15 января 1987 г.
60. Великое наследство // КР. 25 января 1986 г.
61. Верой и правдой // КР. 17 января 1986 г.
62. Волкова Л. Такая простая истина // КР. 19 октября 1985 г.
63. Денисов С. Правда о «звёздных войнах» // КР. 11 сентября 1985 г.
64. Звягина Н. М. Захаров: «Удивлять правдой» // КР. 26 марта 1986 г.
65. Зеленчуков М. Наркоману – 17 лет // КР. 15 января 1987 г.
66. Казанцева И. «Болит душа» у анонима // КР. 11 января 1986 г.
67. Казанцева И. Небезопасные небылицы // КР. 31 июля 1986 г.
68. Кислицына Т. Как рождаются мифы? // КР. 24 сентября 1985 г.
69. Кондратьева Н. Клевета, которую выдавали за правду // КР. 28 августа 1986 г.
70. Конев М. Ничего, кроме правды // КР. 30 сентября 1986 г.
71. Конев М. Языком правды // КР. 27 февраля 1986 г.
72. Михайлов В. Слухи и правда о Киеве // КР. 11 сентября 1986 г.
73. Назаров Н. «Правда о войне бездонна…» // КР. 20 мая 1986 г.
74. Ничего, кроме правды (рубрика «Субботние беседы») // КР. 12 июля 1986 г.
75. Острогорский В. В кривом зеркале «Шпигеля» // КР. 8 февраля 1986 г.
76. Петруня В. Свет правды // КР. 7 марта 1986 г.
77. Правда о буржуазных правах // КР. 31 мая 1985 г.
78. Правда о правах человека // КР. 19 октября 1985 г.
79. Сальковский О. Мифы о «пользе» гонки вооружений // КР. 16 мая 1985 г.
80. Сологуб Н. Лицемеры // КР. 5 мая 1985 г.
81. Спроси с себя (рубрика «Субботние беседы») // КР. 31 мая 1986 г.
82. Трофимова С. Адресовано зрителям // КР. 12 мая 1986 г.
83. Фальшивая индульгенция // КР. 14 января 1987 г.
84. Черновол З. Такие простые сложные истины // КР. 13 января 1987 г.
85. Честь мундира (рубрика «Субботние беседы») // КР. 13 декабря 1986 г.
86. Чувство, побуждающее к истине (рубрика «Субботние беседы») // КР. 17 января 1987 г.
87. Чухонцева Л. Слухи, наговоры и факты… // КР. 3 октября 1985 г.

Тексты февраля 1987 – 1988 гг.

88. Автайкина Н. В споре рождается истина // 30 сентября 1987 г.
89. Белобородова В. Столкновение на повороте // КР. 5 марта 1987 г.
90. Белокуров А. И страстно, и правдиво // КР. 6 февраля 1987 г.
91. Белокуров А.Г. О пользе инакомыслия (рубрика «Субботние беседы») // КР. 17 сентября 1988 г.

92. Возвращаясь к киноправде // КР. 15 декабря 1988 г.
93. Головкова Т. Лучше горькая правда… // КР. 10 ноября 1988 г.
94. Если вы дали слово (рубрика «Субботние беседы») // КР. 11 апреля 1987 г.
95. «Есть ли правда?» // КР. 29 апреля 1988 г.
96. Зиновьев В. Полуправда опасней лжи // КР. 11 августа 1987 г.
97. Казанцев А. Если следовать исторической правде // КР. 27 июня 1987 г.
98. Казанцева И. Под личиною правдолюбия // КР. 11 апреля 1987 г.
99. Кислицына Т. Родом из детства… // КР. 19 октября 1988 г.
100. Ковякина Л. В замочную скважину // КР. 30 сентября 1988 г.
101. Ленский А. Нелёгкая наука управления // КР. 24 февраля 1988 г.
102. Липкин С. Истинные поэты всегда пророки // КР. 8 июля 1988 г.
103. Максимов В. Устами младенца… // КР. 1 апреля 1987 г.
104. Малов А. Семейная экономика: если смотреть правде в глаза // КР. 3 июня 1988 г.
105. Мастеров В. Жизнь по правде // КР. 10 октября 1987 г.
106. Никонова Л. В поисках истины // КР. 29 сентября 1987 г.
107. Павлов А. Жить по правде // КР. 1 мая 1987 г.
108. Плешков А. Б. Ахмадулина: «Не могу быть пессимистом» // КР. 15 апреля 1987 г.
109. Польза и вред прописных истин // КР. 5 мая 1987 г.
110. Попов И. Правда и домыслы об ЛТП // КР. 16 апреля 1988 г.
111. Самошкина Г. В споре рождается истина // КР. 8 июля 1988 г.
112. Самошкина Л. Будет ли жить дерево? // КР. 23 декабря 1987 г.
113. Слово к читателям // КР. 27 марта 1987 г.
114. Слухи, слухи… (рубрика «Субботние беседы») // КР. 11 июля 1987 г.
115. Солонов Н. Против новой технологии? // КР. 3 сентября 1988 г.
116. Хазанов В. Во имя правды и добра // КР. 15 августа 1987 г.
117. Черновол З. В поисках истины // КР. 24 августа 1988 г.
118. Черновол З. Они были первыми // КР. 2 июля 1987 г.
119. Шертман Б. В поисках истины // КР. 29 октября 1987 г.
120. Шертман Б. За чертой общих истин // КР. 7 ноября 1988 г.
121. Ябров К. Первый в Кузбассе // КР. 3 июня 1988 г.

Тексты 1989 – 1990 гг.

122. Батбаяр Ц. Халхин-Гол: правда истории // 19 августа 1989 г.
123. Белобородова В. Верен себе // КР. 7 ноября 1990 г.
124. Белобородова В. Палитра мнений такова… // КР. 8 июня 1990 г.
125. В поисках истины // КР. 24 февраля 1990 г.
126. Гамидов Г. Наше кредо таково // КР. 15 августа 1990 г.
127. Герунов А. Жить по правде // КР. 26 мая 1990 г.
128. Гершгорин В. Почему я не выхожу из КПСС // КР. 5 декабря 1990 г.
129. Гросбейн А. Исследование учения Иисуса, великого народного философа, прозванного Христом // КР. 21 декабря 1990 г.
130. Гусев А. Какой быть газете? // КР. 16 июня 1990 г.
131. Дарская Т. Вовремя и правдоподобно // КР. 22 апреля 1989 г.
132. Дейнега Г. В кривом зеркале порнографии // КР. 18 декабря 1990 г.
133. Еловиков М. С чем пойду к людям? С поиском истины! // КР. 23 октября 1990 г.
134. Жуков В. Не всякий слух – правда // КР. 23 февраля 1990 г.
135. Зотов В. Не вся правда // КР. 22 ноября 1989 г.
136. Истомин С. Интриги… во имя истины // КР. 29 августа 1989 г.
137. Казаков В. «О прописных истинах» // КР. 2 ноября 1989 г.
138. Кислицына Т. Искать виноватых или дойти до истины? // КР. 7 марта 1989 г.
139. Кислицына Т. Истина дискуссий не боится // КР. 30 марта 1989 г.
140. Колинько В. В споре рождается истина // 2 сентября 1989 г.
141. Конев М. Какая она, правда о «Распадской»? // КР. 26 июня 1990 г.

142. Купавцев Г. и др. Ничего, кроме правды // КР. 29 марта 1989 г.
143. Кытманов А. В поисках истины // КР. 9 мая 1989 г.
144. Луканин А. Голодовка // КР. 12 мая 1990 г.
145. Лучшева Т. Без претензий на истину // КР. 7 февраля 1989 г.
146. Марков В. Правда о 1939 годе // КР. 5 сентября 1989 г.
147. Минеева Т. О прописных истинах // КР. 29 сентября 1989 г.
148. Минеева Т. Паруса экономики // КР. 8 марта 1989 г.
149. Митенев В. В спорах рождается истина // КР. 19 декабря 1989 г.
150. Новиков С. Испытание правдой // КР. 26 декабря 1989 г.
151. Огруцов А. Символ города, или Правдоподобные известия о каменной Кузнецкой крепости // КР. 9 июня 1989 г.
152. Паунова Р. и др. Что случилось в Кальчезассе? // КР. 17 января 1989 г.
153. Паутова С. В кривом зеркале, или Мадонна на улице // КР. 12 октября 1990 г.
154. Паутова С. Под флёром полуправды… // КР. 4 мая 1990 г.
155. Паутова С. С Театральной площади // КР. 5 июня 1990 г.
156. Полищук Г., Кунц А. Правда о «Распадской» // КР. 5 мая 1990 г.
157. Романцов Ю. Установить истину // КР. 29 августа 1989 г.
158. Рудин В. Слово правды // КР. 18–22 июля 1989 г., 22, 25, 26 июля 1989 г.
159. Савицкая Л. Театральная площадь. 14 и 15 июля // КР. 18 июля 1989 г.
160. Сморгова Е. Обмани сам себя // КР. 31 июля 1990 г.
161. Сосимович А. Революционеры… от обиды? // 30 ноября 1889 г.
162. Ткаченко Н. Так и рождается истина… // КР. 30 сентября 1989 г.
163. Турнаев В. Ещё раз о пользе диалектики // КР. 25 мая 1990 г.
164. Тюрина Т. Верные друзья (рубрика «Банальные истины») // КР. 19 мая 1990 г.
165. Тюрина Т. Где купить папу? (рубрика «Банальные истины») (Банальные истины) // КР. 27 ноября 1990 г.
166. Тюрина. Защитим детей от беды (рубрика «Банальные истины») // КР. 2 июня 1990 г.
167. Тюрина Т. И засквозит весна (рубрика «Банальные истины») // КР. 8 марта 1990 г.
168. Тюрина Т. Искусство уступать (рубрика «Банальные истины») // КР. 7 июля 1990 г.
169. Тюрина Т. Как быть счастливым? (рубрика «Банальные истины») (Банальные истины) // КР. 7 апреля 1990 г.
170. Тюрина Т. Кому мыть посуду (рубрика «Банальные истины») // КР. 13 октября 1990 г.
171. Тюрина Т. Первые опыты – в игре (рубрика «Банальные истины») // КР. 23 августа 1990 г.
172. Тюрина Т. Почитайте книжку на ночь (рубрика «Банальные истины») // КР. 8 сентября 1990 г.
173. Тюрина Т. Старики (рубрика «Банальные истины»)// КР. 2 февраля 1990 г.
174. Тюрина Т. У каждого своя правда? // КР. 7 ноября 1990 г.
175. Хисаметдинов А. Возродить нравственность // КР. 24 января 1990 г.
176. Четверик М. Уж сколько раз твердили… // КР. 17 мая 1990 г.
177. Шутов В. Сексуальная гражданская война // КР. 18 декабря 1990 г.
178. Этин Б. Ложный донос // КР. 19 апреля 1990 г.

Тексты 1991 г.

179. Архипова О. Душа, душа… // КР. 23 марта 1991 г.
180. Белобородова В. Момент истины?.. (рубрика «Колонка обозревателя») // КР. 13 апреля 1991 г.
181. Белобородова В. …Начало «бархатной» революции? // КР. 11 июня 1991 г.
182. Белобородова В. Ничего, кроме правды // КР. 24 апреля 1991 г.
183. Ботнару В. Ошиблись! И что же? // КР. 27 сентября 1991 г.
184. Владимирова И. Культура – истина нашего времени? // КР. 30 августа 1991 г.
185. Гавел В. О ненависти // КР. 16–17 июля 1991 г.
186. Грабко Г. Под фонарями тень гуще… // КР. 25 сентября 1991 г.

187. Григорьева Т. Чтобы «выпрямить» ребёнка // КР. 19 марта 1991 г.
188. Данилова Л. О подлинном и мнимом // КР. 29 августа 1991 г.
189. Дарская Т. Две правды про фермера Шурупова // КР. 27 марта 1991 г.
190. Демчук Н. «Мы приехали узнать правду…» // КР. 1 октября 1991 г.
191. Демчук Н. О Элберет, Гилтониэль! // КР. 28 сентября 1991 г.
192. Елисеева В. Обман под честное слово // КР. 7 сентября 1991 г.
193. «И настанет царство Истины» // КР. 19 сентября 1991 г.
194. Кибрик А. Ложь «национальных Родин» // КР. 4 июня 1991 г.
195. Кислицына Т. Один год и вся жизнь (рубрика «Тайная правда») // КР. 23 июля 1991 г.
196. Коровина В. Непридуманные истории // КР. 13 июня 1991 г.
197. Кто распускает слухи <…> // КР. 22 июня 1991 г.
198. Михайлова Т. «Вся жизнь есть мучительный поиск ответа…» // КР. 29 августа 1991 г.
199. Негода Т. «Продолжайте, вы на правильном пути…» // КР. 4 июля 1991 г.
200. Никонова Л. «Живы ещё праведники истины» // КР. 19 июня 1991 г.
201. Новиков В. Рабочий класс: мифы и реальность // КР. 8–9 февраля 1991 г., 12 февраля 1991 г.
202. Савицкая Л. Образование: час осознания истины // КР. 11 октября 1991 г.
203. Савицкая Л. Про купца Белугина и молодую жену его Елену Васильевну // КР. 29 ноября 1991 г.
204. Сафьянов Б. Величие души (рубрика «Старые новые истины») // КР. 14 августа 1991 г.
205. Сафьянов Б. И душа с душою говорит (рубрика «Старые новые истины») // КР. 7 августа 1991 г.
206. Сафьянов Б. Перед честью чист (рубрика «Старые новые истины») // КР. 31 июля 1991 г.
207. Сосновская Н. Храните начало любви // КР. 16 августа 1991 г.
208. Стахович М. «Жизнь как она была и есть. А как будет, увидим» // КР. 3 августа 1991 г.
209. Степанова С. Квартирный обман? // КР. 18 декабря 1991 г.
210. Тюрина Т. Истина в… ведре // КР. 25 мая 1991 г.
211. Шертман Б. Марафон в домашних тапочках // КР. 13 мая 1991 г.
212. Шертман Б. Пора поступиться принципом // КР. 4 мая 1991 г.
213. «Я знаю правду!» // КР. 29 августа 1991 г.

Тексты 1992–1995 гг.

214. Анатольев В. Но истина дороже… // КР. 23 мая 1992 г.
215. Бугрова С. Такие прописные истины… // КР. 3 ноября 1994 г.
216. Валиулин В. А природа так хрупка и прекрасна // КР. 2 февраля 1995 г.
217. Валиулин В. «Приди, о истина!» // КР. 6 мая 1995 г.
218. Валиулин В. Симфония духа // КР. 2 июля 1992 г.
219. Вронская Д. Безбожный промысел // КР. 25 декабря 1993 г.
220. Высоцкий Е. Современный эстетизм. Что это такое // КР. 29 февраля 1992 г.
221. «Главное – не обманывать себя». Из выступления депутата А.Г. Тулеева // КР. 10 апреля 1992 г.
222. Зданович А. Истина в вине, но чья вина? // КР. 23 марта 1995 г.
223. Кислицына М. Мифы и факты из жизни бойцов огненного фронта // КР. 20 апреля 1994 г.
224. Кислицына М. Новые страницы из жизни старого вокзала // КР. 28 декабря 1993 г.
225. Кислицына Т. Кто у кого в заложниках? // КР. 15 августа 1992 г.
226. Костин М. Древняя наука или ложное шарлатанство? // КР. 13 сентября 1994 г.
227. Костин М. Сказка – ложь, да в ней намёк // КР. 14 июля 1994 г.
228. Костин М. Сказка – ложь, да в ней намёк, всем целителям урок // КР. 21 января 1995 г.
229. Кунгурцев В. В основе порока – ложь // КР. 25 июля 1992 г.
230. Кунгурцев В.М. [Некролог] // КР. 25 июля 1995 г.
231. Максимов В. Берегись: в каждой шутке есть доля шутки (рубрика «Лжетеррор») // КР. 18 февраля 1995 г.
232. Мелентьева А. Горячее сердце на ледяном поле // КР. 23 ноября 1995 г.

233. Немиров В. «Не в силе Бог, а в правде» // КР. 24 июля 1992 г.
234. Новокузнецкая разгадка Туринской плащаницы (рубрика «Поиски истины») // КР. 30 апреля 1994 г.
235. Михайлова Т. Ради истины и добра // КР. 2 марта 1993 г.
236. Панжинская-Откидач В. Тайны красоты // КР. 24 июня 1993 г.
237. Паутова С. Надо ли ходить за правдой инвалиду? // КР. 9 июня 1994 г.
238. Перминова Е. Время собирать камни и строить // КР. 18 мая 1995 г.
239. Полюшко В. В беседе постигается истина // КР. 11 апреля 1992 г.
240. Савицкая Л. В поисках общественного согласия // КР. 25 ноября 1995 г.
241. Савицкая Л. О девочке, которая ждёт себя // КР. 28 января 1993 г.
242. Савицкая Л. Сократ из 11-го «а» // КР. 28 апреля 1994 г.
243. Турнаев В. Томский дебют // КР. 21 ноября 1992 г.
244. Тюрина Т. Вымысел не есть обман // КР. 10 июня 1993 г.
245. Тюрина Т. Нас унижающий обман // КР. 26 июня 1993 г.
246. Фролова М. В поисках истины не забудь о ближнем // КР. 25 марта 1992 г.
247. Чурсин Ю. Простые истины Иванова // КР. 15 апреля 1992 г.
248. «Это ложь. Мы не бастуем!» // КР. 23 апреля 1992 г.

Тексты 1996–2000 гг.

249. Алексеенко К. «Было не затмение – рассвет» // КР. 25 мая 1996 г.
250. Альбац Е. Кто и почему скрывал правду о болезни президента // КР. 12 октября 1996 г.
251. Аршинов В. «Получилось нечто безобразное» // КР. 14 декабря 1996 г.
252. Белобородова В. Обмен – обман? // КР. 7 ноября 1996 г.
253. Белобородова В. «Романтизм начинаний столкнулся с суровой правдой бытия…» // КР. 31 декабря 1996 г.
254. Бор Г. Где правда? // КР. 16 апреля 1999 г.
255. Валиулин В. В споре родится истина. И действие // КР. 13 мая 1999 г.
256. Васильева М. В России любят людей странных, то есть странников // КР. 19 августа 2000 г.
257. Васильева М. Обмануть легко того, кто готов обмануться // КР. 2 сентября 2000 г.
258. «Всё, что писалось, – правда» (реклама) // КР. 4 марта 2000 г.
259. Дарская Т. «О, возраст осени!..» // КР. 30 сентября 1997 г.
260. Зеленчуков М. Лукавая бухгалтерия комбината // КР. 7 декабря 1999 г.
261. Истина где-то рядом // КР. 28 декабря 1999 г.
262. Истина рождается в споре // КР. 16 декабря 2000 г.
263. Истину вновь ищем через суд // КР. 14 января 1999 г.
264. Кислицына Т. Время плутов // КР. 2 июня 1998 г.
265. Кислицына Т. Дороги к истине и к себе // КР. 24 февраля 1998 г.
266. Кислицына Т. Правда всего лишь подустала // КР. 30 марта 2000 г.
267. Кислицына Т. Право – правда – справедливость // КР. 7 мая 1998 г.
268. Ковякина Л. И ты вернёшься в этот мир цветком, собакой, мышкой… // КР. 18 августа 1998 г.
269. Коровина В. «Вы не обманули наших надежд», или Цепная реакция доброты // КР. 15 января 1998 г.
270. Корсуков В. Юрий Степанович Пыль. Правда – жить по закону (политическая реклама) // КР. 11 декабря 1999 г.
271. Кушникова М., Тогулев В. О крестьянах-партизанах и о синдроме лжи // КР. 20 января 1998 г.
272. Ложь во спасение собственной шкуры (пресс-служба ОПОО «Отечество») // КР. 23 октября 1999 г.
273. Максимов В. В поисках правды и кровно заработанных // КР. 7 ноября 1996 г.
274. Минеева Т. Над пропастью во лжи // КР. 27 июня 2000 г.
275. Михайлова Т. Для обманутых // КР. 7 сентября 1996 г.
276. Негода Т. Сколько стоит обман? // КР. 13 февраля 1996 г.

277. Немиров В. Белый дракон с металлическим привкусом // КР. 5 февраля 2000 г.
278. Немиров В. Мифы XX века // КР. 30 декабря 2000 г.
279. Немиров В. На городской пляж в поисках истины // КР. 17 сентября 1998 г.
280. Немиров В. «Спасите наши души!» <…> // КР. 24 августа 2000 г.
281. Обманщики дней не наблюдают // КР. 12 декабря 1998 г.
282. Паутова С. Устами народа глаголет истина. И он назвал своих героев // КР. 30 декабря 1997 г.
283. «Регион» душевно болеет за историческую правду-матку // КР. 4 июля 1998 г.
284. Савицкая Л. Правда одна на всех // 12 сентября 1998 г.
285. Савицкая Л. Учитель, учись! Всю жизнь // КР. 31 августа 2000 г.
286. Санталов В., Корбут Л. Глазами регионов правда видней // КР. 20 июля 1999 г.
287. Тараканова Н. Без риска быть обманутым // КР. 14 марта 1996 г.
288. Тартышин В. Нас унижающий обман // КР. 16 сентября 2000 г.
289. Требую правды и справедливости! // КР. 25 января 1997 г.
290. Тучков В. Лгун // КР («Окраина»). 28 сентября 1996 г.
291. Чубайс сказал неправду? // КР. 4 января 1996 г.

Тексты 2010–2013 гг.

292. Анги Л. И дорогу, и почёт современному трамваю? // КР. 28 июня 2013 г.
293. Акулова Д. «Женщина в песках» // КР. 20 мая 2010 г.
294. Алябьев Ю. Память о Великой Победе священна и неприкосновенна! // КР. 25 июня 2011 г.
295. Алябьев Ю. Правда о Великой войне // КР. 17 марта 2011 г.
296. Артамошин А. Слон, он и в Африке слон, а работа и в Америке работа // КР. 24 июня 2010 г.
297. Артюх Е., Басалаева И., Макарчева Е., Паничкин В. Юбилеи, которых не было // КР. 23 апреля 2012 г.
298. Бабиков С. Вера и правда // КР. 27 декабря 2011 г.
299. Бабиков С. Выбор у каждого свой // КР. 7 октября 2010 г.
300. Бабиков С. Дожить до Рассвета // КР. 4 июня 2011 г.
301. Бабиков С. За что снимают директора? // КР. 16 апреля 2012 г.
302. Бабиков С. Если на клетке со львом написано «мышь», не верь глазам своим // КР. 20 декабря 2011 г.
303. Бабиков С. «Лучше бы было наоборот!..» // КР. 19 апреля 2011 г.
304. Бабиков С. Над пропастью во лжи // КР. 22 ноября 2011 г.
305. Бабиков С. Не пойман, но «вор» // КР. 3 апреля 2012 г.
306. Бабиков С. Право и правда // КР. 20 ноября 2010 г.
307. Бабиков С. Про «низкий потенциал выплачивания взяток» // КР. 19 июля 2012 г.
308. Бабиков С. Романтики с большой дороги // КР. 15 июня 2010 г.
309. Бабиков С. Себя любить не запретишь… // КР. 1 марта 2013 г.
310. Бабиков С. Тише, мыши, кот на крыше… // КР. 9 июля 2011 г.
311. Бабиков С. «…Установить не удалось» // КР. 28 июня 2011 г.
312. Бабиков С. Цена независимости // КР. 22 января 2013 г.
313. Бабиков С. «Шашлык… Пиши два. Выкинула в пропасть» // КР. 28 декабря 2010 г.
314. Бабиков С., Казьмина Е. О медвежьих услугах и педагогических успехах // КР. 30 марта 2010 г.
315. Бабун Г. [и др.]. Незаменимые есть // КР. 4 февраля 2012 г.
316. Басалаева И. Вело-Дао на Алтае // КР. 31 мая 2012 г.
317. Басалаева И. Их Монголия // КР. 21 сентября 2012 г.
318. Басалаева И. Новокузнецкие вузы: маленькие по три или большие по пять?.. // КР. 12 января 2013 г.
319. Басаргина Т. Куда ни кинь… // КР. 6 февраля 2010 г.
320. Басаргина Т. «Так ты приближаешься к Богу!» // КР. 26 мая 2011 г.
321. Бездействие страшнее (автор – Виктория) // КР. 10 июня 2010 г.
322. Белокурова Е. Классика спасает от забвения // КР. 29 августа 2012 г.

323. Белокурова Е. Хранители старины // КР. 9 августа 2012 г.
324. Белокурова Е. Я расскажу тебе о прошлом // КР. 4 августа 2012 г.
325. Белых Н. Территория любви // КР. 4 октября 2012 г.
326. Бодхисатхва И. Иван Бунин: лёгкое дыхание // КР. 28 октября 2010 г.
327. Бодхисатхва И. Казимир Малевич // КР. 21 февраля 2013 г.
328. Бодхисатхва И. Леонид Ступеньков // КР. 17 августа 2012 г.
329. Бодхисатхва И. Михаил Зощенко // КР. 5 августа 2010 г.
330. Бодхисатхва И. Последний день «Титаника» // КР. 21 января 2010 г.
331. Бор Г. Просим по-хорошему // КР. 18 августа 2011 г.
332. Буланов Ю. Причина и следствие // КР. 3 июля 2012 г.
333. Бухтиярова Е. Почему новокузнечане ратуют за закрытие церкви? (“АиФ-Кузбасс” № 13 (853), март 2013 года) // КР. 1 мая 2013 г.
334. Была травма у Путина или нет? Всё просто: надо ли нам с вами знать всю правду? <…> (http://echo.msk.ru/) // КР. 10 декабря 2012 г.
335. Валиулин В. Какая память нам нужна? // КР. 26 мая 2011 г.
336. Валиулин В. Кто же он, Григорий Рогов? // КР. 16 марта 2010 г.
337. Валиулин В. Музеи и город // КР. 23 апреля 2011 г.
338. Валиулин В. Приглашает «Иллюзион» // КР. 22 апреля 2010 г.
339. Валиулин В. «Стараюсь их любить» // КР. 22 января 2011 г.
340. Вернут за решётку?.. («Служба новостей») // КР. 3 ноября 2012 г.
341. Видалов Е. Дёшево и сердито // КР. 4 марта 2010 г.
342. Виттенбург Л. Без хозяев входа нет // КР. 3 марта 2011 г.
343. Владимиров П. Осень, Царев и остальные… // КР. 16 сентября 2010 г.
344. Волегова Г. и др. [члены клуба «старших домов»]. Есть с чем поспорить // КР. 5 октября 2010 г.
345. Волкова О. Ба, знакомые все лица! // КР. 8 февраля 2013 г.
346. Волкова О. «Бабушка, какая ты у нас красивая!» // КР. 9 марта 2010 г.
347. Волкова О. ГЕРАическая женщина // КР. 1 декабря 2011 г.
348. Волкова О. Маршруты Павла Гилёва // КР. 29 октября 2011 г.
349. Волкова О. Не рождественская история // КР. 21 декабря 2012 г.
350. Волкова О. Недобрые соседи // КР. 21 июля 2011 г.
351. Вотякова Г. Устами младенца // КР. 30 марта 2013 г.
352. Вотякова Г. Устами младенца // КР. 23 мая 2013 г.
353. Вотякова Г. Устами младенца // КР. 20 июня 2013 г.
354. Вызов на очередной допрос Сердюкова и Васильевой не принес томящейся в ожидании публике обнадеживающих известий – вот, мол, сейчас бывший министр обороны как настоящий русский офицер всю правду следователю и выложит. Ан, нет… (http://vmdaily.ru/news/) // КР. 20 февраля 2013 г.
355. Гайдай Л. Не лишайте меня правды («Отклики наших читателей») // КР. 14 июля 2011 г.
356. Гарин А. Волки // КР. 21 июня 2012 г.
357. Гарин А. Правда ребёнка… («Притчи») // КР. 10 августа 2012 г.
358. Георгиева М. Как лечится больной «со стажем» // КР. 11 февраля 2010 г.
359. Германский В. А теперь – Швейцария // КР. 2 августа 2011 г.
360. Германский В. В Ванкувере не до спячки // КР 18 февраля 2010 г.
361. Германский В. Поможет ли «Металлургу» канадский опыт? // КР. 20 июля 2013 г.
362. Германский В. Реализация хромает // КР. 20 октября 2011 г.
363. Голубева Ю. Потребление горячей воды посчитают. Но как и когда? // КР. 31 августа 2010 г.
364. Гревнёв М. «Здесь радостно! Здесь истина видна…» // КР. 13 октября 2011 г.
365. Гревнёв М. «Не знаю я, где святость, где порок…» // КР. 9 июня 2011 г.
366. Гревнёв М. Талант в квадрате // КР. 7 апреля 2011 г.
367. Гревнёв М. Художник от Бога // КР. 31 августа 2012 г.
368. Грин Е. Поджог или нет? // КР. 4 января 2013 г.
369. Гутфройнд С. Анна Курникова // 2 июня 2011 г.
370. Гутфройнд С. Николай Гумилёв // КР. 11 августа 2011 г.

371. Гутфройнд С. Стивен Сигал // КР. 7 апреля 2011 г.
372. Дамм Г. Дело рук самих садоводов // КР. 21 июля 2011 г.
373. Данилова М. «Самой сейчас не верится» // КР. 3 мая 2013 г.
374. Дементьев П. А до лотереи пенальти голландцы не дожили // КР. 13 июля 2010 г.
375. Дементьев П. Сезон для нас закончился? // КР. 14 сентября 2010 г.
376. Дементьев П. Хочется победить, но нечем // КР. 4 октября 2012 г.
377. Денисов А. Ай-кью – шокопоказатель // КР. 13 октября 2012 г.
378. Денисов А. Застой в высоту и ширину // КР. 11 февраля 2010 г.
379. Денисов А. «Меня укусила акула, когда я стоял в океане…» // КР. 4 декабря 2010 г.
380. Денисов А. «При нас» и после // КР. 14 июня 2011 г.
381. Денисов А. Прогресс и АЭС // КР. 21 марта 2011 г.
382. Денисов А. Царь-то ненастоящий! // КР. 9 октября 2010 г.
383. Денисов А. Центризберком не признал… // КР. 10 ноября 2012 г.
384. Денисов А. Шапочный разбор // КР. 18 сентября 2010 г.
385. Денисов А., Антонов С., Назаренко О., Грозовская Н. День рождения, день творчества, день скандалов… // КР. 3 июля 2012 г.
386. Захаренко О. Про ту же проблему // КР. 11 января 2011 г.
387. Елистратова Т. Истина у каждого своя // КР. 5 августа 2010 г.
388. Ёлгин В. Не для дела, а для галочки // КР. 3 марта 2013 г.
389. Ёлгин В. У кого деньги – у того и власть! // КР. 17 мая 2012 г.
390. К каждому решению относится ответственно // КР. 25 мая 2010 г.
391. Каждый десятый россиянин никогда не отпрашивается с работы <…> (http://ria.ru/society/) // КР. 23 мая 2013 г.
392. Казанцева М. Кошачий месяц // КР. 31 марта 2011 г.
393. Казанцева М. Bodrova.net, или Снова о героях нашего времени // КР. 21 октября 2010 г.
394. Караванова А., Берлякова О. Природа едина // 9 сентября 2010 г.
395. Кириллов А., Бабиков С. Шагайте бодрее, голосуйте веселее // КР. 12 октября 2010 г.
396. Кириллова Е. Истина у каждого своя // КР. 15 июля 2010 г.
397. Кириченко И. Николай Егорович Крюков: «Созидание – смысл жизни» // КР. 9 июня 2012 г.
398. Князева М. Остаётся только ждать // КР. 26 июля 2011 г.
399. Кобзарь Б. Где ты был, Адам? // КР. 26 марта 2011 г.
400. Кобзарь Б. Жена, любовница, любимая // КР. 7 августа 2010 г.
401. Кобзарь Б. Жизнь – это мечта умного, игра дурака, комедия богача и трагедия бедняка // КР. 3 сентября 2011 г.
402. Кобзарь Б. Мао Цзедун: «Не нужно читать много книг» // КР. 9 июня 2012 г.
403. Кобзарь Б. Мужчина поместил в газете объявление: «Ищу верную жену» // КР. 19 февраля 2011 г.
404. Кобзарь Б. «Нельзя у нас писать правду, нет свободы» // КР. 26 апреля 2011 г.
405. Кобзарь Б. Путешествие от «тудою» до «сюдою» // КР. 24 декабря 2011 г.
406. Ковякина Л. Бог шутить не любит // КР. 31 июля 2012 г.
407. Ковякина Л. Дети на дороге // КР. 20 августа 2011 г.
408. Ковякина Л. Диагноз при жизни и после жизни // КР. 23 февраля 2012 г.
409. Ковякина Л. Дорога – зона особого риска // КР. 9 октября 2010 г.
410. Ковякина Л. Надо бояться врача, которыё даёт абсолютную гарантию // КР. 2 июня 2011 г.
411. Ковякина Л. Обнажённый нерв на острие скальпеля нейрохирурга // КР. 16 июня 2013 г.
412. Ковякина Л. Помрачение сознания, оцепенение и страсть // КР. 14 июля 2013 г.
413. Когда зарубежные составители различных рейтингов, оперируя цифрами, отводят России то или иное место, они даже и не представляют, насколько далеки от истины. Здесь вам не Германия какая-нибудь (http://www.mk.ru/zloba-dnya/) // КР. 2 февраля 2013 г.
414. Кольченко В. и др. [члены клуба «Управдом»]. Когда настанет коммунальное благополучие? // КР. 16 сентября 2010 г.
415. Кострова Е. Правда у каждого своя // КР. 30 ноября 2012 г.
416. Котлов Н. In vino veritas – истина в ведре // КР. 23 декабря 2010 г.
417. Крхамбарян А. Нам продают воздух // КР. 4 марта 2010 г.

418. Кузнецов Г. «И тону я, и радостно мне» // КР. 27 декабря 2011 г.
419. Кулаков В. Истина где-то рядом // КР. 19 мая 2011 г.
420. Кулакова Е. Покровитель города напомнил о себе // КР. 14 марта 2013 г.
421. Кулето Л. Голая правда // КР. 19 января 2012 г.
422. Кулето Л. Шутка шуткой, а дело делом // КР. 24 августа 2012 г.
423. Лидванский С. А стоит ли? // КР. 21 августа 2012 г.
424. Лизогуб П. Пароходная история Новокузнецка // КР. 2 июня 2013 г.
425. Лиханова А. Ещё раз об экологии, или На кого бы пожаловаться // КР. 6 ноября 2011 г.
426. Лиханова А. Из управдомов в председатели // КР. 22 марта 2012 г.
427. Лиханова А. О чём заботятся «управители»? // КР. 26 января 2012 г.
428. Лиханова А. Страсти по нуждам, или В поисках истины // КР. 23 февраля 2013 г.
429. Лиханова А. Чуть-чуть не считается // КР. 31 мая 2012 г.
430. Лян А. Пролить свет на долг // КР. 9 ноября 2012 г.
431. Мазаев В. Печальны лица военных дат // КР. 29 апреля 2010 г.
432. Макарчева Е. Опыт веротерпимого диалога // КР. 26 мая 2011 г.
433. Максимов В. Просто напишите в адресной строке браузера kuzrab.ru // КР. 27 июля 2012 г.
434. Мананников А. «Не скажу о живых, а покойников мы бережём» // КР. 26 июля 2012 г.
435. Мананников А. Солнечная Лариса // КР. 26 мая 2011 г.
436. Мананников А. Так держать и так держаться! // КР. 16 февраля 2010 г.
437. Митричева М. «У нас всё хорошо, ё-моё» // КР. 16 августа 2012 г.
438. Михайлов С. А во «лбу» огонь горит // КР. 13 ноября 2010 г.
439. Михайлов С. «А мы любили свой город» // КР. 18 ноября 2010 г.
440. Михайлов С. Александр Хорошилов: «Кто говорит, что перестал бояться, тому надо завязывать» // КР. 29 января 2011 г.
441. Михайлов С. Без проклятий и прикрас // КР. 18 октября 2012 г.
442. Михайлов С. «Верни меня в память свою» // КР. 23 марта 2013 г.
443. Михайлов С. «Весна Елены Гавриловой», или Тень звука на фоне вечности // КР. 9 марта 2010 г.
444. Михайлов С. «Вот такие соревнования делают нас родными» / КР. 26 мая 2011 г.
445. Михайлов С. Звенья одной цепи // КР. 7 октября 2010 г.
446. Михайлов С. Король не был голым, он был так одет // КР. 23 августа 2012 г.
447. Михайлов С. Лаврентий Берия // КР. 24 марта 2011 г.
448. Михайлов С. На заметку путешественникам // КР. 24 июня 2010 г.
449. Михайлов С. Наводнение 1958 года // КР. 1 мая 2010 г.
450. Михайлов С. Назад в «Машине времени» // КР. 24 мая 2013 г.
451. Михайлов С. Наша сталь превосходила немецкую // КР. 7 мая 2011 г.
452. Михайлов С. О струях фонтанов // КР. 16 апреля 2011 г.
453. Михайлов С. Они говорят в фотографиях, что думают // КР. 11 марта 2010 г.
454. Михайлов С. Ослепляющий оптимизм // КР. 24 июля 2010 г.
455. Михайлов С. Поменьше вкусовщины! // КР. 13 июня 2013 г.
456. Михайлов С. Сады Эдема ло и после грехопадения // КР. 10 февраля 2013 г.
457. Михайлов С. Так в чьих же руках будущее города? // КР. 28 декабря 2012 г.
458. Михайлов С. Уроки сомнения // КР. 22 ноября 2012 г.
459. Михайлов С. Цивилизованный ответ на болезнь цивилизации // КР. 28 апреля 2011 г.
460. Мы с вами, а вы – с нами! (коллектив редакции «Кузнецкого рабочего») // КР. 24 ноября 2012 г.
461. Мы с тобой, «Кузнецкий рабочий»! («Отклики наших ситателей») // КР. 9 июля 2011 г.
462. На поиски истины («Служба новостей») // КР. 22 июля 2010 г.
463. Назаренко О. А вы к чему стремитесь? // КР. 26 августа 2010 г.
464. Назаренко О. Город, где не закрывают двери на ночь… // КР. 17 ноября 2011 г.
465. Немиров В. «Адмирал сибирской прозы» // КР. 11 мая 2013 г.
466. Немиров В. Вечная мерзлота // КР. 8 января 2010 г.
467. Немиров В. И тайн под сердцем никаких? // КР. 12 февраля 2013 г.
468. Немиров В. И то малое, что оставалось живым // КР. 15 декабря 2011 г.

469. Немиров В. Когда хочется прыгать от счастья // КР. 17 марта 2011 г.
470. Немиров В. Медицинская лингвистика, или В пропаганде наркотиков виновато кино? // КР. 7 апреля 2011 г.
471. Немиров В. Накануне потепления // КР. 13 февраля 2010 г.
472. Немиров В. Не всё то, что сверху, от Бога // КР. 22 мая 2010 г.
473. Немиров В. Не гадьте в своём доме! // КР. 16 сентября 2010 г.
474. Немиров В. Но рок-н-ролл жив // КР. 11 февраля 2010 г.
475. Немиров В. О свойстве памяти в ожидании тепла // КР. 5 мая 2010 г.
476. Немиров В. Поднебесные Зубья: «очеловечить» пейзаж // КР. 22 января 2013 г.
477. Немиров В. Прогулки по городу // КР. 10 августа 2012 г.
478. Немиров В. Прогулки по городу // КР. 29 ноября 2012 г.
479. Немиров В. Прогулки по городу // КР. 4 января 2013 г.
480. Немиров В. Связные истории // КР. 11 мая 2012 г.
481. Немиров В. Солдат музыки // КР. 20 апреля 2013 г.
482. Немиров В. Сомнения как форма освобождения // КР. 20 ноября 2010 г.
483. Немиров В. Что и требовалось доказать // КР. 25 февраля 2010 г.
484. Немиров В., Шахабутдинова А. И переходим к водным процедурам // 29 мая 2010 г.
485. Немироff В. Бой с тенью // КР. 7 июля 2011 г.
486. Немироff В. Вечный Палач // КР. 14 марта 2013 г.
487. Немироff В. Вода заливает огонь // КР. 18 апреля 2013 г.
488. Немироff В. Круговорот «мешков» в боксе // КР. 3 ноября 2011 г.
489. Немироff В. На победный мотив // КР. 29 ноября 2012 г.
490. Немироff В. Чемпионы и мешки для битья // КР. 7 сентября 2012 г.
491. Николаев Д. «Ледниковый период» невостребованности // КР. 1 апреля 2010 г.
492. Николаев Д. Нужна ли геология Кузбассу? // КР. 7 сентября 2010 г.
493. Николаева В. Минуем кризис играючи // КР. 10 апреля 2012 г.
494. Николаева В. Мои года, кому богатство?.. // КР. 18 сентября 2012 г.
495. Ночка А. «Снег падает на всех…» // КР. 24 марта 2012 г.
496. Ночка А. Тёплый ветер и горячий нег // КР. 1 февраля 2011 г.
497. Ночка А. Только хорошее кино // КР. 22 апреля 2010 г.
498. Ночка А., Немиров В. Оконце в вечность // 12 июня 2010 г.
499. Обломович Н. «Газетная утка» // КР. 13 мая 2010 г.
500. Обломович Д. Шпионские страсти // КР. 25 марта 2010 г.
501. Осипова О. И один в болоте воин! // КР. 20 октября 2011 г.
502. Осипова О. Игорь Степанов: «Истина рождается в полемике!» // КР. 12 марта 2011 г.
503. Осипова О. «Служа закону – служу народу!» // КР. 12 ноября 2011 г.
504. Остапенко Л. Опять двойка // КР. 2 ноября 2012 г.
505. Павлов А. Газет много, «Кузнецкий рабочий» – один // КР. 1 апреля 2010 г.
506. Паничкин В. Деревянное зодчество Южкузбасслага // КР. 28 октября 2012 г.
507. Паничкин В. Дом-дворец на площади Маяковского // КР. 31 января 2013 г.
508. Паничкин В. Приземистый брат… берлинской телебашни // КР. 29 июня 2012 г.
509. Паничкин В. Самый народный дом // КР. 5 июля 2013 г.
510. Петров И. Светочувствительность // КР. 28 июля 2011 г.
511. Платов Д. Поймать момент // КР. 12 июня 2013 г.
512. Плахин Т. Испытание красотой // КР. 3 ноября 2012 г.
513. Подводим итоги ещё одного неофициального конкурса – «Слова года – 2012» <…> (http://www.novayagazeta.ru/arts/) // КР. 26 декабря 2012 г.
514. Потогонов Н. Зажги свою звезду! // КР. 10 марта 2011 г.
515. Почему до сих пор при праздновании Рождества Христова общество делает акцент и на некоторые языческие традиции? <…> (http://www.foma.ru/article/index.php?news=6627) // КР. 7 января 2013 г.
516. Продолжение следует… («Бизнес-новости», по материалам электронных СМИ) // 19 июня 2012 г.КР.
517. Прямая речь // КР. 18 октября 2012 г.

518. Рэйвен Д. Жизнь сквозь замочную скважину // КР. 31 мая 2012 г.
519. Рэйвен Д. Про «девяностые» с высоты «нулевых» // КР. 11 марта 2010 г.
520. Речицкий В. Читатель с газетой, газета с городом // 1 июня 2010 г.
521. Саббакин Г. Бред, покоривший мир // КР. 1 декабря 2011 г.
522. Саббакин Г. Зажги свою звезду! // КР. 17 марта 2011 г.
523. Саббакин Г. Жизнь не укладывается в каноны // КР. 15 апреля 2010 г.
524. Саббакин Г. Не забудь принять на грудь // КР. 15 сентября 2011 г.
525. Саббакин Г. Ожидаемые неожиданности // КР. 4 августа 2011 г.
526. Саббакин Г. правильный вопрос // КР. 23 мая 2013 г.
527. Саббакин Г. Проблемы головного мозга // КР. 8 ноября 2010 г.
528. Саббакин Г. Слабонервных просят не смотреть // КР. 9 июня 2011 г.
529. Саббакин Г. Ты не прав, Лу! // КР. 14 марта 2013 г.
530. Саббакин Г. Чтобы стать ещё лучше // КР. 25 апреля 2012 г.
531. Саббакин Г. Эрнст ищет «нового героя» // КР. 1 июля 2010 г.
532. Савельева О. Замша, мрамор, сатин // КР. 31 января 2012 г.
533. Савельева О. Кашель – наш друг или враг? // КР. 14 октября 2010 г.
534. Савельева О. Оставаться человеком // КР. 3 ноября 2011 г.
535. Савин Г. Кошкина любовь // КР. 28 июля 2011 г.
536. Сазыкин А. Голос общественного мнения // КР. 21 июля 2011 г.
537. Сазыкин А. Не о литературе речь // КР. 10 марта 2012 г.
538. Сапелкина С. Луди, вы – звери? // КР. 23 апреля 2013 г.
539. Сахаревич Г. Один день из жизни Машки // КР. 10 февраля 2011 г.
540. Сенкус В. Экологическая волна набегает, да не на тот берег // КР. 28 февраля 2012 г.
541. Сергеева К. В этот день родились // КР. 29 сентября 2011 г.
542. Сергеева К. В этот день родились // КР. 2 июня 2011 г.
543. Сергеева О. Они всё испытал и всё проник // КР. 24 марта 2011 г.
544. Сидорчук К. Почему зелёнку не применяют нигде в мире, кроме как у нас? // КР. 27 октября 2011 г.
545. Смолякова С. Не боитесь ли вы грядущей зимы? // КР. 4 сентября 2012 г.
546. Сницкая А. Всё выше, и выше, и выше! // КР. 28 июня 2012 г.
547. Сницкая А. «Всё остальное ложь и преступление» // КР. 16 апреля 2013 г.
548. Сницкая А. Восстановить паиять трудно. Утерять легко // КР. 3 мая 2011 г.
549. Сницкая А. Начало конца намечено на май // КР. 23 ноября 2012 г.
550. Сницкая А. Хищение – свет, отключение – тьма // КР. 17 февраля 2011 г.
551. Соколова Л. Не гляди в небо – там нет хлеба, а к земле ниже – к хлебу ближе // КР. 30 июня 2012 г.
552. Соколова Л. Требуются управдомы, профессиональные // КР. 4 апреля 2013 г.
553. Соколухин Г. «Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются» // КР. 16 мая 2013 г.
554. Соколухин Г. В чём сила, брат? // КР. 24 мая 2013 г.
555. Соколухин Г. Век индустрии гостеприимства // КР. 20 октября 2011 г.
556. Соколухин Г. «Волга» для чекистов // КР. 14 июня 2012 г.
557. Соколухин Г. Гордость за прадеда // КР. 5 июня 2010 г.
558. Соколухин Г. «Жизнь плюс кошка – удивительное сочетание…» // КР. 25 марта 2010 г.
559. Соколухин Г. Когда в пути устанешь // КР. 25 февраля 2010 г.
560. Соколухин Г. О свойствах зрения // КР. 29 декабря 2011 г.
561. Соколухин Г. Смерть на Перевале Дятлова // КР. 1 марта 2013 г.
562. Соколухин Г. Соня и Товарищ Дроздов // КР. 23 декабря 2010 г.
563. Соколухин Г. Чей пикап был первым // КР. 11 августа 2011 г.
564. Соснин Е. Гордиев узел ОДН // КР. 7 октября 2010 г.
565. Стабильно в обществе, стабильно в полиции (http://sibkray.ru/news) // КР. 3 июля 2012 г.
566. Стахович М. Всё оказалось правдой // КР. 24 августа 2010 г.
567. Стахович М. Воровство всех достало // КР. 11 марта 2010 г.
568. Стахович М. Ещё раз о гипертонии // КР. 18 ноября 2010 г.
569. Стахович М. «Желчная» история // КР. 13 мая 2010 г.

570. Стахович М. Рак можно не только нажить или наесть, но и надумать // КР. 15 июля 2010 г.
571. Стахович М. Язык мой – друг мой // КР. 23 декабря 2010 г.
572. Стерх Г. Вокзал для кого? // КР. 14 июня 2011 г.
573. Столярчук М. Гигею обокрали! // КР. 14 июля 2011 г.
574. Столярчук М. За кем правда? // КР. 12 октября 2012 г.
575. Субач О., Штиль С., Казанцева М. Аншлаг на дворовом катке // 17 декабря 2011 г.
576. Суворов И. Вышли из летней спячки // КР. 30 июня 2011 г.
577. Суворов И. Отличный вариант для канадца // КР. 1 августа 2011 г.
578. Сычёва Н. Газета – моя опора, поддержка и советчик // КР. 4 августа 2011 г.
579. Тальжинский Б. Дум высокое стремленье // КР. 18 июня 2011 г.
580. Таран М. О «последних» героях // КР. 19 августа 2010 г.
581. Таран М. Ты не верь глазам // КР. 28 июня 2013 г.
582. Тельминова К. Девичья правда пятнадцать лет спустя // КР. 28 февраля 2013 г.
583. Трухан Е. «Миры ворочая подспудно» // КР. 11 августа 2011 г.
584. Тюрина Т. Без них никуда // КР. 3 апреля 2010 г.
585. Тюрина Т. «Болезнь исключение» // КР. 16 ноября 2012 г.
586. Тюрина Т. «В этой роли весь я, но роль досталась не мне» // КР. 20 марта 2013 г.
587. Тюрина Т. Зависимость, от которой не лечатся // КР. 25 августа 2011 г.
588. Тюрина Т. Когда реальность скучна, хочется жить иллюзией // КР. 27 мая 2013 г.
589. Тюрина Т. На разрыв аорты // КР. 15 октября 2011 г.
590. Тюрина Т. Планы на будущее строит человек молодой // КР. 18 ноября 2010 г.
591. Тюрина Т. По следам находки в ресторане «Москва» // КР. 11 февраля 2010 г.
592. Тюрина Т. Под флагом фестиваля // КР. 13 марта 2013 г.
593. Тюрина Т. Радуга надежды // КР. 29 ноября 2012 г.
594. Тюрина Т. Табель о рангах // КР. 2 июня 2011 г.
595. Тюрина Т. Эти артисты могут всё // КР. 23 октября 2012 г.
596. Тюрина Т. «Я в детстве не наигрался» // КР. 2 июня 2012 г.
597. Учёные США могут познать истину <…> (http://ria.ru/) // КР. 3 апреля 2013 г.
598. Хорошо, что я у вас родился! // КР. 22 декабря 2012 г.
599. Часовских М. Копить или тратить? Вот в чём вопрос // КР. 31 мюля 2012 г.
600. Черский Д. Болельщики увидели разницу между лигами // КР. 19 июля 2011 г.
601. Черский Д. Закон справедливости // КР. 10 мая 2011 г.
602. Черский Д. Старая болезнь напомнила о себе // КР. 2 августа 2012 г.
603. Шабалина Н. «Шаг в музыку» // КР. 7 декабря 2010 г.
604. Шахабутдинова А. Куда идём мы с рюкзаком? // КР. 12 октября 2010 г.
605. Шахабутдинова А. Смотрите в зеркала! // КР. 24 мая 2013 г.
606. Шахабутдинова А. «Я готов» или «Мне придётся»?.. // КР. 3 апреля 2012 г.
607. Штиль С. За горизонтом – горизонт // КР. 30 декабря 2010 г.
608. Штиль С. Имеем ли мы право на лучшую жизнь? // 30 марта 2010 г.
609. Штиль С. Про мух и про котлеты // КР. 7 июня 2011 г.
610. Штиль С. Случайная закономерность // КР. 14 июня 2012 г.
611. Штиль С. Энергетическая революция // КР. 11 сентября 2012 г.
612. Щербакова Н. С наше повоюйте! // КР. 20 июля 2012 г.
613. Эмих Т. Ворьё не исчезло, а только надело галстуки // КР. 2 сентября 2010 г.
614. Юрченко О. В Чехию, на воды! // КР. 2 августа 2011 г.

Список текстов об истории городской газеты, об истории города, о СМИ

Тексты об истории газеты

1. Берлин А. Воин, металлург, редактор // КР. 1989. 3 окт.
2. Берлин А. …Под номером один // КР. 1987. 9 мая.
3. Берлин А. Редактор, поэт, гражданин… // КР. 1990. 30 марта.
4. Городская газета в цифрах и фактах // Кузнецкие вести. 2000. 28 марта.

5. Гревнёв М. Анатолий Сосимович. Почётный гражданин // КР. 2015. 24 янв.
6. Канаев П. Газета города металлургов // Кузбасс. 1955. 31 марта.
7. Коровина В. «Большевистская сталь» 55 лет назад // КР. 1990. 13 марта.
8. Коровина В. О чём писала газета 60 лет назад // КР. 1990. 20 февр.
9. Коровина В. Тайна старой фотографии // КР. 1998. 28 июля.
10. «Крокодил» на Кузнецкстрое // КР. 1990. 27 марта.
11. Михайлова Т. Редактор милостью Божьей // КР. 2000. 27 янв.
12. Логинов А. Как закалялась сталь // КР. 1999. 17 июля.
13. Логинов А. Как мы жили // КР. 1999. 3 июля.
14. Логинов А. Чашка чая – пролетарское средство общения // КР. 1999. 2 сент.
15. Лябин К. Газета 40 лет назад // КР. 1994. 16 июля.
16. [Некролог В.И. Целищеву] // КР. 1981. 25 авг.
17. [Некролог К.Н. Андрееву] // КР. 1984. 4 апр.
18. [Некролог А.А. Антонову] // КР. 1993. 19 июня.
19. [Некролог В.М. Кунгурцеву] // КР. 1995. 25 июля.
20. Немиров В. История города в фотографиях // КР. 2004. 31 июля.
21. О чём писала газета 40 лет назад // КР. 1985. 9 мая.
22. Об этом писала газета в… году // КР. 1995. 30 марта.
23. Огурцов А. Первая кузнецкая газета // КР. 1987. 6 февр.
24. Павлов Ю. Сибирь сто лет назад // КР. 1984. 27 янв.
25. Савицкая Л. В сороковые роковые // КР. 2000. 9 марта.
26. Савицкая Л. Время, вперёд! // КР. 2000. 20 янв.
27. Савицкая Л. «Натиском 20-тысячного коллектива выведем стройку из прорыва» // КР. 2000. 27 янв.
28. Савицкая Л. Нашей истории строки // КР. 1995. 30 марта.
29. Савицкая Л. …Перо и кисть приравняли к штыку // КР. 1995. 9 мая.
30. Савицкая Л. Под знаком тотальной бдительности // КР. 2000. 29 февр.
31. Савицкая Л. Профессия – редактор // КР. 2001. 24 июля.
32. Савицкая Л. «Рабкор, отточи остриё своего пера знанием» // КР. 2000. 15 февр.
33. Савицкая Л. Свершилось! // КР. 2000. 14 марта.
34. Савицкая Л. «Слушай, великая пролетарская страна…» // КР. 2000. 8 февр.
35. Священная война // КР. 1987. 9 мая.
36. Фойгт Л. «Кузнецкий рабочий» 40-го // КР. 1987. 31 июля.
37. Целищев В. Нелёгким был путь // Кузнецкий рабочий. 1968. 27 февр. – 1 марта.
38. Целищев В. Первый номер // Кузнецкие вести. 2000. 28 марта.
39. Чухонцева Л. Без Горшво… никуда // КР. 1990. 5 мая.
40. Шипилова Т. Из домашнего архива («Город и горожане») // КР. 1989. 5 мая.
41. Шипилова Т. «Принят сотрудником…» // КР. 1990. 30 марта.
42. Эмих Т. «Из Кузнецка я никуда не уезжал» // КР. 2009. 8 окт.
43. Эмих Т. Пусть обретут имена // КР. 2011. 11 авг.
44. Эмих Т. «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд…» // КР. 2011. 7 мая.
45. Эмих Т. «Чтоб поведать, как со славою наши билися полки…» // КР. 2010. 21 янв.
46. Эмих Т. «Я был кусок этого огня…» // КР. 2009. 5 нояб.

Тексты об истории города

1980 – март 1985 г.

1. Андреев К. Форштадт // КР. 1981. 19 июня.
2. Антонов А. Главная улица // КР. 1981. 3 июля.
3. Антонов А. Главный проспект // КР. 1981. 3 апр.
4. Антонов А. Кузнецкстрой продолжается // КР. 1981. 16 апр.
5. Антонов А. Улица нашего детства // КР. 1981. 20 марта.
6. Батискин В. Память // КР. 1981. 13 февр.

7. Белан Р. Вклад кузнечан в Победу // КР. 1981. 11 нояб.
8. Беркович М. Рассказы о Кузнецкстрое // КР. 1981. 12 мая.
9. Беркович М. Это было в Сибири // КР. 1982. 30 дек.
10. Берлин А. Большое видится на расстоянии // КР. 1981. 2 июля.
11. Берлин А. Всегда с народом // КР. 1981. 4 февр.
12. Берлин А. Два города, одна судьба // КР. 1982. 18 дек.
13. Берлин А. И назвали район Куйбышевским // КР. 1981. 21 апр.
14. Берлин А. Интернационалисты Кузнецкстроя // КР. 1981. 11 февр.
15. Берлин А. Их было двенадцать // КР. 1981. 9 мая.
16. Берлин А. Магистраль // КР. 1981. 19 марта.
17. Берлин А. Орлиное племя // КР. 1981. 11 июня.
18. Берлин А. Рождение // КР. 1981. 15 янв.
19. Берлин А. Сталь Победы // КР. 1981. 21 февр.
20. Богданов Е. Сад воспоминаний // КР. 1981. 3 июля.
21. В кадре сама история // КР. 1981. 6 февр.
22. Вяткин Л. Рассказ о том, как начинался город // КР. 1981. 3 июля.
23. Глазков Ю. Начало бульвара // КР. 1981. 4 июля.
24. Год за годом // КР. 1982. 3 апр.
25. Гревнёв М. Глубокие корни // КР. 1981. 13 марта.
26. Екимов А. Первенец энергетики // КР. 1982. 21 янв.
27. Кадричев В. Первенец Сибири // КР. 1983. 7 янв.
28. Казаков Н. Они были первыми // КР. 1981. 7 апр.
29. Коган Е. Металл фронту // КР. 1985. 24 янв.
30. Копылова З. Первостроители // КР. 1981. 15 сент.
31. Кутюрье П. Бойцы Кузнецкстроя // КР. 1981. 1 мая.
32. Логинов М. Город моего детства // КР. 1980. 9 авг.
33. Лычагин М. Здесь школа первая была // КР. 1980. 7 окт.
34. Максимова Г. День завтрашний и день минувший // КР. 1981. 9 апр.
35. Некрич Ю. Зона памяти // КР. 1981. 20 февр.
36. Некрич Ю. Площадь наших побед // КР. 1981. 3 июля.
37. Немиров В. В памяти города // КР. 1980. 5 дек.
38. Осадченко Ю. У истоков // КР. 1986. 12 июня.
39. Панферова В. Мой отец // КР. 1981. 3 окт.
40. Петраш В. Ровесник века // КР. 1981. 7 мая.
41. Светлаков Ю. Место съёмок – Кузнецкстрой // КР. 1981. 18–19 сент.
42. Сусакин Г. Преддверье подвига // КР. 1982. 26 марта.
43. Тендитная В. Время великого служения революции // КР. 1982. 7 нояб.
44. Традиции Кузнецкстроя // КР. 1980. 19 апр.
45. Тычинина Л. Первые ласточки // КР. 1981. 9 июня.
46. Филиппов А. «Мы строим счастье для себя» // КР. 1981. 8 июля.
47. Форпост сибирской индустрии // КР. 1982. 3 апр.
48. Фотолетопись Новокузнецка // КР. 1980. 5 дек.
49. Черданцева Т., Берлин А. Вчера и сегодня // КР. 1981. 7 окт.
50. Чернышов Н. Женщины – солдаты тыла // КР. 1982. 5 марта.
51. Чирков И. молодость ветерана // КР. 1982. 11 февр.
52. Чугурян С. Третье рождение «Коммунара» // КР. 1985. 26 янв.
53. Чухонцева Л. …И вышли на «Орбиту» // КР. 1981. 4 апр.
54. Шертман Б. Театр начинается… с музея // КР. 1982. 1 янв.
55. Шишова Т. Дорожить прошлым, заботиться о настоящем // КР. 1980. 20 сент.

Апрель 1985 – январь 1987 г.

56. Беркович М. Сталь сорок первого // КР. 1985. 9 мая.
57. Загадки крестьян Кузнецкого округа, записанные В.И. Вербицким // КР. 1985. 1 нояб.

58. Знаете ли вы… (подготовил С.Д. Тивяков) // КР. 1986. 28 февр.
59. Знаете ли вы… // КР. 1986. 19 дек.
60. Копылова З. Фронтовая слава металлургов // КР. 1986. 6 мая.
61. Мальковец Н. О старом парке // КР. 1986. 18 июля.
62. Мальковец Н. Память города // КР. 1986. 7 февр.
63. Огурцов А., Ширин Ю. Острог под собором // КР. 1987. 16 янв.
64. Панкратова И. Уникальная библиотека // КР. 1985. 20 дек.
65. Сущенко Е. Годы и судьбы // КР. 1986. 7 нояб.
66. Тивяков С. Весточка из прошлого // КР. 1986. 28 февр.
67. Тивяков С. Итак, год 1618-й // КР. 1986. 1 мая.
68. Тивяков С. Листая страницы истории города // КР. 1986. 28 февр.
69. Тивяков С. Первая академическая // КР. 1986. 28 февр.
70. Тивяков С. Сравним, вспоминая // КР. 1986. 3 июля.
71. Тивяков С. У старой карты // КР. 1986. 19 дек.
72. Челышев Б. Земля Кузнецкая: век минувший // КР. 1985. 20 сент.

Февраль 1987–1988 г.

73. Антонов А. Никогда не погаснет // КР. 1988. 28 окт.
74. Ащеулова Т. Доверить молодым! // КР. 1988. 22 окт.
75. Бек А. Осень 1929… // КР. 1988. 3 дек.
76. Берлин А. «Было так невыносимо и прекрасно!» // КР. 1988. 15 окт.
77. Берлин А. Дело предстояло великое // КР. 1988. 28 окт.
78. Бычкова Т. Кузнецкая иконопись // КР. 1988. 13 сент.
79. Девятияров В. Военный комиссар Совдепа // КР. 1988. 19 авг.
80. Девятияров В. Казначей Совдепа // КР. 1987. 5 сент.
81. Девятияров В. Первый председатель // КР. 1987. 4 дек.
82. Знать родословную края // КР. 1987. 3 дек.
83. Зяблицкая Т. Это наша память! // КР. 1987. 11 дек.
84. Из семейного альбома // КР. 1987. 31 июля.
85. Истории строки // КР. 1987. 9 мая.
86. Казанцев А. Вспомним тех, кто легендой овеян // КР. 1988. 7 янв.
87. Мальковец Н. Революцией сохранённые // КР. 1987. 20 марта.
88. Маслов Б., Клочков М. Это наша история // КР. 1987. 10 марта.
89. Николаев С. И назвал Кузбассом // КР. 1988. 29 нояб.
90. Огурцов А. В декабре 1919-го // КР. 1987. 6 мая.
91. Огурцов А. Как появился Кузнецк // КР. 1988. 6 янв.
92. Огурцов А. Кузнецкие фамилии // КР. 1988. 16 февр.
93. Огурцов А. Кузнецкие храмы // КР. 1988. 31 авг.
94. Огурцов А. На страже южной границы // КР. 1988. 2 июня.
95. Огурцов А. Первый Кузнецкий острог // КР. 1988. 13 янв.
96. Огурцов А. Сколько лет городу? // КР. 1988. 17 мая.
97. Огурцов А. «Стоязыкая» земля // КР. 1988. 12 марта.
98. Огурцов А. Тайны Сибири // КР. 1987. 15 дек.
99. Огурцов А. Трагедия в Шабалино // КР. 1988. 3 авг.
100. Огурцов А., Ширин Ю. Булатная сабля и ткацкий станок // КР. 1987. 31 июля.
101. Огурцов А., Ширин Ю. Памятник или макет? // КР. 1987. 1 апр.
102. Осокина А. КОПИКУЗ в истории Кузбасса // КР. 1987. 23 окт.
103. Осокина А. «Самое большое дело» // КР. 1988. 2 дек.
104. Панкратова И. Прикосновение к истории // КР. 1988. 1 янв.
105. Пащенко Л. Приезд Серго Орджоникидзе // КР. 1988. 21 апр.
106. Рудаев Б. Топольники-Водопадные? // КР. 1987. 20 марта.
107. Санаров А. Экскурсия к первому Кузнецкому острогу // КР. 1987. 2 окт.
108. Северцев А. «Здесь жил великий доменщик…» // КР. 1988. 14 янв.

109. Сорокин М. На страже границ // КР. 1988. 24 мая.
110. Стрельцова Н. Братья Булгаковы // КР. 1987. 19 дек.
111. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 15 окт.
112. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 22 окт.
113. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 26 окт.
114. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 29 окт.
115. Тивяков С. Герб города-труженика // КР. 1987. 20 марта.
116. Черновол З. Они были первыми // КР. 1987. 2 июля.
117. Черновол З. Уроки старины глубокой // КР. 1988. 2 янв.
118. Чернышова В. Мальчишки с нашей улицы // КР. 1988. 26 окт.
119. Читинский Л. «Бойцу особой краснознамённой…» // КР. 1988. 23 февр.
120. Шадрина А. Каким быть Народному дому // КР. 1988. 9 июля.
121. Ширин Ю. Кто сослал чалдонов? // КР. 1987. 19 нояб.
122. Ширин Ю. Кулёк на память // КР. 1988. 7 янв.
123. Ширин Ю. «Ясачные» // КР. 1987. 25 дек.

1989–1990 гг.

124. Антонов А. «Доменная» биография // КР. 1989. 1 авг.
125. Антонов А. «Дедушка» сибирских завов // КР. 1990. 14 июля.
126. Беркович М. Истоки железной реки // КР. 1990. 15–30 нояб.
127. Берлин А. К годовщине разгрома Колчака // КР. 1989. 17 мая.
128. Берлин А. Осуществление мечты // КР. 1989. 28 апр.
129. Берлин А. «Честь России» // КР. 1989. 13 апр.
130. Девятияров В. Военный комиссар // КР. 1990. 3 июля.
131. Истории строки // КР. 1989. 2 нояб.
132. Краснопеев С. Не забывать о первом // КР. 1989. 12 апр.
133. Кроссворд «К юбилею Запсиба» (сост. К. Ябров) // КР. 1989. 21 июля.
134. Леонидова В. «Вспоминаю с трепетом и восхищением…» // КР. 1989. 15 февр.
135. Лобов В. На доменной… // КР. 1990. 5 янв.
136. Мустафин Ю. Кузнецк: всё идёт из старины… // КР. 1990. 8 авг.
137. Мустафин Ю. Судьба исчезнувшей деревни // КР. 1990. 30 авг.
138. Огурцов А. «Бунташное» сословие // КР. 1989. 7 нояб.
139. Огурцов А. Как это было // КР. 1989. 12 янв.
140. Огурцов А. «Рукописи не горят…» // КР. 1989. 8 февр.
141. Паринов В. Что решил бы академик Бардин? // КР. 1989. 17 окт.
142. Паутова С., Белый И. Всё было впервые // КР. 1989. 15 июля.
143. Паутова С., Белый И. …Имени комсомола // КР. 1989. 15 июля.
144. Санаров В. Отталкиваясь от прошлого… // КР. 1990. 11 янв.
145. Фойгт Л. А начиналось всё так… // КР. 1989. 27 июля.
146. Шадрина А. Вдоль по Подгорью // КР. 1990. 13 янв.
147. Шадрина А. Наше наследие // КР. 1989. 5 янв.
148. Шадрина А. Судьба музея // КР. 1989. 23 марта.
149. Шипилова Т. Наследство // КР. 1989. 16 авг.
150. Шипилова Т. Первая реликвия // КР. 1989. 3 янв.
151. Шипилова Т. Под знаком памяти // КР. 1990. 12 янв.
152. Шипилова Т. Рождается летопись // КР. 1989. 7 апр.
153. Шумский А. В честь историка и исследователя // КР. 1990. 5 июля.

1991 г.

154. Беркович М. Броня сибирской пробы // КР. 1991. 25 июня. – 3 июля.
155. Берлин А. Верность // КР. 1991. 1 мая.

156. Берлин А. Так сколько нам лет? // КР. 1991. 21 июня.
157. Елисеев В. Кузнецк в XVIII столетии // КР. 1991. 20 апр.
158. Из «Памятной исторической записки…» И.С. Конюхова // КР. 1991. 6 июля. – 10 авг.
159. Каждому городу – улицу Кирова // КР. 1991. 18 мая.
160. Минеева Т. Пройдусь по Черноморской // КР. 1991. 18 мая.
161. Минеева Т. Фотографии на память // КР. 1991. 12 марта.
162. Мустафин Ю. Споры не утихают // КР. 1991. 13 сент.
163. Негода Т. «Ответь на зло добром, и придёт день…» // КР. 1991. 22 марта.
164. Немиров В. По главной улице // КР. 1991. 4 мая.
165. Призраки старой крепости // КР. 1991. 13 мая.
166. Стахович М. «Семейная хроника» не только для семейного чтения // КР. 1991. 17 авга.
167. Тогулев В. Ещё раз о Конюхове // КР. 1991. 17 авг.
168. Тогулев В. Иван Семёнович Конюхов // КР. 1991. 6 июля.
169. Ульянов И. «Я занимаюсь историей города…» // КР. 1991. 30 апр.

1992–1995 гг.

170. Белобородова В. Кузнецкая крепость: возвращение из небытия? // КР. 1994. 24 мая.
171. Белобородова В. Форштадт: без имени и, в общем, без судьбы // КР. 1995. 8 июня.
172. Валиулин В. Скульптор Александр Брагин: эпоху спустя // КР. 1992. 16 апр.
173. Викторина «Знаешь ли ты свой край?» // КР. 1993. 30 марта.
174. Галкин Н. Кузнецк в первой четверти XX века, или Страницы жизни «кузнецкого жителя» // КР. 1993. 8–17 июня.
175. Гольцев А., Радостин В.. Команда молодости нашей // КР. 1994. 14 дек.
176. Демчук Н. Мой старый дом // КР. 1994. 8 дек.
177. Иванова Т. Служитель музы Клио верный // КР. 1994. 11 июня.
178. Лябин К. «Сталинск. Годы репрессий» // КР. 1994. 6 авг.
179. Кауфман А. «Велено поставити острог в Кузнецах…» // КР. 1994. 19 марта.
180. Кауфман А. Во глубине кузнецких недр // КР. 1995. 7 окт.
181. Кауфман А. Загадка первого Кузнецкого острога // КР. 1994. 16 апр.
182. Кауфман А. Кузнецкая пашня // КР. 1994. 7 мая.
183. Кауфман А. Первые шаги русских на Кузнецкой земле // КР. 1994. 12 февр.
184. Кауфман А. Промыслы кузнечан в XVII веке // КР. 1995. 4 марта.
185. Кислицына М. Тридцать лет – не возраст для вокзала. Но круглая дата // КР. 1993. 18 дек.
186. Кузнецов Н. «Кузнецкий волк», или Немного о фауне в гербе города // КР. 1994. 5 нояб.
187. Кузнецов Н. Курганы раскрывают тайну // КР. 1994. 15 окт.
188. Кузнецов Н. О древних курганах замолвите слово // КР. 1994. 25 янв.
189. Кулакова Н. Крутилась старая пластинка… // КР. 1992. 17 апр.
190. Кунгурцев В. А ведь как было!.. // КР. 1993. 3 апр.
191. Кунгурцев В. «…Меня Сталинск поразил…» // КР. 1992. 20 июня.
192. Кунгурцев В. Они строили наш город // КР. 1994. 11 июня.
193. Кунгурцев В. Сверну на Пирамидную, пройдусь по Совокупному… // КР. 1992. 4 июля.
194. Минеева Т. Верхняя колония уходит… // КР. 1994. 18 окт.
195. Минеева Т. Старый парк // КР. 1992. 21 окт.
196. Михайлов В. Город милосердия // КР. 1995. 25 апр.
197. Мустафин Ю. Берег левый, берег правый… // КР. 1992. 4 июля.
198. Мустафин Ю. Великий мастер доменного дела // КР. 1992. 13 окт.
199. Мустафин Ю. Почтовая служба Кузнецка // КР. 1994. 5 февр.
200. Негода Т. Крепость, таинственная ты наша… // КР. 1992. 4 июля.
201. Немиров В. Почему самолёты не делают деревянными // КР. 1992. 28 нояб.
202. Николаев Б. Городские часы // КР. 1992. 18 июля.
203. Никонова Л. Ангел Престола // КР. 1994. 23 июня.
204. Никонова Л. «Величаем тя, святый Пророче божий Илие…» // КР. 1994. 5 июля.
205. Никонова Л. Летний крестный ход на земле Кузнецкой // КР. 1995. 27 июня.

206. Никонова Л. Лик города // КР. 1995. 1 июля.
207. Никонова Л. Над старым альбомом // КР. 1994. 23 авг.
208. Никонова Л. Фесковская «школа грамоты» // КР. 1994. 2 авг.
209. Осокина Н. Проезд Казарновского // КР. 1993. 17 июня.
210. Паничкин В. Так когда же началась настоящая история настоящего города? // КР. 1995. 1 июля.
211. Паничкин В., Головей В. Земля Кузнецкая // КР. 1992. 19 июня.
212. Паничкин В., Головей В. Кузнецкий герб // КР. 1992. 4 июля.
213. Разумов А. Размышления в день 35-летия трагедии // КР. 1994. 17 дек.
214. Степанов Э. В поисках земли-кормилицы // КР. 1994. 5 мая.
215. Степанов Э. Построен город Кузнецк // КР. 1993. 1 мая.
216. Степанов Э. Рождество в Кузнецке // КР. 1994. 11 янв.
217. Тивяков С. Краевед земли Кузнецкой // КР. 1993. 6 апр.
218. Тивяков С. Кто мы родом и откуда? // КР. 1995. 9 нояб.
219. Тивяков С. Чёрные тополя. Увидят ли светлые дни? // КР. 1995. 6 июля.
220. Ульянова И. Кузнецкий меценат // КР. 1992. 20 июня.
221. Шадрина А. Дом казначейства // КР. 1992. 9 мая.
222. Шадрина А. Из истории Кузнецкой надвратной церкви // КР. 1992. 25 июля.
223. Шадрина А. Праздник Белого Цветка // КР. 1992. 15 авг.
224. Шадрина А. Символ города // КР. 1992. 4 июля.
225. Шипилова Т. Старожил // КР. 1995. 1 июля.
226. Шмелёв В., Минеева Т., Тогулев В. Книга опального историка // КР. 1992. 7 –21 мая.
227. Шнайдер А. Ново-Архангельская церковь // КР. 1992. 25 апр.
228. Шнайдер А. Уездное училище // КР. 1992. 23 мая.

1996–2001 гг.

229. Авдеев Е. Он был первым // КР. 2001. 21 апр.
230. Андреев К. Чтобы строилась страна // КР. 2000. 21 дек.
231. Анисимова Е. Старины истории Кузнецкой школы // КР. 1996. 12 марта.
232. Арефьева Л. Такая молодая! Семидесятилетняя // КР. 1999. 30 марта.
233. Баташева Л. По следам сибирских святых // КР. 2001. 29 сент.
234. Белобородова В. Горит костёр воспоминаний… // КР. 1997. 27 мая.
235. Брагина Н. Взгляд на историю с Крепостной горы // КР. 1997. 8 мая.
236. Валиулин В. Город взял свою старину под охрану // КР. 2001. 25 янв.
237. Валиулин В. Город первой любви // КР. 2001. 23 янв.
238. Валиулин В. Люди уходили, а за ними спешили полчища клопов // КР. 1997. 6 сент.
239. Валиулин В. Они были первыми // КР. 2001. 13 февр.
240. Вершинин А. Патриарху новокузнецкого кино – 65 // КР. 1998. 21 марта.
241. Викторова Т. прошлое проспекта уходило под рёв сирен // КР. 1999. 27 марта.
242. Железняк М. Шестьдесят лет на новокузнецкий «пед» // КР. 1999. 9 нояб.
243. Зубарев Е. 65 лет – это не возраст. Если речь идёт о музее // КР. 1998. 7 марта.
244. Иванова Т. В память о павших, на радость живым // КР. 1997. 20 мая.
245. Кауфман А. Судьба русского генерала // КР. 2001. 27 окт.
246. Ким И., Берлин А. Становление // КР. 2000. 20 апр.
247. Косточаков Г. Почему Кузнецк, а не Абинск, не Кондомск? // КР. 1998. 2 июля.
248. Кузнецов Н. О задержке зарплаты за 1618 год // КР. 1996. 7 дек.
249. Кулакова Н. Документы свидетельствуют // КР. 1996. 26 окт.
250. Лавренова И. Старейшая школа Кузнецка // КР. 1996. 7 дек.
251. Лавренова И. Чёрные тополя по-прежнему хранят свою тайну // КР. 1997. 4 февр.
252. Минеева Т. Мост, соединяющий поколения // КР. 1999. 2 окт.
253. Михайлов С. Завод вековых традиций // КР. 2000. 30 дек.
254. Мустафин Ю. Большие проблемы маленького города (Кузнецк в 1900 – 1901 гг.) // КР. 1997. 12 июня.

255. Мустафин Ю. Был такой посёлок – Верхняя колония // КР. 1999. 26 авг.
256. Мустафин Ю. Это далёкое, далёкое Жерново… // КР. 1997. 13 сент.
257. Негода Т. Мы жили на Мартасе // КР. 1997. 2 дек.
258. Немиров В. Святой Илия Пророк, покровитель Кузнецка // КР. 2000. 1 авг.
259. Немиров В. Что вспоминал ссыльный архитектор // КР. 2001. 1 марта.
260. Новокузнецк. Хроника событий // КР. 1996. 20 апр.
261. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1997. 6 дек.
262. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1997. 20 дек.
263. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 7 февр.
264. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 14 февр.
265. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 7 марта.
266. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 14 марта.
267. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 21 марта.
268. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 28 марта.
269. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 4 апр.
270. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 25 апр.
271. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 2 мая.
272. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 9 мая.
273. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 30 мая.
274. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 6 июня.
275. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 13 июня.
276. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 20 июня.
277. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 27 июня.
278. Паничкин В. «Печать земли Сибирские Кузнецкого города» // КР. 1996. 27 апр.
279. Паничкин В. Родом из средних веков // КР. 1998. 16 апр.
280. Паничкин В. Сгорела история // КР. 1997. 8 нояб.
281. Паничкин В. Соединяя берега // КР. 1998. 2 июля.
282. Паничкин В. Старая крепость молодеет // КР. 1998. 28 мая.
283. Савицкая Л. Мы помним. Значит живём // КР. 1997. 9 янв.
284. Савицкая Л. …Это прекрасное и яростное время // КР. 1999. 3 апр.
285. Светов А. Телефонной связи в Новокузнецке пошёл восьмой десяток // КР. 1999. 18 дек.
286. Старый город и новые мастера // КР. 1998. 26 мая.
287. Степанова Н. Белые пятна в истории рабочей силы // КР. 1997. 20 марта.
288. Ступкин Ф. На этой неделе… [хроника] // КР. 1997. 6 сент.
289. Ступкин Ф. На этой неделе… [хроника] // КР. 1997. 27 сент.
290. Телегин Н. Раньше кузнечане охотились на мамонтов // КР. 1998. 13 июня.
291. Телегин Н., Паничкин В. Пятьдесят лет служения // КР. 1997. 22 нояб.
292. Тогулев В. С нас спросят потомки // КР. 1997. 3 дек.
293. Тудегешева Т. Кузнецк старше, чем принято считать // КР. 1998. 25 июля.
294. Фойгт Л. Первая улица нашего города // КР. 1998. 6 июня.
295. Хроника событий: с 1918 по 1932 // КР. 1997. 3 апр.
296. Шипилова Т. Кавалеры Отечества // КР. 2000. 7 дек.
297. Шипилова Т. Памятник. Рукотворный… // КР. 1997. 19 апр.
298. Шипилова Т. Подземный ход: миф или реальность? // КР. 2000. 18 нояб.
299. Шипилова Т. Улица имени Франкфурта // КР. 1999. 18 марта.
300. Ширин Ю. Юбилейные даты и доморощенные летописцы // КР. 1997. 23 сент.
301. Юрьева И. История одного музея // КР. 1998. 31 марта.

Тексты о СМИ

1980 – марта 1985 г.

1. Белокуров А. Главная тема года // КР. 1982. 11 авг.

2. Беркович М. Не про Ерёму // КР. 1982. 1 дек.
3. Васильев В. Строки завтрашнего номера // КР. 1982. 5 мая.
4. Встречи с читателями газеты // КР. 1980. 12 июня.
5. Выходите в рейд, рабкоры! // КР. 1984. 20 дек.
6. Газета трудового коллектива // КР. 1981. 27 марта.
7. Газете вручена высокая награда // КР. 1980. 7 мая.
8. Денисов А. Строка на ладони // КР. 1980. 5 мая.
9. К нашим читателям // КР. 1980. 29 марта.
10. «Кузнецкий рабочий» – 83 [анкета] // КР. 1982. 12 нояб.
11. «Кузнецкий рабочий» – 84 [анкета] // КР. 1983. 28 окт.
12. «Кузнецкий рабочий» – 84. Ответы читателей на нашу анкету // КР. 1983. 29 нояб.
13. Михайлов В. Этот вездесущий Пиденко // КР. 1982. 5 мая.
14. [Некролог В.И. Целищеву] // КР. 1981. 25 авг.
15. [Некролог К.Н. Андрееву] // КР. 1984. 4 апр.
16. Письмо в газету // КР. 1981. 11 апр.
17. Подсолонко Ю. Напомнила газетная строка // КР. 1983. 18 июня.
18. Праздник советской прессы // КР. 1981. 5 мая.
19. Редакции газеты «Кузнецкий рабочий» [Поздравление с 50-летием со дня выхода первого номера] // КР. 1980. 29 марта.
20. С точки зрения читателя // КР. 1982. 28 дек.
21. Савицкая Л. Наш главный корреспондент // КР. 1980. 29 марта.
22. Слово к кузнецким металлургам // КР. 1985. 5 янв.
23. Слово к читателям [приглашение к дискуссии «Разумные потребности: как мы их понимаем?»] // КР. 1983. 24 и 30 дек.
24. Слово к читателям [приглашение к дискуссии «Где истоки трудолюбия и бескорыстия, тунеядства и стяжательства?»] // КР. 1984. 23 февр.
25. Слово к читателям [приглашение к дискуссии «Цена трудового рубля»] // КР. 1984. 29 марта.
26. Слово к читателям [приглашение к дискуссии «Как и где проводим свой досуг?»] // КР. 1984. 24 и 28 апр.
27. Слово к читателям [приглашение к дискуссии «Почему духовные потребности отстают от материальных возможностей?»] // КР. 1984. 31 мая.
28. Слово о газете // КР. 1980. 5 мая.
29. Что посоветуете, читатели? // КР. 1984. 31 окт.
30. Чухонцева Л. Дни добрых дел // КР. 1985. 5 янв.
31. Чухонцева Л. Сегодня и каждый день // КР. 1980. 1 янв.
32. Шертман Б. Какие люди, такое и время // КР. 1985. 1 янв.

Апрель 1985 – январь 1987 г.

33. Егоров В. Слово к читателю // КР. 1986. 19 апр.
34. К нашему читателю // КР. 1987. 1 янв.
35. К нашим читателям // КР. 1986. 1 янв.
36. «Кузнецкий рабочий» – 86 // КР. 1985. 27 сент.
37. «Кузнецкий рабочий» глазами социологов // КР. 1986. 25 февр.
38. О чём писала газета 40 лет назад // КР. 1985. 9 мая.
39. Полюшко В. В одном строю // КР. 1986. 19 сент.
40. Слово к работникам коммунального хозяйства // КР. 1985. 26 сент.
41. Слово к читателям // КР. 1986. 19 марта.
42. «Советская Россия» – 87 // КР. 1986. 2 сент.
43. Устная жалоба в газету // КР. 1986. 30 мая.

Февраль 1987–1988 г.

44. Андреева В. Виновата система // КР. 1988. 17 сент.
45. Белобородова В. И наказали редактора… // КР. 1988. 10 марта.
46. Белокуров А. Кто для газеты «самый-самый»? // КР. 1988. 30 авг.
47. Берлин А. …Под номером один // КР. 1987. 9 мая.
48. Буймова Л. Жду поддержки от парткома («Какой должна быть газета?») // КР. 1988. 28 сент.
49. Воронцова Н., Шелепина А. Газета нравится, но… // КР. 1987. 14 нояб.
50. Грабко Г. Газета – для читателей // КР. 1988. 17 сент.
51. Дело мастера боится [приглашение к рубрике] // КР. 13 1988. янв.
52. «И наказали редактора» // КР. 1988. 24 мая.
53. К нашим читателям // КР. 1987. 21 июля.
54. Как наше слово отзовётся… // КР. 1988. 1 янв.
55. Канашевский С. Взгляд с земли «многотиражной» // КР. 1988. 13 сент.
56. Кислицына Т. Послесловие к слухам, которые встревожили город («Субботние беседы») // КР. 1988. 19 нояб.
57. Ковякина Л. И каждый день… // КР. 1987. 14 нояб.
58. Максимов В. Больше гласности! // КР. 1987. 14 нояб.
59. Неправедный гнев // КР. 1988. 16 сент.
60. [Обращение к читателям] // КР. 1988. 1 марта.
61. [Обращение к читателям] // КР. 1988. 4 июня.
62. Огурцов А. Первая кузнецкая газета // КР. 1987. 6 февр.
63. От вашего имени. Слово к читателям «Кузнецкого рабочего» (рубрика «Субботние беседы») // КР. 1987. 14 нояб.
64. [Открытие рубрики «Трибуна читателя»] // КР. 1988. 19 янв.
65. Перестройка и многотиражка // КР. 1987. 28 июля.
66. По страницам многотиражных газет // КР. 1988. 28 июля.
67. Поздравление газете // КР. 1987. 14 нояб.
68. [Рубрика с письмами читателей] // КР. 1988. 30 июля.
69. Савицкая Л. Читательский запрос // КР. 1988. 1 июля.
70. «Свет мой, зеркальце, скажи…» // КР. 1988. 13 мая.
71. Священная война // КР. 1987. 9 мая.
72. Слово к анонимам // КР. 1987. 31 дек.
73. Тюрина Т. И Бетховен, и рок // КР. 1987. 9 апр.
74. Ушаков А. Диалог должен быть честным // КР. 1988. 14 мая.
75. Фойгт Л. «Кузнецкий рабочий» 40-го // КР. 1987. 31 июля.
76. Этштейн Ю. Положение зависимых удобно («Какой должна быть газета?») // КР. 1988. 28 сент.

1989–1990 гг.

77. Абашкин Ю. Наказ кандидату // КР. 1990. 1 марта.
78. Антонов А. Как государство богатеет // КР. 1989. 29 дек.
79. Белобородова В. Почему упала подписка // КР. 1989. 22 июня.
80. Белокуров А. Задачи партии и прессы едины // КР. 1989. 13 янв.
81. Беркович М. Воспитанная умеренность // КР. 1990. 30 марта.
82. Беркович М. О том, как журналистов «учат демократии»… // КР. 1989. 3 авг.
83. Берлин А. Воин, металлург, редактор // КР. 1989. 3 окт.
84. Берлин А. Редактор, поэт, гражданин… // КР. 1990. 30 марта.
85. Бондаренко А., Коробейников Т. Слово к читателям // КР. 1989. 13 дек.
86. Брезе Е. Газета для вас // КР. 1990.12 сент.
87. Буймова Л. «Хотелось бы поспорить…» // КР. 1989. 23 сент.
88. Быстров Э. Однобокая гласность // КР. 1989. 16 нояб.

89. Ващенко В. и др. Заменим? // КР. 1990. 13 нояб.
90. Ведущий корректор // КР. 1990. 16 мая.
91. Газета для вас [реклама газеты «Комсомолец Кузбасса»] // КР. 1989. 17 окт.
92. Гойко Б. С «лейкой» и блокнотом… // КР. 1990. 5 мая.
93. Гусев А. Какой быть газете? // КР. 1990. 16 июня.
94. Дарская Т. В гостях у журналистов // КР. 1989. 6 дек.
95. Журналист, коммунист // КР. 1990. 18 июля.
96. Если очень повезёт («О нашей профессии») // КР. 1990. 30 марта.
97. Иванов С. «Репортёр» – новая газета // КР. 1990. 5 июля.
98. Канашевский С. О некоторых противоречиях, достойных внимания читателя // КР. 1990. 17 янв.
99. Конев М. Мои «университеты» // КР. 1990. 30 марта.
100. Конев М. «Сибирская газета» // КР. 1990. 28 июня.
101. Коровина В. «Большевистская сталь» 55 лет назад // КР. 1990. 13 марта.
102. Коровина В. О чём писала газета 60 лет назад // КР. 1990. 20 февр.
103. «Крокодил» на Кузнецкстрое // КР. 1990. 27 марта.
104. Кунгурцев В. Главный наш резерв // КР. 1989. 27 дек.
105. Кунгурцев В. Их имена в газете не стоят // КР. 1990. 30 марта.
106. Кунгурцев В. Кому это надо? // КР. 1990. 21 февр.
107. Лебедев Н. Ценю не меньше «Труда» («Читатели о газете») // КР. 1989. 1 сент.
108. Максимов В. «Сельская правда» на подступах к главной теме // КР. 1989. 13 сент.
109. НТР и газета // КР. 1990. 19 янв.
110. «Наша газета» – ваша газета [реклама] («Подписка-90») // КР. 1990. 4 окт.
111. Нашим читателям! // КР. 1990. 22 марта.
112. Немиров В. «Меня уже не удовлетворяет массовидность нашей газеты…» // КР. 1989. 30 нояб.
113. Новый статус «Кузнецкого рабочего» // КР. 1990. 21 нояб.
114. [Обращение к читателям в юбилейном выпуске] // КР. 1990. 30 марта.
115. [Объявления] // КР. 1990. 29 сент.
116. От нашего главного корреспондента // КР. 1989. 5 мая.
117. От редколлегии газеты «Кузнецкий рабочий» // КР. 1990. 28 сент.
118. Паутова С. Какой быть газете? // КР. 1990. 7 июня.
119. Паутова С. Мы и читатели // КР. 1990. 30 марта.
120. Паутова С. «Пишу о том, что знаю» // КР. 1989. 5 мая.
121. Паутова С. Твоя газета – тебе поможет… // КР. 1990. 20 сент.
122. Почему газета подорожает («Слово к читателям») // КР. 1990. 24 авг.
123. Резниченко В., политический обозреватель ИАН. Пресса без официального пресса // КР. 1990. 4 окт.
124. [Рекламное объявление] // КР. 1989. 30 дек.
125. Савицкая Л. Вместе, на равных правах // КР. 1990. 21 сент.
126. Савицкая Л. и др. Какой быть газете // КР. 1990. 12 сент.
127. Савицкая Л. Лицом к человеку… // КР. 1989. 26 дек.
128. Савицкая Л. Новое пробивалось… // КР. 1990. 30 марта.
129. Савицкая Л. Спасибо за поддержку, спасибо за критику // КР. 1990. 8 сент.
130. Ситуация («О нашей профессии») // КР. 1990. 30 марта.
131. Сосимович А. Кому нужны объявления? // КР. 1990. 28 апр.
132. Сосимович А. Сверяя курс со временем // КР. 1989. 22 дек.
133. Стахович М. Профессия – репортёр // КР. 1990. 31 янв.
134. Степанова С. Зачем нужна газета? // КР. 1990. 21 сент.
135. Травкина Н. И журналистам нужна перестройка // КР. 1989. 25 мая.
136. Требуются журналисты // КР. 1990. 3 нояб.
137. Тюрина Т. Не экономикой единой // КР. 1989. 1 сент.
138. Ультиматум газете // КР. 1990. 4 сент.
139. Упрятцев М. Не получаю газету // КР. 1990. 14 нояб.

140. Читатели о своей газете // КР. 1989. 3 авг.
141. Чугурян С. Быть ли городской студии ТВ? // КР. 1990. 26 апр.
142. Чухонцева Л. Без Горшво… никуда // КР. 1990. 5 мая.
143. Чухонцева Л. Всегда с нами // КР. 1990. 30 марта.
144. Шипилова Т. Из домашнего архива («Город и горожане») // КР. 1989. 5 мая.
145. Шипилова Т. «Принят сотрудником…» // КР. 1990. 30 марта.
146. Шипилова Т. «Я вам пишу…» // КР. 1990. 30 марта.
147. Яровиков Т. «Студии ТВ – быть!» – так считает большинство горожан // КР. 1990. 25 мая.

1991 г.

148. «А вы на них накричите…» // КР. 1991. 12 янв.
149. Архипова Л. Городское ТВ: дождались! // КР. 1991. 30 марта.
150. Без «Кузнецкого» не смогу // КР. 1991. 23 окт.
151. Белокуров А. «Пойду на рынок, продам портянки…» // КР. 1991. 21 дек.
152. «Если вы не отзовётесь, мы напишем в “Спортлото”» // КР. 1991. 30 марта.
153. Дарская Т. Газета идёт к читателю // КР. 1991. 3 марта.
154. Дорогая или дешёвая подписка // КР. 1991. 31 июля.
155. К сведению читателей! // КР. 1991. 12 янв.
156. К сведению читателей // КР. 1991. 16 февр.
157. Как выжить газете? // КР. 1991. 15 окт.
158. «Как мы просчитались» // КР. 1991. 19 марта.
159. Ковякина Л. «Мы выходим в эфир» // КР. 1991. 14 сент.
160. Коровина В. Как мы просчитались // КР. 1991. 26 февр.
161. Коровина В. «У меня к вам просьба…» // КР. 1991. 9 апр.
162. «Кузнецкий рабочий» пока вне конкуренции // КР. 1991. 5 окт.
163. Михайлова Т. Наша кунсткамера // КР. 1991. 22 марта.
164. На бумаге печатают не только деньги [реклама] // КР. 1991. 8 авг.
165. Петрова В. «Помогите, заели блохи…» // КР. 1991. 12 июля.
166. Скандал недели // КР. 1991. 28 дек.
167. Степанова С. Журналисты в исполкоме // КР. 1991. 2 февр.
168. Шипилова Т. «Газеты нет. Разобрали…» // КР. 1991. 2 февр.

1992–1995 гг.

169. Анатольев В. Это вам не мелочь по карманам шарить… // КР. 1992. 7 апр.
170. Балабаев Д. А вдруг не будет газеты? («Крик души») / КР. 1992. 20 авг.
171. Белокуров А. Монополист бросает вызов // КР. 1992. 5 сент.
172. Белокуров А. Мы живём так же, как наш читатель // КР. 1995. 30 марта.
173. Белокуров А. Почему мы не ходим строем («Колонка обозревателя») // КР. 1994. 12 февр.
174. Бесплатная газета – это очень дорого («Читателям о положении газеты и подписке на “Кузнецкий рабочий”») // КР. 1992. 8 авг.
175. «Время карманных журналистов ушло» // КР. 1994. 1 февр.
176. Газета принадлежит читателю // КР. 1993. 23 окт.
177. Дмитриева З. Держись, «Кузнечик»! // КР. 1994. 17 февр.
178. «Ещё не осень…» // КР. 1993. 14 авг.
179. И смех, и слёзы, и любовь… («Мотивы на письма читателей») // КР. 1992. 1 апр.
180. [Извинение за задержку номера] // КР. 1994. 24 мая.
181. Идёт подписка на «Кузнецкий рабочий» // КР. 1993. 13 нояб.
182. Как подписаться на газету? // КР. 1993. 24 апр.
183. Кислицына М. Получу газету для себя и для соседа («Наши друзья») // КР. 1994. 19 марта.
184. Колмогоров А. Не хочется возврата к прошлому // КР. 1994. 15 февр.
185. «Кузнецкий рабочий» – это ваша газета // КР. 1995. 1 янв.
186. Кунгурцев В. Идёт подписка на «Кузнецкий рабочий» // КР. 1993. 16 окт.

187. Кунгурцев В. Не тот случай // КР. 1992. 11 апр.
188. Лябин К. Газета 40 лет назад // КР. 1994. 16 июля.
189. Минеева Т. Три кита «Кузнецкого рабочего» («Подписка-95») // КР. 1994. 11 окт.
190. Мы живы и будем жить // КР. 1992. 1 мая.
191. «Мы созданы для счастья и свободы, как рыба для полёта и ухи?» // КР. 1994. 22 янв.
192. Мясников В. Газеты не должны быть под чиновниками // КР. 1994. 19 апр.
193. [Некролог А.А. Антонову] // КР. 1993. 19 июня.
194. [Некролог В.М. Кунгурцеву] // КР. 1995. 25 июля.
195. О подписке на «Кузнецкий рабочий» // КР. 1992. 29 авг.
196. Об этом писала газета в… году // КР. 1995. 30 марта.
197. Савицкая Л. Нашей истории строки // КР. 1995. 30 марта.
198. Савицкая Л. …Перо и кисть приравняли к штыку // КР. 1995. 9 мая.
199. Свобода душить слово // КР. 1994. 29 янв.
200. Свобода слова – это то, что пытаются отнять // КР. 1994. 5 февр.
201. «Четвёртая власть» пускает пузыри, но подписчики КР получат свою газету // КР. 1992. 9 июня.
202. Читатели о своей газете // КР. 1995. 30 марта.
203. Чурсин Ю. …Вам не нужен свежий номер? («Газета идёт к читателю»). КР. 1992. 21 марта.
204. Шипилова Т. «Жизнь наша, что колесо…» («Верный друг газеты») // КР. 1994. 1 марта.
205. Шипилова Т. Невзирая на возраст, но взирая на лица // КР. 1995. 30 марта.

1996–2000 гг.

206. Без самостоятельности нет независимости // КР. 2000. 30 марта.
207. Белобородова В. «Кузнецкий рабочий» – ваш помощник в добрых делах // КР. 1997. 10 июня.
208. Белобородова В. Мы все в одной связке // КР. 1999. 30 дек.
209. Белокуров А. В слове «мы» сто тысяч «я» // КР. 2000. 30 дек.
210. Белокуров А. Во, и боле ничего! // КР. 1999. 9 февр.
211. Белокуров А. Ещё раз про любовь // КР. 1999. 30 дек.
212. Белокуров А. К свободе непечатного слова // КР. 2000. 16 дек.
213. Белокуров А. Мы пишем, вы читаете // КР. 1996. 31 дек.
214. Белокуров А. Нас мало. Нас, может быть, трое // КР. 1999. 24 июня.
215. Белокуров А. Печать несвободы // КР. 1998. 2 мая.
216. Белокуров А. Сначала зажимают рот, потом выворачивают карманы // КР. 2000. 25 мая.
217. Белокуров А. У «Кузнецкого рабочего» два кредитора – подписчики и «Кузнецкбизнесбанк» // КР. 2000. 23 нояб.
218. Белокуров А. «Чреду веков питает новость, но золотой её пирог, пока преданье варит соус, встаёт нам горла поперёк» // КР. 2000. 30 марта.
219. Беркович М. Главный учитель – жизнь // КР. 2000. 30 марта.
220. Беркович М. Незабываемое время // КР. 2000. 14 марта.
221. Богданов Е. Направо и налево от лестницы… // КР. 2000. 30 марта.
222. Боровик Ю.Г. Для тех, кто живёт и будет жить в родном городе // КР. 1996. 3 дек.
223. В. Пьянкова: Клянусь, меня бы не было без вас // КР. 2000. 23 марта.
224. Васильева М. В новый год со старым другом // КР. 2000. 6 янв.
225. Васильева М. «Важнейшие новости нашего города. И стоит подписка совсем недорого» // КР. 2000. 8 июля.
226. Васильева М. Мы ещё молодые и в самом расцвете сил! // КР. 2000. 30 марта.
227. Васильева М. Новый год начинается со свежей газеты // КР. 2000. 21 нояб.
228. Васильева М. С любимыми не расставайтесь // КР. 1999. 18 нояб.
229. Васильева М. Такие талантливые, почти гениальные // КР. 2000. 30 марта.
230. …Вижу, опять улыбается кто-то // КР. 1999. 2 марта.
231. Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно // КР. 1999. 18 дек.
232. Газета получила диплом // КР. 1997. 14 июня.

233. Газета по-прежнему первосортная // КР. 1999. 1 апр.
234. Гревнёв М. Мои университеты // КР. 2000. 30 марта.
235. Две газеты с двух континентов. Мы долго шли к этой встрече // КР. 1996. 19 нояб.
236. Емельянов Н.С. Редакции нашей любимой и родной газеты // КР. 1996. 19 дек.
237. Зеленчуков М. Не каждая газета победит в споре с военной юстицией (рубрика «Собственное расследование «Кузнецкого рабочего») // КР. 1996. 8 июня.
238. Зеленчуков М. Не у каждой газеты в друзьях командир дивизии // КР. 1996. 19 нояб.
239. Зеленчуков М. Следствие ведёт репортёр // КР. 1999. 30 дек.
240. Землянова Л. И у меня свой юбилей // КР. 2000. 8 февр.
241. И жизнь, и слёзы, и любовь // КР. 1997. 30 дек.
242. Кислицына М. Медаль для главного кузнецкого рабочего // КР. 2000. 18 апр.
243. Кислицына Т. Правда всего лишь подустала // КР. 2000. 30 марта.
244. Кладчихин В. Память греет душу // КР. 2000. 30 марта.
245. Ковякина Л. Сама себе завидую // КР. 2000. 15 февр.
246. Коровина В. Нас любят, нам доверяют. И это взаимно // КР. 2000. 14 марта.
247. Коровина В. Открывали, не спрашивая, дверь… и свою душу // КР. 2000. 30 марта.
248. Коровина В. Супруги Мануковские 50 лет вместе // КР. 1997. 4 нояб.
249. Коровина В. Тайна старой фотографии // КР. 1998. 28 июля.
250. «Кузнецкий рабочий» – ваша защита // КР. 1997. 5 июня.
251. «Кузнецкий рабочий» – доверие из поколения в поколение // КР. 1997. 3 июня.
252. «Кузнецкий рабочий» – лучший подарок // КР. 1999. 9 нояб.
253. «Кузнецкий рабочий» открывает общественные приёмные // КР. 1997. 30 янв.
254. «Кузнецкий рабочий» – традиции и качество // КР. 2000. 30 марта.
255. Куров О. Мы доверяем «Кузнецкому рабочему» // КР. 1997. 27 нояб.
256. Лапин И. Сорок лет с «Кузнецким рабочим» // КР. 1997. 23 окт.
257. Логинов А. Как закалялась сталь // КР. 1999. 17 июля.
258. Логинов А. Как мы жили // КР. 1999. 3 июля.
259. Логинов А. Чашка чая – пролетарское средство общения // КР. 1999. 2 сент.
260. Мартин С.Д. У нас с вами одна задача // КР. 2000. 30 марта.
261. Минеева Т. Малый бизнес ждут большие дела // КР. 1999. 30 дек.
262. Минеева Т. «Я поборник свободной прессы…» // КР. 1999. 2 февр.
263. Михайлова Т. Редактор милостью Божьей // КР. 2000. 27 янв.
264. Мы знаем своего читателя. Читатель знает нас // КР. 1996. 30 нояб.
265. Наше вчера (рубрика, материалы из газеты разных лет) // КР. 2000. 30 марта.
266. Наши подписчики с нами // КР. 1996. 24 дек.
267. Негода Т. Высоко взлетел «Кузнечик»! // КР. 1998. 23 июня.
268. Немиров В. Изысканная простота // КР. 2000. 18 апр.
269. Немиров В. Надо попросту знать, о чём ты пишешь // КР. 2000. 30 марта.
270. Немиров В. Талант изменяется вместе со временем. Талант изменяет время // КР. 2000. 16 марта.
271. Немиров В. Это, наверное, любовь // КР. 1999. 31 июля.
272. Ничик Н. Как наше слово отзывалось… // КР. 2000. 9 марта.
273. Новое поколение выбирает «Кузнецкий рабочий» // КР. 1996. 10 дек.
274. [О друзьях газеты] // КР. 1996. 16 нояб.
275. Паутова С. Дорожи своим именем // КР. 2000. 30 марта.
276. Паутова С. Путь к успеху – через «Кузнецкий рабочий» // КР. 1998. 11 июня.
277. Паутова С. У города и его газеты всё впереди // КР. 2000. 28 марта.
278. Плотников Н. «Общественная приёмная слушает…» // КР. 2000. 21 марта.
279. Приз от нашей газеты // КР. 1998. 13 окт.
280. Пьянкова В.Хотели переделать жизнь // КР. 2000. 30 марта.
281. С «Кузнецким рабочим» по душам // КР. 1997. 28 авг.
282. Савицкая Л. В сороковые роковые // КР. 2000. 9 марта.
283. Савицкая Л. Время, вперёд! // КР. 2000. 20 янв.
284. Савицкая Л. Есть читатель – будет газета // КР. 1999. 30 дек.

285. Савицкая Л. «Натиском 20-тысячного коллектива выведем стройку из прорыва» // КР. 2000. 27 янв.
286. Савицкая Л. Под знаком тотальной бдительности // КР. 2000. 29 февр.
287. Савицкая Л. «Рабкор, отточи остриё своего пера знанием» // КР. 2000. 15 февр.
288. Савицкая Л. Свершилось! // КР. 2000. 14 марта.
289. Савицкая Л. «Слушай, великая пролетарская страна…» // КР. 2000. 8 февр.
290. Свадебный подарок // КР. 1997. 2 дек.
291. Сосимович А.Н. На трёх «китах» // КР. 2000. 30 марта.
292. Стахович М., Берроуз П. У нас с газетой-побратимом на часах одно время – время независимости // КР. 1997. 5 апр.
293. Т. Тудегешева: «Это наша семейная газета» // КР. 1996. 19 дек.
294. Тюрина Т. Все мы немножко вампиры // КР. 2000. 30 марта.
295. Тюрина Т. Случайное пристанище на всю жизнь // КР. 2000. 20 янв.
296. [Читатели газеты] // КР. 1997. 7 окт.
297. [Читатели о газете] // КР. 1996. 12 дек.
298. [Читатели о газете] // КР. 1996. 17 дек.
299. [Читатели о газете] // КР. 1998. 3 дек.
300. Читатель недоволен // КР. 2000. 14 окт.
301. Чухонцева Л. От почтальона Печкина // КР. 2000. 24 февр.
302. Шертман Б. Если писать, то писать хорошо // КР. 2000. 30 марта.
303. Шипилова Т. «Кузнецкий рабочий» – твоя судьба // КР. 1997. 19 июня.
304. Эксперты ставят «пятёрку» «Кузнецкому рабочему» // КР. 1997. 14 июня.
305. [Экстренный выпуск газеты] // КР. 1997. 3 дек.

Список городских репортажей и городских дневников

1. Васильева М. Все четыре колеса – на газоне // КР. 2001. 16 июня.
2. Васильева М. Где эта улица, где этот дом? // КР. 2000. 20 мая.
3. Ким И. Улицы наружной рекламы // КР. 2000. 12 февр.
4. Кислицына М. Выставка для семьи: от пирожков до мебели // КР. 1994. 2 марта.
5. Минеева Т. Божьи люди из колодца // КР. 1992. 9 июня.
6. Минеева Т. В Майами-Бич нелётная погода // КР. 1992. 2 июня.
7. Минеева Т. «Медведь» гарантирует качество // КР. 1994. 15 янв.
8. Негода Т. Ай гоу ин зе шоп // КР. 1992. 23 апр.
9. Негода Т. «Алло, трест слушает…» // КР. 1992. 12 нояб.
10. Негода Т. Вальс цветов в кругу друзей // КР. 1992. 20 авг.
11. Негода Т. Ветка под окном // КР. 1992. 26 мая.
12. Негода Т. Вот компания какая! // КР. 1993. 13 нояб.
13. Негода Т. Любите ли вы бары? // КР. 1992. 15 мая.
14. Негода Т. Маленькая квартирка до старости твоя // КР. 1994. 17 марта.
15. Негода Т. «Муся, я в тебя влюбился…» // КР. 1992. 5 нояб.
16. Негода Т. Строить и месть в сплошной лихорадке буден // КР. 1994. 30 апр.
17. Негода Т. Ты карманы все свои зашей-зашей, но не шей мне это дело, дорогая! // КР. 1994. 14 апр.
18. Немиров В. А люди здесь добрые // КР. 2000. 22 июля.
19. Немиров В. А почему нет конца света?! // КР. 1999. 14 авг.
20. Немиров В. Автомобиль придумал пешеход… // КР. 2000. 26 авг.
21. Немиров В. Бабушка и кошки // КР. 2007. 24 нояб.
22. Немиров В. Без лоха и жизнь плоха // КР. 2006. 23 сент.
23. Немиров В. «Белый» низ, «чёрный» верх // КР. 2000. 29 июля.
24. Немиров В. Битва за яйца // КР. 2008. 26 апр.
25. Немиров В. В ожидании будущего или ностальгия по прошлому? // КР. 2001. 27 окт.
26. Немиров В. В поисках настоящего и особенного // КР. 2001. 22 дек.

27. Немиров В. Весентние мотивы // КР. 2010. 27 марта.
28. Немиров В. Весентняя лихорадка в стадии обострения // КР. 2007. 17 марта.
29. Немиров В. Весна какая выдалась, какие дни настали! // КР. 2000. 15 апр.
30. Немиров В. «Волшебники» изумрудного города // КР. 2001. 8 дек.
31. Немиров В. Вперёд в прошлое // КР. 2001. 20 окт.
32. Немиров В. Время вперёд и время назад // КР. 2001. 2 июня.
33. Немиров В. Время остановившейся работы // КР. 2009. 17 янв.
34. Немиров В. Вылазит червяк-сын и видит… // КР. 2001. 5 мая.
35. Немиров В. Городу кузнецов металл к лицу // КР. 2000. 4 нояб.
36. Немиров В. Град с оттягом // КР. 2001. 9 июня.
37. Немиров В. Да мы-то только «за» // КР. 2010. 24 апр.
38. Немиров В. Движущиеся восковые фигуры // КР. 2005. 3 дек.
39. Немиров В. Для сороконожки перелом ноги – не трагедия. Иное дело – для пешехода // КР. 2001. 27 янв.
40. Немиров В. Дороги ослов и людей // КР. 2001. 14 апр.
41. Немиров В. Досужие размышления о том, о сём, навеваемые ветром // КР. 2001. 13 окт.
42. Немиров В. Живу не с краю: всё вижу и знаю // КР. 2000. 8 июля.
43. Немиров В. Жильё-2000 для скворцов // КР. 2000. 8 апр.
44. Немиров В. За полчаса до весны // КР. 2001. 3 марта.
45. Немиров В. Загадай желание, и оно исполнится. Обязательно // КР. 2000. 29 апр.
46. Немиров В. И дым поросячьим хвостиком // КР. 2009. 14 февр.
47. Немиров В. И «небо в алмазах»… // КР. 2000. 23 дек.
48. Немиров В. И тема угадана // КР. 2009. 3 окт.
49. Немиров В. Индейское лето // КР. 2000. 16 сент.
50. Немиров В. «Индустрия» отдыха в состоянии комы // КР. 2001. 26 мая.
51. Немиров В. История одного плана // КР. 2000. 19 авг.
52. Немиров В. Кеша с улицы Заливной и другие кони и люди // КР. 2000. 25 нояб.
53. Немиров В. Когда о вкусах не спорят, это на руку безвкусице // КР. 2008. 12 апр.
54. Немиров В. Когда опускается ночь // КР. 2000. 9 дек.
55. Немиров В. Кого выберет завтра «птица счастья»? // КР. 2000. 9 сент.
56. Немиров В. Консервная банка с окурком // КР. 2010. 3 апр.
57. Немиров В. Конь-огонь Юрия Шлеманова // КР. 2001. 15 дек.
58. Немиров В. Короткое воспоминание накануне праздника // КР. 2001. 19 мая.
59. Немиров В. Куда они потом деваются // КР. 2009. 15 авг.
60. Немиров В. Кузнецких людей раденьем // КР. 2009. 4 июля.
61. Немиров В. «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал» // КР. 1999. 7 авг.
62. Немиров В. Левобережный узелок на память // КР. 2001. 24 февр.
63. Немиров В. Миллионы коту под хвост // КР. 2001. 21 июля.
64. Немиров В. Миссия перевыполнима // КР. 2008. 16 февр.
65. Немиров В. «Мы привыкли спать – не будите» // КР. 2000. 2 сент.
66. Немиров В. На фоне индустриального пейзажа // КР. 2007. 14 июля.
67. Немиров В. На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло // КР. 2001. 14 июля.
68. Немиров В. Наверное, это и есть нирвана // КР. 2009. 10 окт.
69. Немиров В. «Наполеон» не пережил зиму. Факт налицо // КР. 2001. 24 марта.
70. Немиров В. Нас уважают. И это приятно // КР. 1999. 15 июля.
71. Немиров В. Наша невестка всё трескает. Даже мёд и тот жрёт (народная поговорка) // КР. 2000. 6 мая.
72. Немиров В. Не всё, что сверху, от Бога // КР. 2001. 10 февр.
73. Немиров В. Не жалейте флагов // КР. 2001. 6 окт.
74. Немиров В. Не надо иллюстрировать «Sex-Shop»! // КР. 2001. 22 нояб.
75. Немиров В. Невозможность острова, или Чудо на десять минут // КР. 2010. 16 янв.
76. Немиров В. Непереписанный черновик // КР. 2001. 24 нояб.
77. Немиров В. Неподалёку от рая // КР. 2001. 1 дек.

78. Немиров В. Неподалёку от «рая» // КР. 2001. 23 июня.
79. Немиров В. «Но площади точно не будет» // КР. 2000. 25 марта.
80. Немиров В. Ночная жизнь глазами Таксы // КР. 2001. 28 апр.
81. Немиров В. Нужен ли индустриальному городу памятник машине? // КР. 2000. 4 марта.
82. Немиров В. О виртуальных медведях и человеческой памяти// КР. 2001. 21 апр.
83. Немиров В. О времени, сроках и часах // КР. 2001. 18 авг.
84. Немиров В. О здравом смысле и хорошем вкусе // КР. 2001. 11 авг.
85. Немиров В. О проспекте Энтузиастов. Без энтузиазма // КР. 2001. 10 марта.
86. Немиров В. О форме и её содержании // КР. 2001. 20 янв.
87. Немиров В. О чём мы помним и что уже забыли // КР. 2000. 22 апр.
88. Немиров В. О чём рассказывают стены // КР. 2000. 5 февр.
89. Немиров В. Оборотная сторона тоннеля, в стене которого захоронен его строитель // КР. 2001. 17 марта.
90. Немиров В. Огороды меж асфальта // КР. 2001. 28 июля.
91. Немиров В. Ограда как способ формирования городской среды и как зеркало душевных порывов // КР. 2000. 10 июня.
92. Немиров В. Одну из российских бед – плохие дороги – они взяли на себя // КР. 2000. 14 окт.
93. Немиров В. Острый запах предзимья // КР. 2007. 6 окт.
94. Немиров В. Патриотизм по регламенту // КР. 2001. 19 сент.
95. Немиров В. Первый наш День в новом столетии: взгляд назад и вперёд // КР. 2001. 30 июня.
96. Немиров В. Плохо не умеем, хорошо не получается // КР. 2000. 21 окт.
97. Немиров В. Площадь Ленина. Между собором и крематорием // КР. 2001. 3 нояб.
98. Немиров В. По воздуху и под землёй // КР. 2001. 22 сент.
99. Немиров В. По главной улице с оркестром // КР. 2009. 8 мая.
100. Немиров В. Почему сегодня Петя просыпался десять раз? Потому что нынче Петя поступает в первый класс // КР. 2001. 1 сент.
101. Немиров В. Правдивые истории нашего двора // КР. 2001. 31 марта.
102. Немиров В. Предновогодние сказки // КР. 2009. 28 нояб.
103. Немиров В. Привычка жить прилюдно // КР. 2000. 5 авг.
104. Немиров В. Про «Этюд» и «Наполеона» // КР. 2000. 28 окт.
105. Немиров В. Прогулка вдоль мёртвой реки // КР. 2000. 12 авг.
106. Немиров В. Пройдём по Достоевского // КР. 2001. 3 февр.
107. Немиров В. Пятница, тринадцатое… // КР. 2009. 14 нояб.
108. Немиров В. Рандеву у фонтана // КР. 2001. 8 сент.
109. Немиров В. Рост цен на мой любимый пломбир // КР. 2008. 31 мая.
110. Немиров В. Рыбки в банке // КР. 2000. 2 дек.
111. Немиров В. Сбой в программе // КР. 2008. 26 июля.
112. Немиров В. Сделайте мне красиво! // КР. 2000. 23 сент.
113. Немиров В. Сибирский валенок в переводе с французского // КР. 1999. 17 авг.
114. Немиров В. Скоро осенть. Бомжи надели шапки // КР. 2007. 25 авг.
115. Немиров В. Следы на асфальте, зарубки на сердце // КР. 2001. 4 авг.
116. Немиров В. Смотрюсь в тебя, как в зеркало // КР. 2001. 10 нояб.
117. Немиров В. Снежный рай // КР. 2000. 16 дек.
118. Немиров В. Тонкая связь поколений // КР. 2009. 20 июня.
119. Немиров В. Тошка с Береговой // КР. 2001. 29 дек.
120. Немиров В. Трава забвения // КР. 2001. 15 сент.
121. Немиров В. Три дня лета // КР. 2007. 16 июня.
122. Немиров В. Хочу ходить по чистому асфальту // КР. 2001. 17 нояб.
123. Немиров В. Хрен редьки не слаще // КР. 2007. 27 окт.
124. Немиров В. Чего о себе мы ещё не знаем? // КР. 2005. 3 сент.
125. Немиров В. Человек потребляет архитектуру // КР. 2001. 7 апр.
126. Немиров В. Чисто там, где метут // КР. 2010. 1 мая.

127. Немиров В. Чтобы чаще Господь замечал // КР. 2001. 25 авг.
128. Немиров В. Энергия доброй и недоброй воли // КР. 2009. 7 февр.
129. Немиров В. Это королева Виктория? Нет?! Но очень похожа… // КР. 2001. 7 июля.
130. Немиров В. Этот праздник в нашем сердце // КР. 2010. 8 мая.
131. Шипилова Т. Белая роза – эмблема надежды // КР. 2000. 30 мая.
132. Шипилова Т. «Гаретта» добывает металл. Истории // КР. 2000. 7 окт.
133. Шипилова Т. Заливная – с рыбой // КР. 2001. 12 мая.
134. Шипилова Т. Запах здесь, конечно, интересный // КР. 1992. 10 июля.
135. Шипилова Т. Коммунарка. В старой ситцевой косынке // КР. 2000. 26 февр.
136. Шипилова Т. На свалку свозят всё. Даже золото // КР. 2000. 3 июня.
137. Шипилова Т. Обитель скорби // КР. 1992. 26 июня.
138. Шипилова Т. Погода в доме начинается с подъезда // КР. 2000. 11 нояб.
139. Шипилова Т. «Подснежники» на обочине // КР. 2001. 17 февр.
140. Шипилова Т. Провалы «вечной» памяти // КР. 2000. 11 марта.
141. Шипилова Т. «Разбирайте чемоданы! Рейс отменяется…» // КР. 1992. 8 июня.
142. Шипилова Т. Разруха – признак достатка // КР. 1992. 18 сент.
143. Шипилова Т. Сапожки за… копейку // КР. 1992. 10 сент.
144. Шипилова Т. Сизый туман похож на обман // КР. 2000. 13 мая.
145. Шипилова Т. У «Наполеона» и «Сталевара» общее прошлое – гипс // КР. 2000. 19 февр.
146. Шипилова Т. Угроза бежит, защита не успевает // КР. 1992. 24 дек.
147. Шипилова Т. «Я бегу… А он не светит!» // КР. 2000. 17 июня.

Список текстов, эксплицирующих образ *города-сада*

1. Агни Л. «Предлагаю сквер обнести колючей проволокой…» // КР. 2014. 4 авг.
2. Анциферова С. Рассказ о «Кузнецкстрое». Легенды и будни // КР. 1999. 29 апр.
3. Астанина А. Город-сад или соцгород // КР. 2008. 4 дек.
4. Афузова Т. Возвращение музыки // КР. 2013. 14 сент.
5. Афузова Т. «...Создают люди труда» // КР. 1986. 18 марта.
6. Бабиков С. Вот новый поворот… Что он нам несёт? // КР. 2013. 25 июня.
7. Бабиков С. Тройной бюджет // КР. 2007. 29 нояб.
8. Басалаева И. «Новокузнецк: город на фронтире» // КР. 2011. 1 дек.
9. Берлин А. Рождение // КР. 1981. 15 янв.
10. Беседина З. Что сказал бы поэт? // КР. 1989. 27 сент.
11. Болотин С. «Я знаю, саду цвесть!» // КР. 1986. 3 июля.
12. Валиулин В. Город есть, а сад? // КР. 2006. 27 мая.
13. Валиулин В. Пусть цветёт сад // КР. 1995. 18 марта.
14. Валиулин В. Серебряным ключом откроется новый Новокузнецк // КР. 2010. 16 окт.
15. Валиулин В. Сон о светлом саде // КР. 1991. 29 июня.
16. Ващенкова Г., Белоусова О. …И культпоходы в кино // КР. 2005. 31 мая.
17. Воронова О. И будет город-сад // КР. 1987. 1 июля.
18. Вчера обмывали Маяковского // КР. 1997. 3 мая.
19. Выпова Т. Яркий лучик надежды // КР. 2009. 21 февр.
20. Головков А. Что, если усовершенствовать мир? // КР. 2012. 14 июня.
21. Головков А., Чипига Э. Город-сад. Версия нового времени // КР. 1996. 21 сент.
22. Гончаренко Л., Демидова Е. Сказка против копоти и грязи // КР. 2008. 5 июня.
23. Город-сад опять на горизонте // КР. 1996. 26 нояб.
24. Гревнёв М. Город как город… Жить здесь можно // КР. 2008. 12 янв.
25. Денисов А. «Здесь будет город-сад» – второе издание // КР. 2010. 19 окт.
26. Денисов А. и др. Два дня из жизни длиною в 390 лет // КР. 2008. 8 июля.
27. Денисов А. и др. День рождения, день творчества, день скандалов… // КР. 2012. 3 июля.
28. Душковая О. Добрые дела Героя труда // КР. 2006. 14 сент.
29. Зайкова-Головина М.И. «Я знаю – город будет…» // КР. 2010. 20 мая.

30. И город теперь есть! // КР. 1987. 13 авг.
31. Иванов Ю. «Здесь будет город-сад…» // КР. 1980. 8 июля.
32. Казанцева М. Брейк-битвы в кругу осведомлённых // КР. 2011. 3 марта.
33. Ким И. Продолжение следует! // КР. 2009. 22 янв.
34. [Конкурс фотографий] // КР. 1995. 11 февр.
35. Коньков В., Долинский Е. Не к лицу такому городу тонуть в мусоре // КР. 2005. 12 мая.
36. Королёв В. Поэт сказал не зря: «Здесь будет город-сад» // КР. 2005. 18 авг.
37. Кунгурцев В. Осуществление мечты // КР. 1993. 17 июля.
38. Ларин В. О производителях «первой свежести» // КР. 2011. 17 нояб.
39. Липилина Е. Непривычные экспонаты // КР. 2006. 3 июня.
40. Мартаев С. Горячий металл города-сада // КР. 1996. 24 февр.
41. Минеева Т. Где же цветущий сад? // КР. 1989. 29 июля.
42. Михайлов С. «Вылазки» в старую архитектуру // КР. 2011. 13 авг.
43. Михайлов С. Живая и мёртвая вода истории // КР. 2007. 14 июня.
44. Михайлов С. Листая памяти тетрадь // КР. 2013. 15 дек.
45. Михайлов С. О буржуазном филистерстве // КР. 2011. 30 июля.
46. Михайлов С. «Улица имени…» // КР. 2014. 20 дек.
47. Мустафин Ю. …Здесь будет город-сад // КР. 1991. 12 окт.
48. Мухин П. Город есть, а сада – нет // КР. 1988. 4 июня.
49. Мысливцева Г. Окно в Сибирь // КР. 2003. 27 мая.
50. Наш город на рубеже столетий. …Я знаю – саду цвесть! // КР. 2001. 27 марта.
51. Не забывайте о правах // КР. 2007. 26 июля.
52. Немиров В. В ожидании будущего или ностальгия по прошлому? // КР. 2001. 27 окт.
53. Немиров В. «Для чего человеку душа» // КР. 2009. 12 нояб.
54. Немиров В. О времени, которое говорит о себе // КР. 2002. 2 нояб.
55. Немиров В. [Прогулки по городу] // КР. 2010. 17 июня.
56. Немиров В. [Прогулки по городу] // КР. 2012. 21 июня.
57. Осипова О. Да будет город-сад! // КР. 2011. 11 авг.
58. Оченев Е. Город и сад // КР. 1984. 3 июля.
59. Павленко А. В столицу – за профессиональным ростом? // КР. 2014. 19 окт.
60. Павлов В., Валиулин В. Город-сад или город-универсам? // КР. 2000. 2 марта.
61. Паничкин В. Большая Кузнецкая котловина // КР. 2014. 21 сент.
62. Паничкин В. Вот здесь-то и будет город-сад! // КР. 1998. 19 мая.
63. Паничкин В. «Я знаю – саду цвесть» // КР. 1997. 27 дек.
64. Парамонова Е. «Город-сад» – «Город-сталкер» // КР. 1996. 6 июля.
65. Паршуков Е. О тебе, мой город-сад! // КР. 1984. 2 марта.
66. Паутова С. Город стынет, город будет стыть // КР. 1996. 24 окт.
67. Паутова С. Мы хотим жить в «городе-саде» // КР. 1993. 10 авг.
68. Петрова Т. Здесь, у гривы Старцевой… // КР. 2007. 12 июля.
69. Победоносцева Г.П. и др. Уничтожать сквер – преступление! // КР. 2011. 17 марта.
70. Полякова Э. Редаковские яблоки // КР. 2004. 23 окт.
71. Прокопович. В глазах – азарт, в руках – лопата // КР. 2006. 3 июня.
72. Прокопович В. Есть такая профессия – город озеленять // КР. 2008. 9 авг.
73. Прокудин Р. Кругом пеньки, а не новые ростки // КР. 2008. 29 марта.
74. Пусть будет город-сад // КР. 1983. 4 июня.
75. Пусть будет город-сад // КР. 1984. 18 мая.
76. Речицкий В. Хорошо бы говорить только о хорошем, или «Свет мой, зеркальце, скажи» // КР. 2010. 30 марта.
77. Рощенко А. Мы знаем – город есть! // КР. 1981. 23 мая.
78. Рыбалко С. «Здесь будет просто сад», – решили первые садоводы КМК и сдержали слово // КР. 1995. 18 июля.
79. Саббакин Г. «По гудку мы просыпались, до гудка работали» // КР. 2008. 19 июня.
80. Сербин Б. Для блага людей // КР. 2005. 17 сент.
81. [Служба новостей] // КР. 2004. 8 апр.

82. Сницкая А. Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещён // КР. 2013. 2 июля.
83. Создавая город-сад // КР. 1980. 12 февр.
84. Соколухин Г. [Прогулки по городу] // КР. 2010. 20 мая.
85. Соколухин Г. Разноязычие, или «Поле мерцающих смыслов»? // КР. 2007. 28 апр.
86. Стахович М. Дети АРБАТа // КР. 2006. 23 сент.
87. Стахович М. Здесь будет город-сад? // КР. 1995. 20 мая.
88. Стахович М. Из города-ада в город-сад // КР. 1993. 10 марта.
89. Тельминова К. Пропуск в город-сад // КР. 2009. 23 июля.
90. Тивяков С.Д. Город-сад // КР. 1983. 23 марта.
91. Тиунов А. Слово и дело // КР. 2008. 17 авг.
92. Тюрина Т. Слова поэта да Богу в уши // КР. 2012. 19 мая.
93. Ханмагомедова А. «Хлебом единым жив нынче не один миллион трудящихся» // КР. 2003. 8 нояб.
94. Часовских В. И сын за отца ответил // КР. 2007. 1 марта.
95. Черновол З. Я знаю… город будет? // КР. 1995. 19 авг.
96. Челышев Б. История одного поиска // КР. 1983. 14 июля.
97. Шахабутдинова А. Приходите, не пожалеете! // КР. 2010. 1 июля.
98. Шпрингер А. Человек-загадка // КР. 2008. 13 нояб.
99. Штиль С. «Их приход вселяет надежду» // КР. 2006. 15 июля.
100. Штиль С. Мы нужны друг другу, факт! // КР. 2006. 24 окт.
101. Я знаю, саду – цвесть // КР. 1994. 25 янв.
102. Эмих Т. Наш человек // КР. 2009. 11 июля.

Список текстов, посвящённых теме «Новокузнецк металлургический»

1980 – март 1985 г.

1. Александров К. Пятёрка за сталь // КР. 1981. 21 янв.
2. Афанасьева В. «Стальное сердце Сибири» // КР. 1982. 3 апр.
3. Барсуков С. Горячие тонны проката // КР. 1982. 6 янв.
4. Барсуков С. Сталь Запсиба // КР. 1982. 14 апр.
5. Барсуков С. Чугун обновлённой домны // КР. 1984. 24 апр.
6. Барсуков С. Чугун первой плавки // КР. 1981. 7 февр.
7. Белобородова В., Белокуров А., Гревнёв М. Рельсы дружбы // КР. 1982. 3 апр.
8. Белокуров А. Молодые творцы металла // КР. 1982. 2 апр.
9. Беркович М. Как ломают рельсы // КР. 1985. 30 янв.
10. Беркович М. КМК: вернуть утраченные позиции // КР. 1981. 13 янв.
11. Беркович М. Металлурги: время – делу! // КР. 1983. 12 янв.
12. Беркович М. Металлурги: крепить дисциплину // КР. 1982. 12 янв.
13. Беркович М. Прочная сталь Запсиба // КР. 1981. 28 нояб.
14. Беркович М. Сталь кузбасской мартаки // КР. 1983. 3 июня.
15. Берлин А. Сталь Победы // КР. 1981. 21 февр.
16. Беседина З. Перед плавкой // КР. 1981. 1 нояб.
17. Бузник Г. (г. Запорожье). Творцы крылатого металла // КР. 1983. 2 авг.
18. Быков С. Сталь идёт! // КР. 1980. 12 авг.
19. Быков С. Трудные тонны // КР. 1981. 2 июля.
20. Быков С. Чувство металла // КР. 1983. 23 марта.
21. Высоцкая Т. Поэзия мартенов и домен // КР. 1983. 9 июля.
22. Гаранин А. Кто проведёт юбилейную плавку // КР. 1981. 20 марта.
23. Гревнёв М. Сверхплановая сталь // КР. 1982. 11 марта.
24. Гуляев И. Сталевары: настроение боевое // КР. 1982. 20 февр.
25. Демьянов В. Что может сталевар? // КР. 1982. 31 дек.

26. Денисов Е. Стране – пионерская сталь // КР. 1983. 24 мая.
27. Долг и честь кузнецких металлургов // КР. 1980. 19 июля.
28. Ерлашов С. Весь жар и крепость… // КР. 1983. 11 авг.
29. Здесь варят сталь // КР. 1980. 7 нояб.
30. Ишимцев Б. К юбилейной плавке // КР. 1982. 16 марта.
31. Каркавина Н., Ерёмин В. Всесоюзная плавка дружбы // КР. 1982. 26 нояб.
32. Коган Е. Металл фронту // КР. 1985. 24 янв.
33. Люди и сталь // КР. 1984. 7 нояб.
34. Металл для народного хозяйства // КР. 1983. 20 сент.
35. Немиров В. Металлурги держат слово // КР. 1980. 22 февр.
36. Ошуркова Л. Не металлом единым // КР. 1982. 8 марта.
37. Полоцкий А. (АПН). Сталь и розы // КР. 1983. 14 июля.
38. Рачков В. Профессия – сталевар // КР. 1984. 19 июля.
39. Рачков В. Прочная сталь // КР. 1981. 5 февр.
40. Сверхплановая сталь // КР. 1982. 10 марта.
41. Семёнова В. Здесь варят сталь // КР. 1980. 12 июня.
42. Скороходов В. Прочность кузнецких рельсов // КР. 1982. 29 дек.
43. Сорокин А. Сталь – по заказам! // КР. 1980. 5 дек.
44. Сталь Запсиба // КР. 1981. 1 июля.
45. Сталь Запсиба // КР. 1985. 12 февр.
46. Творцы металла // КР. 1982. 17 июля.
47. Трофимова С. Сверхплановый чугун // КР. 1982. 1 июля.
48. Хлеб и сталь (ТАСС) // КР. 1984. 1 авг.
49. Черновол З. До первой плавки осталось // КР. 1980. 1 окт.
50. Черновол З. Пульс «КМК–1» // КР. 1981. 11 сент.
51. Шептенко Л. Мастер кузнецкой стали // КР. 1981. 7 окт.
52. Шипилова Т. В бой за металл // КР. 1984. 5 сент.
53. Шипилова Т. О молодости, домне и семье // КР. 1982. 5 авг.

Апрель 1985 – январь 1987 г.

54. Антонов. «Посуда» для горячей стали // КР. 1986. 6 июля.
55. Афузова Т. «...Создают люди труда» // КР. 1986. 18 марта.
56. Беркович М. Дыши, домна! // КР. 1986. 11 окт.
57. Беркович М. Плавка памяти // КР. 1985. 8 мая.
58. Беркович М. Сталь 12-ой пятилетки // КР. 1986. 16 апр.
59. Беркович М. Сталь для села // КР. 1986. 9 дек.
60. Беркович М. Сталь по-запсибовски // КР. 1986. 6 февр.
61. Беркович М. Сталь по-запсибовски // КР. 1986. 29 июля.
62. Беркович М. Сталь сорок первого // КР. 1985. 9 мая.
63. Беркович М. Первая комсомольская сталь // КР. 1985. 14 дек.
64. Григорьева Л. У истоков металла // КР. 1986. 8 марта.
65. Дирижёр плавки // КР. 1986. 16 янв.
66. Для города металлургов // КР. 1986. 31 окт.
67. Зеленчуков М. Пионерская плавка // КР. 1986. 27 мая.
68. Канаев Ю. Чтобы прочнее был металл // КР. 1986. 29 окт.
69. Качество кузнецкой стали // КР. 1985. 23 окт.
70. Металлург по призванию // КР. 1986. 16 авг.
71. Солонов Н. Вся сталь – по заказам // КР. 1986. 7 янв.
72. Сталь пятилетки // КР. 1986. 14 авг.

73. Сталь – строго по заказу // КР. 1986. 23 июля.
74. Творцы крылатого металла // КР. 1986. 19 июля.
75. Черновол З. Возрождение домны // КР. 1986. 6 сент.

Февраль 1987 – 1988 г.

76. Барсуков С. Идёт мирная сталь // КР. 1987. 21 апр.
77. Барсуков С., Денисов Е. Чтобы сварить добротную сталь // КР. 1987. 13 мая.
78. Беркович М. Доменщики // КР. 1987. 7 окт.
79. Беркович М. Металлургия: день грядущий // КР. 1988. 17 мая.
80. Беркович М. Эта сложная сталь // КР. 1988. 31 марта.
81. Богачев В. У жарких мартенов // КР. 1987. 21 июля.
82. Гринберг В. Металл – высшим сортом // КР. 1987. 26 мая.
83. Гринберг В. Металлурги из братской Польши // КР. 1988. 15 дек.
84. Ильичёв В. Металлургам страны // КР. 1988. 1 дек.
85. Михайлова Т. Идут составы с металлом // КР. 1987. 14 мая.
86. С праздником, металлурги! // КР. 1988. 16 июля.
87. Солонов Н. Сталь по заказу // КР. 1988. 19 янв.
88. Сталь по заказам // КР. 1987. 6 марта.
89. Сталь сверх плана // КР. 1987. 5 нояб.
90. Строго по заказам // КР. 1987. 3 февр.
91. Целуйков В. Тепло горячего металла // КР. 1988. 26 янв.
92. Черновол З. Они были первыми // КР. 1987. 2 июля.

1989–1990 гг.

93. Авдеев В. КМК: многоцелевой полигон // КР. 1989. 23 нояб.
94. Антонов А. Горячие миллионы // КР. 1990. 11 апр.
95. Барсуков С. Потерянные миллионы // КР. 1989. 3 янв.
96. Барсуков С. Рельсы с маркой КМК… // КР. 1990. 25 окт.
97. Барсуков С. Шагнул компьютер к металлургам // КР. 1990. 25 сент.
98. Беркович М. Истоки железной реки // КР. 1990. 15 нояб. – 30 нояб.
99. Беркович М. Цвет горячего чугуна // КР. 1989. 25 апр.
100. Епишин С. Сталь по-запсибовски // КР. 1989. 10 янв.
101. Каркавина. Тринадцать горячих лет // КР. 1990. 22 нояб.
102. Кузнецов А. и др. Цена металла // КР. 1989. 7 марта.
103. Лобов В. На доменной… // КР. 1990. 5 янв.
104. Металлургия города. Какой ей быть? // КР. 1989. 23 июня.
105. Паутова С. КМК: выжить или умереть? // КР. 1989. 19 сент.
106. Паутова С., Беркович М. Металлургия города. Какой ей быть? // КР. 1989. 4 мая.
107. Печь стоит // КР. 1990. 31 июля.
108. Прохорова Е. Цена металла и затраты на экологию // КР. 1989. 7 апр.
109. Сморгова. Дефицитный металл? // КР. 1990. 7 авг.
110. Черепанов К. Цена новых решений // КР. 1990. 14 апр.
111. Черновол З. Выиграли не только металлурги // КР. 1990. 28 сент.
112. Черновол З. Металлурги вооружают медиков // КР. 1990. 4 июля.

1991 г.

113. Белокуров А. Город и комбинат: перейдём на новые рельсы // КР. 1991. 12 дек.
114. Беркович М. Броня сибирской пробы // КР. 1991. 20 июня.

115. Завтра – День металлурга // КР. 1991. 20 июля.
116. Книги для металлургов // КР. 1991. 17 мая.
117. Кузнецкий чугун – на валюту. Валюту – на кузнецкий чугун // КР. 1991. 27 дек.
118. Паринов В. Слово о «железном брате» Кузнецкстроя // КР. 1991. 20 нояб. – 21 нояб.
119. Санаров А. Пушистая продукция металлургов // КР. 1991. 22 мая.

1992–1995 гг.

120. Антонов А. И сталевары, и прокатчики // КР. 1992. 18 июля.
121. Зеленчуков М. На ЗСМК нет безработицы // КР. 1993. 26 янв.
122. Зеленчуков. Страшные сказки металлургического гиганта // КР. 1993. 27 нояб.
123. К 50-летию алюминиевого завода. Фоторепортаж // КР. 1992. 21 нояб.
124. Кауфман А. Первые шаги русских на Кузнецкой земле // КР. 1994. 12 февр.
125. Кислицына М. Эта дорога ведёт не только к заводской трубе, но и в люди // КР. 1995. 27 апр.
126. Ковякина В. Время тревог и надежд // КР. 1992. 3 апр.
127. Не металлом единым // КР. 1995. 16 мая.
128. Немиров В. Почему самолёты не делают деревянными // КР. 1992. 28 нояб.
129. Паутова С. Жизни и судьбы – вместе с Запсибом // КР. 1994. 23 июля.
130. Паутова С. Как поставить на колени «гигантов»… // КР. 1995. 3 окт.
131. Паутова С. Люди крепче металла… // КР. 1995. 15 июля.
132. Паутова С. Сокращения на ЗСМК: где «дым» и где «огонь»? // КР. 1992. 22 июля.
133. Проблемы металлургического гиганта // КР. 1994. 4 авг.
134. Раус В. Преображённый Питтсбург (журнал «Америка», апрель 1992 г.) // КР. 1992. 18 июля.
135. Рельсы с мартакой КМК // КР. 1992. 31 дек.
136. Речицкий В. Хотим в побратимы Питтсбурга. Он тоже не отказывается // КР. 1992. 5 дек.
137. Симфония рождения металла… // КР. 1994. 30 июня.
138. Стахович М. Запсиб и КМК заметили «золушку». Но превратить её в принцессу не в силах // КР. 1995. 6 июля.
139. Стахович М. Из городов выбран Новокузнецк, из предприятий – металлургические гиганты // КР. 1994. 27 окт.
140. Стахович М. Откуда ждать попутного «металлического» ветра? // КР. 1994. 24 дек.
141. Стахович М. Стальной хлеб Новокузнецка // КР. 1994. 14 дек.
142. Степанова С. Вторая жизнь домны: какой она будет? // КР. 1995. 27 июня.
143. Степанова С. КМК: подписан контракт с македонцами // КР. 1992. 6 окт.
144. Хаузер М. Три «Ренессанса» Питтсбурга // КР. 1993. 8 июня.
145. Цифры и факты (к юбилею КМК) // КР. 1992. 3 апр.
146. Что общего между Киркоровым, рельсами КМК и Австралией? // КР. 1993. 2 сент.
147. Шаров Г. Во глубине сибирских руд // КР. 1994. 15 марта.

1996–1999 гг.

148. Анатольев В. Мы – кузнецы. И этим всё сказано // КР. 1999. 17 июля.
149. Андреев К. Есть чугун – будет и прибыль // КР. 1998. 25 дек.
150. Андреев К. Истоки железной реки // КР. 1999. 22 мая.
151. Андреев К. Рельсы будем менять на высшем уровне // КР. 1999. 25 марта.
152. Андреев К. Стальной поток длиною в четверть века // КР. 1999. 1 мая.
153. Андреев К., Анатольева С. Мы гордимся тобой, Запсиб // КР. 1999. 29 июля.
154. Анциферова С. Память индустриального сердца // КР. 1999. 13 апр.
155. Архипова Н. Поезда в стране ездят по кузнецким рельсам // КР. 1997. 27 дек.

156. Берлин А. Революция в металлургии возможна… в Новокузнецке // КР. 1996. 11 апр.
157. Валиулин В. Мы можем открыть новую эпоху в жизни города // КР. 1997. 1 апр.
158. Васильева Н. Город и комбинат – едины в прошлом и будущем // КР. 1997. 3 апр.
159. Готова Н., Натаров О. («Интерфакс»; «Сегодня», 6 авг. 1996 г.). Государство бросило Запсиб в сети Кредобанка // КР. 1996. 14 сент.
160. Завтра – День металлурга! // КР. 1996. 20 июля.
161. Иванова Н. Рельсы без ванадия // КР. 1997. 11 нояб.
162. Карунос А. Меняем вагон рельсов на вагон мяса // КР. 1999. 18 сент.
163. Карунос А. Металл из пыли? Реально // КР. 1998. 25 апр.
164. Карунос А. Пик жизненного цикла железа прошёл. А наш? // КР. 1998. 9 июня.
165. Ким И. «Стальные» женщины Запсиба // КР. 1999. 17 июля.
166. Логинов А. Как закалялась сталь // КР. 1999. 17 июля.
167. Логинов А. Чугунные кружева // КР. 1999. 26 окт.
168. Люди гибнут за металл? // КР. 1997. 5 июля.
169. Мартаев С. Горячий металл города-сада // КР. 1996. 24 февр.
170. Паутова С. …А расхлёбывать всё будут город и Кузбасс // КР. 1997. 3 июня.
171. Паутова С. КМК: пока все войны выиграны // КР. 1997. 21 авг.
172. Паутова С. Лучший металл и лучшие девушки – в Новокузнецке // КР. 1997. 5 июня.
173. Паутова С. Натовцы в городе: «Мы глаза и уши своих правительств» // КР. 1997. 20 февр.
174. Паутова С. Металл остаётся валютой // КР. 1996. 17 окт.
175. Паутова С. «Рельсовая война» – будет ли продолжение? // КР. 1996. 25 июня.
176. Паутова С. Решается судьба комбинатов: быть или не быть? // КР. 1997. 8 февр.
177. Паутова С. С днём рождения, цех! С днём рождения, комбинат! // КР. 1997. 4 апр.
178. Первенцу сибирского алюминия 55 лет // КР. 1998. 6 янв.
179. [Поздравление металлургам] // КР. 1999. 17 июля.
180. [Поздравление с юбилеем КМК] // КР. 1997. 3 апр.
181. Прокопович В. Московские кашпировские и Запсиб // КР. 1998. 17 дек.
182. Прохоров В. Битва за металл: «московский» залп // КР. 1999. 26 июня.
183. Пятая домна обновилась // КР. 1999. 4 дек.
184. Рельсы, не боящиеся мороза // КР. 1996. 2 июля.
185. С Днём металлурга, земляки! // КР. 1997. 19 июля.
186. С тридцатипятилетием, Запсиб! // КР. 1999. 27 июля.
187. Савицкая Л. Банкроты не металлурги, а государство // КР. 1997. 8 февр.
188. Савицкая Л. …Это прекрасное и яростное время // КР. 1999. 3 апр.
189. Садова Е. «Золото» Запсиба // КР. 1996. 20 июля.
190. Стахович М. Домна тоже хочет есть // КР. 1998. 31 окт.
191. Стахович М. Новокузнецк и Питтсбург – братья, но не близнецы // КР. 1996. 23 мая.
192. Стахович М. Российская сталь ищет место под солнцем за хорошую цену // КР. 1998. 24 сент.
193. Стахович М. Ситуация на АО «КМК»: захват или закон? // КР. 1996. 20 февр.
194. Стахович М. Сокращения в металлургии как бы есть, но их как бы нет // КР. 1999. 6 февр.
195. Степанов Ф. Как закалялась сталь // КР. 1999. 6 апр.
196. Степанова Н. Наши танки были быстры, а броня их так крепка // КР. 1997. 20 марта.
197. Телегин Н. Рельсам КМК предстоит экзамен // КР. 1997. 1 апр.
198. Шипилова Т. «Всё было неожиданно ново…» // КР. 1997. 10 апр.
199. Шипилова Т. «Крепкие орешки» династии Гермаш // КР. 1999. 13 апр.
200. Шипилова Т. «Сталевары» оденутся в чугунные робы // КР. 1999. 27 февр.
201. Шипилова Т. Танки пошли под нож // КР. 1997. 20 февр.
202. Это ваша жизнь и будущее города! // КР. 1998. 18 июля.

2000-е гг.

203. Анциферова С. Как по рельсам // КР. 2001. 30 янв.
204. Анциферова С. Кто вылечит индустриальное сердце? // КР. 2000. 11 апр.
205. Анциферова С. На новые рельсы! // КР. 2002. 19 окт.
206. Анциферова С. Тёмное будущее чёрной металлургии // КР. 2001. 13 окт.
207. Бабиков С. Будущее КМК и Запсиба всё очевиднее // КР. 2001. 17 июля.
208. Бабиков С. Как загибалась «Сталь» // КР. 2006. 9 нояб.
209. Бабиков С. Сталевары, вперёд! // КР. 2006. 12 дек.
210. Бабиков С. «Сталь» – в металлолом, сталеваров – на биржу? // КР. 2007. 15 марта.
211. Берестова М. Рельсы под контролем // КР. 2010. 31 авг.
212. Валиулин В. Время тушить мартены // КР. 2001. 14 июля.
213. Валиулин В. Варить сталь из отходов // КР. 2006. 24 янв.
214. Валиулин В. Как защищалась сталь // КР. 2004. 30 окт.
215. Валиулин В. Писатели Новокузнецка // КР. 2004. 10 авг.
216. Волынкина Е. Стремясь в будущее, хранят историю // КР. 2012. 10 окт.
217. Гореславский А. Стальной шум (газета «Версия», 18–24 апр. 2000 г.) // КР. 2000. 25 апр.
218. Городецкая М. «Огнедышащий» гигант, рождённый в год Дракона // КР. 2000. 27 июля.
219. Гревнёв М. Стальная драма: в ожидании развязки // КР. 2001. 10 нояб.
220. Данилов П. Новокузнецк может стать центром стали России // КР. 2006. 27 апр.
221. Карунос А. Железная чересполосица // КР. 2001. 14 июля.
222. Карунос А. Истоки успеха // КР. 2001. 30 июня.
223. Карунос А. Чугун надо уважать // КР. 2001. 26 июля.
224. Ким И. Так закалялась сталь умов и сердец // КР. 2000. 4 мая.
225. Кириллов А. Межведомственные стыки на рельсах // КР. 2012. 16 апр.
226. Кириллов А. Откуда рельсы тянутся // КР. 2014. 15 окт.
227. Краснова А. Победная сталь мартенов, победная сталь сердец // КР. 2000. 9 мая.
228. Кузнецкие рельсы для Германии («Служба новостей») // КР. 2014. 28 июня.
229. Михайлов С. Наша сталь превосходила немецкую // КР. 2011. 7 мая.
230. Морозова О. Рождение стали // КР. 2001. 20 янв.
231. На длинные рельсы («Служба новостей») // КР. 2009. 19 дек.
232. На длинные рельсы («Служба новостей») // КР. 2013. 15 нояб.
233. Немиров В. В ожидании будущего или ностальгия по прошлому? // КР. 2001. 27 окт.
234. Немиров В. Городу кузнецов металл к лицу // КР. 2000. 4 нояб.
235. Немиров В. Миллионы коту под хвост // КР. 2001. 21 июля.
236. Пард Л. Запсиб. Тайна железного века // КР. 2000. 6 апр.
237. Плахин Т. Рельсы рельсам рознь // КР. 2014. 22 окт.
238. Прокопович В. Не рельсом единым // КР. 2003. 16 сент.
239. Протопопов Е. Учение о стали // КР. 2000. 29 апр.
240. Рудаев Б. Заворожила магия огня // КР. 2000. 4 марта.
241. С Днём металлурга! // КР. 2000. 15 июля.
242. С днём рождения, Запсиб! // КР. 2000. 27 июля.
243. Сницкая А. Кузнецкий рельс: всё впереди // КР. 2013. 4 апр.
244. Старик мартен встаёт с колен // КР. 2000. 29 янв.
245. Стахович М. На рельсах пока стоим крепко // КР. 2010. 2 нояб.
246. Стахович М. «Подушки» под рельсы и другие «запчасти» диверсификации // КР. 2010. 31 авг.
247. Субач О. Стальной «хвост» // КР. 2011. 29 сент.
248. Субботина С. КМК: в новый век – с надеждой // КР. 2000. 23 дек.
249. Субботина С. Тридцать один миллион к юбилею // КР. 2001. 28 апр.

250. Ударили в рельс («Служба новостей») // КР. 2014. 9 окт.
251. Чагин Н. Новые виды рельсовой продукции ЕВРАЗ ЗСМК // КР. 2014. 19 авг.
252. Штиль С. Здесь рождается крылатый металл // КР. 2001. 12 июля.
253. Эмих Т. «…хозяйствовать постройкой металлургического завода» // КР. 2008. 26 июля.

Список текстов, посвящённых теме «Достоевский в Кузнецке»

1. Анциферова С. Благоустройство улиц и душ // КР. 2001. 14 июня.
2. Ащеулова Т. Каким быть музею писателя? // КР. 1995. 10 авг.
3. Баташева Л. По следам сибирских святых // КР. 2001. 29 сент.
4. Басалаева И. «Новокузнецк: город на фронтире» // КР. 2012. 1 дек.
5. Бондаренко О. Ф.М.Достоевский. Издатель, критик, публицист // КР. 1996. 11 июня.
6. Бондаренко О. «Человек есть тайна…» // КР. 1996. 21 сент.
7. Валиулин В. А тюрьма может и исчезнуть // КР. 2011. 29 янв.
8. Валиулин В. Венца кузнецкого сияние // КР. 2010. 11 февр.
9. Валиулин В. Год Достоевского в Новокузнецке // КР. 2010. 11 нояб.
10. Валиулин В. Достойные есть // КР. 2010. 9 сент.
11. Валиулин В. Краеведы начинают действовать // КР. 2010. 18 дек.
12. Валиулин В. Кто придумал курьи ножки? // КР. 2009. 12 июня.
13. Валиулин В. Музеи и город // КР. 2011. 23 апр.
14. Валиулин В. Музей на улице Достоевского // КР. 1992. 12 марта.
15. Валиулин В. Новокузнецком привыкну гордиться… // КР. 2009. 3 дек.
16. Валиулин В. Певец Сибири // КР. 1994. 25 окт.
17. Валиулин В. Подступая к метафизике города // КР. 2009. 12 марта.
18. Валиулин В. Три ступени к Толстому // КР. 2010. 22 нояб.
19. Валиулин В. Что есть бессмертие? // КР. 1996. 3 окт.
20. Волчек В., Тогулев В. Письма иерея // КР. 1992. 13 февр.
21. Гниденко С. Всё о «кузнецком периоде» // КР. 1996. 5 нояб.
22. «Зелёные» предлагают «ландшафтный парк». Власти их поддерживают // КР. 1996. 19 марта.
23. Зырянова С. Вечер посвятили роману классика // КР. 2004. 18 нояб.
24. Инов В. История любви // КР. 2010. 11 нояб.
25. Казьмина Е. Двадцать два дня из жизни Достоевского // КР. 2008. 1 марта.
26. Каменева Н. Далёкое близкое // КР. 2007. 22 марта.
27. Каменева Н. Достоевский в Кузнецке // КР. 2006. 23 нояб.
28. Киреева Т. О чьей истории идёт речь? // КР. 2011. 26 мая.
29. Кожемякина К., Ягунова И.. Где жил писатель // КР. 1987. 11 июля.
30. Колядич Е. Имя святое и драгоценное // КР. 2008. 22 нояб.
31. Кто поможет музею? // КР. 1996. 25 июля.
32. Лычагин М. Музей писателя живёт // КР. 1981. 11 нояб.
33. Лычагин М. Наша гордость – дом Ф.М. Достоевского // КР. 1988. 6 янв.
34. Малькова Н. Дом Достоевского: забвения быть не может // КР. 1994. 2 июня.
35. Мальковец Н. Всё о Достоевском // КР. 1986. 28 нояб.
36. Мальковец Н. Год Достоевского // КР. 1990. 16 янв.
37. Мальковец Н. Кто поможет истории // КР. 1989. 4 июля.
38. Миллион с доставкой на дом [Служба новостей] // КР. 2007. 27 дек.
39. Михайлов С., Сахаревич Г., Николаева Т. Достоевский жив // КР. 2012. 16 февр.
40. Михайлова Т. «Кузнецкий венец»: ещё одна интерпретация // КР. 1996. 12 нояб.
41. На экскурсию к Достоевскому // КР. 2010. 11 нояб.
42. Некрич Ю. Зона памяти // КР. 1981. 20 февр.
43. Некрич Ю. Улица Достоевского, 40 // КР. 1980. 22 мая.
44. Немиров В. Дом хозяином держится // КР. 2001. 6 нояб.

45. Немиров В. На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло // КР. 2001. 14 июля.
46. Немиров В. О виртуальных медведях и человеческой памяти // КР. 2001. 21 апр.
47. Немиров В. Пройдём по Достоевского // КР. 2001. 3 февр.
48. Немиров В. Сквозь призму юбилейных лет // КР. 2012. 28 янв.
49. Никонова Л. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // КР. 1991. 31 окт.
50. Никонова Л. Достоевский, прочитанный художником // КР. 1986. 20 нояб.
51. Никонова Л. Кузнецкий венец // КР. 1986. 1 февр.
52. Никонова Л. «Событий давних след» // КР. 1996. 13 июля.
53. Ночка А. «В отдалённых краях Сибири…» // КР. 2010. 13 нояб.
54. Ночка А., Смолякова С. Каждому своё // КР. 2012. 4 февр.
55. Обломович Д. С утра до ночи 11.11.2011 г. // КР. 2011. 8 нояб.
56. Оленин В. Иная судьба города // КР. 1997. 24 мая.
57. Опровержение // КР. 1997. 1 апр.
58. Откидач В. О Достоевском кистью и резцом // КР. 1981. 17 марта.
59. Павлов Ю. Писатель и декабристы // КР. 1981. 6 нояб.
60. Паничкин В. На пути к возрождению // КР. 1991. 6 марта.
61. Потогонов Н. Оставившим память о себе // КР. 2012. 16 февр.
62. После критики в «Кузнецком рабочем». «Гордость – дом-музей Ф.М. Достоевского» // КР. 1987. 31 дек.
63. Савицкая Л. Венца кузнецкого сияние // КР. 1996. 5 сент.
64. Савицкая Л. Лет до ста нам расти без старости // КР. 1996. 5 марта.
65. Самуткина Т. Событие неординарное // КР. 2011. 19 нояб.
66. Свиридова А. Все мысли о нём // КР. 2005. 24 дек.
67. Свиридова А. Достоевский ещё не прочитан // КР. 2006. 21 окт.
68. Сербин Л. Кузнецкие дни Фёдора Достоевского // КР. 1995. 28 янв.; 4 февр.; 11 февр.; 18 февр.
69. Сергеева К. Достоевский до и после Кузнецка // КР. 2005. 12 марта.
70. Соколухин Г. Достоевский бессмертен! // КР. 2012. 26 янв.
71. Татарская Е. Как Достоевский вошёл в мою жизнь // КР. 2005. 30 июля.
72. Трухан Е. Графический мир «Записок из Мёртвого дома» // КР. 2011. 22 дек.
73. Трухан Е. Достоевский становится ближе // КР. 2010. 7 окт.
74. Трухан Е. Евангелие Достоевского // КР. 2011. 3 марта.
75. Трухан Е. Затейливой рукой и добрым мудрым сердцем // КР. 2012. 2 февр.
76. Трухан Е. Классическая остановка // КР. 1995. 9 нояб.
77. Трухан Е. Кузнецкие дни // КР. 2011. 8 нояб.
78. Трухан Е. Ночь в старом Кузнецке // КР. 2011. 24 нояб.
79. Трухан Е. О единственном письме Достоевского в Кузнецк // КР. 2012. 14 июня.
80. Трухан Е. «Обыск брачный № 17» как разрешение «грозного чувства» // КР. 2012. 14 февр.
81. Трухан Е. «Она явилась в самую грустную пору моей судьбы» // КР. 1996. 7 сент.
82. Трухан Е. Портрет в интерьере // КР. 1995. 21 дек.
83. Трухан Е. Юбилейные дарения в музее Достоевского // КР. 2011. 26 мая.
84. Трухина А. Наша гордость – дом Ф.М. Достоевского // КР. 1987. 8 дек.
85. Тюрина Т. 22 дня. И столетия // КР. 2003. 17 июня.
86. Тюрина Т. В музей вхожу – и сердце радуется // КР. 2005. 28 мая.
87. Тюрина Т. «Не представляю, как без этой работы жить» // КР. 2011. 31 мая.
88. Тюрина Т. Нескончаемый источник вдохновения // КР. 1996. 28 нояб.
89. Фёдору Михайловичу низкий поклон // КР. 1996. 2 июля.
90. Фукс Е. В семейном кругу Достоевского // КР. 2007. 10 февр.
91. Фукс Е. Великое Пятикнижие // КР. 2006. 14 февр.
92. Фукс Е. Жена писателя // КР. 2005. 30 апр.
93. Цибизова Е. «Не только карты, попойки и сплетни…» // КР. 1996. 16 нояб.
94. Что вы знаете о великом писателе? // КР. 2001. 20 окт.
95. Шадрина А. Дом-музей Достоевского // КР. 1992. 6 июня.
96. Шадрина А. Из кузнецкого окружения Достоевского // КР. 1990. 7 июня.

97. Шадрина А. Из кузнецкого окружения Ф.М. Достоевского (супруги Катанаевы) // КР. 1993. 6 февр.
98. Шадрина А. Письма из прошлого // КР. 1993. 20 февр.
99. Шадрина А. Судьба музея // КР. 1989. 23 марта.
100. Шамова М. Будет ли на нашей улице праздник? // КР. 2008. 29 марта.
101. Шамова М. Достойное место в культурном сообществе // КР. 2010. 4 марта.
102. Шамова М. «Ребёнок, что цветок…» // КР. 2009. 21 мая.
103. Шипилова Т. Из тысячи тонн словесной руды // КР. 1996. 24 окт.
104. Шипилова Т. Под знаком памяти // КР. 1990. 12 янв.
105. Шипилова Т. Проект утверждён // КР. 1991. 28 февр.
106. Шпрингер А. День в истории города // КР. 2011. 10 нояб.
107. Эмих Т. Самые что ни на есть коренные // КР. 2006. 8 апр.

Список текстов, посвящённых теме «Судьба шорского народа»

1. Бабиков С. Эхо ГУЛАГа // КР. 2011. 29 окт.
2. Басаргина Т. Пайрам – передышка между буднями // КР. 2010. 3 июля.
3. Бестужевы Т. и П. В Горную Шорию на выходные // КР. 2006. 24 июня.
4. Борисов С. Алтайская духовная миссия и Кузнецкий край // КР. 1994. 30 июля.
5. Борисов С. Кузнецкие инородцы в середине XIX – начале XX вв. // КР. 1994. 9 июля.
6. Вайсберг Б. Маленькое открытие // КР. 1991. 22 мая.
7. Валиулин В. А крест, по совести, надо бы убрать // КР. 2003. 11 сент.
8. Валиулин В. «Алтын керим» – моя золотая земля // КР. 2010. 2 марта.
9. Валиулин В. День шорской культуры // КР. 2010. 18 нояб.
10. Валиулин В. «Небесные гости» в Кузбассе // КР. 2010. 7 окт.
11. Валиулин В. Новый статус Поднебесных Зубьев // КР. 2002. 9 нояб.
12. Валиулин В. Ребятам о зверятах Горной Шории // КР. 2010. 7 авг.
13. Валиулин В. Стражники природы и культуры // КР. 1999. 11 дек.
14. Валиулин В. Тебе, моя Шория, поёт твоя дочь-шориянка // КР. 1998. 7 июля.
15. Валиулин В. Фольклор Горной Шории // КР. 2010. 4 дек.
16. Валиулин В. «Язык мой, в тебе сохранились века» // КР. 2011. 26 февр.
17. Васильева М. Чёрный коршун в синем небе, или Увидеть невиданное // КР. 2005. 3 сент.
18. Владимиров В. Учёные педакадемии – городу и стране // КР. 2009. 19 нояб.
19. Военные любят хариуса, а хариус военных… // КР. 1991. 13 мая.
20. Волкова О. «Имею честь предупредить… о тайфуне» // КР. 2008. 27 марта.
21. Впервые – на шорском // КР. 1992. 26 дек.
22. Герман М. Пора в отпуск. А куда? // КР. 2005. 23 июня.
23. Гимн Шории («Служба новостей») // КР. 2008. 21 июня.
24. Головкова Т. Вернуть самостоятельность // КР. 1990. 3 апр.
25. Головкова Т. Возродить культуру народа // КР. 1989. 8 нояб.
26. Головкова Т. Судьба народа и фольклорные традиции // КР. 1990. 4 авг.
27. «Горная Шория: вчера, сегодня, завтра» // КР. 1995. 14 янв.
28. Горная Шория – кладовая сырья для металлургических гигантов // КР. 1997. 23 янв.
29. Гревнёв М. Храм Веры и Александра // КР. 2006. 27 июня.
30. Гуляев И. По следам первооткрывателей // КР. 2003. 11 сент.
31. Дашевская Г. Шория – край богатый, златоносный // КР. 1992. 29 дек.
32. Денисов А. Ключ к прогнозу – тайна двух океанов // КР. 2007. 28 июля.
33. Денисов А. Неестественная монополия // КР. 2010. 30 окт.
34. Дуфник С. Чакши Шория – алтын чер // КР. 2009. 7 февр.
35. Золото – у Горной Шории («Служба новостей») // КР. 2002. 12 сент.
36. И том шорского фольклора // КР. 1991. 14 марта.
37. Иванова С. Под небом Шории // КР. 2008. 24 апр.
38. Изыгашев В. С экспедицией в Горную Шорию // КР. 2005. 1 сент.
39. Казанцева М. «Горная Шория – 2009»: новые возможности // КР. 2009. 28 июля.

40. Казьмина Е. Жестокости – нет! // КР. 2010. 10 апр.
41. Казьмина Е. Подарок из родного края // КР. 2008. 14 февр.
42. Кайгородцева Л. Пейзажи Горной Шории // КР. 1982. 9 сент.
43. Каменева Н. «…А мы останемся» // КР. 2006. 12 сент.
44. Каменева Н. Белое солнце Шории // КР. 2006. 10 авг.
45. Каменева Н. Живой голос народа // КР. 2007. 20 дек.
46. Каменева Н. «Когда готов ученик – приходит учитель» // КР. 2006. 18 февр.
47. Каменева Н. Новый год по-шорски // КР. 2006. 13 апр.
48. Кафедра шорского языка // КР. 1990. 20 июня.
49. «Кен-Кыз – 93» // КР. 1993. 6 апр.
50. Ким И. Таёжная сказка [Реклама фирмы «Шория-Тур»] // КР. 2001. 28 апр.
51. Кириллов А. Есть шанс заняться делом // КР. 2010. 20 апр.
52. Кириллов А. По следам учёного и проповедника // КР. 2007. 10 июля.
53. Кобзарь Б. Сказки доброго кайчи // КР. 1985. 17 окт.
54. Ковякина Л. Лесная гостья // КР. 2006. 21 окт.
55. Козлова О. Вкус хлеба и мёда // КР. 2007. 1 марта.
56. Колпакова И. Да поможет вам Тазыхан! // КР. 2001. 17 нояб.
57. Конкурс центра «Кызыл Шор» // КР. 1990. 27 марта.
58. Коровина В. Его называют белым шаманом // КР. 1994. 18 окт.
59. Косточаков Г. «Слово – это то, что движет горы и реки» // КР. 1997. 15 февр.
60. Кравков М.А. Тельбесские зарисовки // КР. 2007. 17 февр.
61. Кураев А. Если «железный век» на исходе… // КР. 2010. 4 мая.
62. Лавренова И. «Иногда жених воровал приглянувшуюся ему девушку…» // КР. 1997. 18 янв.
63. Лавренова И. Кому ближе проблемы шорцев: ООН или местной власти? // КР. 1996. 24 дек.
64. Лавренова И. О дочке хана и жёлтом мальчике. Откуда пошли названия рек // КР (приложение «Окраина»). 1996. 29 июня.
65. Лавренова И. Таёжные жители // КР (приложение «Окраина»). 1996. 27 июля.
66. Ларин В. Ода родному краю // КР. 2005. 24 февр.
67. Лето пионерское // КР. 1987. 18 авг.
68. Лизогуб П. Они были первыми // КР. 2007. 25 окт.
69. Лиханова А. Все флаги в гости будут к нам? // КР. 2006. 30 мая.
70. Ляпин А. Несколько дней в Горной Шории // КР. 1985. 25 июля.
71. Макарова Е. В родном стане // КР. 2004. 10 авг.
72. Мальковец Н. Издано в Ленинграде // КР. 1986. 19 дек.
73. Межеков Г. «Шория-тур» // КР. 1991. 2 апр.
74. Михайлов С. Канны для нас – не пример // КР. 2007. 6 окт.
75. Михайлов С. «Под небом Шории. Природа» // КР. 2009. 24 янв.
76. Михайлов С. Хранитель огня // КР. 2012. 4 февр.
77. Михайлова Т. Возвращаясь к истокам // КР. 2000. 26 сент.
78. Михайлова Т. Горная Шория ждёт своих Никитиных // КР. 1993. 16 июня.
79. Михайлова Т. Горная Шория находит друзей // КР. 1993. 28 дек.
80. Михайлова Т. Для возрождения традиционных промыслов // КР. 1990. 5 апр.
81. Михайлова Т. Звучит шорская речь // КР. 1989. 12 сент.
82. Михайлова Т. Земля предков // КР. 1993. 29 апр.
83. Михайлова Т. Каждый пишет, как он дышит… // КР. 1993. 11 февр.
84. Михайлова Т. Коренной – значит, имеющий корни // КР. 1992. 29 дек.
85. Михайлова Т. Негромкая песня // КР. 2005. 24 дек.
86. Михайлова Т. Николай Бельчегешев: «Родина даётся однажды и на всю жизнь» // КР. 1992. 26 марта.
87. Михайлова Т. Новый год – это надежда // КР. 1992. 9 янв.
88. Михайлова Т. О земле Кузнецкой // КР. 1989. 2 февр.
89. Михайлова Т. Общество Горной Шории // КР. 1990. 19 янв.
90. Михайлова Т. Один путь, одно будущее // КР. 1992. 30 апр.
91. Михайлова Т. Певец земли родной // КР. 2000. 25 апр.

92. Михайлова Т. Первый съезд шорского народа // КР. 1990. 22 марта.
93. Михайлова Т. Помни своё имя // КР. 1994. 22 нояб.
94. Михайлова Т. Решение не принято // КР. 1990. 3 окт.
95. Михайлова Т. Собиратель нетленных сокровищ // КР. 1991. 2 февр.
96. Михайлова Т. Союз коренных народов // КР. 1991. 13 апр.
97. Михайлова Т. Феномен народа // КР. 1990. 2 февр.
98. Михайлова Т. Фотоальбом о Горной Шории // КР. 1990. 5 июля.
99. Михайлова Т. Эпос и символика Л. Арбачаковой // КР. 2001. 8 марта.
100. Мошкин В. Штурм земных глубин // КР. 1982. 13 нояб.
101. Народ тает как снег // КР. 1997. 3 апр.
102. Немиров В. Вызывает интерес наш строительный процесс // КР. 2000. 22 авг.
103. Немиров В. «Малая сказка» Михаила Шевалье // КР. 2003. 11 окт.
104. Немиров В. С вечностью наедине // КР. 2006. 25 нояб.
105. Немиров В. Штрихи к портрету // КР. 2005. 15 нояб.
106. Немиров В. Это новое совсем «Хорошее кино» // КР. 2005. 28 апр.
107. Немов А. Путь миссионера // КР. 2008. 13 нояб.
108. Николаев Д. А у нас, как в Греции, всё есть. Даже… алмазы // КР. 2010. 11 мая.
109. Ночка А. Не останавливаться на достигнутом // КР. 2011. 24 сент.
110. Ночка А. Чудеса, да и только // КР. 2012. 13 марта.
111. О Шории на шорском («Служба новостей» // КР. 2007. 27 февр.
112. Огурцов А. От Таштагола до Мундыбаша // КР. 1988. 30 сент.
113. Огурцов А. «Стоязыкая» земля // КР. 1988. 12 марта.
114. Одним абзацем («Служба новостей») // КР. 2008. 30 апр.
115. Панова О. В Шорию за песнями // КР. 2010. 18 марта.
116. Петров И. «Это обогатило нас новыми идеями» // КР. 2010. 24 авг.
117. Петрова Т. Государство – не бездонная бочка // КР. 2009. 16 апр.
118. Петрова Т. Душа народа // КР. 2007. 17 марта.
119. Петрова Т. От «Весёлых бурундучков» до «Икэнипке – 2009» // КР. 2009. 25 июня.
120. Петрова Т. Снова победили // КР. 2008. 11 дек.
121. Петрова Т. У шорцев есть не только свой язык, но и культура и многое другое // КР. 2005. 12 марта.
122. Петрова Т. Уроки доброты // КР. 2004. 9 сент.
123. Печенина Н. Запечатлённое слово // КР. 2008. 8 мая.
124. Печенина Н. «Играем в охотников» // КР. 2009. 19 февр.
125. Платонов А. и др. От «моно» к «money». Почему нет? // КР. 2010. 16 марта.
126. Подхомутникова Н. Семь дней в Горной Шории // КР. 1984. 6 сент.
127. Проблемы Шории – в комплексе // КР. 1995. 15 июня.
128. Савельева О. Новогодняя афиша // КР. 2010. 21 дек.
129. Савельева О. Нужен ли универсальный язык? // КР. 2009. 19 февр.
130. Савицкая Л. К национальным истокам // КР. 1991. 5 июля.
131. Семёнов Г. Откуда у парня саянская грусть? // КР. 2012. 25 апр.
132. Скрипникова А. Детский праздник // КР. 2008. 26 апр.
133. Скрипникова А. Хоомей в Тыве // КР. 2008. 21 авг.
134. Слово к читателям! // КР. 1989. 29 авг.
135. Сницкая А. Лето всё-таки // КР. 2010. 15 июля.
136. Сницкая А. Пельмешки и орешки // КР. 2012. 27 марта.
137. Стахович М. Живая вода // КР. 2009. 25 июня.
138. Стахович М. Что это мы такие бледные? Мало мёда ели // КР. 2007. 20 янв.
139. Субботина С. Четыреста миллионов из Горной Шории // КР. 2001. 23 янв.
140. Сухарина А., Куропаткин Ю., Боровик Ю. Хлебный камень Горной Шории // КР. 1983. 2 апр.
141. Талалайкин М. С концертами по Горной Шории // КР. 1987. 30 июля.
142. Твёрдым шагом к мировой культуре // КР. 1993. 31 авг.
143. Тенешева О. По Мрассу к Мустагу // КР. 2006. 24 окт.

144. Тенешева О. Туган черим – родная земля // КР. 2008. 2 окт.
145. Терехов Ю. Таёжный феномен // КР. 1998. 14 марта.
146. Терехов Ю. Таёжный феномен. Новая встреча // КР. 1998. 18 июля.
147. Тивяков С. Кроссворд «Топонимический» // КР. 1986. 28 февр.
148. Тихомирова Т. Циклы большие и маленькие // КР. 2009. 11 авг.
149. Тихомирова Т. Чудеса мастихина // КР. 2006. 11 февр.
150. Толтаев Н.С. Потому, что я сын Шории [Политическая реклама] // КР. 1990. 3 февр.
151. Трухин А. Царевна-лягушка XXI века // КР. 2012. 12 янв.
152. Тулик Е. Чему можно научиться у первобытных? // КР. 2001. 8 мая.
153. Тудегешева Т. Крест на священной шорской горе // КР. 2003. 9 авг.
154. Тугедешева Т. Сын Шории // КР. 1998. 8 окт.
155. Тюрина Т. Был жаркий день… // КР. 2011. 6 авг.
156. Тюрина Т. И художники по плану живут // КР. 2010. 2 окт.
157. Тюрина Т. Излучающая тепло // КР. 2009. 7 нояб.
158. Тюрина Т. Искусство в городе // КР. 2011. 30 июня.
159. Тюрина Т. Пленённые пленэром // КР. 2006. 26 авг.
160. Тюрина Т. Синий цвет Таштагола // КР. 1998. 2 апр.
161. Урюмов В. Моя альма-матер // КР. 2010. 25 марта.
162. Фёдоров И. Яркое солнце над Туманной // КР. 2005. 12 марта.
163. Форум шорского народа // КР. 1995. 2 марта.
164. Хворостинина Я. Они могут шагать по воде! // КР. 2008. 28 авг.
165. Цыпленков С. «Металлэнергофинанс»: на острие событий // КР. 2005. 26 февр.
166. Черняк Е. Ощущая живое // КР. 2005. 11 июня.
167. Черняк Е. Состязание юных искусствоведов // КР. 2005. 4 июня.
168. Чиспияков Э.Ф. Откуда пришли шорцы // КР. 1985. 28 февр.
169. Чиспиякова Ф.Г. На кафедре – первый доктор наук // КР. 1999. 17 дек.
170. Чудояков А.И. Анчи Абышка // КР. 1993. 9 сент.
171. Чудояков А.И. О шорском фольклоре // КР. 1992. 26 марта.
172. Чудояков А.И. От одухотворения природы – к художественному образу // КР. 1993. 18 авг.
173. Чудояков А.И. Сквозь призму времени // КР. 1993. 9 дек.
174. Шарчаков В. Приглашает общество «Шория» // КР. 1990. 21 февр.
175. Шатилова Т. Певец Горной Шории // КР. 1995. 23 дек.
176. Шерегеш: что нам готовит сезон грядущий? (http://vashgorod.ru) // КР. 2012. 8 окт.
177. Шипилова Т. «Воду из его рек хочется черпать горстями» // КР. 1999. 18 нояб.
178. Шипилова Т. «Земля в долгу не останется» // КР. 2000. 14 нояб.
179. Штиль С. Наперегонки с ветром // КР. 2007. 13 нояб.
180. Штиль С. Полпред посетил Горную Шорию // КР. 2011. 18 янв.
181. Шорская деревня у скалы Писаной // КР. 1995. 15 авг.
182. Шорский фольклор на компьютере // КР. 2000. 21 сент.
183. Щеголев Б. Несколько дней на Казыре // КР. 1991. 22 июня.
184. Эмих Т. Поцелуй лопаты и другие прелести археологии // КР. 2010. 19 авг.

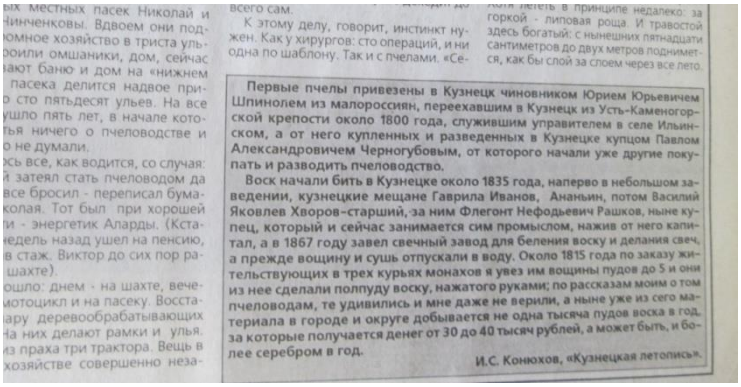
Приложение Б

Фотографии фрагментов креолизованных текстов

Рис. 1. Изображение из газеты (Л. Кулето, 19.01.2012)

Рис. 2. Изображение из газеты (Е. Кириллова, 15.07.2010)

Рис. 3. Изображение из рубрики «Прогулки по городу» (В. Немиров, 03.10.2009)



Первые пчелы привезены в Кузнецк чиновником Юрием Юрьевичем Шпинолем из малороссиян, переехавшим в Кузнецк из Усть-Каменогорской крепости около 1800 года, служившим управителем в селе Ильинском, а от него купленных и разведенных в Кузнецке купцом Павлом Александровичем Черногубовым, от которого начали уже другие покупать и разводить пчеловодство.

Воск начали бить в Кузнецке около 1835 года, наперво в небольшом заведении, кузнецкие мещане Гаврила Иванов, Ананьин, потом Василий Яковлев Хворов-старший, за ним Флегонт Нефодьевич Рашков, ныне купец, который и сейчас занимается сим промыслом, нажив от него капитал, а в 1867 году завел свечный завод для беления воску и делания свеч, а прежде вощину и сушь отпускали в воду. Около 1815 года по заказу жительствующих в трех курьях монахов я увез им вощины пудов до 5 и они из нее сделали полпуду воску, нажатого руками; по рассказам моим о том пчеловодам, те удивились и мне даже не верили, а ныне уже из сего материала в городе и округе добывается не одна тысяча пудов воска в год, за которые получается денег от 30 до 40 тысяч рублей, а может быть, и более серебром в год.

И.С. Конюхов, «Кузнецкая летопись».

Рис. 4. Фрагмент городского репортажа (В. Немиров, 06.05.2000)

Рис. 5. Изображение и подпись к нему (Е. Трухан, 21.12.1995)

Рис. 6. Изображения, сопровождающие статью В. Валиулина (12.03.1992)

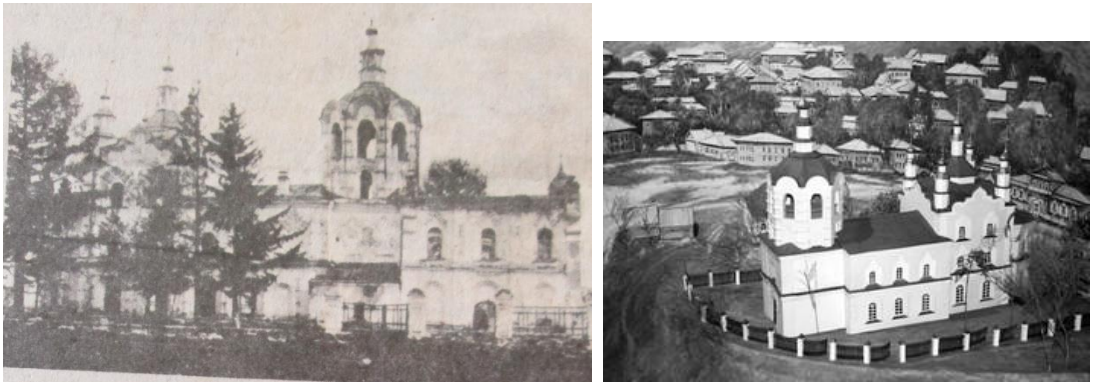


Рис. 7. Фотография Одигитриевской церкви 20-х гг. (А. Шадрина, 07.06.1990) и макет (А. Ночка, 04.02.2012)

Рис. 8. Изображение из заметки Е.Д. Трухан (09.11.1995)

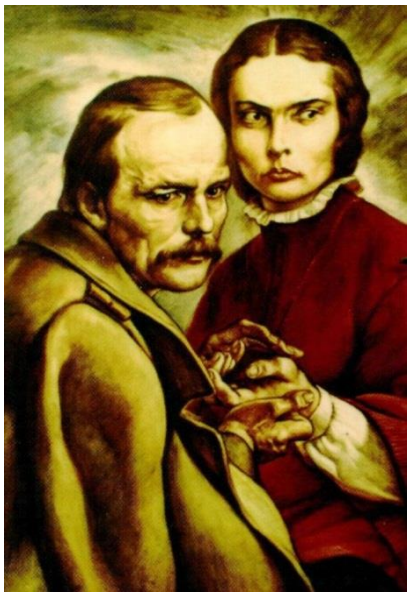


Рис. 9. Захаров Г.П. «Кузнецкий венец» (1982)

Рис. 10. Хранящаяся в краеведческом музее фотография Евгения Исаковича Тюменцева, венчавшего Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой и состоявшего в переписке с великим писателем (А. Шадрина, 07.06.1990)

Рис. 11. Изображения к материалам о выставке памяти А.Ф. Фомченко (Е. Трухан, 02.02.2012; на переднем плане – новокузнецкие поэты Л.А. Никонова и Э.Д. Гольцман) и цикле публичных лекций поэта Руслана Сидорова «Пятикнижие Достоевского» (Г. Соколухин, 26.01.2012)

Рис. 12. На фото – Анна Уртегешева, студентка Новокузнецкого пединститута, член общества «Шория» (Т. Михайлова, 22.06.2000) и Любовь Никитовна Арбачакова, художник, поэт, филолог (В. Валиулин, 04.12.2010)

Приложение В

Материалы эксперимента

Анкета

*Пожалуйста, **впишите** свой ответ, если варианты ответов не предлагаются, и **выберите** подходящий ответ из предложенных вариантов, **отметив** его любым способом (галочка, подчёркивание, выделение маркером).*

№ ?	Запрос информации	Ответ
1.	Ваш возраст	
2.	Ваш пол	
3.	Место рождения / место проживания	
4.	Ваши ассоциации со словом «***Новокузнецк***»	
5.	Какой **поэт** посвятил стихотворение Новокузнецку?	o С.А. Есенин o В.В. Маяковский o А.Т. Твардовский
6.	Если помните, напишите **название** этого стихотворения (*точно или приблизительно*)	
7.	Какой **образ** из этого стихотворения стал «брендом» Новокузнецка *(если знаете или предполагаете)*?	
8.	Какую **роль** в жизни горожан должны играть городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические) сайты? *(можно выбрать несколько ответов)*	o никакой роли: городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические) сайты не нужны o должны давать полезную информацию о жизни города и края o должны давать полезную информацию о жизни страны o должны давать полезную информацию о событиях в мире o должны знакомить с мыслями умных, интересных людей o должны включать горожан в обсуждение важных вопросов o должны помочь понять, что такое хорошо и что такое плохо o должны рассказывать об истории города и края o должны воспитывать уважение к тому месту, где ты родился и живёшь o должны развлекать o должны развивать вкус o [*запишите свой вариант, если нет подходящего*]
9.	**Назовите** известные вам городские газеты	
10.	Какие из них **Вы читали** сами? Как оцениваете содержательность газеты, манеру подачи материала (*если читали*)?	
11.	Есть ли городские газеты, которые **читают члены Вашей семьи**? Почему они читают их / её (*если читают*)?	
12.	Есть ли городские газеты, которые **читают Ваши знакомые**? Почему они читают их / её (*если читают*)?	

Можно оставить комментарии на другой стороне листа. ***Спасибо за помощь в проведении исследования о городской газете***

Анкетирование проводилось среди студентов историко-филологического факультета НФИ КемГУ (37 человек, возраст – 17–20 лет; среди анкетируемых было 5 студентов-заочников, которые старше 20 лет) и Новокузнецкого индустриального колледжа (57 человек, возраст – 16–18 лет, одна девушка старше 20 лет), а также обучающихся 9-го класса средней общеобразовательной школы № 112 г. Новокузнецка (43 человека, возраст – 15–16 лет). Не вызывает сомнения положительное отношение к газете старшего поколения, сформированное ещё в соответствии с менталитетом XX в., поэтому была поставлена такая цель эксперимента, как исследование отношения к городским газетам (и другим масс-медиа) именно современной молодёжи, живущей в эпоху Интернета. Информантам был задан вопрос: *«Какую роль в жизни горожан должны играть городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические) сайты?»*. Участники анкетирования могли выбрать несколько вариантов и предложить свой вариант ответа. 2 информанта-школьника выбрали вариант ответа *«Городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические сайты) не нужны»*. Приведём полученные данные в табл. 1:

Таблица В.1 – Данные эксперимента о роли городских масс-медиа

Варианты ответов	**Количество информантов, в % от общего количества**						
	Общее количество	**Юноши (всего 45)**	**Девушки (всего 49)**	**Школьники**	**Студенты**	**Студенты-филологи**	**Студенты-нефилологи**
Должны давать полезную информацию о жизни города и края	79	30	49	23	55	26	30
Должны воспитывать уважение к тому месту, где ты родился и живёшь	47	15	31	13	34	16	18

Должны включать горожан в обсуждение важных вопросов	45	18	27	13	31	17	15
Должны давать полезную информацию о событиях в мире	39	21	18	12	27	7	20
Должны рассказывать об истории города и края	41	16	25	15	26	12	15
Должны давать полезную информацию о жизни страны	28	12	16	5	23	7	15
Должны знакомить с мыслями умных, интересных людей	21	7	14	6	15	6	9
Должны развлекать	14	9	6	5	9	1	7
Должны развивать вкус	13	7	7	4	9	3	7
Должны помочь понять, что такое хорошо и что такое плохо	9	4	5	2	7	3	4
Свой вариант ответа	*«Рассказывать о мероприятиях, которые будут проходить в городе»* *«Должны развивать*		+ +	 +	+	+	

	патриотические чувства» *«Должны быть кроссворды=)»*	+		+			

Эксперимент показал, что основной коммуникативный запрос информантов, связанный с городскими масс-медиа, сочетает установку на получение местной информации с представлением о краеведческой направленности городских СМИ, об их роли в патриотическом воспитании, а также с потребностью в интерактивных формах общения издания и адресата. Три первые позиции опроса связаны с гармоничным соотношением среди авторов ответов студентов-филологов, студентов-нефилологов и школьников. Однако во всех трёх позициях преобладают ответы, данные информантами женского пола, которые в целом выбрали большее количество предложенных вариантов ответов. Дисбаланс в ответах студентов-филологов, студентов-нефилологов и школьников проявляется в связи с менее частотными суждениями о коммуникативной роли городских масс-медиа, особенно при выборе формулировок *«Должны давать полезную информацию о событиях в мире»*, *«Должны давать полезную информацию о событиях в стране»*, *«Должны развивать вкус»*, *«Должны развлекать»*. В ответах студентов-филологов и школьников в этих случаях в большей степени выделено ядро коммуникативных задача городских масс-медиа. Наименее частотный коммуникативный запрос информантов – функция ценностной ориентации: участники опроса предпочитают формированию оценочной позиции информирование и включение в обсуждение, что позволяет сделать вывод о неприятии адресатом навязывания оценок. Данные анкетирования о степени известности среди горожан газеты «Кузнецкий рабочий» представлены в табл. 2.

Таблица В.2 – Данные эксперимента о степени известности среди горожан газеты «Кузнецкий рабочий»

Содержание ответов	**Количество информантов, в % от общего количества**								
	Общее количество	**Юноши (всего 45)**	**Девушки (всего 49)**	**Школьники**	**Студенты**	**Студенты-филологи**	**Студенты-нефилологи**	**Коренные новокузнечане**	**Некоренные новокузнечане**
Городская газета КР названа среди известных	44	13	31	15	28	21	7	21	7
Названы другие городские и региональные издания	20	7	14	4	17	10	7	13	4
Городскую газету КР читает сам информант	15	3	12	2	13	9	4	10	3
Городскую газету КР читают члены семьи информанта и его знакомые	9	2	7	2	7	4	2	7	0

Как видим, нельзя сказать, что чтение городских газет является постоянным и любимым занятием молодых новокузнечан. Однако всё же «Кузнецкий рабочий» выделяется среди других читаемых газет. Отметим, что больше положительных ответов (*«знаю»*, *«читаю»*, *«читают»*) у студентов-филологов (и, соответственно, у девушек) и коренных новокузнечан. Остановимся на некоторых ответах, интересных с точки зрения изучения коммуникативной роли городской газеты. Наряду с общей одобрительной оценкой газеты «Кузнецкий рабочий» (*хорошая* – 4 ответа, *отличная* – 1 ответ) в некоторых ответах (у 9 студентов-филологов, 2 студентов-нефилологов и 3 школьников) характеристика конкретизирована: *«Написано об успехах города, о театральных постановках, [изложены] политические и экономические новости, [содержится реклама кино и концертов»; «самая информационно богатая газета»; «Описаны важные*

события из жизни города, есть телепрограмма, прогноз погоды»; «Манера подачи бывает скучновата, суха, хотя [газета] и затрагивает важные проблемы города»; «Знакомит с информацией о событиях, происходящих в городе»; «Интересно»; «Подача материала хорошая, даются разные советы и информация»; «Содержательные статьи, рассказывают о важных событиях как в городе, так и в области»; «Всё доступно изложено, много интересной информации»; «Узнать, что творится в городе»; «Мой дедушка любит читать газету "Кузнецкий рабочий", он узнаёт таким образом новости и события нашего города»; «Новости, программа». Есть и другая мотивация чтения: *«[Члены семьи читают], потому что папе дают их бесплатно на работе»; «Бабушка читает, т. к. не пользуется Интернетом».* 11 информантов (студенты-нефилологи) и 5 информантов-школьников не осведомлены о чтении городских газет родными и знакомыми (ответы *«Не знаю»*, *«Не помню»*, *«Не задавался этим вопросом»*); 13 студентов-нефилологов отвечают, что родные и знакомые читают городские газеты, но не называют их (например, *«Бабушка читает, но не знаю названия»*, *«Бабушка читает, какие не знаю»*, «*Бабушка, дедушка [читают] только которые кладут в ящик»*). В 4 ответах юношей (2 студента нефилолога и 2 школьника) объясняется отрицательное отношение к чтению газет: *«Потому что не актуально», «Потому что изобретён Интернет»; «Не читал. Пользуюсь своими источниками»; «Читают, потому что они [газеты], по их мнению, несут полезную информацию. Есть такие люди, но их очень мало».* В одном ответе девятиклассника экспрессивно констатировано: *«Никто не читает ваших газет».*

Экспериментальное исследование позволило решить следующие задачи, связанные с исследованием идеологемы *город-сад*: 1) определить, знают ли горожане, какой поэт посвятил Новокузнецку своё стихотворение (была предложена формулировка задания закрытого типа: информанты выбирали имя поэта из трёх предложенных), и знакомо ли им название стихотворения;

2) выявить, ассоциируется ли образ города-сада с «брендом» Новокузнецка (результаты эксперимента представлены в табл. 3).

Таблица В.3 – Данные эксперимента о степени знакомства со стихотворением В.В. Маяковского

Содержание ответов	**Количество информантов, в % от общего количества**								
	Общее количество	**Юноши (всего 45)**	**Девушки (всего 49)**	**Школьники**	**Студенты**	**Студенты-филологи**	**Студенты-нефилологи**	**Коренные новокузнечане**	**Некоренные новокузнечане**
В.В. Маяковский посвятил Новокузнецку стихотворение	82	34	48	31	52	29	21	36	15
Неточное название стихотворения или отдельные слова, выражения, строчки из него	34	9	18	17	18	15	2	11	7
Образ города-сада из стихотворения Маяковского стал «брендом» Новокузнецка	12	4	8	9	4	4	0	3	1

Результаты анкетирования новокузнецких студентов и школьников показали, что в коллективном сознании молодых горожан существует достаточно сильная связь Новокузнецка с именем В.В. Маяковского. Думается, что формирование этой связи предопределено не столько начитанностью юношей и девушек (уровень которой оставляет желать лучшего), сколько актуализацией в медиапространстве и в эстетике городского пространства (памятник Маяковскому, площадь Маяковского, Дворец культуры им. Маяковского). Не вспомнив точное название стихотворения В. Маяковского (максимальное приближение показали ответы студентов-филологов: *«Рассказ Хренова о рабочих Кузнецка»* [с метаязыковым комментарием: *перефразирую*], *«Рассказ товарища Хренова…», «… о людях Кузнецка», «Рассказ о Кузнецкстрое»*) и школьников (*«О людях Кузнецка»*), информанты всё же приводили строчки,

эксплицирующие образ города-сада. 12 % информантов назвали стихотворение *«Город-сад»*. То есть образ города-сада связывается со стихотворением В. Маяковского, посвящённым городу Новокузнецку, но, судя по результатам эксперимента, для молодых новокузнечан «брендом» города уже не является. Отличаются ответы школьников: именно девятиклассники представили самое большое количество ответов об образе города-сада как «бренде» Новокузнецка. Актуализация связи города со стихотворением В.В. Маяковского сильнее проявляется в ответах коренных новокузнечан.

Роль металлургической темы среди краеведческих доминант городской газеты гармонирует с высокой частотностью «металлургических» реакций в ассоциативном поле стимула Новокузнецк. Цель ассоциативного эксперимента, проведённого среди студентов и школьников города, – определить качественно-количественную специфику «металлургического» направления ассоциирования. Установка на свободный ассоциативный эксперимент (*Ваши ассоциации со словом «Новокузнецк»*) открывала ряд вопросов анкеты. Представим полученные данные с помощью таблиц.

Таблица В.4 – Количество «металлургических» реакций в ассоциативном поле слова-стимула «Новокузнецк»

Содержание ответов	**Количество информантов, в % от общего количества**								
	Общее количество	**Юноши (всего 45)**	**Девушки (всего 49)**	**Школьники**	**Студенты**	**Студенты-филологи**	**Студенты-нефилологи**	**Коренные новокузнечане**	**Некоренные новокузнечане**
Количество «металлургических» реакций	41	20	22	18	23	14	9	15	9

Роль металлургической темы в восприятии образа Новокузнецка подтверждена данными ассоциативного эксперимента (табл. 5).

Таблица В.5 – Характер «металлургических» реакций в ассоциативном поле слова-стимула «Новокузнецк»

№ п/п	Реакция	Количество информантов, в %
1.	Заводы, КМК, ЗСМК, рабочий город	21
2.	Город металлургов, металлургический город, металлургия, металлургический центр, город металла, город стали и металла, тяжёлая промышленность, металлургическая промышленность, железо, металл.	13
3.	Газ, плохой воздух, выбросы, химикаты, смог, вторая Припять, много ужасных веществ	4
4.	Кузница, кузнец, новое кузнечное дело	4
5.	Кузница Победы, танки	1

«Металлургическое» направление ассоциирования является основным и прослеживается у 41 % информантов. С ним связано и употребление неофициального астионима *Кузня* (в ответах студентов-нефилологов и школьников), хотя данная реакция в подсчётах не учитывалась, как и однократно встречающийся астионим *Сталинск*. В коллективном языковом сознании Новокузнецк предстаёт как металлургический город, центр металлургической промышленности, в котором много заводов (используется эмоциональный повтор *«заводы, заводы»*; из названий предприятий чаще упоминается КМК), плохая экология. Частотными реакциями являются *грязь, грязный, грязно* (11 %), которые могут быть связаны как с экологическими проблемами, так и с неухоженностью города. Отметим неоднократную этимологизацию названия города в реакциях (*кузница, кузнец, кузнечное дело*; в одном из ответов использован рисунок – молот и наковальня). Единичные реакции отражают трудовой героизм города в годы Великой Отечественной войны.

Приложение Г

Данные о частотности слов

Таблица Г.1 – Употребление ключевых слов текущего момента в текстах городской газеты «Кузнецкий рабочий» 1985–1991 гг., отражающих ценностные категории *Правда / Истина*

Этап перестройки (по В.В. Согрину)	**Ключевое слово (выражение) текущего момента**	**Данные «Словаря перестройки»** [Максимов 1992]	**Данные Словаря частотности об употреблении слов в газетной публицистике** [Ляшевская, Шаров 2009: URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 15.04.2014)].		
			1950–1960-е гг.	**1970–1980-е гг.**	**1990–2000-е гг.**
апрель 1985 – январь 1987	*гласность*	«Открытость в деятельности государственных, общественных и др. организаций, а также отдельных лиц, облечённых властью; возможность выражать своё мнение относительно деятельности этих организаций и лиц, освещать её в средствах массовой информации»; помета – «новое» [Максимов 1992, с. 44].	**4,5**	**11,7**	**14,9**
	перестройка	«Декларированный ЦК КПСС поддержанный народом процесс коренного изменения норм и принципов руководства, экономики, общественного сознания <…>»; помета – «новое» [Максимов 1992, с. 157].	**10,4**	**74,5**	**52,1**
февраль 1987 – 1988	*гласность*	См. выше.			
	перестройка	См. выше			
	ошибки	[Слово в «Словаре перестройки» не представлено. Употребляется в текстах в следующем значении: «неправильные стратегические и тактические решения партии (КПСС), неправильные практические меры, нуждающиеся в осмыслении, в исправлении последствий»]	**120,1** (*ошибка*)	**130,6**	**119,8**

	человеческий фактор	«Совокупность идейно-нравственных, социальных, психологических качеств человека, которые, реализуясь в его трудовой и общественной деятельности, решающим образом влияют на прогресс во всех сферах жизни общества»; помета – «переориентированное» [Максимов 1992, с. 239].			
	экология	«Защита окружающей среды, природоохранная деятельность человека»; помета – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 247]; «о комплексе мер по охране, сохранению, защите кого-, чего-л.»; пометы – «новое, переносное» [Максимов 1992, с. 248].	**0,0** *(экология)* **3,0** *(экологический)*	**3,3** *(экология)* **14,3** *(экологический)*	**17,3** *(экология)* **46,8** *(экологический)*
1989–1990	*гласность*	См. выше.			
	перестройка	См. выше.			
	«белые пятна»	«О каких-либо фактах (обычно исторических), которые в официальной науке преднамеренно замалчиваются, искажаются или не являются предметом исследования» [Максимов 1992, с. 23].			
	возрождение	«Восстановление разрушенного, пришедшего в упадок, забытого»; помета – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 36]; *возрождать – возродить* – «восстанавливать – восстановить что-либо разрушенное, утраченное, забытое»; помета – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 35]; *возрождаться – возродиться* – «восстанавливаться – восстановиться после разрушения, упадка, забвения, замалчивания»; помета – «актуализированное» [Там же].	**43,0**	**19,1**	**43,3**
	кризис	«Тяжёлое, затруднительное состояние чего-л., обострение положения где-л., трудный, болезненный переходный период»; «острый недостаток, нехватка чего-л.»; помета – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 106].	**20,8**	**26,8**	**93,4**

1991	*кризис*	См. выше.			
	перестройка	См. выше.			
	предприниматель	«Владелец предприятия, человек, занимающийся каким-л. видом экономической деятельности, которая приносит ему доход; бизнесмен», помета – «переориентированное», у слово *предпринимательство* – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 169].	**10,4**	**8,8**	**85,5**
	фермер	«Владелец или арендатор фермы», помета – «переориентированное» [Максимов 1992, с. 225].	**16,3**	**19,1**	**14,7**
	регион	*Регионализм* – «учёт национальных, экономических особенностей, присущих тому или иному региону страны» [Максимов 1992, с. 190].	**0,0** *(регион)*	**12,5**	**290,5**
	храм	*Дорога к храму* – «путь к обновлению, нравственному очищению»; помета – «актуализированное» [Максимов 1992, с. 69].	**47,4** *(храм)*	**53,6**	**120,2**

Таблица Г.2 – Актуализация в газетных материалах слов из «Словаря перестройки» и слов, частотность которых повышается в 1990–2000-е годы

Слово (выражение)	**Употребление слов (выражений) в рассмотренных АСК**				**Данные Словаря частотности об употреблении слов в газетной публицистике** [Ляшевская, Шаров 2009]		**Фиксация в «Словаре перестройки» В.И. Максимова** [Максимов 1992]
	«город-сад»	**«Новокузнецк металлургический»**	**«Достоевский в Кузнецке»**	**«Судьба шорского народа»**	**1970–1980-е гг.**	**1990–2000-е гг.**	
автономия				**+**	**6,2**	**17,0**	**–**

бренд	+				**0,7**	**12,7**	–
власть	+	+		+	**403,5**	**742,3**	+
«белые пятна»		+			–		+
беспредел	+			+	**0,0**	**8,5**	+
возрождение	+		+	+	**19,1**	**43,3**	+
выживать		+		+	**6,2**	**11,3**	–
деньги	+	+	+		**314,0**	**663,3**	–
имя	+	+	+	+	**425,9**	**497,5**	–
катастрофа		+			**33,4**	**57,2**	+
коммерциализация	+				–		+
коренной				+	**частотность снижается к 1990–2000-м гг.**		+
крах		+			**4,0**	**17,9**	–
кризис		+			**26,8**	**93,4**	+
культура			+	+	**233,3**	**332,0**	–
малочисленный				+	**4,8**	**5,8**	–
менеджер		+			**1,8**	**55,4**	+
мэр	+				**4,0**	**81,3**	+
наследие			+		**13,9**	**28,5**	–
национальный				+	**171,3**	**299,0**	–
передел		+			**0,0**	**19,6**	–
перспектива	+	+		+	**55,8**	**119,9**	–
регион		+			**12,5**	**290,5**	–
самосознание				+	**9,5**	**10,6**	–
сохранение	+	+	+	+	**30,8**	**60,5**	–
технология		+			**24,6**	**172,0**	–
традиции				+	**127,7**	**146,0**	–
фирма		+			**74,5**	**258,2**	–
ценность			+		**77,8**	**99,2**	–

цивилизованный	+	+	+	+	**7,0**	**36,5**	+
экологический	+	+			**14,3**	**46,8**	+
экология	+	+			**3,3**	**17,3**	+
язык				+	**329,4**	**332,2**	–

Приложение Д

Философские энциклопедические словари о понятии «ценность»

Аспекты отражения понятия «ценность»	ФЭС 1983	ФЭС 1989	ФЭС 1998
Семантическая доминанта понятия «ценность» и характер её конкретизации	Семантическая доминанта – «значимость». Термин «ценность» «указывает на человеческое, социальное и культурное значение определённых явлений действительности» [ФЭС 1983, с. 765]	Семантическая доминанта – «значимость». Термин «ценность» «указывает на человеческое, социальное и культурное значение определённых явлений действительности» [ФЭС 1989, с. 732]	Семантическая доминанта – «значимость». Акцент сделан на человеческом восприятии: «Ценность – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением (П. Менцер)» [ФЭС 1998, с. 507].
Объект ценностного отношения	В словарях 1983 г. и 1989 г. обращается внимание на разнообразие объектов ценностного отношения и рассматриваются понятия предметных и субъектных ценностей, которые «являются как бы двумя полюсами ценностного отношения человека к миру»: предметные ценности – «всё многообразие предметов человеческой деятельности, объектов отношений и включённых в их круг природных явлений»; субъектные ценности – «установки и оценки, императивы и запреты, цели и	В словарях 1983 г. и 1989 г. обращается внимание на разнообразие объектов ценностного отношения и рассматриваются понятия предметных и субъектных ценностей, которые «являются как бы двумя полюсами ценностного отношения человека к миру»: предметные ценности – «всё многообразие предметов человеческой деятельности, объектов отношений и включённых в их круг природных явлений»; субъектные ценности – «установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений», которые «закрепляются в общественном сознании и культуре» [ФЭС 1989, с. 732–733].	В словаре 1998 г. вывод о многообразии объектов ценностного отношения может сделать сам читатель, исходя из характеристики ценности по содержанию: «По содержанию различаются вещные ценности, логические, этические и эстетические ценности» [ФЭС 1998, с. 507]; также словарь даёт общую характеристику объекта ценностного отношения: «Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием

	проекты, выраженные в форме нормативных представлений», которые «закрепляются в общественном сознании и культуре» [ФЭС 1983, с. 765].		полноценного бытия объекта» [ФЭС 1998, с. 507].
Специфика оценки объекта ценностного отношения	Словари 1983 г. и 1989 г. указывают на специфику ценностного отношения, которое предполагает оценку объекта «в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.» [ФЭС 1983, с. 765].	Словари 1983 г. и 1989 г. указывают на специфику ценностного отношения, которое предполагает оценку объекта «в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.» [ФЭС 1989, с. 732].	Словарь 1998 г. акцентирует внимание на многообразии оценок, отражающих содержание ценности («приятное, полезное и пригодное; истина, добро, прекрасное»): «Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразия оценок: то, что для одного имеет большую ценность, для другого – малую или вообще никакой» [ФЭС 1998, с. 507].
Субъект ценностного отношения	В изданиях доперестроечного периода и времени перестройки отмечается, что в роли субъекта ценностного отношения могут выступать «различные общества, группы и личности» [ФЭС 1983, с. 765].	В изданиях доперестроечного периода и времени перестройки отмечается, что в роли субъекта ценностного отношения могут выступать «различные общества, группы и личности» [ФЭС 1989, с. 733].	В словаре 1998 г. конкретизации характеристики субъекта ценностного отношения нет, хотя есть указание на ценности субъективные и объективные.

Методологическое своеобразие изучения ценностей	В словаре 1983 г. подчёркивается методологическое своеобразие изучения ценностей, которое основано на «развитии рационального познания общества», освобождении сферы ценностных отношений от «метафизической абсолютизации» [ФЭС 1983, с. 765]. Как отмечено в словаре, марксизм отвергает «идеалистические представления о внеисторической и надсоциальной природе ценностей», «подчёркивает общественно-практическую сущность, историчность и познаваемость ценностей, идеалов, норм человеческой жизни» [Там же], в чём ярко проявилась материалистическая природа марксизма. В словарях 1983 и 1989 гг. представлена статья М.А. Кисселя о теории ценностей [ФЭС 1983, с. 763–764]. Исследователь характеризует несколько подходов к категории ценности: натуралистический психологизм (А. Мейнонга, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), трансцендентализм (Виндельбанд, Риккерт), персоналистический онтологизм (Шелер), культурно-исторический релятивизм (Дильтей), социологизм [Там же]. Подход исторического материализма к ценностям представлен в завершение исторического экскурса [ФЭС 1983, с.764].	В словарях 1983 и 1989 гг. представлена статья М.А. Кисселя о теории ценностей [ФЭС 1989, с. 731–732]. Исследователь характеризует несколько подходов к категории ценности: натуралистический психологизм (А. Мейнонга, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), трансцендентализм (Виндельбанд, Риккерт), персоналистический онтологизм (Шелер), культурно-исторический релятивизм (Дильтей), социологизм [Там же]. Подход исторического материализма к ценностям представлен в завершение исторического экскурса [ФЭС 1989, с. 732].	В словаре 1998 г. методологический подход к категории ценности не представлен в историко-концептуальной системе, лишь упомянуты отдельные исследователи и охарактеризовано своеобразие их аксиологических воззрений (Фон Ринтелен, Н. Гартман, Ницше), зато в отдельной словарной статье систематизированы этапы развития этики ценностей [ФЭС 1998, с. 547].

Связь категорий «ценность» и «личность»	Ценностные ориентации личности рассматриваются в отдельной словарной статье А.Г. Здравомыслова в изданиях 1983 и 1989 г. Эти словарные статьи идентичны. Ценностные ориентации определяются в них как «важнейшие элементы внутренней структуры личности, закреплённые жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для данного человека, от незначимого, несущественного» [ФЭС 1983, с. 764]. Содержание ценностных ориентаций – «политические, философские (мировоззренческие), нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения» [Там же]. Совокупность устоявшихся ценностных ориентаций «образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности» [Там же].	Ценностные ориентации личности рассматриваются в отдельной словарной статье А.Г. Здравомыслова в изданиях 1983 и 1989 г. Эти словарные статьи идентичны. Ценностные ориентации определяются в них как «важнейшие элементы внутренней структуры личности, закреплённые жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для данного человека, от незначимого, несущественного» [ФЭС 1989, с. 732]. Содержание ценностных ориентаций – «политические, философские (мировоззренческие), нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения» [Там же]. Совокупность устоявшихся ценностных ориентаций «образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности» [Там же]. В словаре 1989 г. особое внимание уделено связи категорий «ценность» и «личность». Д.А. Леонтьев обращает внимание на сложное взаимоотношение социальных и личностных ценностей, при этом социальные ценности понимаются как общие, конвенциональные, а не как ценности социального бытия личности: «Социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей. Каждой личности присуща специфическая иерархия этих ценностей, которые выступают связующим звеном между культурой общества и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием» [ФЭС 1989, с. 733].	В словаре 1998 г. отсутствует отдельная статья о ценностных ориентациях личности, хотя в статье о категории ценности именно образ человека как субъекта ценностного отношения становится центральным, что более полно проявляется во включении в словарь статьи «Этика ценностей» [ФЭС 1998, с. 547].

Регулятивная роль ценностей		В словарях доперестроечного периода и времени перестройки охарактеризована регулятивная роль системы ценностей, т.е. их набора и иерархии, свойственным какой-либо исторической общественной форме: в системе ценностей «зафиксированы те критерии социально признанного (данным обществом и социальной группой)», усвоение которых «на уровне структуры личности составляет необходимую основу формирования личности и поддержания нормативного порядка в обществе» [ФЭС 1983, с. 765].	В словарях доперестроечного периода и времени перестройки охарактеризована регулятивная роль системы ценностей, т.е. их набора и иерархии, свойственным какой-либо исторической общественной форме: в системе ценностей «зафиксированы те критерии социально признанного (данным обществом и социальной группой)», усвоение которых «на уровне структуры личности составляет необходимую основу формирования личности и поддержания нормативного порядка в обществе» [ФЭС 1983, с. 765]. В статье О.Г. Дробницкого 1989 г. формулировка частично изменена: «Усвоение этой системы отдельной личностью составляет необходимую основу социализации личности и поддержания нормативного порядка в обществе» [ФЭС 1989, с. 733].	Статья «Этика ценностей» [ФЭС 1998, с. 547] вобрала в себя и размышления о регулятивной роли ценностей.